ВЛАДИМИР ДАЙНЕС

ГЕНИЙ ВОЙНЫ РОКОССОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Военный гений, по праву командовавший Парадом Победы. Дважды Герой Советского Союза, одолевший «коричневую чуму». Несгибаемый боец, не сломавшийся даже в аду ГУЛАГа. Ветеран четырех войн, прошедший боевой путь от младшего унтер-офицера царской армии до Маршала СССР. Один из лучших полководцев за всю историю России, в отличие от многих других умевший беречь солдатские жизни, воевать «малой кровью» и побеждать НЕ любой ценой. Гениальный К.К. РОКОССОВСКИЙ.

Эта книга – больше чем биография прославленного военачальника, всегда с честью исполнявшего свой «СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ» (так озаглавлены его знаменитые мемуары). Это – подробнейший рассказ обо всех операциях Великой Отечественной, в разработке которых он принимал участие, глубокий анализ его уникального полководческого почерка и непревзойденного военного искусства.

- Владимир Дайнес
  - Командирские высоты
  - Начало войны
  - Смоленское сражение
  - Остановить «Тайфун»
  - От обороны к наступлению
  - В битве на Волге
  - На Огненной дуге
  - Сражение за Днепр
  - Сокрушение белорусского «балкона»
  - От Вислы до Балтики
  - Берлинская операция
  - Маршал двух народов
  - Приложения
    - Основные даты жизни и деятельности К. К. Рокоссовского
    - Автобиография К. К. Рокоссовского
    - Список использованной литературы и источников
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225

- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269

- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313

- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357

- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401

- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445

- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489

- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533

- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577

- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621

- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665

- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669

Владимир Дайнес
Гений войны Рокоссовский.
Солдатский долг Маршала

Командирские высоты

Это было около полувека тому назад. В бескрайней казахской степи пожилой чабан поведал своему помощнику о том, что в годы Великой Отечественной войны воевал под командованием маршала Рокоссовского. Рассказ был неспешным, как и жизнь на казахстанских просторах. Солнце медленно поднималось по небосводу, овцы спокойно паслись у подножия холма, на котором расположились собеседники.

Бывший пехотинец вспоминал своих фронтовых друзей, делился впечатлениями о встречах с командирами разного ранга. Его голос становился особенно задушевным, когда он говорил о Константине Константиновиче Рокоссовском. Свой рассказ ветеран заключил словами: «Вот это был командир!» В этих словах были и неподдельная гордость за свой фронт и своего командующего, и восхищение его талантом и человеческими качествами.

К. К. Рокоссовский родился 8(20) декабря 1896 г. Если дата рождения будущего маршала известна достоверно, то место рождения вызывает споры. Одни авторы считают, что он появился на свет в городе Великие Луки, другие называют местом его рождения Варшаву. Такое расхождение обусловлено тем, что сам Рокоссовский в апреле 1940 г. в автобиографии отмечал: «Родился в городе Варшава в 1896 году в рабочей семье».

При рождении мальчик получил имя Константы (по-польски – Konstantyn, Konstanty), хотя некоторые исследователи называют его на белорусский манер Кастусем. В этом нет ничего удивительного. Отцом мальчика был поляк Ксаверий Юзеф Рокоссовский, а матерью – учительница из белорусского города Пинска Антонина Овсянникова. Наш герой станет Константином Константиновичем позже, но мы, чтобы не путаться, будем называть его так с самого начала.

Ксаверий Юзеф работал машинистом на Риго-Орловской железной дороге. Это был высокий, сильный и справедливый человек, за внешней суровостью которого скрывалось доброе сердце. Эти качества в полной мере унаследовал и его сын. Грамотный и начитанный, Ксаверий Юзеф старался дать образование всем своим детям – сыну Косте и дочерям Марии и Хелене (Елене). Константин рано научился читать, отдавая предпочтение книгам о войне; с детских лет владел русским и польским языками. Это ему пригодилось во время учебы в городском училище. За ровный, спокойный и веселый нрав его любили товарищи по классу.

Благодаря хорошему заработку отца семья не испытывала серьезных материальных затруднений. Но после того как Ксаверий Юзеф попал в железнодорожную катастрофу и получил тяжелую травму, положение изменилось. В 1905 г. отец умер, оставив семью без средств к существованию. Вскоре умерла и сестра Мария. Мать, оставшись с двумя детьми, вынуждена была искать возможность заработать на пропитание. Ей удалось устроиться на чулочную фабрику, а Хелена стала работать в мастерской искусственных цветов. Однако здоровье матери ухудшалось, и Константину, окончившему в 1909 г. четырехклассное городское училище, пришлось оставить учебу. Он устроился на чулочную фабрику, где работала и Антонина Овсянникова. В следующем году мать умерла.

Константин поначалу жил у бабушки, затем у тети. Муж одной из его теток, Высоцкий, содержавший в Праге (район Варшавы) небольшую мастерскую по изготовлению памятников, определил Костю помощником каменотеса. К работе он относился прилежно, быстро приобрел опыт и сноровку, научился делать изящную резьбу по граниту и мрамору.

1 мая 1912 г. Рокоссовский впервые оказался в тюремной камере. Вместе с рабочими ряда предприятий Варшавы он принимал участие в демонстрации. Во время столкновения с жандармами знаменосец уронил красное знамя. Константин, оказавшийся рядом, быстро оторвал полотнище от древка и спрятал за пазуху. Но тут же был схвачен жандармом и отправлен в тюрьму Павиак. Там Рокоссовский находился два месяца, а затем был освобожден как несовершеннолетний.

В 1913 г. предприятие Высоцкого переехало в небольшой городок Гроец в 35 верстах к юго-западу от Варшавы. Здесь Рокоссовского и застала Первая мировая война. 2 августа 1914 г. в Гроец вступил 5-й Каргопольский драгунский полк, которым командовал полковник А. А. Шмидт. Полк входил в состав 5-й кавалерийской дивизии, включавшей также 5-й Александрийский гусарский, 5-й уланский Литовский и 5-й Донской казачий полки. 2 августа в приказе по 5-му Каргопольскому драгунскому полку было отмечено: *«Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокоссовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон*[1]».

Охотниками в России называли лиц, добровольно

поступающих на военную службу, если они по образовательному цензу не удовлетворяли условиям, установленным для вольноопределяющихся. При этом имелись возрастные ограничения: на военную службу принимались лица не моложе 21 года, но не старше 30 лет в мирное время и 40 лет в военное время. Рокоссовский по возрасту не подходил под это условие, а потому приписал себе два года. Будучи городским жителем, он относился к мещанскому сословию (польск. mieszczanin – горожанин). Естественно, что в своей автобиографии Рокоссовский не указывал на эту деталь, а старался подчеркнуть, что родился в рабочей семье.

Итак, бывший каменотес стал драгуном. Драгуны (от латинского draco – дракон, изображение которого было первоначально на знаменах драгун; по другим данным, от французского dragon – короткий мушкет) впервые появились в России в 1631 г. Это были воины кавалерии, обученные действовать как в конном, так и в пешем строю. К началу Первой мировой войны в состав русской армии входил 21-й драгунский полк, в том числе один гвардейский.

5-й Каргопольский драгунский полк имел славные боевые традиции. Он вел свою историю от драгунского полка, сформированного 20 мая 1706 г по именному Указу Петра I. 7 мая 1707 г. полк был назван по имени его учредителя и первого полковника драгунским полком начальника Монастырского Приказа боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. Тогда же полк получил униформу: зеленые кафтаны с красными обшлагами. С 1756 г. полк стал именоваться Каргопольским конно-гренадерским, с 1763 г. – Каргопольским карабинерным, с 1796 г. – драгунским Гудовича 6-го, Палена, Меллер-Закомельского полком. В 1801 г. полк получил наименование Каргопольский драгунский полк, в 1842 г. – Каргопольский драгунский Е. И. В. Константина Николаевича полк, 25 марта 1864 г. – 5-й драгунский Каргопольский полк, 18 августа 1882 г. – 13-й драгунский Каргопольский полк, 6 декабря 1907 г. – снова 5-й драгунский Каргопольский полк.

Во время Русско-австро-французской войны 1805 г. полк отличился в сражении с авангардом французской армии у деревни Шенграбен близ австрийского города Холлабрунн. Каргопольцы отважно сражались при Пултуске и Прейсиш-Эйлау во время Русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг., в Отечественной войне 1812 г., в «Битве народов» под Лейпцигом в 1813 г. Во время войны с Турцией 1828—1829 гг. полк проявил отличие в бою при селении Боелешты в Малой Валахии. В память об этом сражении на парадных касках драгун красовалась

надпись: «За отличие». В Крымскую (Восточную) войну 1853—1856 гг. полк отличился в сражениях под Инкерманом и на р. Черная.

Служба в 5-м Каргопольском драгунском полку свела вместе двух будущих полководцев К. К. Рокоссовского и И. В. Тюленева, награжденного за храбрость и мужество четырьмя Георгиевскими крестами. Во время Великой Отечественной войны И. В. Тюленев, ставший в 1940 г. генералом армии, командовал Южным фронтом, 28-й армией, войсками Закавказского военного округа и Закавказским фронтом.

К. К. Рокоссовский, не имевший специальной военной подготовки, быстро освоил все премудрости воинской службы, стараясь оправдать высокое звание каргополька. Не прошло и недели с момента его зачисления в полк, как 8 августа 1914 г. он отличился во время разведки противника в посаде Ново-Място на р. Пилица. Вечером Константин в гражданской одежде отправился в посад, прогулялся по его улицам, поговорил с жителями и сумел выяснить, что поселение занято кавалерийским полком противника. Командование высоко оценило действия Рокоссовского, который был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за № 9841.[2]

Императорский Военный Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия был учрежден 26 ноября (7 декабря) 1769 г. императрицей Екатериной II. Ордена удостаивался офицер, отличившийся в сражении – совершивший «отличный воинский подвиг», увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу. 13(25) февраля 1807 г. император Александр I учредил Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест), причисленный по статуту к ордену Св. Георгия. Он предназначался для награждения рядовых и унтер-офицеров армии и флота (с 1815 г. также и народного ополчения). Знак отличия Военного ордена первоначально имел одну степень. В 1856 г. он был разделен на 4 степени: кресты 1-й и 2-й степени – золотые, 3-й и 4-й – серебряные; 1-я и 3-я степень – с бантом. В 1913 г. Знак отличия Военного ордена получил официальное наименование «Георгиевский крест», нумерация начата заново. В августе 1917 г. был утвержден измененный образец Георгиевского креста: на его ленте стала крепиться металлическая лавровая ветвь. Удостоенным Знака отличия Военного ордена предоставлялись дополнительные права и льготы: исключение из податного сословия; прибавка к жалованью в размере, зависящем от степени награды (с 1913 г. – ежегодная денежная выдача), а по выходе в отставку – пенсия; преимущество при производстве в офицеры из унтер-офицерских

званий и др.

В 1913 г. официальное наименование «Георгиевской» получает медаль «За храбрость» на Георгиевской ленте. Она была учреждена в 1789 г. для награждения рядовых и унтер-офицеров, отличившихся в бою со шведами в устье р. Кюмене. В 1879 г. были установлены 4 степени медали. По статуту 1913 г. медаль «За храбрость» причисляется к ордену Св. Георгия, ею награждаются рядовые и унтер-офицеры за «проявленные ими в военное или мирное время подвиги мужества и храбрости», а также гражданские лица за отличия в бою против неприятеля. 1-я и 2-я степени Георгиевской медали – золотые; 3-я и 4-я – серебряные. На аверсе – изображение императора Николая II, на реверсе – надпись «За храбрость», обозначение степени и номера. 1-я и 3-я степени – на ленте с бантом.

С 15(28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 г. подразделения 5-го Каргопольского драгунского полка принимали участие в Варшавско-Ивангородской наступательной операции. В ходе операции войска 4, 5 и 9-й армий Юго-Западного фронта и 2-й армии Северо-Западного фронта во встречном сражении остановили продвижение австро-венгерской 1-й и германской 9-й армий, а затем перешли в контрнаступление и отбросили их на исходные позиции. После этого русские 2-я и 5-я армии в ходе Лодзинской оборонительной операции с 29 октября (11 ноября) по 11(24) ноября нанесли поражение германской 9-й армии, а 6(19) декабря перешли к обороне на рубеже рек Бзура, Равка, Пилица, Нида.

Со стабилизацией линии фронта 5-й Каргопольский драгунский полк получил передышку. Он был отведен в тыл, расположившись на отдых в деревне Гач под Варшавой. К. К. Рокоссовский в начале января 1915 г. получил возможность навестить своих родных. После двухнедельного отдыха полк снова направили на передовую, где он занял оборону на западном берегу р. Бзура.

В начале апреля 1915 г. части 5-й кавалерийской дивизии были переброшены на север, в район Паневеж, Шавли. Сразу же после выгрузки под Поневежем они вступили в бой с противником, пытавшимся захватить железнодорожную станцию. Каргопольцы стремительно атаковали врага, который начал отходить. В ходе преследования Рокоссовский заметил, что впереди, за лощиной, на небольшом возвышении стала разворачиваться к бою артиллерийская батарея противника. Решение было принято незамедлительно: атаковать врага и не дать ему возможность открыть огонь. Рокоссовский вместе с Странкевичем устремился к батарее. Ударом клинка Константин

Константинович сразил ее командира, а подоспевшие драгуны захватили вражеские орудия. За этот бой Рокоссовский был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени, но награды не получил.

Летом 1915 г. части 5-й кавалерийской дивизии вели ожесточенные бои с противником, пытавшимся прорваться к Риге. 19 июля спешенные 3-й и 6-й эскадроны 5-го Каргопольского драгунского полка захватили железнодорожную станцию Трошкуны. После этого командир полка решил овладеть местечком Трошкуны. Эту задачу взялись выполнить пятеро охотников – унтер-офицеры Ефим Мешков, Семен Чернов, ефрейторы Семен Фирстов, Тихон Сухоплюев и драгун Константин Рокоссовский. Они незаметно подобрались к вражескому полевому караулу. В последовавшей рукопашной схватке трое немцев были убиты, а двое бежали. Оказавшись в окопе противника, смельчаки заняли оборону. Когда утром немцы попытались вернуться, их встретили ружейные залпы драгун. Весь день они отражали яростные атаки противника и лишь к вечеру, получив приказ, оставили Трошкуны. Все пятеро смельчаков за поиск в ночь на 20 июля были награждены Георгиевской медалью 4-й степени[3]. Позднее, 13 августа Рокоссовскому было присвоено воинское звание ефрейтор.

С октября 1915 г. до лета 1916 г. части 5-й кавалерийской дивизии оборонялись на Западной Двине. Обе стороны не предпринимали активных наступательных действий, лишь изредка проводили поиски разведчиков. Во время одного из поисков команда разведчиков, в составе которой был и Рокоссовский, незаметно переправилась 6 мая 1916 г. через Двину у фольварка Ницгаль. Начальник команды выделил в дозор младшего унтер-офицера К. Макшецкого, ефрейторов К. Рокоссовского, Г. Лавцевича и драгуна И. Савельева. Не успели они пройти и сотни шагов, как лицом к лицу столкнулись с вражеской заставой. Разведчики внезапно напали на противника и уничтожили пять солдат. В то же время левее, где находились остальные разведчики, началась стрельба. Дозор, подобрав оружие врагов, поспешил к реке. Отстреливаясь на ходу, драгуны запрыгнули в лодки и вскоре благополучно достигли своего берега. За эту успешную разведку Рокоссовский так же, как и его товарищи, получил Георгиевскую медаль 4-й степени. Это уже была вторая подобная награда, что не соответствовало ее статуту. В этой связи был издан приказ следующего содержания: *«22 июля 1916 г. № 2764 д. армия. Приказом конному отряду генерала Казнакова от 7 окт. 1915 г. др. Рокоссовский за подвиг, оказанный им 20 июля 1915 г., награжден Георгиевской медалью 4 ст.*

№ 84840 и вторично награжден Георгиевской медалью 4 ст. № 168310 за подвиг, оказанный 6 мая 1916 г. Прошу ходатайствовать о замене Георгиевской медалью 3 ст. Полковник Петерс[4]».

Командование 5-го Каргопольского драгунского полка, приметив исполнительного и храброго драгуна Рокоссовского, направило его в конце октября 1916 г. в учебную команду. Он старательно изучал методику подготовки бойца, совершенствовал свои навыки в овладении конным делом и оружием. После обучения вернулся в свой полк, который в феврале 1917 г. был переформирован – теперь в нем осталось только четыре эскадрона. Рокоссовский и его друзья Юшкевич и Странкевич попали в 4-й эскадрон.

К этому времени в России произошли события, коренным образом изменившие судьбу нашего героя. В результате Февральской революции 1917 г. династия Романовых канула в Лету. 27 февраля был создан «Временный комитет членов Государственной Думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями» во главе с М. В. Родзянко. Одновременно ряд членов Государственной Думы от имени рабочих, солдат и населения Петрограда образовали Совет рабочих депутатов, переименованный 1 марта в Совет рабочих и солдатских депутатов. Он стал все активнее вмешиваться в решение вопросов, связанных с управлением войсками. В приказе № 1 по гарнизону Петроградского военного округа предписывалось во всех подразделениях, частях, службах органов военного управления и на судах Балтийского флота немедленно выбрать комитеты из представителей нижних чинов и по одному представителю от рот в состав Петроградского Совета. Воинские части «во всех своих политических выступлениях» должны были подчиняться только Совету и комитетам. Приказ требовал от солдат соблюдения строжайшей воинской дисциплины в строю и при выполнении служебных обязанностей, а вне службы и строя наделял их теми же правами, что и остальных граждан. Наряду с этим отменялось прежнее титулование генералов и офицеров, которое заменялось обращением «господин генерал» и т. д.

Этот приказ в определенной степени способствовал успокоению солдат, но вводил в военную практику двуначалие, что негативно сказалось на взаимоотношениях солдат и офицеров. Приказ имел отношение только к войскам Петроградского военного округа, но получил широкое распространение в армии и на флоте, заложив основу для их последующего развала. В войсках участились случаи расправы с офицерами, смещения их с должности и избрания на командные

посты. Это вынудило Петросовет издать 5 марта приказ № 2 с целью разъяснения и дополнения предыдущего приказа. В новом документе подчеркивалось, что комитеты не должны избирать на командные должности офицеров, а могут лишь направлять в Исполком Петроградского Совета свои возражения по поводу назначения того или иного офицера. В приказе № 2 подтверждалось, что Совет руководит только «политическими выступлениями петроградских солдат».

На различных участках действующей армии события в связи с победой Февральской революции развивались неодинаково. Наиболее бурно реагировали на них ближайшие к главным политическим центрам и потому сильнее революционизированные армии Северного фронта, в состав которого входила 5-я кавалерийская дивизия. Особую активность проявляли большевики, которые посещали воинские части и информировали солдат о свершившейся в столице революции.

Командование стремилось как можно дольше скрывать от солдат факт отречения Николая II от престола. Вот что вспоминал генерал армии И. В. Тюленев: *«Однажды встречаю Константина Рокоссовского – он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идет мрачный. Остановились, закурили. Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, и у них в эскадроне тоже никто толком не поймет, что же происходит в России*[5]». И только во второй половине дня 5 марта командир полковник Дороган перед строем объявил драгунам об отречении императора. 11 марта полк присягнул Временному правительству России.

Наряду с большевиками перед драгунами выступали и представители других политических партий. Отношение к ним было неоднозначным. Об этом можно судить по резолюции, принятой 19 марта комитетом 4-го эскадрона: *«В целях ознакомления с программами партий и выяснения многих интересующих ныне вопросов, на основании инструкции комитету ходатайствовать о присылке в полк представителей главнейших, но различных партий, для всестороннего освещения политической жизни страны и идей, этими партиями проповедуемых. Представители партии анархистов-коммунистов бесполезны и нежелательны*[6]».

Несмотря на митинги и резолюции, подразделения 5-го Каргопольского драгунского полка продолжали нести боевую службу. Рокоссовский, как и прежде, добросовестно относился к своим обязанностям. Это было отмечено командиром полка, который приказом от 29 марта произвел Константина Константиновича за боевые отличия в младшие унтер-офицеры.

Во второй половине августа 1917 г. К. К. Рокоссовский принял участие в последней операции русской армии в Первой мировой войне, которая вошла в историю под названием Рижской операции.

19 августа (1 сентября) германская 8-я армия под командованием генерала О. фон Гутье после сильной артиллерийской подготовки с применением химических снарядов перешла в наступление против русской 12-й армии генерал-лейтенанта Д. П. Парского. Противник быстро форсировал Западную Двину и стал теснить русские 43-й армейский и 6-й Сибирский корпуса ко второй полосе обороны. По приказу начальника 5-й кавалерийской дивизии подразделения 5-го Каргопольского драгунского полка, отражая атаки наседавшего противника, обеспечили отход пехоты и обозов. После этого командир 4-го эскадрона ротмистр Газалиев, решив уточнить силы противника, вызвал охотников идти в разведку. Вызвались трое: младшие унтер-офицеры Константин Рокоссовский и Владимир Скоробогатов и драгун Михаил Шляпников.

В ночь на 24 августа смельчаки выехали на Псковское шоссе. Под местечком Кроненберг они обнаружили колонну противника, обстреляли ее, а затем вернулись к своим частям. Младший унтер-офицер Рокоссовский был представлен к Георгиевской медали 2-й степени. Однако получить ее Константину Константиновичу не довелось: приказ о награждении был отдан к концу декабря, а к этому времени не существовало ни русской армии, ни прежних знаков отличия.

К. К. Рокоссовский более трех лет провел на фронтах Первой мировой войны. Судьба оказалась к нему благосклонна: он получил всего два легких ранения. Один раз пуля пробила мякоть икры левой ноги, не задев кость, в другой – поцарапала правую щеку. И это несмотря на то, что Константин Константинович был практически все время на передовой. Он приобрел значительный опыт действий в оборонительных и наступательных боях, как в пешем порядке, так и в конном строю, а также во время проведения разведки боем и поисков в тылу противника. Рокоссовский отличался инициативностью, решительностью, храбростью и отвагой. Все эти качества пригодились ему в дальнейшем, но уже в обстановке Гражданской войны.

После завершения Рижской операции 5-я кавалерийская дивизия, входившая в состав 12-й армии, была отведена в тыл. К этому времени Рокоссовский сроднился с полком, сослуживцы уважали Константина Константиновича за его открытость, доброжелательность, смелость и отвагу. Он был избран в эскадронный, а затем и в полковой солдатский комитет.

В октябре 1917 г. Константина Константиновича, как одного из заслуженных георгиевских кавалеров, выбрали в полковую Георгиевскую думу, где он исполнял обязанности секретаря.

А тем временем в Петрограде начал свою работу II Всероссийский съезд Советов. В резолюции полкового комитета от 24 октября отмечалось: *«Шлем свой искренний привет II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов!»* Вечером 25 октября, получив сигнал о восстании в Петрограде, военно-революционный комитет 12-й армии издал манифест, в котором говорилось: *«Настал решительный час! Началась борьба за переход всей власти в руки самого народа… Мы, революционные солдаты, должны быть сильны, чтобы наши братья на улицах Петрограда могли быть уверены в нас… Нужно полное спокойствие и организованность. Военно-революционный комитет призывает вас к этому! Избегайте всяких неорганизованных выступлений. Не забывайте, что мы ведем борьбу на два фронта. Но вместе с тем не выполняйте приказов и распоряжений контрреволюционных штабов о передвижении частей, если эти приказы не подписаны Военно-революционным комитетом*[7]».

Драгуны четко выполняли все решения военно-революционного комитета 12-й армии. 9 ноября на общем собрании 4-го эскадрона после многочисленных выступлений, среди которых прозвучала и короткая речь Рокоссовского, была принята резолюция: *«Ввиду опасности со стороны противника, мы считаем беспричинный самовольный уход частей с позиций или резервов недопустимым*[8]».

Драгуны решительно воспротивились решению командования Северного фронта вывести в тыл 5-й Донской казачий полк. На своем собрании 19 ноября личный состав 4-го эскадрона постановил: *«Приказания этого эскадрон не исполнил ввиду его подозрительности. Постановили: никакой смены казаков в тыл не давать».* В тот же день состоялось и общее собрание драгун полка, на котором была принята резолюция*: «Со дня устранения Духонина с поста верховного главнокомандующего и объявления его врагом народа полк Духонина не признает*[9]».

Драгунам никто не объяснил, почему генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина сняли с поста Верховного Главнокомандующего и почему он стал «врагом народа». Этой тактики большевики придерживались и в последующем, записав в категорию «врагов народа» многих из тех, кто поддерживал их в семнадцатом году.

Потомственный дворянин Н. Н. Духонин окончил в 1894 г. кадетский корпус, через два года – Московское военное училище, а в 1902 г. – Академию Генерального штаба. Несмотря на свою молодость (в 1902 г. ему было всего 26 лет), Духонин весьма

быстро продвигался по службе. Отважный офицер не раз отличался на полях сражений Первой мировой войны. В мае 1916 г. он был назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, а через год возглавил штаб этого фронта. В августе 1917 г. Николай Николаевич вступил в должность начальника штаба Западного фронта, а в сентябре – начальника штаба Верховного Главнокомандующего А. Ф. Керенского.

После захвата 25 октября (7 ноября) 1917 г. власти большевиками А. Ф. Керенский подписал 1(14) ноября распоряжение о назначении генерала Н. Н. Духонина на должность Верховного Главнокомандующего. Новый Верховный Главнокомандующий, считая незаконным Временное рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным (Ульяновым), отказался выполнить его предписание «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Поэтому Николай Николаевич 9 (22) ноября был отстранен от должности.

20 ноября (3 декабря) в Ставку прибыл новый Верховный Главнокомандующий, бывший прапорщик Н. В. Крыленко. Он приказал отправить генерала Духонина в Петроград, но когда Николай Николаевич на автомобиле Крыленко прибыл на вокзал, там его встретила толпа, возбужденная известием о побеге генерала Л. Г. Корнилова. Толпа буквально растерзала Духонина – так погиб человек, пытавшийся удержать армию от скатывания в бездну гражданской войны.

События в 5-м Каргопольском драгунском полку развивались следующим образом. Командиром полка был избран председатель полкового комитета каптенармус А. Иванькин. На должность командира 4-го эскадрона драгуны выбрали старшего унтер-офицера, полного георгиевского кавалера Василия Стафеева. Прежний командир штаб-ротмистр Газалиев еще 11 октября ушел в отпуск, но обратно не вернулся. В начале декабря в полку началась запись добровольцев в формирующийся польский легион и Красную гвардию. К. К. Рокоссовский решил стать красногвардейцем, а его друг Странкевич и двоюродный брат Франц Рокоссовский вместе с группой драгун-поляков вступили в польский легион.

В конце декабря 1917 г. каргопольцев отправили в глубокий тыл. Через неделю они прибыли на станцию Дикая, которая находилась в 25 верстах к западу от Вологды. Здесь из добровольцев был сформирован Каргопольский красногвардейский отряд, командиром которого избрали Адольфа Юшкевича, а его помощником – Константина

Рокоссовского. Это была его первая командная должность в новой армии.

Отряд подчинялся Вологодскому Совету и выполнял задачи различного характера. В Вологде красногвардейцы разоружили анархистов, захвативших здание одной из гостиниц. В небольшом городке Буй разогнали в феврале 1918 г. демонстрацию, организованную эсерами и меньшевиками в поддержку своих товарищей, арестованных местным Советом. В Галиче красногвардейцы сумели успокоить солдат запасного пехотного полка, которые приняли участие в беспорядках, вызванных продовольственными трудностями. В Солигаличе 4 марта подавили восстание монахов, горожан и солдат запасного полка, вызванное решением местного Совета о конфискации монастырских запасов хлеба.

В конце марта 1918 г. Каргопольский красногвардейский кавалерийский отряд был переброшен в район Брянска. Здесь он участвовал в боевых действиях против частей украинского гетмана генерала П. П. Скоропадского, который в июле 1915 – апреле 1916 г. командовал 5-й кавалерийской дивизией. Однако на Брянщине красногвардейцы пробыли недолго.

В конце мая 1918 г. осложнилась обстановка на Востоке России, где восстал Отдельный Чехословацкий армейский корпус, которым командовал генерал В. Н. Шокоров. Корпус был сформирован в России в 1917 г. по инициативе Союза чехословацких обществ из военнопленных и эмигрантов чешской и словацкой национальности. В январе 1918 г. корпус был объявлен автономной частью французской армии, а в марте Правительство РСФСР дало согласие на переброску частей корпуса во Францию через Владивосток при условии сдачи оружия и удаления из корпуса русских офицеров. Командование корпуса нарушило эти условия, что вынудило советское правительство по инициативе И. В. Сталина (Джугашвили) начать разоружение чехословацких частей. Те, в свою очередь, оказали сопротивление власти Советов и вскоре практически взяли под свой контроль всю Транссибирскую железнодорожную магистраль, на которой растянулись воинские эшелоны корпуса.

В соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня «для руководства всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа и опирающейся на него помещичьей и буржуазной контрреволюции» был создан Реввоенсовет в составе наркома путей сообщения П. А. Кобозева, главнокомандующего левого эсера бывшего подполковника М. А. Муравьева и комиссара Г. И. Благонравова[10]. Члены реввоенсовета начали формирование частей и соединений, составивших в последующем

Восточный фронт.

На восток спешно перебрасывались части и подразделения из различных районов страны, в том числе и Каргопольский красногвардейский отряд. Во второй половине июля он прибыл в Екатеринбург, где вошел в состав Северо-Урало-Сибирского фронта, который приказом командующего Восточным фронтом от 20 июля был сведен в 3-ю армию во главе с преподавателем Академии Генерального штаба Б. П. Богословским.

В сентябре все отряды, действовавшие на кунгурском направлении, вошли в состав 3-й Уральской дивизии 3-й армии. Каргопольский красногвардейский отряд, а также конные Верх-Исетский, Сылвенский и Латышский отряды были сведены в 1-й Уральский кавалерийский полк. А. Юшкевич стал командиром полка, а К. К. Рокоссовский возглавил эскадрон. До этого он исправно выполнял приказы вышестоящих начальников, стремясь успешно применять в боях опыт, полученный на фронтах Первой мировой войны. Теперь Рокоссовскому самому предстояло отдавать приказания, организовывать и руководить боевыми действиями. Опыта в этом деле у него не было, а потому все приходилось постигать на практике. Но присущие Рокоссовскому пытливость ума и наблюдательность вкупе с незаурядными природными данными позволили быстро добиться успехов на командирском поприще.

В ноябре 1918 г. 1-й Уральский кавалерийский полк вошел в состав 5-й бригады 30-й стрелковой дивизии, которой командовал Василий Константинович Блюхер. Он родился 19 ноября 1890 г. в Ярославской губернии, принимал участие в Первой мировой войне, был награжден двумя Георгиевскими крестами и медалью, стал младшим унтер-офицером. В конце ноября 1917 г. был назначен комиссаром красногвардейского отряда, направленного в Челябинск для борьбы с казачьими отрядами полковника А. И. Дутова. С июля 1918 г. В. К. Блюхер заместитель командующего, с августа – командующий партизанской Уральской армией, с сентября – начальник 4-й Уральской дивизии, преобразованной 11 ноября в 30-ю стрелковую дивизию. В последующем Василий Константинович командовал 51-й стрелковой дивизией, был военным министром и Главнокомандующим Народно-революционной армией Дальневосточной Республики (ДВР), командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса, главным военным советником при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантон), помощником командующего войсками Украинского военного округа. С 1929 г. Блюхер командует Особой Дальневосточной армией, а во время боевых действий на озере Хасан в июле – августе 1938 г. –

Дальневосточным фронтом. В 1935 г. ему было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. 22 октября 1938 г. его по ложному обвинению арестовали, жестоко истязали, отчего Василий Константинович скончался 9 ноября. С Блюхером судьба сведет Рокоссовского не один раз, но об этом позже.

18 ноября 1918 г. власть Уфимской директории была ликвидирована адмиралом А. В. Колчаком, объявившим себя Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Он решил разгромить войска левого крыла Восточного фронта и овладеть Пермью, Вяткой и Котласом.

29 ноября Екатеринбургская группа войск генерала Р. Гайды (Гейдль) перешла в наступление. Она опрокинула левый фланг 3-й армии (Особая бригада и 29-я стрелковая дивизия), который начал отходить. В. К. Блюхер, стремясь помочь своему левому соседу, сформировал отряд во главе с командиром Красногусарского кавалерийского полка С. Г. Фандеевым. В состав отряда вошел и 1-й Уральский кавалерийский полк. С 4 по 7 декабря он отражал ожесточенные атаки частей 2-й Сибирской дивизии и офицерского батальона противника.

Во второй половине 8 декабря 1-й Уральский кавалерийский полк совместно с батальоном 1-го морского Кронштадтского полка перешел в контратаку. Противник не выдержал удара и начал отступление. В ходе преследования эскадрон Рокоссовского вышел к деревне Магиной, где был встречен сильным огнем противника. По приказу Константина Константиновича эскадрон стал отходить на прежние позиции. В этот момент под Рокоссовским был убит верный конь по кличке Жемчужный. Он едва успел выпростать ногу из стремени и соскочить с падающей лошади. На выручку поспешили бойцы эскадрона, спасшие командира от неминуемой гибели.

В последующем все попытки войск 3-й и 2-й армий перехватить инициативу оказались безуспешными, и они перешли к маневренной обороне. Новое наступление было решено предпринять 14 декабря. Однако противник снова упредил советские войска. 13 декабря, подтянув части 7-й Уральской дивизии, он возобновил наступление севернее железной дороги Екатеринбург – Кунгур. В ночь на 14 декабря лыжники противника обошли расположение 1-го Уральского кавалерийского и 1-го морского Кронштадтского полков и нанесли по ним удар с тыла. В результате оба полка оказались в окружении. После ожесточенного сражения подразделения 1-го Уральского кавалерийского полка сумели прорваться к основным силам 30-й стрелковой дивизии, а 1-й морской Кронштадтский

полк был полностью уничтожен противником.

Войска 3-й армии, растянутые на 400-километровом фронте, не имея твердого управления, ощущая недостаток в боеприпасах и продовольствии, в теплой одежде, 25 декабря оставили Пермь и отошли за Каму. Вслед за 3-й армией отошла немного западнее и 2-я армия. Между 29-й и 30-й стрелковыми дивизиями образовался большой разрыв, и противник стремился это использовать. Находившийся на левом фланге 30-й стрелковой дивизии сильно поредевший 1-й Уральский кавалерийский полк все время должен был бороться с попытками врага обойти его с фланга. Положение усложнялось сильными уральскими морозами, нехваткой продовольствия.

Для расследования причин поражения 3-й армии и оставления Перми ЦК РКП(б) направил в начале января 1919 г. в Вятку партийно-следственную комиссию во главе с Ф. Э. Дзержинским и И. В. Сталиным. Комиссия в своем отчете ЦК РКП(б) указала следующие причины: нарушение классового принципа в комплектовании войск армии и прибывавших пополнений, измена некоторых командиров из числа бывших офицеров и генералов, большие потери в личном составе и вооружении, неудовлетворительная работа органов тыла и штабов, слабая партийно-политическая работа в войсках и т. д. Комиссия проделала большую работу по восстановлению боеспособности 3-й армии и усилению 2-й армии. Войска обеспечили теплой одеждой, продовольствием и боеприпасами и пополнили надежными частями, были укреплены их тылы и штабы.

Тем временем противник продолжал наступление, и 30-я стрелковая дивизия вынуждена была отходить к Оханску. В ночь на 10 января 1919 г. 1-й Уральский кавалерийский полк, насчитывавший всего 60 сабель, начал переправу через Каму. Кавалеристы, ведя в поводу лошадей, медленно продвигались по льду. Неожиданно два бойца вместе с лошадью попали в полынью. Рокоссовский, не раздумывая, бросился им на помощь и, несмотря на то, что сам тут же провалился в воду, сумел вытащить одного из них. В мокрой одежде после купания в ледяной воде командир эскадрона прошел еще несколько верст до ближайшего населенного пункта, но к вечеру он заболел и настолько серьезно, что его пришлось эвакуировать в тыл.

В госпитале, размещавшемся в здании школы в Глазове, Рокоссовский пробыл недолго. Его могучий организм быстро справился с болезнью. Ко времени возвращения Константина Константиновича в строй 1-й Уральский кавалерийский полк был отведен в тыл для переформирования и размещен на Нытвенском

заводе. В конце января в него влился 1-й кавалерийский полк имени Володарского, также насчитывавший несколько десятков бойцов, а в начале февраля – эскадрон 1-го Кунгурского полка. Новая часть получила название Сводный Уральский имени Володарского кавалерийский полк. Командиром нового полка остался Юшкевич, а 1-м эскадроном по– прежнему командовал Рокоссовский.

В начале марта 1919 г. войска адмирала А. В. Колчака предприняли новое наступление против войск Восточного фронта. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак, сын морского артиллерийского офицера, был честолюбив и энергичен, умен и талантлив. Его армия, оснащенная пулеметами, артиллерией и авиацией, являлась грозной силой, которая словно морская волна катилась на запад, сметая все на своем пути. В соответствии с директивой адмирала Колчака от 15 февраля ей предстояло *«…к началу апреля… занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков…*[11]». Это исходное положение было определено по линии рек Кама, Белая и Ик, городов Актюбинск и Оренбург. Войска Сибирской армии должны были наступать на вятском направлении, разгромить 2-ю армию Восточного фронта и овладеть районом Сарапул, Воткинский и Ижевский заводы. Западная армия получила задачу нанести поражение 5-й армии, занять район Бирск, Белебей, Стерлитамак, Уфа, выйти к р. Ик и ударом в тыл 1-й армии помочь Оренбургской армии овладеть Актюбинском и Оренбургом. Оренбургской армии предписывалось также соединиться с Уральской армией, а 2-му Степному корпусу – занять Семиречье.

Если адмирал А. В. Колчак ставил перед собой задачу выйти к Волге, то Главное командование Красной Армии планировало, как это видно из директивы Главкома И. И. Вацетиса от 21 февраля, наступать одновременно на двух направлениях: на Урал и в сторону Туркестана. Главный удар предусматривалось нанести в полосе Челябинск, Екатеринбург в целях овладения этими городами.[12]

Противнику удалось упредить войска Восточного фронта. 4 марта Сибирская армия генерала Гайды нанесла удар в стык между 2-й и 3-й армиями. 7 марта противник занял Оханск, на следующий день —Осу. Сводный Уральский имени Володарского кавалерийский полк, оборонявшийся юго-западнее Оханска, отошел 7 марта к селу Дубровское. Здесь состоялось партийное собрание, в повестке дня которого был только один пункт: прием в члены РКП(б). Одним из первых рассматривалось заявление командира 1-го эскадрона К. Рокоссовского. Рекомендацию ему

давал бывший токарь-металлист М. А. Хвалимов, уже несколько месяцев служивший в полку вместе с Рокоссовским: «Я думаю, товарищи, нет нужды долго говорить о том, что Константин Рокоссовский давно достоин быть членом партии. За то время, что я в полку, всегда я удивлялся, что он еще не коммунист. Мы все его хорошо знаем; происхождения он пролетарского, Советской власти предан, в бою смел. Думаю, что он будет достойным коммунистом». Это предложение было поддержано другими коммунистами, которые единогласно проголосовали за то, чтобы принять Рокоссовского в члены партии большевиков.

Тем временем Сибирская армия начала развивать наступление в целях выхода на железную дорогу Пермь – Глазов. В ходе ожесточенных боев войска левого крыла Восточного фронта с трудом сдерживали до конца марта продвижение противника на сарапульском и воткинском направлениях. Адмирал А. В. Колчак, довольный успешным развитием наступления против войск Восточного фронта, потребовал 12 апреля от своих армий *«уничтожить красных, оперирующих к востоку от рр. Вятки и Волги, отрезав их от мостов через эти реки*[13]». 20 апреля следует новое приказание: «*продолжая энергичное преследование, отбросить противника на юг в степи и, не допуская его отхода за Волгу, перехватить важнейшие на ней переправы*[14]».

Однако этим планам не суждено было сбыться. 28 апреля началось контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе. Войска Красной Армии нанесли поражение Западной армии Колчака, 4 мая овладели Бугурусланом, 13 мая – Бугульмой, 17 мая – Белебеем, затем форсировали р. Белая и 9 июня заняли Уфу. Одновременно войска советской 3-й армии вели тяжелые оборонительные бои на сарапульском и воткинском направлениях. В одном из таких боев в мае получил тяжелое ранение командир Сводного Уральского имени Володарского кавалерийского полка А. Юшкевич, которого эвакуировали в тыл. Так разошлись пути Юшкевича и Рокоссовского. После выздоровления Юшкевич командовал кавалерийским полком 51-й стрелковой дивизии, в октябре 1920 г. участвовал в боях в Северной Таврии, где погиб под пулеметным огнем противника.

Сводный Уральский имени Володарского кавалерийский полк возглавил Р. Вигонт. В конце мая была проведена реорганизация полка, который теперь стал включать два дивизиона. Командиром 2-го Уральского отдельного кавалерийского дивизиона, насчитывавшего около 500 бойцов, стал К. К. Рокоссовский. В составе полка он принял участие в Сарапуло-Воткинской

операции, проведенной с 25 мая по 12 июня. В ходе операции войска 2-й армии нанесли поражение Сибирской армии генерала Гайды, заняли 26 мая Елабугу, 1 июня – Агрыз, 2 июня – Сарапул, 7 июня – Ижевский завод.

В полосе 3-й армии события развивались не столь успешно. Ее ударная группа подверглась 23—30 мая встречному удару 3-го Степного Сибирского корпуса противника. 2 июня части 3-й армии оставили Глазов. В результате возникла угроза Вятке. Командующий Восточным фронтом срочно направил в 3-ю армию 10 тыс. человек пополнения[15]. В район Глазова по указанию командующего армией были брошены все резервы, части Вятского укрепрайона и тыловые части, которые совместно с подошедшими бригадами ударной группы в ожесточенных контратаках 6—7 июня преградили путь Сибирской армии к Вятке.

С 7 июня, опираясь на успехи 2-й армии, ударная группа 3-й армии возобновила наступление. Дивизион Рокоссовского получил задачу переправиться через р. Кильмезь и овладеть населенными пунктами на противоположном берегу. Рокоссовский принял решение одним эскадроном сковать противника с фронта, а остальные силы направил в обход вниз по течению реки. Пройдя две версты, кавалеристы обнаружили подходящее место для переправы. Несмотря на то, что вода в эту пору была еще очень холодной, Рокоссовский, не колеблясь, первым начал переправу вброд, и вскоре весь дивизион оказался на другом берегу. Белогвардейцы не ожидали обхода и, когда 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион, приблизившись к деревушке, открыл ружейный и пулеметный огонь, начали беспорядочное отступление. Рокоссовский немедленно организовал преследование отступавшего к Каме противника. За кавалеристами продвигались бойцы 263-го стрелкового полка, которые при необходимости поддерживали их при отражении вражеских контратак.

8 июня войска 3-й армии перешли в контрнаступление. Одновременно активизировалась и 2-я армия, которая 11 июня заняла Воткинск. На следующий день ее войска совместно с ударной группой 3-й армии завершили освобождение всего Воткинского района. Развивая успех, соединения 3-й армии продвигались к Каме. 18 июня дивизион Рокоссовского нанес поражение противнику у деревни Сосновская, вынудив его отойти к Оханску. К 21 июня войска 3-й армии вышли на рубеж Оханск, Карагай, где завязали бои за сильно укрепленную позицию, возведенную противником на дальних подступах к Перми.

В ходе Пермской наступательной операции, проведенной с

22 июня по 1 июля, войска 2-й и 3-й армий Восточного фронта нанесли новое поражение Сибирской армии противника, заняли 1 июля Кунгур и Пермь, создав благоприятные условия для развития наступления на Средний Урал. Однако в последующем противник сумел остановить победное шествие красных войск. В Тобольско-Петропавловской операции (20 августа – 2 октября) войска 3, 2 и 1-й колчаковских армий одержали верх над красными 5-й и 3-й армиями. В начале сентября на 190-километровом фронте развернулось ожесточенное встречное сражение, получившее в военной истории характерное название: «тобольская кадриль». Белые армии отступали – красные войска их преследовали, спустя какое-то время под натиском врага отступали уже красноармейцы, и так повторялось много раз. За сентябрь дивизион Рокоссовского лишился десятков бойцов. Отступая, кавалеристы через каждые две-три версты спешивались, отбивали атаки противника, а затем контратаками отбрасывали врага. Однако несмотря на все усилия, соединения 5-й и 3-й армий вынуждены были под натиском превосходящего противника отойти за Тобол.

На фронте наступило затишье. Обе стороны начали подготовку к новому наступлению, пополняя свои ряды, приводя в порядок вооружение и занимаясь боевой учебой. Под руководством Рокоссовского в его дивизионе проводились занятия по стрелковой, тактической подготовке и конному делу. Одновременно Константин Константинович принимал меры по укреплению воинской дисциплины, строго взыскивая с нарушителей установленного порядка. Иногда он прибегал к помощи весьма действенного средства – дивизионного товарищеского суда, как, например, в случае с красноармейцем И. Минеевым, который поссорился с красноармейцем обозной команды А. Петуховым. В пылу ссоры Петухов позволил себе упрекнуть Минеева: «Вы все, коммунисты, эксплуататоры». В ответ Минеев выстрелил из револьвера и пробил обидчику щеку. Командир дивизиона распорядился передать дело в товарищеский суд. 6 октября заседание суда приняло следующее решение: *«Кавалериста 1-го эскадрона товарища Минеева как нарушившего партийную дисциплину, а Петухова за провокаторство приговорить каждого к месячному аресту с применением принудительных работ*[16]».

10 октября товарищеский суд рассмотрел дело красноармейца В. Ильина, который потерял казенную лошадь и угнал взамен пасшуюся в поле крестьянскую. Решение суда было следующим: *«Принимая во внимание, что Ильин Василий доброволец и член РКП, зная, что согласно приказу Совнаркома*

нельзя самовольно брать и обменивать крестьянских лошадей, не только сам лично, но как член партии должен удерживать от этого и своих товарищей. И в то же время тов. Ильин потерял казенно-народную лошадь, чем он кладет несмываемое пятно на имя Красного Революционного воина. Товарищеский суд приговорил: взыскать с тов. Ильина Василия за утрату народной лошади 250 рублей в пользу семей красноармейцев. Приговор суда окончательный и обжалованию не подлежит[17]».

Оперативная пауза на Восточном фронте продолжалась недолго. 14 октября войска Красной Армии приступили к проведению Петропавловской наступательной операции. 30 октября части 35-й стрелковой дивизии 5-й армии овладели Петропавловском. Наступление войск 3-й армии Восточного фронта началось 18 октября. Части 51-й стрелковой дивизии 22 октября вступили в Тобольск и развернули наступление вдоль Иртыша. Главные силы армии – 29-я и 30-я стрелковые дивизии – при содействии части сил 27-й стрелковой дивизии 5-й армии сломили упорное сопротивление противника и к концу октября продвинулись на глубину 110—130 км. 4 ноября части 29-й стрелковой дивизии заняли г. Ишим. Войска 3, 2 и 1-й армий противника начали отход. 30-я стрелковая дивизия, двигавшаяся в полосе около 60 км шириной к северу от железной дороги Курган – Петропавловск, стремительно преследовала противника. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион находился на левом фланге дивизии вместе с полками 1-й бригады. Командовал бригадой И. К. Грязнов, а общее руководство северной группировкой частей дивизии осуществлял начальник ее штаба С. Н. Богомягков.

В ночь на 1 ноября ударил легкий морозец, земля замерзла. Это позволило ускорить движение. 262-й и 264-й стрелковые полки, обойдя противника с тыла, атаковали утром противника в селе Чистоозерское. Их поддержал дивизион Рокоссовского. Противник, не ожидавший наступления советских частей, не оказал серьезного сопротивления и оставил село.

Продолжая преследование, части 30-й стрелковой дивизии достигли к вечеру 2 ноября р. Ишим. Белогвардейские войска отошли на восточный берег, где была создана хорошо оборудованная оборона, прикрытая сплошным проволочным заграждением. С. Н. Богомягков принял решение немедленно атаковать противника, чтобы не дать ему возможности уйти на Омск. Но, прежде чем атаковать, следовало провести разведку боем. Эта задача была возложена на дивизион Рокоссовского.

О том, как действовали кавалеристы, свидетельствует выписка из приказа реввоенсовета 5-й армии № 128 от 3 – 4

апреля 1920 г[18]. В приказе говорилось о награждении К. К. Рокоссовского орденом Красного Знамени № 1717 *«за то, что 4 ноября 1919 г. в бою под с. Вакоринским, лично руководя дивизионом, прорвал расположение противника и в конном строю с 30-ю всадниками, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия врага, захватил в полной исправности неприятельскую батарею*[19]».

Потерпев поражение на р. Тобол, войска адмирала А. В. Колчака начали отходить к Иртышу, чтобы, опираясь на эту крупную водную преграду, создать новый оборонительный рубеж и остановить дальнейшее продвижение Красной Армии. Однако войска Восточного фронта сорвали этот замысел. Они, преследуя противника с фронта и по параллельным маршрутам, стремительно продвигались на омском направлении. 6 ноября бригада И. К. Грязнова заняла станцию Мангут в 85 верстах к востоку от Ишима. Утром 7 ноября дивизион под командованием Рокоссовского стремительным ударом захватил деревню Караульная, но сам командир дивизиона в этом бою получил ранение. В справке, подписанной врачом Ларьковым, отмечалось, что Рокоссовский ранен револьверной пулей. Далее врач пишет:

«В какую часть тела – в плечо правой руки слепое пулевое ранение. Органическая неподвижность верхней части ключицы.

Оказанное пособие – перевязка.

Год 1919, месяц – декабрь, число – 15[20]».

К. К. Рокоссовский был эвакуирован в Ишим, где находился госпиталь 3-й армии. Лечение затянулось, и только 20 декабря Константин Константинович смог вернуться в свой дивизион. К этому времени войска Восточного фронта, неотступно преследуя противника, 14 декабря заняли Новониколаевск (ныне Новосибирск), а 20 декабря – Томск. 22 декабря войска 5-й армии, в составе которой теперь действовала 30-я стрелковая дивизия, вышли в район станции Тайга. Здесь оборонялись чехословацкие, польские и румынские легионеры. Части 27-й и 30-й стрелковых дивизий нанесли удар по станции с фронта, а дивизион Рокоссовского атаковал ее с севера. На самой станции началось восстание рабочих железнодорожного депо, что облегчило захват Тайги.

В ходе Красноярской операции войска 5-й армии под командованием Г. Х. Эйхе во взаимодействии с партизанскими соединениями А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкина, В. Г. Яковенко и Н. М. Буды нанесли поражение частям Восточного фронта противника, которыми командовал генерал В. О. Каппель. 2 января 1920 г. части 30-й стрелковой дивизии овладели Ачинском. После этого стремительным броском передовых

отрядов, посаженных на подводы и сани, перерезали на следующий день дорогу Ачинск – Минусинск. Сводная кавалерийская группа дивизии, включавшая и дивизион Рокоссовского, сумела захватить станцию Большой Кемчуг, завершив тем самым окружение противника. 4 января рабочие и солдаты красноярского гарнизона подняли восстание, овладели Красноярском и преградили частям генерала Каппеля дорогу за Енисей. 6 января 2-я стрелковая бригада 30-й стрелковой дивизии и 35-я стрелковая дивизия вместе с отрядами партизан вышли к Енисею, полностью отрезав противнику все пути отхода на восток.

Белогвардейцы предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения. В этих боях тяжелые испытания выпали на долю Сводной кавалерийской группы, которая в течение двух дней сдерживала натиск превосходящих сил врага. Рокоссовскому приходилось неоднократно водить своих бойцов в контратаки, чтобы не допустить прорыва противника из окружения. Оказавшись в безвыходном положении, его основная группировка (около 50 тыс. человек) 6 января сложила оружие в районе южнее Большого Кемчуга. В ночь на 7 января части 30-й стрелковой дивизии вступили в Красноярск. В результате Красноярской наступательной операции армия адмирала Колчака практически прекратила свое существование. За Енисей удалось пробиться лишь ее остаткам во главе с генералами В. О. Каппелем и С. Н. Войцеховским. В описании Красноярской операции, подготовленном штабом 5-й армии, отмечалось, что боевые действия 30-й стрелковой дивизии *«явились последними вескими ударами, совершенно парализовавшими всякую боевую деятельность неприятеля. Его войска превратились в нестройные толпы, потерявшие всякую способность даже к бегству, и были предоставлены партизанам*[21]».

После завершения Красноярской операции кавалерия 30-й стрелковой дивизии, понесшая большие потери, была реорганизована. На базе отдельных кавалерийских дивизионов был сформирован 30-й кавалерийский полк, командиром которого 23 января 1920 г. был назначен К. К. Рокоссовский. Таким образом, он поднимался на новый уровень. Полк – воинская часть, основная тактическая и административно-хозяйственная единица вооруженных сил. По боевому составу он занимает промежуточное положение между батальоном и бригадой (дивизией); предназначен для выполнения боевых задач, как правило, в составе соединения, а также самостоятельно. По штату, объявленному приказом Реввоенсовета Республики в июле 1919 г., кавалерийский полк состоял из 4

эскадронов и конно-пулеметного взвода и имел численность 915 человек и 947 лошадей.

Формирование полка заняло почти два месяца. 22 февраля 1920 г. 30-й кавалерийский полк покинул Красноярск и отправился догонять части 30-й стрелковой дивизии, которые 7 марта заняли Иркутск.

В это время серьезно осложнилась обстановка между Советской Россией и Польшей, да и на Северном Кавказе еще не был полностью завершен разгром войск генерала А. И. Деникина. Кроме того, продвижение советских войск в Забайкалье могло привести к вооруженному столкновению с японскими войсками, оккупировавшими Дальний Восток. Это вынудило ЦК РКП(б) и Правительство РСФСР принять решение о переходе войск 5-й отдельной армии к обороне на рубеже озеро Байкал, р. Селенга, граница с Монголией, а также создать на Дальнем Востоке буферное государство буржуазно-демократическое по форме, но, по существу, проводившее советскую политику. Дальневосточная Республика (ДВР) была организационно оформлена 6 апреля 1920 г. на учредительном съезде трудящихся и партизан Забайкалья. В ее состав вошли Забайкалье, Амурская, Приморская и Сахалинская области, а также русское население в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Наряду с созданием Дальневосточной Республики развертывалось формирование ее вооруженных сил. Еще 10 марта 1920 г. Временное земское правительство Прибайкалья по согласованию с Иркутским ревкомом приняло решение о создании Народно-революционной армии (НРА) Прибайкалья по образцу Красной Армии РСФСР. Ее главнокомандующий назначался по рекомендации ЦК РКП(б), в своей деятельности руководствовался директивами Реввоенсовета Республики, Главкома РСФСР и его помощника по Сибири. В начале апреля того же года армия была переименована в Народно-революционную армию Забайкалья, а в середине мая – в Народно-революционную армию Дальневосточной Республики.

Народно-революционная армия ДВР попыталась в апреле 1920 г. ликвидировать «читинскую пробку» – так назывались в этот период все районы Забайкалья, оккупированные японскими интервентами и белогвардейцами, в основном вдоль железных дорог Могзон – Чита – Пашенная и Карымская – Маньчжурия, отделявшие буферное Прибайкалье от советских районов Амура. Бои шли с переменным успехом, и постоянно существовала угроза, что молодая Народно-революционная армия, еще недостаточно окрепшая, потерпит поражение, если японские войска усилят натиск. Поэтому командующий 5-й отдельной

армией М. С. Матиясевич 7 апреля приказал:

«…2. Начдивам 30, 35 и 51 принять срочные меры по приведению дивизий в боеспособный вид, обратив особенное внимание на пополнение колесным обозом и строевую подготовку. Иметь в виду выдвижение 30-й дивизии в район Мысовск – устье Селенги – Верхнеудинск (последний исключительно), одной бригадой 35-й дивизии в район Култука и 51-й дивизии в район Иркутска, приказ о чем последует дополнительно.

…4. В случае перехода противника в наступление войскам быть готовым дать должный отпор, но отнюдь не проявлять инициативы во враждебных действиях против Японии[22]».

В апреле началось выдвижение частей 30-й стрелковой дивизии в указанный район, а 9 мая в путь отправился и 30-й кавалерийский полк. 15 мая он прибыл на русско-монгольскую границу, протянувшуюся по быстрой мутной р. Джида, где сменил 266-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии. К. К. Рокоссовский получил задачу по охране 70-верстного участка границы на правом фланге дивизии. Под его руководством началось строительство оборонительных сооружений: окопов, блокгаузов, позиций для артиллерии. Наряду с этим прокладывались новые дороги, готовились этапные пункты и зимнее жилье. Одновременно командир полка не забывал и о боевой учебе. Красноармейцы совершенствовали огневую и тактическую подготовку, занимались в школах ликвидации безграмотности и политграмоты. Труды не пропали даром. Летом на дивизионных учениях кавалерийский полк показал хорошую выучку. Однако не все удавалось молодому командиру – имелись недочеты в организации управления подразделениями полка.

В аттестации, составленной на Рокоссовского военным комиссаром 30-й стрелковой дивизии Романовым, отмечалось: *«К общему делу организации Красной Армии относится как коммунист. Характер мягкий. В работе энергичный. Среди красноармейцев, комсостава и партийных организаций большим авторитетом пользуется. Смелый боевик, показывающий в наступлении пример храбрости… Занимаемой должности не вполне соответствует. Отсутствует умение правильно распределить силы полка… По занимаемой должности оставляет желать лучшего*[23]».

Возможно, что комиссар подошел к характеристике Рокоссовского не совсем объективно. Подразделения полка были разбросаны: штаб полка, 1-й и 2-й эскадроны находились в одной станице, 3-й эскадрон располагался верстах в четырех от штаба, а 4-й эскадрон – в одной из деревень, стоявшей вдали от границы. Личный состав полка, как и другие части дивизии, испытывал

серьезные затруднения с продовольствием. Кроме того, бойцы были заняты строительными работами, о чем командование дивизии знало.

18 августа 1920 г. К. К. Рокоссовский получил новое назначение – он стал командиром 35-го кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии, также входившей в состав 5-й отдельной армии. Части 30-й стрелковой дивизии в начале сентября получили приказ о переброске на Западный фронт, который в это время вел боевые действия против польской армии. Естественно, что Рокоссовский очень хотел вместе с дивизией возвратиться в места, где прошла его юность и где находилась сестра Хелена, о судьбе которой он уже пять лет ничего не знал. Поэтому он обратился с просьбой об оставлении в дивизии к ее начальнику И. К. Грязнову. *«Комполка 30 кавалерийского тов. Рокоссовский согласно приказа войскам армии № 1254 долженствующий отправиться в распоряжение начдива 35 для вступления в должность комполка 35 кавалерийского,* – говорилось в телеграмме Грязнова в штаб армии от 2 сентября, – *в связи с новым назначением дивизии ходатайствует, как старый доброволец, коммунист польской национальности, об оставлении его в дивизии и отправке с дивизией на Западный фронт. Подтверждая ходатайство тов. Рокоссовского, прошу об оставлении его в кавполку, независимо от командирования на должность комполка тов. Троицкого»*. Начальник штаба армии И. В. Смородинов карандашом вывел на телеграмме резолюцию: *«Сообщить начальнику 30-й стрелковой дивизии, что приказ по армии за № 1254 остается без изменения*[24]».

11 сентября 1920 г. Рокоссовский подписал приказ о вступлении в командование 35-м кавалерийским полком. Этот полк, как и другие части 35-й стрелковой дивизии, находился не в лучшем состоянии. Еще в конце июля комиссия, рассматривавшая положение дел в полку, признала, что строевая и боевая подготовка бойцов недостаточна, *«обмундирование пришло в ветхость и крайне оборванное, отчего вид людей крайне плохой. Шинелей нет, сапог недостаточно, и даже в строю находились босые. Белье по одной паре, портянок, полотенец и носовых платков нет*[25]». Рокоссовский 13 сентября докладывал начальнику дивизии К. А. Нейману: *«Доношу, что принятый мною 35-й конный полк в таком состоянии, в каком находится в настоящее время, как кавполк никакой боевой силы из себя не представляет. Из числа 437 лошадей, имеющихся в полку, половина подлежит выбраковке как совершенно негодная для несения службы. 35% конского состава с наминами спин, что служит доказательством непригодности к кавслужбе людей, в*

большинстве бывших пехотинцев и по недоразумению попавших в кавалерийский полк. Из имеющихся в полку 416 седел разного типа вполне исправных насчитывается 160, а остальные необходимо заменить и часть ремонтировать. Дабы избегнуть напрасной затраты фуража, необходимо назначить комиссию для выбраковки совершенно непригодных к дальнейшей службе лошадей… Донося Вам о состоянии полка, в каковом я его принял, прошу оказать содействие в пополнении конским составом, а также всем необходимым для приведения полка, как кавалерийского, в соответствующее состояние[26]».

Первым делом Рокоссовский занялся улучшением содержания конского состава. В новом рапорте, адресованном штабу 35-й стрелковой дивизии, он пишет: *«Доношу Вам, что дальнейшее оставление полка на стоянке в г. Иркутске влечет за собой факт лишения конского состава, так как опродкомдивом в зерне полку отказано, ввиду недостатка такового, сена также нет. Пастбище, коим до сего времени пользовался полк, в настоящее время совершенно выбито лошадьми; единственный выход из положения – скорейший вывод полка из Иркутска в деревню. Подходящим районом, и никем не занятым, является деревня Мальта (что 70 верст северо-западнее Иркутска) в двух верстах от железной дороги. В указанном районе полк в состоянии в крайности прокормиться даже соломой, коей там имеется в достаточном количестве..*[27]».

Настойчивость Рокоссовского принесла свои плоды: ему было разрешено вывести полк в указанный район. Здесь лошади быстро пошли на поправку, а бойцы получили возможность вплотную заняться боевой подготовкой. Командир полка составил достаточно плотное расписание занятий, которое включало строевую и специальную подготовку, изучение уставов, политическую подготовку, эскадронные учения (пеше по конному), полковые учения конные. На тактических занятиях отрабатывались действия эскадронов в сторожевом охранении, в наступательном и оборонительном бою. Не забывал Рокоссовский и о командирской подготовке, которая пока хромала в полку. «*Весь строевой комсостав в строевом отношении подготовлен в достаточной степени,* – отмечал Константин Константинович, – *дисциплинирован и исполнителен. В теоретическом – слабо, но заметно стремление к пополнению знаний. Отношение к служебным обязанностям – сознательное…*[28]».

Большое внимание уделялось сбережению оружия и приведению в порядок снаряжения. Прошло немногим более двух месяцев с момента вступления Рокоссовского в должность, а полк изменился до неузнаваемости. Инспектор кавалерии 5-й

отдельной армии, проводивший проверку в конце октября, отмечал: *«Люди полка размещены свободно, помещения содержатся в чистоте, довольствие получают на руки полностью. Обмундирование имеется в достаточном количестве и хорошего качества… Все оружие и оружейные принадлежности содержатся в образцовом порядке и чистом виде*[29]».

В начале декабря по приказу начальника дивизии 35-й конный полк перебросили в село Уян, расположенное в 48 верстах севернее станции Зима. Снова возникли проблемы с фуражом для лошадей, и красноармейцев нередко стали привлекать для проведения продразверстки. *«Доношу, что с выделением из состава полка отрядов по выполнению различных задач в полку осталось незначительное количество строевиков,* – докладывал Рокоссовский в январе 1921 г. инспектору кавалерии 5-й отдельной армии, – *кои поголовно расходуются для несения летпочты и домашних нарядов. Строевых лошадей в полку совершенно не осталось, так как все находятся в командировках. Люди, находящиеся в отрядах, разбросаны по улусам, по 2—3 человека, на протяжении 100 и более верст. Продолжительное пребывание в подобных условиях чувствительно отразится на спайке и дисциплинированности, а также на боевой и строевой подготовке людей полка, тем более, что полк все время находится в стадии формирования и таковое фактически закончено не было… Из донесений начальников выделенных из полка отрядов видно, что отряды, выполняя возложенную на них задачу по проведению разверстки, заездили, в положительном смысле этого слова, лошадей, кои приходят в совершенно непригодное для несения службы состояние. По-видимому, высшей инстанцией упущено из виду то обстоятельство, что полк, носящий название кавалерийского*(подчеркнуто Рокоссовским. – *Авт.*), *должен в любой момент по первому требованию выполнить возлагаемую задачу… Донося о вышеизложенном, ходатайствую перед Вами о принятии зависящих от Вас мер и оказании содействия к доведению полка к возможности не только носить название кавалерийского, но и походить на таковой*[30]».

Однако в то время командование армией было не в состоянии коренным образом изменить существующее положение. Кроме того, в соответствии с решением Правительства РСФСР началось сокращение численности Красной Армии. В начале февраля 1921 г. Рокоссовский получил приказ о демобилизации и переформировании полка в 35-й отдельный кавалерийский дивизион в составе двух эскадронов. Это решение вышестоящего командования задело самолюбие Константина Константиновича, который направил в штаб 35-й стрелковой дивизии донесение

следующего содержания: *«Прошу указать причины моего смещения с высшей на низшую должность. Согласно приказа РВСР 1648 перемещение производится только на основании указанных в приказе причин. По своему положению комкавдивом должен являться мой помощник по строевой части Раковский, и как поступить в отношении такового. По поводу моего назначения мною подан рапорт в штаб армии*[31]».

В ответ Рокоссовскому сообщили, что переформирование полка в дивизион явление временное, а потому не следует считать, что его понижают в должности. Не успел Константин Константинович завершить работу по формированию дивизиона, как ему пришлось выступить в поход. Этому предшествовали следующие события. 21 мая 1921 г. из Урги, столицы Монголии, начала выдвижение в сторону монгольско-советской границы Азиатская конная дивизия, насчитывавшая более 3 тыс. человек. Дивизией командовал выходец из старинного дворянского рода генерал-лейтенант барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг. Он отличился в годы Первой мировой войны, дослужившись до войскового старшины. В августе – октябре 1917 г. по поручению Временного правительства вместе с атаманом Г. М. Семеновым формировал добровольческие части в Восточной Сибири. Затем возглавил Азиатскую конную дивизию, участвовал в карательных экспедициях в Забайкалье, а в августе 1920 г. ушел в Монголию. В феврале 1921 г. дивизия изгнала китайцев из Урги, за что верховный глава Монголии Богдо-гэген присвоил Унгерну фон Штернбергу титул цин-вана (монгольского князя 1-й степени) и наивысшее звание, даруемое только чингизидам по крови – «Возродивший государство великий батор, командующий».

Унгерн фон Штернберг планировал разгромить красные войска в Сибири. С этой целью предусматривалось наступление по следующим направлениям: «а) Западное – ст. Маньчжурия; б) на Монденском направлении вдоль Яблонового хребта; в) вдоль реки Селенги; г) на Иркутск; д) вниз по р. Енисею из Урянхайского края; е) вниз по р. Иртышу. Конечными пунктами операции являются большие города, расположенные на магистрали Сибирской ж. д.[32]».

В то время как Азиатская конная дивизия совершала марш навстречу своей гибели, во Владивостоке при поддержке японских войск было свергнуто приморское земское правительство и учрежден в противовес Дальневосточной Республике «черный буфер». Власть в Приморье захватили братья С. Д. и Н. Д. Меркуловы (первый – бывший чиновник, второй – промышленник). Политбюро ЦК РКП(б), обсудив сложившуюся на Дальнем Востоке обстановку, приняло 28 мая решение оказать правительству ДВР финансовую и военную помощь, направить на Дальний Восток В. К. Блюхера, который был назначен военным министром и главнокомандующим Народно-революционной армией ДВР.[33]

Командование 5-й отдельной армии еще в начале февраля 1921 г. располагало сведениями о возможном вторжении частей генерала Унгерна фон Штернберга и своевременно приняло меры по оказанию противодействия противнику. Части 35-й стрелковой дивизии были спешно сосредоточены южнее озера Байкал. Дивизион Рокоссовского, совершив тяжелый переход от станции Мысовск через хребет Хамар-Дабан, прибыл 10 апреля в станицу Желтуринская, которая располагалась на р. Джида. 29 апреля бойцы дивизиона впервые столкнулись с одним из отрядов Азиатской конной дивизии, пытавшимся проникнуть на советскую территорию. После получасовой перестрелки враг отступил на территорию Монголии.

В конце мая в район станицы Желтуринская вышла 2-я конная бригада (два полка, китайский дивизион, монгольские подразделения) генерала Резухина. Начальник 35-й стрелковой дивизии К. А. Нейман немедленно стянул в этот район основные силы дивизии. Рокоссовский получил задачу провести 30 мая разведку противника. Эскадрон, направленный Константином Константиновичем, наткнулся в 18 верстах к югу от Желтуринской на крупный отряд противника и завязал с ним перестрелку. Пробиться через заставы врага эскадрону не удалось, и, выделив для наблюдения за противником 12 бойцов, он вернулся к главным силам дивизиона. В этот же день был обстрелян разъезд кавалеристов в другом месте. *«В общем, наблюдается со стороны противника разведка небольшими частями в районе Желтуры, – докладывал Рокоссовский начальнику дивизии, – по-видимому, с целью нападения на таковую*[34]».

Рокоссовский не ошибся – 31 мая бригада Резухина сбила заставы отдельного кавалерийского дивизиона и заняла кожевенный завод в девяти километрах от станицы Желтуринская. Рокоссовский немедленно принял меры для обороны станицы. Выслав разведку для установления сил

противника, он привел в боевую готовность весь личный состав дивизиона, приказал занять позиции и в случае наступления противника упорно обороняться. Одновременно договорился о взаимодействии с командирами стрелковых частей. Утром следующего дня Рокоссовский предпринял наступление на кожевенный завод и отбросил от него противника. Однако к вечеру подошли главные силы бригады Резухина. С 9 часов утра 2 июня бой возобновился. Используя подвижность своей конницы и малочисленность красноармейских частей, Резухин нанес поражение подразделениям 311-го стрелкового полка в пяти верстах южнее Желтуринской и вышел на ближние подступы к станице, где был остановлен.

После перегруппировки своих сил генерал Резухин в два часа дня возобновил наступление. Он сумел отрезать от основных сил и окружить 2-й батальон 311-го стрелкового полка. И только подход 35-го отдельного кавалерийского дивизиона позволил восстановить положение. В ожесточенной схватке с казаками был убит конь Рокоссовского, а сам он был ранен в ногу. Несмотря на это, Константин Константинович пересел на другую лошадь и продолжал руководить боем. Казаки начали поспешно отступать. Рана, полученная Рокоссовским, оказалась очень серьезной. Пуля перебила кость. В тот же день, сдав дивизион своему заместителю И. К. Павлову, Рокоссовский убыл в госпиталь, находившийся в Мысовске. Здесь он находился почти два месяца. За бой под станицей Желтуринской Константин Константинович был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Пока Рокоссовский лежал в госпитале, части 5-й отдельной армии, НРА ДВР и Монгольской народно-революционной армии (МНРА) нанесли поражение Азиатской конной дивизии, и ее остатки отступили на территорию Монголии. Для преследования был сформирован экспедиционный корпус из состава сил 5-й отдельной армии под командованием К. А. Неймана, который 6 июля вступил в Ургу. Однако генералу Унгерну удалось отойти с 1-й конной бригадой в район Ахай-Гун-Хуре, где к нему присоединилась 2-я конная бригада генерала Резухина. Затем противник обошел с запада 105-ю стрелковую бригаду и долинами рек Джида и Селенга 21 июля начал продвижение на Верхнеудинск (Улан-Удэ).

В конце июля казачьи отряды приблизились к Мысовску. Рокоссовский, получив известие об этом, потребовал, чтобы его немедленно выписали из госпиталя. Врачи не смогли противостоять решительному командиру. Через несколько дней Константин Константинович, еще не оправившийся полностью от ранения, прибыл в район боевых действий. Здесь он сформировал

сводный отряд (около 200 сабель, 500 штыков, два орудия) из тыловиков и выздоравливающих красноармейцев. Во главе этого отряда Рокоссовский выступил через хребет Хамар-Дабан навстречу врагу. Однако принять участие в боевых действиях ему не пришлось. Войска 5-й отдельной армии во взаимодействии с партизанским отрядом П. Е. Щетинкина в ожесточенных боях 5—7 августа разгромили части Азиатской конной дивизии. Генерал Унгерн 22 августа был взят в плен монголами и выдан партизанам. 15 сентября по приговору Чрезвычайного ревтрибунала Сибири Унгерн фон Штернберг был расстрелян в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Разрозненные остатки его войск, бежавшие в Восточную Монголию, были рассеяны и уничтожены конницей НРА ДВР и МНРА. Только отдельным группам удалось уйти в Маньчжурию и Западную Монголию.

К. К. Рокоссовский, находившийся в Троицкосавске, получил приказ начальника штаба экспедиционного корпуса вновь вступить в командование 35-м отдельным кавдивизионом, который в это время находился в Монголии. 24 августа Константин Константинович встретился в далекой монгольской степи с бойцами своего дивизиона и отрядом Щетинкина, возвращавшимися в Россию. В соответствии с приказом командира экспедиционного корпуса отряд Щетинкина вошел в состав дивизиона и был развернут в 35-й кавалерийский полк под командованием Рокоссовского. В декабре следует новое назначение – командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, располагавшейся в Забайкалье.

После разгрома основных сил белогвардейцев и интервентов в обстановке разрухи в народном хозяйстве, в сложных внутри– и внешнеполитических условиях перед руководством РСФСР в числе многих других встали и неотложные задачи в области военного строительства. По своей многоплановости, масштабам и значимости они в конечном итоге обусловили необходимость проведения в стране военной реформы.

Вопросы, связанные с реформированием Вооруженных Сил, рассматривались на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. На съезде были приняты тезисы председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, которые соответствовали тогдашнему экономическому положению страны и характеризовались меньшей политизированностью. В постановлении, которое не предназначалось для опубликования, ставились следующие задачи: усилить пролетарский состав армии и укрепить ее коммунистами; строго проводить систему планового снабжения армии; принять меры к повышению политического и боевого уровня специальных технических частей, их материально-

техническому обеспечению; более планомерно и систематически использовать на командных должностях красных командиров; улучшить материальное положение комсостава; осуществить частичный переход к милиционным формированиям в районах с наиболее сплоченным пролетарским населением (Петроград, Москва, Урал). Съезд отверг предложения некоторых делегатов по ликвидации Красной Армии и немедленному переходу к милиционной системе. «*На ближайший период*, – говорилось в постановлении, – *основой наших вооруженных сил должна являться нынешняя Красная Армия, по возможности сокращенная за счет старших возрастов, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом*[35]».

В соответствии с решениями съезда численность Красной Армии с 5,3 млн. человек в конце 1920 г. была сокращена до 2,2 млн. к концу 1921 г., а к 1 октября 1922 г. – до 1,2 млн. человек[36]. Одновременно начался частичный переход к территориально-милиционной системе комплектования армии. В июне 1921 г. в Петрограде формируется первая милиционная бригада, в 1923 г. на территориально-милиционное положение переводятся 10 кадровых дивизий, а в 1925 г. уже насчитывалось 46 стрелковых и одна кавалерийская территориальная дивизия. Изменения, происходившие в армии, коснулись и 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. В начале июля 1922 г. она была преобразована в 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду трехполкового состава. Одним из полков – 27-м – стал командовать Рокоссовский.

В августе 1923 г. Рокоссовского назначили временно исполняющим обязанности командира отдельной Дальневосточной бригады, но уже в октябре он снова вернулся в свой полк. К этому времени в жизни Константина Константиновича произошла значительная перемена. Еще в августе 1921 г., возвратившись из Монголии, он встретил в Троицкосавске Юлию Петровну Бармину. Молодые люди понравились друг другу, но только в мае 1923 г. Константин Константинович решился сделать Юлии Петровне предложение. Она родилась в городе Кяхта в семье извозчика, окончила гимназию и с 1919 г. работала в городской библиотеке. В семье Барминых было восемь детей – три брата и пять сестер. В последующем судьба разбросала их по разным местам. Один брат работал бухгалтером в Новосибирске, второй – шофером в Кяхте, третий – чертежником в Военно-инженерной академии в Москве. Одна из сестер работала на почте в Новосибирске, вторая вышла замуж за командира пограничной заставы, расположенной в Средней Азии, третья – за старшего политрука, четвертая – за

слушателя Академии моторизации и механизации РККА.

Рокоссовский, вернувшись в свой полк, как и прежде, много времени уделял обучению личного состава полка, его материально-техническому снабжению, повышению боеспособности. Результаты за короткий срок оказались впечатляющими. По итогам 1924 г. полк был признан лучшим в Сибирском военном округе. Командир 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады Писарев и военком бригады Хрусталев высоко оценили Рокоссовского, его незаурядные организаторские способности и талант. Представляет интерес составленная в конце ноября 1923 г. аттестация на Рокоссовского, в которой говорилось: *«Обладает твердой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчиненным, равно как и к себе, требователен. Заботлив. Пользуется любовью и популярностью. Военное дело любит. Состояние здоровья удовлетворительное, но требует постоянной поддержки вследствие ряда ранений. Походную жизнь переносит легко. Обладает незаурядными умственными способностями, с любовью относится к своей работе, уделяя больше внимания работе боевой, организационной и административной работе уделяет менее внимания. Член РКП. Образование имеет пять классов гимназии. Специального военного образования не имеет, но, любя военное дело, работает над собой в области самоподготовки. Обладает большим практическим стажем и боевым опытом в Красной Армии, равно как и боевым опытом империалистической войны. Полученный опыт с пользой применяет в обстановке мирной жизни, стараясь его обосновать и теоретически. Награжден двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать на курсы. В должности комполка вполне соответствует*[37]».

На аттестации командующий 5-й отдельной армией И. П. Уборевич (Уборявичус) написал 3 декабря следующее: *«Заслуживает выдвижения на должность комбрига кав. не отдельной вне очереди».*

Мнение командира и комиссара 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады о необходимости командировать Рокоссовского на курсы не осталось без внимания. Осенью 1924 г. молодого командира направляют в Ленинград на учебу в Высшую кавалерийскую школу. Здесь К. К. Рокоссовский познакомился с Г. К. Жуковым, И. Х. Баграмяном, А. И. Еременко, которые, как и

он, стали впоследствии видными советскими полководцами.

Высшую кавалерийскую школу возглавлял В. М. Примаков, но вскоре его сменил известный теоретик кавалерийской тактики М. А. Баторский. Школа была преобразована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), время обучения сократили до одного года, что, естественно, еще больше увеличило нагрузку слушателей. Основное внимание на курсах уделялось изучению тактики, новых средств борьбы, умению организовать бой и осуществлять взаимодействие с артиллерией и танками. Изучалась также организация армий вероятных противников. По словам самого К. К. Рокоссовского, на курсах его чрезвычайно впечатлил рассказ одного из преподавателей-военспецов о немецком военном теоретике К. Клаузевице, одно время служившем в русской армии. И с тех пор Рокоссовский всегда стремился обогащать боевую практику глубоким изучением военной теории.

Слушатели курсов изучали методику проведения занятий по огневой подготовке и материальную часть оружия, состоявшего на вооружении конницы. По давней традиции, на высоком уровне велось обучение верховой езде, выездке, владению холодным оружием. Курсы являлись еще и своеобразной лабораторией конного спорта как прикладного вида для конных соединений, и слушатели по окончании курсов обычно становились в частях главными инициаторами широкого развития конного спорта. Рокоссовский вместе с Жуковым, Баграмяном и другими спортсменами курсов принимал активное участие во всех спортивных состязаниях. Кроме того, Константин Константинович значительную часть личного времени уделял фехтованию на саблях и эспадронах. Немногочисленные зрители становились свидетелями ожесточенных поединков: на эспадронах сражались друг с другом будущие Маршалы Советского Союза Жуков и Рокоссовский, причем успех чаще сопутствовал последнему.

Во время учебы в летние месяцы слушатели выезжали на полевую практику, где решали задачи по тактике действий конницы, совершенствовали технику верховой езды. Завершала полевую учебу длительная поездка по современной Новгородской области. В ее финале устраивался конный пробег от Новгорода до Ленинграда. Двухсоткилометровый путь преодолевали за сутки. Непосредственно перед выпуском была проведена большая военная игра.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, вспоминая о своей учебе в Ленинграде, писал: *«Константин Константинович выделялся своим почти двухметровым ростом. Причем он поражал изяществом и элегантностью, так как был необычайно строен и*

поистине классически сложен. Держался он свободно, но, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка, освещавшая его красивое лицо, притягивала к себе. Эта внешность как нельзя лучше гармонировала со всем душевным строем Константина Константиновича, в чем я вскоре убедился, крепко, на всю жизнь сдружившись с ним[38]».

По окончании курсов в августе 1925 г. Рокоссовского вновь направили в Забайкалье, где его ждали жена, уехавшая туда ранее, и только что появившаяся на свет дочь Ада.

6 сентября Рокоссовский снова вступил в командование полком, который стал именоваться 75-м кавалерийским полком. Но уже через неделю он получает повышение – становится исполняющим должность командира 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады. Все основное внимание, как и прежде, Константин Константинович уделяет боевой и строевой подготовке, политической работе среди бойцов и командиров, а также оказывает помощь властям Бурят-Монгольской АССР в формировании национального бурят– монгольского кавалерийского эскадрона. Среди бойцов и командиров бригады Рокоссовский пользовался большим уважением и авторитетом. Генерал-майор в отставке М. И. Сафонов, проходивший службу в 5-й отдельной Кубанской кавбригаде красноармейцем, а затем заместителем командира взвода, писал: *«Я сейчас, вспоминая то время, часто задумываюсь, за что же мы любили своего командира? За то, что старался больше бывать в эскадронах, а не в штабе? За то, что в казармах и на учебном поле учил нас, командиров, организации занятий? Или за то, что сам был застрельщиком и участником многих состязаний по боевой подготовке? Пожалуй, за все это, вместе взятое*[39]».

1 июля 1926 г. Рокоссовский получил новое назначение – военным инструктором 1-й кавалерийской дивизии Монгольской народно-революционной армии. В течение двух лет он передавал весь свой богатый опыт монгольским командирам, помогая им в формировании и обучении кавалерийских подразделений и частей. В октябре 1928 г. Константин Константинович вернулся на Родину, получив назначение на должность командира и комиссара 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады. Но уже в январе следующего года его направляют в Москву на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС).

Преподаватели курсов, как правило, лучшие специалисты в области тактики и оперативного искусства, стремились помочь своим слушателям усвоить ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомить их с образцами

новой техники и вооружения, которые в это время начали поступать в части Красной Армии.

В апреле 1929 г., завершив обучение на курсах, Рокоссовский вновь вернулся в Забайкалье. Теоретические знания предстояло теперь закрепить на практике при обучении бойцов и командиров 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады. Но вскоре Константину Константиновичу пришлось опять вступить в бой.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена на средства России в 1897—1903 гг. Согласно русско-китайскому договору 1896 г. она с момента постройки в течение 80 лет являлась собственностью «Общества Китайско-Восточной железной дороги». По истечении этого срока дорога бесплатно переходила в распоряжение китайского правительства. 31 мая 1924 г. в Пекине было подписано «Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Один из его пунктов предусматривал пересмотр прежнего устава «Общества КВЖД» и установление совместного советско-китайского управления дорогой на паритетных началах. Одновременно было заключено «Соглашение о временном управлении КВЖД», определившее ее статус как чисто хозяйственного, коммерческого предприятия и порядок совместной эксплуатации дороги, а также предусматривавшее сокращение срока ее аренды с 80 до 60 лет.[40]

Однако претворение в жизнь заключенного соглашения сразу же натолкнулось на серьезные трудности. К середине 20-х гг. Китай оказался поделенным между несколькими враждовавшими между собой милитаристскими группировками. Правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь, не признававший пекинское правительство, подписал 20 сентября 1924 г. в Мукдене договор, в соответствии с которым к СССР перешло не только формальное, но и фактическое право пользования КВЖД. Но Чан Кайши, прежний союзник СССР, пришедший к власти в Китае 12 апреля 1927 г., принял решение захватить КВЖД. Эта задача возлагалась на нового правителя Маньчжурии маршала Чжан Сюэляна. Его войска заняли 10 июля 1929 г. телеграф по всей линии КВЖД, закрыли торговое представительство СССР, отделения Госторга и Совторгфлота, отстранили от должности управляющего дорогой и арестовали более 200 советских работников, которые затем подверглись насилиям и издевательствам со стороны китайских властей.

Вдоль советско-китайской границы началось сосредоточение маньчжурских войск и отрядов, сформированных из русских эмигрантов. Правительство СССР 13 июля заявило решительный протест по поводу беззаконных действий китайских властей и

предложило начать переговоры с целью мирного урегулирования конфликта. Но данное предложение не было принято, а потому 17 июля Правительство СССР сообщило китайскому правительству об отзыве своих официальных представителей, прекращении железнодорожной связи между обеими странами, и предложило китайским дипломатам немедленно покинуть пределы Советского Союза. С этого момента события приобрели необратимый характер. Посредничество Франции и США с целью урегулирования возникшего конфликта не увенчалось успехом. 20 июля Чан Кайши обратился к армии с призывом к борьбе против СССР.

Резкое обострение отношений с Китаем потребовало принятия экстренных мер по укреплению дальневосточных границ Советского Союза, поэтому Реввоенсовет СССР 6 августа 1929 г. постановил «объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование «Особая Дальневосточная армия[41]». Командующим армией был назначен В. К. Блюхер.

После создания Особой Дальневосточной армии (ОДВА) китайские власти провели демонстрацию военной силы. 18 августа сформированные из белоэмигрантов отряды и два батальона китайской регулярной армии нарушили советскую границу в районе села Полтавка. Через три дня было объявлено о введении чрезвычайного военного положения на территории Маньчжурии, и там началось сосредоточение крупного контингента китайских войск. Одновременно продолжались расправы с аккредитованными в Китае работниками советских учреждений, из числа которых более 3 тыс. человек было заключено в концлагеря.[42]

Несмотря на это, обе стороны не исключали возможность мирного урегулирования конфликта. Но эта возможность не была реализована из-за того, что китайская Сунгарийская речная военная флотилия в первой половине октября обстреляла караван судов на Амуре и предприняла попытку высадить десант на советской территории. Это вынудило Правительство СССР пойти на проведение вооруженной акции против китайских частей.

По данным разведывательного отдела штаба ОДВА, Мукденская армия маршала Чжан Сюэляна насчитывала около 300 тыс. солдат и офицеров и ок. 70 тыс. человек в отрядах русских эмигрантов. Сунгарийская речная военная флотилия имела в своем составе 11 боевых кораблей и вооруженных пароходов[43]. Ее операционная база находилась в городе Лахасусу (Тунцзян), расположенном на правом берегу Сунгари, впадающей в Амур. Здесь также были сосредоточены 9-я пехотная

бригада и отряд морской пехоты. Всего на сунгарийском направлении, включая районы Лахасусу и Фугдина (Фуцзинь), китайское командование имело почти 6 тыс. солдат и офицеров. Вокруг Лахасусу был возведен мощный береговой укрепленный район с многочисленными огневыми точками. Устье Сунгари было заминировано, а выше по течению располагались боновые заграждения из связанных между собой толстых бревен.

Мощные оборонительные сооружения китайцам не помогли. По решению В. К. Блюхера 12 октября части 2-й Приамурской стрелковой дивизии при поддержке кораблей Дальневосточной речной военной флотилии, а также 40-й бомбардировочной эскадрильи имени В. И. Ленина и 68-го отдельного авиационного гидроотряда нанесли удар по укрепленным позициям китайских войск. В ходе операции, которой руководил начальник штаба ОДВА А. Я. Лапин (Лапиньш), было нанесено поражение китайской Сунгарийской речной военной флотилии и захвачен Лахасуский береговой укрепленный район. После этого Лапин провел 30—31 октября новую операцию, завершившуюся полным разгромом военной флотилии противника, и овладел укрепленным районом в Фугдине (Фуцзинь).

Теперь предстояло уничтожить группировки противника, сосредоточенные на других участках советско-китайской границы. В районе города Маньчжурия противник имел более 9 тыс. солдат и офицеров, в Чжалайноре – почти 6 тыс., у станций Цаган и Хайлар —около 5 тыс. и столько же в ближайшем тылу[44]. Вокруг городов Маньчжурия и Чжалайнор китайские войска создали мощную систему укреплений. Она имела глубину до 4—8 км и включала опорные пункты, развитую сеть окопов и ходов сообщения с убежищами. Пулеметы и орудия находились в защищенных огневых точках, имевших перекрытие в один-два ряда рельсов или бревен и с земляной насыпью до полутора метров. Город Маньчжурия с северной стороны прикрывал противотанковый ров глубиной до трех метров и шириной по дну также в три метра. Еще более мощный противотанковый ров был отрыт у Чжалайнора.

По указанию В. К. Блюхера штаб ОДВА разработал план Маньчжуро-Чжалайнорской наступательной операции, предусматривавший окружение и последовательный разгром по частям войск китайского Северо-Западного фронта (более 15 тыс. человек). Для проведения операции привлекалась Забайкальская группа войск ОДВА (около 8 тыс. штыков и сабель) под командованием С.С. Вострецова[45]. На подготовку к операции отводилось шесть суток. Однако с самого начала возник ряд трудностей, которые не удалось полностью преодолеть.

В Забайкальской группе войск почти отсутствовали армейские и дивизионные тылы, части и соединения испытывали значительный некомплект в личном составе по штатам мирного времени, не говоря уже о штатах на период боевых действий. Командующий группой С. С. Вострецов своеобразно воспринял указание В. К. Блюхера о секретности подготовки операции. К разработке ее плана привлекались только начальник штаба группы Г. И. Кассин и начальник оперативного отдела Я. Я. Вейкин. Руководители различных служб, в том числе начальник артиллерии, от этой работы были устранены.

Поздно вечером 16 ноября Блюхер провел совещание в штабе Забайкальской группы войск, на котором были уточнены план операции и порядок ее проведения. В соответствии с планом предусматривалось силами 21-й стрелковой дивизии блокировать с севера, востока и запада гарнизон противника в городе Маньчжурия. Предполагалось, что один полк 36-й стрелковой дивизии нанесет удар по городу с юго-востока, а остальные силы дивизии с танковой ротой будут наступать в южном направлении с целью перерезать железную дорогу между станцией Маньчжурия и Чжалайнором и разобщить группировку противника. Части 35-й стрелковой дивизии получили задачу нанести удар на Чжалайнор с севера, а одному батальону 104-го стрелкового полка следовало занять господствующую высоту в 5 км юго-восточнее города и не допустить отход противника на Хайлар. 5-й Кубанской кавалерийской бригаде предстояло глубоким охватывающим маневром выйти на южную окраину Чжалайнора и во взаимодействии со стрелковыми частями уничтожить противника в самом городе. В последующем предусматривалось главными силами Забайкальской группы войск наступать на северо-запад и совместно с 21-й стрелковой дивизией уничтожить вражескую группировку в городе Маньчжурия.

Соединениям и частям Забайкальской группы войск предстояло действовать в исключительно трудных условиях. Местность на китайской территории открытая, долина между реками Аргунь и Мутная Протока, залитая осенними дождями, после сильных морозов превратилась в ледяное поле.

К. К. Рокоссовский, получив задачу на наступление, немедленно отдал приказ о сосредоточении частей бригады (1,5 тыс. человек) в исходный район. 73-й кавалерийский полк, выступив в полночь 11 ноября, в три ночных и один дневной переход без дневок прошел 300 км. Главные силы бригады во главе с Рокоссовским начали движение в 10 часов 15 ноября и за сутки преодолели более 100 км. В. К. Блюхер, оценивая состояние частей Забайкальской группы войск к началу операции, отмечал:

«В частях 36-й сд и 5-й кавбригады чувствовалась измотанность сил. Последний полк кавбригады, сделав за день большой переход, к моменту нашего приезда стоял на улицах поселка (Абагайтуевский. – *Авт.*) *в ожидании места для оставшегося короткого отдыха. На всем лежала печать нервности, отчасти бестолковости. Руководящий состав выглядел издерганным, растратившим свои силы еще до боя*[46]».

В час ночи 17 ноября 5-я отдельная Кубанская кавбригада выступила из поселка Абагайтуевский. По скользкому, но уже крепкому льду она перешла через Аргунь, и к 7 часам утра передовой 75-й кавалерийский полк вышел к линии железной дороги в тылу Чжалайнорского гарнизона. Когда об этом доложили Рокоссовскому, тот отдал приказ: «Взорвать железнодорожное полотно! Вывести из строя телеграфную линию!»

На рассвете 17 ноября войска Забайкальской группы начали артиллерийскую подготовку, поддержанную ударами авиации с воздуха. Через час после ее начала красноармейцы, одетые в полушубки и валяные сапоги, перешли в наступление. Сильный мороз и пронизывающий ветер не являлись помехой для бойцов. Страшнее оказались недостатки, допущенные при подготовке операции, особенно невыполнение указания Блюхера о проведении воздушной разведки обороны противника. Для наступающих неожиданными оказались окопы на южных подступах к Чжалайнору и противотанковые рвы. Части 36-й стрелковой дивизии наступали без огневой поддержки, хотя Вострецов и уверял Блюхера в ее твердом обеспечении. Один из танковых взводов остановился перед противотанковым рвом. На фоне этой картины резким контрастом выглядят воспоминания Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова, который на период операции был прикомандирован к штабу ОДВА как владеющий китайским языком. *«Танки беспрепятственно дошли до китайских позиций и открыли огонь вдоль окопов,* —писал Чуйков в своей книге «Миссия в Китае». – *Пулеметный огонь отрезвил китайцев. Они в панике побежали. Десять танков без каких-либо потерь с нашей стороны прорвали оборону противника*[47]».

Появление 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады в тылу китайских войск стало, по всей вероятности, полной неожиданностью для них, потому что буквально через несколько минут после выхода кубанцев к железной дороге со стороны Чжалайнора показался поезд, следовавший на Хайлар. Так как саперы не успели взорвать путь, батарея кубанцев по приказу Рокоссовского, развернувшись, с открытой позиции несколькими снарядами остановила состав. Из вагонов в панике начали

выскакивать офицеры и солдаты, которые, ведя беспорядочную стрельбу, бросились врассыпную. Их начал преследовать один из эскадронов 74-го кавалерийского полка, который захватил в плен 13 солдат и 16 офицеров.

Бригада Рокоссовского, захватив вражеский поезд, переправилась по льду через Мутную Протоку и овладела сопкой «Мать». После этого продвижение замедлилось, так как стрелковые части, которые должны были атаковать Чжалайнор с севера, еще не подошли. Противник предпринимал отчаянные атаки, пытаясь отбросить части 5-й отдельной Кубанской кавбригады. Однако Рокоссовский уверенно управлял боем, маневрируя огнем, переходя частью сил в контратаки. Особенно тяжело досталось 75-му кавалерийскому полку, которому пришлось отражать наступление конницы, состоявшей из бывших белогвардейцев. Генерал армии Г. И. Хетагуров, командовавший в то время артиллерийской батареей, вспоминал: *«Мне до того никогда не приходилось видеть такой яростной рубки. Велики были потери белогвардейцев, но и 75-й кавполк потерял при этом свыше семидесяти человек, в том числе лучшего командира эскадрона кавалера двух орденов Красного Знамени близкого моего друга Ф. И. Пилипенко*[48]».

В 20 часов вечера части бригады Рокоссовского отошли с занимаемых позиций в район сопки «Мать», где и провели ночь под открытым небом, при низкой температуре и сильном северо-западном ветре. К этому времени войска Забайкальской группы ценой значительных усилий окружили две китайские бригады. Однако недостаток артиллерии, особенно тяжелой, затруднил подавление огневых точек противника и разрушение его оборонительных сооружений. Это явилось одной из причин скромных результатов первого дня операции.

Утром 18 ноября войска Забайкальской группы возобновили наступление. Авиация подвергла бомбовым ударам вражеские позиции, а артиллерия, учтя предыдущий опыт, обеспечила пехоте непрерывную огневую поддержку. К исходу дня части 35-й и 36-й стрелковых дивизий и 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады сломили сопротивление чжалайнорской группировки противника. В. И. Чуйков, наблюдавший за действиями бригады Рокоссовского, отмечал: «*Нужно отдать справедливость командирам кубанской бригады, которые ночью хорошо подготовили маневр и взаимодействие пеших и конных атак с артиллерией. Последняя на больших аллюрах выскакивала на открытые позиции и огнем прямой наводкой стрельбой картечью прокладывала дорогу кавалеристам. Кавалеристы в полном смысле слова врубались в укрепленные боевые порядки*

китайцев. От их сабельных ударов не одна сотня солдат противника свалилась в заснеженных степях Маньчжурии[49]».

Часть китайских войск все же сумела вырваться из Чжалайнора и уйти на юг. В погоню за ними Рокоссовский отправил 75-й кавалерийский полк, который настиг противника юго-западнее разъезда Аргунь и уничтожил его. В ночь на 19 ноября Забайкальская группа войск возобновила наступление и после ожесточенных боев овладела станцией Маньчжурия. Одновременно войска Приморской группы разгромили группировку противника в районе Мишаньфу. 22 декабря в Хабаровске между китайскими и советскими представителями был подписан протокол о восстановлении прежнего положения на КВЖД.

В ходе боевых действий на КВЖД войска ОДВА потеряли убитыми 199 человек, умершими от ран – 27, умершими от болезней – 22, пропавшими без вести – 32, ранеными, контуженными и обмороженными 729 человек[50]. Потери бригады Рокоссовского составили 11 человек убитыми и 7 человек ранеными. Особая Дальневосточная армия за мужество и героизм своих воинов была награждена орденом Красного Знамени, а ее командующий В. К. Блюхер – орденом Красной Звезды № 1. К. К. Рокоссовский 13 февраля 1930 г. был удостоен ордена Красного Знамени.

В боях на КВЖД 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада показала отличную боевую выучку. В своих «Выводах и пожеланиях по рассмотрению боевых операций, проведенных 5-й отдельной Кубанской кавбригадой» Рокоссовский отмечал: *«Действия частей бригады в конном строю (конные атаки) имели место в течение всех трех дней операции и полностью себя оправдали, так как конными атаками противнику был нанесен наибольший ущерб. За период боев частями бригады было проведено до восьми атак, и все они имели положительные результаты… Успех атак обеспечивался их внезапностью, стремительностью и правильным нацеливанием подразделений*[51]».

В начале 1930 г. К. К. Рокоссовский распростился с кубанцами и отправился на Запад: он получил назначение на должность командира 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии, входившей в состав Белорусского военного округа. Дивизия включала четыре полка (37, 38, 39 и 40-й) и насчитывала 7 тыс. человек. Она располагалась в Минске и его окрестностях. Одним из полков, 39-м кавалерийским, командовал Г. К. Жуков, который вспоминал: *«С Константином Константиновичем Рокоссовским, как я уже упоминал, мы вместе учились в 1924—1925 годах в Ленинграде на*

ККУКС и хорошо знали друг друга. Ко мне он относился с большим тактом. В свою очередь, я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт в руководстве боевой подготовкой и воспитании личного состава. Я приветствовал его назначение и был уверен, что К. К. Рокоссовский будет достойным командиром старейшей кавалерийской дивизии. Так оно и было[52]».

Начало 30-х гг. было отмечено знаменательными событиями в жизни Красной Армии, получившими в отечественной литературе определение «техническая реконструкция Вооруженных Сил». Она опиралась на форсированную индустриализацию государства, милитаризацию его экономики, подчинение целям обороны всех социальных программ. В постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР» от 15 июля 1929 г. требовалось создать современную военно-техническую базу для обороны страны.[53]

В соответствии с первым пятилетним планом развития РККА (1929—1933 гг.) предусматривалось полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники, создать новые технические рода войск (авиацию, бронетанковые войска) и специальные войска (химические, инженерные и др.), повысив их удельный вес в системе Вооруженных Сил, а кроме того модернизировать старое оружие и военную технику, моторизовать пехоту, кавалерию и артиллерию, осуществить массовую подготовку технических кадров[54]. По численности войск РККА должна была не уступать вероятным противникам на главном театре военных действий – Западном, а в технике – превосходить противника по трем решающим видам вооружения, а именно: по самолетам, артиллерии и танкам.

В результате реализации этих планов, начиная с 1932 г., в войска во все возрастающих количествах стали поступать новые системы оружия и военной техники. Сухопутные войска получили усовершенствованный станковый пулемет «Максим», модернизированную трехлинейную винтовку С. И. Мосина образца 1891/30 гг., а затем новые ручные, зенитные, танковые и авиационные пулеметы. На вооружение артиллерии поступили 45-мм противотанковая пушка, новые более дальнобойные и скорострельные 122-мм и 152-мм пушки, 76-мм зенитная пушка, 203-мм гаубица и 82-мм миномет. Это позволило увеличить огневую мощь стрелковых и кавалерийских соединений более чем в два раза. Благодаря быстрому развитию танковой промышленности в войска во все большем количестве поступала новая бронетанковая техника: легкие танки Т-18, Т-26, БТ-2 и БТ-5, средние и тяжелые танки Т-28 и Т-35, танкетки Т-27, плавающие танки Т-37 и Т-38. Они могли развивать высокую

скорость, однако имели недостаточно мощное вооружение и броню. Войска связи стали оснащаться более совершенными радиостанциями типа 6 пк, 5 ак, телефонными аппаратами УНА-Ф-31, ТАМ, телеграфными аппаратами НОТА-34, СТ-35 и др. В инженерные войска начали поступать переправочные парки Н2П и НЛП, легкопереправочные средства, средства механизации и электрификации инженерных работ, проволочные малозаметные препятствия, противопехотные и противотанковые мины. Быстро развивались военно-воздушные силы. Уже к началу 30-х гг. ВВС РККА получили более совершенные истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5 (они же самолеты-разведчики), штурмовики ТШ-2.

Наряду с техническим переоснащением армии совершенствовалась и ее организационная структура. В состав стрелковой дивизии впервые включается танковый батальон. В два раза увеличилось количество пулеметов, в 2,7 раза – артиллерийско-минометное вооружение. В стрелковый корпус вместо двух корпусных артиллерийских дивизионов включаются два артиллерийских полка, вводятся отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и саперный батальон.[55]

Существенной реорганизации подверглась конница. С 1926 г. кавалерийская дивизия стала включать вместо трех бригад две и пулеметный эскадрон. Затем в ее состав вошли танковые подразделения и увеличилось количество орудий. Организационное развитие артиллерии осуществлялось в направлении укрупнения ее частей и соединений. Удельный вес дивизионной артиллерии уменьшился с 82% до 64%. В то же время состав корпусной артиллерии возрос с 12% до 22%.[56]

Наиболее крупные и радикальные организационные мероприятия проводились в области строительства и развития бронетанковых и механизированных войск. В 1930 г. формируется первая механизированная бригада, а в 1932 г. она развертывается в механизированный корпус, в состав которого входят две механизированные и стрелково-пулеметная бригады, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, более 500 танков и 200 автомобилей.[57]

С 30-х гг. в Красной Армии появляется новый род войск – воздушно-десантные войска. Начало этому положили сформированные в марте и июне 1931 г. в Ленинградском военном округе нештатный опытный авиамотодесантный и нештатный парашютно-десантный отряды. В следующем году был образован штатный авиамотодесантный отряд, развернутый в 1933 г. в авиационно-десантную бригаду особого назначения, а в 1936 г. дополнительно созданы 2 авиабригады и 3 авиадесантных

полка особого назначения.

В составе Военно-Воздушных Сил с 1929 г. формируются однотипные и смешанные авиационные бригады, а в 1933 г. началось формирование авиационных корпусов. С конца 1936 г., тяжелобомбардировочные корпуса были сведены в авиационные армии особого назначения (АОН), предназначенные для решения самостоятельных оперативно-стратегических задач. Новое качество приобретают войска ПВО. Их развертывание начинается с 1928 г., когда для прикрытия важнейших административных и промышленных центров начали создаваться зенитно-артиллерийские полки и посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В 1932 г. для прикрытия Москвы, Ленинграда и Баку были сформированы зенитно-артиллерийские дивизии ПВО, а для защиты других крупных городов – бригады и полки ПВО. В 1937 г. эти соединения и части преобразуются соответственно в корпуса и бригады ПВО.

В строительстве Вооруженных Сил наметился планомерный переход от смешанной системы комплектования армии к кадровой. К концу 1935 г. уже 77% дивизий стали кадровыми.[58] Одним из важнейших мероприятий по совершенствованию управления войсками стало введение единоначалия, которое частично существовало еще в годы Гражданской войны. Так, к 1928 г. командиры-единоначальники составляли: среди командиров корпусов – 84%, дивизий – 74%, полков – 48% и командиров подразделений – 42%.[59] В последующем их удельный вес неуклонно повышался, а за комиссарами сохранялись лишь функции партийного и политического руководства, они же несли ответственность за политико-моральное состояние частей и соединений.

В первой половине 30-х годов на подъеме находилась военно-теоретическая мысль. В стране издавались не только труды отечественных военных теоретиков, но и работы зарубежных военных исследователей. Рокоссовский, несмотря на свою занятость, находил время знакомиться со всеми новинками военно-теоретической литературы. Однако разобраться во всем этом многообразии было не так уж легко, хоть тогда и считалось, что у командиров Красной Армии есть верный компас – марксистско-ленинская теория. Нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов в своих приказах в качестве первоочередной задачи определял изучение марксистско-ленинского учения о войне и армии, «крепко помня, что нет такого участка практической работы в Красной Армии, где можно обойтись без марксистско-ленинской теории[60]». Особое внимание стало уделяться разработке так называемого нового

«пролетарского» способа ведения войны на основе учения Ленина о войне и работ Сталина, а также преодолению всех «буржуазных военных теорий» и разгрому «контрреволюционных кадров и их пораженческих теорий[61]».

В то время советские военные теоретики исходили из возможности войны как между империалистическими державами, так и их коалиции против СССР. При этом считалось, что во всех случаях победу одержит именно Советский Союз. Уверенность в победе основывалась, прежде всего, на растущей мощи Советского Союза и его Вооруженных Сил, а также на моральной поддержке трудящихся всех стран, якобы «кровно заинтересованных в сохранении мира». К сожалению, последующие события показали, что наивные расчеты на мировую революцию не оправдались.

Относительно характера возможной будущей войны высказывались различные точки зрения. М. В. Фрунзе писал: «Никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности[62]». В противовес этому Н. Е. Какурин считал, что весь опыт позиционной войны может иметь только историческое значение.[63] Но все-таки большинство военных теоретиков и военачальников исходили из того, что маневренные и позиционные формы борьбы придется органически сочетать. Например, М. Н. Тухачевский, анализируя Временный Полевой устав РККА (ПУ-36), отмечал, что *«в будущей войне позиционные фронты вполне возможны; если будут недооценены средства современной обороны, если не будут созданы в необходимых размерах наступательные средства борьбы и если войска не будут достаточно обучены сложному искусству современного наступательного боя*[64]». В печати развернулась травля бывшего генерала А. А. Свечина, являвшегося сторонником стратегии «измора».

В работах И. И. Вацетиса, Б. М. Шапошникова, А. М. Зайончковского, А. И. Корка, А. М. Вольпе, А. Н. Лапчинского и других военных теоретиков, несмотря на отдельные разногласия, проводилась мысль о том, что будущая война станет мировой, приобретет огромный размах и будет характеризоваться рядом новых черт как по занимаемому пространству и продолжительности и количеству участвующих в ней людских масс, так и по экономическим средствам, питающим войну. Они были убеждены, что воевать будут многомиллионные армии, оснащенные самым современным оружием и военной техникой. Военные действия охватят огромные территории на суше, на море и в воздухе. Воевать будет весь народ, вся страна, величайшее напряжение испытает весь государственный организм. Поэтому страну надо заблаговременно готовить к войне в экономическом,

военном и моральном отношениях.

Другой характерной чертой стратегического облика будущей войны советские военные теоретики считали ее наступательную направленность. Предполагалось, что в основе действий, как агрессора, так и стороны, отражающей его нападение, будут лежать преимущественно активные наступательные действия. В первую очередь это требование относилось к Красной Армии, что вытекало из основных принципов большевистской внешней политики, особенно в военной сфере. Это нашло отражение как в стратегическом планировании, так и в требованиях соответствующих уставных документов. Например, во Временном Полевом уставе РККА (1936) отмечалось:

«Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза, с перенесением военных действий на территорию врага. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Достижение решительной победы и полное сокрушение врага являются основной целью в навязанной Советскому Союзу войне[65]».

Это положение действовало как до начала Великой Отечественной войны, так и в ходе войны до принятия нового устава.

В военно-теоретических работах значительное внимание уделялось вопросу о начальном периоде будущей войны. В 1932 г. под руководством начальника Штаба РККА А. И. Егорова были доработаны тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов», автором которых являлся погибший в авиационной катастрофе начальник Оперативного управления – заместитель начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов. В тезисах подчеркивалось, что «новые средства вооруженной борьбы (авиация, механизированные и моторизованные соединения, модернизированная конница, авиадесанты и т. д.), их качественный и количественный рост ставят по-новому вопросы начального периода войны и характер современных операций». В этом документе определялись основные задачи групп вторжения: а) уничтожение частей прикрытия; б) срыв в пограничных районах мобилизации и новых формирований; в) захват и уничтожение запасов, образованных противником для ведения войны и удержание районов оперативного значения.[66] Решая эти задачи, стороны, по мнению Егорова, будут стремиться упредить противника в развертывании главных сил и захвате стратегической инициативы.

В тезисах особо подчеркивалось, что в начальный период главную опасность будет представлять авиация, которая

бомбовыми ударами и высадкой десантов может на глубине 600—800 км помешать перевозкам войск. Поэтому «основной гарантией возможности бесперебойного выполнения плана сосредоточения является наличие мощного воздушного флота, средств зенитной обороны…». Не меньшую опасность представляли подвижные соединения. Для их нейтрализации авторы тезисов предлагали использовать мощные механизированные группы и конные части, соответствующим образом дислоцированные в мирное время. Вместе с тем Егоров утверждал, что «группы вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армиям прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решительного поражения его главным силам. Это – задача последующего периода операций, когда закончится оперативное сосредоточение[67]».

Последующие исследования показали ошибочность таких установок. Выход в свет целого ряда теоретических трудов позволил глубже разобраться в сущности и содержании начального периода войны, особенностях проводимых в тот период операций и боевых действий. Советское высшее военное руководство исходило из возможности и неизбежности более решительных и масштабных действий в начальный период. Впрочем, и большинство отечественных военных теоретиков разделяли эту точку зрения. Так, М. Н. Тухачевский в работе «Характер пограничных операций» сделал вывод, что действия армии прикрытия выльются в ожесточенное пограничное сражение крупного масштаба, которое раньше считалось прерогативой главных сил. В связи с этим войска первого стратегического эшелона, призванные вести это сражение, Тухачевский назвал не армией прикрытия, а передовой армией.

«*Пограничное сражение,* – писал он, – *будут вести не главные силы армии, как это было в прежних войнах, а особые части, особая передовая армия, дислоцированная в приграничной полосе*[68]».

Большое значение военные ученые и практики придавали срыву планов противника в начальный период войны. Главным условием этого считались высочайшая бдительность, активность и решительность. Всеми единодушно подчеркивалось, что пассивность, выжидание могут привести к плачевным результатам. На основе теоретических исследований Штаб РККА разработал в 1934 г. проект «Наставления по ведению операции вторжения». В нем начальный период войны определялся как период борьбы за стратегическое развертывание вооруженных сил.

Изменение характера будущей войны в связи с быстрым ростом технических средств заставляло по-новому подойти к исследованию проблемы прорыва стратегического фронта противника. В тезисах Штаба РККА «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов» отмечалось, что новые средства борьбы (авиация, артиллерия РГК, танки) позволяют «поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка[69]». С учетом этого была разработана теория глубокого боя и операции, основа которой была заложена в трудах К. Б. Калиновского, В. К. Триандафиллова, М. Н. Тухачевского и других военных теоретиков.

Сущность теории глубокой операции и боя заключалась в одновременном подавлении обороны противника совместными ударами артиллерии и авиации на всю глубину и в прорыве ее тактической зоны на избранном направлении с последующим стремительным развитием тактического успеха в оперативный, который подразумевалось достичь вводом в бой или сражение эшелона развития успеха (танков, мотопехоты, конницы) и высадкой воздушных десантов для скорейшего достижения поставленной цели. Эта принципиально новая теория основывалась на применении массовых, технически оснащенных армий и указывала выход из своеобразного «позиционного тупика», в который зашла военная мысль в поисках форм и методов прорыва заранее подготовленной, сильно укрепленной обороны.

Однако некоторые военачальники высказывались скептически в отношении новой теории, учитывая недостаточную техническую оснащенность армии того времени. Например, командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич в своем докладе начальнику Штаба РККА от 29 марта 1932 г. отмечал: *«Если бы я думал, и если мы с Вами верим, что глубокая тактика в современном бою возможна и не окажется книжной кабинетной выдумкой мирного времени, тогда надо бы дать комкору (стрелкового корпуса) средства для атаки*[70]». По расчетам Уборевича, для успешного претворения в жизнь теории глубокой операции требовалось иметь «сплошной оперативный организм (армию)» в составе двух механизированных корпусов (1000—1200 танков), шести стрелковых дивизий (в каждой по 11 тыс. автомобилей), двух-трех кавалерийских дивизий (в каждой 300 автомобилей), двух штурмовых и истребительных авиационных бригад (400 самолетов).

Отечественная военная мысль признавала и правомерность, и необходимость обороны. Но постоянно подчеркивалось, что оборона – это вспомогательный вид военных действий и что обороной не только войну, но и сражение выиграть нельзя. Поэтому подготовка и воспитание армии велись в духе решительных и бескомпромиссных действий для достижения безусловной победы в будущей войне. Определенное внимание вопросам обороны все же уделялось. Так, во Временном Полевом уставе 1936 года отмечалось: «Оборона должна быть непреодолимой для врага, как бы силен он ни был на данном направлении[71]». В связи с этим требовалось повысить ее способность противостоять массированным ударам крупных сил артиллерии, авиации и танков. Однако дальнейшей разработке этих вопросов помешали репрессии. По существу, к данной проблеме вернулись лишь в 1940 г., уже после начала Второй мировой войны.

К. К. Рокоссовский, вступив в командование дивизией, снова перешел на другой уровень. Дивизия является основным тактическим соединением в вооруженных силах, предназначенным для выполнения боевых задач в составе корпуса, армии, фронта и других формирований, а также самостоятельно. Теоретически командиром дивизии мог стать человек, имевший только высшее военное образование в объеме военной академии. Но на практике, особенно в 20—30-е годы прошлого века, на эту должность в Красной Армии назначались инициативные, творчески мыслящие командиры, окончившие только курсы усовершенствования высшего начсостава. Поэтому назначение Рокоссовского на должность командира дивизии нельзя рассматривать как исключение, тем более что в то время РККА испытывала нехватку опытных командных кадров. Ведь большинство так называемых военных специалистов, бывших офицеров и генералов с академическим военным образованием было уволено по возрасту или в связи с их социальным происхождением, не соответствующим облику пролетарской армии.

Основой деятельности Рокоссовского на посту командира дивизии стал приказ Реввоенсовета СССР № 340/70 от 6 ноября 1929 г. «Об итогах боевой подготовки РККА и Флота за 1928/29 года и об учебных целях на 1929—1930 учебный год». В приказе отмечалось, что были достигнуты некоторые успехи в организации и поддержании взаимодействия между пехотой и артиллерией, особенно в звене полк – дивизия, войска впервые получили практику использования артиллерии РГК, механизированных войск и автотранспорта, более широко

проводились совместные учения авиации с наземными войсками[72]. В то же время в боевой подготовке были выявлены существенные недостатки: отсутствие твердых навыков в подготовке целесообразного решения путем ведения систематической разведки и личной рекогносцировки; частое нарушение управления войсками в динамике боя; слабая организация службы связи; неумение артиллерийских начальников по собственной инициативе сопровождать пехоту огнем и колесами и др. На новый учебный год Реввоенсовет СССР поставил следующие задачи: усвоить практическим путем Полевой устав 1929 года; овладеть искусством организации и ведения сложных форм боя; освоить высшие формы оперативного и тактического искусства; улучшить содержание учений, создавая на них предпосылки для творчества командиров; повысить подвижность и мобильность войск, артиллерийскую и техническую грамотность комсостава всех степеней; тренировать начсостав в управлении ударными группировками; поднять качество руководства боевой подготовкой; широко использовать моторизованные отряды в совместных действиях с другими родами войск и др.[73]

К. К. Рокоссовский, руководствуясь приказами РВС СССР и командующего войсками Белорусского военного округа А. И. Егорова, особое внимание уделял организации и проведению тактических учений. Части дивизии в 1930 г. отрабатывали темы, связанные с форсированием водных преград, ведением наступательного и оборонительного боя. Оценивая деятельность К. К. Рокоссовского на посту командира дивизии, Г. К. Жуков говорил: *«Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой, умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах – они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием…*[74]».

Еще более ответственные задачи Реввоенсовет СССР ставил перед армией на 1932 учебный год. К ним относились: решительное овладение искусством управления боем соединенных родов войск; освоение и применение современной техники и глубокой тактики, особенно на фронте ударных армий; наступление ударных группировок в условиях насыщения их современными техническими средствами; нанесение одновременного удара на всю глубину расположения противника (глубокий бой); применение танков, особенно танков дальнего

действия; атака и прорыв укрепленных районов и др.[75]

В войсках широко практиковались опытные тактические учения, связанные с отработкой вопросов организации и ведения глубокого боя и глубокой операции. Основными темами были: наступление ударной армии под угрозой флангового удара противника; подготовка и проведение армейской наступательной операции с перегруппировкой сил в сторону флангов; проход механизированного корпуса через фронт прорыва и действия его в оперативной глубине обороны противника и др. Весной 1932 г. в Белорусском военном округе состоялись учения с привлечением высшего начсостава по отработке пограничного сражения по прикрытию мобилизации, сосредоточения, оперативного развертывания и использованию укрепрайонов, а также наступательной операции в условиях пограничного сражения и с прорывом заблаговременно подготовленной обороны противника. Рокоссовский, как и другие командиры дивизий, принимал активное участие в этих учениях. Навыки, приобретенные им тогда, несомненно, пригодились ему в грозные годы Великой Отечественной войны.

Однако не все обстояло так гладко с освоением новых способов ведения боя и применением технических средств. И. П. Уборевич в своем докладе начальнику Штаба РККА А. И. Егорову от 5 мая 1932 г. отмечал: *«Командиры 3-го кавалерийского корпуса Тимошенко, 6-й кавалерийской дивизии – Вайнер, бывший командир 7-й кавалерийской дивизии – Рокоссовский подготовлены вполне удовлетворительно, но недооценивают опасности для кавалерии со стороны авиации*[76]». Особенно Уборевича тревожило то, что командиры дивизий по требованию наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова уделяют много времени личной стрелковой подготовке в ущерб оперативной подготовке.

Служба Рокоссовского в Белорусском военном округе оказалась непродолжительной. В начале 30-х годов резко обострилась обстановка на Дальнем Востоке. В 1931 г. Япония без объявления войны вторглась в Маньчжурию, рассматривая ее в качестве плацдарма для нападения на СССР. Это вынудило советское правительство принять срочные меры для укрепления своих восточных границ. В Забайкалье и Приморье передислоцировались новые части и соединения, а ранее там расположенные переформировывались и пополнялись. Одновременно в Забайкалье направлялись опытные командиры, знакомые с театром военных действий.

22 февраля 1932 г. Рокоссовский снова вступил в командование 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригадой Забайкальской группы войск. Ему предстояло развернуть бригаду

в 15-ю кавалерийскую дивизию. Она включала 64, 73, 74 и 75-й кавалерийские, 15-й конно-артиллерийский полки и 15-й отдельный механизированный дивизион, который в сентябре был переформирован в 15-й механизированный полк.

С первых дней вступления в должность командира 15-й кавалерийской дивизии Рокоссовский встретился с большими трудностями. Подготовка частей оставляла желать лучшего. Это наглядно видно из приказа Рокоссовского от 1 июня 1933 г., посвященного проверке 73-го кавалерийского полка. *«В основном низкая стрелковая подготовка этого полка объясняется общей расхлябанностью всего состава полка,* – отмечалось в приказе, – *неумением организовать стрельбы, отсутствием внешнего воинского вида, невысокой дисциплинированностью и попытками большинства начсостава свои неудачи объяснять различными объективными причинами».*

Рокоссовский продемонстрировал, что не собирается мириться с подобным отношением к обучению личного состава. Он объявил выговор командиру и его помощнику по политической части «за допущенную расхлябанность, неорганизованность и слабую подтянутость полка, а также за слабое знание начсоставом полка основных уставов[77]».

Командиры и красноармейцы сразу же ощутили твердую руку командира дивизии. В частях резко возросла активность боевой учебы. Практикой стали форсированные марши и марш-броски в любую погоду, днем и ночью, по дорогам и без дорог. Подразделения дивизии овладевали искусством с ходу развертываться в боевые порядки для стремительной атаки врага и преследования его до полного уничтожения. В соответствии с приказами командования Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и Забайкальской группы войск начсостав изучал организацию и тактику действий японской армии, уделяя особое внимание японскому языку. Рокоссовский требовал: *«На всех тактических учениях и штабных учениях практиковать опрос пленных по имеющимся словарям, пленных изображают один-два командира, отвечающих только на японском языке. С июля сего года во всех штабах частей установить один день в пятидневку, закрепив в этот день один час, в течение которого весь разговор в штабе лицами начальствующего состава ведется только на японском языке, пользуясь словарем. Изучению японского военно-разговорного языка придать исключительное значение, поставив целью к декабрю сего года овладеть всем начальствующим составом всей суммой слов разговорника словаря*[78]».

Рокоссовский непримиримо относился ко всем фактам

нарушения воинской дисциплины и очковтирательства. Так, некоторые командиры 64-го кавалерийского полка, стремясь улучшить свои показатели на стрельбах, часто завышали оценки своим подчиненным. В приказе Рокоссовского от 9 декабря 1933 г. по этому поводу говорилось: *«Такое явление говорит о потере бдительности со стороны ответственных за боевую подготовку лиц, забывших, по-видимому, о том, что части стоят на одной из ответственных на данном этапе границ, и от их повседневной боеготовности зависит исход первых боев с врагом, который попытается перейти эту границу, и что за обман самих себя частям придется в первых же боях расплачиваться большой кровью..»*[79].. За столь серьезный проступок командир 1-го эскадрона 64-го кавалерийского полка был отдан под суд, несколько других командиров получили по 20 суток ареста, а командир полка – строгий выговор.

Рокоссовский являлся образцом корректного и вежливого отношения к подчиненным и не прощал командиров, которые допускали грубость в обращении с бойцами. Свои принципы Константин Константинович изложил в приказе от 23 ноября 1934 г.: *«…Каждый командир и политработник обязан знать, что нет худшего в Красной Армии преступления, кроме измены и отказа от службы, как рукоприкладство, матерщина и грубость, то есть случаи унижения достоинства человека, человека, призванного в армию, которому дано оружие, который носит почетное звание красноармейца, защитника Советской Родины, – и что может быть почетнее этого?»* И далее говорилось: *«Нет командиров в РККА, не умеющих владеть собой, в нужный момент взять себя в руки, ибо такие люди не могут быть командирами, они в боевой обстановке неспособны будут вести людей в бой и заставить себя выполнять самые опасные задачи».* В то же время Рокоссовский решительно выступал против каких-либо послаблений дисциплины: *«Обращая внимание всего начсостава и младшего комсостава на решительное искоренение случаев грубости, нетактичности и оскорблений подчиненных, одновременно обращаю внимание и на недопустимость каких бы то ни было послаблений воинской требовательности к подчиненным. Командир должен быть командиром до конца, требовательным, настойчивым и решительно до конца проводящим свою волю, направленную на укрепление боеспособности армии…*[80]»

Настойчивость и требовательность Рокоссовского вскоре принесли свои плоды. Осенью 1933 г. 15-я кавалерийская дивизия по результатам проверки получила оценку «хорошо». За успехи в подготовке частей дивизии Рокоссовский был награжден орденом Ленина.

В 1934 учебном году 15-я кавалерийская дивизия, как и другие соединения Красной Армии, продолжала осваивать глубокую тактику. На тактических занятиях и учениях отрабатывались наступательный, оборонительный и встречный бои дивизии, усиленной мотомеханизированными частями и авиацией, а также самостоятельные действия в оперативном тылу противника во взаимодействии с мотомеханизированными соединениями и авиацией. Вся эта работа проводилась в соответствии с требованиями приказа РВС СССР № 0101 от 12 декабря 1933 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1933 год и задачах на 1934 год[81]». Столь же ответственные задачи были поставлены и в приказе наркома обороны СССР № 0102 от 17 декабря 1934 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1934 год и задачах на 1935 год» и в директиве начальника Штаба РККА «Об организации, планировании и методике боевой подготовки РККА» от 29 декабря 1934 г.[82]

В тактической подготовке войск ОКДВА проводились систематические занятия и учения по отработке марша, разведки, ближнего боя, преследования и выхода из боя. При этом не менее четверти учебного времени отводилось на ведение боевых действий ночью. Отметим, что Рокоссовский многое почерпнул при организации и проведении подобных занятий, и это пригодилось ему в годы Великой Отечественной войны. Он стремился создавать на тактических занятиях и учениях обстановку, максимально приближенную к боевой. Занятия проводились на ящике с песком и на местности в любую погоду с организованным управлением и обозначенными войсками и тылом. В дивизии отрабатывались: обход флангов противника в наступлении и обороне; нанесение ударов по его флангам и тылу; окружение и уничтожение противника; преследование отходящего противника и захват крупных объектов в ближайшем оперативном тылу; ведение обороны, в том числе подвижной, с целью ослабления натиска противника; боевые действия в окружении; ввод кавалерийской дивизии в прорыв. Рокоссовский добивался от подчиненных твердого знания организации, вооружения и тактики действий японской армии, усвоения тактико-технических характеристик оружия и боевой техники, находившихся на вооружении Красной Армии. Под руководством Константина Константиновича командиры частей и подразделений, работники штабов всех уровней изучали «уничтожающие операции и бои» по опыту Первой мировой и Гражданской войн, гражданской войны в США и во времена Французской революции, а также важнейшие операции и сражения из русской военной истории.

В сентябре 1935 г., когда в Красной Армии были введены персональные воинские звания для командного состава, Рокоссовский получил звание комдива. Его деятельность на посту командира дивизии была оценена должным образом. В начале 1936 г. он получает назначение на должность командира 5-го кавалерийского корпуса (16, 25 и 30-я кавалерийские дивизии), дислоцировавшегося в старинном русском городе Псков. Новая должность потребовала еще большего напряжения сил. В приказе № 0103 наркома обороны Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова от 28 декабря 1935 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 год и задачах на 1936 год» от всех родов войск и общевойсковых начальников требовалось продолжать подготовку к ведению смелых маневренных действий[83]. На основе глубокой тактики с учетом вероятного противника и особенности театра военных действий предписывалось отработать действия кавалерийского корпуса, усиленного механизированными соединениями и авиацией, в наступлении, в том числе и в качестве эшелона развития прорыва. На военных играх и полевых поездках с командным и начальствующим составом следовало отрабатывать все задачи с обозначенными противником и своими войсками. Особое внимание уделялось технической подготовке командиров всех степеней, так называемому «техминимуму» по артиллерии, танкам, авиации, инженерному и химическому вооружению, средствам связи. Кавалерийские части и соединения должны были в совершенстве овладеть разведкой и охранением во всех видах боя, тесно взаимодействовать на занятиях и учениях с механизированными частями, авиацией и авиадесантами, особенно в ходе прорыва обороны и ведении подвижной обороны.

Задачи, поставленные наркомом обороны, требовали от командиров полного напряжения сил для их выполнения. И, надо отметить, что Рокоссовский трудился не покладая рук. Результаты не замедлили сказаться. В сентябре 1936 г. близ Пскова проходили крупные маневры под руководством командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова. 11 сентября в связи с окончанием учений псковичи организовали торжественную встречу участвовавшим в учениях войскам (56-я стрелковая, 25-я кавалерийская дивизии, 56-й танковый батальон, 25-й механизированный полк и др.), общее командование которыми во время торжеств было возложено на Рокоссовского. В специальном политдонесении по этому поводу отмечалось хорошее отношение к участникам учений со стороны местного населения: радушный прием на квартирах, предоставление мест для ночлега, условий

для просушки обмундирования и др. В ответ хозяева постоев приглашались на просмотр кинолент, демонстрировавшихся красноармейской передвижкой.

Проявленные в период командования корпусом, в том числе и в ходе упомянутых учений, достоинства Рокоссовского командующий войсками Ленинградского военного округа подчеркнул в составленной им 15 ноября соответствующей аттестации. В ней отмечалось, что за полгода пребывания в округе Рокоссовский сумел «поднять боевую подготовку вновь сформированных дивизий», которые «на маневрах действовали удовлетворительно», а «сам комдив Рокоссовский показал вполне хорошее умение разобраться в оперативной обстановке и провести операцию». Указывая на то, что аттестуемый «менее внимания уделяет хозяйственным вопросам», Шапошников все же делал объективный вывод: *«Очень ценный растущий командир. Должности командира кавалерийского корпуса соответствует вполне и достоин присвоения звания комкора*[84]».

Замечание Шапошникова о том, что Рокоссовский недостаточно внимания уделяет хозяйственным вопросам, было не совсем справедливым. Так, в 1936 г. в местах расположения воинских частей, дислоцировавшихся в Пскове и его окрестностях, развернулось большое строительство: возводились казармы, дома начсостава, конюшни, склады и др. К концу года ввели в эксплуатацию 85 различных объектов, а сооружение других продолжалось и в следующем году. Обеспокоенный тем, что часть средств, выделенных на строительство домов начсостава, по каким-то причинам неожиданно исключили из общей сметы, Рокоссовский обратился в октябре 1936 г. с письмом к секретарю Псковского окружкома ВКП(б) и председателю окрисполкома. *«На сегодняшний день,* – писал он, – *имеется более ста семейных командиров и политработников, не имеющих совершенно квартир… Такое положение, при котором командир с семьей не обеспечивается квартирой и не имеет перспективы получить ее до осени 1937 года, влияет на политико-моральное состояние командира, понижая его работоспособность, отношение к работе, и толкает многих на изыскивание путей для ухода из армии…*[85]» Обрисовав коротко и емко остроту проблемы, Рокоссовский просил руководителей округа выделить на первое время за счет города хотя бы 60—80 комнат.

В новый 1937 год Рокоссовский вступал в приподнятом расположении духа. Дела в корпусе шли хорошо. Начальство ценило Константина Константиновича, подчиненные относились к нему с большим уважением. В частях 5-го кавалерийского корпуса развернулась напряженная учеба с учетом требований

приказа № 0106 наркома обороны от 3 ноября 1936 г. «Указания по специальной и тактической подготовке Сухопутных войск[86]».

Штаб 5-го кавалерийского корпуса размещался в Пскове по улице Ленина, в доме № 8. Совсем неподалеку, на углу улиц Ленина и Пушкинской, в 1935 г. было возведено одно из лучших жилых строений города, так называемый Дом специалистов, где в 11-й квартире и поселился комдив с семьей. Однако он редко находился в своем служебном кабинете, еще реже – дома. Чаще ему приходилось бывать в штабе округа в Ленинграде, а основное время занимали поездки по дивизиям, инспектирование частей, организация обучения войск.

4 января 1937 г. К. К. Рокоссовский проверил 16-й конно-артиллерийский полк и обнаружил ряд недостатков в боевой подготовке артиллеристов. С 6 по 9 января командир корпуса вместе со своим помощником по политчасти дивизионным комиссаром И. С. Балашовым и начальником 3-го отдела штаба корпуса майором Г. М. Брагиным инспектировал части 30-й кавалерийской дивизии.

12 января Рокоссовский убыл в Москву. Там с 15 по 21 января состоялся XVII Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, рассматривавший проект новой Конституции РСФСР, и Константин Константинович в качестве одного из делегатов присутствовал на съезде. 23 января он вернулся в корпус и несколько дней потратил на инспектирование частей псковского гарнизона. С 30 января по 10 февраля Рокоссовский вместе с начальником штаба корпуса Журавлевым находился в штабе Ленинградского военного округа на сборах высшего комсостава. Вернувшись из Ленинграда, Константин Константинович выехал 12 февраля в 16-ю кавалерийскую дивизию с проверкой подготовки ее частей к зимним маневрам. 25 февраля он направился в 25-ю кавалерийскую дивизию, где проводились командно-штабные учения. В марте – апреле основные усилия командира корпуса были сосредоточены на дополнительной подготовке отделений и взводов. В мае части корпуса вышли в летние лагеря для проведения занятий по укреплению сплоченности кавалерийских эскадронов, дивизионов и полков. Особое внимание Рокоссовский уделял командирской подготовке, стремясь к тому, чтобы командир большую часть времени отдавал командованию и обучению своей части, сам учился управлять ею в динамике боевых действий. В практику вводились доклады и рефераты командиров о вновь вышедших книгах на военную тематику. Командиры всех степеней изучали организацию и тактику действий армий Финляндии, Эстонии, Латвии, Германии, Польши и Швеции.

И так из месяца в месяц, без устали и перерыва. Псковичи видели Рокоссовского в редкие минуты отдыха на площадке для конных соревнований с препятствиями, и в местном Кремле, где он любовался широким разливом вод Великой и Псковы, и на трибуне в дни первомайских и октябрьских праздников. Поскольку дочь Рокоссовского Ада училась во 2-й образцовой школе, то ему приходилось выполнять соответствующие поручения и на «дочкином участке». Так, однажды он прислал для школьного праздника военный оркестр, участвовавший в те годы, впрочем, во всех торжествах Пскова.

Рокоссовский, уделяя большое внимание организации и контролю боевой подготовки командиров, штабов и частей корпуса, был доволен ее результатами. Однако его тревожили другие события, которые происходили в стране и армии. С 23 февраля по 5 марта 1937 г. в Москве состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором в числе других вопросов было рассмотрено положение в военном ведомстве. Нарком обороны К. Е. Ворошилов, выступая на пленуме, заявил, что в армии и на флоте, в отличие от других ведомств, «вскрыто пока не так много врагов». К этому времени было арестовано несколько человек из числа высшего начсостава – заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа комкор В. М. Примаков; военный и военно-воздушный атташе в Великобритании комкор В. К. Путна; заместитель командующего войсками Харьковского военного округа комкор С. А. Туровский; командир 8-й механизированной бригады комдив Д. А. Шмидт; комендант Литечевского укрепрайона комдив Ю. В. Саблин; командир 25-й Чапаевской кавалерийской дивизии комбриг М. О. Зюк; начальник штаба 66-й стрелковой дивизии полковник И. Л. Карпель и начальник штаба 18-й авиабригады майор Б. И. Кузьмичев. Для Рокоссовского арест «врагов народа» имел фатальное значение, так как Примаков был одним из его начальников, а Зюк служил в его подчинении.

23 марта в газете «Правда» была опубликована статья «Хранить государственную и партийную тайну!». В статье отмечалось, что некоторые руководители и работники «не извлекли достаточных уроков из проверки и обмена партийных документов и прошедших процессов троцкистско-зиновьевских бандитов, этих изменников родины, шпионов и диверсантов». Далее говорилось о том, что славные большевистские традиции настоятельно требуют от каждого коммуниста честно и строго хранить партийную и государственную тайну. «Этого ни на минуту нельзя забыть, – подчеркивалось в газете. – Враги пытались и будут пытаться использовать малейшую щель в нашем

аппарате, будут пускать в ход все – двурушничество, лесть, подхалимство, спаивание, лишь бы втереться в доверие и выведать секреты нашей государственной мощи».

В мае неожиданно для всех был арестован первый заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. Вскоре последовали новые аресты. Органы наркомата внутренних дел усиленно раскручивали дело о «контрреволюционном заговоре в РККА». 7 июня Рокоссовский, как и другие командиры частей и соединений, получил приказ № 072 наркома обороны СССР Ворошилова «о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии». В состав «военной фашистско-троцкистской банды», по данным Ворошилова, входили заместители наркома обороны Я. Б. Гамарник и М. Н. Тухачевский, командующие войсками военных округов И. Э. Якир и И. П. Уборевич, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе А. И. Корк, заместители командующих войсками военных округов В. М. Примаков и М. В. Сангурский, начальник Управления по начальствующему составу Б. М. Фельдман, военный атташе в Англии В. К. Путна, председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман. В приказе отмечалось, что «конечной целью этой шайки было – ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов». Ворошилов обвинял «фашистских заговорщиков» в подготовке убийства руководителей партии и правительства, во вредительстве в народном хозяйстве и в деле обороны страны, в подготовке поражения Красной Армии в случае войны, в продаже врагам Советского Союза военных тайн, в ведении подрывной работы в деле обороны страны. Далее утверждалось, что «враги народа» пойманы с поличным и «целиком признались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже». В приказе подчеркивалось: *«Мы очищаем свои ряды от фашистско-шпионской троцкистской гнили и впредь не допустим повторения этих позорных фактов. Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Красная Армия обязана и будет иметь до конца честный, преданный делу рабочих и крестьян, делу своей Родины подлинно свой начальствующий состав. Удесятерим большевистскую бдительность, повысим и радикально улучшим*

нашу работу во всех областях, повысим самокритику и тем ускорим полную ликвидацию последствий работы врагов народа[87]».

12 июня все указанные в приказе Ворошилова «враги народа» были расстреляны. 21 июня войска получили новый приказ № 082, подписанный наркомами обороны и внутренних дел «Об освобождении от ответственности военнослужащих, участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем ими совершенном и о своих сообщниках». Военным советам округов (армий, флотов) предписывалось представлять наркому обороны свои соображения как о возможности «оставления раскаявшегося и прощенного преступника в рядах РККА, так и о дальнейшем его служебном использовании в армии[88]».

Рокоссовский, читая эти статьи и приказы, еще не знал, что он сам попал под подозрение. В то время командиры частей и соединений должны были принимать активное участие в партийной и общественной жизни, без чего была немыслимой дальнейшая военная карьера. Не избежал этой участи и Константин Константинович. В ноябре 1936 г. он присутствовал на V съезде Советов Ленинградской области, где был избран делегатом Всероссийского съезда Советов. В Пскове Рокоссовский постоянно принимал участие в собраниях партийного и советского актива, почти всегда избирался в президиум торжественных заседаний партийных конференций, был депутатом городского Совета, членом окружного исполкома, горкома и окружкома ВКП(б). Однако он практически не выступал на заседаниях этих выборных органов, чем воспользовались его недруги и те, кто не хотел попасть в список «врагов народа».

Нередко командира корпуса критиковали и его подчиненные. Так, командир 25-й кавалерийской дивизии С. П. Зыбин, выступая на 2-й Псковской городской партконференции, состоявшейся в апреле – мае 1937 г., говорил: «У нас в округе мы часто задерживаем разные темные элементы. Эти элементы бродят везде – и в городе, и вне города. Пробираются и к нам в городок…[89]» Масла в огонь подлил и начальник окружного отдела НКВД С. Г. Южный: «У нас имеется Бутырская церковь, в которую ходят красноармейцы и по знакомству привозят дрова в церковь. Этот факт говорит о том, что политико-массовая работа поставлена в частях слабо». Начальник милиции В. И. Шамшин считал, что командование военного городка не принимает мер к охране. На конференции говорилось о случаях хулиганства, пьянства, уголовных преступлениях, фактах венерических заболеваний среди военнослужащих, что, по мнению некоторых, могло в случае войны «вывести часть наших командиров, в особенности из среднего начсостава, из строя». Некоторые выступавшие делали выводы об умышленном распространении «заразной проституции в приграничных гарнизонах шпионскими организациями и враждебными нам странами[90]».

Все эти недостатки, естественно, можно было отнести и на счет командира корпуса Рокоссовского, ответственного за состояние дел в подчиненных воинских частях. На этой же конференции со стороны ряда руководителей он удостоился персональной критики, касавшейся отношения к общественным обязанностям: частое отсутствие на пленумах горкома, несвоевременное получение депутатского мандата и т. д. Действительно, Константин Константинович, находившийся в командировке, не смог 16 ноября 1936 г. присутствовать на 2-м

окружном съезде Советов, хотя на его имя был уже заготовлен мандат под № 202. Поэтому Рокоссовский принимает решение не входить в состав горкома ВКП(б) нового состава, и когда его кандидатуру предлагают вновь, «делает себе самоотвод, – как гласит протокольная запись того заседания, – мотивируя частыми разъездами и отсутствием в городе Пскове». Дальше в документе сообщается, что с не включением фамилии Рокоссовского в списки для голосования согласились 360, возразили 16 человек. [91]

Авторитет Рокоссовского был тем не менее довольно высоким, о чем говорят, например, результаты тайного голосования по выборам состава Псковского окружкома ВКП(б) на 2-й окружной партконференции (май – июнь 1937 г.). После персонального обсуждения каждой кандидатуры за него было подано 344 голоса и только 7 – против. Тогда же 342 голосами «за» (против – 6 голосов) он был избран делегатом с правом решающего голоса на Ленинградскую областную конференцию.

Гром грянул неожиданно. 5 июня на имя наркома обороны Ворошилова из Забайкалья пришло письмо, зарегистрированное секретариатом под номером 19а. В нем говорилось, что Рокоссовского, командующего в Пскове 5-м кавалерийским корпусом, стоило бы проверить по линии НКВД, поскольку он «подозревается в связях с контрреволюционными элементами и его социальное прошлое требует серьезного расследования[92]». К тому же, напоминали, Рокоссовский – поляк. Письму дали ход. Партийная организация управления штаба 5-го кавалерийского корпуса приняла решение об исключении Рокоссовского из членов ВКП(б). 27 июня партийная комиссия при политотделе 25-й кавалерийской дивизии принимает следующее постановление:

«Слушали: конфликтное дело.

РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович, рождения 1896 года, член ВКП(б) с 1919 года, партбилет № 0456018, по соцположению рабочий, по национальности поляк, в РККА с 1918 года, партвзысканий не имеет. При разборе дела присутствует.

Постановили: решение парторганизации Управления штаба 5 К. К. утвердить. За потерю классовой бдительности РОКОССОВСКОГО К. К. из рядов ВКП(б) исключить[93]».

В распоряжении органов внутренних дел уже имелись факты об участии Рокоссовского в мифическом «забайкальском заговоре». Корпусной комиссар В. Н. Шестаков, бывший начальник политуправления и член военного совета Забайкальского военного округа, арестованный 6 июля, на допросе 13 июля показал: *«В кавалерии в троцкистскую организацию входили: 1. Рокоссовский Константин*

Константинович – бывший командир 15-й кав. дивизии, в данное время командир кав. корпуса в г. Пскове[94]».

17 августа К. К. Рокоссовский был арестован и направлен во внутреннюю тюрьму Управления госбезопасности ГБ НКВД Ленинградской области. Правда, с него не «срывали погоны», как об этом пишет К. Константинов в книге «Рокоссовский. Победа НЕ любой ценой», их просто в то время не было в армии. Рокоссовского наряду с командующим войсками Белорусского военного округа командармом 1-го ранга И. П. Беловым, комкорами И. К. Грязновым и Н. В. Куйбышевым оговорил командарм 2-го ранга М. Д. Великанов[95]. Последнего органы НКВД «разрабатывали» на предмет причастности к «военно-фашистскому заговору в РККА», не останавливаясь перед физическим воздействием на подследственного.

Аресту подверглись многие другие командиры, служившие с Рокоссовским. Вслед за этим бюро Псковского окружкома ВКП(б), посредством «опроса членов окружкома», приняло следующее постановление: *«В связи с фактами, разоблачающими Рокоссовского как участника контрреволюционной организации, исключить Рокоссовского Константина Константиновича из состава членов окружкома ВКП(б) и из членов ВКП(б). Внести настоящее постановление на утверждение пленума окружкома ВКП(б)*[96]». На пленуме Псковского окружкома ВКП(б), состоявшемся 11—12 сентября, был рассмотрен вопрос «О состоянии окружного партийного руководства и ликвидации последствий вредительства в округе». Первым пунктом в повестке дня значилось: «Исключение из состава пленума окружкома ВКП(б) и из рядов ВКП(б) врагов народа Глушенкова, Ларионова, Гужкова, Усачева, Рокоссовского, Камкина, Посунько, Беляева, Суровцева, Кудрявцева, Бернацкого». В постановлении пленума отмечалось: «Утвердить решение бюро окружкома ВКП(б) об исключении Рокоссовского К. К. из состава пленума окружкома ВКП(б) и из рядов ВКП(б) как врага народа[97]».

После ареста Рокоссовского его жена Юлия Петровна и дочь Ада были выселены из Дома специалистов и оказались в коммунальной квартире одного из домов по улице Детской. Юлия Петровна, не имевшая специальности, вынуждена была устроиться уборщицей в парикмахерскую, а также, чтобы свести концы с концами, продавать домашние вещи. Затем, ввиду того, что семье «врага народа» вообще было предложено покинуть пограничный город Псков, она выехала к своим знакомым в Армавир. С работой было тяжело. Как только узнавали, что муж Юлии Петровны находится в тюрьме как «враг народа», ее немедленно увольняли, и она была вынуждена перебиваться

случайными заработками. Ариадна часто меняла школы, потому что в каждой из них повторялась одна и та же процедура. В класс заходил директор и сообщал: «Дети, я хочу, чтобы вы знали, что среди вас учится дочь врага народа. Встань, девочка».

После этого Ада уже опасалась приходить в школу.

Юлия Петровна, не имея сведений о судьбе мужа, решила послать дочь в Москву. Аде предстояло передать на Лубянке посылку отцу. Если бы ее приняли, то это означало бы, что Константин Константинович жив. Ариадна успешно выполнила свою миссию. Посылку приняли!

В своих мемуарах «Солдатский долг» Рокоссовский ничего не пишет о годах, проведенных под следствием. Он только подчеркивает: «…В конце тридцатых годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск[98]». В автобиографии, датированной 4 апреля 1940 г., Рокоссовский писал: «С августа 1937 по март 1940 гг. находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела».

Публикации последних лет позволяют если не полностью, то хотя бы частично восстановить то, что происходило с Рокоссовским после ареста. Ему предъявили обвинение в связях с польской и японской разведками, а также в участии «в военно-фашистской заговорщической организации в Забайкалье». От него настойчиво требовали подтверждения «подрывной деятельности» сослуживцев. Следователи выбили ему девять зубов, сломали три ребра, отбили молотком пальцы ног, дважды инсценировали расстрелы. На встрече со слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1962 г. он рассказывал: «Били… Вдвоем, втроем, одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что если подпишу – верная смерть[99]». По воспоминаниям генерала И. В. Балдынова, который находился в заключении вместе с Рокоссовским, Константин Константинович, возвращаясь в камеру после допросов, каждый раз упорно повторял: «Ни в коем случае не делать ложных признаний, не оговаривать ни себя, ни другого. Коль умереть придется, так с чистой совестью[100]».

В конечном итоге из обвинительного заключения следовало, что еще в 1916 г., во время службы Рокоссовского в 5-м драгунском Каргопольском полку, его завербовал в шпионы близкий друг, такой же, как он, унтер-офицер, а по совместительству польский агент Адольф Юшкевич, бежавший позднее в Польшу. На судебном заседании Рокоссовский заявил, что в действительности «агент» Юшкевич, геройски сражаясь в рядах Красной Армии, погиб в 1920 г. на Перекопе. И сослался на

«Красную звезду», которая рассказывала о его подвиге. Заседание военной коллегии отложили, нужный номер газеты нашли.

Следователи, пытаясь найти компромат на Рокоссовского, обратились за помощью к его бывшим сослуживцам. Генерал-майор в отставке М. И. Сафонов, служивший в 15-й кавалерийской дивизии, вспоминал, что в сентябре 1937 г. в полк пришел пакет из особого отдела Ленинградского военного округа. Адресован он был командиру полка, комиссару, уполномоченному НКВД и секретарю партбюро, от которых требовалось срочно собрать и выслать компрометирующий материал на Рокоссовского.[101]

Оперуполномоченный пришел в себя первым:

– Надо собирать, ничего не поделаешь.

– Что собирать, на кого? Днем с огнем не найдешь то, чего быть не может! – не сдержался комиссар.

Командир полка был того же мнения. На следующий день было созвано партийное собрание, в котором принимали участие не только коммунисты, но и комсомольцы, и беспартийные. Сафонов, зачитав письмо из Ленинградского военного округа, сообщил, что партбюро не имеет компрометирующих фактов, касающихся Рокоссовского. Выступления были горячими. И во всех звучало одно: «Фабриковать компромат на Рокоссовского – значит заниматься клеветой. Не может быть у него связей ни с японской разведкой, ни с антипартийными группировками».

Тексты выступлений коммунистов и резолюцию партсобрания отправили в Ленинградский военный округ. Точно так же поступили и коммунисты других полков дивизии. Однако уведомления о получении материалов из особого отдела округа не последовало. В 1954 г. М. И. Сафонову довелось встретиться с К. К. Рокоссовским. Они вспоминали совместную службу, бои на КВЖД, товарищей-однополчан. Потом Константин Константинович сказал: «А ведь вы, братцы, спасли меня, можно сказать, тогда, в тридцать седьмом. Ваши заявления сыграли свою роль. Ведь в них были не просто решения партсобраний, а требование коммунистов освободить меня как подвергшегося клевете. Надо было иметь большую смелость тогда, чтобы такое отправить в особый отдел округа».

Итак, каких-либо поводов для дальнейшего содержания Рокоссовского под стражей не было. Несмотря на это, его отправили в специальный лагерь – БАМЛАГ. Корреспондент журнала «Советский воин» капитан А. Островский в 1990 г. посетил поселок Свободный, где проживали охранники Бамлага[102]. Он встретился с бывшим начальником фельдъегерской связи БАМЛАГА, потом краевого ОГПУ И. Ф.

Драчевым. Вот что поведал старый служака:

– Здесь, в БАМЛАГе, Рокоссовский был на пересылке, в тюрьме. Его мог видеть Мишка Зайнуллин, старшина. Хотя это мы между собой звали его Мишка – имя у него другое. Я видел Рокоссовского в коридоре Хабаровского НКВД, где-то в 37—38-х годах, точно не помню. Заглядывал много раз в «глазок» камеры, где он сидел. Видел, как Блюхер заходил в камеру Рокоссовского, и тот отдавал ему честь. Военных в то время много перебывало в камерах Хабаровского НКВД. Всех не упомнишь.

– Ходят слухи, будто Рокоссовский пытался бежать из лагеря? – спросил Островский.

– Не-е-ет, – ухмыльнувшись в бороду, протянул бывший старшина, – политические сознательные, они не бегали, как уголовники. Они работали справно. Небось, чуяли вину… Вторые пути на Транссибе – их работа. И Рокоссовский не бегал, знал свое место. На насыпи камни ворочал. Мост железнодорожный знаешь через Зею? И его рук дело. Здоровый был мужик, длинный. А добавки не клянчил, хотя кормили баландой только утром и вечером… Молчун. Со мной ни разу не заговорил. Скажешь ему, где там лопата или тачка да куда идти, что делать, – идет, выполняет. Да и то: сам же командир. Дисциплина… Я их тогда псами охранял. Старшим инструктором был по служебно-розыскным собакам. В звании! А для меня он кто? Не генерал – не-е-ет. Такой же заключенный, как и все. Правда, как привезли, поначалу в гимнастерке ходил, без знаков различия. А сукно-то выдает – генеральское. Потом гимнастерку заменили на робу. Правда, недолго он у нас пробыл, отправили дальше по этапу.

В середине июля 1939 г. К. К. Рокоссовский вместе с другими заключенными прибыл в Сосногорск. Жительница этого поселка Г. Седьякова вспоминала, что вместе с сельчанами к заключенным подошел Иван Викентьевич Попов, местные его звали Вик-Вань. Он спросил:

– Что за люди?

И вдруг один заключенных назвал Попова по имени. Бросился к нему Иван Викентьевич:

– Командир!

Конвой всполошился:

– Стой!.. Застрелю!..

А Попов отвечает:

– Меня застрелишь – пятерых Иванов без отца оставишь, а жену – без мужа. Посадят тебя, как этих заключенных.

Обнялся Вик-Вань с узнавшим его военным. Оказывается, в Гражданскую войну Попов воевал вместе с тем заключенным –

Рокоссовским, ординарцем у него был, за лошадьми ухаживал. Жители деревни принесли заключенным молока, хлеба, картошки, затем зарезали колхозного бычка, сварили суп.

Вскоре партию заключенных направили в Княж-Погост, севернее Котласа. Рокоссовский работал там истопником в гражданской бане. Попов с передачей каждый месяц ходил к своему командиру. После того как Константина Константиновича освободили, он не забыл своего ординарца. В конце апреля 1940 г. получили Поповы посылки из Москвы. В двух упаковках были брюки для Ивана Викентьевича, юбка для его жены, гостинцы детям.

22 марта 1940 г. К. К. Рокоссовского выпустили на свободу. На руки он получил следующий документ:

«СПРАВКА

Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г. р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во Внутренней тюрьме УГБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела.

Следственное дело № 25358 1937 г.[103]»

Как мы видим, в справке говорится, что Рокоссовский находился все время в тюрьме, а воспоминания, приведенные выше, опровергают это.

Многие исследователи почему-то связывают освобождение Рокоссовского с возможностями С. К. Тимошенко как наркома обороны, а Г. К. Жукова – как начальника Генерального штаба, упуская из виду, что к моменту выхода Рокоссовского на свободу они этих должностей еще не занимали[104]. Маршал Советского Союза С. М. Буденный рассказывал, что он был в числе тех, кто добивался освобождения Рокоссовского[105]. Так что обстоятельства освобождения Рокоссовского из тюрьмы требуют дополнительного изучения.

К. К. Рокоссовский, обретя свободу, приехал в Псков, но, не застав там никого из родных, немедленно уехал из города и больше там никогда не появлялся, хотя псковичи приглашали его на различные торжества неоднократно.

В конце 1986 г. Псковский горисполком принял решение о присвоении имени К. К. Рокоссовского одной из новых улиц. В городе почти в неизменном виде сохранились здания штаба бывшего корпуса и Дома специалистов. В первом из них размещается один из факультетов политехнического института, а на стене второго, жилого здания, установлена мемориальная

доска с надписью: «В этом доме в 1936—1937 гг. жил прославленный полководец К. К. Рокоссовский».

К. К. Рокоссовскому предоставили возможность отдохнуть вместе с семьей в Сочи. По возвращении с курорта он был принят С. К. Тимошенко, который к тому времени стал народным комиссаром обороны. *«Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936—1937 годах),* – пишет Константин Константинович. – *Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом*[106]».

К тому времени, когда Рокоссовский освободился из заключения, произошли значительные изменения в Красной Армии и в военном деле.

В марте 1940 г. завершилась советско-финляндская война, итоги которой стали предметом строгого разбирательства в ЦК ВКП(б) и на Главном военном совете. Опыт войны показал, что между теоретическими представлениями о характере войны и реальной действительностью выявился угрожающий разрыв. В организационной структуре Вооруженных сил, их техническом оснащении и боеготовности обнажились слабые места. Наркомат обороны не справлялся с решением многих назревших вопросов. После обсуждения итогов этой войны на пленуме ЦК ВКП(б) и проверки наркомата обороны с занимаемой должности был снят К. Е. Ворошилов. В мае того же года новым наркомом обороны назначили С. К. Тимошенко, которому было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. Одновременно были разработаны и стали приниматься деятельные меры по устранению накопившихся недостатков, причем существенных.

В акте о приеме наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова указывалось, что отсутствуют мобилизационный и оперативный планы, план подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени, данные о состоянии прикрытия границ, запущен учет личного состава и др[107]. Однако соответствующие меры, призванные устранить эти недостатки, претворить в жизнь не удалось – оставался год до начала Великой Отечественной войны.

Война с Финляндией также показала, что темпы и направленность технической реконструкции Вооруженных Сил далеко не соответствовали быстро усложнявшимся условиям

ведения войны и ее характеру, большинство видов оружия и военной техники морально устарело. Поэтому были приняты спешные меры по разработке и внедрению в войска более современных образцов вооружения. Среди них автоматические винтовки Ф. В. Токарева (СВТ-40), пистолет-пулемет Г. С. Шпагина, 76-мм дивизионные пушки, 122-мм дивизионные гаубицы, 85-мм зенитные пушки, средние танки Т-34, тяжелые танки КВ-1, истребители Як-1, МиГ-3, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, радиолокационные станции РУС-1 и РУС-2, приборы управления огнем зенитной артиллерии (ПУАЗО-3), понтонные парки С-19, более совершенные противопехотные и противотанковые мины, радиостанции РАФ и РСБ. Одновременно началась работа по изучению возможности осуществления взрывной ядерной реакции, приводящей к взрыву с выделением огромной энергии.

Полностью была пересмотрена организационно-штатная структура всех родов войск. Еще летом 1939 г. в приграничных военных округах началось формирование общевойсковых армий, каждая из которых должна была включать несколько стрелковых корпусов, механизированный корпус, авиационную дивизию и ряд армейских частей. Но слаженность их оставалась низкой, а комплект армейских частей не в полной мере соответствовал своему назначению. С учетом опыта применения во французской кампании вермахтом крупных танковых и механизированных соединений в Советском Союзе с июня 1940 г. начинают формировать 9 механизированных корпусов, причем в каждом предполагалось иметь 1031 танк.

В июне 1940 г. К. К. Рокоссовский прибыл в штаб Киевского Особого военного округа, которым командовал его бывший подчиненный и однокашник по Высшей кавалерийской школе генерал армии Г. К. Жуков. За то время, что Рокоссовский находился в заключении, Георгий Константинович добился значительных успехов. В августе 1939 г., командуя 1-й армейской группой, он разгромил японцев на реке Халхин-Гол, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. А теперь стал командующим войсками одного из крупнейших военных округов.

Начальником штаба округа был генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. Он свободно владел немецким и французским языками и недавно вернулся из Германии, где был военным атташе. Родился М. А. Пуркаев в бывшей Симбирской губернии, в семье рабочего, по национальности мордвин. Окончил реальное училище. В 1915 г. был направлен в школу прапорщиков, откуда вышел офицером и попал прямо на фронт. В дни Октября сразу же примкнул к большевикам, добровольно вступил в Красную

Армию. В боях против войск адмирала Колчака командовал полком, был награжден орденом Красного Знамени. Служебная карьера Максима Алексеевича не отличалась резкими взлетами, но в 1931 г. он уже возглавлял штаб Московского военного округа. Сослуживцы считали его нечутким, но уважали за ровность характера и высокую эрудированность. Он по праву считался крупным знатоком штабной работы, особенно хорошо знал службу войск и организационно-мобилизационную работу.

Войска Киевского Особого военного округа готовились к выполнению ответственного задания. 26 июня 1940 г. Правительство СССР передало румынскому представителю ноту, в которой предлагалось «приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу[108]». Правительство Румынии заняло уклончивую позицию, что вынудило советское правительство предъявить 27 июня более жесткое требование вывести румынские войска с «территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня».

Задачу по освобождению «Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии» возложили на войска Южного фронта, в состав которого входили три армии: 12-я армия под командованием генерал-майора Ф. А. Парусинова и 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко; третья создавалась из войск Одесского военного округа под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Командующим фронтом был назначен генерал армии Г. К. Жуков. В состав группы генералов, работавших под его руководством, был включен и Рокоссовский. После долгих переговоров румынское правительство все же согласилось вывести свои войска из Северной Буковины и Бессарабии, и, таким образом, дело уладили мирным путем. Войска Южного фронта с течение трех дней (28—30 июня) заняли Северную Буковину и Бессарабию. На VIII сессии Верховного Совета СССР 2—6 августа был принят закон, юридически оформивший образование Молдавской ССР.

После завершения похода Рокоссовский снова вступил в командование 5-м кавалерийским корпусом. В ходе продвижения в Бессарабию и Северную Буковину выявились серьезные недостатки в подготовке и обучении войск. В своей директиве от 17 июля генерал армии Жуков отмечал: плохую организацию штабами марша и службы регулирования; отсутствие в наземных войсках средств связи с авиацией; неумение осуществлять маскировку при расположении на отдых и вести наблюдение за воздухом; невысокую степень подготовки красноармейцев и

конского состава к совершению длительных и, особенно, ночных маршей; слабую организацию артиллерийской разведки; недостаточную отработку взаимодействия танков с пехотой и артиллерией; неудовлетворительную подготовку понтонных и саперных батальонов к организации переправ и наведению мостов; отсутствие должной воинской дисциплины, что привело к большому количеству нарушений порядка и чрезвычайных происшествий.[109]

Под руководством Жукова был разработан комплекс мероприятий, направленный на совершенствование боевой подготовки войск округа. Рокоссовский, претворяя в жизнь эти мероприятия, проводил систематические тренировки подъемов частей по тревоге в целях выработки скорости и оперативности в выполнении боевых задач. В тактической подготовке был сделан упор на отработку наступательного боя с преодолением полосы заграждений и крупных водных преград, оборонительного боя с устройством полосы заграждений. Все задачи по указанию Рокоссовского отрабатывались в трудных условиях лесисто-гористой, болотистой и песчаной местности. Особое внимание уделялось организации противотанковой и противовоздушной обороны. В подготовке штабов и совершенствовании управления войсками за основу берется управление по радио и с помощью самолетов. В октябре Рокоссовский присутствовал на опытном учении 4-го механизированного корпуса, на котором решались задачи по преодолению противотанковых районов, водных преград, нанесению последовательных контрударов для разгрома противника по частям и др.

В декабре 1940 г. в военной карьере Рокоссовского произошел новый поворот – его назначили командиром 9-го механизированного корпуса. Это было полной неожиданностью для Константина Константиновича. *«Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках?* – вспоминал он. – *Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами*[110]».

Прежде чем продолжить наше повествование, расскажем о том, как принималось решение о формировании 9-го механизированного корпуса, его составе, предназначении. Это позволит уяснить степень ответственности бывшего кавалериста, ставшего вдруг командиром-танкистом, а также какие задачи ему

приходилось решать в последние месяцы перед началом Великой Отечественной войны.

Предложение о формировании в Киевском Особом военном округе 9-го механизированного корпуса содержалось в докладе наркома обороны и начальника Генерального штаба РККА, представленном 14 октября в Политбюро ЦК ВКП(б). Это предложение было одобрено, и 4 ноября нарком обороны подписал директиву о создании этого корпуса в составе 19-й и 20-й танковых и 131-й моторизованной дивизий. Весной 1941 г. корпус получил еще и мотоциклетный полк[111]. Заместителем командира корпуса по политической части был назначен бригадный комиссар Д. Г. Каменев, начальником штаба – генерал-майор технических войск А. Г. Маслов. 20-й танковой дивизией командовал полковник М. Е. Катуков (будущий маршал бронетанковых войск), 19-й танковой дивизией – генерал-майор танковых войск К. А. Семенченко, 131-й моторизованной дивизией – полковник Н. В. Калинин. Управление корпуса, 131-я моторизованная и 35-я танковая дивизии дислоцировались в Новоград-Волынске, 20-я танковая дивизия – в Шепетовке. В марте 1941 г. 19-я танковая дивизия была передана в 22-й механизированный корпус, а в состав 9-го механизированного корпуса вошла 35-я танковая дивизия полковника Н. А. Новикова, сформированная в Новоград-Волынске.

Рокоссовский высоко отзывался о деловых качествах своих помощников. *«Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне*, – вспоминал Константин Константинович. – *Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть окончил академию имени М. В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль – требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев*[112]».

Времени на то, чтобы полностью завершить комплектование, обучение и слаживание частей корпуса у Рокоссовского практически не было. К июню 1941 г. в корпусе имелось всего 300 танков – меньше, чем было положено танковой дивизии, да и те

из учебного парка[113]. В 20-й танковой дивизии насчитывалось лишь 36 танков (30 БТ, 3 ХТ и 3 Т-26), в 35-й танковой дивизии – 142 танка (141 Т-26 и один ХТ), в 131-й моторизованной дивизии – 122 танка (104 БТ, 18 Т-37/38). В корпусе имелось 20 76-мм пушек, 24 152-мм гаубицы, 34 122-мм гаубицы, 48 82-мм минометов, 1027 автомобилей, 114 тракторов и 27 мотоциклов[114]. К этим данным добавим свидетельство Рокоссовского*: «К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным*[115]».

Рокоссовскому, прослужившему почти три десятилетия в кавалерии, пришлось осваивать теорию боевого применения бронетанковых и механизированных войск. За три года лагерной жизни он значительно отстал от своих бывших коллег не только в служебном отношении, но и в военно-теоретическом плане. Поэтому позволим себе кратко осветить наиболее важные вопросы, касающиеся все того нового, что было накоплено к этому времени в области ведения боевых действий с применением подвижных родов войск.

В Проекте временного наставления механизированных войск РККА, изданного в 1932 г., были определены следующие способы применения механизированных соединений: действия на фланге армии (фронта) во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта; действия по развитию прорыва с последующим выходом на армейские тылы противника; действия в рейде по тылам противника с задачей уничтожения подходящих резервов противника, нарушения системы управления противника и уничтожения его коммуникаций. Проект наставления не исключал возможности применения механизированных соединений и для прорыва подготовленной обороны – но указывал, что это нецелесообразно. Основным способом боевых действий механизированного соединения считалась стремительная и внезапная атака противника с использованием массы танков.

В Проекте наставления отмечалось, что наличие трех заправок горючим и трех боекомплектов позволяет механизированному корпусу отрываться от своих войск на расстояние до 200 км. Нормальный суточный переход определялся в 100—120 км (из расчета 8 часов на движение и 2

часа на привал). Форсированный суточный переход устанавливался в 150—180 км (13 часов на движение и 2 часа на привал). При самостоятельных действиях механизированного корпуса в оперативной глубине он мог вести наступление на противника, перешедшего к обороне заблаговременно. В этом случае быстрота действий считалась обязательным условием и важнейшим фактором в достижении успеха в наступательном бою. Боевой порядок механизированного корпуса при наступлении на обороняющегося противника состоял из ударной и сковывающей групп. В ударную группу выделялась большая часть сил, в сковывающую – обычно стрелково-пулеметная бригада.

Проект наставления допускал, что в известных условиях обстановки механизированный корпус может выполнить и задачи оборонительного характера. Основным видом обороны при этом считалась подвижная оборона. Боевой порядок механизированного корпуса в обороне состоял из группы прикрытия, группы главного сопротивления и группы резерва.

Дальнейшее развитие вопросы боевого применения механизированных и бронетанковых войск нашли во «Временной инструкции по глубокому бою» (1934 г.). В инструкции указывалось, что современные средства подавления – мощные и быстроходные танки, десантная и штурмовая авиация, большие количества артиллерии – требуют новых форм организации и ведения боя. При применении в массовом количестве эти рода войск позволяют осуществить почти одновременную атаку всей глубины тактического расположения противника с полным окружением и уничтожением его главных сил. Механизированный корпус рекомендовалось использовать для глубокого развития успеха, достигнутого при прорыве обороны противника стрелковыми войсками. Корпус перед началом наступления должен был сосредоточиться в исходном районе в 15—20 км от переднего края обороны. Ввод мехкорпуса в прорыв начинался после того, как только пехота стрелкового корпуса достигнет глубины дивизионных резервов противника. При этом мехкорпус должен был своими силами расчистить полосу ввода, а не ожидать, когда стрелковые соединения подготовят ему освобожденную от противника полосу.

Немало внимания уделялось вопросам боевого применения бронетанковых и механизированных войск на совещании высшего командного и начальствующего состава Красной Армии, состоявшемся в конце декабря 1940 г[116]. Познакомим читателя с основным содержанием материалов этого совещания. Они важны для понимания того, какие задачи приходилось решать

Рокоссовскому накануне войны. Эти теоретические положения предстояло ему осмыслить и правильно применить в практике своей деятельности.

Нарком обороны С. К. Тимошенко в своем выступлении, правильно отметив крупные изменения в оперативном искусстве зарубежных армий, тем не менее заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового…» Это было непростительное заблуждение, ибо уже тогда на Западе наглядно проявились глубочайшие сдвиги в формах и способах развертывания войны, ее масштабах, организации стратегического развертывания вооруженных сил, в ведении первых и последующих стратегических операций, системе управления и др. Правда, в докладах генералов Г. К. Жукова, И. В. Тюленева, Д. Г. Павлова и выступлениях некоторых других участников совещания отчасти затрагивались отдельные проблемы, даже высказывались предложения по поводу их решения, но, к сожалению, на это не было обращено должного внимания со стороны военно-политического руководства и в последующем они не нашли соответствующей всесторонней разработки.

На совещании обсуждалось нападение Германии на Польшу, отмечались внезапность нападения, решающая роль авиации и танковых войск в ведении маневренной войны и нанесении мощных ответных ударов по противнику в самом ее начале. В то же время считалось, что внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне с небольшим государством. Для нападения же на Советский Союз противнику потребуется определенное время, чтобы отмобилизовать, сосредоточить и развернуть основные силы. Предполагалось, что обе стороны начнут боевые действия лишь частью сил, а для развертывания главных сил Красной Армии, равно как и главных сил вермахта, потребуется около двух недель.

С докладом «Характер современной наступательной операции» выступил на совещании командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков. Он считал, что «крупная наступательная операция со стратегической целью» должна осуществляться в полосе шириной 400—450 км. Для проведения такой операции целесообразно сосредоточить 85—100 стрелковых дивизий, 4—5 механизированных и 2—3 кавалерийских корпуса, 30—35 авиационных дивизий. Жуков, исходя из опыта локальных конфликтов и начавшейся Второй мировой войны, перечислил ряд новых требований к наступлению. *«Современная*

наступательная операция, – говорил он, – *может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления».*

Командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов выступил с докладом на тему «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв». Большая часть доклада была отведена теоретическим аспектам проблемы ввода в прорыв механизированного корпуса, управлению соединениями и частями, материальному обеспечению корпуса, огневой поддержке и др. Остановимся на некоторых положениях этого доклада.

Павлов подчеркнул, что механизированные войска способны решить самостоятельно крупные оперативные задачи, развивая оперативный успех в стратегический. Он считал, что «операция по вводу мехкорпуса в прорыв не является сложной, она лишь требует от командования отличного знания вопросов взаимодействия всех родов войск и умения практически осуществить это взаимодействие». Прорыв на глубину 6—8 км и по фронту 20—30 км должен быть создан ударными стрелковыми корпусами, усиленными артиллерией, танками и авиацией. Все боевые действия ударного стрелкового корпуса должны подчиняться одной задаче – прорвать фронт и обеспечить ввод в него танкового корпуса или конно-механизированной группы. В прорыв может быть введен не один, а несколько механизированных корпусов и часто вместе с кавалерийскими корпусами.

По мнению Павлова, перед вводом в прорыв механизированный корпус должен сосредоточиться в выжидательном районе, удаленном на 60—70 км от переднего края. В том случае, если позволяет местность, район избирается на удалении 15—25 км. Построение боевого порядка мехкорпуса виделось Павлову следующим образом. При вводе корпуса в прорыв на участке шириной 12 км в первый эшелон выделялись две танковые дивизии, а во второй – моторизованная дивизия.

Однако он не исключал и возможность одноэшелонного построения мехкорпуса. Павлов считал, что время и момент ввода в прорыв обязан определить сам командир корпуса, который «все видит, лучше знает обстановку, а потому и лучше выберет момент для ввода корпуса в прорыв». Глубина выхода корпуса в тыл противника могла достигать 60 км. Но это не являлось пределом. Павлов подчеркивал, что «надо всегда за счет ускорения и организованности иметь в виду сразу же в первый день преодолеть вторую полосу сопротивления и выйти на всю оперативную глубину». В случае если подошедшие резервы противника успели занять тыловую оборонительную полосу, то механизированный корпус должен был обрушиться на нее с флангов и тыла при поддержке авиации. После прорыва второй оборонительной полосы задачами механизированного корпуса являлись разгром подходящих резервов и уничтожение отходящих частей противника, в первую очередь моторизованных и танковых.

В обсуждении доклада Д. Г. Павлова приняли участие заместитель наркома обороны маршал С. М. Буденный, начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков, командиры 6-го механизированного корпуса генерал М. Г. Хацкилевич, 5-го механизированного корпуса генерал М. Ф. Терехин, 3-го механизированного корпуса генерал А. И. Еременко, командующие Среднеазиатским военным округом генерал И. Р. Апанасенко, Одесским военным округом генерал Я. Т. Черевиченко, генерал-инспектор Автобронетанковых войск генерал Б. Г. Вершинин, начальник Главного автобронетанкового управления генерал Я. Н. Федоренко, командир танковой дивизии генерал А. В. Куркин.

Генерал Хацкилевич поставил вопрос о собственной артиллерии механизированного корпуса. Гаубичные артиллерийские полки дивизий, оснащенные тракторами СТЗ-5, сильно отставали от танковых и автомобильных подразделений. Эта проблема к началу войны так и не была решена. Генерал Апанасенко допускал возможность ввода мехкорпуса сразу после прорыва первой оборонительной полосы, дальше мехкорпус должен был пробивать себе дорогу сам. Другие считали, что преждевременный ввод в бой мехкорпуса негативно отразится на последующих действиях в глубине обороны противника. Маршал Буденный и генерал Апанасенко упрекали генерала Павлова в недооценке им кавалерии, они считали, что развивать прорыв вслед за мехкорпусом должен кавалерийский корпус, в тесном взаимодействии с первым. Генерал Вершинин коснулся такого спорного момента, как наличие в составе корпусных частей

мотоциклетного полка. Эта организационная единица, созданная под влиянием использования вермахтом в ходе кампании на Западе мотоциклетных частей, была еще совершенно не изучена, ее только планировалось «как следует» опробовать на учениях. Однако промышленность не могла выпустить достаточного количества необходимых армии мотоциклов.

Нарком обороны маршал Тимошенко, подводивший итоги совещания, детально проанализировал характер и способы ведения современных фронтовых операций на главном – Западном – театре военных действий. По его мнению, современная операция полнее всего развертывается во фронтовом масштабе, причем фронт является оперативно-стратегической организацией. Достижение конечной цели войны или кампании предусматривалось осуществлять путем проведения ряда промежуточных фронтовых операций. Ширина полосы наступления фронта определялась в 80—300 км, глубина – 60—250 км, темп наступления – 10—15 км и более в сутки.

Тимошенко выделил три формы оперативного прорыва, который, по его словам, надо рассматривать в качестве основного вида наступательной операции. Первая форма – это единый удар сосредоточенными силами нескольких ударных армий на сравнительно узком участке фронта (80—100 км) с задачей пробить брешь, а затем ее широко развернуть, что позволит обеспечить пропуск в тыл противника крупных конно-механизированных объединений и стремительное развитие успеха в глубину и в стороны флангов. Вторая форма предполагала наступление нескольких ударных армий на широком фронте (200—250 км) с расчетом нанести поражение всей группировке противостоящего противника, а кроме того, сковать его резервы. Третья форма предусматривала нанесение нескольких взаимосвязанных ударов в общей полосе шириной 350—450 км, образование отдельных армейских прорывов на нескольких направлениях, дробление фронта противника, окружение и разгром отдельных его группировок по частям.

По расчетам Тимошенко, на ударных направлениях следовало иметь 50—100 орудий и 50—100 танков на 1 км фронта. При нанесении удара сосредоточенными силами на узком участке оперативное построение войск фронта должно быть из двух оперативных эшелонов, одной – двух подвижной и авиационной группы, резервов специального назначения. В состав первого оперативного эшелона намечалось включить 4—7 армий, а во второй – одну общевойсковую армию. В подвижной группе фронта рекомендовалось иметь механизированный и кавалерийский корпуса или один – два механизированных

корпуса, в авиационной группе – фронтовую авиацию и воздушные десанты. В том случае, если фронт наносит несколько взаимосвязанных ударов, второй эшелон и подвижную группу целесообразнее создавать только в армиях, наступавших на направлении главного удара. В первом эшелоне намечалось развертывать ударную и сковывающую армии. Ударная армия предназначалась для наступления на главном направлении. Она могла иметь в своем составе 14—18 стрелковых дивизий (4—5 стрелковых корпусов), 10—12 артиллерийских полков резерва Главного командования, 6 – 8 отдельных танковых бригад, 2—3 авиационные дивизии, механизированный или кавалерийский корпус. Сковывающая армия предназначалась для прикрытия флангов, сковывания противника и разгрома его сил на второстепенных направлениях.

Наступательную операцию фронта предполагалось проводить в два этапа: на первом – сокрушить оборону противостоящего противника на всю ее оперативную глубину (100—120 км), на втором – завершить его разгром и создать условия для проведения новой фронтовой наступательной операции. Начинать операцию предусматривалось с мощной артиллерийской и авиационной подготовки продолжительностью от 1,5 до 2 часов. Наступление стрелковых войск и танков непосредственной поддержки пехоты должно сопровождаться огнем артиллерии и массированными ударами авиации. При этом в зависимости от характера обороны противника и полноты разведданных о расположении его огневых средств артиллерийская подготовка атаки могла осуществляться огневым валом на глубину до 2 км, последовательным сосредоточением огня по важнейшим объектам обороны или сочетанием этих видов огня.

Подвижную группу фронта рекомендовалось использовать в двух вариантах. В случае, если тактическая зона обороны противника хорошо оборудована в инженерном отношении да еще плотно занята его войсками, считалось целесообразным вводить эту группу в прорыв после стрелковых корпусов. Если противник не располагает необходимыми силами для создания прочной обороны на второй полосе, подвижные группы лучше вводить в прорыв сразу после того, как стрелковые корпуса преодолеют его главную полосу. Задача подвижных групп заключалась в стремительном продвижении в глубину обороны противника, разгроме его подходящих резервов, недопущении создания ими нового фронта, выходе на пути отхода основной группировки противника и при поддержке авиации окружении ее во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Причем

поспешно занятые оборонительные рубежи требовалось прорывать с ходу при поддержке авиации, не ожидая подхода стрелковых войск. Развитие тактического успеха в оперативный должны были осуществлять не только подвижные группы, но и главные силы фронта. Оперативный прорыв считался завершенным тогда, когда достигался разгром главной группировки противника и его оперативных резервов, а в то же время создавались условия, исключавшие возможность занятия противником оборонительных полос в тылу, чтобы восстановить фронт. В качестве важнейших условий достижения целей операции рассматривались: уничтожение основной группировки противника по частям в процессе ее отхода, упреждение врага в занятии выгодных для обороны рубежей отходящими частями и выдвигаемыми резервами. Преследование должно было осуществляться стремительным наступлением подвижных соединений по путям, параллельным отходу основных сил противника, что позволяло упредить его на переправах, в теснинах, на узлах дорог, задержать его отход, а затем окружить и уничтожить. Основная роль в преследовании отводилась подвижным соединениям, авиации, воздушным десантам. Им предписывалось не ввязываться в затяжные бои за крупные центры сопротивления или опорные пункты, а обходить их.

В связи с тем что предстоящая война рассматривалась как маневренная, должное внимание уделялось встречным сражениям. Указывалось, что они могут возникнуть как в начальный период войны, когда обе стороны будут стремиться к захвату инициативы, так и в ходе наступательной операции, когда удастся прорвать тактическую зону обороны противника. Характерными особенностями встречного сражения считались: отсутствие ясности и определенности в быстро меняющейся обстановке; стремительность и скоротечность развития боевых действий, требующих всемерного проявления инициативы; борьба за упреждение в развертывании, за выигрыш флангов, захват и удержание инициативы.

Решающее значение в наступательных операциях придавалось организации непрерывного и твердого управления войсками. Важнейшей задачей командования и штабов считалось глубокое проникновение в планы противника, создание и поддержание в ходе операции превосходства над ним в силах и средствах на главном направлении, осуществление гибкого маневра войсками, поддержание устойчивого взаимодействия между участвующими в операции видами Вооруженных Сил, родами войск и элементами оперативного построения.

Все эти установки были в основном правильными и для

своего времени передовыми. Однако они недостаточно учитывали возможное противодействие противника, степень устойчивости современной обороны, но главное – опирались на моральное превосходство Красной Армии, которого в действительности не было, и не брали во внимание реальный материальный потенциал Вооруженных Сил. Поэтому многие положения теории наступления оказались в первые годы войны нежизненными и не могли быть реализованы на практике.

События советско-финляндской войны вынудили несколько изменить отношение к обороне. Но полностью ее недооценка так и не была тогда преодолена. Не случайно поэтому проблемы обороны оказались разработанными значительно слабее, чем вопросы наступления. Это не значит, однако, что представления об обороне, способах ее организации и ведения не развивались. Генерал армии И. В. Тюленев, выступивший на совещании с докладом «Характер современной оборонительной операции», был вынужден признать: «Мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции». Тем не менее он в своем докладе ограничился только рамками армейских оборонительных операций. Однако и нарком обороны Тимошенко в своем заключительном слове не поставил вопрос о стратегической и даже о фронтовой обороне. В результате теория стратегической обороны и ведения фронтовой оборонительной операции, как и прежде, ограничивалась теми положениями, что имели отношение к действиям сил прикрытия в начале войны. Предполагалось, что в ходе ее войскам не понадобится прибегать к длительной обороне, а тем более в широких масштабах, что отрицательно сказалось на ведении оперативной и стратегической обороны во время Великой Отечественной войны.

Правда, на том же совещании ряд проблем оперативной обороны получил более глубокое, чем прежде, освещение. В частности, и Тюленев, и Тимошенко заявили, что к обороне следует переходить тогда, когда нет достаточных сил для наступления или когда в создавшейся обстановке она выгодна для того, чтобы подготовить наступление. Оба они подчеркивали, что оборона может применяться как на второстепенных фронтах, так и на главных направлениях. В последнем случае переход к обороне должен осуществляться с целью «выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре» либо для подготовки наступательной операции, а также если «оборона является составной частью задуманного маневра операции». Участники совещания пришли к выводу, что оборона

должна быть противоартиллерийской, противотанковой, противосамолетной, «многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением», а также «упорной и активной».

Относительно армейской обороны (глубина 50—60 км) на совещании было подтверждено требование о создании в ее рамках полосы обеспечения, тактической и оперативной зон обороны. Глубина полосы обеспечения должна составлять 10—15 км и для ее обороны выделяться передовые части и разведывательные подразделения. Не исключалось и создание передовой оперативной зоны заграждения глубиной от 30 до 50 км. Тактическую зону обороны (глубина 15—20 км), состоявшую из двух полос, предусматривалось оборонять стрелковыми корпусами первого эшелона. Оперативная зона (глубина 20—30 км) включала тыловой армейский рубеж, противотанковые районы и отсечные рубежи. При обороне на вероятном направлении главного удара противника ширина полосы обороны составляла: для армии – 80—100 км, для стрелкового корпуса – 20—30 км и для стрелковой дивизии – 6—12 км. При обороне на второстепенном направлении армия оборонялась в полосе шириной 200 км и более, корпус – 50—60 км, дивизия – 20—24 км. В этих случаях оборона основывалась не на траншейной системе, а на очагах сопротивления, главным образом батальонных районах обороны. Для отражения атаки танков противника требовалось на 1 км фронта главной полосы обороны иметь 13—17 противотанковых орудий, а также привлекать всю артиллерию и авиацию действующих войск[117]. В успешном отражении наступления противника большое значение придавалось контрударам, к нанесению которых привлекались резервы армий и стрелковых корпусов. Однако основным средством нанесения армейских и фронтовых контрударов являлись механизированные корпуса. Одновременно с ведением позиционной обороны предусматривалась и маневренная оборона. Именно так стали называть подвижную оборону. Ее мыслилось применять в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключало возможность ведения позиционной обороны. Основой маневренной обороны считались оборонительные бои на промежуточных рубежах, ускользание от противника, сочетаемое с короткими ударами и действиями из засад.

Материалы декабрьского совещания послужили для Рокоссовского серьезной опорой при решении им вопросов обучения командиров, штабов и частей 9-го механизированного корпуса. Ему также предстояло осмыслить то новое, что

содержалось в докладе генерала армии Жукова на сборах командно-начальствующего состава Киевского Особого военного округа, состоявшихся в конце января 1941 г. в Киеве. В окружной Дом Красной Армии съехались участники сборов – руководящий состав округа, командующие армиями, члены военных советов и начальники штабов армий, командиры, начальники политических органов и начальники штабов корпусов и дивизий, коменданты и начальники штабов укрепленных районов, начальники военных училищ. Программа сборов включала доклады по вопросам планирования, организации и осуществления фронтовой операции, а также проведение оперативной игры на картах.[118]

В своем докладе Жуков отметил, что главным потенциальным противником Советского Союза является фашистская Германия, военные успехи которой ошеломили весь мир. Несмотря на то что немецкая армия на Западе почти не встречала сопротивления, необходимо внимательно изучить ее опыт и сделать соответствующие выводы.

«Главную роль в победах фашистской армии сыграли авиация, бронетанковые и моторизованные соединения в их тесном взаимодействии, – говорил Жуков. – *Это они своими мощными ударами обеспечили стремительность наступления немецких войск. Немецкая армия хорошо оснащена, приобрела солидный боевой опыт. Сражаться с таким противником будет нелегко. Раньше мы считали, что, если придется прорывать вражескую оборону, достаточно будет полуторного, в крайнем случае, двойного превосходства над противником на участке главного удара. На московском совещании одержало верх другое мнение: надо обеспечивать такое превосходство в силах не только на участке главного удара, но и во всей полосе наступления войск фронта».*

Далее Георгий Константинович отмечал, что многие командиры продолжают рассматривать современную войну сквозь призму Гражданской войны, цепляются за старые оперативно-тактические нормы, не понимают значения массированного применения новых родов войск – авиации и танков. В то же время Жуков предостерегал от желания затеять полный переворот в военном деле.

«*Эти товарищи забывают, что любые, даже самые смелые планы должны опираться на реальные возможности,* – говорил он. – *Планируя мероприятия на случай войны, мы не можем исходить из того, чем будет располагать наша армия в будущем. А если война начнется сейчас? Мы должны быть реалистами и строить планы, исходя из тех сил и средств, которыми располагаем сегодня».*

В своем докладе Жуков подчеркнул необходимость более

активного и целеустремленного совершенствования выучки войск, важность достижения тактической и оперативной внезапности в бою и операции, призвал к повышению бдительности и боевой готовности.

Остальные выступления, по существу, дополняли основной доклад. Много конкретных деловых мыслей высказал генерал И. Г. Советников, командовавший тогда 5-й армией. Интересным было выступление начальника штаба округа генерала М. А. Пуркаева по вопросам обороны: «Оборона, которая не рассчитана на победу, – говорил он, – беспредметна и не нужна. И в обороне нужно добиваться превосходства над противником, но создается оно совсем иначе, чем в наступлении. Здесь понадобится, пожалуй, еще больше умения в маневрировании силами и средствами».

Генерал М. И. Потапов, командир 4-го механизированного корпуса, свое выступление посвятил организации и осуществлению ввода в прорыв крупных механизированных соединений. Он высказал очень верную мысль о том, что нельзя копировать действия немецких механизированных войск в Западной Европе. Во-первых, там условия для них создались исключительно благоприятные. Во-вторых, немцы ничего не придумали нового. Они воспользовались идеями, которые зародились в Красной Армии еще в середине тридцатых годов при формировании первых механизированных корпусов. И воспользовались, надо сказать, весьма умело. Однако и здесь иногда их подводят пристрастие к шаблону и слепое следование принятым канонам.

«Главное внимание Потапов уделил необходимости тесного взаимодействия механизированных соединений с авиацией, – вспоминал И. Х. Баграмян. *—Надо, чтобы авиационные командиры не только хорошо знали организационную структуру наших механизированных соединений, но и существо их боевого использования в ходе операции. Ратуя за тесное взаимодействие авиации и танков, Потапов переусердствовал и выдвинул совсем нереальное предложение: ввести в штат мехкорпуса авиационную дивизию, создать этакий гибрид – авиамеханизированное соединение. Замечу сразу же, что Г. К. Жуков камня на камне не оставил от этого прожекта, хотя в целом выступление Потапова оценил очень высоко и горячо поддержал ряд его предложений. В частности, генерал армии подхватил мысль Потапова о необходимости добиться одинаково высокой мобильности мотопехоты и танковых частей и шире практиковать на учениях действия пехоты в качестве танковых десантов. Потапов своевременно подметил резкое различие в запасе хода между*

автомашинами, на которых передвигалась мотопехота, и танками и предложил подумать, как устранить этот недостаток. Рекомендации Потапова, направленные на увеличение мобильности мехкорпусов, вскоре нашли широкое применение[119]».

На следующий день начались групповые занятия на картах. С командующими армиями, начальниками родов войск округа и их начальниками штабов занятия проводил сам Жуков, с командирами корпусов и их начальниками штабов – генерал Пуркаев, а с командирами дивизий, комендантами укрепрайонов и начальниками училищ – заместитель начальника штаба округа по организационно-мобилизационным вопросам генерал-лейтенант Г. К. Маландин и начальник оперативного отдела – заместитель начальника штаба округа полковник И. Х. Баграмян. Сборы длились пять суток. Они прошли интересно и дали много поводов для размышлений.

Вместо Г. К. Жукова командующим Киевским Особым военным округом был назначен 49-летний генерал-полковник М. П. Кирпонос. В годы Гражданской войны был помощником начальника прославленной 1-й Украинской дивизии. Здесь же командовал полком. В 1927 г. успешно закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В советско-финляндскую войну командовал стрелковой дивизией. Зимой 1940 г. эта дивизия по неокрепшему льду под огнем противника прорвалась в тыл выборгским оборонительным позициям противника. За решительность и мужество Кирпонос был тогда удостоен звания Героя Советского Союза. С апреля 1940 г. Михаил Петрович командовал корпусом, а с июня – войсками Ленинградского военного округа.

Формирование корпуса, организация боевой учебы, решение вопросов материально-технического снабжения, изучение теоретических работ последнего времени, претворение в жизнь приказов и директив наркомата обороны, Генштаба, командующего и начальника штаба округа требовали от Рокоссовского предельного напряжения физических и духовных сил. Не успел он приехать со сборов, как пришлось вплотную заняться разработкой плана боевой и политической подготовки в соответствии с приказом наркома обороны № 30 от 21 января 1941 г. В приказе требовалось:

«…3. Правильно воспитать и обучить войска для современной войны. Главное – развить у каждого бойца и командира высокие боевые качества – твердость дисциплины, инициативу, активность, смелость, упорство, настойчивость, взаимную выручку и готовность к самопожертвованию.

4. Подготовить легкоуправляемые подразделения, части,

соединения, способные организованно и активно вести современный бой.

5. Добиться четкой слаженности и взаимодействия родов войск и стремительного движения всех без исключения вперед для выполнения поставленной задачи.

6. Обеспечить приближение повседневной учебы к боевой действительности. Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне…».

В тринадцатом разделе приказа были определены задачи для автобронетанковых войск:

«1. Автобронетанковые войска в современном бою используются как для самостоятельных действий, так и совместно с пехотой, в обоих случаях – при взаимодействии с артиллерией и авиацией. Мехсоединения подготовить для самостоятельных действий во всех видах боя, при поддержке авиации и во взаимодействии с воздушными десантами. Отработать ведение наступательного боя и ввод в прорыв во взаимодействии со стрелковыми корпусами и авиацией. Танковые части и соединения подготовить к ведению всех видов боя во взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией; научить самостоятельным действиям в подвижных формах боя…

2. В танковых дивизиях научить части с различными типами танков взаимодействию между собой, с мотопехотой и артиллерией, входящими в состав соединения.

3. Командирам танковых дивизий (бригад), мехкорпусов и их штабам —научиться вести разведку и управлять боем своих частей и соединений с самолета.

4. Во всех танковых частях и соединениях провести учения с боевой стрельбой, совместно с пехотой и артиллерией.

5. Отработать:

– преодоление водных преград;

– вождение машин по колейным мостам и преодоление естественных и искусственных препятствий;

– атаку по сильно изрытой и пересеченной местности, а также боевые действия танков ночью.

6. По огневой подготовке кроме ведения огня отдельными танками научить вести боевые стрельбы взводов с места (коротких остановок) и с ходу, а для тяжелых танков – и стрельбу с закрытых позиций.

7. Изучить новую технику и научить водить боевые машины колонными путями днем и ночью без света…[120]»

Задачи нарком обороны поставил большие, но для их выполнения необходимо было иметь соответствующий ресурс моточасов. На него же Тимошенко своим приказом № 0349

«О мероприятиях по сбережению материальной части тяжелых и средних танков» от 10 декабря 1940 г. наложил определенные ограничения[121]. В целях экономии моторесурсов средних и тяжелых танков (Т-28, Т-34, Т-35, КВ) требовалось все танковые батальоны тяжелых и средних танков укомплектовать танкетками Т-27 из расчета по 10 машин на каждый батальон. Все тактические учения в этих батальонах предписывалось проводить на танках Т-27. Для обучения личного состава вождению и стрельбе и для сколачивания частей и соединений разрешалось израсходовать на каждый тяжелый или средний танк учебно-боевого парка – по 30 моточасов в год, боевого парка – по 15 моточасов в год.

Как уже отмечалось, 9-й механизированный корпус был укомплектован танками не полностью. Положение не изменилось и в первой половине 1941 г. В феврале – марте началось формирование еще 20 механизированных корпусов. Для этого требовалось почти 32 тыс. танков, в том числе 16,5 тыс. новых типов. Однако такого количества машин, да еще в течение года, взять практически было неоткуда. Поэтому к июню 1941 года удалось укомплектовать механизированные соединения в среднем только на 53%.[122]

Одной из острых проблем была подготовка кадров. Она с новой силой проявилась в апреле – мае 1941 г., когда в механизированные корпуса поступило большое количество красноармейцев весеннего призыва. В мае специальным указанием Управления боевой подготовки Автобронетанкового управления РККА были определены для вновь призванных сроки обучения. Планировалось завершить одиночную подготовку бойца к 1 июля, взвода – к 1 августа, роты и батальона соответственно к 1 сентября и 1 октября.[123]

В феврале 1941 г. Генштаб завершил разработку последнего варианта мобилизационного плана, получившего наименование МП-41. По нему намечалось развернуть Вооруженные Силы СССР в количестве 344 расчетных дивизий, из них стрелковых, горностелковых и мотострелковых – 198, моторизованных – 31, танковых – 61, кавалерийских – 13[124]. Реализация мобилизационного плана требовала призвать из запаса около 5 млн. человек, в том числе до 600 тыс. офицеров и 885 тыс. человек младшего начальствующего состава[125]. Кроме того, предусматривалась передача Вооруженным силам из народного хозяйства 248 тыс. автомобилей и около 36 тыс. тракторов, 730 тыс. лошадей[126]. Обеспечение войск вооружением и боевой техникой планировалось осуществить за счет войсковых запасов, хранящихся на складах округов и центра, а также за счет

поступления из промышленности в 1941—1942 гг. В мобилизационном плане при подъеме по варианту «Запад» численность западных военных округов определялась в 6,5 млн. человек при общей численности войск (без формирований гражданских наркоматов) 7,85 млн. человек (в действительности к началу войны численность западных округов составляла всего 2902 тыс. человек[127]). Срок отработки планов на местах Генштаб установил до 1 мая, а затем перенес на 20 июля.

К 11 марта в Генеральном штабе был подготовлен уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке[128]. По оценке Генштаба, на западных границах Советского Союза Германия и ее союзники могли развернуть 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. На Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го может выставить до 60 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую дивизию, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий, 3000 самолетов. В плане отмечалось, что Генштаб не имеет документальных данных об оперативных планах вероятных противников. Поэтому были высказаны во многом уже устоявшиеся предположения: «Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск – Барановичи». Не исключалась возможность выступления Финляндии на северо-западе, румынской армии – на юге. Одновременно допускалась вероятность сосредоточения главных сил германской армии в Восточной Пруссии и на варшавском направлении, чтобы через Литву нанести и развернуть главный удар в направлении на Ригу или на Ковно, Двинск. Кроме того, предусматривались вспомогательные концентрические удары со стороны Ломжи и Бреста с последующим их развитием в направлении Барановичи, Минск.

Стратегическое развертывание Вооруженных Сил предлагалось проводить с учетом вероятности ведения военных действий на два фронта. Основные силы предусматривалось развернуть на Западе и финском фронте: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады, 253 авиационных полка. При этом отмечалось, что «развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в

том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям».

Весной 1941 г. проводилась работа по увеличению неприкосновенных запасов всех западных приграничных округов за счет государственных резервов по горючему, продовольствию и вещевому снабжению. Нарком обороны и Генеральный штаб считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Решение правильное. Но никто не ожидал, чем обернется начальный период войны. После быстрого прорыва фронта врагу удалось в короткий срок захватить значительные материально-технические запасы.

Одновременно велись работы по строительству полевых аэродромов и бетонных взлетно-посадочных полос на постоянных аэродромах. Однако из-за нехватки сил и средств завершить намеченное к началу войны не удалось. В результате авиация в отдельных районах базировалась недалеко от границы. Большие трудности возникли со строительством укрепленных районов на новой, отодвинутой к западу границе, с использованием старых УРов. В апреле Генштаб потребовал от командующих войсками приграничных военных округов «все имеющееся в округе вооружение для укрепленных районов срочно смонтировать в боевые сооружения и последние привести в боевую готовность», а при отсутствии специального вооружения «установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проемы и короба пулеметы на полевых станках и, где возможно, орудия[129]»».

По указанию начальника Генштаба и в соответствии с уточненным планом стратегического развертывания начальник Оперативного управления Генштаба генерал А. М. Василевский подготовил 10 апреля директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов. В частности, для Западного Особого военного округа указывалось: «Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ (Юго-Западный фронт. – *Авт.*) – ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец – Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий[130]». Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза – на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Все эти мероприятия проводились на фоне все

усиливавшейся угрозы со стороны Германии. К. К. Рокоссовский в своих мемуарах пишет, что у него не было сомнения в том, что «мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией». В этом он был прав. 18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием вариант «Барбаросса» («Barbarossa Fall»[131]). Она предусматривала разгром Советской России «в ходе одной кратковременной кампании». Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск. При этом основные силы Красной Армии намечалось уничтожить западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами – Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань. Конечная цель кампании состояла в создании «заградительного барьера против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

Советская разведка располагала определенной, но не всей, информацией о подготовке к нападению на СССР. Противник умело скрывал свои приготовления. По указанию Гитлера начальник Генерального штаба Верховного Главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал 15 февраля специальную «Директиву по дезинформации противника». Чтобы скрыть подготовку к операции по плану «Барбаросса», отделом разведки и контрразведки штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в двух вариантах: в первом – что они идут на отдых перед вторжением в Англию, во втором – что немецкие соединения будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны

специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. Как всегда, в работу включились дипломаты. В связи с решением Гитлера расширить масштабы операции «Марита» (нападение на Грецию) в план операции «Барбаросса» 7 апреля были внесены изменения, предусматривавшие перенесение ее начала на более поздний срок и завершение всех подготовительных мероприятий приблизительно к 22 июня 1941 г.[132]

Несмотря на ухищрения германского командования, советская разведка обладала информацией о готовящемся нападении на СССР. Так, советский военный атташе в Белграде сообщал в марте 1941 г., что Германия отказалась от атаки английских островов и ближайшей задачей поставлен «захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле – мае текущего года»[133]. Начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил 20 марта И. В. Сталину доклад, в котором излагались варианты возможных направлений ударов войск вермахта при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они отражали наметки действий по плану «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана. Однако выводы, сделанные Голиковым из приведенных в докладе сведений, по существу обесценивали все их значение и вводили Сталина в заблуждение:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки[134]».

10 апреля Сталину были доложены агентурные данные о предполагаемом начале военных действий Германии против СССР в конце июня. Несмотря на данные разведки о возможном нападении противника 15, 22 или 25 июня, Сталин полагал, что в обстановке, близкой к победоносному завершению войны с Англией, Гитлер не пойдет на гибельную для Германии войну на два фронта. Кроме того, Сталин считал, что английское правительство крайне заинтересовано в том, чтобы спровоцировать войну Германии против СССР. Поэтому он оценил как провокационные меморандум правительства Великобритании от 18 апреля (в нем говорилось, что в случае затягивания войны

Великобритания может прийти к мысли об ее окончании на германских условиях) и доставленное ему 19 апреля письмо У. Черчилля, содержавшее предупреждение об интенсивной подготовке Германии к нападению на СССР.

Сталин, полагавший, что Гитлер не пойдет на ведение войны на два фронта, все-таки разрешал военному ведомству проводить ряд мероприятий в случае развития событий по другому варианту. Во второй половине апреля в целях усиления состава западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК и 4 воздушно-десантных корпусов. 26 апреля военные советы Забайкальского и Дальневосточного военных округов получили указание подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса, две воздушно-десантные дивизии. Одновременно директивой Генштаба № Орг/3/522698 ставится задача перевести к 1 июля 1941 г. авиационный тыл ВВС на новую систему и организовать новые районы авиационного базирования. [135]

5 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное собрание, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов[136]. На банкете, устроенном после приема выпускников, Сталин, в ответ на тост одного из присутствовавших за мирную сталинскую внешнюю политику, сделал поправку:

«Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная».

6 мая нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов представил И. В. Сталину сведения от помощника морского атташе в Берлине о подготовке Германией 14 мая вторжения в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Адмирал пришел к выводу, что «сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР[137]».

8 мая ТАСС опроверг слухи о сосредоточении советских войск на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке. Опровергая слухи о сосредоточении своих войск на западных границах, военно-политическое руководство СССР продолжало выдвигать туда войска. 13 мая Генеральный штаб направил директиву округам о начале выдвижения войск на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля – 21-я армия; из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви – 19-я армия; из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины – 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки – 16-я армия. Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. Однако дивизии насчитывали в своем составе по 8—9 тыс. человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

14 мая нарком обороны маршал Тимошенко распорядился осуществить досрочный выпуск курсантов военных училищ и немедленно отправить их в войска. На следующий день командующим войсками приграничных военных округов были направлены директивы, в которых требовалось «с целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск» разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны[138]. Западный Особый военный округ должен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинградский и Киевский Особый – к 25 мая, Прибалтийский Особый – к 30 мая. Задачи обороны ставились следующие: не допустить вторжения наземного и воздушного противника, высадки его воздушных и морских десантов; прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание своих войск. Никаких задач наступательного порядка войскам западных приграничных военных округов не предписывалось. Вместо них предусматривалась оборона на всю оперативную глубину, в стратегическом масштабе – вплоть до дальних подступов к Москве. В директивах содержались указания по эвакуации, минированию и подрыву некоторых важных объектов.

В то же время Жуков считал необходимым иметь план, в котором предусматривалось нанесение упреждающего удара по возможному противнику. Василевскому было поручено разработать проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай

войны с Германией и ее союзниками». Такой документ был подготовлен к 15 мая[139]. Он был написан от руки генералом Василевским, адресован председателю СНК и не подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. В документе говорилось:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест – Демблин, и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью – наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей – разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рубеж р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чишев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона…[140]».

Юго-Западный фронт, развертываемый на базе управления и штаба Киевского особого военного округа, должен был:

«а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку восточнее р. Висла

в районе Люблина;

б) одновременно ударом с фронта Сенова, Перемышль, Любавнеха разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлении и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять государственную границу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению мощных ударов против Румынии из района Черновиц и Кишинева с ближайшей целью – разгром северного крыла румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы…»

Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение и дать Гитлеру повод для агрессии.

Проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» некоторые исследователи склонны оценивать как «агрессивный». О какой агрессии могла идти речь? Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией, войска которой находились как на территории, оккупированной ими в результате разгрома Польши, так и на территории союзников Германии. Начальник Генштаба в данном случае исходил из положений уставов, требовавших атаковать противника, где бы он ни находился.

Время летело стремительно. Не успел Рокоссовский отработать с частями корпуса задачи, изложенные в приказе № 30 наркома обороны от 21 января, как 17 мая в штаб корпуса поступила директива № 34678 о задачах боевой подготовки военных округов, объединений, соединений, частей на летний период 1941 г. Относительно автобронетанковых войск в директиве говорилось:

«Главная задача – быстро освоить новую материальную часть, овладеть навыками полевого вождения боевых машин и подразделений. Резко улучшить артиллерийскую подготовку танкистов.

Мотомеханизированные соединения обучать самостоятельным и совместным действиям со стрелковыми корпусами, руководствуясь приказом № 30 и заключительной речью Народного комиссара Обороны на совещании высшего начальствующего состава.

При обучении совместным действиям со стрелковыми корпусами танковые части, предназначенные для их поддержки на поле боя, в целях теснейшего взаимодействия с пехотой использовать как группы танковой поддержки пехоты.

Группы танковой поддержки пехоты (ТПП) создавать для стрелковых полков дивизии первого эшелона. В руках командира корпуса оставлять общий танковый резерв. Танковый резерв использовать для усиления танков, ведущих бой как совместно с пехотой, так и при успешном развитии боя для атаки артиллерии и ближайших резервов противника.

В группу танковой поддержки включать тяжелые, средние и легкие танки. Тяжелые, как правило, образуют первый эшелон танков. Основная задача эшелона тяжелых танков – уничтожение ПТО (противотанковая оборона. – Авт.*), долговременных сооружений и артиллерии противника. Командиры ТПП выполняют все требования командиров, которых они поддерживают, соблюдая при этом интересы взаимодействия внутри танковых подразделений. При атаке дотов в состав штурмовых групп обязательно придавать тяжелые танки. Особенно тщательно отработать взаимодействие: внутри механизированного соединения с артиллерией, мотопехотой и инженерными войсками, а также танковых частей и подразделений между собой, а в оперативной глубине с авиацией и авиадесантами.*

Отработать отражение ночного нападения противника и выход ночью из окружения через боевые порядки противника.

Танковые войска обучить ведению боя против танковых соединений противника и умению совместными усилиями с артиллерией и авиацией уничтожать их.

Отработать вождение крупных соединений на пересеченной местности в условиях угрозы нападения с воздуха; отработать передвижение ночью по незнакомой местности в условиях близости противника, особо тщательно отработать управление мотомехвойсками при помощи радио, самолетов и делегатской связи.

Командному составу в начале летнего периода практически изучить материальную часть радиосредств; отработать вопросы применения радиосвязи, особенно при взаимодействии танков с артиллерией, авиацией и авиадесантами[141]».

К сожалению, претворить все эти планы в жизнь не удалось. Война уже стояла на пороге. В мае генерал Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие 9-й механизированный корпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель. Затем из штаба округа последовало распоряжение выслать

артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Вспоминая об этом, Рокоссовский пишет: «Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем[142]». К 20-м числам июня была завершена подготовка одиночного бойца, и началась отработка тактики мелких подразделений. Большая часть учебного времени отводилась решению вопросов наступательного боя. Не упускалась из виду и оборона. Генерал Кирпонос требовал, чтобы бойцы привыкали к танковым атакам. Боевая подготовка сочеталась со строительством оборонительных рубежей, которые возводились вдоль границы.

В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим войсками военных округов срочно приступить к подготовке командных пунктов. В конце мая – начале июня в соответствии с планом МП-41 был проведен призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса для укомплектования 21 дивизии приграничных округов, частей артиллерии, ПВО и укрепленных районов[143]. 4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек.

В начале июня военный совет Киевского Особого военного округа по предложению генерал-полковника М. П. Кирпоноса принял верное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там деревоземляных огневых точек. Об этом приказе начальник пограничных войск НКВД Украины Строкач донес наркому внутренних дел Л. П. Берии, который немедленно передал полученную информацию И. В. Сталину. В результате Жукову и Тимошенко учинили настоящий разнос и запретили производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи без личного указания Сталина.

Начальник Генштаба вынужден телеграфировать Кирпоносу: «Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение[144]». На следующий день Жуков предписал всем командующим западными приграничными военными округами «полосу предполья без особого на то приказания полевыми и УР-овскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья

организовать службой часовых и патрулированием[145]». Командующие войсками приграничных округов М. П. Кирпонос, Д. Г. Павлов и Ф. И. Кузнецов по указанию Сталина были вызваны в Москву, где получили от Тимошенко и Жукова строжайшие указания о бдительности и недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с советскими войсками.

В то же время Сталин не на все донесения разведки реагировал скептически. Так, полученные 12 июня сведения из Берлина настолько встревожили его, что начальник Генштаба получил возможность направить в тот же день директиву командующим войсками приграничных военных округов с указанием с 12 по 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе. В соответствии с этим генерал Кирпонос приказал стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, начать выдвижение в 20 часов 18 июня в полном составе, но без мобилизационных запасов. В Западном Особом военном округе командиры стрелковых корпусов и дивизий получили устные распоряжения на выдвижение из глубины ближе к границе. 13 июня Жуков и Тимошенко попросили разрешения у Сталина привести войска приграничных округов в полную боевую готовность и развернуть первые эшелоны по плану прикрытия. Сталин обещал подумать.

14 июня «Правда» опубликовала сообщение ТАСС, в котором объявлялось, что все слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении и совершить нападение на Советский Союз лишены основания. К великому сожалению, оно только дезориентировало командиров Красной Армии и притупляло их бдительность. Все эти просчеты в оценке международной обстановки и заигрывание с нацистской Германией роковым образом обернулись против Советского Союза.

И все-таки определенные меры по подготовке к отражению возможной агрессии предпринимались, но весьма робко. Так, с середины июня в некоторых соединениях были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, началось строительство командных пунктов. В войсках велась отработка «Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге».

17 июня нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР сообщение, в котором, ссылаясь на источник, работающий в штабе германской авиации, отмечал: «1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». На препроводительной записке к сообщению Сталин нанес резолюцию: «Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из

штаба Герм. авиации к е… матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.».

Но разведывательные органы продолжали снабжать Сталина информацией о возможном нападении Германии в ближайшее время на Советский Союз. 19 июня советский резидент в Риме Г. И. Рогатнев получил от ценнейшего агента сообщение: «Германия нападет на СССР в интервале между 20 и 25 июня». Одновременно агент «Брайтенбах» на внеочередной встрече с сотрудником берлинской резидентуры Б. Н. Журавлевым сказал: «Германия нападет на СССР 22 июня после 3 часов утра[146]».

В тот же день, 19 июня, Жуков направил командующим войсками приграничных военных округов телеграммы с указанием наркома обороны о выводе фронтовых и армейских управлений на полевые пункты. Командующему войсками Киевского Особого военного округа предписывалось к 22 июня вывести управление фронта (Юго-Западного. – *Авт.*) в Тернополь с соблюдением строжайшей тайны[147]. Фронтовое управление Северо-Западного фронта во главе с к омандующим Прибалтийского Особого военного округа должно было прибыть 22—23 июня в Паневежис, а Западного – в Обуз-Лесна. Однако командующих соединениями обо этом никто не поставил в известность. К. К. Рокоссовский вспоминал: «Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наша печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения. Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны[148]».

Одновременно приграничные военные округа получили указание в двухнедельный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия. В целях маскировки аэродромов нарком обороны требовал к 1 июля «засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону». Категорически запрещалось линейное, скученное расположение самолетов, приказывалось обеспечить их рассредоточение, провести к 1 июля маскировку складов, мастерских и парков, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов. К 15 июля предписывалось завершить все работы по маскировке

артиллерийских и мотомеханизированных частей[149]. Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

Тем временем у западных границ СССР заканчивали развертывание германские группы армий «Север», «Центр», «Юг», отдельная немецкая армия «Норвегия», финская и две румынские армии, венгерская корпусная группа. Всего к 22 июня 1941 г. в первом стратегическом эшелоне врага находились 153 дивизии и 19 бригад (из них немецких – 125 дивизий и 2 бригады), свыше 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4,4 тыс. боевых самолетов, почти 39 тыс. орудий и минометов. Общая численность группировки вместе с германскими ВВС и ВМС (192 корабля основных классов) составляла почти 4,4 млн. человек. В стратегическом резерве немецкого Верховного Главнокомандования имелось 28 дивизий и бригад, около 500 тыс. человек, 8 тыс. орудий и минометов, 350 танков.

Западные приграничные военные округа Красной Армии насчитывали к этому времени 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину (третий эшелон прикрытия располагался на расстоянии 100—400 км от границы). Всего группировка советских войск на Западном ТВД насчитывала 3 млн. человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов.[150]

Противник имел превосходство в живой силе в 1,3 раза, равное соотношение по орудиям и минометам, но уступал советским войскам в 2,1 раза по количеству боевых самолетов и в 2,7 раза – по танкам. Однако по качеству боевой техники безусловное преимущество было на стороне Германии. Кроме того, ее войска были полностью укомплектованы и развернуты, оснащены современным транспортом и находились в полной боевой готовности. Советские войска, выдвинутые к западной границе, по оценке большинства исследователей, не были подготовлены ни к обороне, ни, тем более, к наступлению.

Какие же задачи предстояло решать войскам Киевского Особого военного округа на случай войны? В соответствии с «Запиской по плану обороны на период отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск КОВО на 1941 год», представленной 25 мая генералом Кирпоносом в Генеральный штаб, основными задачами обороны являлись:

«Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно

прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

Не допустить сбрасывания и выброски на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника. При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесении боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования[151]».

В пункте III записки были определены задачи армий (районов прикрытия) и планы их выполнения. Всего предусматривалось четыре района прикрытия: первый – для 5-й армии, второй – для 6-й, третий – для 26-й, четвертый – для 12-й армии. В резерве командующего войсками округа находились 9, 19, 15 и 24-й механизированные, 31, 36, 7 и 55-й стрелковые, 5-й кавалерийский корпуса, 1, 2, 3, 4, 5-я противотанковые артиллерийские бригады. В их задачу входило:

б) в случае прорыва крупных мехсоединений противника на подготовленных рубежах обороны и в противотанковых районах задержать и дезорганизовать его дальнейшее продвижение и концентрическими ударами мехкорпусов совместно с авиацией разгромить противника и ликвидировать прорыв;

в) при благоприятных условиях быть готовым по указанию Главного Командования нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей.

В записке командующего войсками КОВО содержалась характеристика состояния инженерной подготовки театра военных действий. Основная приграничная оборонительная полоса включала четыре полосы обороны. Первая оборонительная полоса, проходившая по линии иск. Влодава, Устилуг, Крыстынополь, к концу мая находилась в стадии начала строительства и должна была включать узлы обороны полевого типа. На остальных оборонительных полосах также велись

строительные работы с разной степенью готовностью.

В субботу 21 июня Рокоссовский проводил разбор командно-штабного корпусного учения. После этого он предложил командирам дивизий с утра отправиться на рыбалку. Однако, как вспоминает Константин Константинович, поздно вечером в штабе корпуса были получены сведения о переходе через границу ефрейтора немецкой армии, поляка из Познани, сообщившего, что утром в воскресенье предстоит нападение немцев. Тогда Рокоссовский отменил поездку на рыбалку и дал указания командирам дивизий быть наготове.

Начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М. А. Пуркаев вечером 21 июня сообщил начальнику Генштаба о показаниях перебежчика. По словам Жукова, он немедленно доложил об этом Тимошенко и Сталину, который вызвал обоих в Кремль. Здесь был доработан проект заранее подготовленной директивы о приведении войск в полную боевую готовность, которую подписали нарком обороны С. К. Тимошенко, начальник Генштаба Г. К. Жуков и член Главного военного совета Г. М. Маленков. В директиве, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии – наркому Военно-Морского Флота, говорилось:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить[152]».

Передача директивы в зашифрованном виде из Генштаба в округа закончилась только в 00 часов 30 минут 22 июня. На ее расшифровку требовалось определенное время. А ведь была возможность передать в округа ранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», что заняло бы всего несколько минут.

В штаб Киевского Особого военного округа директива поступила в 1 час 45 минут 22 июня, а штабы армий получили ее в 2 часа 35 минут. Однако приказы и распоряжения о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно – до начала артиллерийской подготовки противника оставалось немногим более получаса. Более благополучно обстояло дело в Военно-морском флоте, так как Тимошенко напрямую предупредил наркома ВМФ Кузнецова о необходимости приведения флота в боевую готовность № 1. Кузнецов сразу же установленным паролем быстро отдал соответствующие распоряжения. В результате флот был приведен в боевую готовность за 3—4 часа до начала войны.

В 3 часа 7 минут командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил наркому обороны о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов и просил указаний. Командующему флотом была дана команда встретить самолеты огнем зенитных средств.

В 3 часа 10 минут разведывательный отдел штаба Западного Особого военного округа сообщил начальнику Главного разведывательного управления генералу Голикову о том, что «основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение[153]».

Начало войны

В 3 часа утра 22 июня 1941 г. немецкая авиация вторглась в воздушное пространство Советского Союза и нанесла массированный бомбовый удар по всей западной приграничной полосе на глубину свыше 400 км. Через 15 минут началась артиллерийская подготовка противника. В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного Особого военного округа генерал-лейтенант В. Е. Климовских доложил начальнику Генштаба Красной Армии генералу армии Г. К. Жукову о налете вражеской авиации на города Белоруссии. Не прошло и трех минут, как поступил доклад от начальника штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева о бомбардировке противником украинских городов. В 3 часа 40 минут о налете вражеской авиации на Каунас и другие города сообщил командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Многомесячные, практически безнаказанные полеты немецких самолетов-разведчиков, агентурные данные позволили германскому командованию с высокой точностью выявить пункты управления, линии связи, аэродромы, склады, места расположения советских войск. В результате они первыми подверглись ударам и разрушениям.

В 4 часа 5 минут войска группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба перешли в наступление, захватив все пограничные мосты неповрежденными. Через 10 минут началось наступление войск групп армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока и «Юг» генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта.

Входившая в состав группы армий «Юг» 6-я армия, возглавляемая генерал-фельдмаршалом В. фон Рейхенау, считалась в вермахте одной из лучших, ее называли «победительницей столиц» – в мае 1940 г. ее войска первыми вошли в Брюссель, а в июне того же года они маршировали уже в Париже. Ударную силу группы армий «Юг» составляла 1-я танковая группа генерал-полковника Г. фон Клейста, насчитывавшая пять танковых и четыре моторизованные дивизии. В мае 1940 г. именно танковые дивизии Клейста прорвали линию Мажино у Седана и вышли к побережью Ла-Манша, отрезав английский экспедиционный корпус. Стяжавшие в Западной Европе столь громкую славу, дивизии противника мечтали добиться еще больших успехов на востоке.

Какими оказались для Рокоссовского первые часы Великой

Отечественной войны? Он вспоминал, что около четырех часов утра 22 июня дежурный по штабу 9-го механизированного корпуса принес телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет. Сделать это можно было только по распоряжению председателя Совнаркома СССР или наркома обороны. В телефонограмме же стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штаба армии. Рокоссовский приказал дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии и в наркомате обороны. Затем вызвал начальника штаба корпуса генерала А. Г. Маслова, заместителя командира корпуса по политической части бригадного комиссара Д. Г. Каменева и начальника Особого отдела. Вскоре дежурный доложил, что связь с наркоматом обороны, округом и штабом армии нарушена. После непродолжительного совещания было решено взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

В директиве требовалось немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. *«Содержание его* (пакета. – *Авт.*) *подгонялось под механизированный корпус,* – отмечал впоследствии Рокоссовский, – *закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9-й мк, но и 19-й, 22-й да и другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ*[154]». И далее Константин Константинович пишет: *«Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ – посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты*[155]».

Эти рассуждения Рокоссовского относятся к более позднему периоду. А тогда, 22 июня, в четыре часа он приказал объявить боевую тревогу. На командный пункт командира корпуса были вызваны командиры 35-й танковой дивизии полковник Н. А. Новиков, командир 131-й моторизованной дивизии полковник Н.

В. Калинин и заместитель командира 20-й танковой дивизии полковник В. М. Черняев. Им были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. *«Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно, – вспоминал Константин Константинович. – Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело. Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день*[156]».

Штаб Юго-Западного фронта получил из войск первое донесение в седьмом часу утра 22 июня. Начальник штаба 12-й армии сообщил, что на границе с Венгрией боевые действия пока не начались. Из штаба 26-й армии доложили о том, что на рассвете враг атаковал все пограничные заставы. Войска прикрытия подняты по тревоге и выдвигаются из районов расквартирования к границе. Подразделения пограничников и укрепленных районов сражаются самоотверженно. «*А вот что творилось в 5-й и 6-й армиях, в полосах действий которых, судя по всему, противник наносил главный удар, нам долго не удавалось выяснить,* – пишет И. Х. Баграмян. – *Телефонные и телеграфные линии то и дело нарушались. Усилия радистов тоже часто оказывались безуспешными. Вполне естественно, что в этих условиях ни начальник разведки, ни я не смогли представить командующему такие сведения, которые могли бы его удовлетворить*[157]».

Начальник разведки округа полковник Бондарев доложил лишь о том, что в полосе 5-й армии, на левом крыле фронта, противник еще на рассвете начал форсировать Западный Буг на участке Любомль, Владимир-Волынский. Наиболее мощный артиллерийский огонь и авиационные удары враг сосредоточил по районам Устилуга и Владимир-Волынского; передовые его части внезапным ударом овладели приграничной станцией Влодава. В полосе 6-й армии врагу удалось захватить приграничный город Пархач и другие населенные пункты. Стало известно также о нескольких небольших воздушных десантах, выброшенных противником в приграничной зоне. Однако начальник разведки не располагал какими-либо конкретными данными о количестве и составе сил противника.

В то время как штаб Юго-Западного фронта анализировал

сведения, полученные от штабов 12-й и 26-й армий, в Генеральном штабе была подготовлена директива № 2, подписанная в 7 часов 15 минут членами Главного военного совета С. К. Тимошенко, Г. К. Жуковым и Г. М. Маленковым. В директиве, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов, говорилось:

«22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать[158]».

И. Х. Баграмян вспоминал, что, поскольку требования директивы были достаточно ясны, она без всяких комментариев была незамедлительно передана в войска Юго-Западного фронта.

К десяти часам утра начальник штаба 9-го механизированного корпуса сумел установить связь со штабом 5-й армии, и то лишь на несколько минут. Один из работников штарма торопливо сказал, что Луцк вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно. Несмотря на отсутствие надежной связи со штабами фронта и 5-й армии и неясную обстановку, Рокоссовский принял решение начать в два часа дня выдвижение частей корпуса. Марш совершался по трем маршрутам в общем направлении на Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде следовала одной колонной 131-я моторизованная дивизия

полковника Н. В. Калинина. В центре уступом назад шла 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова, а левее – 20-я танковая дивизия.

Основные силы 9-го механизированного корпуса, главным образом пехота, совершив в первый день 50-километровый переход, выбились совершенно из сил и потеряли всякую боеспособность. Рокоссовский впоследствии отмечал, что не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы. Поэтому пришлось сократить переходы для пехоты до 30—35 км, что повлекло за собой ее отставание от выдвинувшихся вперед 35-й и 20-й танковых дивизий. Части 131-й моторизованной дивизии, командир которой полковник Калинин посадил свою пехоту на автомашины и танки, к исходу 22 июня вышли в район Ровно. К этому времени войска группы армий «Юг» продвинулись в направлении Владимир-Волынский, Луцк, Ровно на 25—30 км.

Генеральный штаб Красной Армии, несмотря на отсутствие точных данных об обстановке, подготовил на основе плана стратегического развертывания от 15 мая 1941 г. новую директиву об ответных действиях Красной Армии. Эта директива за № 3 была направлена в 21 час 15 минут военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов:

«1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей границе с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23—24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А (армий. – *Авт.*) *окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.*

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы…

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки…

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр. Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23.6 сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го авиационного корпуса ДД (дальнего действия. – *Авт.*) и *Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника;*

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД на период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав. корпус ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту[159]».

Директива № 3 вызвала шок у командования Юго-Западного фронта. И. Х. Баграмян в своей книге «Так начиналась война» отмечал: «Когда я зачитал генералу Пуркаеву телеграмму, он с

явным недоверием взглянул на меня, выхватил бланк и перечитал текст несколько раз. Быстро обмениваемся мнениями. Они у нас сходятся: к наступлению мы не готовы[160]».

На совещании у генерала М. П. Кирпоноса член военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н. Н. Вашугин сказал:

– Ну и что же, товарищи, приказ получен – нужно выполнять.

– Так-то оно так, Николай Николаевич, – проговорил Пуркаев, – но мы сейчас не готовы к этому. Нам пока приходится думать об обороне, а не о наступлении.

Вашугин даже привстал. Начальник штаба решительно продолжал:

– Давайте трезво рассмотрим положение. Только на луцком направлении, в полосе между Любомлем и Сокалем, наступает десять вражеских пехотных и танковых дивизий. Что мы им можем противопоставить? Нам известно, что здесь развернулись лишь по два полка наших сорок пятой, шестьдесят второй, восемьдесят седьмой и сто двадцать четвертой стрелковых дивизий. Их третьи полки пока еще на марше. Завтра в этом районе мы в лучшем случае будем иметь еще сто тридцать пятую стрелковую дивизию и две дивизии двадцать второго механизированного корпуса, причем его наиболее боеспособная сорок первая танковая вряд ли сумеет подойти. Таким образом, завтра мы на этом направлении в лучшем случае сможем собрать против десятка вражеских дивизий менее семи наших. О каком же немедленном наступлении может идти речь?

Не давая перебить себя пытавшемуся что-то сказать Вашугину, Пуркаев продолжал:

– К тому же следует ожидать, что враг сегодня ввел в сражение лишь первый эшелон своих сил и в последующие дни, безусловно, будет – и значительно быстрее, чем мы, – наращивать силы. Вы посмотрите, – начальник штаба ткнул карандашом в карту, – вот только здесь, северо-западнее Устилуга, наша разведка в шестнадцать часов отметила сосредоточение свыше двухсот вражеских танков. И это далеко не единственный район, где обнаружены танковые резервы врага.

Воспользовавшись тем, что Пуркаев на мгновение замолчал, рассматривая карту, Вашугин нетерпеливо спросил:

– У вас все, Максим Алексеевич?

– Нет, не все.

Не отрывая взгляда от карты, начальник штаба продолжал развивать свою мысль. Все войска второго эшелона, которые выдвигаются из глубины в полосу 5-й армии, находятся на различном удалении от границы: 31-му и 36-му стрелковым

корпусам нужно пройти 150—200 км. Это займет минимум пять, шесть суток, учитывая, что пехота следует пешим порядком. 9-й и 19-й механизированные корпуса сумеют сосредоточиться и перейти в наступление против главной ударной группировки врага не раньше чем через трое, четверо суток. И лишь 4, 8 и 15-й механизированные корпуса имеют возможность перегруппироваться в район сражения через один, два дня. Нельзя не учитывать также, что войска следуют к границе, подвергаясь непрерывным массированным ударам авиации противника. Нетрудно представить, как это обстоятельство усложнит перегруппировку и ввод войск в сражение. Следует иметь в виду и то, что ни армейского, ни фронтовых тылов, по существу, пока нет – они еще не отмобилизованы и не развернуты. Получается, что подойти одновременно к месту начавшегося сражения главные силы не смогут. Корпуса будут, видимо, ввязываться в сражение по частям, так как им с ходу придется встречаться с рвущимися на восток немецкими войсками. Произойдет встречное сражение, причем при самых неблагоприятных для войск Юго-Западного фронта условиях. Чем это грозит, трудно сейчас полностью представить, но положение будет безусловно тяжелым.

С каждым словом Пуркаева Кирпонос и Вашугин все более мрачнели. Пуркаев ладонью оперся на карту:

– Нам, товарищ командующий, остается только доложить в Москву о сложившейся обстановке и настоятельно просить об изменении задачи. Мы сейчас можем только упорными боями сдерживать продвижение противника, а тем временем организовать силами стрелковых и механизированных корпусов, составляющих наш второй эшелон, прочную оборону в глубине полосы действий фронта на линии прежних Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов. Остановив противника на этом рубеже, мы получим время на подготовку общего контрнаступления. Войска прикрытия после отхода за линию укрепленных районов мы используем после как резерв. Именно такое единственно разумное решение я вижу в создавшейся обстановке.

На минуту воцарилось молчание. Генерал Кирпонос в глубокой задумчивости вертел в руках карандаш. Первым заговорил Вашугин:

– Все, что вы говорите, Максим Алексеевич, – он подошел к карте, – с военной точки зрения, может быть, и правильно, но политически, по-моему, совершенно неверно! Вы мыслите как сугубый военспец: расстановка сил, их соотношение и так далее.

А моральный фактор вы учитываете? Нет, не учитываете! А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе, с первых дней войны перейдем к пассивной обороне, без сопротивления оставив инициативу в руках агрессора! А вы еще предлагаете допустить фашистов в глубь советской земли! Знаете, Максим Алексеевич, друг вы наш боевой, если бы я вас не знал как испытанного большевика, я подумал бы, что вы запаниковали.

Заметив, что на широкоскулом лице Пуркаева заходили желваки, Вашугин мягко добавил:

– Извините, я не хотел вас обидеть, просто я не умею скрывать то, что думаю.

Опять наступила тишина. Наконец Кирпонос оторвал взгляд от карты и медленно заговорил:

– Думаю, что вы оба правы. Против оперативной целесообразности ваших предложений, Максим Алексеевич, возразить нечего. У них одна уязвимая сторона: старые укрепленные районы не готовы принять войска и обеспечить им благоприятные условия для успешной обороны.

– Да, но войска второго эшелона с помощью саперов смогут быстро привести эти укрепрайоны в боевую готовность…

Не ответив на реплику Пуркаева, Кирпонос в прежнем спокойном тоне продолжал:

– Но, со своей стороны, не лишены логики и соображения Николая Николаевича. Приказ есть приказ: его нужно выполнять. А если каждый командующий, получив боевой приказ, вместо его неукоснительного выполнения будет вносить свои контрпредложения, то к хорошему это не приведет. Конечно, взять к концу двадцать четвертого июня Люблин мы вряд ли сумеем. Но попытаться нанести мощный контрудар по вторгшимся силам противника мы обязаны. Для этого мы сможем привлечь до пяти механизированных корпусов. Я считаю, что главная задача теперь состоит в том, чтобы быстро сосредоточить мехкорпуса к полю сражения и одновременно нанести мощный контрудар. Нужно, Максим Алексеевич, немедленно довести до войск соответствующие боевые распоряжения и проследить за их выполнением. Особое внимание следует уделить обеспечению надежного прикрытия механизированных корпусов с воздуха во время выдвижения и ввода в сражение. Вместе с этим следует поставить командующему 5-й армией генералу Потапову задачу: всеми силами и средствами его армии во взаимодействии с правым крылом шестой армии при поддержке основных сил фронтовой авиации не допустить дальнейшего продвижения фашистских войск в глубь нашей территории.

– Вот это деловой разговор, – поддержал Вашугин.

– Что будем делать с 8-м механизированным корпусом Рябышева? – спросил Пуркаев. – Ему отдан приказ повернуть из района Самбора в район восточнее Львова и войти в подчинение командующего 6-й армией Музыченко.

Подумав, Кирпонос ответил:

– Вот и хорошо. Пусть продолжает марш, а тем временем поставим Музыченко задачу: нанести с юга контрудар силами не одного, а двух – четвертого и восьмого – мехкорпусов. Нацелить их надо, как и выдвигающийся из района Злочева пятнадцатый мехкорпус, под основание танкового клина, вбиваемого противником. С войсками второго эшелона фронта поступим так: девятому и девятнадцатому мехкорпусам, а также всем стрелковым корпусам, составляющим второй эшелон фронта, продолжать форсированный марш к границе по указанным им маршрутам, а тем временем мы в соответствии с развитием обстановки уточним направления и рубежи их ввода в сражение. Учитывая, что главный удар противника явно вырисовывается в стыке наших пятой и шестой армий, необходимо немедленно поставить задачу тридцать седьмому стрелковому корпусу прикрыть Тарнополь с северо-запада. Ускорьте его выдвижение. Восьмидесятую стрелковую дивизию этого корпуса следует оставить здесь – это наш резерв на случай крупных воздушных десантов в тылу наших войск и, в частности, в районе нашего командного пункта.

И. Х. Баграмян, оценивая впоследствии это решение, пишет: *«Почему было принято такое решение? По-видимому, командующий считал, что в тяжелой, все более угрожающей обстановке главное – не обрекать войска фронта на пассивную оборону, а сохранить единство взглядов и действий, сделать все, чтобы помочь верховному командованию осуществить намеченный план, ибо от этого зависело положение не только нашего, но и соседних фронтов*[161]».

В то время как командование Юго-Западным фронтом решало, что предпринять в сложившейся обстановке, в штаб фронта по заданию И. В. Сталина прибыл начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков и вместе с ним назначенный членом военного совета фронта 1-й секретарь ЦК Компартии (большевиков) Украины Н. С. Хрущев. Генерал Кирпонос доложил начальнику Генштаба, что войска группы армий «Юг» перешли государственную границу на фронте Владава, Перемышль, Липканы на луцком направлении силами 4—5 пехотных и танковых дивизий, на рава-русском – 3—4 пехотных дивизий с танками, на перемышль-львовском

направлении – 2—3 пехотных дивизий.

Кирпонос считал, что 23 июня противник предпримет более активные действия и осуществит ввод более крупных сил. Командующий фронтом планировал привлечь для уничтожения группировки противника, продвигающейся к Луцку и Дубно, 31-й, 36-й и 37-й стрелковые, 9-й, 19-й и 15-й механизированные корпуса из своего резерва, а также 22-й механизированный корпус из 5-й армии, 4-й – из 6-й армии и 8-й механизированный корпус – из 26-й армии.

На вопрос Жукова о том, где сейчас находятся механизированные корпуса, командующий фронтом ответил, что 8-й механизированный корпус на марше в район Броды, а 9-й и 19-й механизированные корпуса получили приказание выдвинуться в район Луцка и Ровно с целью нанести контрудар по прорвавшемуся противнику с севера. В данное время 15-й механизированный корпус находится в районе Топорова, а остальные выйдут на исходное положение к утру 24 июня. Следовательно, приказ наркома обороны о занятии указанных в нем рубежей к исходу 24 июня был явно невыполним. Поэтому генерал Пуркаев предложил создать на рубеже укрепленных районов вдоль старой государственной границы прочную оборону из резервных стрелковых корпусов, а механизированные корпуса отвести за этот рубеж, то есть сначала остановить врага, а уж затем, подготовив контрнаступление, попытаться разгромить его. Генерал Кирпонос согласился с доводами начальника штаба, но сказал, что «приказ есть приказ, и его надо выполнять во что бы то ни стало».

Кирпоноса поддержал Жуков, который считал, что в сложившейся обстановке единственно правильным будет контрудар механизированных корпусов против танковых дивизий противника. Но корпуса не успевают вовремя сосредоточиться в единый кулак, а медлить нельзя: противник, введя в сражение подвижные соединения, продолжал развивать наступление на Луцк, Дубно, Броды. Поэтому Жуков решил, не ожидая подхода стрелковых и механизированных корпусов из резерва фронта, нанести контрудар теми корпусами, которые были под рукой. Различное удаление корпусов от района их ввода в сражение (от 200 до 400 км) означало и разные сроки подхода и вступления в бой, что не обеспечивало необходимой силы удара по противнику. Но обстановка вынуждала к этому.

Контрудары механизированных корпусов являлись составной частью оборонительных действий войск Юго-Западного фронта, которые впоследствии были названы историками «Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операцией (22

июня – 6 июля 1941 г.)».

Что же происходило в это время в 9-м механизированном корпусе?

Утром 23 июня командир 131-й моторизованной дивизии полковник Калинин доложил, что командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов временно подчинил себе дивизию. Она получила задачу: выйти на р. Стырь, занять к исходу дня оборону по восточному берегу этой реки на участке Жидичи, Луцк, Млынов и не допустить прорыва противника на восток.

Итак, Рокоссовский лишился самой боеспособной дивизии. С оставшимися силами он продолжил движение по намеченным маршрутам. Вместе со штабом корпуса Константин Константинович выдвинулся вперед на направление движения 35-й танковой дивизии, чтобы проследить за ее переправой через р. Горынь южнее Ровно. Начальник штаба генерал А. Г. Маслов выслал взвод саперов на машинах для подготовки командного пункта. Во время марша через огромный массив густо разросшихся хлебов, достигавших в высоту человеческого роста, Рокоссовский стал замечать, как то в одном, то в другом месте в гуще хлебов появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде штабной колонны быстро скрывались. *«Одни из них были в белье, другие – в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах*, – пишет Константин Константинович. – *Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП. Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам. Ну а их маскарад объяснялся просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не*

настолько наивен, чтобы не заметить их. Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде – в белье[162]».

Штаб 9-го механизированного корпуса, продолжая движение, вышел к переправе через р. Горынь южнее Ровно. Паром не мог обеспечить по времени переправу частей 35-й танковой дивизии. Рокоссовский приказал командиру дивизии использовать мост у местечка Гоща. Затем штаб корпуса в сопровождении батареи 85-миллиметровых пушек продолжил движение. К концу дня 23 июня из рощи, находившейся в 3 км восточнее Здолбунова, внезапно появились пять танков противника и три автомобиля с пехотой. Батарея 85-миллиметровых орудий немедленно развернулась и изготовилась к бою, но противник его не принял и скрылся в роще. По приказу Рокоссовского штаб корпуса решено было развернуть севернее намеченного места.

Для розыска и установления связи с 19-м и 22-м механизированными корпусами, части которых должны находиться где-то впереди или в стороне от 9-го механизированного корпуса, Рокоссовский направил разведгруппы, возглавляемые офицерами штаба корпуса. С одной из таких групп выехал начальник штаба корпуса генерал Маслов. Вскоре разведывательные группы вернулись и сообщили, что части 22-го механизированного корпуса генерала С. М. Кондрусева движутся в направлении Ковеля и передовыми отрядами ведут бой севернее Луцка. 19-й механизированный корпус генерала Н. В. Фекленко в это время продвигался на Дубно. Генерал Маслов, также возвратившийся в штаб корпуса, доложил Рокоссовскому:

– Удалось связаться со штабом фронта. Генерал Пуркаев просил передать, что мы переходим в подчинение 5-й армии. Сосредоточиться следует в районе Клевань, Олыка.

– Что он сказал о положении на фронте?

– Ничего. Разговор сразу прервался – связь работает отвратительно!

Тем временем 20-й танковый и 10-й моторизованный полки 15-го механизированного корпуса генерал-майора И. И. Карпезо попытались нанести удар по противнику и овладеть Радзехувом. Однако атака не увенчалась успехом. 19-й танковый полк, застряв в болоте в районе Копты, Олеско, не вышел к указанному сроку на рубеж атаки. Части 37-й танковой дивизии вышли к р. Радоставка только к двум часам ночи 24 июня.

В штабе Юго-Западного фронта продолжалась работа по подготовке контрудара согласно директиве № 3. Вечером 23 июня состоялось новое совещание с участием членов военного совета фронта. Генерал Пуркаев подвел итоги боевых действий за

первые два дня войны и дал оценку сложившейся обстановке. По его расчетам, утром 24 июня в контрударе смогут принять участие только 15-й и 22-й механизированные корпуса, да и то не всеми силами, так как в 22-м мехкорпусе в назначенный район успевает подойти лишь одна дивизия. Их могут поддержать 135-я стрелковая дивизия и 1-я противотанковая артиллерийская бригада, которые уже втянулись в тяжелые бои. На другие войска полагаться не приходится. 8-й механизированный корпус, уже проделавший большой путь под непрерывным воздействием авиации противника, все еще находился на марше из района Львова. Части 4-го механизированного корпуса брошены на отражение наступления врага на львовском направлении. 9-му и 19-му механизированным корпусам, по расчетам генерала Пуркаева, потребуется для подхода к полю сражения не менее двух суток. Части 31, 36 и 37-го стрелковых корпусов находились в 130—150 км, и их подход ожидался только через несколько дней. Таким образом, сил для контрудара сейчас слишком мало.

– Если мы так медленно будем подтягивать мехкорпуса, – вскипел член военного совета Вашугин, – через двое, трое суток от дивизий прикрытия ничего не останется.

– Мы предпринимаем все, что в наших силах, – сказал Пуркаев.

– Вот уже два дня воюем, а пока ни разу по-настоящему не ударили по фашистам. Нужно бить их! И не давать опомниться…

– Одного желания мало, – сухо возразил Пуркаев, – нужно бить противника с толком, а не сломя голову. Ну, нанесем мы удар сначала одним мехкорпусом, и то не одновременно всеми его соединениями. Вызволим, если удастся, окруженную дивизию, а корпус обескровим. Затем перейдем в наступление следующим корпусом и снова вызволим еще одну стрелковую дивизию. А дальше что?.. Враг о том и мечтает, чтобы разгромить наши корпуса поодиночке.

– Не можем же мы выжидать, когда дивизии на наших глазах гибнут, – мрачно проговорил Кирпонос. – Как вы, Максим Алексеевич, не можете этого понять?

– Я понимаю. – В голосе Пуркаева прозвучала досада. – Но нельзя жертвовать большим ради меньшего. Дивизиям нужно отдать приказ – пробиваться из окружения. А через два дня мы в глубине создадим мощные группировки и тогда с разных сторон нанесем такие удары по врагу, что ему не поздоровится. Ведь пять механизированных корпусов – это сила! А бросать их поодиночке – значит лить воду на мельницу противника.

– А мы и не будем бросать в бой механизированные корпуса поодиночке.

Генерал Кирпонос, водя по карте незаточенным концом карандаша, пояснил, что сейчас к району вклинения противника уже подошли и вступили в бой соединения 22-го и 15-го механизированных корпусов. 22-й мехкорпус совместно с 135-й стрелковой дивизией и при поддержке 1-й противотанковой артиллерийской бригады нанесет 24 июня удар по северной танковой группировке противника в направлении на Владимир-Волынский, на соединение с 87-й стрелковой дивизией. Одновременно 15-й механизированный корпус ударит с юго-востока по южной танковой группировке противника и соединится со 124-й стрелковой дивизией. Это будет, пояснил Кирпонос, первый эшелон. А несколько позже, с подходом 4-го и 8-го, а затем 9-го и 19-го механизированных корпусов, сила удара утроится.

– Одним словом, – резюмировал Кирпонос, – иного выхода нет: мы не можем отступать в ожидании сосредоточения всех механизированных корпусов.

Член военного совета фронта Вашугин без колебаний поддержал решение командующего. Генерал Кирпонос приказал 5-й армии нанести контрудар силами 22-го механизированного корпуса и 135-й стрелковой дивизии в общем направлении на Владимир-Волынский, разгромить части противника, вклинившиеся на луцком направлении, и соединиться с окруженными полками 87-й стрелковой дивизии. 15-й механизированный корпус должен был, частью сил обороняясь у Радзехува и на подступах к Бродам, основными силами наступать на Берестечко в целях разгрома танковых и моторизованных частей противника, прорвавшихся из района Сокаля, а затем соединиться с окруженными частями 124-й стрелковой дивизии. Командующему 6-й армией предстояло, упорно удерживая занимаемые позиции, вывести немедленно 4-й механизированный корпус из боя и повернуть его на Радзехув, на поддержку 15-го механизированного корпуса. От 8-го механизированного корпуса командующий фронтом потребовал к утру 24 июня выйти в район Броды и быть в готовности поддержать 15-й механизированный корпус ударом на Берестечко. Для остальных армий задача оставалась прежней – прочной обороной удерживать занимаемые рубежи.[163]

Свое решение генерал Кирпонос доложил генералу армии Жукову, только что вернувшемуся из 8-го механизированного корпуса, где тот знакомился с состоянием частей корпуса и с тем, как осуществляется их выдвижение из района Львова на Броды.

«Начальник Генерального штаба был хмур, – вспоминал И. Х. Баграмян. – *Он молча кивнул в ответ на мое приветствие. Из*

разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления. Только так можно добиться перелома в ходе пограничного сражения. Жуков считал ошибкой, что Кирпонос позволил командующему 6-й армией оттянуть 4-й механизированный корпус с правого фланга армии, где враг наносит главный удар, на левый и ввести его в бой на этом второстепенном направлении[164]».

24 июня 22-й механизированный корпус генерал-майора С. М. Кондрусева совместно со 135-й стрелковой дивизией нанес контрудар по левому флангу вклинившейся группировки противника, стремясь оказать помощь 87-й и 124-й стрелковым дивизиям, окруженным восточнее Владимир-Волынского. Однако несогласованность в действиях соединений, большие потери в боях и превосходство противника в танках вынудили части корпуса отступить 25 июня за р. Стырь севернее Луцка. Командир корпуса генерал Кондрусев погиб, а в командование вступил начальник штаба генерал-майор В. С. Тамручи.

24 июня получил боевое крещение и 9-й механизированный корпус. Части 131-й моторизованной дивизии, атаковав переправившегося через Стырь противника, отбросили его и отражали попытки врага вновь форсировать реку. 35-я танковая дивизия вела бой против немецкой 13-й танковой дивизии юго-западнее Клевани, а 20-я танковая дивизия, атаковав части той же дивизии, расположившиеся на привал в районе Олыка, нанесла ей большой урон, захватила трофеи и пленных. В последующем части 9-го механизированного корпуса отражали атаки подходивших танковых частей противника.

И. Х. Баграмян, оценивая действия К. К. Рокоссовского, писал: *«Подходил к концу третий день войны. На Юго-Западном фронте складывалась все более тревожная обстановка. Угроза, в частности, нависла над Луцком, где 15-й механизированный корпус генерала И. И. Карпезо нуждался в срочной поддержке, иначе танковые клинья врага могли рассечь и смять его. Ждали помощи и окруженные врагом вблизи Луцка части 87-й и 124-й стрелковых дивизий. И вот когда мы в штабе фронта ломали голову, как выручить луцкую группировку, туда подоспели главные силы 131-й*

моторизованной и передовые отряды танковых дивизий 9-го мехкорпуса, которым командовал К. К. Рокоссовский. Читая его донесение об этом, мы буквально не верили своим глазам. Как это удалось Константину Константиновичу? Ведь его так называемая моторизованная дивизия могла следовать только… пешком. Оказывается, решительный и инициативный командир корпуса в первый же день войны на свой страх и риск забрал из окружного резерва в Шепетовке все машины – а их было около двухсот, – посадил на них пехоту и комбинированным маршем двинул впереди корпуса. Подход его частей к району Луцка спас положение. Они остановили прорвавшиеся танки противника и оказали этим значительную помощь отходившим в тяжелой обстановке соединениям[165]».

К вечеру 25 июня в штаб 9-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор К. А. Семенченко, командир 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса. Он сообщил, что командир корпуса убит, части понесли большие потери, а противник продолжает наращивать свои усилия. Несколько минут Рокоссовский слушал доклад, он ясно видел, что Семенченко удручен потерями, гибелью людей и танков, неудачей сражения, но тон доклада вынудил Константина Константиновича к резкому разговору:

– Прекратите немедленно разглагольствования о гибели корпуса! Да, я знаю, Кондрусев убит, но в командование корпусом вступил генерал Тамручи, я только что говорил с ним, и двадцать второй продолжает борьбу. Стыдно! Идите и немедленно разыщите своих бойцов, они нуждаются в руководстве и помощи. Помните, что вы солдат и обязаны свой долг исполнять до конца!

Рокоссовскому уже приходилось приводить в чувство командиров, потерявших веру в возможность ведения успешной борьбы с немецкими войсками. Накануне в Клевани, где находился штаб 9-го механизированного корпуса, по распоряжению Константина Константиновича были собраны военнослужащие, вышедшие из окружения. *«В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек,* – вспоминал Рокоссовский, *– по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом,*

что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло. Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса[166]».

К исходу 25 июня на советско-германском фронте сложилась следующая обстановка. На Северо-Западном фронте соединения противника, наступавшие на Даугавпилс и Минск, продвинулись соответственно на 125 и 250 км. На брестско-барановичском направлении войска 4-й армии оказывали беспорядочное сопротивление 2-й танковой группе и 4-й полевой армии противника, которым удалось продвинуться на 200 км. Создалась реальная угроза выхода врага к Западной Двине и Минску. В тяжелом положении оказались 3-я и 10-я армии Западного фронта, фланги которых глубоко охватил противник. Для их выхода на Минск остался лишь узкий коридор шириной до 60 км между городами Скидаль и Волковыск. 25 июня командующему войсками Западного фронта генералу армии Д. Г. Павлову было приказано отвести эти армии на рубеж Лида, Слоним, Пинск. В тот же день Ставка Главного Командования приняла решение о создании в Брянске Группы армий резерва Главного Командования (РГК) в составе 19, 20, 21 и 22-й армий под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного. На эту группу возлагалась задача к исходу 28 июня «занять и прочно оборонять рубеж Креславль, Десна, Полоцкий УР, Витебск, Орша, р. Днепр до Лоева. Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиацией…[167]». Кроме того, в районе Смоленск, Ярцево, Духовщина сосредоточивалась 16-я армия резерва Главнокомандования.

Одновременно началось создание в глубине оборонительных рубежей, чтобы закрыть врагу дорогу на Москву. С этой целью в Сибирском военном округе формировалась 24-я армия, которой надлежало подготовить и занять оборону на рубеже станция Нелидово, Белый, выс. 262, Дорогобуж, Гжатск, Ржев[168]. В Архангельском военном округе создавалась 28-я армия с задачей подготовить и занять оборону на рубеже Ельня, р. Десна до Ржанина, Выгоничи[169]. Войскам Северо-Западного фронта было разрешено к утру 30 июня отойти за Западную Двину.

Командующему 19-й армией Ставка Главного Командования поставила 28 июня задачу сосредоточиться к утру 2 июля в районе (иск.) Горностайполь, Макаров, Фастов, Белая Церковь, Триполье с целью подготовки обороны Киева[170]. Командующий войсками Киевского Особого военного округа получил задачу в ночь на 29 июня «выбросить на парашютах несколькими эшелонами 204-ю воздушно-десантную бригаду в район Озаричи, Любань, Волосовичи (40—50 км севернее Калинковичей) для действий в направлениях Шацилок, Паричей, Глуска с целью разгрома подвижной группы противника (до танковой дивизии), которая, форсировав у Бобруйска р. Березина, выдвигалась в направлении на Рогачев[171]. Войскам 28-й армии предписывалось к исходу 5 июля занять и прочно оборонять рубеж Ельня, р. Десна до Жуковки, Старшевичи, Лопушь, Синезерки, обратив особое внимание на организацию обороны направления Рогачев, Медынь. Войскам 24-й армии предстояло к этому времени занять и прочно оборонять рубеж Высокое, Нелидово, Белый, Болышево, р. Днепр до Усвятье, Озерище, сосредоточив основные усилия на направлении Смоленск – Вязьма.[172]

На Юго-Западном фронте события развивались следующим образом. Генерал Кирпонос по согласованию с генералом армии Жуковым решил перенести контрудар на утро 26 июня, так как 8, 9 и 19 механизированные, 31, 36, 37 стрелковые корпуса еще не вышли в назначенные им районы. Командующему 5-й армией генералу Потапову, в чьем подчинении находился 9-й механизированный корпус, было приказано создать подвижную группу в составе 22, 9 и 19-го механизированных корпусов и нанести контрудар в общем направлении на Дубно. Навстречу им с юга должны были наступать 4, 8 и 15-й механизированные корпуса.

К моменту нанесения контрудара, 26 июня, 13-я танковая дивизия противника переправилась через р. Иква по мосту у Млынова, захваченному накануне частями 11-й танковой дивизии, и выдвинулась в направлении Мошков, Ровно. Южнее нее из района Дубно в направлении Мизоч, Острог наступала 11-я танковая дивизия. Вслед за танковыми дивизиями немецких 3-го и 48-го моторизованных корпусов с рубежа р. Иква перешли в наступление 299-я и 111-я пехотные дивизии генералов В. Мозера и О. Штапфа. На подходе к Дубно находилась 75-я пехотная дивизия генерала Э. Хаммера, 16-я танковая дивизия была в нескольких километрах от Кременца.

26 июня в районе Луцка, Ровно, Дубно, Броды развернулось крупнейшее танковое сражение. По числу задействованных в нем боевых машин оно превосходило даже знаменитое сражение под

Прохоровкой. С обеих сторон на участке шириной до 70 км столкнулось около 2 тыс. танков[173]. Части 8-го механизированного корпуса в течение дня продвинулись на 10—12 км. Однако другие корпуса не смогли поддержать этот успех. 15-й механизированный корпус понес большие потери от ударов вражеской авиации. 9-й и 19-й механизированные корпуса вступили в сражение только во второй половине дня. К исходу 26 июня 19-й механизированный корпус вышел на подступы к Дубно, а 9-й механизированный корпус не смог преодолеть сопротивление 14-й танковой дивизии противника.

К. К. Рокоссовский, вспоминая события того времени, писал: *«26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником. Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волынском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба*[174]».

Конечно, Рокоссовскому после войны было легко рассуждать о том, что командующий Юго-Западным фронтом мог отступить от требований директивы Генштаба. Выше уже отмечалось, какое давление испытывал генерал Кирпонос со стороны Ставки Главного Командования и Генерального штаба.

Вечером 26 июня командующий Юго-Западным фронтом доложил начальнику Генштаба о своем решении резервными стрелковыми корпусами перейти к обороне на рубеже Луцк, Кременец, Гологуры. Механизированные корпуса получили приказ прекратить контрудары, выйти из боя и отойти за этот рубеж. Генерал армии Жуков посчитал такое решение

ошибочным. Части 1-й танковой группы генерала Э. Клейста были разбросаны по дорогам, и ее фланги оказались открытыми. Механизированные корпуса Юго-Западного фронта занимали выгодное положение на флангах и в тылу вражеских дивизий. Поэтому, по мнению Жукова, необходимо было наносить контрудар со всей решительностью, не проявляя колебаний, не выводя сражавшиеся дивизии из боя в момент, когда у них обозначился успех. Тем самым механизированные корпуса вынудили бы противника временно перейти к обороне. А это, в конечном счете, дало бы возможность фронту перегруппировать силы, подтянуть новые соединения из тыла и занять выгодные оборонительные рубежи. Поэтому Жуков потребовал в жесткой форме от Кирпоноса с утра 27 июня перейти в наступление и разгромить противника, прорвавшегося к Луцку и Дубно. Однако к утру 27 июня, когда удалось обобщить сведения, поступившие с других фронтов, Жуков понял ошибочность своего решения о продолжении контрударов на Юго-Западном фронте. Обсудив еще раз ситуацию с генералами Ватутиным и Василевским, начальник Генштаба приказал подготовить директиву об отводе войск Юго-Западного фронта на рубеж укрепрайонов старой государственной границы.

Пока принималось это решение, 9-й механизированный корпус выдвигался на исходный рубеж для контрудара. На рассвете 27 июня он из района Ставки, Ромашевская перешел в наступление во фланг противника (299, 111, 44-я пехотные, 13-я и 11-я танковые дивизии), теснившего 19-й механизированный корпус. 35-я танковая дивизия вышла к 3 – 4 часа утра на рубеж колхоз Малин, Уездце (15 км севернее Млынова), где вошла в соприкосновение с передовыми частями 299-й пехотной дивизии противника. На этом рубеже 35-я танковая дивизия развернулась и обороняла его до исхода 27 июня. 20-я танковая дивизия, двигаясь левее 35-й танковой дивизии, при подходе к Петушкову была обстреляна частями 13-й танковой и 299-й пехотной дивизий противника. Развернувшись в боевой порядок, 20-я танковая дивизия в 7 часов атаковала противника. Он оказал упорное сопротивление, а затем во второй половине дня, нащупав открытые фланги и промежутки между частями дивизии, стал ее обходить, создав угрозу окружения. В этой обстановке Рокоссовский принял решение с наступлением темноты отвести танковые дивизии на линию южной опушки леса в районе Ромашевская, Клевань, где они и закрепились. С утра 28 июня они отражали атаки подошедших из района Луцка 14-й танковой и 25-й моторизованной дивизий, стремившихся прорваться на шоссе Луцк – Ровно.

Несмотря на то, что удар 9-го механизированного корпуса не достиг поставленной цели – захвата Млынова, его активные действия на левом фланге ударной группировки противника вынудили немецкое командование развернуть 299-ю пехотную дивизию и часть сил 13-й танковой дивизии на север. В результате несколько облегчилось положение 19-го механизированного корпуса, отходившего с тяжелыми боями в направлении на Ровно.

29 июня Ставка Главного Командования потребовала от командующего Юго-Западным фронтом закрыть разрыв на участке Луцк, Станиславчик, чтобы изолировать и уничтожить прорвавшуюся мотомеханизированную группу противника. Эта задача возлагалась на 5-ю армию, которой предстояло: *«…Прочно обороняя рубеж р. Стоход, р. Стырь, Рожище, Клевань, 1 июля из района Цумань, Ставок, Клевань нанести удар на юг с целью отрезать от своих баз и войск мотомеханизированную группу противника, перешедшую р. Горынь у Ровно, и ликвидировать прорыв*[175]».

Генералу Рокоссовскому предписывалось без 131-й моторизованной дивизии во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом ударом в направлении Клевань, Зарецк уничтожить противостоящего противника, выйти в район Зембица, Оладув, Варковичи и, обеспечивая себя со стороны Дубно, не допустить отхода противника на запад[176]. 131-я моторизованная дивизия должна была сосредоточиться в лесу восточнее Киверец в резерве командующего 5-й армией.

Генерал Потапов рассчитывал, что контрудар 5-й армии на дубненском направлении, несмотря на его ограниченную глубину, на некоторое время скует силы противника и облегчит отрыв войск армии и их планомерный отход на р. Случь. С этой целью он приказал 9-му механизированному корпусу до исхода 3 июля упорно оборонять район Клевань, Грабов, Оржев. После этого отойти 4 июля в район Седлице, Тучин, обеспечивая стык 31-го стрелкового и 19-го механизированного корпусов.

К моменту нанесения контрудара механизированные корпуса находились в удручающем состоянии. Об этом подробно говорилось в докладе начальника Автобронетанкового управления Юго-Западного фронта генерал-майора танковых войск Моргунова военному совету фронта от 30 июня 1941 г[177]. За девять дней боевых действий механизированные корпуса прошли от 150 до 650 км при работе моторов от 20 до 80 часов, причем 9-й механизированный корпус преодолел до 200—250 км при работе моторов по 20—25 часов. За это время они не имели ни одного дня для осмотра материальной части, ее регулировки и

ремонта. Отсутствие средств эвакуации и ремонтных средств, а также удаленность ремонтных стационарных баз привели к тому, что 25—30% материальной части вышло из строя по техническим причинам. Генерал Моргунов считал необходимым, при первой возможности, после занятия обороны отвести механизированные корпуса в тыл и предоставить им 2—3 суток для отдыха личному составу, восстановления материальной части, пополнения всеми видами довольствия, восстановления и пополнения тылов. В противном случае через 3—4 дня вся материальная часть могла выйти из строя.

Командование Юго-Западного фронта понимало, что механизированным корпусам необходимо дать время для обслуживания и ремонта техники, но видело причины больших потерь в том, что военные советы и штабы армий слабо организуют и руководят боем механизированных соединений. В директиве генерал-полковника Кирпоноса, направленной в начале июля военным советам 5, 6, 12 и 36-й армий, отмечалось:

«1. Танковые соединения, как правило, используются для уничтожения противника без должной разведки и поддержки авиацией и артиллерией. Отсутствует организация взаимодействия с этими родами войск.

2. Не всегда при постановке задач механизированным частям и соединениям учитываются расстояние и техническое состояние боевой и материальной части, что приводит к неодновременности действий на поле боя.

3. Совершенно не организована в армиях служба эвакуации и восстановления материальной части непосредственно на поле боя и в армейском тылу.

4. Отсутствует учет потерь боевой и вспомогательной материальной части и личного состава. Это создает трудности пополнения[178]».

От военных советов армий требовалось при принятии решения и постановке задач учитывать техническое состояние материальной части танков, увязывать их действия с авиацией и артиллерией, организовать эвакуацию и восстановление боевой и вспомогательной материальной части непосредственно на поле боя и в армейском тылу.

В ходе подготовки к наступлению 9-й механизированный корпус, имевший всего 32 танка и 55 орудий различных калибров, был атакован вечером 30 июня в районе Оржева (5 км восточнее Клевани) частями 25-й моторизованной и 14-й танковой дивизий. Противник предпринимал усилия для того, чтобы прорваться к северу в направлении Дережня с целью отрезать войска 5-й армии от переправ через р. Горынь. Однако

части 9-го механизированного корпуса отбили все атаки противника, а с утра 1 июля перешли в наступление. 35-я танковая дивизия, наступая с южной опушки леса западнее Клевани, к исходу дня овладела лесом у Жуковщизны, где и закрепилась. В ночь на 2 июля 35-я танковая дивизия по приказу Рокоссовского отошла в исходное положение. 20-я танковая дивизия, отразив вечером 30 июня атаку частей 25-й моторизованной дивизии в районе Оржева, с утра 1 июля перешла в наступление с рубежа Клевань, Оржев и к трем часам дня продвинулась на 10—12 км. К исходу 1 июля она также по приказу командира 9-го механизированного корпуса отошла в исходное положение.

Ставка Главного Командования, учитывая сложившуюся обстановку, приняла решение о переходе к обороне на южном и юго-западном стратегических направлениях. В директиве Ставки Главного Командования от 30 июня говорилось:

«…3. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов отойти к 9 июля на рубеж укрепленных районов: Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Старо-Константиновского, Проскуровского и Каменец-Подольского, где, опираясь на УРы, организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств. Основные силы сосредоточить в резервах.

4. Армиям Юго-Западного фронта отойти на основной рубеж Сарны, р. Случь, Острог, Скаладзь (Скалат), Чортков, Коломыя, Берхомет (Берегомет), удерживая его до 6 июля. В дальнейшем отойти на основной рубеж.

Главную группировку фронта создать в районе Каганович (Кагановичи 1-е), Чаповичи, Радомышль, Чернобыль…

5. Армиям Южного фронта прикрывать отход войск Юго-Западного фронта со стороны Румынии до выхода их на промежуточный рубеж. С началом отхода армий Юго-Западного фронта на основной рубеж отвести правое крыло 18-й армии на фронт Смотричи, Липканы, где организовать упорную оборону, опираясь на УР. Основную группировку сил фронта иметь ближе к правому крылу фронта[179]».

Решение Ставки Главного Командования о переходе к стратегической обороне явилось первым шагом на пути выхода из плена беспочвенных иллюзий.

Повторный контрудар 5-й армии вызвал у противника опасение за тыловые коммуникации 3-го моторизованного и 29-го армейского корпусов. Учитывая, что основные силы 29-го и 55-го армейских корпусов вермахта вели тяжелые бои с 8-м механизированным корпусом в районе Дубно и Кременец,

противник бросил против 22-го и 9-го механизированных корпусов 670-й отдельный противотанковый дивизион, усиленный танковый полк, разведывательный батальон 16-й танковой дивизии, учебный полк химических минометов, а также резерв 1-й танковой группы – моторизованную дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер[180]». Последняя, переброшенная через Луцк, в 14 часов 2 июля нанесла удар по правому флангу и тылу 22-го механизированного корпуса и вынудила его к отходу. Против 9-го механизированного корпуса противник задействовал 25-ю моторизованную дивизию. В результате этих контрмер противника наступление войск 5-й армии, наносивших контрудар на дубненском направлении, имело ограниченные результаты.

В соответствии с приказом Ставки Главного Командования войска Юго-Западного фронта начали отход на восток. Правофланговые соединения 5-й армии (15-й и 31-й корпуса), разрушая за собой мосты и устраивая заграждения на дорогах, совершали планомерный отход на р. Случь под прикрытием арьергардов. На левом фланге армии 9-й и 19-й механизированные корпуса вели тяжелые сдерживающие бои с превосходящими силами ударной группировки противника, стремившейся вырваться на оперативный простор и осуществить стремительный рейд на Киев.

С военной точки зрения отступление – сложнейший маневр. Это преднамеренное или вынужденное оставление войсками занимаемых рубежей (районов) и их выведение из-под ударов превосходящих сил противника с занятием более выгодного положения для последующих действий. В любой обстановке отход проводится только по приказу или с разрешения старшего начальника, организованно и скрытно в целях своевременного выхода войск в боеспособном состоянии. Отход начинается выходом из боя войск и их отрывом от противника. Для этих целей соединениям и частям указываются полоса или маршруты отхода, исходный и конечный рубежи и порядок их занятия, огневые позиции артиллерии, места развертывания пунктов управления. Кроме того, командиры соединений и частей ориентируются о характере предстоящих действий после отхода. Для достижения скрытности действий войск при выходе из боя и отрыве от противника используется темное время суток и другие условия плохой видимости, а также проводится комплекс маскировочных мероприятий.

Так все выглядит в теории. На практике войска до начала Великой Отечественной войны практически не обучались способам организации и осуществления отхода. Ведь считалось,

что Красная Армия не будет отступать ни при каких условиях. У Рокоссовского к тому же не было никакого опыта организации и руководства отходом механизированного соединения. Несмотря на это, он сумел справиться с такой сложной задачей. Части 9-го механизированного корпуса, прикрывая отступление основных сил 5-й армии с юга, вели тяжелые бои в районе Цумань, Клевань, Александрия против 25-й моторизованной дивизии, моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 299-й и 298-й пехотных дивизий. В ночь на 5 июля части корпуса, оторвавшись от противника, начали отход за р. Случь. Они отступали классически – от рубежа к рубежу, отражая непрерывные атаки наседавшего противника. Маршрут отхода штаба корпуса проходил через Новоград-Волынский, но семей командного состава в городке уже не было, и никто не мог сказать Рокоссовскому, где его жена и дочь. 8 июля он отправил им письмо, надеясь, что оно дойдет до адресата:

«Дорогая Люлю и милая Адуся! «Куда, куда вы удалились?» Кличу, ищу вас – и найти не могу… Как мне установить с вами связь, не знаю… Я здоров, бодр, и никакая сила меня не берет. Не волнуйся, дорогая: я старый воин. Столько войн и передряг прошел и остался жив. Переживу и эту войну и вернусь к вам таким же бодрым, жизнерадостным и любящим вас… Спешу писать, идет бой…[181]»

Между тем противник продолжал наращивать свои усилия. Во второй половине 7 июля он захватил Бердичев. Начальник Генштаба генерал армии Жуков в тот же день направил командующему Юго-Западным фронтом директиву № 00223, в которой требовалось одним стрелковым корпусом удерживать рубеж по восточному берегу р. Случь, обеспечивая стык с Западным фронтом. Главные силы 5-й армии надлежало отвести в район Овруч, Коростень и прочно занять Коростенский УР. Остальные армии фронта необходимо было к утру 9 июля отвести на рубеж Новоград-Волынского, Остропольского и Летичевского укрепленных районов. Одновременно предписывалось подготовить тыловые рубежи: первый – по линии Чернигов, р. Десна, Киевский укрепленный район, Фастов, р. Торч, Жашков; второй – по восточному берегу р. Днепр. Южному фронту престояло собрать резервы из районов Белград, Черновицы, Бельцы, Кишинев и контрударом отбросить противника за р. Прут, после чего принять меры к укреплению обороны на этой реке.[182]

Командующий Юго-Западным фронтом, получив директиву Ставки, немедленно поставил соответствующие задачи. Войска 5-й армии должны были в ночь на 8 июля начать отход на

Коростеньский УР, а остальные армии – на линию Новоград-Волынского, Остропольского и Летичевского укрепрайонов.

Командующий 5-й армией генерал Потапов решил к исходу 7 июля сосредоточить 9-й механизированный корпус в районе Погореловка, колхоз Визенталь (иск.), Ушомир (15—20 км юго-западнее Коростеня) и подготовить контратаки в направлениях Новограда-Волынского и Житомира.

Однако противник упредил войска 5-й армии. К вечеру 8 июля он прорвал Новоград-Волынский укрепленный район почти на всем его протяжении. Это вынудило генерала Потапова уточнить свое решение: прочно удерживая частью сил рубеж Рудница, Белокоровичи, Эмильчино, Сербы, силами 31-го стрелкового, 9-го и 22-го механизированных корпусов нанести удар в направлении Бронники, Черница, во взаимодействии с 6-й армией уничтожить прорвавшуюся группировку противника и восстановить на левом фланге оборону по р. Случь. К этому времени в 9-м механизированном корпусе осталось около 10 тыс. бойцов и командиров, около 30—35 танков.[183]

В свою очередь командующий 1-й танковой группой генерал-полковник фон Клейст 9 июля потребовал от своих войск: «…Под Киевом на восточном берегу Днепра создать крупный плацдарм в качестве основы для продолжения операций восточнее реки![184]» К этому времени части 1-й танковой группы оторвались от пехотных дивизий на 200 км и продолжали наступать в высоком темпе. 3-й моторизованный армейский корпус неудержимо рвался вперед. Его 13-я танковая дивизия 10 июля вышла на рубеж р. Ирпень неподалеку от Киева. На следующий день к ней присоединилась 14-я танковая дивизия. До Киева было уже рукой подать. И тут вдруг неожиданно вмешалось Верховное Главнокомандование вермахта. В связи с постоянно усиливающимся сопротивлением противника, особенно в полосах групп армий «Центр» и «Север», и необычайной стойкостью войск Красной Армии, Гитлер приказал впредь до особого распоряжения не проводить крупных наступательных операций, а ограничиваться созданием лишь мелких колец окружения. 1-я танковая группа получила приказ прекратить дальнейшее наступление в едином составе, разделиться на три корпусных группы, которым и предстояло отныне действовать в южном направлении. На киевском направлении остался только 3-й моторизованный армейский корпус генерала кавалерии фон Макензена. Ему предстояло «сначала обеспечить оборону флангов от возможных действий противника из района северо-восточнее рубежа Житомир, Киев[185]».

Утром 10 июля войска 5-й армии перешли в

контрнаступление. Ударная группировка армии (две дивизии 31-го стрелкового корпуса, 19, 9 и 22-й механизированные корпуса) нанесла удар по противнику с рубежа Вершница, Тесновка, Мирное. Однако наступление развивалось неравномерно. 19, 9 и 22 механизированные корпуса, имевшие в общей сумме 130 танков, наступали на левом фланге и в центре ударной группировки. С 10 по 14 июля они продвинулись на 10—20 км, выйдя на Киевское шоссе. В то же время 31-й стрелковый корпус, действовавший на правом фланге, встретил упорное сопротивление противника и продвинулся всего лишь на 3—6 км.

В разгар сражения Рокоссовский получил приказание передать командование генералу Маслову и немедленно отбыть в Москву.

Контрудар Юго-Западного фронта на какое-то время задержал продвижение группы армий «Юг». Однако генерал М. П. Кирпонос считал, что приграничное сражение проиграно. Г. К. Жуков позднее написал: *«…В результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови*[186]».

В ходе тяжелейших сражений с 24 июня по 13 июля 1941 г. части 9-го механизированного корпуса, несмотря на потерю почти всех танков и большую убыль в личном составе, сумели нанести значительный урон противнику. За мужество и стойкость многие бойцы и командиры получили боевые награды. Среди них оказался и генерал Рокоссовский, награжденный 23 июля орденом Красного Знамени.

Вечером 14 июля Рокоссовский, распрощавшись с боевыми товарищами, с которыми за эти три с лишним недели пережил так много тяжелых минут, на автомашине отправился в Киев. До города он добрался поздней ночью. Штаб Юго-Западного фронта помещался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Здесь Константин Константинович и провел остаток ночи с тем, чтобы назавтра улететь в Москву. Утром же его пригласили в кабинет командующего фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса.

Встреча произвела на Рокоссовского тяжелое впечатление. *«Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранять внешнее спокойствие,* – вспоминал Константин Константинович. – *Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что*

он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам[187]».

Положение на Юго-Западном фронте действительно складывалось очень серьезное, и командующему фронтом приходилось нелегко. Генералу Кирпоносу оставалось жить очень недолго: пройдет немногим более двух месяцев, и 20 сентября, во время попытки вырваться из окружения в урочище Шумейково, у хутора Дрюковщина, он будет убит осколком вражеского снаряда.

Смоленское сражение

В первой половине июля 1941 г. серьезно осложнилось положение на Западном стратегическом направлении. Основные силы германских войск вышли на дальние подступы к Москве. Ожесточенные сражения одновременно развернулись на великолукском, смоленском и рославльском направлениях. 2-я танковая группа Гудериана форсировала Днепр, а 3-я танковая группа прорвала оборону Западного фронта в районе Витебска. 12 июля начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков направляет главнокомандующему войсками Западного направления Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко директиву № 00290:

«Первое. Для ликвидации прорыва противника у Витебска немедленно организовать мощный и согласованный контрудар имеющимися свободными силами из районов Смоленска, Рудни, Орши, Полоцка и Невеля. Фронта Орша, Могилев не ослаблять.

Второе. Контрудар поддержать всеми ВВС фронта и дальнебомбардировочным корпусом.

Третье. Перейти к активным действиям на направлении Гомель, Бобруйск для воздействия на тылы могилевской группировки противника[188]».

В соответствии с этой директивой войска 21-й армии нанесли удар в направлении на Бобруйск. Они форсировали Днепр, освободили Рогачев и Жлобин и с боями начали продвигаться в северо-западном направлении. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок вынужден был перебросить сюда крупные силы 2-й полевой армии. Но по ее тылам прорвалась и вышла в район Бобруйска кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова. Для борьбы с ней немецкому командованию пришлось привлечь из своего резерва еще три пехотные дивизии. Упорная оборона 13-й армии в районе Могилева, действия 21-й армии под Бобруйском затормозили продвижение противника на рославльском направлении.

Но в центре Западного фронта немецкие войска продолжали наступать. Во второй половине июля они вышли в район Ярцево, Ельня, Смоленск, Кричев, Пропойск и глубоко вклинились в оборону войск Западного фронта. Однако в это время оба фланга группы армий «Центр» оказались под угрозой контрударов советских войск – создались благоприятные условия для окружения и уничтожения смоленской группировки противника.

С целью прикрытия Западного стратегического направления генерал армии Жуков по поручению Ставки Верховного Командования отдал 14 июля приказ № 00334 о создании Фронта

резервных армий в составе 29, 30, 24, 28, 31 и 32-й армий. Они должны были к исходу дня занять рубеж Старая Русса, Осташков, Белый, Истомино, Ельня, Брянск и подготовиться к упорной обороне. Тыловой оборонительный рубеж требовалось подготовить по линии Кувшиново, Ржев, Сычевка, Реброво, Теренино, Феликсово, Сельцо и отсечную позицию – на рубеже Лопушня, Карачев.[189]

Это было своевременное решение, ибо в это время развернулось ожесточенное сражение за Смоленск, бои шли уже восточнее города. Генерал армии Жуков отчетливо видел зияющий разрыв между ударными силами групп армий «Центр» и «Юг» и понимал, что противник тоже хорошо осознает угрозу, нависшую над флангами его центральной группировки. Прежде чем развивать наступление на Москву, немецкому командованию требовалось ликвидировать этот разрыв. При этом просматривалось два варианта: в первом случае немцы могли повернуть часть войск группы армий «Центр» на юг; а во втором – попытаться ускорить разгром советских войск Юго-Западного фронта силами группы армий «Юг». Так как сил у противника для решения задач по второму варианту было недостаточно, то, по мнению Жукова, следовало ожидать развития событий по первому сценарию. Противник должен был снять войска с московского направления! Так и случилось. 19 июля Верховное командование вермахта отдало приказ о повороте значительной части сил группы армий «Центр» для действий в южном направлении в целях ликвидировать угрозу своему правому крылу и оказать содействие группе армий «Юг» в разгроме войск Юго-Западного фронта под Киевом. Однако выполнению этого решения помешали наступательные действия войск Западного фронта на смоленском направлении.

До того времени, когда противник принял данное решение, оставалось еще четыре дня. А пока Ставка Верховного Командования продолжала укреплять оборону. 15 июля командующим Фронтом резервных армий и 28-й армией ставится задача об усилении обороны на направлении Смоленск, Вязьма[190]. 18 июля Жуков по поручению Ставки подписывает приказ № 00409 о создании Фронта Можайской линии обороны в составе 32, 33, 34-й армий с задачей к исходу 21 июля занять рубеж Кушелево, Ярополец, станция Колочь, Ильинское, Детчино и подготовить его к упорной обороне. Тыловой оборонительный рубеж требовалось организовать по линии Нудоль, озеро Тростенское, Дорохово, Боровск, Высокиничи.[191]

19 июля командующему Фронтом резервных армий ставится задача подготовить операцию по окружению противника в районе

Смоленска[192]. На следующий день Жуков связался по прямому проводу с главнокомандующим войсками Западного направления Тимошенко и обсудил с ним детали готовящейся операции.[193]

Жуков: *– Проведение удара, указанного товарищем Сталиным, возлагается лично на Вас. Состав частей этой ударной группы – три дивизии 30-й армии под командованием товарища Хоменко, мотодивизия и танковая дивизия под командованием товарища Рокоссовского, три дивизии под командованием Качалова (командующий 28-й армией. – Авт.), в том числе одна танковая. Кроме этих групп в Ваше распоряжение дается из состава сибиряков три дивизии. Итого ударная группа составляет двенадцать дивизий. Из района Торопца в состав группы товарища Хоменко прибудут дополнительно две кавалерийские дивизии для действия на его фланге. Удар группы Хоменко изменить по кратчайшему направлению, то есть через Белый на Ярцево; основной задачей этой ударной группы является разгром противника в районе Смоленска и выход на рубеж реки Днепр для восстановления положения и изгнания противника из района Орши. Иметь в виду район Торопца. Южнее выйдет группа Масленникова, которая остановится в том районе и будет действовать в обороне до особого распоряжения. Действия Вашей ударной группы максимально обеспечить авиацией. Прикрывать авиацией с воздуха, а бомбардировочной и штурмовой – бить противника на поле боя.*

Тимошенко: *– В общем смысл задачи уяснили. Неясным является расчет во времени и состояние готовности намечаемых групп. Не совсем понятно, за счет чего мыслится обеспечение авиацией связи, броневиками и так далее. У нас всего этого крайне недостаточно, если не сказать больше. Подумаем и представим соображения.*

Жуков: *– Средства связи должны быть выделены Вами за счет выделения танков и броневиков из частей, самолеты связи выделить также за счет боевых самолетов ВВС, два-три полка будут даны. Положение частей и время прохождения будут даны Генеральным штабом. Все прочие вопросы будут увязаны со штабом. Прикажите своему штабу подготовить все соображения и через час лично доложить начальнику Генерального штаба. Все. Качаловская группа может начать действия с рассвета двадцать второго, чем и оттянет на себя противника. Группа Хоменко может начать 23—24 июля. Группа Рокоссовского ведет бой. Группа сибиряков начнет движение с раннего утра завтра и будет в районе действия через два-три дня в качестве резерва Вашей группы. Остальное все будет дано особо.*

В тот же день Жуков подписал директиву Ставки Верховного Командования о создании оперативных групп войск и их

развертывании для разгрома смоленской группировки противника. Группа войск генерала И. И. Масленникова включала 252, 256 и 243-ю стрелковые дивизии, БЕПО (бронепоезд. – *Авт.*) № № 53 и 82, группа генерала В. А. Хоменко – 242, 251 и 250-ю стрелковые дивизии, группа генерала С. А. Калинина – 53-й стрелковый корпус (89, 91, 166-я стрелковые дивизии), группа генерала В. Я. Качалова – 149, 145 и 104-ю танковые дивизии[194]. Для усиления групп войск генералов Хоменко и Калинина выделялось по одному танковому батальону в составе 21 танка, группы генерала Качалова – 104-я танковая дивизия в полном составе. Общее руководство операцией возлагалось на генерал-лейтенанта А. И. Еременко, который 19 июля был назначен командующим Западным фронтом. Замысел операции состоял в том, чтобы нанести одновременные удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск, а после разгрома прорвавшегося врага соединиться с основными силами 16-й и 20-й армий.

Оперативная группа, которой предстояло командовать Рокоссовскому, пока существовала только на бумаге. В Москву он приехал 15 июля. В Ставке Верховного Командования ему сообщили, что на смоленском направлении «образовалась пустота», а под Ярцевом противник сбросил крупный воздушный десант, и задача оперативной группы будет состоять в том, чтобы не допустить продвижения врага в сторону Вязьмы. В распоряжение Рокоссовского предполагалось выделить две-три танковые и одну стрелковую дивизии. Предполагалось, что ее активные наступательные действия, поддержанные частями 16-й и 20-й армий, смогут привести к резкому улучшению оперативной обстановки и позволят удержать Смоленск.

В Генеральном штабе Рокоссовскому выделили небольшую группу командиров, две автомашины со счетверенными пулеметами и расчетами при них, а также радиостанцию. С этими «силами» он и выехал на фронт.

На командный пункт Западного фронта, разместившийся в Касне, севернее Вязьмы, Рокоссовский прибыл к вечеру 16 июля. У командования фронта, как вспоминал Константин Константинович, сложилось определенное мнение: группа армий «Центр», продолжая наступление, использует крупные танковые и моторизованные соединения, которые на некоторых участках прорвали фронт и начали продвижение на Смоленск. Полагая, что силы Красной Армии уже достаточно ослаблены и не смогут оказать серьезного сопротивления на Московском стратегическом направлении, противник решил одним ударом преодолеть здесь последнюю преграду. 2-я и 3-я танковые группы, не дожидаясь

подхода 9-й и 2-й полевых армий, должны были рассечь на нескольких направлениях войска Западного фронта, окружить и уничтожить их главные силы в районе Смоленска и открыть себе дорогу на Москву.

Командование Западного фронта организовывало сопротивление противнику, исходя из сложившейся обстановки. В первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях действовали 20-я армия генерала П. А. Курочкина и 19-я армия генерала И. С. Конева. Войскам 20-й армии приходилось крайне тяжело. Они уже долго вели оборонительные бои с врагом, намного превосходившим их и в людях и в технике. 20-ю армию время от времени удавалось подкреплять за счет прибывавших войск 16-й армии, в том числе 5-го механизированного корпуса генерала И. П. Алексеенко, который вводили в сражение по частям. Войска 19-й армии по мере их выгрузки попытались овладеть Витебском, куда уже ворвался противник, но безуспешно. Массированные удары немецкой авиации по атакующим частям срывали все эти попытки и вынуждали их к отходу.

Войска 16-й армии (две стрелковые дивизии) генерала М. Ф. Лукина пока еще удерживали Смоленск. В штабе фронта говорили: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Горловину мешка в районе соловьевской и ратчинской переправ через Днепр противник всячески пытался перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А. И. Лизюкова, которому командующий фронтом поставил задачу обеспечить пути подвоза всего необходимого борющимся под Смоленском войскам, а в случае надобности – и прикрыть пути их отхода.

В штабе фронта Рокоссовский ознакомился с данными на 17 июля. «*Работники штаба не очень-то были уверены, что их материалы точно соответствуют действительности,* – вспоминал он, – *поскольку с некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, не было связи. Поступили сведения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника. Данные о высадке воздушного десанта в Ярцево имелись, но они еще не были проверены*[195]».

В ночь на 18 июля Рокоссовский выехал в район Ярцева. «*Для управления был буквально на ходу сформирован штаб из пятнадцати – восемнадцати офицеров,* – писал Константин Константинович. – *Десять из них окончили академию имени М. В. Фрунзе и находились в распоряжении отдела кадров Западного фронта. Я заметил, что они с охотой приняли назначение. Какой офицер – если это настоящий офицер! – не стремится в трудные моменты в войска, чтобы именно там применить свои*

способности и знания! В числе этих товарищей был подполковник Сергей Павлович Тарасов. Он стал начальником нашего импровизированного штаба, он же возглавил и оперативный отдел. Как говорят, «и швец, и жнец…» Сухощавый, выносливый, со спортивной закалкой, не раз выручавшей его в горячие минуты боя, подполковник в самой сложной ситуации мог сохранять ясность мысли. Руководителю штаба все-таки нужно немного тишины. А наш штаб работал под огнем, находясь там, где создавалось наиболее угрожаемое положение. Казалось, никаких условий для штабной работы!.. Условий не было. А штаб все-таки был – штаб на колесах: восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика со счетверенными зенитными пулеметными установками[196]».

Прибыв под Ярцево, штаб быстро сориентировался в обстановке, установил связь с частями, оказавшимися в этом районе, и приступил к организации обороны. Первым соединением, которое К. К. Рокоссовский встретил восточнее Ярцева, оказалась 38-я стрелковая дивизия полковника М. Г. Кириллова. Это был немолодой и опытный командир. Его дивизия входила в состав 19-й армии, но при отступлении потеряла связь со штабом армии. Кириллов, почувствовав неожиданный нажим противника у Ярцева, занял оборону как мог. Поскольку Рокоссовскому еще в Касне стало известно, что связи с генералом Коневым нет, он использовал 38-ю стрелковую дивизию для отпора противнику непосредственно у Ярцева, которое уже находилось в руках врага. Дивизия была пополнена собранными в дороге людьми.

Узнав, что в районе Ярцева и по восточному берегу р. Вопь находятся части, оказывающие сопротивление противнику, люди сами потянулись к группе Рокоссовского. Прибывали целыми подразделениями или небольшими группами во главе с командным составом. Вскоре в группе появилось новое соединение – 101-я танковая дивизия полковника Г. М. Михайлова. Людей в ней недоставало, танков она имела штук восемьдесят старых, со слабой броней, и семь тяжелых, нового образца. Сам командир дивизии был храбрым офицером. Он заслужил на Халхин-Голе звание Героя Советского Союза.

Позднее в штабе 38-й стрелковой дивизии Рокоссовский встретил своего сослуживца по 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригаде И. П. Камеру. Он был начальником артиллерии 19-й армии, с которой потерял связь. Рокоссовский предложил Ивану Павловичу возглавить артиллерию группы, тот охотно согласился и энергично взялся за дело.

Обстановка в районе Ярцева оказалась более серьезной, чем

предполагали в штабе Западного фронта. Первый же бой помог установить, что здесь находится не только выброшенный противником десант, но и более внушительные силы. Обойдя Смоленск с севера, сюда прорвалась 7-я танковая дивизия вермахта. Разведка и показания пленных засвидетельствовали, что в этот район начали прибывать моторизованные части из танковой группы врага, действовавшей на смоленском направлении. После захвата Ярцева противник, форсировав Вопь, овладел плацдармом на ее восточном берегу и пытался продвинуться по шоссе в сторону Вязьмы. Одновременно штаб группы Рокоссовского зафиксировал активность противника на южном направлении, то есть в направлении переправ в тылу 16-й и 20-й армий.

Рокоссовский, оценив обстановку, пришел к следующему выводу: противник пытается на рубеже р. Вопь и южнее по Днепру сомкнуть кольцо окружения вокруг советских войск, воюющих в районе Смоленска, а затем обеспечить себе условия для прорыва по автостраде к Москве. Рокоссовский, располагая всего двумя дивизиями, принял решение перейти к обороне, имея в первом эшелоне обе дивизии. В резерв были выделены два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева – Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замошья рубеж обороны занял 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надежно обеспечены в противотанковом отношении. 38-я стрелковая дивизия заняла оборону восточнее Ярцева по берегу р. Вопь.

Несмотря на недостаток сил, Рокоссовскому удалось организовать серьезное сопротивление противнику, а затем его группа стала наносить удары по врагу то на одном, то на другом участке, нередко добиваясь успеха. «*Правда, успехи по масштабам носили тактический характер,* – вспоминал Константин Константинович. – *Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это многое значило. Кроме того, наша активность, видимо, озадачила вражеское командование. Оно встретило отпор там, где не ожидало его встретить; увидело, что наши части не только отбиваются, но и наступают (пусть не всегда удачно). Все это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцево, наносило*

массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощность вражеского артиллерийского и минометного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю[197]».

Бои на ярцевском рубеже не прекращались ни днем ни ночью. Части группы генерала Рокоссовского несли большие потери, текучесть личного состава была огромной, люди узнавали друг друга лишь в бою. В таких условиях возрастала роль командира. Вот только два примера.

В начале сражений под Ярцевом наблюдательный пункт Рокоссовского находился очень близко от линии фронта, на опушке леса, не далее километра от расположения стрелковой части, занявшей оборону. По позициям советских войск противник вел редкий артиллерийский огонь. Желая проверить, как пехота окопалась, Рокоссовский вместе с генералом Камерой отправился к расположению пехоты. Они не успели отойти далеко – из-за высоты, удаленной от позиции километра на два, появилась пехота противника, а за нею около десятка танков. Советские пехотинцы открыли огонь из пулеметов по врагу, потом начала стрелять гаубичная батарея. Это вынудило противника остановиться. Но вскоре над полем боя появились вражеские бомбардировщики, которые стали пикировать на окопы. В то же время усилился огонь немецкой артиллерии, двинулись вперед, стреляя с ходу, танки, поддерживая атакующих автоматчиков. И советские бойцы не выдержали; сначала к лесу из окопов побежали одиночки, затем группы… Тяжело смотреть на бегущих солдат, особенно если это твои солдаты!

Вдруг бойцы начали останавливаться, послышались голоса:

– Стой! Куда бежишь? Назад!..

– Не видишь – генералы стоят… Назад!

Генералы действительно на виду у всех стояли во весь рост и спокойно смотрели на бегущих. Это произвело сильное впечатление. Паника прекратилась, пехотинцы вернулись в свои окопы и вновь начали стрелять, заставив пехоту врага залечь. К этому времени батарея противотанковых орудий открыла огонь прямой наводкой по танкам. Атака противника сорвалась.

Другой эпизод произошел в начале августа 1941 г. Об этом военному корреспонденту газеты «Известия» Л. Кудреватых поведал командир одного из артиллерийских дивизионов. Воспользуемся его рассказом.

«В районе Минского шоссе в смертельной схватке за одну из лощин схлестнулись сотни две танков, почти поровну с каждой стороны. Советские и немецкие танкисты, понеся большие потери, отошли в лес, а лощина как была, так и осталась ничейной. Вскоре

после этого на передний край прибыл командующий группой генерал Рокоссовский. Изучив обстановку, он сказал:

– Лощина будет за тем, кто сегодня влезет в остовы танков, оставшихся тут. А за кем будет лощина, под контролем того будет и противоположная опушка леса. Мы первыми должны овладеть лощиной. Нам необходимо первыми забраться в остовы танков. И мы это сейчас сделаем!

Пехотным подразделениям, укрывшимся в окопах на восточной опушке лощины, был отдан приказ:

– С боем ворваться в металлические чрева танков!

– Приказ – приказом, а дело – делом, – рассказывал командир артиллерийского дивизиона. – Несколько раз пехотные подразделения пытались подняться в атаку, но тщетно. Вся лощина простреливалась противником. Вот тут-то и проявил себя как боевой начальник командующий нашей группой. Генерал Рокоссовский появился на опушке леса во весь рост. Его увидели все. «Бойцы, за мной, в атаку!» – крикнул генерал. И точно какая-то магическая сила подняла всех бойцов. Всех до единого! С криками «ура!» пехота ринулась в лощину. Командиры подразделений как бы приняли эстафету от генерала и повели бойцов вперед. А генерал вскоре был уже на командном пункте и оттуда руководил всей операцией. После такой атаки, конечно, лощиной прочно завладела наша пехота. А теперь вот мы, артиллеристы, выкуриваем фашистов и с западной опушки».

Это только два случая, когда в боях восточнее Ярцева уверенность и спокойствие генерала Рокоссовского передавались его подчиненным и оказывали в конечном счете решающее влияние на исход событий. *«Я не сторонник напускной бравады и рисовки,* – писал он. – *Эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее*[198]».

В штабе 101-й стрелковой дивизии полковника Г. М. Михайлова произошла первая встреча Л. Кудреватых с К. К. Рокоссовским. На полянке был оборудован своеобразный стол: в центре круговой траншейки, глубиной до полуметра, прямо на земле, покрытой газетами, стояли незатейливые блюда. Во время этого ужина корреспонденты слушали неторопливый рассказ полковника Михайлова об известных боях на Халхин-Голе. К импровизированному столу подбежал адъютант полковника:

– Прибыл генерал-майор Рокоссовский.

«Вскоре на полянке показался высокий, худощавый, как говорят, ладно скроенный и крепко сшитый генерал, – вспоминал Кудреватых. – *Мы поднялись, представились. Рокоссовский присел за стол и начал беседу. И его выправка, и речь, строй речи,*

лексикон – все как-то подчеркивало высокую культуру. Ласковый взгляд. Крупные руки с пальцами рабочего. Мягкий голос, сдержанная улыбка. Во всем чувствовалось что-то застенчивое и удивительно привлекательное. Слушая Константина Константиновича, мы забывали, что находимся на войне, что перед нами командующий армейской группой[199]».

С каждым днем расширялся участок боевых действий. Противник вводил дополнительные силы. Прибывало войск и в группе Рокоссовского. Управлять ими становилось все труднее. Командный пункт на колесах по-прежнему держался поближе к передовой. Штаб редел. За десять дней более половины штабных офицеров погибли или же получили тяжелые ранения. Рокоссовский несколько раз просил командование прислать ему штаб. Просьба эта наконец была выполнена. 21 июля штаб 7-го механизированного корпуса, выведенный неделю назад на переформирование в район Вязьмы, получил приказание командующего Западным фронтом поступить в распоряжение генерала Рокоссовского. Глубокой ночью 22 июля командир корпуса генерал В. И. Виноградов, начальник штаба полковник М. С. Малинин и командующий артиллерией генерал В. И. Казаков с группой командиров добрались до окрестностей Ярцева и стали разыскивать Рокоссовского. Во время поисков они столкнулись с генерал-лейтенантом А. И. Еременко, которому также был нужен Рокоссовский. Уже под утро они вместе разыскали командующего группой. Он спал в своей легковой машине ЗИС-101. Еременко начал будить Рокоссовского, и когда тот спросонья не мог понять, почему его будят, почти ласково сказал:

– Вставай, вставай, Костя!

На глазах у вновь прибывших Еременко и Рокоссовский дружески обнялись: они были старыми знакомыми по службе в Забайкалье и Белоруссии. Последовали вопросы о положении дел в группе Рокоссовского. Еременко дал указание действовать активно в районах соловьевской и ратчинской переправ и вскоре уехал. Рокоссовский стал знакомиться со своими будущими подчиненными. Маршал артиллерии В. И. Казаков вспоминал: *«Константин Константинович был сдержан и уравновешен. Выводы о создавшейся обстановке он делал ясные, определенные и неопровержимые по своей логике. Высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью с чуть заметным польским акцентом».*

С подполковником Г. Н. Орлом разговор был коротким и деловым:

– Вы танкист случайный или квалифицированный? – спросил его Рокоссовский.

– Я в 1937 году окончил бронетанковую академию.

– Хорошо, мне такой и нужен. Здесь у нас танки и артиллерия играют решающую роль. Немедленно приступайте к работе.

Штаб возглавил полковник М. С. Малинин, который сумел быстро наладить его бесперебойную работу. «*…Михаил Сергеевич Малинин с первых же дней показал себя умницей, опытным и энергичным организатором*, – вспоминал Рокоссовский. – *Мы с ним сработались, а впоследствии хорошо, по-фронтовому, сдружились. Был создан настоящий командный пункт, наблюдательные пункты на переднем крае, быстро установлена проводная связь с войсками. Опытному глазу сразу было заметно, что в руках полковника Малинина сколоченный, исполнительный и быстро реагирующий на все, что делается в войсках, штабной коллектив. Властная натура руководителя штаба порою охлаждала инициативу подчиненных, но потом это прошло, стерлось…*[200]»

Группа войск генерала Рокоссовского стойко удерживала позиции в районе Ярцева. Маршал Тимошенко докладывал 22 июля в Ставку: «*В Смоленске седьмой день идет ожесточенный бой. Наши части наутро 21 июля занимают северную часть города, вокзал на северо-западе, сортировочную станцию и аэродром в северо-восточной части… Рокоссовский сегодня предпринял обход с флангов и тыла, но контратакой немцев вынужден отвести свой правый фланг на восточный берег реки Вопь, удерживая 38 сд тет-де-пон у Ярцево…*[201]»

В соответствии с намеченным планом контрнаступление войск Западного фронта началось 23 июля. Первой из района Рославля нанесла удар оперативная группа генерала Качалова. На следующий день из района Белого в наступление перешла оперативная группа генерала Хоменко, а в районе Ярцева атаковала оперативная группа генерала Калинина. Части генерала Рокоссовского, отражавшие яростные атаки врага на ельнинском и вяземском направлениях, смогли принять участие в контрударе только 28 июля. Оперативная группа генерала Масленникова выступила позже других групп.

Бои сразу же приняли встречный характер и были крайне ожесточенными. Взаимодействие между группами войск и соединениями 16-й и 20-й армий не было организовано. Для того чтобы парировать удары советских оперативных групп, противнику пришлось использовать все соединения 3-й танковой группы, в том числе и учебную танковую бригаду.[202]

Оперативная группа генерала В. Я. Качалова своими действиями сумела сковать значительные силы 2-й танковой группы. Кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова 24

июля прорвалась в район юго-западнее Бобруйска, вышла в глубокий тыл 3-й танковой группы и 2-й полевой армии противника и перерезала его коммуникации. 26 июля генерал-фельдмаршал фон Бок отметил в своем дневнике: *«Выяснилось, что в моем секторе фронта русские завершили развертывание подошедших из глубокого тыла свежих войск и даже пытаются атаковать, пробуя на прочность мои позиции. Удивительное достижение для нашего неоднократно битого оппонента»*![203]

Действия войск центра и левого крыла Западного фронта к этому времени разделились на два самостоятельных очага: один – в районе Смоленска, другой – в районе Гомеля. Поэтому Ставка Верховного Командования для удобства управления разделила с 24 часов 24 июля Западный фронт на два фронта: Центральный (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов), включив в него 13-ю и 21-ю армии, а чуть позже и вновь сформированную 3-ю армию, и Западный (22, 16, 20 и 19-я армии). Главным операционным направлением Центрального фронта стало направление Гомель, Бобруйск, Волковыск.

Одновременно с совершенствованием управления войсками принимались меры по укреплению их стойкости. Одной из таких мер стало создание и использование заградительных отрядов на фронте. Однако в организации заградительной службы имелись значительные недочеты, на устранение которых была нацелена телеграмма № 00533 генерала армии Жукова от 26 июля. Она была адресована главнокомандующим войсками направлений и командующим войсками фронтов:

«Через линию заградительных отрядов тыла просачивается в глубокий тыл очень большое количество командиров и красноармейцев. Проникая в глубокий тыл, они своим появлением и преувеличенными сообщениями дезорганизуют население и распространяют панику. Расследованием установлено:

1. Заградслужба в тылах армий и фронтов организована очень низко и стоит она только на дорогах.

2. При задержании, вместо немедленного направления во фронтовые части, задержанных направляют глубже в тыл.

Ставка п р и к а з а л а немедленно лично разобраться, как организована заградслужба, и дать начальникам охраны тыла исчерпывающие указания. Всех задержанных вливать во фронтовые части и в тыл не направлять[204]».

27 июля генерал Рокоссовский получил директиву командующего Западным фронтом с задачей удержать Ярцево и не допустить прорыва противника на Вязьму. Для усиления дивизии полковника Лизюкова направлялся противотанковый дивизион 108-й стрелковой дивизии с пулеметной ротой. Сюда же

вскоре были переброшены другие части, и весь участок был подчинен командиру 44-го стрелкового корпуса комдиву В. А. Юшкевичу.

Рокоссовский, занимаясь организацией обороны, нашел несколько свободных минут для того, чтобы написать жене и дочери:

«Дорогие, милые Люлю и Адуся! Пишу вам письмо за письмом, не будучи уверенным, получите ли вы его. Все меры принял к розыску вас. Неоднократно нападал на след, но, увы, вы опять исчезали. Сколько скитаний и невзгод перенесли вы! Я по-прежнему здоров и бодр. По вас скучаю и много о вас думаю. Часто вижу во сне. Верю, верю, что вас увижу, прижму к своей груди и крепко-крепко расцелую. Был в Москве. За двадцать дней первый раз поспал раздетым, в постели. Принял холодную ванну – горячей воды не было. Ну вот, мои милые, пока все. Надеюсь, что связь установим. До свидания, целую вас бесконечное количество раз, ваш и безумно любящий вас Костя».

Г. К. Жуков, внимательно следя за развитием событий на фронтах, пришел к выводу, что немецкое командование, видимо, не решится оставить без внимания опасный для группы армий «Центр» участок – правое крыло фронта – и будет стремиться в ближайшее время разгромить войска Центрального фронта. Если это произойдет, то противник получит возможность выйти во фланг и в тыл Юго-Западному фронту, нанесет ему поражение и, захватив Киев, получит свободу действий на Левобережной Украине. Поэтому только после того, как будет ликвидирована угроза центральной группировке немецких войск с юго-западного направления, они смогут начать наступление на Москву. Что касается северо-западного направления, то Георгий Константинович полагал, что противник попытается усилить группу армий «Север» с тем, чтобы в кратчайшее время овладеть Ленинградом, соединиться с финской армией, а затем также повернуть свои силы на Москву, обходя ее с северо-востока. Этой операцией немецкое командование будет стремиться снять угрозу левому флангу своей ударной группировки на московском направлении. О своих предположениях Жуков доложил 29 июля Сталину.

У нас есть возможность сравнить прогнозы Жукова с намерениями противника, которые были изложены в директиве № 34 Генерального штаба сухопутных войск, подписанной Гитлером 30 июля. Она требовала от войск группы армий «Север» продолжать наступление на Ленинград, окружить его и установить связь с финской армией. Группе армий «Центр» предписывалось перейти к обороне, а на правом фланге провести

наступление с ограниченной целью – занять более выгодные исходные позиции. На группу армий «Юг» возлагалась задача продолжать операции против советских войск западнее Днепра, захватить плацдармы в районе Киева и южнее и уничтожить 5-ю армию Юго-Западного фронта[205]. Впервые с начала Второй мировой войны немецкие войска вынуждены были перейти к обороне на главном стратегическом направлении. Гитлер считал, что в условиях, когда сопротивление советских войск значительно возросло, а потери немецких войск увеличились, особенно в танковых группах, невозможно одновременное наступление на Ленинград, Москву и в сторону Донбасса. Наступление на Москву на некоторое время отложили.

Таким образом, Жуков в целом правильно предугадал замысел противника. Он считал необходимым немедленно организовать на западном направлении мощный контрудар, пока противник там ослаблен, и ликвидировать ельнинский выступ. Но его предложение отвести Юго-Западный фронт за Днепр, а Киев сдать, чтобы спасти войска фронта, вызывало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев!

И вновь Жукова, как уже не раз случалось, подвело самообладание: вспылив, он попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. 30 июля появился приказ Ставки № 00583, в котором говорилось, что для объединения действий резервных армий на ржевско-вяземской линии формируется штаб Резервного фронта. Командующим фронтом назначался заместитель наркома обороны генерал армии Жуков. В состав фронта включались 34, 31, 24, 43, 32 и 33-я армии. Позже, 6 августа состав Резервного фронта был уточнен: в него включались 31, 35, 24, 43, 32 и 33-я армии, а также 2-й отдельный стрелковый корпус.[206]

А теперь вернемся к смоленскому направлению. В конце июля, по данным разведки и опроса захваченных в боях за Ярцево пленных, стало известно, что немецкое командование готовит новое наступление с целью во что бы то ни стало отрезать пути возможного отхода 16-й и 20-й армий. Для этого противник намеревался силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий нанести удар из района северо-западнее Ярцева на юг, в направлении д. Соловьево, где находилась чрезвычайно важная для окруженных армий переправа через Днепр. Одновременно с юга из района западнее Ельни в том же направлении должна была нанести удар частью сил 17-я танковая дивизия. Разведывательные данные помогли Рокоссовскому своевременно принять надлежащие меры. В результате противник понес большие потери в танках и живой силе, но смог лишь

незначительно потеснить на некоторых участках части оперативной группы Рокоссовского.

Действуя активно на ярцевском участке, Рокоссовский ни на минуту не забывал о переправах через Днепр, находившихся южнее. Противник постоянно стремился прервать сообщение с 16-й и 20-й армиями. У переправ почти ежедневно кипели бои, в которых неизменно с самой лучшей стороны отличались бойцы полковника А. И. Лизюкова. Ценой больших потерь немцам удалось захватить переправы, но вскоре войска Рокоссовского восстановили положение. Сводный отряд полковника Лизюкова, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, некоторое время действовал самостоятельно, а затем по логике событий был подчинен генералу Рокоссовскому. «*Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром,* – отмечал Константин Константинович. – *Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами – на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд*[207]».

Рокоссовский в ходе боевых действий внимательно изучал опыт действий своих войск и войск противника. Его обеспокоило то, что пехота, находясь в обороне, почти не ведет ружейного огня по наступающему противнику. Рокоссовский дал задание работникам штаба изучить обстоятельства дела. Одновременно он решил лично проверить систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков. В соответствии с Временным Полевым уставом 1936 г. основу обороны составляли батальонные районы, оборудованные отдельными стрелковыми окопами, пулеметными площадками, позициями для орудий и минометов. Отдельные окопы стрелковых подразделений соединялись с тылом ходами сообщения, но на небольшую глубину. Однако опыт боевых действий показал, что такое построение обороны не позволяет активно бороться с противником. Рокоссовский, добравшись до одной из ячеек, сменил сидевшего там солдата и остался один. *«Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал,* – пишет Константин Константинович. – *Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты. Я,*

старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!.. Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках[208]».

Рокоссовский собрал совещание, на котором были обсуждены вопросы, связанные с организацией обороны. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день все части группы получили соответствующие указания. Маршал Тимошенко поддержал Рокоссовского. С переходом к траншейной системе оборона стала прочнее.

В начале августа обстановка на смоленском направлении резко обострилась. Серьезные испытания выпали на оперативную группу войск генерала Качалова. Противник бросил на разгром этой группы девять дивизий, которым удалось 3 августа окружить ее севернее Рославля. При выходе из окружения группа понесла большие потери, а генерал Качалов погиб 4 августа. Позднее, 16 августа появился приказ Ставки ВГК № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Приказ подписали председатель ГКО И. В. Сталин, его заместитель В. М. Молотов, Маршалы Советского Союза С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, генерал армии Г. К. Жуков. В приказе приводились примеры успешных действий войск под руководством заместителя командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта И. В. Болдина, комиссара 8-го механизированного корпуса бригадного комиссара Н. К. Попеля, командира 406-го стрелкового полка полковника Т. Я. Новикова, командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова и члена военного совета армейского комиссара 2-го ранга Бирюкова. Одновременно без всяких на то оснований выдвигались обвинения в предательстве в адрес командующего 28-й армией генерал-лейтенанта В. Я. Качалова, 12-й армией – генерал-лейтенанта П. Г. Понеделина, командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. К. Кириллова.

В приказе отмечалось:

«Следует отметить, что при всех указанных выше фактах

сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя…

П р и к а з ы в а ю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их

место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев[209]».

Приказ № 270 неукоснительно проводился в жизнь. Упомянутый в нем генерал Качалов был приговорен к расстрелу уже после смерти. В декабре 1953 г. Главная военная прокуратура пришла к выводу, что генерал-лейтенант В. Я. Качалов «за измену Родине осужден необоснованно» и «должен быть полностью реабилитирован». Генерал П. Г. Понеделин, заочно приговоренный к расстрелу, после возвращения из плена в 1945 г. был арестован, а спустя пять лет расстрелян. Подобная же участь постигла и генерала Н. К. Кириллова.

Наряду с оперативной группой генерала Качалова тяжелые потери понесла и группа генерала Рокоссовского. Тем не менее она и соединения 16-й и 20-й армий одновременным наступлением навстречу друг другу прорвали 1 августа кольцо окружения. Войска, действовавшие в районе Смоленска, невзирая на все усилия, так и не смогли разгромить противника. Основными причинами этого являлись: крайне ограниченное время для подготовки наступления; недостаток артиллерии и танков; слабое прикрытие наземных войск авиацией; разрозненные действия оперативных групп.

Неудача войск Западного фронта была с ликованием встречена в стане противника. Вечером 5 августа генерал-фельдмаршал фон Бок издал приказ следующего содержания: *«С уничтожением русских дивизий, попавших в окружение у Смоленска, трехнедельное сражение за Днепр, Двину и Смоленск завершилось блестящей победой германского оружия и германского духа. Взято в плен 309 110 солдат и офицеров, захвачено и уничтожено 3205 танков, 3000 артиллерийских орудий и 341 самолет. И эти данные еще далеко не полны. Это великое достижение уже вошло в анналы истории! Солдаты! Я взираю на вас с благодарностью и гордостью, так как только благодаря вам стал возможен этот грандиозный успех*[210]».

В начале августа маршал Тимошенко приказал войскам 16-й армии генерала М. Ф. Лукина и 20-й армии генерала П. А. Курочкина прекратить оборону Смоленска и через соловьевскую и ратчинскую переправы у Днепра отойти на его восточный берег. Оперативная группа генерала Рокоссовского обеспечила отход этих армий, перейдя в наступление под Ярцевом и южнее. После отхода за Днепр Рокоссовский отправил краткое послание жене:

«Дорогая Люлю! Беспокоюсь, как вы там… Я здоров, бодр и крепок духом. Не унываю и в победу верю…

P. S. Прости, что мало пишу. Но очень спешу, и обстановка не позволяет[211]».

7 августа маршал Тимошенко сообщил Рокоссовскому об изменениях в руководстве войсками Западного фронта. Генерал Курочкин отзывался в Москву, а командующим 20-й армией назначался генерал Лукин. Вместо него в командование 16-й армией предстояло вступить Рокоссовскому. По просьбе Константина Константиновича начальником штаба был назначен М. С. Малинин, командующим артиллерией – В. И. Казаков: за две недели совместных боев под Ярцевом командующий группой сумел уже узнать и оценить боевые и деловые качества этих командиров. Членом военного совета армии стал дивизионный комиссар А. А. Лобачев.

После объединения с оперативной группой войск, которой командовал Рокоссовский, 16-я армия включала шесть дивизий: 101-ю танковую полковника Г. М. Михайлова, 1-ю Московскую мотострелковую полковника А. И. Лизюкова, 38-ю стрелковую полковника М. Г. Кириллова, 152-ю стрелковую полковника П. Н. Чернышева, 64-ю стрелковую полковника А. С. Грязнова, 108-ю стрелковую полковника Н. И. Орлова. Кроме того, в состав армии входили 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части[212]. Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, прикрывая основную магистраль Смоленск – Вязьма.

Прошло всего полтора месяца с начала Великой Отечественной войны, а Рокоссовский за это время уже сменил три должности. Вступив в войну командиром механизированного соединения, он через три недели вынужден был переквалифицироваться в общевойскового начальника примерно такого же уровня, а теперь поднялся на новую ступень. Ибо армия – это оперативное объединение, состоящее из нескольких соединений и отдельных частей различных родов войск и специальных войск и предназначенное для решения оперативных задач. Рокоссовскому, не получившему высшего военного образования в объеме академии, пришлось на ходу осваивать нелегкие обязанности командующего армией, тем более что враг не давал времени для раздумий. Стремясь прощупать устойчивость обороны 16-й армии, немцы вскоре возобновили наступление, но успеха не добились. Сильными контрударами Рокоссовский не только сорвал наступательные действия противника, но и нанес ему большие потери. Войска армии, отбросив врага от Ярцева, вышли на восточный берег притока Днепра – р. Вопь.

Впервые в полосе 16-й армии была применена батарея реактивной артиллерии, так называемые «катюши». 16-я батарея «катюш» (три установки) под командованием старшего

лейтенанта И. Т. Денисенко прибыла в оперативную группу Рокоссовского еще в конце июля. Рокоссовский поручил генералу Казакову организовать залп «катюш». Тщательно выбрав позицию, точно рассчитав расстояние, артиллеристы нанесли первый удар по ярцевскому вокзалу. Оставляя после себя огненные хвосты, 48 ракет понеслись в расположение врага. Раздался грохот и скрежет, над участком обстрела в небо взлетели шапки разрывов. *«Мы вылезли из окопов и, стоя в рост, наблюдали эффектное зрелище,* – вспоминал Константин Константинович. – *Да и все бойцы высыпали из окопов и с энтузиазмом встречали залпы «катюш», видя бегство врага. Огонь этого оружия по открытым живым целям страшен. По окопавшейся пехоте он менее эффективен, так как для поражения цели требуется прямое попадание в окоп, а «катюши» в основном вели огонь по площадям с большим рассеиванием снарядов. Эту особенность в дальнейшем мы учитывали… Вначале применение реактивных установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что, бывало, хоть отказывайся от использования. Многие командиры-артиллеристы поговаривали, что с этими «катюшами» приходится возиться, как с капризной женщиной. Я был вынужден на свой риск внести некоторые упрощения. При умелом использовании реактивные установки давали хорошие результаты*[213]».

Войска 16-й армии сражались все более стойко. Это вынудило противника перейти к обороне. К середине августа разведка установила, что немцы усиленно укрепляют рубежи вдоль западного берега р. Вопь. В захваченных приказах и других трофейных документах немецкой 9-й армии содержались сведения об интенсивных работах по всей линии обороны.

О войсках Рокоссовского все чаще начали упоминать сводки Совинформбюро. В армию стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций, зачастили писатели, корреспонденты и артисты. Как-то позвонили из Генерального штаба – встречайте английскую военную делегацию (ее возглавлял генерал, представлявший вооруженные силы Великобритании при Генштабе Красной Армии). Рокоссовский находился на левом фланге, в районе соловьевской переправы, и ему тогда было не до гостей. Поэтому командарм поручил это М. С. Малинину, который организовал встречу на командном пункте командира 38-й стрелковой дивизии полковника Кириллова. Прошла она в вежливом дипломатическом духе и довольно тепло. Англичане выпили по нескольку фронтовых норм «хорошей русской водки» и не скупились на хвалебные тосты в честь Красной Армии.

Рокоссовский, воспользовавшись затишьем, наступившим на фронте, принял меры к совершенствованию обороны и управления войсками. Командный пункт армии под руководством Малинина был оборудован заново, в густом лесу и хорошо замаскирован. Из палаток все перебрались в блиндажи. Штаб работал дружно и слаженно. Во многом это было заслугой командующего армией. Он старался создать благоприятную рабочую атмосферу, исключавшую отношения, построенные по правилу «как прикажете», а также ощущение скованности, когда люди опасаются высказывать суждения, отличные от суждений старшего по должности. Центральным рабочим местом была так называемая «штаб-квартира». Здесь Рокоссовский присутствовал при докладах, которые делали начальнику штаба начальники разведки, оперативного отдела, связи. В то же время и Малинин слушал, когда командарму докладывали руководители родов войск. Здесь же находился и член военного совета. При командующем чаще всего велись разговоры с направленцами, с командирами соединений и частей усиления. *«Такая система позволяла мне, как говорится, врастать в обстановку,* – писал Константин Константинович. – *В штаб-квартире обдумывались решения, составлялись приказы и распоряжения. Все это облегчало работу, развивало полезную инициативу, побуждало творческую мысль. Больше было счастливых находок. Можно было не сомневаться, что педантичный, спокойный, уверенный в себе и в своих подчиненных начальник штаба М. С. Малинин сумеет обеспечить выполнение приказа. Была у Малинина еще одна черта, может быть, необычная для руководителя крупного штаба – потребность своими глазами увидеть и оценить местность предстоящих боев. Должно быть, это было у него способом самоконтроля. Он довольно часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это тоже повышало авторитет нашего штаба*[214]».

Противник на западном направлении также укреплял свою оборону. В соответствии с директивой Гитлера от 21 августа «важнейшей задачей до наступления зимы являлся не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа». На севере планами германского генерального штаба предусматривалось окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками. Для содействия группе армий «Юг» в разгроме 5-й армии Юго-Западного фронта и выхода в район восточнее среднего течения Днепра командующий группой армий «Центр» должен был выделить как можно больше сил. Одновременно ей предстояло «отражать атаки противника на

центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил…[215]»

После перехода войск Западного фронта к обороне в Смоленском сражении начался новый этап. Центр боевых действий переместился к югу. 8 августа в наступление против Центрального фронта перешли 2-я полевая армия и 2-я танковая группа противника, повернутые фронтом на юг. Войска Центрального фронта вынуждены были отходить в юго-восточном и южном направлениях. Для прикрытия брянского направления между Резервным фронтом и Центральным фронтом 16 августа началось формирование Брянского фронта под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко. В его состав вошли 13-я, 50-я, а с 25 августа также 3-я и 21-я армии упраздненного Центрального фронта. К 21 августа 2-я полевая армия и 2-я танковая группа вермахта продвинулись на 120—140 км, вышли на рубеж Гомель, Стародуб и глубоко вклинились между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования (8 августа 1941 г. Ставка Верховного Командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования. – *Авт.*), стремясь сорвать наступление противника в тыл Юго-Западного фронта, решила активными действиями сковать войска группы армий «Центр» и нанести им поражение. Однако попытки частей Брянского фронта остановить продвижение врага ударами во фланг не принесли успеха. В полосе Брянского фронта по указанию Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) с той же целью была проведена воздушная операция с участием 460 самолетов. Они нанесли серьезный урон 2-й танковой группе, но также не смогли сорвать наступление противника на юг. В то же время на правом крыле Западного фронта противник нанес сильный танковый удар по 22-й армии, прорвал ее оборону и 29 августа захватил Торопец. Войска 22-й, а также оборонявшейся южнее 29-й армии были вынуждены отойти на восточный берег Западной Двины.

Тем временем войска Западного, а также 24-й и 43-й армий Резервного фронта 16 августа начали наступление с целью разгромить духовщинскую и ельнинскую группировки противника. Ставка ВГК, стремясь развить наступление, направила 25 августа командующему войсками Западного фронта директиву № 001254, в которой требовала «энергично продолжать начавшееся наступление, разбить противостоящего противника и во взаимодействии с войсками левого крыла Резервного фронта к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Велиж, Демидов, Смоленск». С этой целью 22-я армия получила задачу

ликвидировать подвижные части противника, прорвавшиеся в район станции Великополье, Назимово, Жижица, Замошье, а затем прочной обороной рубежа станция Насва, Великие Луки, озеро Велинское обеспечить наступление войск Западного фронта с севера и со стороны Опочки. С продвижением 29-й и 30-й армий на рубеж Велиж, Демидов левому флангу 22-й армии предписывалось выйти на линию озера Усмынское. Войска 29-й армии получили приказ, развивая начавшееся наступление, нанести главный удар на Велиж. На 30-ю армию возлагалась задача наступлением на Тюховицы, Елисеевичи, Холм способствовать удару 19-й армии на Духовщину и далее на Смоленск. От 19-й армии требовалось развивать наступление с ближайшей задачей овладеть Духовщиной; а в дальнейшем – ударом в юго-западном направлении овладеть районом Смоленска, не ввязываясь в лобовые атаки за город. 16-й армии ставилась задача нанести удар в направлении на станцию Кардымов, Смоленск и оказать содействие 19-й и 20-й армиям в разгроме смоленско-ярцевской группировки противника. 20-й армии приказывалось первоначальным ударом в общем направлении станция Клоково, станция Рябцево и в дальнейшем на северо-запад совместно с 19-й и 16-й армиями разбить смоленскую группировку противника.[216]

В директиве Ставки ВГК особое внимание обращалось на организацию разведки всех видов, инженерное оборудование захваченных рубежей и пунктов, обеспечение тесного взаимодействия пехоты с артиллерией, авиацией и танками.

Рокоссовский, получив задачу о переходе в наступление в направлении станция Кардымов, Смоленск, немедленно приступил к подготовке операции. Войскам 16-й армии предстояло форсировать р. Вопь, которая в полосе армии протекала по долине шириной до двух километров, заросшей мелким кустарником. Ширина реки доходила здесь до 30 метров, а глубина – до трех метров. На всем протяжении реки высокий берег, занимаемый неприятелем, господствовал над противоположным берегом. Прежде чем атаковать противника, соединения армии должны были преодолеть почти три километра открытого пространства под сильным огнем противника, затем форсировать Вопь, пройти через минные поля и проволоку и, наконец, штурмовать высоты, на которых противник создал укрепленные опорные пункты.

По указанию Рокоссовского в течение нескольких дней, предшествовавших наступлению, была произведена перегруппировка сил. Сковывающая группа, которой предстояло наступать на широком фронте, включала в себя незначительную

часть войск, находившихся в распоряжении командующего 16-й армией. Все остальные силы по указанию Рокоссовского под прикрытием темноты сосредоточились на узком участке, где должны были наступать четыре стрелковые, одна танковая дивизия и танковая бригада. Ударная группировка строилась в три эшелона, с расчетом последовательного наращивания сил в ходе наступления. Для развития успеха и парирования возможных контратак Рокоссовский оставил в своем резерве сильный отряд подвижных частей артиллерии.

Под руководством Рокоссовского с командирами соединений на местности отрабатывались вопросы взаимодействия, определялись рубежи продвижения. Командарм лично проверял готовность частей и соединений к наступлению. Артиллеристы на протяжении нескольких дней отдельными орудиями пристреляли цели. План операции заранее предусматривал, какие артиллерийские батареи сопровождают пехоту и танки огнем и колесами, а также определял порядок передвижения артиллерии.

В ночь на 1 сентября войска 16-й армии форсировали Вопь и заняли исходное положение для атаки. Противник, еще не понимая, в чем дело, вел беспорядочный огонь из орудий и минометов по районам предполагаемого сосредоточения и переправ наших войск. В половине седьмого утра началась артиллерийская подготовка. Рокоссовский с офицерами штаба покинул армейский наблюдательный пункт, находившийся в лесу, и, чтобы яснее видеть картину боя, направился к реке. Миновав овраг на опушке леса, Константин Константинович поднялся на береговую возвышенность, откуда виднелась деревня Кровопусково. Здесь находился вражеский опорный пункт, которым в скором времени предстояло овладеть войскам 16-й армии.

После получасовой артподготовки пехота при поддержке огневого вала артиллерии и в сопровождении танков двинулась вперед. Сломив сопротивление противника на переднем крае, советские бойцы начали продвигаться в глубь обороны врага, и бои уже шли за Кровопусково. Тогда Рокоссовский решил спуститься вниз. Он, а за ним и работники штаба переправились на противоположный берег Вопи. Командарм, как обычно, был в полной форме и при всех орденах. Такое демонстративное поведение было понятно поначалу далеко не всем. Член военного совета армии А. А. Лобачев, вспоминая о Смоленской операции, позже напишет: *«В начале совместной работы меня несколько обескуражила эта манера – появляться в окопах, словно на параде. Я усмотрел в этом чуть ли не рисовку, однако потом убедился, что все показное и напускное чуждо Константину*

Константиновичу. У него выработались твердые нормы, согласно которым командиру положено всем своим поведением, внешним видом, вплоть до мелочей, внушать войскам чувство спокойствия, ощущение хозяина положения[217]».

Артиллерии не удалось полностью подавить огневые средства врага в глубине обороны, и пехоту встретил шквал минометного и пулеметного огня. Но было уже поздно: ворвавшись в расположение противника, части армии упорно продвигались вперед. Враг начал отходить. К 11 часам авиационная разведка донесла, что от Смоленска и Духовщины к фронту направляются большие колонны автомашин с пехотой. К концу дня эти резервы врага вступили в бой, его сопротивление усилилось, и упорное сражение продолжалось до глубокой ночи.

С рассвета 2 сентября бой возобновился, и начался он налетами советской авиации на позиции немецких войск. Воспользовавшись тем, что бомбежка загнала вражеских солдат глубоко в землю, пехота 16-й армии сумела сблизиться с противником на 150—200 метров и после короткой артиллерийской подготовки при поддержке танков вновь бросилась в атаку. Неприятель опять оказал упорное сопротивление, но, не выдержав натиска, начал отходить.

Немецкое командование, обеспокоенное явно обозначившейся возможностью прорыва обороны, подтянуло к вечеру 3 сентября танки, а затем предприняло контратаки силами одного-двух полков с разных направлений. В результате перегруппировки сил противнику удалось ликвидировать незначительное преимущество войск 16-й армии в живой силе и технике. Бои приняли затяжной характер, а 5 сентября под ударами превосходящих сил противника соединения армии начали отход на прежние позиции.

Смоленск оказался недосягаемым для войск 16-й армии. Но своими действиями они отвлекли часть резервов противника, предназначавшихся для боев под Ельней. Это позволило 24-й армии освободить 6 сентября Ельню. Заслуги 16-й армии были оценены по достоинству. Ее дивизии – 1-я Московская мотострелковая и 64-я стрелковая – вскоре были преобразованы в гвардейские. Рокоссовский 11 сентября получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта. Позже, 22 сентября, Константин Константинович сообщил жене:

«Дорогая Люлю!.. На днях крепко всыпал «бошам», и я вполне удовлетворен. Начинаем лупить их по-настоящему. В общем, спесь с них сбили. Досадно то, что на некоторых участках фронта они пока еще имеют успех, но это временное явление. Дело идет к зиме, и мы будем фашистских молодчиков вымораживать, как

тараканов, поддавая время от времени русского жару…[218]»

Имя Рокоссовского снова появилось на страницах газет «Правда», «Известия», «Красная Звезда». Он и сам делился с читателями опытом ведения активных действий. 30 августа появилась его статья «Удары, изнуряющие врага», а 17 сентября – «Сентябрьские дни под Ярцево».

Ставка ВГК, учитывая усталость войск, приняла решение о переходе к обороне на Западном, Резервном и Брянском фронтах. В директиве № 001805 от 10 сентября, адресованной командующему войсками Западного фронта, говорилось: *«Длительное наступление войск фронта на хорошо окопавшегося противника ведет к большим потерям. Противник отошел на заранее подготовленные оборонительные позиции, и наши части вынуждены прогрызать их. Ставка приказывает прекратить дальнейшие атаки противника, перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группировку для наступления в будущем*[219]».

Директива Ставки ВГК поставила последнюю точку в Смоленском оборонительном сражении. Его главным итогом стал срыв плана противника на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала Второй мировой войны вермахту пришлось прекратить наступление на главном направлении и перейти к обороне. Это позволило Ставке ВГК выиграть время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки стратегических резервов. Противник понес значительные потери. К концу августа его моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части, а общие потери составили около 500 тыс. человек[220]. К сожалению, значительные потери понесли и войска Западного, Центрального, Резервного и Брянского фронтов. Из них безвозвратные потери составили 486 171 человек (83,6% от общей численности), санитарные – 273 803 человека.[221]

В ходе Смоленского сражения выявились значительные недостатки в подготовке и ведении оборонительных и наступательных боев и операций. Ударные группировки, предназначенные для контрнаступления, оказались слабыми (2 – 4 дивизии), с небольшим количеством танков и артиллерии, испытывали нехватку в материальных средствах, особенно в боеприпасах. Некоторые командующие не обладали достаточным опытом организации и ведения боевых действий оперативного масштаба. Артиллерия и танки не всегда использовались массированно на главном направлении. Попытка

одновременными ударами с разных направлений прорвать оборону противника не привела к успеху, так как войска имели крайне слабое материальное обеспечение. Для подготовки наступления штабам отводилось крайне ограниченное время. В ходе боев отсутствовало тесное взаимодействие между родами войск, а также непрерывная авиационная поддержка наступающих частей. На исходе сражения сказалась и недооценка противника, который по своему техническому оснащению, уровню подготовки и боевому опыту превосходил советские войска.

На юго-западном направлении, которое Рокоссовский покинул 14 июля 1941 г., события в начале осени развивались трагическим образом. Войска 1-й танковой группы генерала Э. Клейста и 24-й моторизованный корпус 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана замкнули в середине сентября в районе Лохвицы кольцо окружения, в которое попали управление Юго-Западного фронта и свыше 452,7 тыс. человек, 2642 орудия, 1225 минометов, 64 танка[222]. По данным германских историков, войска групп армий «Юг» и «Центр» взяли в плен 665 тыс. человек[223]. В это число вошли бойцы и командиры Брянского фронта, плененные в августе – сентябре. 20 сентября погиб командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос.

И. В. Сталин считал одной из причин неудач то, что многие бойцы и командиры не проявляли необходимой стойкости. Требовались неординарные, более жесткие меры для наведения порядка на фронте. 12 сентября Ставка ВГК разослала военным советам фронтов директиву № 001919, написанную начальником Генштаба Шапошниковым под диктовку Сталина. В директиве отмечалось:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда не в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд

из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.

3. Обязать работников особых отделов и политсоставов дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины в дивизии.

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа[224]».

После решения Ставки ВГК о переходе к обороне на Западном стратегическом направлении генерал К. К. Рокоссовский принял меры по совершенствованию обороны, пополнению частей и соединений, обучению личного состава. Пополнение осуществлялось в основном за счет бойцов и командиров, выходящих из окружения. Некоторые группы выходили организованно во главе с командирами и с оружием в руках. Но имелось немало и таких, кто переходил линию фронта безоружным, без обмундирования. Их требовалось вооружить, а оружия и боеприпасов в те месяцы у Красной Армии не хватало. Из положения выходили всякими путями, вплоть до того, что в тыл врага посылались группы бойцов, собиравших на полях сражений оставленные там оружие и боеприпасы. Иногда удавалось вывезти даже 45-миллиметровые орудия.

Рокоссовский вместе с начальником штаба армии разработал план дальнейших действий войск на занятом ею рубеже. Он предусматривал решительный отпор противнику. В случае, если противнику удастся прорвать оборону, планировалось отвести войска армии на новые рубежи, нанося врагу максимальный урон и всемерно задерживая его продвижение. Этот план был представлен генералу И. С. Коневу, назначенному командующим Западным фронтом вместо маршала С. К. Тимошенко. Новый командующий утвердил первую часть плана, относившуюся к обороне, и отклонил вторую его часть, предусматривавшую порядок вынужденного отхода.

По указанию заместителя начальника артиллерии Западного

фронта генерала И. П. Камеры в 16-й армии был разработан план артиллерийской контрподготовки с целью срыва возможного наступления противника. Для этого предусматривалось подавление и уничтожение пехоты и танков противника в местах сосредоточения и на исходных для наступления позициях, а также подавление артиллерии и нарушение управления войсками.[225]

По требованию Рокоссовского в частях и соединениях тщательно изучались директивы Ставки ВГК № 002443 «Об улучшении организации наступления» и № 002442 «О порядке разгрома противника в опорных пунктах» от 29 сентября, а также директива № 002490 «О порядке использования реактивной артиллерии от 1 октября 1941 г.[226]

При организации наступления предписывалось принимать решение только после проведения командирами всех степеней личной, тщательно организованной командирской рекогносцировки противника и местности. Особое внимание следовало уделять маскировке войск и их боевому обеспечению на направлении главного удара, организации взаимодействия всех родов войск, своевременному доведению боевых приказов и распоряжений до подчиненных штабов и проверке их выполнения. Эти, казалось бы, прописные истины должен был знать каждый командир, окончивший военное училище и военную академию. Однако опыт предшествовавших боев показал, что именно в этих вопросах допускались существенные ошибки, за которые приходилось расплачиваться большой кровью.

Не были новостью и способы разгрома противника в опорных пунктах, тем более что имелся опыт войны с Финляндией, когда приходилось прорывать сильно укрепленную оборону. Но, несмотря на это, командиры подразделений, частей и соединений при наступлении стремились первыми эшелонами окружить опорные пункты противника, развертывая против них все свои силы, расходуя немало средств, боеприпасов и времени. При этом части и соединения несли излишние потери и нередко останавливались, подставляя себя под фланговый контрудар противника. В этой связи Ставка ВГК требовала: при наступлении против опорных пунктов противника их обходить, не ввязываться с ними в бой, стремительным движением вперед отрезать их от остальных частей обороны противника и оставлять в своем тылу; изолированные опорные пункты противника, лишенные поддержки остальных частей обороны, следовало уничтожать вторыми эшелонами и резервами наступающих соединений и частей, не допуская их отхода, широко применяя ночные действия истребительных отрядов.

Опыт использования в июле – сентябре боевых машин М-8 и М-13 (установки реактивных минометов «Катюша») показал, что они недооцениваются командным составом и нередко применяются совершенно неправильно. Поэтому Ставка ВГК приказала дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным разведанным целям (скопление пехоты, моторизованных частей, танков, артиллерии и по переправам). В директиве Ставки ВГК особо подчеркивалось: «Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной Армии. Поэтому эти машины и боеприпасы к ним ни в коем случае не должны попасть в руки врага. К этим машинам во всех условиях боевой обстановки наряжать постоянно надежное и сильное наземное прикрытие. Ответственность за сохранение тайны возложить на командующих фронтами и армиями».

Рокоссовский, контролируя ход оборонительных работ и боевой учебы, целыми днями находился в частях, добираясь до переднего края. Здесь он обходил окопы, беседовал с бойцами, расспрашивал их, как они питаются, есть ли письма из дому, давно ли мылись в бане. Очень внимательно беседовал Константин Константинович и с командирами. Его интересовало все: как устроен быт на передовой, чувствуют ли себя командиры уверенно в бою, не обидел ли кто его подчиненных, не нужно ли чем помочь. Всегда чуткий к человеческому несчастью, командарм очень остро реагировал в тех случаях, когда встречал клевету и несправедливость.

Однажды прокурор армии во время доклада попросил санкции командарма на предание суду военного трибунала старшины, обвиняемого в мародерстве. Разговор происходил в присутствии члена военного совета Лобачева.

– Мародерство? – переспросил командарм, откладывая в сторону оперативную сводку. – Странно… Доложите подробнее.

– Старшина роты похитил в колхозе Ярцевского района две швейные машины.

– И что сделал с ними? Отправил домой?

– Нет, насколько можно судить по материалам, оставил при себе.

– Оставил при себе, в роте? Швейные машины?

– Да.

– Тут что-то не так… Как считаешь, комиссар?

Лобачев уже был знаком с этой манерой командарма величать его «комиссаром», когда Рокоссовский встречался со случаем, задевавшим его.

– Может быть, послушаем старшину, Константин Константинович? В нашей 16-й армии еще до войны стало

правилом: не отдавать военнослужащего под суд, пока командир или комиссар не поговорят с ним.

– Правильно. Доставьте старшину к нам, – приказал Рокоссовский.

Спустя некоторое время в штаб привели старшину.

– Расскажите, как было дело, – сказал Рокоссовский.

– Товарищ генерал, полк на Ярцевской мануфактуре бязи получил. Для всех бойцов по лишней паре нательного белья сшить можно, да не на чем. Я и отправился в колхоз, к председателю обратился: выдели, мол, для нужд Красной Армии пару швейных машин. Он со мной по избам пошел. Одна колхозница согласилась: «Бери, сынок, у меня на войне и муж, и сыновья». Только я погрузил машинку на подводу, а тут другая несет тоже. Я взял и у нее. Отвез к себе, рубашки уже шить начали. А тут: мародерство…

Рокоссовский повернулся к прокурору.

– Так что же? Это мародерство? Старшину надо благодарить, поощрить надо. За инициативу. А вы, товарищ прокурор, простите меня, в деле не разобрались и сразу – под суд! – И он повторил, стуча ребром ладони по столу: – Не ра-зо-бра-лись! Приказываю немедленно старшину освободить. – И, обращаясь к Лобачеву, добавил: – Алексей Андреевич, укажите, пожалуйста, комиссару дивизии, чтобы не допускал произвола! Вы только подумайте! Народ заботится об армии, а тут…

В то время как войска 16-й армии совершенствовали свою оборону, противник готовился к новому наступлению на Москву.

Остановить «Тайфун»

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок уже давно лелеял мечту «атаковать главные силы русских». Этому, казалось бы, соответствовала и директива № 35, подписанная 6 сентября Гитлером[227]. В ней говорилось: *«Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр». Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены».*

Директива требовала подготовить в полосе группы армий «Центр» операцию против войск Западного стратегического направления с таким расчетом, чтобы в конце сентября перейти в наступление и «уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». Для решения этой задачи предписывалось сосредоточить главные усилия подвижных войск на двух направлениях: на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением ударов на северо-восток; в полосе 9-й армии, с направлением удара предположительно через Белый. После разгрома основных сил войск маршала Тимошенко намечалось перейти к их преследованию на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Ока, а левым – к верхнему течению Волги. При этом группа армий «Юг» должна была выдвинуть подвижные соединения на северо-восток для прикрытия с юга главных сил группы армий «Центр», а обеспечение их с севера возлагалось на группу армий «Север».

Фон Бок, вдохновленный этой директивой, при помощи начальника штаба отразил свою мечту на «высокохудожественной карте со схемой новой операции», направленной 14 сентября Главному командованию сухопутных войск. *«Получил устный ответ от Гальдера на предложенный мною Верховному командованию сухопутных сил план операции, вычерченный на*

карте, – отмечал фон Бок 15 сентября в своем дневнике. – *Суть ответа сводится к следующему: будущее сражение должно быть «более ограниченным» по масштабам! Воистину, узость мышления становится искусством. При таких условиях после завершения сражения русские по-прежнему будут противостоять нам на фронте*[228]».

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер, в свою очередь, зафиксировал в дневнике: *«Планы действий группы армий «Центр» на осень. В отношении использования сил эти планы совпадают с нашими намерениями; что же касается поставленной цели, то командование группы предусматривает слишком глубокое продвижение на восток*[229]».

Командующий группой армий «Центр» был вынужден смириться с навязанной ему операцией «ограниченного» масштаба. При ее планировании он опирался на разведывательные данные от 15 сентября, в которых сообщалось: *«На центральном участке войска западного направления под командованием Тимошенко с 13.9 не предпринимают сильных атак. Действия авиации и артиллерии заметно ослабели. Пленные офицеры говорят о переходе к обороне. Дальнейшие планы русского командования пока не ясны. Оно может по совету своих союзников, которые считают положение Красной Армии более угрожаемым, чем сами русские, наконец, дать передышку своим войскам. Побудить русских прекратить атаки могли и такие причины, как истощение войск, большие потери и нехватка боеприпасов. Следует учитывать возможность, что в ближайшие дни русские произведут перегруппировку к обороне и, возможно, снимут часть сил с фронта перед ГА «Центр»…*[230]»

16 сентября фон Бок подписал директиву № 1300/41 о подготовке операции «Тайфун», которая предусматривала переход в наступление не позже начала октября[231]. К этому времени планировалось усилить 4-ю и 9-ю армии с подчиненными им 4-й и 3-й танковыми группами с таким расчетом, чтобы «каждая из армий при помощи сильной атакующей группы, состоящей из моторизованных, танковых и пехотных соединений, смогла бы осуществить прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль – Москва и севернее автодороги; уничтожить зажатые между внутренними флангами войска противника». Для достижения этой цели они должны были, прикрывшись с востока в зависимости от обстановки, «совершить поворот либо против общей линии Вязьма, Дорогобуж, либо с обеих сторон к Вязьме».

24 сентября в штаб группы армий «Центр», находившийся в районе Смоленска, прибыл генерал-полковник Гальдер. Он вместе

с фон Боком обсудил замысел операции «Тайфун». Фон Бок сообщил, что планирует начать наступление в полосе 2-й танковой группы 30 сентября, а на остальных участках – 2 октября. *«Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе,* – вспоминал генерал Гудериан, – *ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел – Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения*[232]».

26 сентября фон Бок подписал приказ № 1620/41 о наступлении[233]. Войскам 4-й армии с подчиненной ей 4-й танковой группой предстояло наступать в общем направлении на Москву по обе стороны дороги Рославль – Москва. После прорыва обороны советских войск 4-я армия, прикрываясь с востока, должна была повернуть крупными силами в направлении шоссе Смоленск – Москва с обеих сторон Вязьмы. На 9-ю армию с подчиненной ей 3-й танковой группой возлагалась задача прорвать оборону советских войск между шоссе и районом Белый и выйти к железной дороге Вязьма – Ржев. Главный удар силами моторизованных частей при поддержке пехотных соединений предусматривалось нанести в общем направлении на Красный Холм. Кроме того, намечался поворот части сил восточнее верхнего течения р. Днепр в направлении автодороги западнее Вязьмы при одновременном прикрытии с востока. На внутренних флангах 4-й и 9-й армий между районом Ельня и шоссе предписывалось до появления возможности наступления на этом участке вводить советские войска в заблуждение, создавая видимость наступления, и путем отдельных сосредоточенных ударов с ограниченными целями максимально сковывать противника.

Войска 2-й армии получили приказ прикрыть правый фланг 4-й армии. С этой целью она должна была прорвать оборону на р. Десна и нанести главный удар по северному флангу советских войск в направлении Сухиничи, Мещовск. При возможности 2-й армии предстояло внезапным ударом занять городской и индустриальный район Брянск, Орджоникидзеград. 2-я танковая группа имела задачу перейти в наступление примерно за два дня до начала наступления главных сил группы армий «Центр», нанести главный удар в направлении Орел, Брянск. Левый фланг 2-й танковой группы, продвигаясь с юга в направлении на Десну, должен был во взаимодействии со 2-й армией вытеснить

советские войска из района дуги рек Судость, Десна.

В директиве отмечалось, что группа армий «Юг» своим левым флангом (6-я армия) наступает в восточном направлении севернее Харькова, а группа армий «Север» силами 16-й армии прикрывает линию севернее озер Желанье и Ильмень. Задача 2-го усиленного воздушного флота состояла в том, чтобы уничтожить «русские авиационные силы перед фронтом группы армий» и поддерживать «наступление армий и танковых групп всеми имеющимися в его распоряжении средствами».

За счет резервов Главного командования сухопутных войск и войск, снятых с других участков Восточного фронта, германское командование сумело к концу сентября 1941 г. довести состав группы армий «Центр» до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, на поддержку которых было выделено 1390 самолетов[234]. Им противостояли войска Брянского, Резервного и Западного фронтов, насчитывавшие около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов[235]. Противник почти в 1,5 раза превосходил советские войска по живой силе, в 1,8 – по орудиям и минометам, в 1,7 – по танкам и в 2 раза – по самолетам.

Генеральный штаб Красной Армии в двадцатых числах сентября получил разведданные о подготовке противником крупного наступления. Обстановка требовала принятия незамедлительных мер по его срыву, но сил для этого было недостаточно. Поэтому Ставка ВГК 27 сентября потребовала от командующего Западным фронтом: *«На всех участках фронта перейти к жесткой упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и, лишь в случае необходимости, предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций*[236]». Для возведения оборонительных сооружений предписывалось мобилизовать все саперные части и соединения, создавая несколько линий окопов полного профиля с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями. Особенно тщательно следовало прикрыть в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами. Одновременно ставилась задача организовать систематическую воздушную и наземную разведку противника, накапливать силы во фронтовом и армейских резервах, выводя в ближайший тыл несколько дивизий для пополнения и усиления.

Из этой директивы видно, что Ставка ВГК сумела правильно предугадать основные направления наступления противника и пыталась принять превентивные меры. Однако у советского командования не имелось документально оформленного плана

ведения оборонительной операции на московском направлении. Времени на его подготовку и на организацию устойчивой обороны катастрофически не хватало.

Операция «Тайфун» началась 30 сентября ударами на орловском и 2 октября – на вяземском направлениях. В полосе 16-й армии противника ожидал неприятный сюрприз: артиллерийская контрподготовка. Она была спланирована по указанию Рокоссовского, получившего от разведчиков данные о появлении на ярцевском направлении танковых и моторизованных частей. Начальник артиллерии армии генерал В. И. Казаков своевременно сосредоточил на направлениях вероятного наступления противника основную массу орудий и минометов. Как только немецкая пехота и танки пошли в атаку, на них обрушился мощный, хорошо организованный огонь артиллерии, дополненный ружейным и пулеметным огнем стрелковых подразделений. В итоге в полосе 16-й армии противнику продвинуться не удалось.

Однако на других направлениях обстановка складывалась в пользу врага. В полосе 19-й армии генерала М. Ф. Лукина немцы к вечеру 3 октября потеснили правофланговые советские дивизии. Генерал Лукин обратился за помощью к Рокоссовскому, который немедленно направил своему соседу две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артиллерийский полк. К исходу дня противник прорвал оборону войск Западного фронта на глубину 50 км, на Резервном фронте немцы прорвались на 80 км. В полосе Брянского фронта враг преодолел 200 км и захватил Орел. Брянский фронт оказался рассечен ударами на нескольких направлениях, его войска потеряли боеспособность и, неся потери, разрозненными группами начали в беспорядке отходить на восток. Над ними нависла угроза окружения. Сгущались тучи над Западным и Резервным фронтами, оборона которых также оказалась прорвана. Обстановка с каждым часом накалялась, а приказа на отход все не было.

Лишь около семи часов вечера 5 октября Ставка ВГК разрешила командующему Брянским фронтом отвести 50-ю армию на вторую полосу обороны к западу от Брянска, 3-ю армию – на рубеж р. Десна и 13-ю армию – на фронт Кокаревка, Крупец, Дмитриев-Льговский[237]. Командующему Западным фронтом предписывалось в ночь с 5 на 6 октября отойти на линию Осташков, Селижарово, Бекетово, Ераево, Хмелевка, станция Оленино, Большие Воробьи, Болычево и далее вдоль восточного берега р. Днепр до города Дорогобуж, Ведерники. В подчинение командующему фронтом передавались из Резервного фронта 31-я и 32-я армии. Этому фронту в составе 24,

43 и 33-й армий приказывалось в ночь с 5 на 6 октября отойти на линию Ведерники, Хлысты, Митишкино, Шилово, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Хлуднева, станция Шахта, Жиздра.[238]

К. К. Рокоссовскому не пришлось руководить отходом своих войск. Неожиданно из штаба Западного фронта поступила телеграмма, которая требовала от него немедленно передать занимаемую полосу обороны с войсками командующему 20-й армией. Самому Рокоссовскому предписывалось вместе со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. В телеграмме отмечалось, что в районе Вязьмы Рокоссовский получит пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Телеграмма вызвала сомнение у Рокоссовского.

– Михаил Сергеевич, – обратился он к начальнику штаба, – немедленно затребуйте повторение приказа документом. И непременно за личной подписью командующего фронтом! – добавил он несколько секунд спустя.

Тревога овладела Рокоссовским и его соратниками. Связь со штабами фронта и 19-й армии прервалась. Что происходит южнее? Почему нужно организовывать контрудар в южном направлении? Ответа на эти вопросы не было. Вскоре дежурный по штабу 16-й армии доложил о прибытии летчика с письменным приказом командования фронта. Рокоссовский поспешно вскрыл пакет. Приказ гласил:

«Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16-й армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк аргк. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск, и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов. Получение донести[239]».

Приказ подписали командующий Западным фронтом генерал И. С. Конев, член военного совета Н. А. Булганин и начальник штаба фронта генерал В. Д. Соколовский.

Глубокой ночью принимать войска прибыли командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков и корпусный комиссар Семеновский с группой штабных работников. Только под утро все необходимые документы были готовы, и штаб 16-й армии смог двинуться в путь, к новому месту назначения.

Рокоссовский попрощался с Ершаковым, как оказалось, навсегда. Через некоторое время генерал-лейтенант Ершаков погиб.

Рокоссовскому и Малинину еще предстояло решить, куда передвигать тыловые учреждения, склады и госпитали армии, но тут неожиданно позвонил командующий 19-й армией генерал М. Ф. Лукин:

– Выручай, положение исключительно тяжелое. Ты можешь помочь? Дайте одну-две дивизии…

Константин Константинович в нескольких словах объяснил, что уже не распоряжается дивизиями 16-й армии, и Лукин должен обращаться к Ершакову. Это был их последний разговор. Спустя несколько дней тяжело раненный Лукин в бессознательном состоянии попал в плен к врагу. Очнулся только на койке немецкого госпиталя после ампутации ноги…

С рассветом штаб Рокоссовского двинулся в путь. Попытки связаться со штабом фронта по радио ни к чему не привели, и командарм терялся в догадках. Он понимал, что произошло нечто тревожное, страшное, но что именно, не мог определить точно. Неизвестность не давала покоя Рокоссовскому и его товарищам.

Тем временем события в полосе Западного фронта принимали угрожающий характер. Войскам группы армий «Центр» удалось осуществить первую часть плана «Тайфун»: в лесах западнее и юго-западнее Вязьмы в окружение попали войска 16, 19, 20, 24 и 32-й армий, армейской группы генерала Болдина. В то время, когда штаб Рокоссовского совершал марш, танки противника с севера и юга спешили к Вязьме, чтобы замкнуть внутреннее кольцо окружения. Положение советских войск ухудшалось и тем, что южнее, к западу от Брянска, противник окружил еще две армии – 3-ю и 13-ю.

Штаб 16-й армии, двигавшийся по минской магистрали к Вязьме, стал встречать машины тыловых частей. В один голос красноармейцы заявляли, что их подразделения подверглись нападению вражеских парашютистов и были разбиты, спастись удалось немногим, и теперь они ищут своих. Все чаще и чаще на пути стали попадаться беженцы. Из опросов красноармейцев и беженцев становилось ясно, что противник прорвался севернее магистрали Ярцево – Вязьма и там движутся большие колонны танков и мотопехоты врага. Можно было ожидать, что скоро танки повернут к югу и перережут магистраль.

Связь со штабом фронта по-прежнему отсутствовала. Никаких частей навстречу тоже не попадалось. Состояние оторванности все более овладевало офицерами штаба. Надо было постараться выяснить обстановку. С этой целью Рокоссовский разослал группы разведчиков, а сам с Малининым устроился вздремнуть в

сарае на сене. Оба очень устали предыдущей ночью и мгновенно уснули.

Здесь в сене их и нашел спустя час-полтора Лобачев, также с группой разведчиков уезжавший вперед.

– Что нового? – расправляя плечи, хмуро спросил командарм.

Короткий сон не освежил его. Лобачев был явно взволнован.

– Не доезжая Вязьмы, я встретил на перекрестке Василия Даниловича Соколовского. Он из Касны ехал на новый командный пункт фронта.

– Что приказал делать нам?

– Наша задача – прежняя. В Вязьме должен находиться начальник политуправления фронта Лестев. Там же стрелковая бригада Никитина. Приказано подчинить ее нам.

– А что начштаба фронта сказал о положении дел?

– Сказал только, что исключительно неблагоприятно складывается все, особенно на севере.

– Ну что ж, и на том спасибо. Поехали, товарищи, скорей на командный пункт.

Через час Рокоссовский со штабом был на КП армии, размещенном километрах в десяти к востоку от Вязьмы, в лесу, неподалеку от магистрали. Командный пункт был уже готов. Начали работу радисты. Однако штаб фронта не отзывался, и установить связь с частями и соединениями, перечисленными в приказе, не удавалось ни по радио, ни с помощью разведчиков. Из указанных в приказе генерала Конева соединений 38-я стрелковая дивизия оборонялась в первом эшелоне 16-й армии. В трех других стрелковых дивизиях по одному полку также находились в непосредственном соприкосновении с противником. 50-я стрелковая дивизия (без 2-го стрелкового полка) выводилась в резерв 19-й армии в район Тиханова, Холмянка, Некрасово. 147-й танковый полк 147-й танковой бригады вел боевые действия в районе Булычево, а прибытие остальных полков бригады в этот район ожидалось только к 12 часам дня 6 октября.

Обо всем этом Рокоссовский сведений не имел, поэтому он решил вместе с членом военного совета армии генералом Лобачевым выехать к Вязьме. Начальнику штаба он поручил остаться на месте и попытаться установить связь со штабом фронта.

День 6 октября выдался сухим и холодным. Когда ЗИС-101 Рокоссовского с юга въехал в Вязьму, узкие и запутанные улицы города были забиты машинами и подводами с имуществом и людьми. Начальник гарнизона Вязьмы генерал И. С. Никитин ничего утешительного сообщить не мог.

– В моем распоряжении в Вязьме войск нет, – докладывал

он, – располагаю только милицией. В городе очень тревожно, по слухам, от Юхнова с юга приближаются немецкие танки.

– А где же советские и партийные власти города?

– В соборе, в его подвале. Там и товарищи из области.

В подвале собора Рокоссовский действительно нашел секретаря Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попова с группой партийных работников Смоленска и Вязьмы. Вместе с ними находился и начальник политуправления Западного фронта генерал Д. А. Лестев. По приказанию Рокоссовского Никитин доложил Лестеву все имевшиеся у него сведения о положении Вязьмы. Услышанное поразило Лестева:

– Меня уверяли, что тут у вас пять дивизий…

– Скажите, – обратился Рокоссовский к Никитину, – как у вас налажено дело с разведкой, наблюдаете ли вы за подступами к городу?

Но Никитин не успел ответить. В подвал быстро спустился председатель Смоленского горсовета А. П. Вахтеров и крикнул, обращаясь к Попову:

– Дмитрий Михайлович, танки противника на подходе к городу!

– Что ты панику разводишь? – возмутился Попов.

– Да я их с колокольни в бинокль видел!

Рокоссовский вместе с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню и действительно увидели вражеские танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города. Следовало немедленно выбираться, Вязьму в данное время некому было защищать. Чудом Рокоссовский и все, кто находился в соборе, сумели покинуть город. Добравшись до штаба армии, Рокоссовский получил от Малинина сведения о том, что противник стремится сомкнуть внутреннее кольцо окружения у Вязьмы. Однако оставалось неясным, где он планировал образовать внешнее кольцо окружения.

Вечером 6 октября на командный пункт армии приехал начальник оперативного управления штаба фронта генерал Г. К. Маландин и с ним генерал И. П. Камера. Они разыскивали штаб фронта. Обстановку на передовой оба не знали. Рокоссовский рассказал им все, что сумел разузнать, и посоветовал попробовать ночью пробраться севернее автострады на восток: туда, по всей вероятности, направился штаб фронта. Для безопасности Маландина и Камеру сопровождала группа офицеров штаба армии. Они благополучно выполнили задание, но на обратном пути их обстреляли немцы, двоих ранило, машина сгорела, и смельчаки пешком еле прорвались к штабу армии.

В сложившейся обстановке предстояло решить, что делать.

Противник, уплотняя внутреннее кольцо, лишил штаб армии возможности вернуться к своим войскам. Рокоссовский принял решение остаться в районе Вязьмы, так как имел на руках приказ задержать наступающего противника. Командарм распорядился перевести штаб армии в лес северо-восточнее Вязьмы и севернее автострады Вязьма – Можайск, так как на прежнем месте его неоднократно засекали немецкие самолеты.

Всю ночь и весь следующий день работала разведка, высланная в разных направлениях. Установили: автострада восточнее Вязьмы перехвачена бронетанковыми частями противника, они плотно оседлали это направление; в самой Вязьме находится немецкая мотопехота; по дороге на Сычевку непрерывно движутся вражеские войска. Туманово еще не занято, и там оказался эскадрон войск НКВД, который присоединился к штабу армии. Подтвердились данные, что западнее противником образован фронт, перехватывающий все дороги. Учитывая сложившееся положение, Рокоссовский принял решение прорываться на северо-восток, надеясь встретить выходившие из окружения советские части.

Пока Рокоссовский и его штаб совершали свой переход, на фронте произошли следующие события.

В связи с ухудшением обстановки на центральном направлении Сталин вызвал генерала армии Жукова из Ленинграда в Москву, поручив ему незамедлительно выехать в расположение войск Западного и Резервного фронтов, чтобы разобраться, что же там происходит. 6 октября маршал Шапошников по поручению Ставки ВГК подписал директиву № 002684 о командировании в район действий войск Резервного фронта генерала армии Жукова в качестве представителя Ставки. В директиве подчеркивалось: «Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронта и по вопросам управления, обязательны для выполнения[240]».

Г. К. Жуков немедленно выехал в штаб Западного фронта, который располагался в Красновидове. Он застал на месте командующего фронтом генерала И. С. Конева, начальника штаба генерала В. Д. Соколовского, члена военного совета Н. А. Булганина. Они пытались облегчить участь войск, окруженных западнее и северо-западнее Вязьмы. У штаба фронта отсутствовала связь со штабами 19-й и 20-й армий и с соседними фронтами. Армиям правого крыла фронта – 22, 29 и 30-й, которые меньше пострадали, послали приказ отходить на линию Волги, Ржев, Сычевка. Для прикрытия центрального направления на Москву у фронта сил не осталось.

Утром 7 октября немецкая 10-я танковая дивизия вышла к Вязьме с востока. Командующий Западным фронтом генерал Конев, получив сведения об этом, приказал командующим 19-й и 20-й армиями:

«Мотомехчасти противника передовыми отрядами вышли в район Вязьмы и перерезали шоссе. Рокоссовский оказался со своим штабом восточнее Вязьмы и теряет управление дивизиями своей армии.

Приказываю организовать управление войсками Рокоссовского, оказавшимися западнее Вязьмы, и дополнительно выделить необходимые силы от 19-й армии и уничтожить противника в районе Вязьмы. Город Вязьма занят нашими войсками.

Организуйте к северу и югу от Вязьмы прочный заслон и выводите части Вашей и 20-й армии на рубеж железной дороги Сычевка, Вязьма в указанных Вам ранее границах[241]».

К этому времени в район станции Исаково (10 км восточнее Вязьмы) вышла 50-я стрелковая дивизия (без 2-го стрелкового полка). Рокоссовскому удалось установить с ней связь. Она получила приказ развернуться севернее Вязьмы фронтом на северо-запад. Около полуночи 7 октября Константин Константинович сообщал в штаб Западного фронта:

«1. Согласно вашему приказу я со штабом армии прибыл в район Вязьмы к 6.00 6.10 и этим точно выполнил ваш приказ.

2. К моменту прибытия штарма в район Вязьмы, никаких войск, включенных Вами в состав 16-й А, в этом районе не было, а не имея сил и средств, я был не в состоянии организовать сопротивление на рубеже р. Вязьма.

3. Одновременно с подходом наших войск начался подход противника к Вязьме. В результате создалась обстановка, при которой штаб армии оказался отрезанным от своих войск.

4. Все меры по выполнению Вашего приказа нами выполняются. Если есть возможность, просил бы срочно подбросить в район штарма-16 один стрелковый полк по автостраде[242]».

Помощь Рокоссовскому не пришла. Противник продолжал наращивать свои усилия. Штаб 4-й танковой группы, которой командовал генерал-полковник Э. Гепнер, отмечал, что после соединения ее войск в Вязьме с частями 3-й танковой группы генерал-полковника Г. Гота «вокруг армий Тимошенко сомкнулось грандиозное кольцо, которое войдет в историю под именем «Вяземского котла[243]». К этому району подошла и 2-я танковая армия (5 октября 2-я танковая группа Гудериана была переименована во 2-ю танковую армию. – *Авт.*), которая замкнула кольцо окружения вокруг значительной части войск Западного и Резервного фронтов. Через два дня в районе Брянска,

который был захвачен накануне, в окружении оказались 3-я и 13-я армии.

Итог был таков: в окружение попали 7 из 15 управлений армий, 64 дивизии из 95, 11 танковых бригад из 13, 50 артиллерийских полков РГК из 62. Только в районе Вязьмы из этого числа были окружены 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и полевые управления 19, 20, 24 и 32-й армий. Вне общих котлов было окружено 5 дивизий и 4 артиллерийских полка РГК. Советские войска потеряли около 6 тыс. орудий и минометов, более 830 танков[244]. Точные данные о потерях в живой силе отсутствуют. В некоторых трудах приводятся расчетные данные, составленные авторами. Например, военный историк Б. И. Невзоров в книге «Московская битва: феномен Второй мировой» считает, что за 2—3 недели боев под Москвой Красная Армия потеряла до 1 млн. человек, из которых (по немецким источникам) было взято в плен 688 тыс. человек.[245]

Противник сумел пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск. Ситуация складывалась драматическая. 2-я танковая армия нацелилась на Тулу, чтобы овладеть дорогами для дальнейшего наступления на Коломну, Каширу и Серпухов. Войска 3-й и 9-й армий вермахта начали уничтожение советских войск, окруженных в районе Дорогобужа и Вязьмы. 4-я полевая армия, наступая с рубежа Калуга – Медынь в северо-восточном направлении, стремилась овладеть переправами через р. Протва у Малоярославца и Боровска. Перед 3-й танковой группой стояла задача захватить линию Гжатск – южнее Сычевка. 2-й армии было приказано во взаимодействии со 2-й танковой армией подавить сопротивление советских войск в районе Трубчевск, Жиздра и овладеть дорогой Рославль – Брянск.

Перед советским командованием стояла задача предотвратить хаос, который мог возникнуть при массовом отступлении войск и который уже назревал. Нужно было немедленно прикрыть наиболее опасные бреши, чтобы не дать противнику возможности развивать успех на московском направлении. Г. К. Жуков, собрав все сведения, имевшиеся в штабе Западного фронта, пришел к выводу о необходимости перебросить все свободные резервы на можайскую линию обороны. Об этом он 8 октября доложил И. В. Сталину. В тот же день Жуков был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначен командующим Резервным фронтом вместо маршала С. М. Буденного. Одновременно Сталин подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в

Москве и Московской области в случае захвата столицы немецкими войсками. Эта задача возлагалась на «пятерку» под руководством заместителя наркома внутренних дел И. А. Серова.

Для разбора причин катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК. В нее в числе других входили В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский. Члены комиссии, собравшись в Красновидове на командном пункте Западного фронта, вместе с командующим фронтом генерал-полковником И. С. Коневым и членом военного совета Н. А. Булганиным решили, что без объединения сил Западного и Резервного фронтов под единым командованием положение спасти не удастся и что объединение фронтов нужно провести немедленно. Об этом они доложили около четырех часов дня 10 октября Сталину, предложив назначить командующим Западным фронтом Жукова, его первым заместителем – Конева, членами военного совета – Булганина, Хохлова и Круглова[246]. Эта просьба была незамедлительно оформлена директивой № 002844 Ставки ВГК.

А в это время Рокоссовский со своим штабом продолжал «путешествовать». В ночь на 8 октября три колонны двинулись в путь: правую вел генерал Казаков, центральную – сам командарм, а второй эшелон, в котором следовали все автомашины, – полковник Орел. Броневики и танки БТ-7 шли за центральной колонной, находясь у командующего под рукой на случай встречи с врагом. Были организованы охранение на походе и разведка. Для этой цели использовался кавалерийский эскадрон НКВД. Дождь, начавшийся не ко времени, затруднял движение. Проселочные дороги раскисли. Приходилось часто останавливаться, чтобы при помощи танков вытаскивать из грязи автомобили.

Первый привал наметили через 15 км возле одной из деревень. При подходе к ней разведчики, а затем и головная застава наткнулись на немецких мотоциклистов и пехоту на двух машинах. Завязался бой, поддержанный двумя танками. После уничтожения неприятеля штаб продолжил движение. В одной из деревушек снова остановились на отдых. Рокоссовский, Лобачев, Малинин и несколько командиров штаба и политотдела армии зашли в избу. Охваченные заметной тревогой, хозяева встретили их гостеприимно. Вбежал мальчишка.

– Ну, юный разведчик, какие новости? – спросил Рокоссовский.

Мальчик, застеснявшись, сказал, что перед вечером через деревню прошло три вражеских танка и машин пять с солдатами.

Хозяйка добавила: беженцы из Новодугино и Тесово (это километров пятнадцать севернее) передавали, что там много танков и автомашин противника.

Ее прервал мужской голос из темного угла избы:

– Товарищ командир, что же вы делаете!..

Рокоссовский повернулся и присмотрелся. На кровати лежал седобородый старик, отец хозяйки. Пронзительно уставившись на Константина Константиновича, он говорил голосом, полным горечи и боли:

– Товарищ командир… сами вы уходите, а нас бросаете. Нас оставляете врагу, ведь мы для Красной Армии отдавали все, и последнюю рубашку не пожалели бы. Я старый солдат, воевал с немцами. Мы врага на русскую землю не пустили. Что же вы делаете?..

Рокоссовский попытался разъяснить, что неудачи временные, что советская армия еще вернется. Но, как вспоминал потом маршал, у него не было уверенности, что удалось успокоить старого солдата, дважды раненного в Первую мировую войну и теперь прикованного к постели. При расставании старик сказал:

– Если бы не эта проклятая болезнь, ушел бы защищать Россию.

Штаб снова начал движение. Миновав поле, центральная колонна опять втянулась в лес. Разведчики донесли: севернее продвигаются на восток части 18-й дивизии народного ополчения. Рокоссовский подчинил ее себе, поставив задачу на совместные действия при встрече с противником. Близился рассвет. Штабной отряд преодолел уже не менее 30 км по изнуряющему распутью. Очень устали. В это время Рокоссовскому донесли, что примерно в трех километрах приземлился самолет У-2. Он послал туда полковника Баранчука, начальника ВВС армии. Вскоре тот вернулся с радостной вестью – в Гжатске советские войска, накануне там побывали маршал К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов.

Рокоссовский принял решение двигаться на машинах к мосту у Гжатска. В целях предосторожности передовой отряд был усилен двумя танками и бронемашиной. Кавалерийский эскадрон получил задание вести разведку севернее города, установить, где находятся броды и переправы через Гжать. 18-я дивизия народного ополчения следовала во втором эшелоне, обеспечивая штабной отряд от возможных нападений противника с запада и с юга.

Член военного совета армии Лобачев решил выехать вперед, в Гжатск, надеясь застать там маршала Ворошилова. Рокоссовский разрешил Лобачеву на бронемашине отправиться с передовым

отрядом. Колонна штаба и управления армии, вытянувшись по одной дороге, стала подходить к реке. Вблизи моста она увидела хвост передового отряда, который несколько растянулся. В этот момент над перелеском, который колонна проезжала, взвилось кольцеобразное облако, и тут же раздался взрыв. Машины, находившиеся в голове колонны, рванули вперед. Выскочив на открытое пространство, они сразу попали под обстрел крупнокалиберных пулеметов и танковых пушек. Все стали рассыпаться в цепь. Рокоссовский приказал частью сил колонны подкрепить передовой отряд, который уже вел бой, находясь на западном берегу Гжати. Машины убрали с дороги и замаскировали. Командир 18-й дивизии народного ополчения получил приказ одним полком сковать противника у Гжатска, а главными силами попытаться прорваться значительно севернее.

Позднее выяснилось, что танк БТ-7 из передового отряда, вырвавшийся немного вперед, наскочил у моста на противотанковую мину и подорвался. По приближавшемуся отряду враг открыл автоматный и пулеметный огонь. В бронемашину Лобачева угодил снаряд-болванка (позже его нашли внутри машины). Отряд спешился и вступил в бой. Мост оказался взорванным. Штабная колонна подоспела вовремя и отбила попытку противника переправиться через р. Гжать. Сведения летчика оказались ложными. Он, случайно или нет, направил штаб армии прямо в лапы противника.

Рокоссовский, учитывая, что противник перехватил дорогу, по которой штаб надеялся прорваться к своим, приказал оставить перед Гжатском заслоны. Главные силы незаметно для врага совершили маневр на север, двигаясь перекатами. Вскоре разведка смогла обнаружить броды через Гжать, и в ночь на 9 октября колонна штаба благополучно переправилась на противоположный берег. Только в лесах севернее Уваровки – в сорока километрах от Можайска – Рокоссовскому удалось наконец-то связаться со штабом фронта. Штабу 16-й армии было приказано прибыть в район Можайска. В этот же день прилетели У-2 за Рокоссовским и Лобачевым. Командарм дал указания Малинину о переходе на новое место, и направился к самолетам. Начальник штаба на минуту задержал Константина Константиновича:

– Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, Малинин ответил:

– Может пригодиться, мало ли что…

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Здесь находились Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Ворошилов

сразу задал вопрос:

– Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

– Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

– Странно…

Рокоссовский показал маршалу злополучный приказ за подписью командования. У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным. В это время в комнату вошел генерал армии Жуков.

– Это новый командующий Западным фронтом, – сказал Ворошилов, – он и поставит вам новую задачу.

Жуков, коротко поздоровавшись с Рокоссовским и Лобачевым, ознакомил их с обстановкой и предложил отправиться в Можайск для организации обороны Можайского укрепленного района. 11 октября Рокоссовский получил следующее распоряжение Жукова:

«Противник, сосредоточив значительные подвижные силы в районе Сычевка, стремится развивать свои действия на Ржев и Клин. Разведчасти противника вышли 11.10. в район Треселы.

Приказываю:

1. Наступление на Гжатск приостановить и перейти к обороне на занимаемом войсками исходном рубеже, имея 18 тбр во втором эшелоне в районе ст. Батюшково.

Задача обороняющихся частей не допустить прорыва противника в Можайском направлении.

2. Вести усиленную разведку противника в юго-зап. направлении до рокады Юхнов – Гжатск.

3. КП 16-й армии иметь – Уваровo.

4. План обороны довести 12.10[247]».

Рокоссовский не успел выполнить это распоряжение. 12 октября он получил новую задачу: *«Выйти с 18-й ополченческой стрелковой дивизией в район Волоколамска, подчинить себе все части, там находящиеся, подходящие туда или выходящие из окружения, и организовать оборону в полосе от Московского моря (Волжское водохранилище) на севере до Рузы на юге, не допуская ее прорыва противником*[248]».

Вечером 13 октября штаб 16-й армии двинулся из Можайска в Шаликово, а оттуда через Рузу – к Волоколамску.

К этому времени обстановка на западном направлении еще более обострилась.

Главное командование сухопутных войск вермахта, завладев стратегической инициативой, в полной мере представляло возможности противостоящей стороны. 8 октября генерал Гальдер

записывает в своем дневнике: *«Противник попытается подтянуть к Москве еще кое-какие силы, в первую очередь – с севера. Однако этих наспех собранных войск вряд ли будет достаточно для предотвращения сильной угрозы Москве, созданной нашими войсками, так что при более или менее правильном руководстве и сравнительно благоприятной погоде окружение Москвы должно удаться*[249]».

Верховное Главнокомандование вермахта, планируя окружить Москву, не собиралось ее захватывать. В директиве № 1571/41 Генерального штаба Сухопутных войск, направленной 12 октября командующему группой армий «Центр», отмечалось:

«Фюрер опять решил, что на капитуляцию Москвы не следует рассчитывать, если она даже и будет предложена противником. Моральное право на это мероприятие ясно всему миру. Так же, как в Киеве взрывы со взрывателями замедленного действия повлекли тяжелые последствия для войск, в Москве и Ленинграде следует ожидать этого в еще большей степени. О минировании Ленинграда и об обороне его до последнего человека объявило само советское радио. Следует ожидать серьезную опасность чумы. Поэтому ни один немецкий солдат не должен заходить в эти города. Кто попытается уйти из города к нашим линиям – должен быть расстрелян. Поэтому непрегражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться. Ко всем остальным городам также относится то, что перед захватом они должны быть уничтожены артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией, а населению их следует предоставить возможность уйти.

За мобилизацию немецких солдат на спасение русских городов от опасности пожара и кормление населения этих городов за счет германского государства ответственность снимается. Хаос в России будет тем больше, а наша администрация и использование занятых районов тем легче, чем больше русское население будет уходить в глубь страны[250]».

Противник, реализуя план Гитлера по окружению Москвы, активизировал свои действия. 13 октября вражеская группировка силами трех пехотных дивизий нанесла удар по позициям, оборонявшимся 5-й гвардейской стрелковой дивизией и сводным полком 194-й стрелковой дивизии. Советские войска не смогли сдержать натиск врага и оставили Калугу. 14 октября авангард 4-й танковой группы, дивизия СС «Рейх», подошла к линии Московской зоны обороны, которая протянулась почти на 300 км от Калинина до Калуги. Полки «Дойчланд» и «Фюрер» дивизии СС «Райх» с ходу атаковали сильно укрепленные позиции советских войск и при поддержке 10-й танковой дивизии

прорвали оборонительную позицию в самом ее центре.

«Дивизии СС и танковая дивизия наступают с таким подъемом, что кажется, у них позади не четыре месяца тяжелых боев, а длительный отдых, – отмечал штаб 4-й танковой группы. – Они преодолевают полосу врытых в землю огнеметов с электрическим зажиганием, противотанковые препятствия всех видов, заболоченные ручьи, минные поля, проволочные заграждения, систему дотов, эскарпы и непросматриваемые позиции в лесах, преодолевают все это, несмотря на сильный огонь артиллерии, зенитных и противотанковых орудий, минометов, пулеметов и ракетных установок. Храбрейшие бросаются вперед, прямо в огонь. При поддержке танков противник ожесточенной контратакой пытается отбросить немецкие войска назад. Специально для этой цели подготовленные танки были хорошо замаскированы в лесах или в особых подземных ангарах, откуда они неожиданно появляются в виде подвижных дотов, делают несколько выстрелов и исчезают вновь. Всюду, где появляются советские танки, они уничтожаются в ожесточенных схватках один на один немецкими танками или солдатами СС. Своими новыми ракетными установками, которые одним залпом рассеивают на небольшом пространстве 16 снарядов, большевики пытались запугать наступающих. Но им это не удается. Тучи самолетов, спешно переброшенные с других участков, на бреющем полете бомбят и расстреливают перекрестки дорог и деревни. Но даже красные звезды на небе не в силах отвратить судьбу. Самолеты 8-го авиационного корпуса поддерживают наземные немецкие войска. Разгораются ожесточенные воздушные бои, и наши штурмовики платят за каждую сброшенную бомбу в десятикратном размере[251]».

Командующий группой армий «Центр», считая, что «противник перед фронтом группы армий разбит», а его «остатки отступают, переходя местами в контратаки», отдал 14 октября приказ № 1960/41 на продолжение наступления на московском направлении.[252]

Войска 2-й танковой армии должны были выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы охватить город с юго-востока, а затем и с востока. Имевшие важное значение для снабжения Москвы промышленные районы Сталиногорска, Тулы и Каширы требовалось захватить как можно быстрее. 4-й армии с подчиненной ей 4-й танковой группой предписывалось, эшелонировав на своем правом фланге моторизованные части, окружить или охватить Москву с юга, запада и севера, прикрываясь от возможных ударов советских войск с севера и с северо-востока. При этом надлежало подготовиться к

наступлению моторизованными частями в направлении на Ярославль и Рыбинск.

Войска 2-й армии получили задачу наступать главными силами южнее 2-й танковой армии и выйти в район между Елецком и Богородицком, а передовыми частями – к Дону, чтобы лишить советские войска возможности оперативного использования этого пространства и нанесения удара по правому флангу 2-й танковой армии. Войскам 9-й армии и 3-й танковой группы приказывалось «не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии, взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем – уничтожить противника». С этой целью 3-я танковая группа должна была, удерживая Калинин, как можно быстрее достигнуть района Торжок и наступать затем на Вышний Волочек, чтобы «предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мста на восток». Одновременно требовалось удерживать линию Калинин, Старица и южнее до подхода частей 9-й армии. Кроме того, 9-й армии во взаимодействии с правым флангом 3-й танковой группы предписывалось уничтожить советские войска в районе Старица, Ржев, Зубцов, а затем повернуть левый фланг через Луковниково на север и продвигаться на Вышний Волочек. Правый фланг 9-й армии должен был по возможности скорее занять Калинин и высвободить находящиеся там части 3-й танковой группы.

Генерал-фельдмаршал фон Бок особо подчеркивал: *«Кольцо окружения города* (Москвы. – *Авт.*) *в конечном итоге должно быть сужено до окружной железной дороги. Эту линию, по приказу фюрера, не должен перешагнуть ни один немецкий солдат. Всякая капитуляция должна отклоняться. В остальном поведение по отношению к Москве будет объявлено особым приказом».* Конечной целью войск группы армий «Центр» объявлялся выход «на линию прикрытия с востока» – Рязань, Ока до Коломны, Егорьевск, Орехово-Зуево, течение рек Киржач и Молокша, Загорск, течение р. Дубна, Волжское водохранилище. В то же время следовало *«стремиться к расширению рубежа прикрытия на линии Рязань, болотистая и озерная местность к северо-востоку, оттуда течение рек Поль* (правильнее р. Поля. – *Авт.*), *Бужа и Молокша, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, течение реки Нерль и р. Перль до Волги».*

В это тяжелое, критическое для страны время Государственный Комитет Обороны принял 12 октября постановление № 765сс, в соответствии с которым наркомату внутренних дел поручалось «взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин –

Ржев – Можайск – Тула – Коломна – Кашира». Начальником охраны Московской зоны назначался заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга И. А. Серов. Штабу охраны Московской зоны были подчинены в оперативном отношении расположенные в зоне войска НКВД (6 тыс. человек по особому расчету), милиция, районные организации НКВД, истребительные батальоны и заградительные отряды.[253]

Военный совет Западного фронта со своей стороны также принял решительные меры для организации отпора противнику. В приказе № 0345 от 13 октября говорилось:

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат. Наши войска заставили фашистов прекратить предпринятое наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру – наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе малообученный и всякий сброд, пьяниц и дегенератов.

Наступил момент, когда мы должны не только дать решительный отпор фашистской авантюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все, как один, от красноармейца до высшего командира, должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки. Ни шагу назад! Вперед за Родину! [254]»

Одновременно военный совет Западного фронта издал приказ № 0346, в котором войскам 16, 5, 43 и 49-й армий ставилась задача перейти к активной обороне на подготовленном Резервным фронтом рубеже с задачей не допустить прорыва противника через линию укреплений в восточном направлении. *«Учитывая особо важное значение укрепрубежа*, – отмечалось в приказе, – *объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа ВС* (военный совет. – *Авт.*)

фронта и армии подлежат расстрелу[255]».

Тем временем К. К. Рокоссовский принялся за организацию обороны на волоколамском направлении от совхоза «Болычево» до Московского моря. Ширина полосы обороны 16-й армии составляла почти 100 км. 14 октября Рокоссовский вместе со штабом армии прибыл в Волоколамск. Развернув командный пункт в городе, Константин Константинович немедленно направил группы командиров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывавшихся из окружения частей, групп и одиночек. Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Л. М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение командующего 16-й армией. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий – 50-й генерал-майора И. А. Плиева и 53-й комбрига К. С. Мельника. *«Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор, – вспоминал Рокоссовский, – о котором я уже слышал от маршала Тимошенко. Он был молод, жизнерадостен, вдумчив. Видимо, хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала. Можно было не сомневаться, что задача, возлагаемая на корпус, будет выполнена умело*[256]».

Левее 3-го кавалерийского корпуса расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С. И. Младенцева. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу р. Лама.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до р. Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. 14 октября Рокоссовский встретился с командиром дивизии генерал-майором И. В. Панфиловым на его командном пункте и обсудил с ним основные вопросы, касавшиеся действий его соединения. *«Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление,* – писал Константин Константинович. *—Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Его предложения были хорошо обоснованы. Простое открытое лицо, некоторая даже застенчивость вначале. Вместе с тем чувствовались кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужный момент. О своих подчиненных генерал отзывался уважительно, видно было, что он хорошо знает каждого из них. Бывает, человека сразу не*

поймешь – на что он способен, каковы его возможности. Генерал Панфилов был мне понятен и симпатичен, я как-то сразу уверился в нем – и не ошибся[257]».

В распоряжение Рокоссовского поступил также 690-й стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии, организованно вышедший из окружения. Его командарм оставил в резерве, рассчитывая сформировать на базе этого полка новое соединение, вливая в него выходящие из окружения мелкие подразделения и группы. В тылу армии на пополнении находилась и 18-я дивизия народного ополчения. На усиление армии поступили два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два пушечных полка, два дивизиона Московского артиллерийского училища, два полка и три дивизиона «катюш».

Соседом 16-й армии справа была 30-я армия генерала В. А. Хоменко. Войска ее под давлением противника отходили севернее водохранилища. К началу боев связь с ней установить так и не удалось. Слева, юго-восточнее Болычево, войска Рокоссовского соседствовали с 5-й армией, которой вначале командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, а затем генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Исходя из оценки местности, Рокоссовский считал, что вероятнее всего свой главный удар противник обрушит на левый фланг 316-й стрелковой дивизии. Этому участку уделялось наибольшее внимание, особенное значение придавалось организации на этом направлении глубокоэшелонированной противотанковой обороны. Для противодействия танкам противника было решено использовать всю артиллерию. Начальник артиллерии армии генерал В. И. Казаков и его штаб спланировали ее перегруппировку на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения. Каждой батарее и отдельному орудию, которые придавались пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно выделялись соответствующие стрелковые подразделения для прикрытия от немецких автоматчиков. Эти подразделения подчинялись командиру батареи или орудия, которые они прикрывали. Кроме того, были созданы подвижные отряды саперов с минами и подрывными зарядами, которые передвигались на автомобилях и повозках. Им предстояло в ходе боя перехватывать танкоопасные направления, преграждать путь танкам в глубину нашей обороны. На стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. Например, левый фланг 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии прикрывался 4-километровым рвом, где были поставлены 4 тыс.

мин.

Все оборонительные работы велись в условиях продолжавшегося наступления врага. 15 октября на наро-фоминском направлении противник овладел Боровском и создал реальную угрозу прорыва к Москве по Киевскому шоссе. В этот же день Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Оно предусматривало эвакуацию иностранных миссий, Президиума Верховного Совета, правительства во главе с заместителем председателя СНК В. М. Молотовым, органов наркоматов обороны и ВМФ в Куйбышев, а основной группы Генштаба – в Арзамас. В случае появления войск противника у ворот Москвы наркомату внутренних дел поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)[258]». В постановлении отмечалось, что Сталин «эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

Слухи об эвакуации из Москвы породили панику среди населения. На вокзалах спешно грузились эшелоны заводов и учреждений. Многие чиновники на персональных и частных машинах удирали из города, немало людей уходило пешком на восток. В городе начались грабежи и беспорядки. На большинстве дорог возникли пробки, что создавало реальную угрозу срыва перегруппировок и снабжения войск.

Наряду с мерами по эвакуации Москвы принимается решение об улучшении управления войсками на подступах к столице. Это обусловливалось тем, что линия обороны Западного фронта оказалась чрезмерно растянутой, в результате чего крайне затрудняло управление частями и соединениями. Поэтому 17 октября по решению Ставки ВГК из состава Западного фронта были выведены три правофланговые армии – 22, 29 и 30-я, а также войска, действовавшие на осташковском, ржевском направлениях и в районе Калинина. Они вошли в состав созданного Калининского фронта под командованием генерал-полковника Конева.

В полосе 16-й армии события развивались следующим образом. Утром 16 октября противник нанес удар двумя танковыми и двумя моторизованными соединениями на левом фланге армии – как раз там, где Рокоссовский и предполагал. Главный удар пришелся по 316-й стрелковой дивизии, передний край которой проходил в 12—15 км от Волоколамского шоссе. Завязались тяжелые оборонительные бои. Противник вводил в бой группы по 30—50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнем и

бомбардировкой с воздуха. Встретив хорошо организованное сопротивление войск 16-й армии, противник отходил, но потом снова начинал атаки. Большие потери вынуждали врага вводить в бой новые и новые силы.

17 октября севернее Волоколамска подвергся атаке 3-й кавалерийский корпус. В этот же день в районе Болычево на стыке с 5-й армией противник бросил на полк 316-й стрелковой дивизии до ста танков. Им удалось овладеть двумя населенными пунктами. Пытаясь развить успех в глубину, враг еще больше усилил натиск, но был встречен стянутой сюда с других участков артиллерией и, понеся большие потери в танках, отошел на исходные позиции. Не продвинулся противник и на рубежах, занимаемых спешенной конницей. Здесь тоже удалось отбить все атаки. Однако на правом фланге 16-й армии ситуация обострилась. 17 октября немецкие войска захватили город Калинин, оттеснили правофланговые части 30-й армии и стали продвигаться на восток вдоль северного берега Московского водохранилища. В результате возникла угроза правому флангу 16-й армии.

18 октября противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввел против 316-й стрелковой дивизии сотни полторы танков и полк мотопехоты в направлении Игнатково, Жилино, Осташево. Навстречу этой стальной лавине была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши». Вскоре еще около сотни вражеских танков появились в районе Жилино, на южном берегу Рузы. Рокоссовскому пришлось ввести в сражение все армейские артиллерийские резервы. Маневр артиллерией спас положение.

Рокоссовский в эти дни сохранял спокойствие и уверенность в том, что противник будет разбит. В письме, отправленном 18 октября жене и дочери, он отмечал:

«Дорогие мои Люлю и Адуся! Пользуясь случаем, спешу сообщить о себе. Здоров телом и крепок духом. Не унываю и верю в то, что, в конце концов, враг будет разбит. Сейчас нам достается тяжеловато. Но это ничего. Выправимся, поднатужимся и двинем по врагу…[259]»

В результате двухдневного боя – 18 и 19 октября – противнику все же удалось незначительно потеснить части 316-й стрелковой дивизии. Но враг понес такие потери в танках и живой силе, что был вынужден прекратить атаки. Корреспондент газеты «Красная Звезда» старший политрук М. Зотов 20 октября сообщал: *«С каждым днем бои на подступах к столице приобретают все более упорный и ожесточенный характер. С утра 19 октября враг опять активизировал свою деятельность на*

правом крыле фронта, развивая успех в сторону города О. и стремясь выйти отсюда в тыл одному из наших укрепленных районов. Против частей тов. Рокоссовского немцы бросили до 70 танков и большое количество мотопехоты, сопровождая свои атаки массированным артиллерийским и минометным огнем. Однако, несмотря на все свои усилия, решающего успеха враг здесь не достиг. Стремительными контратаками к исходу вчерашнего дня передовые части противника были отброшены. На поле боя осталось 11 подбитых немецких танков».

Г. К. Жуков, реально оценивая обстановку, сложившуюся в полосе Западного фронта, представил 19 октября в Ставку ВГК план отхода его войск с Можайского оборонительного рубежа. В этом документе отмечалось:

«1. В случае невозможности сдержать наступление противника на Можайском оборонительном рубеже армии фронта, оказывая арьергардами сопротивление наступающему противнику, отходят главными силами, в первую очередь основной массой артиллерии, на подготавливаемый рубеж обороны по линии Новозавидовский, Клин, Истринское водохранилище, Истра, Жаворонки, Красная Пахра, Серпухов, Алексин. Отход прикрывается всей авиацией.

2. До устройства частей армии на основном оборонительном рубеже организовать и вести бой сильными арьергардами, насыщенными средствами ПТО, с наличием в каждой армии подвижных частей для нанесения контрударов накоротке, задержать противника возможно продолжительное время на промежуточном рубеже Козлово, Гологузово, Елгозино, Новопетровское, Колюбакино, Наро-Фоминск, Тарутино, Черная Грязь, р. Протва…

4. Войска 5-й армии в случае неуспешного боя на основном рубеже Истра, Павловская Слобода, Жаворонки должны отходить не на укрепленный обвод вокруг Москвы, а на северо-восток, сев. Химки, и левым флангом – на части 33-й армии южн. Переделкино, Люберцы, с выводом этих частей в армейский резерв, в обход Московского УР с юго-востока и востока в районе Пушкино… [260]»

Сталин этот план утвердил, согласившись, что Жуков трезво оценивает обстановку, но отвод войск допускал только с особого разрешения Ставки ВГК.

С целью стабилизировать обстановку в Москве Государственный Комитет Обороны принял постановление, опубликованное 20 октября в газете «Правда»:

«…Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—200 километров западнее Москвы, поручена Командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на

начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение, как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие».

О том, как выполнялось это постановление, свидетельствуют данные, приведенные в кратком обзоре деятельности военной комендатуры Москвы. С 20 октября по 13 декабря в городе было задержано 121 955 человек, из которых заключено под стражу – 6678, привлечено к административной ответственности – 27 445, отобрана подписка о выезде из Москвы – 2959, направлено в маршевые роты – 32 959, осуждено к тюремному заключению – 4741, освобождено по выяснению дела – 23 927, расстреляно по приговорам военных трибуналов – 357, расстреляно на месте – 15 человек. Из общего числа задержанных: дезертиров – 4885, уклонившиеся от несения воинской службы – 11 971, отставшие от своих частей – 21 825, нарушивших воинские уставы – 8893 человека.[261]

Противник, пытаясь пробиться к Москве, сосредоточил основные усилия на волоколамском направлении, вводя здесь все

новые части. Обладая большим превосходством в силах, неприятель постепенно, километр за километром, теснил войска 16-й армии. С воздуха его атаки все время поддерживала авиация. 22 октября газета «Правда» сообщала своим читателям: «Бойцы командира Рокоссовского по-прежнему удерживают свои позиции. Противник сосредоточивает против них танки, пехоту, конницу и моторизованные части. Наша артиллерия вела огонь по скоплениям германских войск».

Тяжелая обстановка складывалась и на других участках Западного фронта. 22 октября части 20-го армейского корпуса вермахта ворвались в Наро-Фоминск и, просачиваясь через лесные массивы, перерезали подходы к нему. Наиболее упорное сопротивление оказала 1-я гвардейская Московская мотострелковая дивизия полковника А. И. Лизюкова, которая за четыре дня непрерывных боев измотала врага, отбросила за р. Нара и вынудила перейти к обороне. На можайском направлении, кратчайшем и самом удобном пути к Москве, главные силы 4-й армии противника 25 октября практически без боя захватили Рузу. Исполнявший обязанности командира дивизии подполковник А. Г. Герасимов и комиссар дивизии бригадный комиссар Г. Ф. Шабалов, отдавшие приказ об отходе дивизии, за невыполнение приказа командующего фронтом по обороне Рузы и за сдачу города без боя были расстреляны перед строем. В дальнейшем враг стал встречать все более упорное сопротивление. Несмотря на все попытки разгромить советские войска, противник сумел к 26 октября лишь вытеснить оборонявшиеся части с Можайского укрепрайона, но так и не смог развить успех в сторону Москвы вдоль Минского шоссе.

В полосе 16-й армии, как и повсюду на подступах к Москве, продолжались ожесточенные бои. Вот что писал 26 октября специальный корреспондент «Красной Звезды» Я. Милецкий: «Бойцы Рокоссовского сдерживали натиск крупных сил противника, перешедшего в наступление. На одном из участков ему удалось продвинуться вперед и занять несколько деревень. День и ночь шли здесь упорные бои, как с пехотой, так и с танками германо-фашистских войск. Заняв новый рубеж, наши части сдержали натиск врага». К этому времени противнику удалось захватить Болычево и Осташево, форсировать Рузу. В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, войска 16-й армии понесли чувствительные потери в артиллерии. Только в трех полках, 296, 289 и 525-м истребительно-противотанковых, было потеряно 31 орудие.[262]

16-ю армию требовалось срочно усилить артиллерией. *«Мне очень не хотелось, но я вынужден был обратиться по ВЧ к*

командующему фронтом Г. К. Жукову, – вспоминал Рокоссовский. – *Разговор предстоял не из приятных, я заранее это предвидел. Стоически выслушал все сказанное в мой адрес. Однако удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-миллиметровых зенитных пушек. Худо ли, хорошо ли, но это была помощь. У Жукова тоже в те дни каждая батарея была на счету. Оба полка тут же были отданы Панфилову для противотанковой обороны полосы его дивизии*[263]».

Рокоссовский практически постоянно находился в войсках, чтобы быть в курсе событий. Особое внимание он уделял 316-й стрелковой дивизии, находившейся на направлении главного удара противника. Части дивизии успешно отражали натиск врага. Командарм был доволен действиями генерала Панфилова и его подчиненных. Правда, однажды Константин Константинович вынужден был сделать внушение Панфилову. Находясь в Волоколамске, в штабе армии, Рокоссовский увидел в окно, что по улицам города двигаются автомобили и повозки.

– Что это за часть? – спросил он у начальника штаба.

– Кажется, штаб 316-й дивизии, – ответил Малинин.

– Постойте, разве отход штабу дивизии разрешен?

Получив отрицательный ответ, Рокоссовский сразу же вышел на улицу и приказал штабу дивизии немедленно возвратиться назад, в Спас-Рюховское. Тут же он узнал, что штаб переместился по собственной инициативе, без приказания комдива, который, однако, мер к возвращению штаба не принял. Рокоссовский немедленно поехал к Панфилову. Встретив командарма на НП, расположенном, как всегда, вблизи передовой, Панфилов начал было рапорт. Однако Рокоссовский сразу же прервал его.

– Генерал, надеюсь, вы понимаете, что произошло?

– Это моя ошибка, – не стал отпираться Панфилов.

– Ваш штаб отошел без приказания. Это плохой пример для частей. От вас я этого не ожидал.

С утра 26 октября противник снова усилил нажим на Волоколамск. Против 316-й стрелковой дивизии действовали помимо пехотных еще не менее двух танковых дивизий вермахта. Для усиления левого фланга своей армии Рокоссовский незамедлительно произвел перегруппировку сил. В район Волоколамска форсированным маршем вышел 3-й кавалерийский корпус генерала Доватора, которого у водохранилища заменила несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия; туда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия.

В это же время после нескольких дней упорных боев отошел к востоку от рубежа р. Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. 27 октября, введя крупные силы танков и пехоты, при поддержке артиллерии и авиации противник овладел Волоколамском. Но его попытка перерезать шоссе восточнее города была отражена решительными и умелыми действиями 50-й кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией.

Потеря Волоколамска вызвала недовольство у Сталина. Около трех часов дня 27 октября военному совету Западного фронта была направлена директива № 0041:

«Ставка узнала, что вы сдали войскам противника в количестве одного пехотного полка ст. Волоколамск.

Ставка считает это позором для Западного фронта.

Ставка приказывает вам сегодня же разгромить противника на ст. Волоколамск с воздуха и наземными частями, мобилизовать все силы и очистить ст. Волоколамск от частей противника. Ставка ждет от вас донесений об освобождении ст. Волоколамск».

Однако уже в пять часов вечера следует новая директива № 004156:

«В отмену приказа № 004149 Ставка временно снимает задачу немедленно заняться ст. Волоколамск и категорически требует прочной обороны восточного берега р. Лама с тем, чтобы удержать за собой г. Волоколамск во что бы то ни стало[264]».

Обстоятельства сдачи Волоколамска стали предметом расследования специальной комиссии штаба Западного фронта, действовавшей по заданию Ставки ВГК. Расследование доставило Рокоссовскому немало тяжелых минут. Комиссии были предъявлены приказы военного совета армии, планы, оперативные документы, карты.

– Приказа о сдаче Волоколамска не было и не могло быть, – доказывал Рокоссовский, рассматривавший появление комиссии как проявление недоверия к подчиненным и возмущенный до глубины души.

– Однако вы не выделили для его защиты резервов ни в армии, ни в дивизиях, – возражал председатель комиссии.

– Мне неоткуда их взять, – возмущался командарм.

– За счет кавалерийской группы.

– Это исключено! В группе Доватора – две дивизии, по пятьсот сабель, не более, а участок, который ей был отведен, – тридцать шесть километров. Не мог же я оголить фланг армии!

Комиссия вызвала для объяснений командира 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова. Рокоссовский тут же заявил, что гордится соединением Панфилова, и больше того, что

сделала дивизия, она совершить была не в силах.

– Ничто не может поколебать моего убеждения, – сказал Панфилов, – что сдача Волоколамска – это не потеря стойкости моих бойцов.

– И, тем не менее, – настаивал председатель комиссии, – военный совет армии дал вам категорическое приказание удержать Волоколамск, но Волоколамск сдан!

Разговор выдался невероятно тяжелым для обеих сторон. После того как председатель комиссии стал утверждать, что Панфилов совершил ошибку, направив на основной участок 690-й стрелковый полк, недавно вышедший из окружения и потому мало устойчивый, Рокоссовский и здесь защитил своего комдива:

– Решительно не согласен с вами. Я, да и не только я, видел этот полк в бою. Его командир – Семиглазов – энергичный, боевой командир, и полк дрался неплохо. Бойцы имеют опыт, а выход из окружения с боями – это закалка личного состава.

Следует признать, что комиссия вполне объективно разобралась в обстановке, сложившейся под Волоколамском, и лишь отметила в качестве недостатка отсутствие резервов у командарма. Но Рокоссовский не пожелал согласиться и с этим выводом и в тот же вечер отправил объяснительную записку в военный совет фронта.

И тогда и позднее Константин Константинович считал, что бойцов, сражавшихся под Волоколамском, нельзя упрекнуть в отсутствии стойкости. Вот что писал он впоследствии: *«Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его навеки покрыла себя славой панфиловская дивизия. Ее в армии так и называли, и солдаты 316-й о себе говорили: «Мы – панфиловцы!» Счастлив генерал, заслуживший в массе бойцов так просто выраженную, но неизгладимую в сердцах любовь и веру. Самоотверженно и умело сражался и курсантский полк С. И. Младенцева. Именно эти стрелковые войска и действовавшие с ними артиллерийские части, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше. Мы нанесли немецким соединениям огромный урон, особенно в танках. Противник вынужден был сделать паузу для перегруппировки и подтягивания свежих сил*[265]».

В результате самоотверженных действий войск 16-й армии на волоколамском направлении фронт к концу октября удалось стабилизировать на рубеже 4 км восточнее Волоколамска, Рождествено (7 км южнее Волоколамского шоссе у Новопетровского). К этому же времени, благодаря мерам, принятым командованием Западного фронта, удалось остановить противника на р. Нара, на линии 14 км западнее Серпухова,

восточнее Тарусы (25 км юго-западнее Серпухова), западная окраина Алексина, на рубеже Колюбакино (19 км юго-западнее Звенигорода), Тучково (30 км северо-восточнее Можайска), восточная окраина Дорохова, Нарвские пруды. В начале ноября войска Брянского фронта остановили противника на подступах к Туле. В результате они обеспечили устойчивость левого крыла Западного фронта, сорвав планы командующего 2-й танковой армии генерала Гудериана обойти Москву с востока.

К. К. Рокоссовский в статье, опубликованной центральными газетами накануне 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, отмечал: «Хотя бои за Москву продолжаются и опасность, нависшая над столицей, не ослабла, уже сейчас можно констатировать провал плана фашистского командования… За каждый шаг на восток он расплачивается огромными потерями в живой силе и технике».

Операция «Тайфун» захлебнулась в 70—100 км к западу от Москвы. Командующему группой армий «Центр» не удалось выполнить приказ Гитлера по окружению советской столицы. Фон Бок нашел причину этому явлению. 25 октября он записал в своем дневнике: *«Разделение группы армий и ужасные погодные условия в значительной степени являются причиной того, что продвижение наших войск резко замедлилось. В результате этого русские получили дополнительное время для укрепления обороны и пополнения своих поредевших дивизий. Тем более, что большая часть разветвленной железнодорожной сети вокруг Москвы все еще находится в их руках. И это очень плохо!*[266]».

Штаб 4-й танковой группы вермахта, в свою очередь, отмечал: *«18 октября моторизованные части 40-го корпуса овладевают Можайском, и тут на помощь противнику приходит союзник, которому удается то, что не в состоянии были сделать русские, несмотря на миллионные жертвы и оборонительные позиции. Уже во время боев у Ельни и Бородино выпал первый снег, и вот начинаются русские осенние дожди и вырывают из рук немецких солдат уже почти завоеванную победу. День и ночь льет дождь, идет снег. Земля как губка впитывает влагу, и в жидкой по колено грязи задерживается немецкое наступление. В Москве облегченно вздыхают. Нависшая угроза остановилась в 80 км от Кремля*[267]».

Более взвешенно оценивал происшедшее генерал Г. Блюментрит: *«Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось… Командование русскими войсками, прикрывавшими Москву, теперь принял маршал Жуков (*тогда еще генерал армии. *– Авт.). За несколько недель его войска создали глубоко эшелонированную оборону, которая проходила через лес, примыкавший к реке Нара, от Серпухова на*

юге до Нарофоминска и далее на север. Тщательно замаскированные опорные пункты, проволочные заграждения и большие минные поля теперь заполняли огромный лесной массив, прикрывавший западные подступы к столице[268]».

В чем же заключались причины того, что противник не смог осуществить свои планы? Их много, но, пожалуй, главными являются четыре.

Во-первых, германскому командованию пришлось для ликвидации двух огромных котлов задействовать почти 64% всех дивизий группы армий «Центр» и затратить на это от одной до двух недель. В результате было потеряно время.

Во-вторых, противник всерьез не воспринимал возможности и силы Красной Армии. Поэтому после окружения советских войск под Брянском и Вязьмой враг считал, что битва за Москву выиграна, а это дает возможность решать новые стратегические задачи. В результате левое крыло группы армий «Центр» было повернуто на север, а правое – на юго-восток. Это привело к ослаблению группировки, нацеленной непосредственно на Москву. По справедливому замечанию германского историка К. Рейнгардта, получилось так, что именно выведенных сил «не хватило в решающий момент под Москвой… когда новые русские оборонительные рубежи не были еще укреплены, а резервы русских большей частью находились еще на подходе[269]».

В-третьих, осенняя распутица лишила врага превосходства над советскими войсками в подвижности. Однако она в не меньшей степени мешала и Красной Армии.

В-четвертых, назначение Жукова командующим Западным фронтом означало коренной поворот в вопросах организации и ведения военных действий. Оборона стала более жесткой, устойчивой, а в сочетании с контратаками и частными контрнаступлениями начала приобретать черты непреодолимости. Это, пожалуй, самое главное в обороне Москвы.

1 ноября военный совет Западного фронта издает приказ по действующей армии, который как бы подвел итоги оборонительным сражениям:

«Прошел месяц, как немецко-фашистские захватчики ведут наступление. Гитлеровские орды напрягают все усилия и бешено рвутся к Москве. Войска Западного фронта, на долю которых выпала историческая задача – защищать МОСКВУ, оказывают вражескому натиску героическое сопротивление.

В тяжелых кровавых боях, защищая каждую пядь своей родной земли, свои семьи, своих детей, отцов и матерей, защищая свою свободу и независимость, наши войска отбивают этот натиск

врага. Каждый шаг продвижения вперед достается немцам ценой огромнейших потерь.

…Несмотря на потери, гитлеровская банда фашистских мерзавцев, подгоняемых страхом перед холодной русской зимой, продолжает наступать и стремится завершить свою кампанию на Востоке до морозов и снегов.

Людоед Гитлер, этот кровавый черносотенец, заливший народной кровью свои временные успехи, 2 октября с. г. заявил своим солдатам и германскому народу, что наступление на МОСКВУ есть одновременно завершение войны. Этой приманкой мира и окончания войны он нагло и хвастливо обманул свою фашистскую банду злодеев. Обманул германский народ. Получилось иное. Наступление и молниеносное взятие МОСКВЫ оказалось делом не из легких. И теперь Гитлеру, этому людоеду-правителю, приходится все ставить на карту, чтобы добиться хвастливого обещанного «решающего успеха».

Фашистские мерзавцы идут в бой в расчете на зимний отдых, в расчете на «решающий успех».

Ценой любых усилий мы должны сорвать эти планы гитлеровцев.

Дорогие товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Земля и леса, где вы сейчас грудью защищаете нашу родную Москву, обагрена священной кровью наших предков, борьба которых вошла в историю разгрома наполеоновских полчищ.

Наша святая обязанность – не дать фашистским собакам топтать эту священную землю.

Силы врага подорваны и истощаются, но все же враг еще силен и продолжает наступать.

Фашисты, понесшие от Вашего огня и штыка большие потери, в последние дни вновь подвезли людские резервы. Подвозят боеприпасы, горючее и готовятся перейти в наступление на Москву.

Будем же готовыми встретить по-большевистски врага, разбить его силы и раз и навсегда отучить от посягательства на нашу родную столицу.

Сорвав планы врага и отразив очередное его наступление, мы не только не допустим его к Москве, но и предрешим этим над Гитлером победу. Мы скуем его танки и авиацию, мы заставим его живую силу дрожать и гибнуть в сугробах суровой русской зимы. Уничтожим ее так, как наши предки уничтожили армию Наполеона.

Боевые друзья красноармейцы, командиры и политработники!

В эти суровые дни Родина, наш народ и наш Великий Сталин

нам с Вами вручили защиту родной и любимой Москвы. Родина-мать доверила нам ответственную и почетную задачу: стать нерушимой стеной и преградить путь немецким ордам к нашей столице…

Ни шагу назад – таков боевой приказ Родины нам, защитникам Москвы…[270]»

Похоже, в немецких штабах отказывались поверить, что операция «Тайфун» захлебнулась. В штабе группы армий «Центр» к 30 октября был разработан приказ № 2250/41 о продолжении операции по окружению Москвы[271]. На 2-ю армию возлагалась задача по овладению общей линией Курск, Малоархангельск, а к северу от нее продвинуть без замедления свои моторизованные части в направлении на Воронеж. 2-й танковой армии предстояло нанести удар через р. Ока в направлении между Рязанью и районом Каширы. Для внезапного захвата переправ через Оку и перехвата коммуникаций, ведущих с юга на Москву, Гудериан предполагал выбросить вперед особые подвижные подразделения, снабженные достаточным количеством горючего. Особое внимание обращалось на захват промышленного района Сталиногорска и Каширы. 4-й армии предписывалось возобновить незамедлительно наступление по важнейшим направлениям южнее и севернее Минского шоссе. Одновременно левый фланг армии должен был ускорить продвижение в общем направлении на Клин. В дальнейшем, как только позволит погода и улучшится положение со снабжением, намечалось наступление 4-й и 3-й танковой групп, усиленных пехотой, в направлении на Ярославль, Рыбинск. 9-я армия получила задачу захватить район Калинина и продвинуться в глубину обороны советских войск севернее Яропольца. Немецкое командование планировало отбросить наши части на участке р. Лама и захватить переправы на западном берегу Волжского водохранилища, а на левом фланге удерживать оборону на линии Калинин, южнее Торжка, Большая Коша.

13 ноября в Орше под руководством начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера состоялось совещание, рассмотревшее обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, и планы предстоящих операций. Несмотря на то, что некоторые генералы высказывали опасения по поводу происходящего на фронте, Гальдер считал необходимым выполнить директиву Гитлера: до наступления зимы расправиться с СССР.

О подготовке противника к новому наступлению свидетельствовали разведывательные данные, поступавшие в штабы Западного фронта и его армий. Поэтому по решению Ставки ВГК Западному фронту с 18 часов 9 ноября передавались

из резерва Верховного Главнокомандования 2-й кавалерийский корпус, 112-я танковая и 415-я стрелковая дивизии, с 12 часов 12 ноября – 20, 19 и 44-я горнокавалерийские, 17-я и 24-я кавалерийские дивизии. С 18 часов 10 ноября Жукову подчинялась 50-я армия Брянского фронта, с 23 часов 17 ноября из Калининского фронта передавалась 30-я армия.

В начале ноября главной заботой Рокоссовского по-прежнему оставалась организация устойчивой обороны. По его решению в первом эшелоне оперативного построения армии располагались отдельный курсантский полк, 316-я стрелковая, 50-я кавалерийская, части 78-й и 18-й стрелковых дивизий. Наиболее боеспособной и укомплектованной была 78-я стрелковая дивизия полковника А. П. Белобородова, прибывшая из Сибири. Она насчитывала 14 тыс. бойцов и командиров, 23 легких танка, 66 орудий, 59 минометов, 441 автомашину и 3400 лошадей. Во второй эшелон армии были выделены 17-я и 24-я кавалерийские, 20-я и 44-я горнокавалерийские дивизии (в каждой 3 тыс. человек), прибывшие из Средней Азии. Их боеспособность вызывала большие сомнения. Бойцы и командиры не имели навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности. Лошади оказались не перекованными к зиме, а в Подмосковье грунт уже замерз, на заболоченных местах появился лед, и это затрудняло передвижение конницы.

Особое внимание Рокоссовский уделил организации противотанковой обороны. Противотанковые средства были эшелонированы в глубину, начиная от линии боевого охранения до армейского рубежа обороны, проходившего по р. Истра. Они находились на позициях по обе стороны шоссейных дорог, которые прикрывались инженерными сооружениями и, кроме того, пулеметным и минометным огнем. Для борьбы с танками противника также привлекались орудия крупных калибров, зенитная артиллерия и танки, размещенные в засадах. Однако, несмотря на принятые меры, плотность артиллерии на 1 км фронта оставалась недостаточной. В среднем она составляла 5 орудий, а на наиболее танкоопасных направлениях – волоколамско-клинском – 8—9 и на волоколамско-истринском – 10—12 орудий на 1 км фронта. Поэтому по указанию Рокоссовского для борьбы с танками противника формировались группы истребителей танков, вооруженных противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. С бойцами-истребителями проводились занятия, где изучались приемы борьбы с танками. Кроме того, на волоколамско-истринском направлении в Чисмене заняла оборону 1-я гвардейская танковая бригада, в Ново-Петровском – 28-я, в Румянцеве – 27-я танковая

бригада. По штату в каждой бригаде полагалось иметь 61 танк. В действительности в 1-й гвардейской танковой бригаде насчитывалось всего 15 танков (2 тяжелых, 7 средних и 6 легких), а в 27-й танковой бригаде – 17 танков (6 Т-34 и 11 легких[272]).

Штаб немецкой 4-й танковой группы, оценивая подготовку войск Западного фронта к предстоящим боям, отмечал: *«Итак, все расчеты противника говорят за то, что он может со спокойной уверенностью встретить новое немецкое наступление, тем более что за время осенней распутицы на участок перед фронтом 4-й танковой группы было стянуто десять стрелковых дивизий, из них четыре – сибирские, которые составляют костяк русской обороны. Кроме того, сюда переброшено семь танковых бригад, т. е. всего 500—600 совершенно новых машин. Вначале эти бригады находятся в качестве подвижного резерва за линией фронта и предназначены для того, чтобы в случае прорыва немецких войск отбросить их назад контрударом. Помимо этих соединений противник оттянул сюда многочисленную артиллерию, противотанковые и зенитные орудия, полки ракетных установок*[273]».

С целью улучшения положения своих войск Рокоссовский с 11 по 14 ноября предпринял наступление в районе Скирманово. Замысел командующего 16-й армией состоял в том, чтобы освободить этот населенный пункт и тем самым ликвидировать угрозу с юга магистрали Волоколамск – Истра. К проведению операции, получившей наименование Скирмановской, привлекались 50-я кавалерийская дивизия генерала И. А. Плиева, 18-я стрелковая дивизия полковника П. Н. Чернышева и 1-я гвардейская танковая бригада М. Е. Катукова, а также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов.

11 ноября после артиллерийской подготовки части 18-й стрелковой дивизии, поддержанные 1-й гвардейской танковой бригадой, перешли в наступление. Они нанесли поражение противнику и овладели Скирманово. 50-я кавалерийская дивизия атаковала врага с фланга и вышла в его тыл, но затем ей пришлось с боем пробиваться назад. В ходе операции 10-я танковая дивизия вермахта, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, потеряла до пятидесяти подбитых и сожженных танков и отступила. Потери войск 16-й армии составили 200 убитых и 908 раненых.[274]

В отчете об этой операции, подготовленном штабом немецкой 4-й танковой группы, говорилось следующее: *«Но тяжелее всего приходится на переднем крае, на участке передового танкового отряда. Здесь противник после ожесточенной артиллерийской подготовки предпринимает одну атаку за другой, поддерживая их*

танками. Снова разгораются бои за деревни Скирманово и Марьино. И большей частью большевики остаются лежать перед немецкими позициями. По их раненым можно понять, как закалены солдаты 78-й сибирской стрелковой дивизии, которую советское командование в 14 дней перебросило из Хабаровска через всю Сибирь под Москву. Эти парни привыкли к условиям зимней войны. Кто из их раненых может еще двигаться, тот ползет по снегу к догорающим домам, чтобы укрыться от холода. Немецкие солдаты находят часто русских, пролежавших с тяжелыми ранениями на снегу или на льду в течение ночи, и все еще живых. Нечто подобное приходится переживать и солдатам 10-й танковой дивизии. 12 ноября во время атаки крупных сил противника был почти полностью уничтожен 2-й батальон 68-го пехотного полка. Несмотря на то что ввиду нехватки горючего танки не могут оказать никакой помощи, все-таки удается преградить путь наступлению крупных сил русских. Наши войска временно оставляют деревни Скирманово и Марьино. Все, что в них еще осталось целого, громят пикирующие бомбардировщики 8-го авиационного корпуса. Сибиряки наступают при поддержке отборных гвардейских танковых бригад. Тяжелые танки выкрашены в белый цвет и почти неразличимы в белесом тумане. Только когда они открывают огонь, становятся яснее их контуры. Каждый раз, как только они появляются, завязываются бои не на жизнь, а на смерть. Не одному своему товарищу должны рыть немецкие солдаты последнее убежище в замерзшей земле. Не над одним командиром набрасывают они прощальный холмик из кусков смерзшейся глины. Но они не сдаются, не теряют надежды на скорый поворот событий[275]».

Г. К. Жуков, изучая донесения разведки, пришел к выводу, что противник заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление. Не стоило особого труда предположить, что главный удар ожидается из района Волоколамска, а 2-я танковая армия генерала Гудериана, очевидно, попытается прорваться в обход Тулы на Каширу. Сталин, переговорив с Жуковым, сказал, что вместе с начальником Генштаба Шапошниковым считает необходимым нанести упреждающие контрудары с целью сорвать готовящееся наступление противника. При этом один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой – из района Серпухова во фланг немецкой 4-й армии. Жуков ответил, что для нанесения контрударов Западный фронт свободных сил не имеет, а есть силы только для обороны. Если же использовать сейчас последние резервы фронта, то нечем будет подкрепить оборону, когда противник перейдет в наступление своими ударными

группировками. Кроме того, линия обороны Западного фронта сильно растянулась, и с изгибами ее протяженность превышает 600 км. При этом мало резервов в глубине, особенно в центре фронта. Но Сталин не собирался отменять свое решение. Напомнив, что Западный фронт имеет шесть армий, Верховный Главнокомандующий приказал провести контрудары. В районе Волоколамска для этого следовало использовать правофланговые соединения 16-й армии, танковую дивизию и кавалерийский корпус генерала Доватора, а в районе Серпухова – кавалерийский корпус генерала Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии генерала Захаркина.

Приказ Верховного Главнокомандующего нужно было выполнять. Жуков отдал распоряжения генералам Рокоссовскому и Захаркину нанести контрудары силами кавалерийских корпусов. Для обеспечения наступления сосредоточили значительное количество артиллерии и авиации. Кроме того, Жуков настоял на привлечении к операции 81-й авиадивизии дальних бомбардировщиков и авиасоединений Московской зоны обороны. Они должны были нанести удары по немецким аэродромам и поддерживать контратакующие части. Рокоссовский, оценивая решение о нанесении контрударов, писал: *«Неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом – нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской группировке противника. Срок подготовки определялся одной ночью. Признаться, мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ. Сил мы могли выделить немного, времени на подготовку не отводилось, враг сам готов был двинуться на нас. Моя просьба хотя бы продлить срок подготовки не была принята во внимание*[276]».

Упреки Рокоссовского к Жукову и его недоумение по поводу того, чем руководствовалось командование фронта, отдавая приказ о проведении контрудара, были явно не по адресу. Командующий фронтом не мог отменить приказ Верховного Главнокомандующего, который не прислушался к его мнению.

В ночь на 16 ноября Рокоссовский осуществил частичную перегруппировку своих войск. Из-за недостатка времени штабу армии не удалось как следует отработать вопросы взаимодействия частей и их сосредоточения на исходное положение. Поэтому войска выходили на рубежи атаки с опозданием, например, 24-я и 17-я кавалерийские дивизии только к 12 часам 30 минутам подошли к исходному рубежу. Выдвижение 20-й и 44-й кавалерийских дивизий, которые намечалось ввести в прорыв на волоколамском направлении, не было рассчитано точно в соответствии с их возможностями. При

расчете учитывалось вполне благополучное состояние частей, фактически же в кавалерийских полках было до 50% некованых лошадей, у подкованных лошадей на подковах отсутствовали шипы и т. п. Телефонная связь штаба армии с 17, 24 и 44-й кавалерийскими дивизиями установлена не была, а радиосвязь работала с перебоями. Места расположения штабов 20-й, 44-й кавалерийских и 126-й стрелковой дивизий штабу армии известны не были. Тылы кавалерийских дивизий еще в 8 часов утра 16 ноября тянулись на исходное положение, причем штаб 44-й кавалерийской дивизий не знал точного расположения своих частей. Кроме того, часть транспортных машин не имела горючего[277]. Все это привело к неудаче контрудара 16-й армии, который начался в тот момент, когда противник возобновил наступление на Москву.

Еще 15 ноября войска группы армий «Центр» перешли в наступление, нанося главные удары севернее и южнее Москвы. Для наступления севернее столицы (операция «Волжское водохранилище») на фронте Калинин, Волоколамск, Руза противник сосредоточил 14 танковых, моторизованных и пехотных дивизий 3-й и 4-й танковых групп. Перед ними оборонялись (с севера на юг) 30-я армия Калининского фронта (17 ноября передана в состав Западного фронта) и 16-я армия Западного фронта. Противник имел здесь значительное превосходство в артиллерии и танках. 15 ноября 3-я танковая группа нанесла удар по позициям 30-й армии, а на следующий день в наступление против 16-й армии перешла 4-я танковая группа. Противник имел превосходство в личном составе и артиллерии в 2,4—3 раза, а в танках – в 10 раз.

Войска 16-й армии приступили к проведению контрудара в десять часов утра 16 ноября. В результате в ее полосе развернулось ожесточенное встречное сражение. Части 58-й танковой дивизии, введенные в бой без предварительной разведки, потеряли 139 танков (70,2% от общего количества). Командир дивизии полковник Котляров, возражавший против неподготовленного удара, застрелился. Девять раз бросал Рокоссовский обескровленную 316-ю стрелковую дивизию на Крюково, которое она не смогла удержать. В этот день, 16 ноября, на высоте 251-й у железнодорожного разъезда Дубосеково проявили массовый героизм 28 солдат – истребителей танков 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка во главе с политруком В. Г. Клочковым, которые вступили в неравный бой с несколькими десятками вражеских танков.

С утра 17 ноября противник возобновил наступление, вводя все новые части. Холода сковали болота, и теперь танковые и

моторизованные соединения – основная ударная сила врага – получили большую свободу действий. Они обходили населенные пункты, двигались по перелескам и мелколесью. Если же противник не мог обойти позиции войск 16-й армии, то стягивал для прорыва массу танков, атаки сопровождались сильным артиллерийским и минометным огнем, а с воздуха наступавшие немецкие части поддерживали пикирующие бомбардировщики. В ответ Рокоссовский применил тактику активного маневрирования «кочующими» батареями и отдельными орудиями и танками. Они перехватывали вражеские танки и расстреливали их в упор. Борьбе с отдельными танковыми группами очень помогали саперы. Передвигаясь на автомашинах, они ставили на пути врага мины и фугасы. Однако враг был еще силен и продолжал непрерывно наносить удары.

В ходе боевых действий большие потери понесли 17-я и 44-я кавалерийские дивизии. Так, в 17-й кавалерийской дивизии они составили 75% личного состава. О том, как нещадно уничтожались 17 ноября в районе Мусино советские кавалеристы, свидетельствует запись в документах немецкой 4-й танковой группы:

«Внезапно в направлении намеченного наступления полка показывается 60—70 конных, которые после нескольких выстрелов нашей артиллерии скрываются в глубине леса. Но наше командование рассчитывает на наличие у противника кавалерии, поэтому появлению конных не придается особого значения… Неожиданно в 3000 метрах от нас на опушке леса появляются конные. Сначала их немного, потом 50, 100, 300, и, наконец, справа и слева из гущи леса на запад несутся все новые массы конницы. Нам все еще не верится, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном, как кажется, только для парадов. Правда, при случае говорили об этой возможности, говорили также о небольших конных атаках в оборонительных боях под Смоленском, но атака силами более чем одного эскадрона против нашего совершенного оружия и на местности, над которой полностью господствуем мы, кажется безрассудным предприятием.

И, тем не менее, противник пускает в ход этот свой последний козырь. Появляющиеся в беспорядке из леса массы конницы незаметно и быстро принимают боевой порядок. Теперь это уже три шеренги, эшелонирующиеся друг за другом, которые скачут в южном направлении, удаляясь от леса.

Это непередаваемо прекрасное зрелище, когда в ясном солнечном зимнем ландшафте, седло к седлу, низко нагнувшись к шеям лошадей, с блестящими саблями наголо кавалерийский полк

несется в атаку. Кажется, что вернулись времена монгольского нашествия, и неудержимый поток маленьких черных косматых лошадей с вросшими в них азиатами стремительно врывается в страны запада…

Огонь наших артиллеристов образует сплошную стену. Лошадиные трупы взлетают на воздух. Невозможно разобрать, где люди, где кони. Эскадрон потерял управление и цель своего наступления. То, что совсем недавно было картиной, напоминающей парад, теперь превратилось в беспомощную массу. Небольшие группы лошадей без седоков, все в пене, скачут в разные стороны. Вся масса эскадрона топчется бесцельно на месте. То вправо, то влево уносятся одичавшие в этом аду кони, давя все, что осталось живого на своем пути. Немногие еще усидевшие на конях кавалеристы тонут в этой сплошной массе, и наша артиллерия добивает последние остатки атакующих.

И вот из леса несется в атаку второй конный полк. Невозможно представить себе, что после такой гибели всех эскадронов первого полка кошмарное представление повторится вновь. Направление атаки и расстояние теперь известно, и гибель второго полка происходит еще быстрее, чем первого. Только 30 кавалеристов во главе с офицером на прекрасном коне подскакивают почти к самой деревне, и здесь они гибнут в огне наших пулеметов.

Глубокая тишина воцаряется над полем боя. Все смотрят туда, где только что, как во сне, неслись многочисленные кони. Одна из первых больших конных атак Второй мировой войны произошла под Москвой. Надо надеяться, что она была первой и последней в этой войне, а может быть, и во всей военной истории[278]».

Стремясь лишить врага возможности использовать для отдыха захваченные им населенные пункты, Ставка ВГК 17 ноября издала приказ № 0428[279]. В нем требовалось: «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». С этой целью необходимо «разрушать и сжигать дотл а все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог». Для решения этой задачи предусматривалось использовать авиацию, артиллерию и минометы, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы. В каждом полку предписывалось создавать команды охотников по 20—30 человек для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых

располагаются войска противника.

Приказ Ставки ВГК выполнялся командованием Западного фронта неукоснительно. 29 ноября Жуков и Булганин доложили Сталину и Шапошникову, что в дивизиях и полках началось формирование команд охотников; на территорию, занятую противником, разведывательными органами особого отдела направлены диверсионные группы, общим числом до 500 человек; армиям выделены по эскадрилье самолетов Р-5 и У-2, всего 45 самолетов. «К концу ноября сожжено и разрушено 398 населенных пунктов, из них: в 30-й армии – 105, в 16-й – 113, в 5-й – 55, в 33-й —17, в 43-й – 24, в 29-й – 52, в 50-й армии – 32 пункта[280]».

Противник, наращивая свои усилия, бросил против левого фланга 16-й армии четыре танковые дивизии и моторизованную дивизию СС, а 18 ноября и 252-ю пехотную дивизию. Ему удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии и создать угрозу выхода в тыл 16-й армии. В этот критический момент в сражение была введена 78-я стрелковая дивизия А. П. Белобородова. Она нанесла удар во фланг наступающим немецким войскам, опрокинула и отбросила их. Лишь перебросив на это направление новые части, противник сумел приостановить дальнейшее продвижение 78-й стрелковой дивизии. *«Уже в первые дни наступления завязываются жестокие бои, особенно упорные на участке дивизии СС «Райх»,* – отмечалось в отчете штаба 4-й танковой группы. – *Ей противостоит 78-я сибирская стрелковая дивизия, которая не оставляет без боя ни одной деревни, ни одной рощи. Благодаря ее упорству в боях эта дивизия была переименована в 9-ю гвардейскую дивизию. В населенных пунктах Ново-Городище и Слобода завязываются ожесточенные уличные бои, которые затем повторяются в Никольское и Селиваниха. У дивизии СС особые счеты с сибиряками. Ни одна из сторон не знает пощады*[281]».

Не только 78-я стрелковая дивизия проявила героизм и самопожертвование. Столь же героически сражалась и 316-я стрелковая дивизия. Президиум Верховного Совета СССР наградил ее 17 ноября орденом Красного Знамени, а на следующий день она получила наименование 8-й гвардейской. Однако ее командиру не пришлось водить в бой гвардейцев. 18 ноября в бою у населенного пункта Гусенево генерал Панфилов был убит осколком мины.

Упорные бои с превосходящими силами противника в полосе 16-й армии продолжались 19 и 20 ноября. Вот что говорилось в статье «Еще больше упорства, отваги и умения в защите Москвы!», опубликованной 20 ноября в «Красной Звезде»: *«На*

волоколамском направлении фронта противник в течение нескольких дней бросает в бой многочисленные полки и танковые дивизии. Бои здесь носят исключительно ожесточенный и кровопролитный характер. Потери немцев огромны. Так, за 17 ноября нами уничтожено 34 фашистских танка и 660 солдат. Но немцы не считаются с потерями. Они бросают в бой новые части. Под напором превосходящих сил врага наши войска на отдельных участках отошли на новые оборонительные рубежи, все усиливая свое сопротивление».

Газеты, естественно, не сообщали своим читателям всей правды. А ведь потери войск 16-й армии резко возросли. В 50-й кавалерийской дивизии оставалось 160 сабель, а в 53-й кавалерийской дивизии – 514 сабель и штыков[282]. 1-я гвардейская, 23, 27-я и 28-я танковые бригады имели всего 15 исправных танков. 78-я стрелковая дивизия потеряла до 60% личного состава.[283]

Под натиском врага правофланговые соединения 16-й армии отходили севернее Истринского водохранилища. В дальнейшем на солнечногорском направлении правый фланг разделился на две группы. Северная группа (17-я, 24-я кавалерийские, 126-я стрелковая дивизии, курсантский полк) действовала на клинском направлении; Южная группа (кавалерийская группа генерала Доватора, 20-я, 44-я кавалерийские и 8-я гвардейская стрелковая дивизии) вела оборонительные бои в районе Истринского водохранилища. На левом крыле армии 18-я и 78-я стрелковые дивизии имели задачей удержание рубежа р. Истра и г. Истра.

Контрудар, нанесенный в соответствии с указанием Сталина, силами 49-й армии также закончился неудачей. Войска этой армии в течение шести дней вели ожесточенные бои, добились небольшого территориального успеха, но понесли огромные потери. Однако им удалось сковать левофланговые соединения 4-й полевой армии противника, в результате чего немецкое командование не смогло использовать их в запланированном наступлении на Москву.

Командование группы армий «Центр», видимо, убедилось, что на волоколамском направлении ему не прорвать оборону. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно (по два-три километра за сутки) тесня части 16-й армии, оно начало готовить прорыв южнее Истринского водохранилища. Это решение обусловливалось еще и тем, что противник, наступавший вдоль северного берега водохранилища на участке Калининского фронта, сумел захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва – Ленинград. Само водохранилище, р. Истра и прилегающая местность представляли прекрасный

рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по мнению Рокоссовского, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, он связался с Жуковым и попросил у командующего фронтом разрешения отвести войска на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силой отбросит туда наши войска и на их плечах форсирует реку и водохранилище. Однако Жуков не принял во внимание просьбу командующего 16-й армией и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

«Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным, – вспоминал Рокоссовский. – *Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует*[284]».

Рокоссовский приказал начальнику штаба армии немедленно подготовить распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставлялись усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника. Не успели еще все войска 16-й армии получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

Рокоссовский пишет: *«Что поделаешь – приказ есть приказ, и мы, как солдаты, ему подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдарм. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. Его войска выходили во фланг и в тыл оборонявшейся у нас на правом фланге 126-й стрелковой дивизии, а она и до этого была сильно ослаблена и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера…*[285]»

В беседе со слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1962 г. Рокоссовский также отмечал: «Жуков был не прав (когда

запретил 16-й армии отходить за Истринское водохранилище. – *Авт.*). Допущенная им в этот день при разговоре по телефону ВЧ грубость переходила всякие границы. Я заявил, что если он не изменит тона, то прерву разговор».

На клинском и солнечногорском направлениях создалась весьма тяжелая обстановка. Противник, пытаясь выйти на ближние подступы к Москве, принял меры для усиления натиска на войска Западного фронта. 20 ноября в штаб группы армий «Центр» поступила директива Верховного Главнокомандования вермахта:

«*Целью операции на северном фланге ГА* (группы армий. – *Авт.*) *«Центр» должно быть уничтожение противника в районе г. Клин путем двойного охвата. Для этого северный фланг действующих здесь моторизованных войск по достижении дороги Клин – изгиб р. Волга восточнее ст. Редкино должен быть повернут на восток, в то время как силы, наступающие южнее, продвигаясь сначала к востоку, через район Истра в направлении район Солнечногорский, содействовали бы успеху наступления северной группы. Обеспечение этой операции с востока должны взять на себя другие моторизованные соединения (например, смененные под г. Калинин). По завершении этой операции планируется путем взаимодействия сил, участвующих в наступлении на обоих флангах, прорвать фронт пояса обороны Москвы по обеим сторонам автострады. Наступление в направлении Ярославля предусматривается в том случае, если после завершения этой наступательной операции по прорыву пояса обороны Москвы в распоряжении будет иметься достаточное количество сил*[286]».

21 ноября немцы продолжили наступление на правом крыле Западного фронта в направлении Клин – Солнечногорск. Оно велось двумя группами: завидовской – в составе 6-й танковой, 14-й моторизованной дивизий и тургиновской – в составе частей 86-й пехотной и 7-й танковой дивизий. Одновременно 2-я танковая армия генерала Гудериана прорвалась на левом крыле фронта к Сталиногорску (Новомосковск), обойдя Тулу с востока. В результате возникла угроза прорыва врага на Каширу. Однако к этому времени противник действовал уже на пределе возможного. Генерал Гальдер в этот же день отмечал: «Войска совершенно измотаны и не способны к наступлению… Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой в сражении на Марне (сражение между французскими и немецкими войсками на реке Марна в июле – августе 1918 г. в ходе Первой мировой войны. – *Авт.*), указывая, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения[287]».

Это понимало и командование Западного фронта. В приказе, подписанном 21 ноября Жуковым и Булганиным, говорилось:

«Борьба за подступы к Москве за последние шесть дней приняла решающий характер. Противник шесть дней напрягает последние усилия, собрав резервы, ведет наступление на фронте 30, 16, 5 и 50-й армий. Опыт борьбы шести дней показывает, что войска понимают решающее значение происходящих ожесточенных сражений. Об этом говорит героическое сопротивление, переходящее в ожесточенные контратаки доблестно дерущихся 50, 53-й кавалерийских дивизий, 8 гвардейской, 413 стрелковых дивизий и первой гвардейской, 27-й, 28-й танковых бригад и других частей и соединений. Однако имели место факты нарушения отдельными командирами известного приказа о категорическом, под страхом немедленного расстрела, запрещении самовольного отхода с занимаемых позиций. Такой позорный факт допустили командиры и комиссары 17-й и 24-й кавалерийских дивизий.

Теперь, когда борьба за Москву вступила в решающую стадию, самовольное оставление позиций равносильно измене Родине.

Приказываю:

1. Командиров и комиссаров 17, 24-й кавалерийских дивизий арестовать и предать суду. Командарму 30-й провести это в жизнь.

2. Предупредить всех командиров частей, соединений и всех подразделений о том, что в настоящих решающих сражениях они несут особо строгую ответственность за выполнение всех боевых приказов и боевых задач.

3. Всякое нарушение приказа о запрещении самовольного отхода и оставлении позиций будет беспощадно караться. Этого требует от нас обстановка и важность исхода происходящих сражений…[288]»

В тот же день, 21 ноября, Жуков вызвал Рокоссовского к прямому проводу и потребовал кратко доложить обстановку.

– Противник пытается прорваться от Теряевой Слободы к Клину и от Ново-Петровского к Истре, – сказал Константин Константинович.

– Это понятно. Противник подходит к Клину и с севера. Как обеспечена оборона?

Рокоссовский перечислил все немногие части, которые он мог привлечь для защиты этих городов.

– Клин и Солнечногорск – главное. Рокоссовскому лично выехать в Солнечногорск, Лобачеву – в Клин. Обеспечьте оборону этих городов.

Спустя час машина командующего 16-й армией с охраной в сумерках медленно ползла по дороге в Солнечногорск. После

морозов наступила оттепель. Дорога вновь раскисла. В эту ночь в Солнечногорск попасть Рокоссовскому не удалось. Город еще оставался в руках советских солдат, но дороги к нему противник уже перерезал, и на окраинах города шли ожесточенные схватки с немецкими частями. Приняв необходимые меры, чтобы замедлить продвижение противника к югу и востоку от Солнечногорска, Константин Константинович поспешил на правый фланг армии, к Клину. К этому времени четыре танковые и две пехотные дивизии вермахта окружали город, открытым оставался только путь на восток. Изучив обстановку, Рокоссовский пришел к неутешительному выводу: оборонять Клин некому, следует думать лишь о том, чтобы задержать продвижение врага в восточном направлении, к Яхроме и Дмитрову. Эту задачу Рокоссовский возложил на своего заместителя генерал-майора Ф. Д. Захарова. Но сил для того, чтобы остановить наступавшие вражеские войска, не хватало. В распоряжении командующего 16-й армии имелись лишь обескровленная 126-я стрелковая дивизия, очень слабая 17-я кавалерийская дивизия, 25-я танковая бригада, в которой осталось всего двенадцать танков, причем только четыре Т-34.

Предоставив генералу Захарову полную самостоятельность в руководстве войсками, находившимися в Клину и восточнее его, Рокоссовский вместе с членом военного совета попытался соединиться со штабом фронта, чтобы немедленно доложить о сложившейся обстановке. К этому времени немецкие танки уже ворвались в Клин с севера, и на улицах города шел бой. Рокоссовский по «Бодо» доложил начальнику штаба фронта генералу Соколовскому, что части дерутся геройски, но несут большие потери, а потому нужны подкрепления. На это Соколовский ответил, что рассчитывать на помощь в настоящий момент не приходится. Рокоссовский сообщил:

– Бои идут непосредственно в Клину, на его окраинах. Остался выход только на восток, к Рогачеву, а на юг, к Солнечногорску, дорога перерезана.

Разговор прервал близкий разрыв снаряда, здание телеграфа заходило ходуном, вылетели стекла, посыпалась штукатурка, а угол дома обвалился: снаряд срезал его. Но телеграф все еще работал. Соколовский сказал:

– Организуйте защиту города до конца, сосредоточьте все внимание на организации отпора врагу на флангах. И только в крайнем случае отойдите.

– По зданию, откуда говорим, ударил снаряд, идем принимать меры. До свидания.

После этого Рокоссовский направился к выходу. Путь к

вспомогательному пункту управления, разместившемуся в здании клинской хлебопекарни, пришлось делать перебежками. На улицах города рвались снаряды и мины, пулеметные очереди раздавались совсем близко. Еще раз проинструктировав генерала Захарова и приказав оборонять город до последней возможности, а затем отступать на Дмитров, Рокоссовский с Лобачевым около 12 часов дня покинули горящий город.

Но даже на дороге, еще остававшейся свободной для проезда, машины командарма и сопровождавших несколько раз были обстреляны немецкими танками. Реку Сестру переехали по слабому еще льду и на противоположном берегу подверглись обстрелу одиночного немецкого танка. Прямым попаданием снаряда штабная машина со счетверенной пулеметной установкой была разбита, остальных выручила только скорость. Сразу же за Сестрой натолкнулись на батальон танков 25-й танковой бригады, следовавшей к Клину.

– Приказываю уничтожить вражеский танк, который нас только что обстрелял, – велел командиру батальона Рокоссовский.

После этого поездка прошла без происшествий. Поскольку в Солнечногорске уже находился враг, пришлось совершать объезд через Рогачево. В городе никаких воинских частей не имелось, и оборонять его было явно некому. Дальнейший путь на юг, к Москве, Рокоссовский и сопровождавшие его лица проделали поздним вечером на двух легковых автомашинах. Глубокой ночью с 23 на 24 ноября Константин Константинович наконец добрался до штаба армии.

В результате захвата противником Клина между 30-й и 16-й армиями образовался разрыв, и создалась реальная угроза прорыва обороны Западного фронта и обхода противником его правого крыла. В руки немецкого командования попала оперативная карта штаба Западного фронта, что позволило ему сделать вывод, что советское командование «планирует оставить район к западу от канала им. Москвы и вновь занять оборону на линии Яхрома – Солнечногорск – Истринское водохранилище. Сильные минные заграждения и преграды различного рода, встречаемые войсками 3-й танковой группы, подтверждают данные этой карты[289]».

Немецкое командование усилило свою северную подвижную группировку до четырех танковых (6, 7, 2-я и 11-я), двух мотопехотных (14-я, 36-я) и одной пехотной (106-я) дивизий. Эта группировка в течение 24 и 25 ноября продолжала наступать на Рогачево, Дмитров и по Ленинградскому шоссе на Солнечногорск, Черную Грязь. Одновременно часть наступающих подразделений

вела бои за полное овладение районом Клина, где ожесточенно оборонялись малочисленные войска 30-й армии (107-я мотострелковая, 24-я кавалерийская дивизии, остатки 58-й танковой дивизии, 8-й и 21-й танковых бригад) и 16-й армии (126-я стрелковая дивизия, остатки курсантского полка, 25-я и 31-я танковые бригады). Для прикрытия солнечногорского направления Рокоссовский направил с другого участка кавалерийскую группу генерала Доватора, усилив ее двумя танковыми батальонами и двумя батальонами 8-й гвардейской стрелковой дивизии. Других резервов в распоряжении командующего 16-й армии не осталось.

Так как солнечногорское направление являлось кратчайшим на пути к Москве, Рокоссовский решил перенести временный КП армии поближе к Москве, в деревню Пешки, а основной КП расположить в Льялове. Ехать пришлось кружными путями, чтобы не напороться на немецкие танки. В Пешки добрались лишь к вечеру 24 ноября. В каменном доме, около которого стоял танк Т-34, Рокоссовский нашел группу командиров во главе с генералами А. В. Куркиным и И. П. Камерой, посланными сюда командованием фронта для выяснения обстановки. Некоторое время Рокоссовский прислушивался к спорам, бушевавшим в комнате, а затем обратился к генералу Куркину:

– Товарищ генерал, я направлен сюда по распоряжению командующего фронтом. Генерал Жуков поручил мне организовать взаимодействие армейских и фронтовых частей. В такой обстановке это сделать невозможно. Прошу вас оставить нас, предварительно сообщив, что происходит на фронте и какими силами мы располагаем.

Предложение Рокоссовского возражений не вызвало. Генералы вскоре уехали, а Камера на прощание сказал:

– Довольно рассуждений! Здесь тот, кто отвечает за оборону на этом участке, не будем ему мешать.

После отъезда представителей штаба фронта выяснилось, что севернее деревни Пешки имеются лишь незначительные группы красноармейцев да танки, прибывшие по распоряжению командования фронта для прикрытия дороги на Москву. Командир-танкист находился здесь же, в штабе. Соединения и части 16-й армии еще не успели выйти в назначенные им районы. Внезапно Пешки подверглись артиллерийскому обстрелу. Поблизости от дома, в котором находился командарм, начали рваться снаряды.

– Вы знаете, где ваши танки и что они делают? – обратился Рокоссовский к командиру танкистов.

– Я оставил на позициях севернее деревни два танка, товарищ

генерал. Остальные отправил заправляться в Дурыкино.

Ответ удивил и рассердил командарма.

– Есть у вас уверенность, что и эти два танка не отправились туда же на заправку?

Танкист молчал.

– Вы должны знать, что на войне, да еще в такое время, горючее подвозят к танкам из тыла, а не наоборот. Приказываю немедленно возвратить все танки в Пешки!

Танкист откозырял и вышел исполнять приказание. В дверях он столкнулся с командиром-связистом.

– Товарищ генерал, немецкие танки в сопровождении автоматчиков в деревне!

– Час от часу не легче! – вырвалось у Лобачева.

В довершение Рокоссовского потребовали к телефону. Говорил командующий Западным фронтом. Выслушав сообщение командующего 16-й армией, Жуков потребовал от него немедленного перехода в наступление на Солнечногорск. Рокоссовский, естественно, попытался убедить Жукова в том, что для перехода в наступление нет ни боеприпасов, ни достаточного количества танков и что на переднем крае в ротах осталось по пятнадцать – двадцать человек. Доводы, казалось, достаточно убедительные. Но не для Жукова: он «разошелся», как обычно, упрекая командующего 16-й армией в нежелании наступать, требовал немедленного выполнения приказа.

Здесь следует упомянуть, что уже после войны и после того как Жукова отстранили от должности министра обороны, Георгий Константинович не единожды упрекал себя, беседуя с генералом Телегиным.

– Мы с Костей Рокоссовским одногодки. Учились в Ленинграде на Высших кавалерийских курсах… Кони наши стояли рядом… А вот обижал я его той московской зимой под горячую руку напрасно…

Такие инциденты были не редкостью в то время. В мемуарах Рокоссовского приводится еще один пример. Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю стрелковую дивизию, на КП 16-й армии приехал Г. К. Жуков вместе с командующим 5-й армией генералом Л. А. Говоровым. Увидев командующего фронтом, Рокоссовский приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше. Обращаясь к Рокоссовскому в присутствии Говорова и ближайших помощников командующего 16-й армией, Жуков заявил:

– Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы

их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать.

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали как раз против 16-й армии, против 5-й же – только пехотные. Выслушав это заявление, Рокоссовский с самым серьезным видом поблагодарил Жукова за то, что он предоставил ему и его помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно. Жуков, не ответив, вышел в другую комнату. Рокоссовский и Говоров стали обсуждать действия противника и решать, как лучше ему противостоять. Вдруг, хлопнув дверью, вбежал Жуков. Вид его был грозным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом:

– Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение…

Рокоссовский, вспоминая этот эпизод, писал: «Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался. Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм-5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта. После бурного разговора с Говоровым пыл комфронтом несколько поубавился. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова[290]».

Рокоссовский, вспоминая о подобных инцидентах, отмечал: *«Все мы, от солдата до командарма, чувствовали, что наступили те решающие дни, когда во что бы то ни стало нужно устоять. Все горели этим единственным желанием, и каждый старался сделать все от него зависящее и как можно лучше. Этих людей не нужно было понукать. Армия, прошедшая горнило таких боев, сознавала всю меру своей ответственности. Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимыми качествами всякого начальника являются его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же – в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что*

ему доверяют, в его силы верят, на него надеются… К сожалению, командующий нашим Западным фронтом не всегда учитывал это… Высокая требовательность – необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку[291]».

24 ноября противник вплотную подошел к Истринскому водохранилищу. Ему удалось потеснить левофланговые части и соединения 30-й армии, которые отходили в район Алешино, к югу от Рогачево. В результате ухудшилось положение на правом фланге 16-й армии. Ее войска, упорно обороняясь, также отходили. Потери росли, а восполнить их было нечем. В 78-й стрелковой дивизии, преобразованной 26 ноября в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, потери к этому времени достигли 60%. В полках кавалерийского корпуса Доватора в среднем насчитывалось по 60—100 бойцов. 1-я гвардейская, 23, 27 и 28-я танковые бригады, вместе взятые, имели лишь 15 исправных танков.

Командир 1-й гвардейской танковой бригады Катуков после ее отхода в ночь на 26 ноября на восточный берег Истры обратился к командующему армией с просьбой предоставить бригаде два-три дня на приведение материальной части в порядок. Через несколько часов он получил ответ Рокоссовского: «Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т. п. Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен. Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого требует обстановка. Налаживайте все в процессе боя и походов[292]». Ответ командарма диктовался напряжением, с которым шли бои на участке 16-й армии и в первую очередь на солнечногорском направлении. Здесь противник ближе всего подошел к Москве. Вдоль Волоколамского и Ленинградского шоссе, так же как и в промежутках между этими магистралями, развернулось решающее сражение.

Для того чтобы преградить противнику дорогу на Москву, водоспуски Истринского водохранилища по окончании переправы войск 16-й армии были взорваны. В результате образовался водяной поток высотой до 2,5 м на протяжении до 50 км к югу от водохранилища. Попытки противника закрыть водоспуски успехом не увенчались. Ему пришлось задержаться на водном рубеже и организовать форсирование этой преграды. Кроме того, он затратил немало усилий на преодоление проходившего здесь

промежуточного оборонительного рубежа Солнечногорск, Истринское водохранилище, г. Истра, Павловская Слобода, заранее подготовленного инженерными частями.

Продвижение немецких войск вынудило Рокоссовского перенести свой штаб из Льялово в Крюково. Произошло этого после того, как на северо-восточную окраину Льялово неожиданно ворвались немецкие танки. В отражении их атаки приняли участие даже офицеры штаба армии. Благодаря присутствию дивизиона 85-миллиметровых противотанковых пушек с этой опасностью удалось справиться. Артиллеристы подбили несколько танков, противник откатился. Рокоссовский не случайно выбрал Крюково для размещения штаба армии. В приказе военного совета Западного фронта отмечалось: «Крюково – последний пункт отхода, и дальше отступать нельзя. Отступать больше некуда. Любыми, самыми крайними мерами немедленно добиться перелома, прекратить отход. Каждый дальнейший ваш шаг назад – это срыв обороны Москвы. Всему командному составу снизу доверху быть в подразделениях, на поле боя…[293]»

В Крюково К. К. Рокоссовский встретился с военврачом Г. В. Талановой. У них завязался роман. Директор Свободинского музея «КП Центрального фронта» В. В. Озерова, по данным газеты «Труд. ru» от 8 сентября 2005 г., рассказывала:

– Галина Васильевна показала мне альбом, в котором много фотографий военной поры. На снимках они с Константином Константиновичем рядышком, вместе. Видно, хотели вот так продлить свое счастье. Много и писем Рокоссовского. И все – в стихах. Огромные карие глаза Галины Васильевны сияли, когда она читала мне те поэтические послания. Те стихи очень-очень личные. Предназначены ей, и только ей, – «незабвенной соловушке», как называл он ее в письме из-под Курска. У Рокоссовского к Галине было глубокое, серьезное чувство. Они ведь прошли вместе всю войну…

Что можно сказать по этому поводу? Рокоссовский, мужчина в расцвете сил, был не по своей воле лишен женского тепла: почти три года провел в заключении, а затем война лишила его возможности быть рядом с женой. Не устоял он перед огромными карими глазами Талановой. Случай не редкий для войны. Вспомним маршала Жукова и военфельдшера Лидию Захарову…

В связи с выходом противника к Льялово генерал армии Жуков удовлетворил настойчивую просьбу Рокоссовского и, несмотря на недостаток резервов, прислал на усиление 16-й армии одну танковую бригаду, очень малочисленную, но с опытным командиром Ф. Т. Ремизовым, затем – стрелковый,

отдельный кавалерийский, пушечный и противотанковый полки. Получив подкрепление, войска армии по приказу Жукова предприняли попытку контрудара по ворвавшейся в район Льялово вражеской группировке. Большого успеха не достигли, но продвижение немцев на некоторое время задержали.

«Вспоминая те дни, я мысленно представляю себе нашу 16-ю армию, – писал Константин Константинович. – *Обессиленная многочисленными потерями, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор, ослабляя его силы. Отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и это ей удавалось. Остановить врага полностью она еще не могла, но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии*[294]».

Отход войск армии вызывал большую обеспокоенность у Рокоссовского. Но что он мог противопоставить врагу? Потери армии росли. Помощь от командующего Западным фронтом поступала в небольшом количестве. Жукову приходилось постоянно латать дыры то в одном, то в другом месте. Поэтому Рокоссовскому, как и другим командармам, приходилось в основном полагаться на свои силы. В этой обстановке любой вызов к аппарату ВЧ мог означать очередной разнос со стороны вышестоящего начальства. Однажды Рокоссовскому, только что возвратившемуся на свой командный пункт с истринской позиции, дежурный по штабу армии доложил, что его вызывает к ВЧ Сталин. Рокоссовский приготовился к худшему: его войска вновь были вынуждены отступить, незначительно, но все же отступили…

– Генерал-лейтенант Рокоссовский слушает, – начал он разговор.

В ответ послышался спокойный, ровный голос Сталина:

– Доложите, пожалуйста, какова обстановка на истринском рубеже.

Рокоссовский, стараясь одновременно быть и кратким, и исчерпывающим, стал докладывать, что хотя войска и отступили, но он намерен предпринять контратаки.

Сталин прервал его:

– О ваших мероприятиях говорить не надо.

Из тона его голоса Рокоссовский почувствовал, что Сталин хочет подчеркнуть свое доверие, что он звонит не для того, чтобы сделать выговор.

– Вам тяжело?

– Да, товарищ Сталин, очень тяжело. Очень…

Сталин немного помолчал:

– Я понимаю. Прошу вас продержаться еще некоторое время, мы вам поможем…

На следующее утро поступила и обещанная помощь: полк «катюш», два полка противотанковой артиллерии, четыре роты солдат с ПТР, три батальона танков и 2 тыс. москвичей для пополнения измотанных частей 16-й армии. Помощь пришла своевременно. Противник уже выдыхался, но был еще способен прорываться то в одном, то в другом месте. Бои на северо-западе от Москвы бушевали с прежней ожесточенностью.

Генерал-фельдмаршал фон Бок, подгоняемый приказами Гитлера и приближающимися холодами, предпринял 27 ноября еще одну отчаянную попытку прорваться к Москве, на этот раз по Дмитровскому шоссе. Под напором превосходящих сил противника левофланговые соединения 30-й армии отошли на восточный берег канала Москва – Волга. В ночь на 28 ноября передовой отряд 7-й танковой дивизии вермахта захватил Яхрому и мост через канал. В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее. 30 ноября противник занял Красную Поляну, подойдя к Москве на расстояние пушечного выстрела. Около трех часов ночи Сталин вновь вызвал по ВЧ командующего 16-й армией. Выслушав доклад Рокоссовского, Сталин спросил:

– Известно ли вам, что в районе Красной Поляны появились немецкие части? Что вы предпринимаете, чтобы их отбросить? Учтите, есть сведения, что из района Красной Поляны они намерены обстреливать Москву крупнокалиберной артиллерией.

– Товарищ Сталин, мне известно о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны, – отвечал Рокоссовский, – и я уже подтягиваю туда силы с других участков. Только сил этих очень уж мало…

– Очистите район Красной Поляны от противника, а мы сейчас же отдадим распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны.

Спустя час начальник штаба фронта генерал Соколовский сообщил командующему 16-й армией, что из фронтового резерва для атаки Красной Поляны посланы танковая бригада, артиллерийский полк и четыре дивизиона «катюш». К этому времени Рокоссовский уже отправил туда все, что смог собрать, – два батальона пехоты и два пушечных полка.

С рассветом артиллерия 16-й армии открыла огонь по позициям врага в Красной Поляне. Бой продолжался весь день, и лишь с наступлением темноты танковые части армии при поддержке артиллерии ворвались в Красную Поляну, захватили пленных, машины, артиллерийские орудия. Угроза обстрела Москвы была ликвидирована.

В начале декабря противник в полосе обороны 16-й армии

вел наступление четырьмя ударными группировками. Из района Красная Поляна, Клушино 106-я пехотная и 2-я танковая дивизии вермахта попытались прорваться к северной окраине Москвы. Вдоль Ленинградского шоссе из района Льялово, Алабушево, Крюково, Бакеево наступали 5-я, 11-я танковые и 35-я пехотная дивизии немцев. Восточнее Истры в юго-восточном направлении наносили удары пехотная дивизия СС и 10-я танковая дивизия. Юго-западнее Дедовска вдоль Истринского шоссе на Красногорск продвигались 252-я и 87-я пехотные дивизии.

В это время Сталин неожиданно позвонил Жукову и устроил ему разнос. Верховному Главнокомандующему доложили, что противник захватил Дедовск, а командующий фронтом не ведает об этом ни сном ни духом. Распалившись, Сталин приказал Жукову немедленно выехать на место, лично организовать контратаку и Дедовск отбить. Связавшись с Рокоссовским, командующий фронтом выяснил, что произошла ошибка, Дедовск советские войска продолжают удерживать, а захвачена деревенька Дедово. 2 декабря в третьем часу ночи Жуков доложил Сталину:

«Сегодня на всех участках фронта Рокоссовского противник вел упорные атаки пехоты. Атаки поддерживались танками. Частями Рокоссовского все атаки отбиты. Завтра с утра начинаем контратаку дедовской группировки противника. К району атаки подтянуто 70 танков, 3 дивизиона РС, до 100 орудий. Контратаку проводит 9-я гвардейская дивизия, усиленная 40-й стрелковой бригадой. Частью сил помогает 18 сд. Будет привлечена авиация[295]».

3 декабря Жуков доложил Сталину об исполнении приказа: силами стрелковой роты при поддержке двух танков красноармейцы выбили взвод противника из деревни Дедово.

2 декабря противнику удалось захватить Крюково, этот важный узел дорог в непосредственной близости от Москвы. Уже в ночь на 3 декабря Рокоссовский приказал командиру 8-й гвардейской стрелковой дивизии вернуть поселок, и такая попытка была предпринята, но отбить удалось лишь восточную часть Крюкова. Противник, сосредоточив два батальона пехоты (35-й пехотной дивизии) и 60 танков (5-й танковой дивизии), оказал упорное сопротивление. Для этого использовались танки в засадах из-за домов, а также противотанковые орудия и пулеметы, установленные в домах и сараях. С 3 по 6 декабря 8-я гвардейская стрелковая дивизия девять раз атаковала крюковский узел сопротивления. Поселок переходил из рук в руки.

К исходу 5 декабря части 18-й стрелковой дивизии и 145-я танковая бригада, сломив упорное сопротивление врага, сумели овладеть Шеметковым. Преследуя врага, они заняли

Надовражино. 9-я гвардейская стрелковая дивизия, 17-я танковая и 40-я стрелковая бригады овладели Нефедьевом, Туровом и развивали наступление на Петровское.

Противник предпринимал попытки прорваться к Москве и на других направлениях. Он нанес удар на участке 33-й армии, где до этого царило относительное затишье. Следом неожиданно был прорван фронт в центре, в районе Наро-Фоминска, и немецкие части устремились на север, на Кубинку, и на восток, в направлении Апрелевки. Командующий Западным фронтом ввел в бой танковые и стрелковые части, ряд других подразделений из резерва, сам выехал в войска для руководства боем. К Кубинке враг не смог пробиться, а в районе Апрелевки ему был нанесен внушительный контрудар. Вскоре положение восстановили и в районе Наро-Фоминска, прорыв на этом участке фронта удалось ликвидировать.

К 5 декабря войска Западного фронта смогли остановить продвижение группы армий «Центр» на правом и левом крыльях. Недосягаемой для противника оказалась не только Москва, но и Тула. За двадцать дней противник продвинулся на 80—110 км, но для дальнейшего наступления сил у него не осталось. Войскам Западного фронта под руководством Жукова удалось окончательно остановить мощнейшую группировку врага, и это означало провал его последней попытки захватить столицу.

«Наступление на Москву провалилось, – писал Гудериан. – *Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования привело в ближайшие недели к роковым последствиям. Главное командование сухопутных войск, находясь в далекой от фронта Восточной Пруссии, не имело никакого представления о действительном положении своих войск в условиях зимы, хотя и получало об этом многочисленные доклады. Это незнание обстановки все время вело к новым невыполнимым требованиям*[296]».

Командующий группой армий «Центр» 1 декабря докладывал Верховному главнокомандованию: *«Сражения последних 14 дней показали, что «полное уничтожение» противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. Остановиться у ворот Москвы, где сеть шоссейных и железных дорог является наиболее густой во всей восточной России, означает завязать тяжелые позиционные бои против значительно превосходящего нас по численности противника. Между тем войска группы армий совершенно к этому не готовы. Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не*

хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и цели, особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью[297]». Фон Бок считал, что если войскам его группы армий придется вести зимой оборонительные бои, то это возможно лишь при условии усиления ее крупными резервами, не менее 12 дивизий. Кроме того, необходимо было навести порядок на железных дорогах для обеспечения регулярного снабжения войск и создания необходимых запасов. Если оба эти условия не будут соблюдены, то следует найти в тылу группы армий удобные для обороны «спрямленные позиции», которые войска смогут занять, как только соответствующий приказ будет отдан.

В том, что замысел противника окружить Москву не удался, большая заслуга принадлежит войскам Западного фронта, в том числе и 16-й армии. Ее командующий генерал К. К. Рокоссовский показал, что способен успешно командовать оперативным объединением, решать задачи не только тактического, но и оперативного масштаба. В ожесточенных оборонительных сражениях в начале декабря 1941 г. Константин Константинович, имея в своем распоряжении всего около 90 танков, сумел остановить мощную танковую группировку врага (2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии), насчитывавшую до 300 танков. Это удалось сделать благодаря тому, что оборона войск под командованием Рокоссовского была упорной, устойчивой и активной. Кроме того, своевременно перебрасывая подвижные резервы с одного угрожаемого участка на другой, Рокоссовский продемонстрировал, что является мастером маневра. Наличие резервов в армии, а также ее усиление, пусть и в незначительном количестве, за счет резервов фронта и Ставки ВГК, позволили не только упорно обороняться, но и наносить противнику контрудары. Важное значение имело и то, что командующий 16-й армией умело использовал артиллерию всех типов и калибров для поддержки своей пехоты и танков, а также для нанесения ударов по резервам противника.

Конечно, имелись и просчеты, как в использовании танков и кавалерии, так и в организации взаимодействия и управления войсками. Но главное состояло в том, что Рокоссовский своевременно учитывал опыт подготовки и проведения оборонительных и наступательных боев, принимая меры к тому, чтобы не допускать ошибки в последующем. Ведь войскам 16-й армии предстояло не только обороняться…

От обороны к наступлению

В те дни, когда на подступах к Москве шли ожесточенные сражения, когда с крыш домов подмосковных деревень немецкие солдаты пытались разглядеть в бинокли жизнь на улицах города, командование Западного фронта ни на минуту не прекращало работу, подчиненную главной цели: перехватить стратегическую инициативу и ликвидировать угрозу, нависшую над столицей. По характеру действий и силе ударов противника командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков чувствовал, что враг подошел к кризисному состоянию, когда решающее слово должен сказать «последний брошенный в бой батальон». Разработать план контрудара по противнику он поручил начальнику штаба фронта генералу В. Д. Соколовскому.

29 ноября Жуков доложил обстановку И. В. Сталину и обратился к нему с просьбой отдать приказ о начале контрнаступления. Сталин обещал посоветоваться с Генеральным штабом. Поздно вечером Жукову сообщили, что Ставка ВГК согласилась с его предложением о начале контрнаступления. До командующих Западным и Юго-Западным фронтами были доведены общие задачи, и от них требовалось представить конкретные предложения по их реализации. 30 ноября Жуков направил в Ставку ВГК план-карту контрнаступления с краткой запиской генералу А. М. Василевскому: «Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Зап. фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой[298]».

Сам план состоял из пяти лаконичных пунктов в виде пояснений к приложенной карте:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20 и 16-й армий и армии Голикова с утра 3—4 декабря, 30-й армии 5—6 декабря.

2. Состав армий согласно директив Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и

лишить его возможности переброски войск 5, 33, 43, 49 и 50 армии фронта 4—5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой – армией генерал-лейтенанта Голикова[299]».

Объяснительную записку к плану-карте Жуков написал лично, от руки. Под документом – подписи Жукова, Булганина, Соколовского. На документе резолюция синим карандашом: «Согласен. И. Сталин».

План-карта предусматривала проведение операции силами только одного Западного фронта. Она не содержала вопросы согласования ударов армий по цели, месту и времени с действиями Юго– Западного и Калининского фронтов. В принципе, этого и не требовалось, так как в стратегической наступательной операции координацию усилий фронтов осуществляла Ставка ВГК. Однако у нее не было документально оформленного замысла и плана ведения контрнаступления. Нанесенные на плане-карте красным карандашом стрелы направлений ударов показывают, что их глубина ограничивалась расстоянием в 60 км к северу от столицы и около 100 км – к югу от нее. «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, – вспоминал Жуков, – у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери[300]».

По решению Ставки ВГК к планируемой операции, кроме Западного и Юго-Западного фронтов было решено привлечь и Калининский фронт. Главная роль в предстоящем контрнаступлении отводилась войскам Западного фронта. Для поддержки контрнаступления с воздуха, кроме ВВС фронтов, предусматривалось использовать авиацию Московской зоны обороны, Московского военного округа, ПВО Москвы, дальнебомбардировочную авиацию и две резервные авиагруппы.

Замысел Московской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта, отстоявших друг от друга на 200 км, во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Активными действиями в центре Западного фронта предстояло сковать силы противника, чтобы лишить его возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений.

Войска Калининского фронта генерала И. С. Конева должны были нанести удар силами своего левого крыла, выйти в тыл

клинской группировки врага, а затем во взаимодействии с войсками правого крыла Западного фронта уничтожить ее. Войскам Юго-Западного фронта маршала С. К. Тимошенко предстояло окружить и уничтожить елецко-ливенскую группировку противника, поставив под угрозу тылы 2-й танковой армии врага, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта.

Подготовка к контрнаступлению проводилась в условиях продолжавшегося наступления войск противника. В директиве № 0047/оп командующего Западным фронтом от 4 декабря отмечалось:

«1. По всем данным, противник, действующий против правой группировки Западного фронта, выдохся и без дополнительной подготовки продолжать общее наступление сейчас не может. Действия противника за последние 2—3 дня носят характер активной обороны на всем фронте и лишь только против 1-й ударной армии противник ведет частную операцию по противодействию наступлению частей армии, переправившихся через канал.

Пехота противника сильно измотана и дерется неустойчиво. Опыт нашего контрудара по прорвавшейся группе на фронт 33-й армии показывает, что при малейшем охвате и дружной атаке нашей пехоты с танками противник, бросая все, бежит в страшной панике. В этой маленькой операции противник бросил около 50 орудий, более 50 станковых пулеметов, 47 танков и много другого вооружения. Особенно боится противник обходов и танковых атак с флангов и тыла.

Резервов у противника, по всем данным, нет, он израсходовал их полностью в 18-дневных боях. В танковых дивизиях осталось до 30% личного состава и в среднем по 40—50 танков всех марок. Снарядов и горючего у противника очень мало.

2. В целях срыва подготовки противником последующего наступления на Москву и разгрома истощенного противника приказываю:

а) от обороны перейти к решительному наступлению;

б) в основу наступления положить ряд хорошо подготовленных последовательных операций, направленных на уничтожение противника и закрепление захваченных рубежей.

Все операции должны быть тщательно продуманы и всесторонне обеспечены силами, средствами, разведкой и управлением…[301]»

Таким образом, генерал армии Жуков предусматривал последовательный разгром противника на отдельных направлениях. В соответствии с этим каждой армии ставились

конкретные задачи.

1-й ударной армии генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова предстояло перейти в наступление 3 декабря, освободить сначала из окружения группу войск генерала Ф. Д. Захарова в районе Федоровка, Каменка, а затем наступать в направлении Клина и во взаимодействии с 30-й армией справа и 20-й армией слева разбить клинско-солнечногорскую группу противника.

Командующему 30-й армией генерал-майору Д. Д. Лелюшенко было приказано с утра 6 декабря перейти в решительное наступление всеми силами. Главный удар нанести в направлении Ручьи, Борщевка, Клин, охватывая Клин с севера, вспомогательный удар – в направлении Искрина, Ново-Завидовский и в направлении Рогачево. Ближайшая задача – разбить противостоящего противника и к исходу 7 декабря овладеть Ново-Завидовский, Клин.

20-я армия генерал-лейтенанта А. А. Власова должна была с 7 часов 3 декабря перейти в решительное наступление всеми силами в общем направлении Химки, Солнечногорск, разгромить в течение 3 —6 декабря противника и овладеть Солнечногорском обходом с юго-запада и севера.

16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского предстояло с утра 7 декабря нанести удар своим правым флангом и во взаимодействии с 20-й армией наступать на Вересково, Жилино. По достижении Жилино закрепиться и оказать помощь 20-й армии в выходе на линию Рождествено, Жилино. В центре – вернуть полностью Крюково. С утра 8 декабря начать наступление своим левым флангом с ближайшей задачей выйти на линию Крюково, Бакеево, Ефремово, Истра. В дальнейшем предусматривался выход на рубеж Истринское водохранилище, р. Истра.

На 5-ю армию генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова возлагалась задача продолжать начатое контрнаступление с ближайшей задачей уничтожить противника и выйти на линию Котерево, Лукино, Ивашково, Рыбушкино.

На левом крыле фронта 10-й резервной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова предписывалось с утра 6 декабря нанести главный удар в направлении Михайлов, Сталиногорск, вспомогательный удар – одной стрелковой дивизией из района Зарайск, Коломна через Серебряные Пруды в направлении Венев, Жураково. Ближайшая задача – разбить группу генерала Гудериана и к исходу 10 декабря овладеть районом Сталиногорск, Узловая.

К началу контрнаступления войска Западного, Калининского и Юго-Западного фонтов насчитывали около 1,1 млн. человек,

7 652 орудия и миномета, 774 танка и 1 000 самолетов. Группа армий «Центр» имела 1,7 млн. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов.[302]

Противник превосходил советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,8, в танках – в 1,5 и уступал им только в авиации – в 1,6 раза. Это соотношение сил и средств показывает, что Жуков шел, причем прекрасно сознавая это, на большой риск, тем более что качество подготовки поступивших во фронт войск было весьма невысоким вследствие недостаточной обученности, сплоченности и оснащения. Большинство резервных соединений получали оружие непосредственно перед вводом их в бой, так как войска Западного фронта были обеспечены винтовками только на 60% к штатной потребности.

Но это был продуманный риск. Жуков учитывал отсутствие у противника оперативных резервов, усталость немецких солдат, проблемы материального обеспечения германских войск в условиях суровой зимы, а также то обстоятельство, что ударные силы противника находились на рубежах, не подготовленных для отражения встречных ударов. Учитывалась и благоприятная конфигурация линии фронта, позволявшая наносить удары по флангам немецких группировок. В связи с тем, что фронтам предстояло наступать в широких полосах, они имели одноэшелонное построение и низкие плотности: в среднем одна дивизия на 8,5 км, 10—11 орудий и минометов и 0,8 танка на 1 км фронта. На направлениях главных ударов за счет умелого сосредоточения артиллерии и танков эти плотности были выше.

В состав 16-й армии к началу декабря 1941 г. входили 5 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, 4 танковые и 4 стрелковые бригады, 15 артиллерийских полков РГК. Всего войска армии насчитывали 35 тыс. человек, 320 полевых, 190 противотанковых орудий, 480 минометов и 125 танков[303]. Оперативная плотность в полосе армии составляла в среднем одна стрелковая дивизия на 3 км, около 20 орудий и 20 минометов на 1 км фонта. Противник имел одну стрелковую дивизию на 5 км, 121 орудие и 10—15 минометов на 1 км фронта.

Рокоссовский, оценив обстановку, принял решение вести наступление следующим образом. Группа войск генерала Ф. Т. Ремизова (145-я танковая бригада, 282-й стрелковый полк, 523-й пушечный артиллерийский полк) должна была частью сил наступать из района Детская Колония, Клушино (8 км северо-восточнее Крюково) с задачей овладеть Веревское, Жилино, а остальными силами удерживать р. Клязьма на участке Шемякино, Клушино, обеспечивая правый фланг армии. 7-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло овладеть Льялово и к исходу дня

закрепиться на рубеже (искл.) Клушино, Льялово, (искл.) Чашниково (4 км юго-западнее Льялово). На 354-ю стрелковую дивизию возлагалась задача по овладению Матушкино (3 км западнее Алабушево) и к исходу 7 декабря выйти на рубеж Чашниково, Алабушево, (искл.) Андреевка. 8-й гвардейской стрелковой дивизии приказывалось совместно с 1-й танковой бригадой и 17-й стрелковой бригадой овладеть Крюково, а к исходу дня выйти на рубеж Андреевка, Гореловка (4—5 км западнее и юго-западнее Крюково). 18-й стрелковой и 9-й гвардейской стрелковой дивизиям предписывалось удерживать занимаемые позиции и готовиться к переходу в наступление 8 декабря.

На рассвете 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов – и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли удары по противнику. На следующий день на врага обрушились 30-я, 1-я ударная, 20-я армии правого крыла и 10-я и 13-я армии левого крыла Западного фронта.

В документах штаба 4-й танковой группы по этому поводу отмечалось: *«День 5 декабря 1941 года, без сомнения, еще долго будет притягивать к себе внимание военных историков. Возможно, что пропаганда противника, отрицая энергию немецкого командования, героизм немецких солдат и непоколебимую веру в них немецкого народа, будет с торжеством говорить о «чуде под Москвой», тем более что в эти первые дни декабря наступил кризис и в ходе наступления 2-й танковой группы, двигавшейся с юга… В эти тяжелые дни, когда мы вступаем в новый этап боевых действий, наши мысли возвращаются к тем героям, которые здесь, в снегах России пожертвовали своей жизнью и своим здоровьем, защищая далекую родину от монгольского нашествия XX века. Будущие поколения не забудут их подвигов и их жертв, прославивших немецкое оружие*[304]».

Командование группы армий «Центр» понимало, что ему не удастся задержать советские войска на занимаемых позициях. Поэтому фон Бок заблаговременно продумывал вопрос об отходе. В приказе № 2870/41 от 5 декабря говорилось:

«На случай, если последует приказ на частичный отрыв от противника и на занятие обороны, группа армий устанавливает следующий общий рубеж: Нарские пруды, течение р. Москва до Карийское, Истринское водохранилище, Сенежское озеро, район восточнее Клин, левый фланг 36-й моторизованной дивизии в районе Волжского водохранилища…

Начало отхода, для которого по расчетам группы армий потребуется две ночи, возможно, будет намечено на вечер 6.12, о чем будет сообщено в особом приказе…

Пока речь идет только о подготовке к предполагаемой операции, поскольку решение фюрера по этому вопросу еще неизвестно[305]».

На следующий день это решение было подтверждено приказом № 2900:

«1. Правый фланг 3-й танковой группы отходит:

В ночь с 6 на 7.12 на линию Удино, Каменка, Ольгово, в ночь с 7 на 8.12 на линию Кочергино, Рогачево, и затем, в случае необходимости, в ночь с 8 на 9.12 на линию северная оконечность Сенежского озера, Аладьино, Дорохово.

2. 4-я танковая группа в тесном взаимодействии с 3-й танковой группой отводит свой северный фланг, соответственно с отходом южного фланга 3-й танковой группы, до района Сенежского озера.

3. Вопрос об отходе всех остальных соединений 4-й танковой группы на рубеж, указанный в приказе группы армий «Центр» № 2870/41 сов. секр. от 5.12.41, вправе разрешить командующий 4-й армией. О решении этого вопроса доложить в штаб группы армий…[306]».

Гитлер не доверял сообщениям командования сухопутных войск о переходе советских войск в контрнаступление и считал их преувеличенными. На совещании с руководителями вермахта, состоявшемся 6 декабря, он высказал сомнение в успехе русских: «Даже если вооруженные силы потеряли 25% своего боевого состава, все равно русские, несмотря на свое трехкратное преимущество в новых формированиях, понесли значительно большие потери в боевом составе. И если наши дивизии удерживают участки в 30 км по фронту, это свидетельствует о недостаточной силе противника». Опытный генштабист генерал Ф. Гальдер более реалистично оценивал состояние группы армий «Центр». 7 декабря он записал в своем дневнике: «Самым ужасным является то, что ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht – Верховное Главнокомандование вермахта. – *Авт.*) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков[307]».

Пока ОКВ решало, надо ли отводить войска на тот или иной рубеж, все новые советские соединения переходили в контрнаступление. 7—8 декабря активные действия начали 16-я армия, оперативные группы генералов Ф. Я. Костенко и П. А. Белова, 3-я и 50-я армии. Наступление велось в сложных условиях. Температура опустилась до минус 25—30 градусов. Глубокий снежный покров затруднял применение обходных

маневров с целью перехвата путей отхода противника. Впоследствии Рокоссовский отмечал: «Немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения[308]».

Противник в полосе 16-й армии оказывал упорное сопротивление, переходя на отдельных участках в контратаки пехотой и танками. Группа генерала Ремизова сумела частью сил переправиться на северный берег р. Клязьма и начала бой за овладение Владычином. 8-я гвардейская стрелковая дивизия к исходу 7 декабря вела уличные бои в Крюкове. Остальные соединения успеха не имели.

Утром 8 декабря войска 16-й армии продолжили наступление. Группа генерала Ремизова овладела Владычином (6 км юго-западнее Красной Поляны), где нанесла большой урон 240-му моторизованному полку противника. 7-я гвардейская стрелковая дивизия в результате ожесточенного боя выбила из Льялова два батальона противника, начавших отход в направлении Жилино и Никольское. 354-я стрелковая дивизия в результате упорных боев овладела Матушкином (3 км севернее Крюкова). Части 8-й гвардейской стрелковой дивизии в результате ночных боев заняли Крюково, Каменку.

Гитлер по-прежнему не верил, что началось что-то серьезное, представляющее реальную большую угрозу. 8 декабря он подписывает директиву, в которой оценивает успехи советских войск как временные, достигнутые благодаря большей их приспособленности к суровым климатическим условиям[309]. Вместе с тем в словах фюрера зазвучали и иные нотки: «Бои такого рода русские ведут частями и подразделениями, которые нельзя назвать первоклассными, напротив, это, как правило, самые худшие и неподготовленные силы, которые, как показал опыт, нередко уступают нашим войскам по численности вопреки предварительным данным первых донесений о ходе боя. Отсюда следует, что бои такого рода выигрываются, в первую очередь, крепостью нервов, и это касается главным образом командования. Русские в данном случае доказали крепость нервов». В заключительной части приказа немецким войскам предписывалось «не допускать превосходства противника». Единственный способ надежно покончить с ним – это ожесточенное сопротивление, «которое будет стоить атакующему больших потерь в живой силе». Немецким войскам разрешалось отходить лишь в том случае, если «на прежних позициях они не смогут из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия

причинить ущерб противнику». Командованию группы армий «Центр» надлежало принимать решительные меры и против гражданского населения. При отступлении населенные пункты должны были сжигаться, чтобы советские войска лишались нормального размещения на отдых. Требование забирать зимнюю одежду у военнопленных и гражданских лиц для удовлетворения нужд немецких войск иначе как варварским не назовешь.

Войска группы армий «Центр», как и планировалось, начали постепенный отход на заранее подготовленный рубеж – Истринское водохранилище, р. Истра. При отходе они взрывали мосты, минировали дороги. Это привело к снижению скорости продвижения советских войск, так как у них не хватало средств для разминирования. Кроме того, инженерные части не успевали расчищать дороги от снега, что также сказалось на темпах наступления. Даже на Волоколамском шоссе, основной магистрали, ведшей на запад, была проложена только одна снежная колея. Часто возникали пробки. В этих условиях нельзя было рассчитывать на то, что удастся с ходу преодолеть Истру.

9 декабря после ожесточенных боев с войсками 16-й армии на рубеже Алабушево, Крюково, Дедово, Рождествено противник, прикрываясь сильными арьергардами, стал постепенно отходить в западном и северо-западном направлениях. Рокоссовский приказал командирам дивизий немедленно начать преследование врага в общем направлении к Истринскому водохранилищу и г. Истра. Естественный рубеж требовал создания двух группировок (севернее и южнее водохранилища) и выделения достаточно сильных резервов. И командующий 16-й армией еще раз доказал, что обладает незаурядным талантом военачальника. Для действий на флангах и в тылу противника он создал две ударные группы: первая под командованием генерал-майора танковых войск Ремизова в составе 145-й танковой бригады, 44-й кавалерийской дивизии и 17-й стрелковой бригады для удара в направлении Жилино, Марьино, Соколово (15 км севернее г. Истра) и далее на север; вторая во главе с генерал-майором танковых войск Катуковым в составе 9-й гвардейской стрелковой дивизии, 17-й танковой, 36-й и 40-й стрелковых бригад и 89-го отдельного танкового батальона для удара на Истру и далее на север. В свой резерв Рокоссовский вывел 7-ю и 8-ю гвардейские стрелковые дивизии (с 14 декабря обе дивизии были взяты в резерв Ставки ВГК). По указанию командующего Западным фронтом на усиление 5-й армии были переданы 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора Л. М. Доватора, два отдельных танковых батальона и другие части. Они составили третью подвижную группу.

Успешным действиям войск 16-й армии с 6 по 9 декабря способствовало то, что Рокоссовский в целях достижения высокой плотности огня сосредоточил значительные силы артиллерии на участках наступавших дивизий, причем наибольшую плотность удалось создать в центре и на левом фланге. Большую роль в контрнаступлении сыграли отдельные гвардейские минометные дивизионы. Они своим огнем наносили противнику, пытавшемуся отвести войска, большие потери в живой силе и технике, в ряде случаев вызывая панику и смятение.

Утром 10 декабря Рокоссовский ввел в сражение обе подвижные группы. Во второй половине дня 11 декабря части 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. П. Белобородова ворвались в город Истра. К вечеру они освободили город и соседние населенные пункты. Это был большой успех. Утром 13 декабря во всех центральных газетах на первых страницах были напечатаны портреты командующего Западным фронтом генерала армии Жукова и командующих армиями, в том числе и Рокоссовского. Над портретами крупным шрифтом было набрано сообщение Верховного Главнокомандования о первых итогах грандиозного контрнаступления под Москвой. Были там следующие строки: «Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10 и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истра».

К исходу 11 декабря войска 16-й армии вышли на рубеж Курилово, Лопотово (на восточном берегу Истринского водохранилища), Максимовка, Истра. Противник, отступая, сжигал населенные пункты, отравлял колодцы, что привело к отравлению лошадей в 44-й кавалерийской дивизии. Стремясь задержать советские войска, противник уничтожил все переправы на Истре и взорвал дамбу водохранилища. Попытка войск 16-й армии переправиться с ходу 12 декабря не удалась. Одной из причин первых неудач при попытке переправиться через Истру стало то, что артиллерия (особенно артиллерия усиления) с началом наступления начала заметно отставать от войск, вследствие чего огневое сопротивление противника на западном берегу реки не было подавлено.

Наступление на левом крыле Западного фронта, в полосе 50-й и 10-й армий, также развивалось успешно. Здесь 11 декабря после упорных боев оперативная группа войск генерала П. А. Белова освободила Сталиногорск (Новомосковск). Однако генералу Гудериану удалось вывести свои войска из мешка восточнее Тулы, а затем он избежал и окружения южнее города.

Генерал-фельдмаршал фон Бок, трезво оценивая создавшуюся обстановку, 13 декабря сообщил Главнокомандующему

сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу Браухичу: «У меня нет новых предложений. Вопрос, который нам необходимо обсудить, скорее, политического, нежели военного свойства. Фюрер должен наконец решить, как быть группе армий: или сражаться, оставаясь на тех позициях, которые она сейчас занимает, рискуя потерпеть полное поражение, или отойти, что сопряжено с таким же примерно риском. Если фюрер прикажет отходить, он должен понимать, что новых сокращенных позиций в тылу, которые, кстати сказать, совершенно не подготовлены к обороне, смогут достичь далеко не все наши войска, поэтому неизвестно, смогут ли ослабленные части группы армий эти позиции удержать. Подкрепления, которые были мне обещаны, тащатся с такой черепашьей скоростью, что оказать решающее воздействие на принятие соответствующего решения не смогут[310]».

Одновременно фон Бок просил подыскать ему замену из-за ухудшения физического состояния. Вечером следующего дня Гитлер позвонил командующему группой армий «Центр» и сказал, что она должна удерживать прежние позиции, не отдавая врагу ни метра земли, пока не будут закончены самые необходимые приготовления для приема войск на тыловых позициях. Ночью 15 декабря фюрер вызвал к себе командующего армией резерва генерала Ф. Франка с докладом о готовности соединений к отправке в районы боевых действий. Генерал Р. Герке и рейхсмаршал авиации Г. Геринг получили приказ о подготовке всего транспорта вермахта для немедленной переброски резервных дивизий и частей по воздуху на Восточный фронт. Отправляя пополнение под Москву, Гитлер не скрывал раздражения: «Я не могу всех отправить на зимнюю стужу только потому, что на фронте группы армий имеется несколько прорывов».

В соответствии с указанием фюрера фон Бок приказал 15 декабря своим войскам принять меры по ускорению подготовки тыловых оборонительных рубежей. На следующий день войска получили приказ № 3147, в котором отмечалось, что любой отход может быть произведен только с разрешения командующего армией, а отступление соединений от дивизии и выше – только с личного разрешения командующего группой армий «Центр». Фон Бок подчеркивал: *«Мнение, что оборонительный бой является делом пехотных дивизий и что моторизованные соединения должны быть выведены из боя, в настоящий момент неправильно. Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза. Никто лучше меня не знает, какие усилия были*

приложены войсками и какие жертвы от них потребовались. Но, несмотря на это, я требую еще большего напряжения, так как судьба всего Восточного фронта зависит от этого. Каждый офицер должен проявить твердость к тому, чтобы заставить даже самые уставшие части оказывать сопротивление и не давать места настроениям, которые подрывают волю к сопротивлению[311]».

Из-за больших потерь в боевой технике фон Бок объединил 3-ю и 4-ю танковые группы под командованием генерала Гепнера, сосредоточивая силы для удержания Клина, через который осуществлялся отход значительного количества войск. Использовались все возможности для сдерживания натиска 20-й и особенно 16-й армий, так как прорыв обороны их соединениями грозил основным частям группы окружением в районе Клина, Солнечногорска и Истринского водохранилища. Главным рубежом, на котором предполагалось остановить наступление войск Западного и Калининского фронтов, должны были стать реки Лама, Руза и Нара. Удобные для обороны естественные рубежи дополнялись здесь многочисленными инженерными сооружениями, строительство которых развернулось еще в начале декабря. При отходе взрывались мосты, сжигались населенные пункты, минировались дороги.

Обстановка, складывавшаяся в полосе Западного фронта, требовала принятия энергичных мер. 13 декабря генерал армии Жуков потребовал от командующего 30-й армией, окружив частью сил Клин, главными силами армии выйти 16 декабря на рубеж Тургиново, Покровское, (искл.) Теряева Слобода и прочно обеспечить правое крыло фронта. Войска 1-й ударной армии должны были частью сил содействовать 30-й армии в окружении Клина с юга, а главными силами армии выйти 16 декабря на рубеж Теряева Слобода, Никита. Командующему 20-й армией приказывалось к этому же времени овладеть рубежом Колпаки, Давыдково, Ново-Петровское, 16-й армией – рубежом (искл.) Ново-Петровское, Скирманово, Онуфриево, 5-й армией – рубежом Сафониха, р. Озерная, Таболово, Руза, Тучково[312]. Согласно приказу Жукова требовалось вести преследование стремительно, не допуская отрыва противника, широко применять сильные передовые отряды для захвата узлов дорог, теснин, дезорганизации походных и боевых порядков врага, категорически запрещались лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления.

Войска 30-й армии, выполняя приказ командующего Западным фронтом, пытались овладеть Клином, который обороняли части 14-й моторизованной, 1-й и 7-й танковых

дивизий. Они оказали упорное сопротивление. Однако несмотря на все усилия, соединения 30-й и 1-й ударной армий не смогли завершить окружение Клина. В ночь на 15 декабря части прикрытия клинской группировки противника начали отход по шоссе Клин – Высоковск. К исходу дня Клин заняли советские войска.

В полосе 16-й армии к исходу 13 декабря обстановка сложилась следующим образом. Группа генерала Ремизова, обходившая Истринское водохранилище с севера, сломив сопротивление противника, вышла на линию Горки (12 км юго-западнее Солнечногорска), Тербеево. В результате была создана угроза охвата частей противника, находившихся на западном берегу водохранилища. Отдельные подразделения 18-й и 354-й стрелковых дивизий, переправившись на противоположный берег, контратаками либо были уничтожены, либо возвратились на восточный берег. Более успешными были действия на левом фланге армии. Здесь 36-я стрелковая бригада переправила на западный берег реки один батальон и вела наступление в направлении Ябедино (5 км западнее Истры), Телепнево, а группа генерала Катукова переправилась через реку в районе Павловская Слобода и вела бои за Лукино (8 км южнее Истры), создав угрозу окружения частей противника на западном берегу водохранилища.

В ночь на 15 декабря двум батальонам 18-й стрелковой дивизии удалось переправиться под огнем противника на западный берег р. Истры в районе Никулино (3 км севернее), обеспечив переправу остальных частей дивизии. Успешно действовали и части 9-й гвардейской стрелковой дивизии. *«На моих глазах сибиряки А. П. Белобородова в сильный мороз под огнем врага форсировали бушующий ледяной поток*, – вспоминал Рокоссовский. – *В ход были пущены все подручные средства – бревна, заборы, ворота, плоты из соломы, резиновые лодки, – словом, все, что могло держаться на воде. И вот на этих подручных средствах сибиряки преодолели такое серьезное препятствие и обратили противника в бегство. Штурм хорошо обеспечивали артиллеристы и минометчики, прикрывавшие нашу пехоту во время переправы*[313]».

Выход 108-й стрелковой дивизии 5-й армии на дорогу Истра – Звенигород содействовал успеху левого крыла 16-й армии. Преодолев истринский рубеж, войска 16-й армии продолжали с боями продвигаться на запад, не давая противнику возможности остановиться и организовать оборону.

Для того чтобы оторваться от преследовавших и наседавших частей Красной Армии и сохранить свою живую силу, немцы,

отступая, бросали все, что мешало бегству. Все чаще на дорогах стали попадаться оставленная техника и различного рода имущество. Продвижение войск, естественно, замедлялось. С помощью довольно примитивных средств инженерные части и пехота едва успевали справляться с расчисткой готовых дорог, не говоря уже о сооружении новых. Для ускорения темпа наступления широко использовались лыжные подразделения, но они, конечно, оказались слишком слабыми, чтобы задержать отходившего врага на такое время, которое позволило бы подойти главным силам 16-й армии.

Рокоссовский в дни наступления, как и во время обороны, большую часть времени находился поблизости от войск. Он мог проводить целые дни в частях и соединениях, потому что знал: хорошо налаженный штаб армии, руководимый властным и умным генералом Малининым, и в его отсутствие сделает все необходимое для руководства войсками, а он, командующий, может полностью положиться на своих подчиненных.

В ходе наступления Рокоссовский уверенно руководил действиями своих войск. Он наносил по противнику ряд последовательных ударов обоими флангами армии, в результате чего удалось «раскачать» фронт оборонявшегося противника и успешно продвигаться вперед. Важное значение имели и удары подвижных группировок вначале по расходящимся, а затем по сходящимся направлениям, что вынудило противника быстро отступить в западном направлении с целью сохранения остатков своей живой силы и материальной части.

Войска 16-й армии в течение 17 и 18 декабря вели преследование отходившего противника (части пехотной дивизии СС, 252-я пехотная и 10-я танковая дивизии), причем основные усилия были направлены на овладение во взаимодействии с 20-й армией Волоколамском и уничтожение противостоявших сил врага. Немцы, минируя населенные пункты, дороги и опушки лесов, отходили на запад и северо-запад. Во второй половине дня 19 декабря группа генерала Ремизова во взаимодействии с группой генерала Катукова развернула бои за овладение Волоколамском.

Гитлер по-прежнему не разрешал группе армий «Центр» начать отход на всем фронте. В директиве № 1736 от 18 декабря говорилось:

«1. Фюрер приказал:

отступление крупного масштаба недопустимо. Оно может привести к полной потере тяжелого оружия и техники. Личным примером командующие, командиры и офицеры должны побуждать войска к фанатическому сопротивлению на своих позициях, даже

если противник прорвался с флангов и с тыла. Только таким ведением боя можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкрепления из Германии и с Запада. Только после того, как резервы прибудут на тыловые отсечные позиции, можно будет на эти позиции отступить[314]».

Одновременно генерал-фельдмаршал Браухич сообщил фон Боку, что фюрер дал положительный ответ на его просьбу о предоставлении отпуска, и приписал: «До полного восстановления здоровья». Фон Бок еще вернется на фронт, но ненадолго – с 19 января по 15 июля 1942 г. он командовал группами армий «Юг» и «Б». На этом его военная карьера завершилась. В декабре 1941 г. была решена и судьба самого Браухича. Гитлер, считая, что он не способен руководить войсками в кризисной ситуации, решил лично возглавить Сухопутные войска. Командующим группой армий «Центр» был назначен генерал-фельдмаршал Х. Г. Клюге, который до этого возглавлял войска 4-й армии.

Командующий Западным фронтом, вдохновленный успехом, стал допускать ошибки. Он явно переоценил возможности своих войск, недооценивая боеспособность и организованность противника. Например, Ставка ВГК установила армиям правого крыла Западного фронта темп наступления в пределах 10—15 км в сутки, а Жуков увеличил его до 20—25 км, то есть почти вдвое. Достичь такого темпа практически было невозможно: на правом крыле фронта войска преодолевали до шести километров в сутки, на левом – до десяти.

Излишняя горячность порождала просчеты. Войска 3-й и 4-й танковых групп противника после поражения на истринском рубеже поспешно отходили на новые позиции на реках Лама и Руза. Жуков, полагая, что имеет дело только с арьергардами противника, потребовал 20 декабря от войск фронта «продолжая безостановочное наступление, к исходу 27.12 выйти на фронт Зубцов, Васютино, Златоустово, Гжатск, Киселево, Михайловское, Медовники, Малоярославец, Зайцево, Полотняный Завод, Булгаково, Липицы, Лихвин, Белев[315]». Однако планового безостановочного наступления не получилось – советские войска неожиданно наткнулись на прочные оборонительные рубежи и мощные огневые заслоны.

К чести Жукова, выводы из ошибок в наступательных действиях он делал своевременно. Командующий фронтом настойчиво требовал выводить войска на фланги и в тылы отступавшего противника, ставить подразделения на лыжи, проникать в глубокие тылы врага и дерзкими налетами вносить панику в его войска. Он постоянно предупреждал командармов и

командиров соединений о недопустимости фронтальных атак и попыток действовать напролом, что, кроме неоправданных потерь, не приносило никаких результатов. В специальной директиве военным советам армий от 22 декабря Жуков требует: *«Разъяснить всему начсоставу, что всякое промедление в наступлении наших частей, всякая нерешительность может гибельно отразиться на нашем наступлении и спасет врага от разгрома. В случае сопротивления врага на всем фронте и невозможности обойти его оборону собрать на узком фронте массу артиллерии, РС, минометов и дать такой уничтожающий огонь, от которого наверняка будет подавлена оборона противника. После такой мощной подготовки смело бросать на узком фронте пехоту со всей массой танков, сопровождая их все время артогнем и боевыми действиями авиации. Командиров, проявляющих нерешительность в разгроме врага, снимать как неспособных вести части вперед и преодолевать трудности*[316]».

Тем временем Гитлер все еще не верил в возможность поражения своих войск. 20 декабря он, выступая перед высшим комсоставом, сказал:

– История отступления Наполеона грозит повториться вновь. Поэтому отход возможен лишь с тех участков, где подготовлены тыловые позиции. Только если солдат видит, что, оторвавшись от противника, он займет пусть даже наспех оборудованную позицию, он поймет этот отход. Только тогда доверие между войсками и командованием не будет подорвано. Если же войска будут отходить с позиции, на которой они уже обжились, и на новом месте не получат соответствующей замены, то в результате такого отступления может развиться кризис доверия к руководству.

Гитлер потребовал всеми средствами не допустить падения боевой численности дивизий, используя как можно больше людей на передовой. Войскам приказывалось упорно оборонять каждый населенный пункт, а при отходе сжигать и разрушать все деревни, чтобы лишить советские войска возможности использовать их для расквартирования. Гитлер внушал своим солдатам и командирам, что противник бросает в бой последние силы, а потому «важно укрепить уверенность в своих силах и волю сражаться с противником и преодолеть трудности, связанные с погодными условиями, пока подойдет достаточное пополнение и фронт будет окончательно укреплен».

Штаб группы армий «Центр», направив командующим армиями и танковыми группами телеграмму с изложением выступления Гитлера, подчеркивал: «Просьба довести до сведения подчиненных командных инстанций вышеизложенный ход

мыслей. Войска оправдают доверие фюрера[317]».

Призыв Гитлера возымел воздействие. Войска группы армий «Центр» стали оказывать все более ожесточенное сопротивление. Тяжелые зимние условия, короткий день, глубокий снег и сильные морозы (25—35) затрудняли и ограничивали действия наступавших войск. Организация противником крепкой огневой обороны, создание узлов сопротивления (особенно в населенных пунктах), широкое применение автоматчиков, минирование участков местности, заграждения лесов перед оборонительной полосой и, наконец, действия авиации по боевым порядкам войск Западного фронта привели к затяжным боям на его правом крыле. Несмотря на настойчивые требования Жукова, войска правого крыла так и не смогли прорвать вражескую оборону на рубежах рек Лама и Руза. Лишь 20-й армии после 18-дневных ожесточенных боев удалось захватить небольшой плацдарм на западном берегу Ламы.

Противник в период с 20 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. прочно удерживал оборону, ликвидируя все попытки войск 1-й ударной, 16-й и 5-й армий вклиниться в нее. Потери войск значительно возросли. По донесению Рокоссовского военному совету фронта, «в результате длительных напряженных боев 40-я и 49-я стрелковые бригады понесли большие потери и имели в стрелковых батальонах по несколько десятков бойцов[318]».

В некоторых дивизиях 16-й армии оставшиеся полки были сведены в один сводный батальон (354-я стрелковая дивизия). Большие потери понесла и 18-я стрелковая дивизия, действовавшая с 18-й стрелковой бригадой, которая только 3 января потеряла 172 человека убитыми, 493 ранеными и 7 обмороженными. На 5 января в 354-й стрелковой дивизии с 146-й танковой, 40-й и 49-й стрелковыми бригадами оставалось в наличии 377 штыков и 13 танков (из них 3 средних и 10 малых[319]).

На левом крыле Западного фронта удалось 30 декабря выбить противника из Калуги. В начале января 1942 г. войска 49-й армии вышли в район железной дороги Калуга – Малоярославец. Соединения 50-й армии продвинулись на 15—25 км в сторону Юхнова, а 10-я армия подошла к железной дороге Вязьма – Брянск западнее и юго-западнее Калуги. На этом наступление войск левого крыла остановилось.

В центре Западного фронта контрнаступление началось позднее, 18 декабря. Однако войска 4-й армии противника оказали упорное сопротивление, что привело к затяжным боям. И только после занятия советскими войсками Калуги и возникшей угрозы их выхода в тыл 4-й армии противник 24

декабря начал отвод своих войск на новую линию обороны.

Контрнаступление советских войск на Западном стратегическом направлении имело огромное значение не только в военном отношении, но и получило большой политический резонанс. Впервые во Второй мировой войне удалось сначала остановить считавшую себя непобедимой германскую армию, а затем нанести ей чувствительное поражение. Красная Армия отбросила врага на 100—250 км от Москвы и ликвидировала угрозу советской столице. Немецкие войска утратили стратегическую инициативу, замысел молниеносного разгрома СССР оказался чересчур самонадеянным. Впереди замаячила перспектива затяжной войны.

Но все же положение немецких войск в декабре 1941 г. было отнюдь не таким плачевным, как об этом было принято у нас говорить, особенно в советское время. Например, в труде «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» отмечалось: «Гитлеровцы потеряли огромное количество солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. По их собственным данным, боевой состав каждой дивизии 4-й танковой армии на 4 января 1942 г. равнялся одному усиленному батальону… Вражеские войска потеряли тысячи орудий, пулеметов, автоматов, сотни танков и самолетов. Все поля и дороги Подмосковья были загромождены брошенным противником вооружением, техникой, автотранспортом и другой военной техникой[320]».

В действительности потери врага не были столь катастрофическими. По уточненным данным, группа армий «Центр» с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. потеряла около 116 тыс. человек, или 14,5% состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов[321]. В декабре она получила 40,8 тыс. человек маршевого пополнения, что позволило почти на одну треть восполнить понесенные потери. Военная германская машина дала сбой, но мощь свою не потеряла.

В конце концов наступательные возможности армий Западного фронта иссякли, фактор внезапности себя исчерпал, и противник успел организовать на новых рубежах довольно сильную оборону. Не будем забывать, что советские войска перешли в контрнаступление, не имея общего превосходства над врагом.

В ходе Московской стратегической наступательной операции войска Западного, Калининского, Брянского (с 24 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) фронтов и правого крыла Юго-Западного фронта (с 6 по 31 декабря 1941 г.) потеряли безвозвратно 139 700 человек, а санитарные потери составили 231 369 человек[322]. При этом Западный фронт потерял безвозвратно 101 192 человека

(72,4% от всех безвозвратных потерь), а санитарные потери достигли 160 038 человек (69% от всех санитарных потерь). Если же взять соотношение безвозвратных потерь к общей численности, то получим следующие данные: на Западном фронте, насчитывавшем к началу операции 748 700 человек, оно составило 1:7,3. Калининский фронт имел к началу операции 192 200 человек, потерял безвозвратно 27 343 – соотношение 1:7. Правое крыло Юго-Западного фронта (3-я, 13-я армии, оперативная группа генерала Костенко) насчитывало 80 800, потеряло безвозвратно 9709 – соотношение 1:8,3. Следовательно, безвозвратные потери по соотношению к общей численности фронтом были практически одинаковыми.

5 января 1942 г. в Кремле состоялось расширенное заседание Ставки ВГК с участием И. В. Сталина, Г. К. Жукова, Б. М. Шапошникова, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова и Н. А. Вознесенского. На заседании обсуждался план предстоящих военных действий. Сталин, переоценив успехи, достигнутые в контрнаступлении под Москвой, считал необходимым предпринять общее наступление одновременно на всех стратегических направлениях с постановкой глубоких и решительных задач в целях создания условий для полного разгрома вермахта уже в 1942 г. Такое решение не соответствовало возможностям Вооруженных сил Советского Союза, приводило к распылению их усилий и к ослаблению группировки войск на главном, Западном стратегическом направлении, где обозначился успех.

По мнению Жукова, следующий этап наступления на Западном стратегическом направлении «должен был состоять в том, чтобы, получив усиление соответствующими силами и средствами, продолжить его вплоть до полного завершения». Он полагал необходимым восстановить то положение, которое Калининский, Западный и Брянский фронты занимали до начала наступательной операции войск противника. Жуков считал, если Ставка ВГК даст «хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), мы получили бы реальную возможность нанести врагу более сильный удар и еще дальше отбросить его от Москвы, а возможно, даже выйти на линию Витебск – Смоленск – Брянск[323]. Без дополнительных крупных резервов дальнейшее продвижение на запад невозможно. Относительно наступления под Ленинградом и на Юго-Западном направлении Жуков полагал, что там придется иметь дело с серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств ее не удастся прорвать, войска понесут большие, ничем не оправданные

потери.

С мнением Жукова – повременить с наступлением под Ленинградом и на юге – не согласились Ворошилов и Маленков. Однако Георгия Константиновича поддержал заместитель председателя СНК СССР Вознесенский, заявивший, что в настоящее время мы еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов.

Сталин выражал явное недовольство таким поворотом дел. Но спорил Жуков напрасно – вопрос был предрешен. Генеральный штаб в лице своего начальника Шапошникова, имея альтернативные варианты продолжения активных военных действий в зимней кампании, во многом сходные с мнением Жукова, не проявил достаточной настойчивости и смелости в их отстаивании. Поэтому Генштаб вынужден был планировать операции, исходя из принятого решения о развертывании общего стратегического наступления на всем советско-германском фронте.

Главный удар намечалось нанести на Западном стратегическом направлении, по наиболее сильной группировке врага – группе армий «Центр». Эта задача возлагалась на левое крыло Северо-Западного фронта, Калининский, Западный и Брянский фронты, которым путем двустороннего охвата главных сил неприятеля предстояло окружить и уничтожить их в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта и Балтийским флотом ставилась задача разгромить группу армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда. Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны были нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот – Крым. Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

То, что эти планы не обеспечены ни силами, ни средствами, понимали не только Жуков с Вознесенским, но и вся Ставка во главе с Верховным. Надеялись, что фронтам удастся сокрушить оборону противника, если их командование будет строго руководствоваться принципом массированного сосредоточения сил и средств, применяя вместо артиллерийской подготовки «артиллерийское наступление». Но ведь опыта для этого еще не было! Вспомним: даже противник под Москвой недоумевал, почему русские перед наступлением так слабо применяют артиллерию. К тому же войска не были обеспечены должным количеством боеприпасов.

Принципы организации и ведения артиллерийского

наступления излагались в директивном письме Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г[324]. В этом документе отмечалось, что войска должны научиться взламывать оборонительную линию противника, организовывать прорыв его обороны на всю ее глубину и тем открыть дорогу для продвижения пехоты, танков и кавалерии. Для обеспечения прорыва вражеской обороны на всю ее глубину требовалось соблюдать два условия: во-первых, «заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении», и, во-вторых, «заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением».

В каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, предписывалось создавать ударную группу в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. Ударная группа фронта должна была включать несколько армий.

Далее в письме говорилось:

«Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской «музыки».

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление».

В полосе каждой армии рекомендовалось сосредоточить на направлении действий ударной группы 60—80 орудий, используя армейский артиллерийский полк, по две батареи дивизионной артиллерии от каждой дивизии и десятка два-три 120-мм минометов. Во фронте на направлении наступления ударной

группы необходимо было сосредоточить 150—200 орудий, привлекая для этого фронтовой артиллерийский резерв, армейские артиллерийские полки и до одной трети дивизионной артиллерии. Эти артиллерийские группы должны были обеспечить ударным группам армий и фронтов прорыв вражеской обороны.

В соответствии с решением Ставки ВГК о развертывании общего наступления командующие Западным и Калининским фронтами получили 7 января 1942 г. директиву № 151141 об окружении можайско-гжатско-вяземской группировки противника[325]. Командующему Калининским фронтом предписывалось, выделив часть сил для разгрома ржевской группировки противника и занятия города Ржев, силами ударной группировки (две армии) перейти в наступление в общем направлении на Сычевку, Вязьму с задачей перехватить железную и шоссейную дороги Гжатск – Смоленск западнее Вязьмы и тем самым лишить противника основных его коммуникаций. В дальнейшем совместно с войсками Западного фронта окружить, а затем пленить или уничтожить всю можайско-гжатско-вяземскую группировку противника. Войска 39-й армии, не ожидая подхода кавалерийского корпуса и окончательного сосредоточения всех сил ударной группировки в районе Ржева, должны были немедленно развить наступление в направлении Сычевка, Вязьма. Сычевку требовалось занять не позднее 12 января 1942 г.

На войска Западного фронта возлагались следующие задачи: не позднее 11 января разгромить юхновско-мосальскую группировку противника; нанести главный удар силами ударной группы генерала Белова и 50-й армии на Вязьму и завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта. Одновременно силами 20-й армии прорвать оборону противника и нанести удар в направлении на Шаховская, Гжатск, часть сил армии от Шаховской направить в тыл лотошинской группировки противника и совместно с 30-й армией Калининского фронта окружить и уничтожить ее.

Задачи, определенные директивой № 151141, во многом совпадали с замыслами Жукова. Ведь он еще 6 января приказал командующему 20-й армией утром 9 января перейти в наступление, прорвать оборону противника, овладеть Шаховской и в дальнейшем продвигаться на Гжатск. После получения директивы Ставки ВГК Георгий Константинович ставит 8 января перед войсками 43-й, 49-й и 50-й армий задачу не позднее 11 января окружить и разгромить кондровско-юхновско-медынскую

группировку противника и развить наступление в северо-западном направлении в целях окружения и полного разгрома можайско-гжатско-вяземской группировки противника. 33-я армия должна была нанести главный удар в направлении Никольское, Ваулино, Ельня, в обход Можайска с запада, а группа войск генерала Белова во взаимодействии с правофланговыми частями 10-й армии уничтожить 9—10 января мосальскую группировку противника, имея последующей задачей удар на Вязьму.[326]

Директива Ставки ВГК и приказы командующего Западным фронтом легли в основу замысла Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции. Ее суть состояла в том, чтобы охватывающими ударами войск Калининского фронта (22, 39, 29, 31 и 30-я армии, 11-й кавалерийский корпус, ВВС фронта) из района северо-западнее Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта (1-я ударная, 20, 16, 5, 33, 43, 49, 50, 10-я армии, 1-й и 2-й гвардейские кавалерийские корпуса, ВВС фронта) из района Калуги в направлении Юхнов, Вязьма с одновременным наступлением остальных сил Западного фронта на Сычевку и Гжатск окружить, расчленить и уничтожить основные силы группы армий «Центр» (9-я и 4-я полевые, 3-я и 4-я танковые армии). Для содействия войскам Калининского и Западного фронтов Северо-Западный фронт должен был армиями левого крыла наступать из района Осташкова в направлении Торопец, Велиж, Рудня. Брянский фронт получил задачу сковать активными действиями противника на брянском и орловском направлениях и тем самым обеспечить с юга наступление войск Западного фронта. Для завершения окружения противника предусматривалась высадка 4-го воздушно-десантного корпуса в район юго-западнее Вязьмы с задачей перерезать железную и шоссейную дороги Вязьма – Смоленск.

Ржевско-Вяземская операция готовилась и развертывалась без оперативной паузы в ходе продолжавшегося наступления советских войск. По данным «Военной энциклопедии», советские войска насчитывали 688 тыс. человек, 10 900 орудий и минометов, 474 танка, а противник – около 625 тыс. человек, до 11 тыс. орудий и минометов и 354 танка. Эти данные свидетельствуют о том, что советские войска имели незначительное превосходство в живой силе, в 1,3 раза больше танков и равное с противником количество орудий и минометов.

В рамках операции были проведены Сычевско-Вяземская (Калининский фронт), Можайско-Вяземская (Западный фронт), Вяземская воздушно-десантная (4-й воздушно-десантный корпус, 201-я воздушно-десантная бригада 5-го воздушно-десантного

корпуса и 250-й отдельный стрелковый полк) и Ржевская (Калининский фронт) фронтовые наступательные операции.

Противник занимал оборону на рубеже рек Лама, Руза, Москва, Нара, далее по Оке на Калугу, Белев и южнее по р. Зуша. Основу обороны составляли системы опорных пунктов и узлов сопротивления в населенных пунктах, на перекрестках дорог и на других важных участках позиций. Для создания полевых укреплений с ДЗОТами были использованы ранее имевшиеся здесь оборонительные постройки. Далее в глубине были возведены укрепления у Шаховской, Середы, Можайска, Малоярославца, Детчино и южнее. Следующий оборонительный рубеж намечался восточнее Ржева и Гжатска (гжатская линия обороны), затем на юг по рекам Угра и Ока. Основные группировки противника находились на гжатском направлении, а также в районе Медынь, Калуга, Юхнов.

Войскам 16-й армии совместно с 1-й ударной и 20-й армиями предстояло наступать на волоколамско-гжатском направлении. Гжатск образовывал вершину треугольника оборонительной позиции противника, основанием которого являлись Ржев, Вязьма. Овладение гжатским узлом обороны нарушало оборонительную систему противника и давало возможность обойти вяземский узел сопротивления с севера. На этом направлении (ширина 75 км) противник имел 13 дивизий, 34,1 тыс. солдат и офицеров, 230 орудий дивизионной артиллерии и 135 танков.[327]

Первыми в наступление 8 января перешли войска Калининского фронта, левого крыла и центра Западного фронта, а 10 января – армии правого крыла Западного фронта. В результате ожесточенных боев с 8 по 15 января соединения 39-й армии Калининского фронта вышли в районы западнее и юго-западнее Ржева, а левофланговые армии Западного фронта (43-я, 49-я и 50-я армии) – в район Юхнова. Здесь они были вынуждены перейти к обороне на рубежах, удаленных на 70—75 км к северу и юго-востоку от Вязьмы. Использовать создавшиеся благоприятные условия для окружения ржевско-вяземской группировки противника им не удалось. Пополнения не дождались, и мощь ударных группировок оказалась утраченной.

На правом крыле Западного фронта генерал армии Жуков смог в полной мере использовать выгодное оперативное положение 20-й армии, которая имела плацдарм на западном берегу р. Лама и должна была наступать вдоль Волоколамского шоссе, это помогло бы успешно решать в ходе наступления вопросы маневра и подвоза материальных средств – ведь зима стояла снежная. Здесь командующий фронтом создал ударную

группу, усилив ее кавалерийскими, стрелковыми и лыжными соединениями, частями и подразделениями, артиллерией и танками из состава 1-й ударной и 16-й армий. Пожалуй, впервые за всю войну на участке прорыва обороны противника удалось создать высокую плотность войск и в несколько раз превзойти неприятеля в силах и средствах. И все это было сделано без резервов, собственными силами, за счет привлечения сил с других направлений Западного фронта.

Несмотря на сильную метель, после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска ударной группы Западного фронта 10 января перешли в наступление. Плохие метеоусловия не позволили применить авиацию, но и противнику это не удалось. Передний край обороны был прорван сравнительно быстро, но далее из каждого населенного пункта противника выбивать приходилось только неоднократными атаками. К исходу дня войска 20-й армии продвинулись на главном направлении всего на 2—3 км. На направлении наступления 1-й ударной и 16-й армий успех был еще более скромным. 56-я стрелковая бригада 1-й ударной армии овладела лишь первой траншеей, атаки 2-й гвардейской стрелковой бригады были отражены сильным огнем противника.

11 января части 20-й армии продолжали отражать многочисленные контратаки врага и имели незначительное продвижение. На следующий день с вводом в сражение вторых эшелонов 20-я армия завершила прорыв главной полосы обороны противника и продвинулась за день до 5 км. В полосе наступления 1-й ударной армии 56-я, 2-я гвардейская и 44-я стрелковые бригады после упорных атак выбили противника из Гусева и из сильно укрепленного опорного пункта Спас-Помазкино.

Жуков в целях развития прорыва ввел с утра 13 января в сражение в полосе наступления 20-й армии 2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный 22-й отдельной танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. В свою очередь, командование немецкой 3-й танковой армии предприняло частями 23-й пехотной дивизии и 900-й бригады СС ряд сильных контратак по левому флангу 1-й ударной армии, стремясь выйти на фланг и в тыл ударной группировки 20-й армии и восстановить утраченное положение. Однако решить эту задачу противнику не удалось.

Командующий группой армий «Центр» фон Клюге в своем докладе начальнику Генерального штаба Сухопутных войск от 14 января отмечал:

«Задачей группы армий являются непременное удержание

теперешней линии фронта и ликвидация глубоких прорывов, прежде всего, западнее Сухиничи и западнее Ржев.

В связи с развитием обстановки на фронте и особенно в связи с катастрофическим положением в области снабжения я не в состоянии выполнить эту задачу.

Чрезвычайная растянутость фронта, несмотря на все попытки, не позволяет высвободить достаточное количество сил в целях наступления. Все мероприятия на самом фронте, а также ввод в бой резервов нигде не имели решительного успеха. Лишь немедленный и планомерный отход на более короткую линию (как уже неоднократно требовалось) даст возможность сэкономить силы, столь необходимые для успешного наступления в районе Ржев. Прохождение этой сокращенной линии представляется мне в общих чертах следующим образом: 2-я армия и 2-я танковая армия, по-прежнему, южнее и западнее Сухиничи в зависимости от дальнейшего развития обстановки – Юхнов, восточнее Гжатск, Погорелое Городище, севернее Ржев, оз. Желанье[328]».

Фон Клюге рассчитывал высвободить необходимые резервы, а также закрыть брешь в районе Медынь и обеспечить войскам лучшие условия снабжения, прежде всего более короткие пути подвоза. Он выразил надежду, что войска, если немедленно получат соответствующий приказ, при существующих погодных условиях в состоянии осуществить отход по указаниям штаба группы армий с минимальными материальными потерями. *«Взвесив все вспомогательные меры и посоветовавшись с командующими армий, я могу сказать,* – отмечал фон Клюге, – *что мне ничего не остается, как вновь ходатайствовать о предоставлении группе армий свободы действий. Положение на фронте группы армий в последнее время, особенно в результате кризиса в снабжении, стало настолько серьезным, что я не могу дать никакой гарантии, что отступательное движение возможно будет осуществить в предложенной мною форме и тем более что оно приведет к длительной стабилизации фронта группы армий, даже если мое предложение будет принято. Несмотря на это, отвод войск является единственно возможной мерой, способной спасти положение».*

Итак, фон Клюге не видел иного выхода, кроме немедленного и планомерного отхода. 15 января он сообщил командующим 2-й, 4-й танковых, 4-й и 9-й армий, что Гитлер уполномочил его «отвести фронт 4 А, 4 ТА и 3 ТА на линию: восточнее Юхнов, восточнее Гжатск, восточнее Зубцов, севернее Ржев», где требовалось остановить наступление советских войск[329]. С этой целью требовалось закрыть образовавшуюся западнее Ржева брешь в линии фронта, чтобы отрезать прорвавшиеся советские

войска от тыловых коммуникаций и уничтожить их. Для решения этой задачи намечалось сосредоточить в районе Ржева все возможные силы, сознательно идя на временный риск в районе юго-западнее и южнее Ржева. 23-му армейскому корпусу предстояло своим правым флангом удерживать теперешнюю линию сопротивления, даже если центр и левый фланг будут вынуждены отойти. Фон Клюге подчеркивал: «Только если наступление из Ржева будет иметь полный успех, можно будет окончательно удержать новую линию обороны. Части, которые будут участвовать в наступлении, должны знать о значении стоящей перед ними задачи». Он требовал удерживать при любых обстоятельствах южную поворотную точку при отводе войск, которая находилась в районе южнее и восточнее Юхнова. Для этого предписывалось отвести назад части 4-й армии с выступа фронта в направлении Калуги, чтобы высвободить силы как для укрепления фронта южнее Юхнова, так и для закрытия бреши севернее Медынь, перебросив минимум одну дивизию из состава 4-й армии в общем направлении на Шанский Завод и часть сил из состава 4-й танковой армии в общем направлении на Передель. Войскам 4-й армии ставилась задача освободить и удержать шоссе от Рославля к Юхнову. 2-я танковая армия должна была наступать в направлении Козельск, Сухиничи с целью «сузить вражеское вклинение, потеснив его южный фланг, и создать предпосылки для последующего окаймления вклинения восточнее дороги Сухиничи – Юхнов». Командующий группой армий «Центр» приказывал «отступать маленькими шагами», не оставлять противнику раненых, неповрежденные боевую технику и вооружение, все населенные пункты поджигать, печи взрывать.

15 января стало решающим днем боев на «зимней позиции». После кратковременной паузы войска 20-й и 1-й ударной армий атаковали противника всеми силами. Немцы, упорно сопротивляясь, остановили продвижение ударной группировки 1-й ударной армии. Зато южнее главные силы 20-й армии, сломив сопротивление врага, к исходу дня вышли к третьей полосе его обороны южнее Шаховской. Генерал Гальдер, оценивая сложившееся положение, констатировал: *«В районе мешка под Сухиничами противник усиливается, главный удар он наносит в северном направлении. К северу от Медыни брешь еще не закрыта. Противник наступает против южного фланга 4-й танковой армии. Продолжается наступление на Волоколамск. Противник вводит дополнительные силы через брешь у Ржева в южном направлении. 23-й армейский корпус испытывает сильный натиск противника, главным образом на своем западном фланге. Прорыв противника на южном фланге 16-й армии. Незначительное продвижение в*

районе Старой Руссы. На Волховском фронте также отмечаются вклинения противника[330]».

Наступление Красной Армии серьезно сказалось на состоянии «здоровья» ряда военачальников вермахта. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб просил освободить его от должности и был 17 января заменен генерал-полковником Кюхлером. Командующий 9-й армией генерал-полковник Штраус передал свою должность генералу пехоты Моделю. У командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Рейхенау «приступ паралича». 17 января он умирает, и на его место назначается генерал-фельдмаршал фон Бок.

Пока наверху проводятся перестановки, фон Клюге пытается спасти свои армии. Его замысел прост: путем ведения эластичной обороны измотать советские войска и выиграть время для перехода в контрнаступление. Все свои действия фон Клюге продумывает основательно и действует без спешки. 16 января он приказывает командующему 4-й армии начать немедленно отход с калужского выступа. После беседы с Гитлером командующий группой армий «Центр» уточняет 18 января войскам задачи: отвести левый фланг 4-й армии на зимние позиции не ранее 23 января, главные силы 4-й и 3-й танковых армий – 24 января, а части прикрытия – 25 января.

В ночь на 16 января части танковых армий, прикрываясь арьергардами, начали общий отход с «зимней позиции». В 10 часов утра соединения первого эшелона 1-й ударной армии перешли к преследованию противника по всему фронту. Сбивая его арьергарды, они в течение дня продвинулись на 12—15 км. 17—18 января преследование противника осуществляли специальные отряды. К утру 19 января войска 1-й ударной армии вышли на рубеж Дулепово, Якутино, Тарасово (до 30 км западнее р. Лама).

Отходящие войска противника 17 и 18 января сильными арьергардами пытались задержать продвижение 16-й армии на рубеже Чернево, Лапино, Леонидово. Однако в результате упорного боя правофланговые части армии овладели этими пунктами, а 20 января они уже вели бой за Рептино. 354-я стрелковая дивизия в этот день заняла Терехово, Княжево, Игнатково и продолжала наступление главными силами в направлении совхоза Болычево. 9-я гвардейская стрелковая дивизия, овладев селениями Сославино, Исаково, Потапово, преследовала противника в направлении Мышкино.

К этому времени войска 16-й армии продвинулись центром на 15 км, а флангами – на 22—25 км, имея средний темп

наступления 3—5 км в сутки. Несмотря на ограниченный успех, достигнутый этой армией, она сыграла большую роль в качестве сковывающей группы, не позволяя противнику использовать часть своих сил на других направлениях.

В труде «Битва за Москву», изданном в 1943 г. под гифом «Секретно», достаточно высокую оценку получил вклад Рокоссовского в организацию и ведение оборонительных и наступательных боев. В нем говорилось*: «Мы видели, как в тяжелые дни обороны и отхода под натиском превосходящих неприятельских сил командующий 16-й армией генерал Рокоссовский и командующий 5-й армией генерал Говоров (вместе с другими армиями) упорно и искусно отстаивали каждый рубеж, преграждая врагу путь на Москву. Под их прикрытием сосредоточивались глубокие резервы и занимали заранее указанные им места в общем оперативном построении*[331]».

Длительные и упорные бои в Подмосковье, проведенные в холодную и снежную зиму, явились хорошей школой для командующего и войск 16-й армии. Рокоссовский приобрел значительный опыт в организации разведки, управления войсками и их взаимодействия, материально-технического обеспечения боя. Он умело применял артиллерию, минометы, гвардейские минометные дивизионы и танки в оборонительных и наступательных боях. Значительный боевой опыт был приобретен при прорыве сильно укрепленной обороны противника, овладении его опорными пунктами.

Прорыв обороны противника на р. Лама создал условия для развития наступления в направлении Гжатска и выхода во фланг 4-й танковой армии противника. Но планы командующего Западным фронтом Жукова спутала Ставка ВГК, которая приказала к исходу 19 января вывести из сражения в свой резерв 1-ю ударную армию. А тут еще, как назло, противник нанес сильный контрудар по левому крылу фронта в районе Сухиничей, где действовала 10-я армия генерала Голикова. 21 января Жуков приказал направить туда управление и штаб 16-й армии, которым предстояло принять в подчинение находившиеся в районе Сухиничей войска и восстановить положение.

Рокоссовский, передав свой участок и войска 5-й армии, вместе с членом военного совета армии Лобачевым поехал на командный пункт фронта. Генералу Малинину поручили вести штабную колонну в Калугу.

На командном пункте Западного фронта Рокоссовского и Лобачева принял начальник штаба фронта генерал Соколовский, а затем и сам Жуков. Он ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле фронта, предупредив, что рассчитывать на

дополнительные силы не придется.

– Надеюсь, – сказал Жуков, – что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Надежда командующего фронтом на скорое освобождение Сухиничей не сбылась. Рокоссовский и его штаб приступили к работе спокойно, не спеша. По пути в Калугу, где развертывался штаб армии, Рокоссовский и Лобачев заехали в Москву, где переночевали у начальника городской милиции В. Н. Романченко, сослуживца Константина Константиновича по Забайкалью. На рассвете, плотно позавтракав, отправились в Калугу, откуда было недалеко до места назначения. В Калуге Рокоссовский решил остановиться и наметить план ближайших действий.

В распоряжение Рокоссовского из 10-й армии поступили 322, 323, 324 и 328-я стрелковые, 11-я гвардейская стрелковая дивизии, 146-я танковая бригада, два лыжных батальона. Соседом слева была 61-я армия генерала М. М. Попова, переданная из Брянского фронта в состав Западного фронта. В командование 10-й армией вместо генерала Голикова вступил генерал В. С. Попов.

В третий раз за полгода Рокоссовский принимал управление новыми соединениями, и опять в кратчайшие сроки. Пока командарм знакомился с частями, штаб четко и спокойно, без спешки, налаживал связь, организовывал разведку противника и местности, готовясь к овладению Сухиничами. С 24 часов 27 января в районе Сухиничи стала действовать новая, 16-я армия.

Соединения, которые поступили в подчинение Рокоссовского, вели боевые действия непрерывно около полутора месяцев. Они продвинулись почти на 300 км, сильно устали и нуждались в отдыхе и пополнении. Локтевой связи друг с другом они не имели, действуя в основном вдоль дорог, на интервалах 20—30 км и более. Еще до передачи дивизий 10-й армии Рокоссовскому было предпринято наступление, в результате которого частям 324-й стрелковой дивизии удалось блокировать группировку генерала фон Гильза в Сухиничах. Когда же Рокоссовский спросил командира дивизии генерала Н. И. Кирюхина, какой характер носит эта блокировка, тот ответил не без иронии:

– Окружить-то их мы окружили, но, знаете ли, как волков на охоте – флажками. Боюсь, как бы самим в окружение не угодить…

Обсудив с командирами штаба сложившуюся ситуацию, Рокоссовский принял решение собрать под Сухиничами все, какие только возможно, силы в кулак и нанести мощный удар. Поступая так, он шел на риск, так как опасно было собирать воедино войска, растянутые в тонкую линию, оголяя тем самым другие

участки. Это решение вызвало критику со стороны заместителя командующего фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, прибывшего в штаб 16-й армии. *«Расположившись в одном из домов со своей машинисткой (больше с ним никого не было), он вызвал меня к себе,* – вспоминал Константин Константинович. – *Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что все мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию*[332]».

Атаку Сухиничей наметили на 29 января. Под утро артиллерия начала обстрел вражеских укреплений, затем двинулась пехота. Противник серьезного сопротивления не оказал. Как выяснилось впоследствии, немцам стало известно, что на этот участок фронта прибыла 16-я армия. Репутация Рокоссовского к тому времени была высокой и у врага. Предполагая, что удар будет нанесен новыми соединениями 16-й армии и опасаясь уничтожения в городе, фон Гильза счел за благо поскорее оставить Сухиничи.

Когда вечером Рокоссовский доложил в штаб фронта: «Сухиничи взят. Город очищается от автоматчиков», – там, очевидно, не поверили в это, потому что сразу же последовал запрос: «Рокоссовскому и Лобачеву. Взят ли Сухиничи? Что значит «очищается от автоматчиков»? Отвечайте, есть ли в городе немцы?» На что Рокоссовский ответил, что штаб его уже разместился в Сухиничах. В этом был определенный риск, так как противник находился всего в 6 км от города и постоянно обстреливал его огнем артиллерии. Несмотря на это, штаб армии остался в этом населенном пункте.

Противник не желал смириться с потерей такого важного узла дорог, как Сухиничи. 30 января командующий группой армии «Центр» приказывает командующему 2-й танковой армией таким образом распределить свои силы на ближайшее время, чтобы в первую очередь сковать крупные силы противника непосредственно перед Сухиничами. Для этого следовало при любых обстоятельствах удержать линию Брынь, Попково, Казарь и обеспечить ее тыловые коммуникации. Отход с этой линии разрешался только по указанию штаба группы армий «Центр». В директиве говорилось:

«Если же русские снимут часть сил или не будут проявлять активность, следует возобновить наступление на Сухиничи.

Следует стремиться к тому, чтобы расширить базис наступления перед Сухиничи и изыскать все средства для обеспечения материального положения 24 тк.

План – атакой с юга, востока и запада отрезать противника, прорвавшегося в район западнее Болхова, – должен быть подчинен требованию «сковать крупные силы противника перед Сухиничи». Следовательно, ни один солдат, который необходим под Сухиничи, не может быть привлечен к операции по отсечению противника[333]».

5 февраля штаб группы армий «Центр» предупредил свои войска, что следует «ожидать наступления противника в районе Сухиничи[334]».

Противник не ошибся в своих прогнозах. Жуков, назначенный 1 февраля главнокомандующим войсками Западного направления с оставлением в должности командующего Западным фронтом, решил разгромить сухиничско-жиздринскую группировку противника и овладеть Брянском. Соответствующая директива была направлена 8 февраля командующему 16-й армией. Одновременно командующий 61-й армией получил задачу разгромить болховскую группировку и нанести удар на Брянск[335]. В связи с этим в 16-ю армию было направлено пополнение в количестве 9 тыс. человек, а в 61-ю армию – 7 тыс. *«Впредь до перехода в общее решительное наступление занимаемые позиции удержать любой ценой,* – отмечалось в директиве, – *частыми наступательными операциями перемалывать противника и занять такое исходное положение, которое бы обеспечило быстрый разгром врага. При этом ни в коем случае не упускать инициативу из своих рук, для чего иметь хотя бы небольшой армейский резерв. Срок перехода в общее наступление не позже 15.2.42*:[336]

Итак, Жуков подгоняет командующих фронтами и армиями. Одновременно Жукова торопит Сталин. В директиве № 01542 Ставки ВГК от 16 февраля говорилось:[337]

«1. Войскам Западного фронта, при содействии 39, 29, 22, 30 и 31-й армий, 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже с готовыми противотанковыми рвами Оленино, Олецкое, Булашево и далее по р. Днепр через Благовещенское до г. Дорогобуж, (иск.) Усвятье, Ельня и далее по р. Десна до Снопоти.

2. К тому же 5 марта 1942 г. войскам Западного фронта разгромить болховско-жиздро-брянскую группировку противника и, уничтожив ее, занять Брянск и закрепиться на нашем старом

оборонительном рубеже с готовыми противотанковыми рвами по р. Десна от Снопоти до Ядрово и далее по линии на Высокое, Красное, Сосновка».

Сталин распорядился направить с 16 по 25 февраля на Западный фронт дополнительно 60 тыс. человек обученного пополнения, 40 танков КВ, 80 танков Т-34 и 80 танков Т-60. Командующему ВВС Красной Армии предписывалось в двухдневный срок передать Западному фронту 20 самолетов Ил-2 и 20 самолетов Як-1 без экипажей. Экипажи для всех указанных самолетов следовало выслать распоряжением главкома Западного направления. В распоряжение Жукова для проведения десантной операции передавались 9-я и 214-я авиадесантные бригады, а для разгрома болховско-жиздро-брянской группировки противника – 5-й гвардейский стрелковый корпус, 97, 116 и 149-я стрелковые дивизии.

Во исполнение указаний Сталина генерал армии Жуков вместе со своим штабом разработал к 17 февраля план операции, предусматривавший выполнение поставленных задач в два этапа. [338]

На первом этапе планировалось с 22 по 26 февраля силами 22, 30 и 39-й армий Калининского фронта при поддержке авиации нанести поражение противнику в районе Оленино. Одновременно войскам 43, 49 и 50-й армий Западного фронта при поддержке двух авиадесантных бригад и авиации предстояло разгромить юхновскую группировку врага.

Второй этап включал наступление войск Калининского и Западного фронтов в период с 25 февраля по 3 марта. При этом для окружения и разгрома ржевско-вяземской группировки противника намечалось привлечь: от Калининского фронта – 22, 30, 39 и 31-ю армии и 11-й кавалерийский корпус; от Западного фронта – 20, 5, 33, 43, 50-ю армии и группу войск генерала Белова. Для их поддержки привлекалась вся авиация обоих фронтов. В результате наступления войска должны были выйти и закрепиться частью сил 22-й и 39-й армий на рубеже Оленино, Олецкое, Булашево, а частью сил 50-й армии, 49-й и 10-й армиями – на рубеже Булашево, р. Днепр, Дорогобуж, Ельня, р. Десна до Ядрово. Соединениям 31, 20, 5-й армий предстояло перейти в наступление 18 февраля.

Разгром жиздринско-брянской группировки и овладение Брянском планировалось возложить на 16-ю армию, усиленную 2-м гвардейским стрелковым корпусом, 97-й и 116-й стрелковыми дивизиями. Войскам армии предстояло выйти на рубеж Ядрово, Высокое, Красное, Сосновка, где перейти к обороне. Войска 61-й армии, усиленные 149-й стрелковой дивизией, должны были во

взаимодействии с 3-й армией Брянского фронта разгромить болховскую группировку противника.

21 февраля Жуков поставил командующим 10, 16 и 61-й армиями конкретные задачи по выполнению директивы Ставки ВГК № 01542[339]. Войска 10-й армии должны были уничтожить противостоящего противника и, развивая наступление в общем направлении на Рославль, выйти и закрепиться на р. Десна. 16-й армии приказывалось нанести главный удар на своем правом фланге, разгромить жиздринскую группировку противника и овладеть рубежом Усохи, Сукремль, Жиздра, Зикеево, Мойлова. В дальнейшем развивать наступление в направлении Дятьково, Сельцо, охватывая Брянск с северо-запада. Для захвата рубежа на р. Десна требовалось выбросить вперед сильные передовые отряды. Войскам 61-й армии предстояло нанести главный удар на своем правом фланге, разгромить во взаимодействии с ударной группой Брянского фронта болховскую группировку противника и в дальнейшем наступать в направлении на Брянск.

Каковы же были планы противника? Главное командование сухопутных войск уже думало о том, какие действия следует предпринять на Востоке после завершения зимы. При этом оно было твердо уверено в том, что советское командование не сможет реализовать свои замыслы. В директиве Главного командования сухопутных войск от 12 февраля отмечалось:

«I. Предварительное замечание:

зимние оборонительные бои на Востоке уже перешли, по-видимому, свою высшую точку. Благодаря непревзойденным усилиям и твердой воле войск вражеский штурм остановлен. Цель русского командования – смять наш фронт в ходе зимнего наступления и уничтожить наши боевые средства – не будет достигнута. Действия наших войск в ходе зимней битвы на Востоке войдут в историю войн как великий солдатский подвиг.

В ближайшие недели до начала таяния снегов речь пойдет о том, чтобы окончательно укрепить фронт, а на отдельных участках и улучшить его, уничтожить прорвавшиеся через фронт вражеские части, численность и боеспособность которых в результате ухудшающегося материального и технического обеспечения должна постепенно падать. Командование должно использовать любую возможность, чтобы навязать противнику свою тактику.

Одновременно следует принять все меры к тому, чтобы переждать распутицу, которая наступит после русской зимы…

IV. План ОКХ

заключается в том, чтобы, ликвидировав вражеские вклинения, улучшив линию фронта (см. раздел V) и уничтожив

просочившиеся в тыловые районы части противника, удержать фронт группы армий «Центр», проведя лишь локальную перегруппировку сил, и обеспечить необходимые положения и перегруппировку соединений.

После завершения распутицы вновь должен быть восстановлен сплоченный фронт обороны.

V. Задачи группы армий на период распутицы:

…Задача ГА «Центр» заключается в том, чтобы создать между районом Болхов и районом Юхнов постоянную позицию, а в остальном удержать существующий фронт.

Осуществляя наступление группировки из района действий 23 ак с целью овладения г. Осташков, необходимо во взаимодействии с ГА «Север» перерезать тыловые коммуникации 3-й и 4-й русских ударных армий и создать предпосылки к тому, чтобы эти группировки остались в районе Осташкова на время распутицы… [340]».

Таким образом, Генеральный штаб сухопутных войск вермахта не верил в то, что советское командование до окончания распутицы предпримет широкие наступательные действия. В то же время допускалась возможность проведения операций ограниченного масштаба. «Перед фронтом центральной группы армий (так в тексте перевода. – *Авт.*) положение противника не изменилось, – отмечал 20 февраля штаб группы армий «Центр», – но следует указать на увеличивающуюся активность противника позади фронта, высадку авиадесантных войск, а также деятельность партизан. По данным разведки и показаниям пленных, противник предполагает в день Красной Армии (23.2) провести особые операции как позади фронта, так и на всех участках при поддержке своих воздушных сил[341]».

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге потребовал от своих войск не позднее 20 марта занять позиции и опорные пункты, благоприятные в отношении обороны, размещения и снабжения. Для этого следовало немедленно приступить к подготовке позиций и опорных пунктов на весну и лето всеми имеющимися в распоряжении средствами[342]. Командующему 2-й танковой армией приказывалось удерживать позиции на своем правом фланге и юго-западнее Сухиничи, а левым флангом выдвинуться с 10 марта из района Маклаки, Косматово в северо-восточном направлении с тем, чтобы занять благоприятную на период распутицы позицию, примыкающую к южному флангу 4-й армии в районе Волая. Независимо от предстоящей операции в ближайшее время следовало во взаимодействии с южным флангом 4-й армии овладеть узловым железнодорожным пунктом Киров. Кроме того, требовалось

построить отсечную позицию на выступе севернее Болхова, чтобы с 1 марта можно было по приказу штаба группы армий произвести отвод войск из этого выступа.

Командующему 4-й армией предписывалось, удерживая занимаемый рубеж, подготовить позицию на реках Угра и Воря с таким расчетом, чтобы незадолго до начала распутицы сюда можно было отвести левый фланг армии. Перед новой позицией требовалось заблаговременно подготовить «зоны пустыни» путем разрушения Юхнова, аэродрома и всех мостов. На правом фланге армии предстояло сосредоточить группировку, которая должна была 10 марта перейти в наступление в юго-восточном направлении во взаимодействии с западным флангом 2-й танковой армии. Цель наступления: занять позицию, благоприятную на период распутицы, перед железной дорогой Киров – Вязьма и южнее шоссе, которая должна проходить по линии Волая, Кобылье, Поскон. Войска 4-й танковой армии должны были удерживать свои позиции на восточном фланге и одновременно готовиться к отводу южного фланга за р. Воря. Для уничтожения советских частей в тылу 4-й танковой армии приказывалось снять с фронта 23-ю пехотную дивизию, а к операции в районе Дорогобуж привлечь 10-ю пехотную дивизию.

В задачу 9-й армии входили подготовка наступления в направлении Осташкова, чтобы в начале марта по возможности крупными силами нанести удар на Селижарово с целью перерезать коммуникации советских войск между Ржевом и Осташковом, а по возможности выйти к Волге. 3-я танковая армия на период распутицы должна была занимать позицию северо-восточнее линии Холм, Демидов, Велиж, Усвяты и Великие Луки. Кроме того, от командующего армией требовалось подготовить дальнейшее продвижение подвижных частей на случай, если «вражеские ударные армии будут отходить на северо-восток».

К. К. Рокоссовский, получив задачу, дал указание штабу армии подсчитать имеющиеся силы и определить возможности войск армии. Вывод был таков: имеющимися силами можно только удержаться на занимаемом рубеже, если противник сам начнет наступать. Дивизии насчитывали от 2 тыс. до 4 тыс. бойцов. Об этом Рокоссовский доложил Жукову. Ответ тот дал короткий и в резком тоне. Его реакция исключала надежду на то, что командование фронтом и Ставка ВГК поймут, может быть, что наступила пора подумать и о накапливании сил для летней кампании, а «не доводить войска, как говорится, до ручки». Рокоссовский пишет, что ему была непонятна основная цель действий войск Западного фронта.

Поскольку генерал армии Жуков требовал безусловного

выполнения поставленной задачи, командующий 16-й армией стал обдумывать, как лучше это сделать. *«Поскольку на широкомасштабные активные действия сил не хватало*, – вспоминал Рокоссовский, – *решили не прибегать к наступлению вообще, а начать его с конкретной целью и на определенные объекты. Наиболее заманчивыми объектами были населенные пункты, занимаемые противником. Потеря каждого из них являлась чувствительным ударом, ибо это сразу отражалось на всей системе обороны в районе потерянного врагом пункта. Такие соображения натолкнули нас на мысль наносить удары последовательно, сосредоточивая (конечно, в пределах возможностей и не оголяя слишком нашу оборону) то тут, то там необходимые силы*[343]».

В соответствии с этим решением Рокоссовский предпринял наступательные действия на правом фланге армии. В них участвовали две неполные дивизии, так как остальная их часть была оставлена на занимаемом ими участке. К полудню один населенный пункт был полностью очищен от врага, который, понеся большие потери, отошел в лес. Попытки противника восстановить положение успеха не имели.

К этому времени Рокоссовский сумел наладить твердую связь с семьей. В своем письме от 17 февраля он пишет: «Милая Люлюсик! Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Все это передал мне лично корреспондент «Правды», побывавший у тебя. Сижу, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого мне не надо. Не грусти, Люлю, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживем по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз. Любящий тебя твой Костя».

Рокоссовский, придерживаясь своего плана последовательного занятия опорных пунктов противника, в качестве следующего объекта выбрал село Попково. Оно находилось недалеко от Сухиничей на высоте, господствовавшей над местностью. Отсюда вражеская артиллерия часто обстреливала Сухиничи. По данным штаба армии Попково обороняли части 18-й танковой дивизии противника численностью до 2 тыс. солдат и офицеров, имелись танки и штурмовые орудия. Само село было подготовлено к круговой обороне.

Наступление было намечено на конец февраля. Главный удар наносила 146-я танковая бригада, имевшая несколько десятков танков Т-34 и КВ. Соседние дивизии получили задачу блокировать противника, укрепившегося в ближайших деревнях. Наступление было хорошо подготовлено. Все передвижения войск

совершались ночью в целях маскировки.

Атаке предшествовала артиллерийская подготовка. По проходам, сделанным ночью в глубоком снегу, двинулись танки с десантом, и тут же следом – пехота, сопровождаемая артиллерийским огнем. Орудия, поставленные затемно на прямую наводку, уничтожали огневые точки и танки противника. Несмотря на то, что он оказал упорное сопротивление, части 16-й армии во второй половине заняли Попково.

После этого началась подготовка к наступлению на село Маклаки, расположенное в 15 км юго-западнее. 8 марта Рокоссовский побывал в частях, которые готовились к атаке на Маклаки, и на аэросанях возвратился на командный пункт. Едва он зашел в дом, где он располагался, как начался очередной обстрел. В доме, кроме командарма, повернувшегося спиной к окну, находились начальник штаба армии Малинин, начальник артиллерии Казаков, еще несколько командиров штаба. Малинин протянул Рокоссовскому приказ на подпись, и в этот момент рядом с домом разорвался снаряд. Сильный удар в спину… У Рокоссовского перехватило дыхание:

– Ну, кажется, попало… – И он опустился на пол.

К нему бросились, подняли, положили на диван, сняли окровавленный китель. Стали вызывать врача. Главный хирург армии Воронцов был в отъезде, и первую помощь Рокоссовскому оказал местный врач Петров. Вскоре возвратился и Воронцов. Врачи вместе осмотрели Рокоссовского и вышли к ожидавшим их решения штабным командирам.

– Что с Константином Константиновичем? – кинулись к ним со всех сторон.

– Генерал тяжело ранен, – ответил Воронцов. – Слепое осколочное ранение правой половины грудной клетки – трансдиафрагмальной с повреждением печени и легкого. Его необходимо немедленно оперировать. Сердце хорошее, не подведет. Надо везти в Козельск, здесь невозможно…

К. К. Рокоссовскому сделали операцию в полевых условиях и эвакуировали санитарным самолетом во фронтовой сортировочный эвакогоспиталь, где было принято решение повторно прооперировать его. По воспоминаниям главного хирурга госпиталя, поздно ночью ему позвонил А. Н. Поскребышев, секретарь И. В. Сталина, поинтересовался состоянием здоровья Рокоссовского. А рано утром в госпиталь прибыл начальник Особого отдела Западного фронта Л. Ф. Цанава и недружелюбным тоном стал задавать вопросы, сознают ли врачи ответственность за жизнь Рокоссовского, все ли необходимое сделали? Через двое суток обнаружилась пропажа:

из истории болезни генерала исчез вкладной лист, заполненный хирургом сразу после поступления командарма в госпиталь. Контрразведчики подстраховались, чтобы в случае печального исхода было против кого сфабриковать «дело[344]».

Несмотря на то что операция прошла успешно, врачи не могли дать гарантии на выздоровление Рокоссовского. Неделю он находился между жизнью и смертью. Вскоре наступило улучшение. В госпиталь часто приезжали с концертами артисты. Здесь и произошла первая встреча Рокоссовского с актрисой Валентиной Серовой, женой писателя К. Симонова. Ее, звезду кино 30—40-х годов прошлого века, называли третьей блондинкой Советского Союза. Тогда на кинематографическом небосклоне царили светловолосые Любовь Орлова и Марина Ладынина. Между тем, Серова отличалась от первых двух чрезвычайно. Она создала на экране новый тип молодой, очаровательной, влекущей к себе веселой девушки. У Серовой было красивое, выразительное лицо, юмор, естественность и совсем не советский эротизм.

В книге Т. Кравченко «Жди меня: история одной любви» приводятся слова Марии Симоновой, дочери Серовой: «Она открыла дверь, с порога увидела огромные глаза на белом лице. И внутри словно что-то упало и оборвалось – у нее такого ощущения никогда не было, когда кажется, будто сердце в пятки уходит… Много лет спустя мама рассказывала, как Рокоссовский мечтал уехать с ней после войны «куда-нибудь далеко, на Кавказ, в горы… Найдем какой-нибудь маленький домик, чтобы рядом была речка, холодная. Будем объезжать окрестности на лошадях и ловить рыбу…»

Мария Симонова после выхода в свет фильма «Звезда эпохи» режиссера Ю. Кары утверждала: «С Рокоссовским у мамы романа не было, это чушь собачья! А в фильме Рокоссовский присылает за ней самолет в Москву, и она летит к нему на свидание на фронт. Это же вообще бред полный, ситуация в духе анекдотов. «Говорят, что…» Конечно, Серова была одной из самых ярких советских актрис, поэтому и завидовали ей, и сплетни вокруг ходили…[345]»

Когда Симонов между командировками на фронт приехал в Москву, Серова честно и безжалостно призналась ему, что любит Рокоссовского. После госпиталя он переехал с вещами на квартиру Серовой. Но роман получился коротким – вскоре нашлись жена и дочь Рокоссовского. Они находились в Новосибирске, где проживали брат и сестра Юлии Петровны. 2 апреля Константин Константинович сообщает жене и дочери:

«Дорогие мои Люлю и Адуся! Пишу вам второе письмо из

госпиталя. Здоровье быстро поправляется. Легкие работают нормально, и никаких последствий не останется. Печень и диафрагма уже зажили. Одним словом, все хорошо… Физически натренированное тело победило смерть. Организм оказался настолько крепким, что поборол все опасности для жизни… По-видимому, дней через 10—15 выпишусь…[346]»

Константин Константинович, находясь в госпитале, добился при поддержке секретаря Московского горкома ВКП(б) разрешения, чтобы жене и дочери выделили квартиру в Москве. В мае они переехали в столицу, на улицу Горького. Сразу же отправились в госпиталь, развернутый в здании Тимирязевской академии, и стали ухаживать за Рокоссовским. Командарма, по возможности, навещали член военного совета Лобачев, начальник штаба Малинин и другие работники штаба. В начале мая Константина Константиновича отправили долечиваться домой. 20 мая начальник эвакогоспиталя № 2366 подписал справку о том, что К. К. Рокоссовский, находившийся на излечении с 9 марта по 22 мая 1942 г., «по выздоровлении выписан для дальнейшего несения военной службы».

В битве на Волге

В конце мая 1942 г. К. К. Рокоссовский, выписавшись из госпиталя, вернулся в 16-ю армию. К этому времени Ставка ВГК завершила планирование летней военной кампании. Предполагалось, что она в целом будет наступательной. Однако считалось, что противник еще в состоянии предпринять одновременное наступление на двух стратегических направлениях – вероятнее всего, на московском и на южном. Больше всего И. В. Сталин опасался за московское направление, где немецкое командование сохраняло главную группировку своих войск. Это мнение разделялось Генеральным штабом и большинством командующих войсками фронтов.

С учетом этих соображений к середине марта были завершены расчеты по плану операций на весну и начало лета. На первом этапе планировалось организовать активную стратегическую оборону, накопить резервы, а затем перейти в решительное контрнаступление. Основные усилия войск предусматривалось сосредоточить на орловско-тульском и курско-воронежском направлениях, на которые выдвигалась и большая часть формировавшихся резервов. Сталин в основном согласился с этим замыслом, но вопреки мнению начальника Генерального штаба маршала Б. М. Шапошникова посчитал необходимым не ограничиваться только обороной, а еще весной предпринять ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Генерал армии Г. К. Жуков со своей стороны предлагал наряду с обороной ограничиться проведением только одной наступательной операции по разгрому ржевско-вяземской группировки врага. Ввиду сложности вопроса и возникших разногласий Сталин приказал еще раз взвесить различные варианты действий и обсудить их на совместном совещании ГКО и Ставки ВГК.

По данным начальника Главного разведывательного управления Красной Армии от 18 марта, противник намечал перенести центр тяжести весеннего наступления «на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы». В докладе отмечалось, что для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий. Наиболее вероятный срок перехода в наступление – середина апреля или начало мая.[347]

Этот же вывод подтверждала и информация, поступившая в Государственный Комитет Обороны через пять дней от органов госбезопасности: *«Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги…и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа*[348]».

Естественно, что полученная разведывательная информация оказала определенное влияние на принятие Ставкой ВГК окончательного решения. В конце марта, как и планировалось, состоялось совместное совещание ГКО и Ставки ВГК. На нем присутствовали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Н. С. Хрущев, И. Х. Баграмян.

На совещании с докладом, соответствующим в основном установкам Сталина, выступил маршал Шапошников. В то же время Борис Михайлович предложил вновь ограничиться стратегической обороной. Особенно категорически он высказался против намечавшейся наступательной операции на юго-западном стратегическом направлении.

Однако Сталин, оборвав его на полуслове, резко возразил:

– Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

Маршал Тимошенко уверенно заявил, что войска Юго-Западного направления сейчас в состоянии нанести упреждающий удар с целью расстроить наступательные планы противника против Южного и Юго-Западного фронтов. Такого же мнения придерживался и маршал Ворошилов, считавший, что войск на юге достаточно, чтобы смять врага.

Сталин приказал предложенную Тимошенко стратегическую операцию перепланировать в частную. Однако содержание доклада главкома Юго-Западного направления заставляет усомниться в ее частном характере[349]. Тимошенко отмечал: *«Основная задача Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании, по мнению военного совета, должна состоять в овладении на левом крыле районами Харьков и Красноград, а на*

правом крыле и в центре – Курском и Белгородом». В дальнейшем, наступая в общем направлении на Киев, предусматривалось выйти на Днепр. На Южный фронт предлагалось возложить задачу *«до наступления весенней распутицы и до вступления в операцию крупных резервов – занять Краматорск, Славянск, овладеть таганрогским плацдармом, а в ходе весенне-летней кампании – окружить и уничтожить Донбасскую и Таганрогскую группировки противника, выйти на Днепр».*

Генерал армии Жуков отстаивал свой вариант действий. В итоге мнения вновь разделились. Решение так и не было принято. Лишь через несколько дней Сталин дал окончательные указания. Стратегический замысел теперь сводился к тому, чтобы в мае провести крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

Наиболее детально стратегический план был разработан на первый этап – апрель – июнь 1942 г. Вторая часть плана, связанная с переходом в общее наступление, намечалась лишь в общих чертах. Ее предусматривалось уточнить по конкретным результатам военных действий весной. Тем не менее сохранилась карта Генерального штаба с наметками наступательных операций до конца года. В соответствии с ней намечалось нанести главные удары сначала на юго-западном, а затем на западном направлении и далее выйти на государственную границу СССР. [350]

Следовательно, в силе оставалась прежняя идея Сталина: 1942 год должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от немецкой оккупации. Эта идея затем была провозглашена и в первомайском поздравительном приказе Сталина.

В Ставке противника практически в это же время шла разработка плана весенне-летней кампании. И здесь не обошлось без борьбы мнений: Гитлер и Кейтель настаивали на проведении наступательной операции на юге; Гальдер добивался нанесения удара на Москву. Но в конечном итоге начальник Генерального штаба Сухопутных войск вынужден был уступить.

5 апреля Гитлер подписал директиву № 41, в которой говорилось:

«Весенняя кампания в России приближается… Как только условия погоды и местность будут благоприятствовать, немецкое

командование и войска, используя свое превосходство, вновь должны захватить инициативу в свои руки и навязать противнику свою волю. Цель заключается в том, чтобы уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». И далее: *«Общие направления плана кампании на Востоке остаются в силе; главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге осуществить прорыв на Кавказ. Задача может быть выполнена только путем расчленения ее на несколько этапов… Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожения противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет*[351]».

11 апреля на совещании с командованием Сухопутных войск Гитлер дал указание подготовить документы, необходимые для осуществления плана летнего наступления на южном участке Восточного фронта. Операция получила кодовое наименование «Блау» («Синий») и планировалась в три этапа. На первом этапе («Блау-I») предусматривалось осуществить прорыв на Воронеж. На втором этапе («Блау-II») намечалось развернуть наступление по сходящимся направлениям вдоль правого берега Дона и из района Таганрога в общем направлении на Сталинград. На третьем этапе («Блау-III») планировалось всеми силами вторгнуться на Кавказ. Для участия в операции предполагалось привлечь все силы группы армий «Юг» в составе четырех-пяти полевых и двух танковых армий, а также выдвигавшиеся на фронт итальянские и румынские войска.

Для того чтобы скрыть направление главного удара в летней кампании, штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль». С этой целью был подготовлен, а 29 мая подписан приказ о наступлении на Москву: *«Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района*[352]». Этот приказ, будто бы совершенно секретный, был составлен в 22 экземплярах, в то время как другие приказы составлялись в 10—16 экземплярах. Естественно, что его содержание стало известно советскому командованию – об этом немцы позаботились.

Для большей убедительности по плану операции «Кремль»

осуществлялись мероприятия, имитирующие подготовку наступления в группе армий «Центр». Проводилась аэрофотосъемка московских оборонительных позиций, осуществлялась радиодезинформация, размножались планы столицы и крупных городов, проводились перегруппировки войск. Все это должно было способствовать тому, чтобы Генеральный штаб Красной Армии поверил: основные события летом 1942 г. развернутся на московском направлении.

Анализ планов двух Ставок показывает, что они ставили перед собой решительные цели, но для их осуществления были избраны различные способы. Немецкий план строился на нанесении упреждающего удара с последовательным разгромом противостоящих советских войск и сосредоточением всех усилий на одном решающем стратегическом направлении.

Ставка ВГК планировала одновременно и обороняться, и наступать. Это была серьезная ошибка, усугубляющаяся рядом других просчетов. Во-первых, неверно оценивался возможный план действий противника, прежде всего направление его главного удара. Считая, что германские войска будут вновь наступать на Москву, Ставка ВГК соответствующим образом определила расстановку сил, в том числе группировку стратегических резервов. Во-вторых, игнорировались возможные дезинформационные действия противника. В результате ложный план врага «Кремль», призванный прикрыть главную операцию, достиг своей цели. В-третьих, ошибочно оценивалось состояние своих войск и реально складывавшееся соотношение сил, так как считалось, что существенное превосходство над врагом уже достигнуто. Действительно, к 1 мая 1942 г. общая численность Советских Вооруженных Сил по сравнению с декабрем 1941 г. увеличилась на 2 млн. человек и составляла уже 11 млн. На вооружении Красной Армии имелось 83 тыс. орудий и минометов, более 10 тыс. танков и 11,3 тыс. боевых самолетов. Было сформировано 11 танковых корпусов. Стали создаваться две танковые армии, увеличилось количество артиллерийских частей. Но в составе действующих фронтов к весне находилось только 5,6 млн. человек, около 5 тыс. танков, 41 тыс. орудий и минометов, 4,2 тыс. боевых самолетов.[353]

У противника к этому времени имелось 9 млн. солдат и офицеров, 82 тыс. орудий и минометов, около 7 тыс. танков, 10 тыс. боевых самолетов. Из них на Восточном фронте находилось 5,5 млн., а с учетом союзников – 6,5 млн. человек, 57 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков, 3,4 тыс. боевых самолетов[354]. Следовательно, противник имел превосходство в 1,1 раза в живой силе и в 1,4 в орудиях и минометах, а советские

войска – в 1,6 раза в танках и в 1,2 раза в самолетах. Такое соотношение предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

Г. К. Жуков, оценивая намерения Ставки ВГК и Генерального штаба, позднее писал: *«В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых частных наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к генеральному наступлению…*[355]» Настаивая на нанесении мощных ударов на Западном стратегическом направлении с целью разгрома ржевско-вяземской группировки противника силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, Георгий Константинович рассчитывал, что *«разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере, на ближайшее время».* И далее он признает: *«Конечно, теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте*[356]».

В мае 1942 г., практически в одно и то же время, развернулись ожесточенные сражения под Ленинградом и Демянском, в Крыму и под Харьковом. Войска Северо-Западного фронта, проводившие Демянскую операцию, не сумели добиться успеха, и в результате противник удерживал свои оборонительные позиции на этом направлении вплоть до весны 1943 г. На юге потерпел сокрушительное поражение Крымский фронт, в результате чего Крымский полуостров в начале июля был сдан противнику.

17 мая немецкие войска, пытаясь сорвать наступление на Харьков, нанесли мощные контрудары по правому крылу Южного фронта и вынудили его начать отход на север и северо-восток. За двое суток противник продвинулся на 50 км и вышел во фланг Юго-Западному фронту, угрожая его тылам. Генеральный штаб высказался за то, чтобы прекратить наступление на харьковском направлении и использовать главные силы фронта для ликвидации угрозы окружения. Несмотря на это, Сталин по-прежнему требовал от командования фронтом выполнения первоначальной задачи. В результате в окружение попали войска 6-й и 57-й армий. Это была очередная катастрофа в Красной Армии: Южный и Юго-Западный фронты потеряли свыше 270 тыс. человек, 775 танков, более 5 тыс. орудий и минометов.[357]

Весь замысел Верховного Главнокомандования по развитию

успеха зимней кампании провалился в короткие сроки. Войска потеряли ряд важных районов и плацдармов, а значительная часть резервов Ставки ВГК, предназначавшаяся для летнего наступления, была бездарно израсходована. Виноватыми, как всегда, оказались в основном те, кто выполнял приказы Ставки. За поражение Крымского фронта были смещены и понижены в должности и в звании командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, член военного совета дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, командующие 44-й и 47-й армиями генерал-майор С. И. Черняк и генерал-майор К. С. Колганов, командующий авиацией фронта генерал Б. М. Николаенко. Был снят с должности и направлен в распоряжение Генерального штаба начальник штаба фронта генерал-майор П. П. Вечный. На этот раз не избежал гнева своего главного покровителя и Л. З. Мехлис, которого сместили с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии и понизили в звании до корпусного комиссара. Будучи представителем Ставки ВГК в Крыму, он стремился решать многие вопросы единолично, подменяя собой командование Крымского фронта. В поражении под Харьковом Сталин обвинил всех членов военного совета Юго-Западного направления и прежде всего – командующего маршала С. К. Тимошенко и секретаря ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущева.

А что же происходило все это время в полосе 16-й армии? К. К. Рокоссовский принял командование ее в тот момент, когда войска готовились к проведению частной наступательной операции. Они совместно с 61-й армией генерал-лейтенанта М. М. Попова должны были отвлечь внимание противника от подготовки наступления на правом крыле Западного фронта. Однако недостаток сил не позволил создать достаточно мощную группировку для прорыва вражеской обороны. Поэтому первоначальный успех советских войск развить не удалось. К тому же в ходе боя обнаружилось, что танковый корпус, имевшийся в составе армии, расположен слишком далеко и запаздывает со вступлением в бой. Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, находившийся в то время в 16-й армии, вспоминал: *«К нашему удивлению, увидели, что механизированные войска вовсе не готовы к немедленному вводу их в прорыв. Выяснилось, что повинен в этом начальник штаба армии. По своему усмотрению он дал указание, что мехвойска будут вводиться в прорыв лишь на второй день операции, как это было принято делать в мирное время на больших учениях и маневрах. Самовольство начштаба, его приверженность к шаблону во многом помешали 16-й армии полностью выполнить стоявшие*

перед ней задачи[358]».

На пути танков встретилась речушка с заболоченными берегами, и переправа через нее на несколько часов задержала танкистов. Приблизившиеся к месту боя танковые бригады подверглись атакам немецких пикирующих бомбардировщиков. Тем временем противник успел подбросить подкрепления, и продвижение советских войск было остановлено. В течение нескольких дней им пришлось вести оборонительные бои. Задача, поставленная командованием, выполнена не была.

Не принесла успеха 16-й армии и наступательная операция, проведенная в июне. Хотя для действий на брянском направлении привлекалось больше сил, чем в прошлый раз, сражение все же носило местный характер. Для наблюдения за ходом боев в армию прибыл командующий Западным фронтом генерал армии Жуков, проверивший подготовку войск и одобривший план наступления. Вместе с Рокоссовским он отправился на НП, устроенный на высоте, откуда прекрасно было видно поле боя. Наблюдая за тем, как пехота ворвалась в траншеи неприятеля, Рокоссовский и Жуков вылезли из окопа и стояли, увлеченные происходящим. Внезапно Константин Константинович скорее почувствовал, чем увидел, что с тыла к высоте устремилась девятка штурмовиков. «Накроют!» – мелькнула мысль, и в то же мгновение самым категорическим тоном он скомандовал:

– Немедленно в укрытие!

Едва спрыгнули в окоп, как вокруг раздались оглушительные взрывы, со стенок окопов посыпалась земля, засвистели осколки… Досаднее всего, что это были свои самолеты, применившие реактивные снаряды, эффективность которых пришлось испытать на себе командующим фронтом и армией.

К полудню противник сумел остановить войска 16-й армии, и по приказу командования фронта она перешла к обороне. На этом ее наступательные действия закончились. Вскоре после этого Рокоссовский распрощался с 16-й армией, во главе которой он находился почти год.

В начале июля Жуков вызвал Рокоссовского по ВЧ:

– Как считаешь, Малинин справится с должностью командарма?

– Да, конечно, – ответил Константин Константинович, немало удивленный таким вопросом.

– Ставка предполагает назначить тебя командующим Брянским фронтом. Есть возражения?

Предложение было совершенно неожиданным и немного озадачило Рокоссовского. Мелькнула мысль: «Справлюсь ли?» Он спросил:

– Может, не стоит уходить мне из армии?

Но Жуков был категоричен:

– Это решено. Предупреди Малинина и немедленно выезжай в Москву.

В тот же вечер распоряжение Ставки ВГК было получено, и Рокоссовский отправился в Москву. В Ставке ВГК Константина Константиновича принял Сталин. Он в общих чертах ознакомил его с положением на воронежском направлении, а затем сказал, что если у Рокоссовского имеются на примете дельные работники, то он поможет их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавались новому – Воронежскому фронту, который формировался между Брянским и Юго-Западным фронтами. Рокоссовский назвал М. С. Малинина, В. И. Казакова, Г. Н. Орла и П. Я. Максименко. Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать их в распоряжение Рокоссовского, пожелав ему успеха на новой должности. Он также велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная.

Так Рокоссовский стал командовать фронтом. Это была большая честь, и в то же время новая должность налагала на него огромную ответственность. Если немного пофантазировать, то можно предположить, что Константин Константинович, учитывая его военную карьеру в 30-е годы, мог возглавить фронт еще до начала войны. Вспомним прохождение военной службы маршалами Жуковым, Тимошенко, Мерецковым. Но это только фантазия. Реальность была такова – арест и три года лагерей отодвинули Рокоссовского назад. И все-таки его талант военачальника получил вскоре признание. Прошло немногим более года с начала войны, как он поднялся еще на одну ступень в военной иерархии. К продвижению Рокоссовского приложил руку и Жуков, хорошо знавший его по совместной службе до войны.

Фронт – это оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, предназначенное для решения оперативно-стратегических задач на нескольких операционных (иногда на одном стратегическом) направлениях континентального театра военных действий. Свои задачи фронт выполняет путем проведения фронтовых операций, как правило, во взаимодействии с другими фронтами, объединениями и соединениями различных видов вооруженных сил, участвующими в стратегической операции, а в некоторых случаях и

самостоятельно. Боевой состав фронта в годы войны определялся в зависимости от поставленных задач, важности и оперативной емкости направлений, на которых он действовал, и других условий. В него входили несколько армейских объединений, авиация, отдельные общевойсковые соединения, части и соединения различных родов войск и специальных войск, а также соединения, части и учреждения фронтового тыла. Кроме того, фронт получал при необходимости на усиление различные соединения и части РВГК.

13 июля 1942 г. Сталин и Василевский подписали приказ Ставки ВГК № 170507: *«Назначить генерал-лейтенанта Рокоссовского К. К. командующим Брянским фронтом с освобождением его от командования 16-й армией. Временно командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Чибисову по сдаче фронта обратиться к исполнению своих обязанностей по должности заместителя командующего того же фронта*.[359]

К. К. Рокоссовский вступил в командование войсками Брянского фронта в то время, когда они участвовали в Воронежско-Ворошиловградской операции. Эта стратегическая оборонительная операция войск Брянского, Воронежского (с 7 июля), Юго-Западного (до 12 июля) и Южного фронтов проводилась с 28 июня с целью отразить наступление противника на воронежском и кантемировском направлениях. Противник в ходе летнего наступления на южном крыле советско-германского фронта планировал захватить Сталинград и овладеть Кавказом силами группы армий «Юг» (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов; ком. – генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок). В последующем эта группа армий была разделена на группу армий «Б» (6-я армия и армейская группа «Вейхс»; генерал-полковник М. Вейхс) и группу армий «А» (1-я танковая и 17-я армии; генерал-фельдмаршал В. Лист), которым предстояло последовательно провести две операции. Группу армий «Юг» поддерживали 1640 самолетов 4-го воздушного флота.

Главные силы армейской группы «Вейхс» (немецкие 55-й армейский корпус, 4-я танковая армия, венгерская 2-я армия) с 28 июня и 6-я армия с 29 июня приступили к проведению операции «Блау» (с 30 июня – «Брауншвейг»). К 3 июля подвижные группы противника соединились в районе Старого Оскола и окружили основные силы советских 21-й и 40-й армий, однако те сумели частично вырваться из окружения. Для восстановления положения на рубеж Дона были выдвинуты резервные 3, 6 и 5-я армии, переименованные соответственно в 60-ю (генерал-лейтенант М. А. Антонюк), 6-ю (генерал-майор Ф. М. Харитонов)

и 63-ю (генерал-лейтенант В. И. Кузнецов) армии.

7 июля противник начал операцию «Клаузевиц» с целью нанесения удара на юг – в тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Ставка ВГК, разгадав замысел врага, еще 6 июля приказала отвести войска Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов. С целью улучшения руководства войсками Брянский фронт 7 июля был разделен на два фронта: Брянский и Воронежский. Противник сумел расширить прорыв до 300 км по фронту и глубоко охватил с севера и северо-востока войска Юго-Западного фронта. Маршал Советского Союза А. М. Василевский, оценивая то, что произошло западнее Воронежа, вспоминал: *«Тех сил и средств, которыми он (*Брянский фронт. – *Авт.) располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвавшегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М. Е. Катуков, Н. В. Фекленко, М. И. Павелкин, В. А. Мишулин, В. М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогали своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей*[360]».

К. К. Рокоссовский, получив приказ о назначении командующим Брянским фронтом, немедленно выехал в штаб фронта, размещавшийся в деревне Нижний Ольшанец, в нескольких километрах к востоку от Ельца. Начальник штаба генерал М. И. Казаков ознакомил нового командующего с соединениями, входившими в состав фронта, и их положением. Брянский фронт включал в себя 3-ю армию генерал-лейтенанта П. П. Корзуна, 48-ю генерал-майора Г. А. Халюзина, 13-ю генерал-майора Н. П. Пухова, 5-ю танковую армию генерал-майора А. И. Лизюкова (вскоре она была расформирована), 1-й и 16-й танковые корпуса и 8-й кавалерийский корпус.

Первой задачей Рокоссовского была организация устойчивой

обороны на левом крыле фронта, противодействие попыткам войск противника прорваться на север вдоль западного берега Дона. Это ему удалось. Отразив все попытки противника продвинуться на этом направлении, войска фронта перешли к обороне.

Рокоссовский, верный своей привычке, большую часть времени проводил в частях. Он неизменно добирался до окопов. В одну из таких поездок произошла встреча, которая надолго запомнилась командующему фронтом.

В окопы стрелкового полка Рокоссовский пришел с его командиром. В одном из узких мест траншеи Константин Константинович лицом к лицу столкнулся с пожилым красноармейцем, посторонившимся, чтобы пропустить генерала. Рокоссовский уже миновал его, но что-то во взгляде бойца заставило остановиться комфронта. Он обернулся, вгляделся, и сердце его дрогнуло: он знал этого солдата, знал очень давно. Видимо, и красноармеец узнал его. Легкая улыбка появилась на губах солдата… Первым заговорил генерал:

– Иван Хопров, это ты?

Улыбка солдата стала шире.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

Рокоссовский шагнул к бойцу, крепко обнял, расцеловал.

– Но, подожди, ты же тогда пропал без вести, мы считали, что убили тебя? Во время поиска, за Двиной, не так ли?

– Так точно! Но жив я остался, в плен попал, товарищ генерал!

Рокоссовский, повернувшись к командиру полка, сказал:

– Свяжитесь с командиром дивизии, пусть он передаст в штаб фронта, что я задержусь у вас.

В этот вечер Рокоссовский в штаб фронта не возвратился. Всю ночь в солдатской землянке они с бывшим драгуном вспоминали прошлое…

Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция завершилась 24 июля. Советские войска из-за просчетов Ставки ВГК в определении направления главного удара противника и нерешительных действий командующих фронтами и армиями потеряли только безвозвратно почти 371 тыс. человек.[361]

К концу июля в результате потери Крыма, поражения советских войск под Харьковом, в Донбассе и под Воронежем стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. Драматизм обстановки того времени нашел отражение в приказе № 227, подписанном 28 июля наркомом обороны И. В. Сталиным:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь

Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию. А многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

…Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину…

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв…

Не хватает порядка, дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

…Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины…

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях…

[362]»

В приказе № 227 ни слова не сказано о том, кто же действительно виноват в поражениях Красной Армии летом 1942 г. Всю вину за это Сталин возложил на «паникеров». Да, в определенной степени «паникеры» оказывали отрицательное влияние на ход боевых действий. Но истинным виновником неудач советских войск была Ставка ВГК и, в первую очередь, Сталин, который при определении характера действий Красной Армии поступил необдуманно. Виноваты и члены Ставки ВГК, которые не сумели отстоять свое мнение перед Верховным Главнокомандующим.

После завершения Воронежско-Ворошиловградской операции войска Брянского фронта по приказу Ставки ВГК приступили к созданию прочной обороны на своем участке. Пользуясь передышкой в боевых действиях, Рокоссовский с группой работников штаба и политуправления фронта объехал войска. На правом крыле фронта бои затихли еще в июне. Части 3-й армии за это время прочно закрепились на своем рубеже и продолжали совершенствовать оборону. Армией командовал генерал-лейтенант П. П. Корзун, бывший кавалерист, ставший неплохим общевойсковым начальником. Остался командующий фронтом доволен и 48-й армией, которой командовал генерал-майор Г. А. Халюзин. Правда, в обеих армиях ощущался большой некомплект в личном составе и недостаток вооружения, особенно автоматического. Но в то время это была общая беда. Соседу справа Западному фронту была передана из состава Брянского фронта 61-я армия генерал-лейтенанта М. М. Попова. На левом фланге Брянского фронта войска 13-й армии генерал-майора Н. П. Пухова и 38-й армии генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова усиленными темпами создавали прочную глубоко эшелонированную оборону. Боевые действия здесь сводились к действиям разведки и коротким артиллерийским и минометным перестрелкам.

В августе на пополнение Брянского фронта прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. «*Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину,* – вспоминал Рокоссовский. – *Правительство поверило чистосердечности их порыва. Так и появилась эта бригада у нас на фронте. Бойцы ее быстро освоились с боевой обстановкой; мы убедились, что им можно доверять серьезные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему. В бригаде появились отличные снайперы. Как заправские*

охотники, они часами подкарауливали гитлеровцев и редко выпускали их живыми. «Беспокойная» бригада воевала неплохо. За доблесть в боях с большинства ее бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали[363]».

Штаб фронта пополнялся опытным командным составом. Вместо М. И. Казакова, убывшего на Воронежский фронт, начальником штаба стал М. С. Малинин, на должность начальника артиллерии фронта прибыл В. И. Казаков, начальником связи стал П. Я. Максименко – старые сослуживцы Рокоссовского, с которыми он давно сработался. Начальником тыла оказался энергичный, хорошо знающий дело генерал Н. А. Антипенко. Заместителем командующего фронтом по формированиям был генерал П. И. Батов, старый боевой командир, прекрасный строевик, с хорошими организаторскими способностями.

К. К. Рокоссовский умел создавать творческую обстановку для работы своих подчиненных. Генерал армии П. И. Батов вспоминал: *«Он не любил одиночества, стремился быть ближе к деятельности своего штаба. Чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие встречаются трудности, поможет советом, предложит обдумать то или другое положение. Все это создавало удивительно приятную рабочую атмосферу, когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать свое суждение, отличное от суждений старшего. Наоборот, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать, смелее говорить*[364]».

Своеобразно контролировал Рокоссовский и исполнение своих указаний работниками штаба. *«К исходу дня начальники управлений, командующие родами войск, оперативные работники возвращались с переднего края,* – пишет Батов. – *Стало правилом: все собираются вместе, и командующий заводит беседу по итогам работы каждого товарища. Это тоже сплачивало коллектив, приносило людям исключительную пользу*[365]». К этому можно добавить и свидетельство генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко: *«К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда, когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду, и что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего.*

Рокоссовского на фронте не боялись, его любили[366]».

Во второй половине августа Рокоссовского вызвал по ВЧ Сталин. Выслушав доклад командующего фронтом, он сказал:

– Под Сталинградом идут тяжелые бои. Немцы беспрерывно атакуют, бросают в бой новые танковые дивизии. Вам надо отдать часть войск сталинградскому направлению. Чем вы, товарищ Рокоссовский, можете помочь Сталинграду?

Рокоссовский подумал, взвесил свои возможности и ответил:

– Наиболее существенная помощь, товарищ Сталин, наши танковые корпуса. Хотя они и здесь нужны, но мы пока постараемся обойтись без них.

– Спасибо, товарищ Рокоссовский. Я так и думал и согласен с вами. Получите директиву и сразу отправляйте танковые корпуса. До свидания, товарищ Рокоссовский.

Рокоссовский направил на помощь Сталинграду два танковых корпуса под командованием генералов М. Е. Катукова и П. А. Ротмистрова.

Что же происходило на сталинградском направлении? Противнику удалось к 10 августа оттеснить войска 62-й, 64-й армий, 1-й и 4-й танковых армий на левый берег Дона, где они заняли оборону на внешнем обводе Сталинграда. Войска Юго-Восточного фронта, созданного 7 августа, сумели к 10 августа остановить юго-западнее города 4-ю танковую армию противника. 19 августа он возобновил наступление, стремясь овладеть Сталинградом одновременными ударами с запада и юго-запада. 23 августа 14-му танковому корпусу немецкой 6-й армии удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. 3 сентября войска 1-й гвардейской армии генерала К. С. Москаленко предприняли наступление в целях соединиться с 62-й армией, оборонявшей Сталинград. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, войска 1-й гвардейской армии медленно продвигались в южном направлении, постепенно сужали коридор, занятый противником и отделявший их от частей 62-й армии. До начала наступления ширина этого коридора составляла не менее 8 км, а к исходу 3 сентября от 3 до 5,5 км. Однако в тот день соединиться с 62-й армией не удалось.

На рассвете 5 сентября было предпринято новое наступление, теперь уже силами трех армий – 24, 66 и 1-й гвардейской. Но из-за недостатка снарядов плотность артиллерийского огня оказалась небольшой, полностью подавить оборону противника не удалось, и поэтому продвижение частей было незначительным. 13 сентября противник, вплотную подойдя к Сталинграду, начал его штурм. К 26 сентября враг захватил центр города, но не смог выполнить основной задачи – овладеть всем берегом Волги в

районе Сталинграда. Войска 62-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, окруженные с трех сторон, стойко и мужественно отбивали все новые и новые попытки врага рассечь ее на части и уничтожить.

В сентябре Рокоссовскому снова позвонил Сталин:

– Как обстоят дела на вашем фронте, товарищ Рокоссовский?

Рокоссовский подробно доложил о боевых действиях Брянского фронта в условиях временного спада активности войск.

– А не скучно ли вам на Брянском фронте, товарищ Рокоссовский, в связи с затишьем?

– Без дела не сидим, товарищ Сталин, но активных действий не ведем.

– Выезжайте в Москву. Тут и продолжим наш разговор.

На этом разговор закончился. Утром, в совершенном неведении о причинах вызова, Рокоссовский выехал в Москву. По совету предусмотрительного Малинина он захватил с собой материал о состоянии войск фронта.

В Ставке ВГК Рокоссовский был принят Жуковым. Тот познакомил его с общей обстановкой на юге страны и с событиями на сталинградском направлении. Жуков сказал, что Рокоссовского «сватают» под Сталинград, где намечалось сосредоточить на фланге противника достаточно мощную группировку из трех-четырех армий и нескольких танковых корпусов для нанесения контрудара в южном и юго-западном направлениях. Группировка должна была участвовать в создании кольца окружения прорвавшегося к Волге противника и в первую очередь 6-й армии генерал-полковника Паулюса.

После этого Рокоссовского принял Сталин. Он сухо поздоровался с Константином Константиновичем и сказал:

– Немцы в нескольких местах прорвались к Волге. Обстановка под Сталинградом резко ухудшилась. Намеченная операция отменяется. Войска создаваемой группировки передаются Сталинградскому фронту. Надо спасать город. Вам надо, товарищ Рокоссовский, срочно вылететь на юг и принять командование Сталинградским фронтом. Все остальное узнаете от Жукова, когда будете лететь. Туда же, на Сталинградский фронт, вылетает комиссия Ставки во главе с генералом Боковым с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. Часть военачальников уже смотрит за Волгу. Жду вашей информации о положении дел и принятых мерах. На месте виднее. Сталинград надо удержать во что бы то ни стало. До свидания.

Из кабинета Рокоссовский уходил со смешанными чувствами: его посылали на важный и опасный участок, где предстояло

принимать сложные и ответственные решения. Но это, скорее, вдохновляло, а не беспокоило его.

28 сентября Сталин и Василевский подписывают приказ № 994209 Ставки ВГК:

«В связи с усложнившейся обстановкой под Сталинградом, большой протяженностью фронтов и с возросшим количеством армий в них, а также в целях удобства управления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта с непосредственным подчинением каждого из них Ставке Верховного Главнокомандования: из состава Сталинградского фронта – Донской фронт, включив в него 63, 21, 4-ю танковую, 1 гвардейскую, 24 и 66-ю армии, и из состава Юго-Восточного фронта – Сталинградский фронт, включив в него 62, 64, 57, 51 и 28-ю армии.

2. Назначить командующим войсками Сталинградского фронта генерал-полковника Еременко А. И.

3. Назначить командующим Донским фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского К. К., освободив его от должности командующего Брянским фронтом… [367]».

В состав военного совета Донского фронта был дополнительно введен корпусной комиссар А. С. Желтов, бывший до этого членом военного совета 63-й армии. Заместителем командующего войсками Донского фронта назначался бывший начальник штаба Сталинградского фронта генерал-майор К. А. Коваленко, а начальником штаба Донского фронта – генерал-майор М. С. Малинин. Этим же приказом от должности освобождался заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенант В. Н. Гордов.

По решению Ставки ВГК к 31 октября был сформирован Юго–Западный фронт под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Ему совместно со Сталинградским и Донским фронтами предстояло провести операцию «Уран» по окружению и разгрому группировки противника под Сталинградом.

Рокоссовский и Жуков, как этого требовал Сталин, немедленно вылетели на самолете Ли-2 в Сталинград. На аэродроме их уже ждали, и они сразу же отправились на наблюдательный пункт Сталинградского (теперь уже Донского) фронта, находившийся на левом крыле, возле Ерзовки. По прибытии на НП фронта и Рокоссовскому и Жукову сразу стало ясно, что задача по ликвидации коридора, отделявшего войска фронта от 62-й армии, вряд ли разрешима с теми силами и средствами, которые имелись в наличии. Генерал В. Н. Гордов, которого они застали на НП, нервничал, ругал по телефону

командармов, не стесняясь в выражениях. Рокоссовский, никогда не унижавшийся до ругани, вспомнил, что подобный метод командования солдаты достаточно метко окрестили «матерным управлением». Жуков тоже не одобрил Гордова.

– Бранью ничего не добьешься, – сказал он Гордову, – надо как следует организовать бой.

Однако Жуков и Рокоссовский понимали, что в распоряжении Гордова слишком мало средств, силы противника даже превосходили советские войска.

Пока генерал Гордов «наводил порядок», Рокоссовский и Жуков направились на командный пункт фронта, откуда Георгий Константинович хотел связаться с генералом Василевским, находившимся на Юго-Восточном фронте у генерала Еременко. «*С большим трудом мы узнали о том, что управление и штаб фронта генерала А. Еременко, вопреки требованиям Ставки, перебрались на восточный берег Волги,* – рассказывал Рокоссовский генералу Сульянову. – *Это, естественно, удивило нас обоих, ибо мы с Жуковым оставались сторонниками того, чтобы командующий оставался там, где сражаются его дивизии и армии, тогда сподручнее и управлять войсками, и владеть обстановкой. Потом Жуков рассказывал, как разозлился Верховный, требовавший «перетащить Еременко к Чуйкову», т. е. на западный берег Волги*[368]».

К ночи на командный пункт фронта возвратился Гордов.

– Я приказал войскам перейти к обороне, – начал он докладывать Жукову. – Они понесли потери, но нигде прорвать оборону противника не смогли.

– Чем вы объясняете это?

– У меня недостаточно артиллерии и минометов. Плохо с боеприпасами. Но главное – спешка! Не было возможности организовать взаимодействие, войска вступали в бой без подготовки, по частям.

– Кто же в этом виноват? – спросил Жуков.

Гордов ответил:

– Я докладывал в Ставку, что времени на подготовку операции дали мало, но мне было приказано наступать немедленно.

В разговор вступил Рокоссовский, до этого молчавший. В присутствии представителя Ставки ВГК Г. М. Маленкова он твердо сказал:

– Я поддерживаю генерала Гордова в необходимости тщательной подготовки наступления, обеспечения войск самым необходимым для боя. Одновременно прошу вас дать мне возможность самому командовать войсками.

На этот раз Жуков остался внешне спокойным и даже улыбнулся, что в боевой обстановке с ним случалось крайне редко. Рокоссовского поддержал Маленков.

– Короче говоря, хотите сказать, что мне здесь делать нечего. Хорошо, сегодня вечером я улечу.

И в самом деле, Жуков улетел вместе с Маленковым в Ставку ВГК.

Специальная комиссия во главе с заместителем начальника Генштаба генерал-майором Ф. Е. Боковым проявила большую активность. В результате ее деятельности был откомандирован с фронта командующий 4-й танковой армией генерал В. Д. Крюченкин, а также намечались к откомандированию и другие командиры. *«Чем руководствовалась комиссия Ставки, мне так и не удалось установить,* – вспоминал Константин Константинович. – *Но все же пришлось вмешаться и с разрешения Верховного Главнокомандующего ее работу приостановить. В той обстановке посылка Ставкой такой комиссии была не только нецелесообразной, но и вредной. Кроме того, этот факт убеждает, насколько сильны были тенденции Ставки вмешиваться в прямые функции командующих фронтами. Во всяком случае, решать такие вопросы надлежало бы тому, кто непосредственно руководит вверенными ему войсками и несет за их действия ответственность, то есть командующему фронтом*[369]».

О настроениях и чувствах, с которыми Рокоссовский начинал свою работу под Сталинградом, можно судить по письму, отправленному им вскоре после прибытия на Донской фронт жене и дочери:

«*Дорогие мои!*

Перелет к новому месту совершил благополучно. Уподобился перелетной птице и потянул на юг.

К работе приступил с первого же дня и со всем остервенением и накопившейся злобою направил усилия на истребление фрицев – этой проказы. Прежняя вера в то, что недалеко то время, когда эта проказа будет уничтожена, не покидает меня, а с каждым днем все усиливается. Наступит время, и фрицы будут биты так же, как били их при Александре Невском («Ледовое побоище»), под Грюнвальдом и еще много кое-где.

Теперь немного о себе. Здоров и бодр. Несколько дней жил в балке, в землянке, чаще бывал в разъездах. Теперь живу временно в деревянном домике. Вот это подлинная избушка на курьих ножках. Возможно, в недалеком будущем условия улучшатся, но некоторое время еще придется возвращаться в землянку.

Здешняя местность – это копия Даурии. И, когда я вылез из самолета, невольно стал искать глазами Даурский городок.

Растительности никакой. Голые сопки и степи. Уже несколько дней дует сильный ветер и поднимает столбы пыли. Придется заводить себе очки, а то начали болеть глаза. Зато зубы чистить не надо – прочищаются песочком, который постоянно трещит на зубах.

По вас скучаю очень сильно. Эта тоска еще усиливается сознанием большой удаленности… Душою же чувствую вас рядом с собой. Как живете вы? Пишите обо всем. Буду рад получить от вас весточку. Сознание того, что там, вдали, живут дорогие мне два существа, думающие обо мне, вливает тепло в мою душу, придает мне бодрости и сил[370]».

Как уже отмечалось, в состав Донского фронта входили 63, 21, 24 и 66-я армии, 1-я гвардейская и 4-я танковая армии. Для усиления войск фронта из 10-й резервной армии передавались 277, 62, 252, 212, 226, 333-я стрелковые дивизии, а из Южно-Уральского военного округа перебрасывалась 293-я стрелковая дивизия. Одновременно из состава Донского фронта в резерв Верховного Главнокомандования выводился 4-й танковый корпус.

Рокоссовский свою работу на Донском фронте, занимавшем полосу шириной более 400 км, начал с объезда армий. На правом фланге на левобережье Дона оборонялась 63-я армия. Ее сосед 21-я армия удерживала плацдармы на правом берегу Дона, в районе Еланской, Усть-Хоперской, Серафимовича. С образованием Юго-Западного фронта обе армии вошли в его состав. После этого правое крыло замыкала 4-я танковая армия, имевшая в своем составе девять стрелковых дивизий и всего четыре танка. Эта армия, которую кто-то с горькой иронией назвал «четырехтанковой», занимала участок на северном берегу Дона и в междуречье Дона и Волги протяженностью в 30 км. Удерживаемый армией плацдарм на западном берегу Дона давал возможность атаковать противника каждый раз, как только он начинал штурм Сталинграда. Вскоре эта армия была преобразована в 65-ю общевойсковую, и в командование ею вступил генерал-лейтенант П. И. Батов.

В междуречье Дона и Волги на участке в 50 км, упираясь своим правым флангом в Дон, оборонялась 24-я армия генерал-майора И. В. Галанина. Так же, как и 65-я армия, она постоянно вела наступательные действия. Войска 66-й армии генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского находились на левом крыле фронта. Упираясь своим левым флангом в Волгу, она нависала над Сталинградом и должна была ликвидировать вышеупомянутый коридор. Однако противник перед ней находился очень сильный, подвижный, да и позиции занимал он выгодные – укрепления сталинградского обвода, в свое время построенные советскими войсками.

В штабе 66-й армии К. К. Рокоссовский командарма не застал. Начальник штаба генерал Ф. К. Корженевич доложил:

– Родион Яковлевич убыл в войска.

– Странно, – удивился Рокоссовский, – он знал, что я выехал в армию, и не дождался…

– Сейчас мы его вызовем на КП, – предложил Корженевич.

Рокоссовский возразил:

– Не надо, я сам его найду. Заодно и с частями познакомлюсь.

Ни на дивизионных, ни на полковых командных пунктах командарма Малиновского не оказалось. Разыскать его удалось лишь в одной из рот, на самой передовой. Идти туда Рокоссовскому пришлось долго, под артиллерийским огнем, пробираясь, согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам. В пути Константина Константиновича мучил вопрос: чем же занимается на передовой командарм? Объяснение такому поведению Малиновского комфронта получил от него самого. Познакомившись с командующим 66-й армией, Рокоссовский спросил:

– Вы не находите, что руководить войсками в такое время удобнее с КП? Ротная позиция не совсем для этого подходит.

Сумрачное лицо Малиновского просветлело:

– Я это понимаю, товарищ командующий фронтом. Только… уж очень трудно приходится, начальство донимает. Вот я и пытался спрятаться от начальства.

– Спрятаться, как видите, не удалось, – засмеялся Рокоссовский.

В последующей беседе Рокоссовский заверил командарма, что полностью сознает тяжелое положение армии и непосильную сложность задачи, а Малиновский обещал сделать все, чтобы усилить удары по врагу.

Войска Донского фронта вели активную оборону. Прочно закрепившись, они все время держали противника в напряжении, атакуя его то в одном, то в другом месте и не давая ему возможности перегруппировывать силы. В самом Сталинграде между тем бои не прекращались ни днем, ни ночью – на улицах, в домах, на заводах, на берегу Волги. Гитлер требовал захватить Сталинград 20 октября. Однако противник с этой задачей не справился.

Учитывая тяжелое положение 62-й армии, Ставка ВГК приказала провести в октябре наступательную операцию. Левофланговые 57-я и 51-я армии Сталинградского фронта должны были нанести удар 20 октября в общем направлении – озера Цаца, Тундутово. Одновременно намечалось в центре Донского фронта нанести встречный удар в общем направлении

на Котлубань, Алексеевку. С этой целью предусматривалось использовать семь стрелковых дивизий, направленных на усиление Донского фронта. Начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский, сообщая об этом 7 октября генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому, отмечал: *«Намеченную вами на ближайшие дни операцию с коротким ударом на Сталинград проводить независимо от данных указаний. Ваше решение и наметку плана операции прошу представить на утверждение Ставки к 10 октября*[371]».

Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг» отмечал: *«Никаких дополнительных средств усиления (артиллерия, танки, самолеты) фронт не получал. В этих условиях трудно было рассчитывать на успех. Группировка противника опиралась здесь на хорошо укрепленные позиции*[372]». На этом направлении оборонялись 113-я пехотная, 60-я и 3-я моторизованные, 16-я танковая дивизии. Они были усилены 46-м и 65-м артиллерийскими полками РГК, 733-м и 53-м минометными полками, 190—220 танками. В резерве находились пехотная дивизия и пехотный полк. Оборона противника была заблаговременно подготовлена в инженерном отношении. Она включала окопы полного профиля, ходы сообщения, дзоты, минные поля и на отдельных участках проволочные заграждения. В глубине обороны были оборудованы позиции по восточному берегу р. Россошка от Нового Рогачика до Малой Россошки и далее на восток по линии Большая Россошка, колхоз «Новая Надежда» и сталинградский центральный обвод с передним краем по линии Таловая, Гумрак, выс. 155, 1, Орловка, Латашанка.

В своем докладе № 0028/оп от 9 октября начальнику Генштаба генерал Рокоссовский подчеркивал, что войска 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, которые предполагалось использовать в планируемой операции, сильно ослаблены в ходе продолжительных боев[373]. В каждой стрелковой дивизии оставалось не более батальона штыков. *«Этих сил совершенно недостаточно для прорыва и развития удара в рекомендованном Вами направлении Котлубань, Алексеевка,* —писал Константин Константинович. *– В этом случае для прорыва фронта требуется минимум четыре стрелковые дивизии, для развития прорыва – три стрелковые дивизии и для обеспечения ударной группы от контрударов противника с запада и юго-запада потребуется минимум три полнокровные стрелковые дивизии. Ввиду недостаточного количества стрелковых дивизий организовать операцию с нанесением главного удара на Котлубань, Алексеевка не представляется возможным».*

Для претворения в жизнь указаний Ставки ВГК командующий Донским фронтом намечал создать в 24-й армии ударную группу в составе прибывающих семи стрелковых дивизий (226, 219, 252, 62, 277, 293, 333-я). С целью обеспечения флангов ударной группы и расширения прорыва предполагалось нанести вспомогательные удары: справа – силами четырех стрелковых дивизий 1-й гвардейской армии в направлении разъезд Конный, Гумрак; слева – тремя стрелковыми дивизиями 66-й армии в направлении на Орловку. На четвертый день операции планировалось завершить окружение группировки противника в районе Орловки и выйти на соединение со сталинградским гарнизоном в районе северо-западнее опушки леса юго-восточнее Орловки. К исходу пятого дня, 24 октября, предусматривалось блокировать и уничтожить орловскую группировку совместно с войсками сталинградского гарнизона и подготовить удар в юго-западном направлении совместно с войсками Сталинградского фронта.

Ставка ВГК, рассмотрев 11 октября представленный Рокоссовским план, не утвердила его. 15 октября он получил новую директиву Ставки ВГК за № 170668, которую подписали Жуков и Василевский:

«В целях оказания ближайшей помощи Сталинграду Ставка Верховного Главнокомандования приказывает нанести главный удар из района выс. 130, 7, МТФ, выс. 128, 9 в общем направлении на Орловка, выс. 75, 9, где и соединиться с войсками Сталинградского фронта.

К удару привлечь кроме частей Сталинградского фронта четыре стрелковые дивизии из числа дивизий, прибывших на рубеж Большая Ивановка, Горная Пролейка. Для прорыва фронта противника создать артиллерийскую группу из расчета не менее 60—65 орудий на один км фронта и не менее 12 гвардейских минометных полков. Количество танков привлечь по решению командующего фронтом.

Вспомогательный удар нанести из района Ерзовки в направлении выс. 135, 4 в 2 1/2 км восточнее Орловки. Дополнительную артиллерийскую поддержку организовать с восточного берега р. Волга, согласовав вопрос привлечения артиллерии для этой цели с командующим войсками Сталинградского фронта.

Готовность к наступлению – исход девятнадцатого октября.

План действий на мое имя представить к 23 часам 15 октября[374]».

В соответствии с этой директивой Рокоссовский направил 15 октября около восьми часов вечера генералу армии Жукову

доклад № 0053/оп плана операции по разгрому Орловской группировки противника.[375]

Главную роль в предстоящей операции теперь предстояло сыграть 66-й армии. В состав ударной группы армии включались четыре свежие стрелковые дивизии (62, 252, 212, 226-я), три танковые бригады (91, 121, 64-я), 664 орудия полевой артиллерии и 12 минометных полков. Ударной группе предстояло прорвать оборону противника и, наступая в общем направлении на Орловку, соединиться со Сталинградским гарнизоном в районе выс. 75, 9. Вспомогательные удары намечалось нанести: в целях обеспечения правого фланга ударной группы двумя стрелковыми дивизиями 66-й армии в направлении совхоз «Опытная станция», разъезд Древний Вал, а для обеспечения левого фланга ударной группы – двумя стрелковыми дивизиями и 58-й танковой бригадой (8 танков). Три левофланговые стрелковые дивизии 24-й армии наносили удар в общем направлении на Культстан, обеспечивая правый фланг 66-й армии от контратак противника с запада и юго-запада. За счет артиллерии и минометных частей 66-й и 24-й армий Рокоссовский намечал создать на направлении главного удара плотность в 74 орудия на 1 км фронта. К операции привлекалась фронтовая авиация (65 истребителей, 80 штурмовиков и 60 ночных бомбардировщиков).

Всю операцию намечалось провести с 20 по 23 октября. На третий день планировалось соединиться со сталинградским гарнизоном, а на четвертый – совместно с частями сталинградского гарнизона разгромить или блокировать орловскую группировку противника. В целях обеспечения выполнения задачи войсками фронта Рокоссовский просил поддержать их огнем артиллерии с восточного берега Волги, а также в первые два дня операции помочь авиацией из резерва Главного Командования.

16 октября Жуков и Василевский сообщили Рокоссовскому:

«В представленный вами план проведения операции внесите следующие изменения:

Вспомогательный удар с фронта железная дорога, Кузьмичи, выс. 112, 7 – не проводить; за счет освобождающихся сил усилить направление главного удара на Орловку, предусмотрев необходимые силы и на разворот правого фланга в сторону свх. Опытное поле, Кузьмичи, после прорыва ударной группой фронта обороны противника.

В связи с резким ухудшением положения в Сталинграде операцию начать не 20, а с утра 19 октября.

В остальном план утверждается[376]».

Как и было приказано Ставкой ВГК, Донской фронт перешел в

наступление 19 октября. Ударная группа 66-й армии не смогла прорвать оборону противника. Для воздействия на пехоту неудачно наступавшей 66-й армии Рокоссовский решил использовать заградительные отряды, которые должны были идти следом за пехотными частями и силой оружия заставлять бойцов подниматься в атаку[377]. *«Совершенно ясно, что таким образом будущий Маршал Советского Союза пытался не запугать пехотинцев,* – пишет Ю. В. Рубцов, – *многие из которых лишь недавно прибыли на фронт, а при малочисленности подразделений и частей максимально насытить боевые порядки наступающих опытными, закаленными в предыдущих боях воинами, чем усилить наступательный порыв*[378]».

Интересный вывод. Командующий Донским фронтом предлагает силой оружия поднимать бойцов в атаку, а автор книги «Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране» считает, что таким образом боевой порядок насыщался опытными воинами! Возможно, он не понимает разницы между боевым порядком и тем, что под этим подразумевается. Поясним: «Боевой порядок – построение (расположение) соединения, части, подразделения с их средствами усиления для ведения боя». Это определение содержится практически во всех энциклопедиях. Боевой порядок стрелковой дивизии к концу войны в наступлении включал: два эшелона, дивизионную артиллерийскую группу, зенитную артиллерийскую группу, артиллерийский противотанковый резерв, подвижный отряд заграждения, а иногда танковый резерв и передовой отряд; в обороне боевой порядок дивизии включал также противотанковый район. Как видим, заградительные отряды не являлись составным элементом боевого порядка.

Чем же была обусловлена необходимость применения заградительных отрядов на Донском фронте? Ответ можно найти в докладной записке заместителя начальника Особого отдела НКВД Сталинградского фронта майора госбезопасности В. М. Казакевича, направленной 17 февраля 1943 г. в Управление особых отделов НКВД[379]. Автор записки отмечал: *«За время боевых действий войск Донского фронта массовое бегство военнослужащих с поля боя и отход частей без приказа командования были единичными случаями. Как установлено, трусость и паника в частях со стороны отдельных военнослужащих больше всего проявлялась в период напряженных оборонительных боев, а также в период наступления наших войск, когда противник, оказывая упорное сопротивление, неоднократно переходил в контратаки, пытаясь удержаться на занятых рубежах обороны».* В записке приводились конкретные примеры трусости и

паники в войсках Донского фронта. Так, 22 октября особым отделом НКВД 252-й стрелковой дивизии были арестованы заместитель командира роты 924-го стрелкового полка младший политрук Ф. С. Окулов и командир взвода младший лейтенант М. Г. Бородин, которые после ранения командира роты проявили трусость – бежали с поля боя и только на другой день возвратились на командный пункт своей роты. На следующий день особый отдел этой же дивизии арестовал командира пулеметного взвода 924-го стрелкового полка младшего лейтенанта А. Н. Литвинова, который в момент напряженного боя проявил трусость, бросил свой взвод и бежал в тыл. Во взводе среди бойцов после бегства с поля боя Литвинова началась паника, воспользовавшись которой противник захватил в плен один пулеметный расчет. Военный трибунал дивизии приговорил Окулова, Бородина и Литвинова к высшей мере наказания – расстрелу.

Приводя эти примеры, мы не преследуем цели упрекать Рокоссовского в жестокости. Обстановка того времени не располагала к благодушию. Таким же образом поступали и другие командующие фронтами и армиями, тем более что приказ Сталина от 28 июля требовал беспощадной борьбы с трусами и паникерами. Но нельзя и слишком идеализировать Рокоссовского, как это делают некоторые авторы. Нужно только внимательно изучать хотя бы опубликованные документы и материалы.

Наступление Сталинградского фронта тоже не достигло поставленной цели. И все же противник был вынужден удерживать свою группировку в междуречье, а это оказывало большое влияние на дальнейший ход событий под Сталинградом.

В это время в Ставке ВГК велась работа по планированию контрнаступления под Сталинградом. Об этом подробно рассказывают в своих мемуарах Г. К. Жуков и А. М. Василевский. На совещании, состоявшемся 12 сентября, они пришли к мнению, что самые боеспособные 6-я и 4-я танковая армии противника все больше втягиваются в изнурительные, затяжные бои за Сталинград, а в оперативном резерве у немецкого командования, в районе Волги и Дона, осталось не более шести дивизий, разбросанных по широкому фронту. Положение противника усугублялось еще и тем, что Гитлер не имел возможности высвободить и бросить на юг какие-либо силы с других фронтов, а его ударные группировки на сталинградском направлении и на Кавказе вот-вот исчерпают свои резервы, выдохнутся и перейдут к обороне. Кроме того, конфигурация фронта позволяла подготовить и нанести охватывающие удары по флангам 6-й

армии генерал-полковника Ф. Паулюса, которые прикрывали менее боеспособные румынские войска. В дальнейшем можно было развивать наступление на Ростов и отсечь всю кавказскую группировку врага.

Докладывая Сталину наметки плана будущей крупномасштабной операции, Жуков и Василевский также предложили с целью нанесения мощного удара по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда, создать новый фронт в районе Серафимовича. Предполагалось, что для подготовки такой большой операции понадобится примерно полтора месяца. Всю операцию предлагалось разделить на два этапа: сначала – прорыв обороны противника, окружение его сталинградской группировки и создание прочного внешнего фронта, затем – уничтожение окруженного противника и пресечение попыток немцев извне деблокировать кольцо окружения.

Сталин обещал над планом подумать и подсчитать имеющиеся ресурсы.

В начале октября Жуков и Василевский представили Сталину план-карту контрнаступления. В ее углу, наискосок, Иосиф Виссарионович написал: «Утверждаю». После этого, обращаясь к Василевскому, сказал:

– Не раскрывая смысла нашего плана, надо спросить мнение командующих фронтами.

Через несколько дней Жуков проинформировал о предстоящем наступлении и командующего Донским фронтом. Жуков не сообщил ни срока начала операции, ни других деталей плана, но с этого момента на фронте началась интенсивная подготовка.

Замысел операции (кодовое наименование «Уран») состоял в том, чтобы ударами с плацдармов на Дону в районах Серафимовича и Клетской и из района Сарпинских озер южнее Сталинграда разгромить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки противника, и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, окружить и уничтожить его главные силы, действовавшие непосредственно под Сталинградом.

Сталинградский фронт должен был нанести удар своим левым крылом из района южнее Сталинграда в направлении на северо-запад. Главную роль на первом этапе контрнаступления играл сосед Рокоссовского справа – Юго-Западный фронт. Действуя с плацдармов на южном берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской, его войска должны были соединиться с войсками Сталинградского фронта. На долю войск Донского

фронта выпадало нанесение двух вспомогательных ударов. Соединения 65-й армии совместно с соседней 21-й армией наносили удар из района восточнее Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. В это же время 24-я армия должна была наступать вдоль левого берега Дона на юг, чтобы отсечь войска противника, находившиеся в малой излучине Дона. Нелегкая задача выпадала 66-й армии: ей предстояло сковать противостоящие вражеские части активными действиями, но средств усиления этой армии не выделялось.

Из состава Донского фронта на усиление Юго-Западного фронта, которому отводилась основная роль в предстоящей операции, по приказу Ставки ВГК были переданы 25 октября четыре стрелковые дивизии (226, 293, 333 и 277-я), 4-й танковый и 3-й кавалерийский корпуса, несколько артиллерийских и истребительно-противотанковых артиллерийских полков и др. К началу операции получил пополнение и Донской фронт. К 19 ноября в его составе имелись 24 стрелковые дивизии, 1 танковый корпус и 6 танковых бригад, 52 артиллерийских и минометных полка. Средняя оперативная плотность на фронте составляла 5,8 км на дивизию, 28 орудий и минометов и 1 танк на 1 км фронта.

Рокоссовский при подготовке к операции большое внимание уделял вопросам применения артиллерии. *«Он прекрасно понимал растущее могущество и роль артиллерии,* – вспоминал генерал-лейтенант артиллерии Г. С. Надысев, бывший начальник штаба артиллерии Донского фронта, – *которая в руках организованного, знающего дело штаба артиллерии является решающей огневой силой в наступательных операциях и оборонительных сражениях*[380]».

Казалось бы, до начала контрнаступления планирование огня артиллерии и ее боевых действий в штабе артиллерии фронта было отработано тщательнейшим образом. Командующим артиллерией армий и их штабам были даны конкретные указания по организации разведки, сосредоточению артиллерии, порядку вывода на огневые позиции вновь прибывающих артиллерийских полков резерва ВГК и по планированию огня. При планировании артиллерийской подготовки предусматривалось в последнем огневом налете наложить огонь на первую и вторую траншеи обороны противника, а в момент атаки снять его с первой траншеи, оставив на второй. Огневой налет по вражеским батареям должен был продолжаться и после начала атаки еще не менее трех минут. Эти меры не допускали разрыва огня между концом артиллерийской подготовки и началом артиллерийской

поддержки. Смена боевых порядков артиллерийских групп планировалась с таким расчетом, чтобы не менее двух третей их массированным огнем могли отражать контрудары и контратаки противника. В остальных фазах наступления примерно треть артиллерийских групп всегда должна была вести огонь, поддерживая наступающие войска. Учитывая неудачный опыт Харьковской операции, предусматривалось обеспечение флангов и стыков армий и соединений, а также обязательное наличие артиллерийских противотанковых резервов в армиях и стрелковых дивизиях.

И все-таки, несмотря на столь тщательное планирование, были допущены существенные просчеты. Артиллерийская разведка не сумела вскрыть с необходимой полнотой огневые средства противника, но винить ее в этом нельзя. Характер местности не позволял войсковой разведке проникнуть через высоты, за которыми располагалась основная линия обороны противника. На общих результатах разведки отрицательно сказалось отсутствие артиллерийской корректировочно-разведывательной авиации. Плотность артиллерии на направлении главного удара 65-й армии была недостаточно высокой – всего 118 орудий и минометов на 1 км фронта[381]. Все это сказалось затем на темпах наступления.

К началу контрнаступления войска Юго-Западного (1-я гвардейская и 21-я армии, 5-я танковая армия, 17-я и с декабря 2-я воздушная армии), Донского (65, 24, 66-я армии, 16-я воздушная армия) и Сталинградского (62, 64, 57, 51, 28-я армии, 8-я воздушная армия) фронтов насчитывали 1103 тыс. человек, 15500 орудий и минометов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов. Советским войскам противостояли итальянская 8-я, румынская 3-я армии, немецкие 6-я полевая и 4-я танковая и румынская 4-я армии группы армий «Б» (генерал-полковник М. Вейхс); всего более 1011,5 тыс. человек, 10290 орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов. По живой силе соотношение сил сторон было равным. По артиллерии и минометам советские войска превосходили противника в 1,5 раза, по танкам и САУ – в 2,1 раза, по самолетам – в 1,1 раза.

Одновременно с операцией «Уран» велась подготовка к проведению операции «Марс» силами Калининского и Западного фронтов в целях обеспечения действий войск на сталинградском направлении. Противник располагал сведениями о подготовке этой операции. Армии Западного фронта должны были нанести удары на Ржев и Сычевку, а Калининского фронта – в южном направлении, на Белый и Оленино, и далее развивать

наступление на Смоленск. По свидетельству П. А. Судоплатова, одного из бывших руководителей разведки органов госбезопасности, советское командование заблаговременно приняло меры для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с западного направления на южное. Через агента-двойника Александра Демьянова («Гейне», известен немецкой разведке как «Макс») руководству вермахта 4 ноября была подброшена «информация» о том, что «Красная Армия нанесет удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом[382]». Таким образом, Ставка ВГК сознательно жертвовала оперативным успехом на западном направлении ради достижения стратегического – на юге. В результате столь масштабное стратегическое наступление советских войск под Сталинградом оказалось для вермахта совершенно неожиданным: эффект внезапности был достигнут. *«Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе*, – писал генерал Йодль. – *Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имеющий решающее значение*[383]».

13 ноября представители Ставки ВГК Жуков и Василевский доложили Сталину, что наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно начать 19—20 ноября, а на Сталинградском фронте —20 ноября. Окончательное решение о сроках начала операции принял генерал армии Жуков 15 ноября. Войска Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта должны были перейти в наступление 19 ноября, а Сталинградский фронт – 20 ноября. Сталин это решение утвердил. Жуков полагал, что переход в наступление с разницей в один день введет противника в заблуждение относительно конечной цели операции советских войск. Кроме того, войска Юго-Западного фронта находились на большем удалении от района Калача (места соединения фронтов), чем войска Сталинградского фронта.

Рокоссовский перед началом операции непрерывно находился в войсках, проверяя их готовность к наступлению. Особое внимание он уделил правофланговой 65-й армии, которой предстояло наступать с клетского плацдарма. Прибыв на командный пункт генерала Батова, командующий фронта сказал ему:

– Я хочу посмотреть состояние ваших войск на плацдарме. Это важнейший участок.

Переправу через Дон пришлось совершать в сумерках, днем немецкая артиллерия не давала возможности это сделать: плацдарм простреливался ею насквозь. С положением дел Рокоссовский ознакомился детально. Два часа он провел на

переднем крае в полку подполковника К. П. Чеботаева.

Войска начали выдвигаться в исходные районы. По данным разведки, противник, внимательно следивший за любым перемещением советских частей, не заметил нависшей над ним опасности. Соединения 6-й армии и основные силы 4-й танковой армии врага продолжали бои в Сталинграде. На направлении намечавшихся главных ударов по-прежнему оборонялись румынские войска.

Для командующего Рокоссовского день 19 ноября начался рано: в половине шестого утра следовало выехать на вспомогательный пункт управления в 65-й армии, чтобы оттуда наблюдать за действиями войск. Вместе с Рокоссовским туда же направились только что назначенный членом военного совета генерал К. Ф. Телегин (А. С. Желтов был переведен на Юго-Западный фронт), генералы Казаков, Орел и Руденко.

Генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, вспоминая о своей первой встрече с К. К. Рокоссовским на Донском фронте, рассказывал: *«У нас с Константином Константиновичем сразу установились доверительные, добрые отношения – в нем было столько обаяния. Мы сразу направились в войска. Он умел расположить к себе любого. Я восхищался его выдержкой, он умел сохранять внешнее спокойствие в любой ситуации, хотя внутри, понятно, бушевала буря. Он терпеливо переносил недовольство московского начальства: не перекладывал на плечи подчиненных груз валившихся сверху приказов, требований, строгих предупреждений. Все брал на свои плечи*[384]».

Штабные машины отправились в точно намеченный срок. Ехали быстро: Рокоссовский любил скорость. Но не сделали и трети пути, как повалил густой крупный снег и возглавлявший колонну проводник-полковник сбился с дороги: ориентироваться на ровной, заснеженной степной местности, да еще в снегопад, было сложно. На ВПУ добрались лишь минут за 20 до начала артподготовки. К этому времени снег валил не переставая. Он смешивался с туманом, видимость не превышала 250 метров. В таких условиях действия артиллерии очень затруднены. Предстояло решить, что делать.

– Опять синоптики нас подвели. А ведь обещали хорошую погоду! – сказал Рокоссовский. – Что будем делать? В такую погоду действия авиации, по-видимому, исключены, – добавил он, обращаясь к командующему 16-й воздушной армией генералу С. И. Руденко.

– Я только что по радио говорил со своим штабом, – ответил тот. – Метеорологическая обстановка плохая. В ближайшие часы авиацию использовать не удастся. – Было видно, что Руденко

говорит это скрепя сердце.

– Ну что ж, теперь все зависит от артиллерии, как она подготовилась. Начнем точно в срок.

На рассвете 19 ноября артиллерия Юго-Западного фронта нанесла мощный огневой удар по позициям 3-й румынской армии. Оборона противника была прорвана на двух участках. Войска 5-й танковой армии генерала П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-й армии генерала И. М. Чистякова с плацдарма у Клетской перешли в наступление, взломали оборону румынских частей и вырвались на оперативный простор.

Командующий немецкой 6-й армией генерал Паулюс сразу почувствовал надвигающуюся угрозу, но своевременных контрмер не принял. Только в 22 часа последовал приказ командующего группой армий «Б» генерала М. фон Вейхса: *«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге Лихая – Чир. В связи с этим приказываю немедленно выделить из 6-й армии два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию, подчинив их штабу 14-го танкового корпуса с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении*[385]». Генерал Вейхс, видимо, не до конца осознавал опасность, поскольку для парирования удара советских войск выделял весьма незначительное количество сил.

В полосе Донского фронта артиллерийская подготовка продолжалась 80 минут. После этого в атаку пошли пехота и танки. Однако успех 65-й армии в первый день был незначительным. За день она продвинулась на направлении главного удара лишь на 3—5 км. Такой низкий темп был обусловлен просчетами, допущенными при планировании применения артиллерии.

Рокоссовский к этому времени уже покинул 65-ю армию и выехал в 24-ю армию. Ее войска после часовой артиллерийской подготовки 22 ноября перешли в наступление вдоль левого берега Дона, но успеха не достигли. Удача не сопутствовала армии и на следующий день: противник имел хорошо подготовленную оборону. Кроме того, как вспоминал впоследствии один из офицеров этой армии, противник применил военную хитрость. Перед войсками 24-й армии находилась широкая нейтральная полоса, которой воспользовался враг, расположив на ней значительные силы и огневые средства. Разведка армии не обратила внимания на эту полосу, не подозревая, что именно она может послужить причиной срыва наступления. В период

артиллерийской подготовки вся нейтральная полоса осталась без огневого воздействия. Поднявшаяся в атаку пехота была встречена там губительным огнем пулеметов и автоматов и, понеся значительные потери, отошла в исходное положение.

20 ноября нанес удар Сталинградский фронт. К середине дня его войска прорвали оборону противника, и только теперь командующий 6-й армией генерал Паулюс понял, что происходит. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов еще не сомкнули кольца окружения, а Паулюс 22 ноября в 18 часов уже радировал: «Армия окружена…, запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Прошу дать мне свободу в решении оставить Сталинград». В отличие от Паулюса, в Берлине еще продолжали предаваться иллюзиям об отсутствии у советского командования значительных резервов. Гитлер, стремясь морально поддержать генерал-полковника Паулюса, направил ему 22 ноября следующую радиотелеграмму: «6-я армия временно окружена. Я знаю 6-ю армию и ее командующего и знаю, что в создавшемся положении они будут стойко держаться. 6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы ей помочь и выручить ее. Я своевременно отдам ей свои приказы».

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калач-на-Дону, хутор Советский. После этого 64, 57, 21, 65, 24-я и 66-я армии получили возможность развивать наступление на Сталинград, сжимая внутреннее кольцо окружения противника. В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек. Это было значительно больше, чем предполагалось, поэтому возникла проблема с ликвидацией окруженной группировки, так как выделенных сил явно не хватало. Кроме того, нельзя было допустить прорыва войск 6-й полевой и 4-й танковой армий из котла, а для этого следовало провести сложные перегруппировки, усилить внешний и внутренний фронты окружения.

Таким образом, Юго-Западный и Сталинградский фронты успешно справились с поставленной задачей. Войска Донского фронта значительно отставали от них. Это вызвало недовольство Сталина, который в директиве № 170693, направленной около восьми часов вечера 23 ноября Рокоссовскому, отмечал:

«По докладу Михайлова (псевдоним А. М. Василевского. – *Авт.*) *третья мотодивизия и шестнадцатая танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин*

(командующий 24-й армией. – *Авт.*) *действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.*

Дайте также указание Жадову (командующий 66-й армией. – *Авт.*), *чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.*

Подтолкните как следует Батова (командующий 65-й армией. – *Авт.*), *который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо*[386]».

Войска 24-й армии долго не могли прорвать вражескую оборону, но своим наступлением вынудили противника оттянуть сюда непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий. Это способствовало успеху 66-й армии, которая значительно продвинулась на юг, наступая на Сталинград вдоль берега Волги. После того как части 65-й армии форсировали Дон, продвинулись и войска 24-й. Теперь обе армии, соединившись флангами, развернулись фронтом на восток, но преодолеть хорошо организованную оборону противника не смогли. То же самое произошло с 66-й армией. Она, продвинувшись вначале, была остановлена противником на рубеже бывшего среднего укрепленного обвода. Положение улучшилось после того, как генерал Батов создал танкомеханизированную группу. Ввод ее в сражение позволил ускорить продвижение вперед.

Объяснение причин задержки войск Донского фронта содержится в книге «Великая победа на Волге», изданной под редакцией Рокоссовского. В ней сказано: *«Отсутствие во втором эшелоне армии подвижного соединения сказывалось на темпах ее наступления. Так, темпы наступления ударной группировки 65-й армии с самого начала оказались низкими. Это обстоятельство, в совокупности с неудачным наступлением 24-й армии на Вертячий, дало противнику время для организации достаточно сильного сопротивления арьергардами и отвода главных сил соединений из малой излучины Дона на восточный берег реки».*

В ходе наступления, по данным заместителя начальника Особого отдела НКВД Донского фронта майора госбезопасности В. М. Казакевича, некоторые командиры и бойцы поддались панике и бежали с поля боя[387]. В борьбе с ними и при восстановлении порядка в частях, проявивших неустойчивость в боях с противником, исключительно большую роль сыграли армейские заградотряды и заградительные батальоны дивизий. Так, 19 ноября во время наступления частей 304-й стрелковой дивизии командир 3-го батальона 809-го стрелкового полка старший лейтенант Суханевич принял свои танки за танки противника, растерялся и приостановил дальнейшее продвижение батальона. Однако благодаря мерам, принятым старшим

оперуполномоченным полка Педенко, батальон был поднят в атаку и вместе с другими частями дивизии овладел хутором Мало-Клетский. В тот же день во время контратаки противника два минометных взвода 1306-го стрелкового полка 293-й стрелковой дивизии вместе с командирами взводов младшими лейтенантами Богатыревым и Егоровым без приказа командования оставили занимаемый рубеж и в панике, бросая оружие, побежали с поля боя. Находившийся на этом участке взвод автоматчиков армейского заградительного отряда остановил бегущих и, расстреляв двух паникеров перед строем, возвратил остальных на прежние рубежи, после чего они успешно продвигались вперед.

В то время как под Сталинградом началось контрнаступление советских войск, соединения Калининского и Западного фронтов приступили 25 ноября к проведению операции «Марс». Она завершилась неудачей, а части, принимавшие участие в операции, понесли большие потери. Несмотря на это, войска Западного и Калининского фронтов сковали основные силы группы армий «Центр» и не позволили противнику перебросить резервы с западного на южное направление.

После окружения противника войска Донского и Сталинградского фронтов приступили к ликвидации его окруженной группировки. Кольцо вокруг немецкой 6-й армии сжимали 66, 24, 65-я армии и возвращенная в состав Донского фронта 21-я. С востока и юга на врага наступали соединения 62, 64 и 57-й армий Сталинградского фронта. Ставка ВГК требовала как можно скорее разделаться с окруженной группировкой, желая освободить силы для дальнейших операций. Однако одного желания здесь было мало. Уничтожение войск 6-й армии заняло гораздо больше времени, чем это предполагалось при планировании операции. Выполняя приказ Гитлера и надеясь на скорую помощь, войска армии Паулюса отчаянно оборонялись. Было ясно, что для уничтожения врага потребуется тщательная подготовка новой операции с детальной отработкой всех вопросов.

29 ноября Жуков представил Сталину предложения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская – Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград – Вертячий – Мариновка – Карповка – совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок

собрать в районе Нижне-Чирская – Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка – Ляпичев – Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, – по линии Цыбенко – Зеты – Гниловская – Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

– как можно быстрее отбросить нижнечирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская – Тормосин – Котельниково. В районе Нижне-Чирская – Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

– окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего… нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно… в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда[388]».

Одновременно Жуков переговорил по телефону с Василевским, который согласился с его соображениями.

По плану командующего группой армий «Дон» Э. фон Манштейна с целью деблокады 6-й армии предусматривалось провести операцию «Зимняя гроза». В соответствии с ним 4-я танковая армия должна была действовать точно так, как предвидел Жуков: «начать наступление основными силами из района Котельниково восточнее реки Дон». Почему здесь? «… Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона, – считал Манштейн, – так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил было бы связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрытия внутреннего фронта окружения[389]». Если же, полагал Манштейн, количество войск противника перед Котельниковом значительно возрастет, тогда «приказом был преду смотрен

следующий запасный вариант: танковые дивизии 4-й танковой армии должны были быть срочно и скрытно для противника переброшены по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижне-Чирской и наносить главный удар отсюда[390]».

К. К. Рокоссовский несколько раз обращался в Ставку ВГК, аргументируя необходимость приостановки боевых действий для перегруппировки и усиления войск фронта перед ликвидацией 6-й армии. Сталин прислушался к мнению Константина Константиновича. 4 декабря он обязал командующих Донским и Сталинградским фронтами не позднее 18 декабря завершить подготовку новой наступательной операции по разгрому окруженной группировки врага. Операция получила кодовое наименование «Кольцо». Для усиления войск Донского фронта Ставка ВГК выделяла только что укомплектованную и полностью готовую к боям 2-ю гвардейскую армию под командованием генерала Р. Я. Малиновского.

Не дожидаясь подхода 2-й гвардейской армии, Рокоссовский приступил к подготовке наступления. В этой работе участвовали представитель Ставки А. М. Василевский, начальник штаба фронта М. С. Малинин, начальник оперативного управления И. И. Бойков, начальник разведуправления И. В. Виноградов, заместитель командующего фронтом К. П. Трубников, командующий артиллерией В. И. Казаков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Г. Н. Орел, начальник инженерных войск А. И. Прошляков, начальник связи П. Я. Максименко.

Основная идея плана операции заключалась в том, чтобы ударами по центру окруженной группировки с двух сторон расчленить ее, а затем ликвидировать по частям. Войска Донского фронта должны были нанести главный удар с запада на восток. В соответствии с замыслом Рокоссовского 2-й гвардейской армии предписывалось нанести удар в центре оперативного построения Донского фронта. Справа наступала 21-я армия генерала И. М. Чистякова, сосредоточивая основные усилия на левом фланге, а слева – 65-я армия генерала П. И. Батова, главные силы которой были сосредоточены на правом фланге, примыкавшем к войскам 2-й гвардейской армии. Таким образом, для удара на решающем направлении привлекались войска трех армий, усиленные наибольшим количеством артиллерии, танков, самоходных орудий. На этом же направлении намечалось использовать 16-ю воздушную армию генерала С. И. Руденко. Остальные армии Донского фронта —24-я генерала И. В. Галанина и 66-я генерала А. С. Жадова – обязаны были активными действиями на своих участках сковать противника и не дать ему возможности оттянуть части для усиления войск, находящихся на главном направлении наступления войск Донского фронта. В порядке взаимодействия Сталинградский фронт наносил встречный удар войсками 57-й и 64-й армий. 62-я армия генерала Чуйкова, находясь в

Сталинграде, активными действиями сковывала находившиеся перед ней силы врага.

Этот план 9 декабря был представлен в Ставку ВГК и утвержден. На следующий день Рокоссовский сообщает родным:

«Дорогие мои Люлю и Адуся!

Не писал долго, потому что все время находился в частях, в движении. Мы сейчас проводим большую работу, проводим успешно – об этом можете судить по газетным сообщениям. Одним словом, лупим немцев вовсю! Да, работы много, и работа горячая. Еще требуется напряжение – и все это окупится теми результатами, которые последуют как итог нашего напряжения. Об этом в свое время узнаете… Как успехи Адуси в области радио? Пускай она пока поступать в армию не спешит. Этот вопрос решим после 1 января…[391]».

Ариадна Рокоссовская, несмотря на совет отца не спешить в армию, все-таки окончила в 1943 г. курсы радистов при Центральном штабе партизанского движения. Ее направили на Центральный фронт, которым командовал Рокоссовский. О том, что там однажды с ней произошло, поведала праправнучка маршала Ариадна Рокоссовская.

Однажды Ариадне разрешили съездить к отцу. Когда она приехала в штаб фронта, он как раз собирался на передовую. Ариадна уговорила его взять ее с собой. Не успели они отъехать от штаба фронта, как вдруг появились немецкие бомбардировщики. Рокоссовский и сопровождавшие его офицеры выскочили из машины и спрятались на обочине. Однако Ариадна, не сориентировавшись, упала рядом с машиной на землю. Рокоссовский, увидев это, выскочил из-за обочины и накрыл ее своим телом. После этого случая Ариадна больше никогда не ездила с отцом на передовую. Войну Ариадна закончила младшим сержантом и была награждена медалью «Партизану Отечественной войны».

11 декабря Сталин направил представителю Ставки ВГК генералу Василевскому следующее распоряжение:

«Операцию «Кольцо» провести двумя этапами.

Первый этап – выход в район Басаргино, Воропоново и ликвидация западной и южной групп противника.

Второй этап – общий штурм всех армий обоих фронтов для ликвидации основной массы вражеских войск к западу и северо-западу от Сталинграда.

Операцию первого этапа начать не позже того числа, которое установлено при телефонном разговоре между Васильевым (псевдоним Сталина. – *Авт.*) *и Михайловым* (псевдоним Василевского. – *Авт.*).

Операцию первого этапа закончить не позже 23 декабря[392]».

Однако события, происшедшие на фронте, внесли коррективы в эти планы. 12 декабря под Сталинградом разразилась «Зимняя гроза». Армейская группа «Гот» нанесла удар вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград на участке 51-й армии. В оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии отмечалось: *«Войска Сталинградского фронта в течение 12 декабря на левом крыле частью сил сдерживали наступление пехотных и танковых частей противника северо-восточнее Котельниково и под его давлением оставили несколько населенных пунктов*[393]». По словам Василевского, под удар попали наши три «довольно слабые стрелковые дивизии, две кавалерийские дивизии и танковая бригада». На них навалилось свыше 500 танков, в том числе «тигры». Против этой махины удалось направить всего 77 танков. Оказалось, что предостережения Жукова не были должным образом учтены. Потребовались героические усилия, срочная переброска резервов, чтобы задержать продвижение войск генерала Манштейна, рвавшихся на помощь 6-й армии.

Вечером в штабе Донского фронта Василевский, встревоженный ходом событий в районе Котельникова, проинформировал Рокоссовского и находившегося тут же командующего 2-й гвардейской армией генерала Малиновского о создавшемся положении.

– Как только дадут связь, я намерен просить Верховного Главнокомандующего, – говорил Александр Михайлович, – по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии направлять их к югу от Сталинграда. Манштейна надо встретить как следует. Вам, товарищ Малиновский, я предлагаю немедленно начать переброску частей и соединений армии форсированным маршем на реку Мышкову. Противника надо упредить, дать ему решительный отпор.

Это распоряжение вызывало возражение Рокоссовского:

– Я не согласен с таким использованием армии Малиновского и буду отстаивать свое мнение перед Верховным.

– Это ваше право!

Разговор со Сталиным состоялся через несколько часов. Василевский доложил о начавшемся наступлении противника и необходимости срочных мер для ликвидации опасности прорыва внешнего кольца.

– Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску прибывающих частей 2-й гвардейской армии, с тем чтобы, развернув ее на реке Мышкове, остановить Манштейна. Когда же мы его разгромим, можно подумать и о Паулюсе. Он от нас не уйдет. Операцию по разгрому его группировки считаю

необходимым отложить.

Предложение Василевского поначалу вызвало возражение Сталина.

– Вы и так уж слишком долго возитесь с Паулюсом. Пора с ним кончать. И вообще, вы постоянно просите резервы у Ставки, причем для тех направлений, за которые отвечаете. – Сталин явно сердился. – Рокоссовский рядом с вами? Передайте ему трубку.

Рокоссовский взял трубку.

– Как вы относитесь к предложению Василевского? – услышал он характерный голос Верховного Главнокомандующего.

– Отрицательно, товарищ Сталин.

– Что же вы предлагаете?

– Я думаю, следует сначала разделаться с окруженной группировкой и использовать для этого армию Малиновского.

– А если немцы прорвутся?

– В этом случае можно будет повернуть против них 21-ю армию.

Сталин немного помолчал.

– Да, ваш вариант смел… – возобновил он разговор, – но он рискован. Передайте трубку Василевскому.

Несколько минут Василевский слушал то, что ему говорил Сталин, а затем вновь стал доказывать необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту.

– Еременко сомневается в возможности отразить наступление врага теми силами, которые есть у него. – Мгновение Василевский молчал, затем промолвил: – Да, товарищ Сталин. – И вновь протянул трубку Рокоссовскому.

– Товарищ Рокоссовский, – услышал он, – ваше предложение действительно очень смело. Но риск чересчур велик. Мы здесь, в Государственном Комитете Обороны, сейчас все рассмотрим, все «за» и «против». Но, видимо, с армией Малиновского вам придется расстаться.

– В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут уничтожить Паулюса. Я прошу вас тогда отложить операцию.

Сталин чуть помолчал.

– Хорошо, – решительно произнес он наконец. – Временно приостановите операцию. Мы вас подкрепим людьми и техникой. Я думаю, надо прислать вам Воронова, он поможет усилить вашу артиллерию.

14 декабря Сталин приказал представителям Ставки ВГК Василевскому и Воронову:

«*Первое. Ввиду изменившейся обстановки на юге осуществление первого этапа операции «Кольцо» отложить.*

Второе. Все хозяйство Яковлева (псевдоним Малиновского. – *Авт.*), *в первую очередь мехчасти, форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группы противника.*

Третье. Приказать Донцову (псевдоним Рокоссовского. – *Авт.*) *и Иванову* (псевдоним Еременко. – *Авт.*) *продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, не давать противнику передышки ни днем, ни ночью, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из кольца.*

Четвертое. Главная задача наших южных войск – разбить котельниковскую группу противника, силами Труфанова (командующий 51-й армией. – *Авт.*) *и Яковлева в течение ближайших дней занять Котельниково и закрепиться там прочно*[394]».

К этому времени положение 51-й армии крайне ухудшилось. Все резервы фронта и армии оказались израсходованными, а противник продолжал наращивать силу удара и неумолимо продвигаться вперед. Но 16 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта начали наступление в районе Среднего Дона, пытаясь выйти в тыл тормосинской группировки группы армий «Дон» (операция «Малый Сатурн»). Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону итальянской 8-й армии и за восемь дней продвинулись на 100—200 км, а 24 декабря овладели станцией Тацинская. Командующему группой армий «Дон» генералу фон Манштейну пришлось отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженные под Сталинградом войска и, чтобы самому не оказаться в окружении, бросить все, что оказалось под рукой, для парирования ударов Юго-Западного фронта.

Войска 51-й, 2-й гвардейской и 5-й ударной армий Сталинградского фронта остановили котельниковскую группировку противника и перешли в контрнаступление. Они опрокинули армейскую группу «Гот» и 29 декабря освободили Котельниково. Противник в беспорядке отступал по всему фронту. Расстояние, отделявшее сталинградскую группировку противника от внешнего фронта окружения, увеличилось до 200—250 км. Никаких надежд на спасение у генерала Паулюса, его солдат и офицеров уже не осталось. Наступала неотвратимая катастрофа.

В связи с передачей 2-й гвардейской армии в состав Сталинградского фронта пришлось внести значительные поправки в план операции. Замысел оставался прежним: расчленение вражеской группировки на две части, но уже путем

нанесения не двух, а одного главного удара с запада на восток.

27 декабря представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Воронов представил Сталину план разгрома окруженной в Сталинграде группировки противника[395]. Главный удар намечалось нанести силами Донского фронта (14 стрелковых дивизий, 8 танковых полков, 32 артиллерийских полка, 9 гвардейских минометных полков) в общем направлении на Бабуркин, Хутор Гончара, Сталинградский, поселок Красный Октябрь с целью «расколоть окруженную группировку с запада на восток и последовательно уничтожать ее по частям». Вспомогательные удары предполагалось нанести: силами пяти дивизий 66-й армии в направлении разъезд Древний Вал, хутор Новая Надежда; войсками Сталинградского фронта (4 стрелковые дивизии, 3 мотострелковые бригады, две механизированные бригады, 12 артиллерийских полков, 4 полка РС) в общем направлении Кравцов, станция Воропоново.

Обосновывая выбор направления главного удара, Воронов отмечал, что здесь обороняются понесшие большие потери 76, 44, 376, 384-я пехотные и 14-я танковая дивизии. Оборона противника на этом направлении готовилась только после отхода частей противника из-за Дона. Характер местности, изрезанной глубокими балками, идущими с запада на восток, позволял танковым частям Донского фронта свободно маневрировать в глубину. Кроме того, не требовалось проводить сложную перегруппировку войск, так как они занимали выгодное исходное положение.

Срок начала операции зависел от времени прибытия частей усиления, пополнения и боеприпасов Донскому фронту. Кроме того, требовалось дня три на подготовку пополнения к боевым действиям. Исходя из этого, предлагалось начать наступление 6 января 1943 г. Всю операцию предусматривалось разделить на три этапа: первый – уничтожение западной части окруженной группировки и выход на рубеж хутор Новая Надежда, Хутор Гончара, Песчанка; второй – уничтожение противника в районе Песчанка, Сталинград, Гумрак; третий – окончательная очистка (частью сил) всего района от отдельных обороняющихся групп противника. Всю операцию планировалось завершить за семь дней.

План, представленный Вороновым, подвергся серьезной критике со стороны Ставки ВГК. В директиве № 170718 от 28 декабря говорилось:

«Главный недостаток представленного Вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает

сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главная ваша задача на первом этапе операции должна состоять в отсечении и уничтожении западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов, Бабуркин, Мариновка, Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка, совхоз № 1, Бабуркин повернуть на юг в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов, Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станция Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару – удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает. Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представите через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу[396]».

В декабре противник провел большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах он создал сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода, проходившего по левому берегу Россошки и далее на юго-восток по правому берегу Червленой. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений. В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные пункты и узлы сопротивления, причем сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда. Противник широко применял минирование подходов к опорным пунктам и на танкоопасных направлениях. Для обороны были приспособлены железнодорожные насыпи, выбывшие из строя танки, вагоны и паровозы. Таким образом, окруженный противник не только имел значительные силы, но и опирался на хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, значительно развитые в глубину.

К началу наступления Донской фронт получил из резервов Ставки ВГК 20 тыс. человек пополнения, что для семи армий

являлось каплей в море. Кроме того, было набрано еще около 10 тыс. человек за счет сокращения обслуживающего состава тылов, разгрузки госпиталей и медсанбатов. По настоянию Н. Н. Воронова Ставка ВГК придала фронту артиллерийскую дивизию прорыва, два артиллерийских пушечных полка большой мощности, один артиллерийский дивизион большой мощности, пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, один зенитный артиллерийский полк, две гвардейские минометные дивизии и три гвардейских танковых полка. Для нанесения главного удара привлекались три армии: в центре на узком фронте ставилась 65-я; справа примыкала к ней 21-я, слева – 24-я армия. Вся авиация 16-й воздушной армии предназначалась для действий на главном направлении. Остальные армии – 57, 64, 62 и 66-я должны были наступать с ограниченными целями на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше войск противника, лишая его возможности маневрировать силами. Этим армиям предстояло ограничиться только своими штатными средствами.

Большая роль в операции отводилась артиллерии, поэтому основное внимание было уделено тщательной отработке всех вопросов ее применения и взаимодействия с пехотой и танками. Этими вопросами в основном занимались командующий артиллерией фронта генерал В. И. Казаков и его аппарат. К 10 января 1943 г. в семи армиях – 62, 64, 57, 21, 65, 24, 66-й – насчитывалось около 7500 орудий и минометов, 1656 боевых установок и рам реактивной артиллерии (М-8, М-13, М-30, М-31), 120 артиллерийских полков, в том числе 88 – РВГК. Один залп реактивной артиллерии составлял более 15 тыс. мин среднего и тяжелого калибров[397]. Наличие в четырех артиллерийских дивизиях РВГК, включая вновь прибывшую 11-ю артиллерийскую дивизию, около 600 орудий высококачественной артиллерии (с учетом потерь) и двух минометных дивизий позволяло в короткие сроки сосредоточивать артиллерию на решающих участках фронта и массированным огнем значительно влиять на ход сражения. Укрупнение артиллерии обеспечило управление ее большими массами и намного облегчило планирование огня при организации артиллерийского наступления.

65-й армии, наносившей главный удар, по решению Рокоссовского придавались 1, 4 и 11-я артиллерийские дивизии, всего 37 бригад и полков РВГК. Было решено создать три армейские артиллерийские группы: дальнего действия (ДД) – в составе 11 артполков, с делением на три подгруппы, под командованием командиров дивизий; группу разрушения (АР) и группу гвардейских минометных частей (ГМЧ), а также

армейский противотанковый резерв. В каждой дивизии первого эшелона создавались группы поддержки пехоты (ПП) в составе 6—7 дивизионов каждая. Группы поддержки пехоты (несколько слабее) были образованы и в дивизиях второго эшелона армии. Средняя оперативная плотность артиллерии во фронте была около 42 орудий и минометов на один километр, в 65-й армии – около 135, а на направлении главного удара – на одиннадцатикилометровом участке – около 170 орудий и минометов.[398]

При такой высокой плотности артиллерийских средств на направлении главного удара было решено применить для поддержки атаки пехоты и танков одинарный огневой вал. Однако до описываемой операции он не применялся, главным образом, из-за недостаточного количества артиллерии и ограниченных ресурсов боеприпасов. Да и его организация была более сложной, чем организация широко применявшегося метода последовательного сосредоточения огня. Сущность одинарного огневого вала заключалась в следующем. С началом атаки специально выделенная для этой цели артиллерия открывала огонь перед всем фронтом наступления пехоты, ставя перед ней (на определенном рубеже) сплошную огневую завесу. По мере приближения атакующей пехоты к этому рубежу огонь артиллерии переносился на следующий рубеж, а затем дальше, на запланированную глубину. Таким образом, получалось, что перед фронтом наступающей пехоты огневой вал как бы перекатывался от рубежа к рубежу, ведя ее за собой. Чтобы на деле получилось все четко и гладко, требовалось не только произвести точные расчеты, но и организовать надежное взаимодействие пехоты с артиллерией, а также многое другое.

Сталин, внимательно следивший за подготовкой операции «Кольцо», считал необходимым передать руководство по разгрому окруженного противника в руки одного человека. Это предложение в конце декабря обсуждалось на заседании Государственного Комитета Обороны. Члены ГКО, как всегда, поддержали Сталина.

– Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника? – спросил Сталин.

Кто-то предложил передать все войска в подчинение Рокоссовскому.

– А вы что молчите? – обратился Верховный к Жукову.

– На мой взгляд, оба командующих достойны, – ответил Жуков. – Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

– Сейчас не время обижаться, – отрезал Сталин и приказал

Жукову: —Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

30 декабря Ставка ВГК издала приказ:

«1. В целях быстрейшего разгрома противника на ростовском направлении и лучшего управления армиями, действующими на этом направлении, образовать с 1 января 1943 года Южный фронт в составе 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий. В дальнейшем иметь в виду усиление фронта еще 2—3 армиями.

2. Назначить командующим войсками Южного фронта генерал-полковника Еременко А. И., членами Военного совета Хрущева Н. С. и Чуянова А. С., начальником штаба фронта генерал-майора Варенникова И. С.

3. Штаб и фронтовые управления Сталинградского фронта преобразовать в штаб и управления Южного фронта…

4. С 1 января 1943 года 57-ю, 64-ю, 62-ю армии передать в состав Донского фронта, Сталинградский фронт с 1 января 1943 года ликвидировать. Средства, отпущенные Сталинградскому фронту для проведения операции «Кольцо», 57-ю, 64-ю и 62-ю армии передать Донскому фронту…[399]».

31 декабря генерал-полковник артиллерии Воронов доложил Сталину:

«Работа по подготовке «Кольца» продолжается полным ходом… Частями тов. Рокоссовского за последние шесть дней захвачено несколько важных командных высот, обеспечивающих артиллерии хорошее наблюдение и удобное исходное положение для предстоящих действий. Все попытки противника вернуть высоты отбиваются успешно нашими частями с большими потерями для живой силы и танков противника. Командиры и штабы проводят большую работу на местности, войска тоже готовятся.

30 декабря ночью я вернулся с бывшего Сталинградского фронта. Очень хорошо, что Вашим приказом его часть «Кольца» передана тов. Рокоссовскому. Мною на месте тт. Шумилову и Толбухину даны твердые указания. Кроме того, по моему требованию шесть среднекалиберных зенитных дивизионов с прожвзводами переброшены на западный берег Волги для перехвата транспортной авиации противника, идущей через фронт 57-й армии на высотах вне досягаемости малокалиберной зенитной артиллерии. Приняты меры по упорядочению службы воздушного наблюдения и оповещения. Увеличено количество засад истребителей и приближены аэродромы истребительной авиации.

Задача усиления воздушной блокады окруженных выполняется еще плохо. Самолетов сбиваем мало. Временами немцы наглеют и посылают транспортные самолеты даже без прикрытия истребителями. Нами предусмотрен маневр противовоздушных

средств. Выработан план изнурения противника ночью и днем авиацией и другими огневыми средствами. Ведется активная разведка всех видов, ежедневно берутся пленные, перебежчиков же очень мало, единицы.

Времени осталось немного. Прошу приказать как можно скорее доставить сюда средства усиления, эшелоны с пополнением и транспорты с боеприпасами – все, что отпущено для Рокоссовского и Еременко для «Кольца». Я говорил и писал тов. Хрулеву, но пока все идет очень медленно и прибыло сюда очень мало. В этом вопросе прошу помощи.

Тов. Еременко теперь перебросит всю авиацию для действий на юго-запад. Рокоссовский имеет мало истребителей для воздушной блокады. Прошу Вас усилить «Кольцо» истребительной авиацией[400]».

Решение Ставки ВГК о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта оказалось своевременным. Штаб Донского фронта тут же приступил к установлению связи с 57, 64 и 62-й армиями. Рокоссовский счел необходимым лично побывать на местах, познакомиться с войсками этих армий. Знакомство Константин Константинович начал с 57-й армии. Она располагалась по юго-западному фасу кольца окружения, занимая 25-километровый рубеж по берегу р. Червленая.

«Командарм Ф. И. Толбухин произвел на нас хорошее впечатление, – отмечал Рокоссовский. – *Чувствовалось, что он знает свое дело и способен в любой обстановке уверенно руководить войсками. Его командный пункт располагался в населенном пункте в довольно приличных условиях. Настроение в частях армии было бодрое, боевое, хотя после тяжелых боев ощущался большой недостаток в людях. Толбухин шутя высказал сожаление, что он, руководя в свое время строительством оборонительных рубежей под Сталинградом, перестарался. Не знал, что ему же придется их преодолевать. А нужно сказать, строил он на совесть. Противник тоже многое сделал, чтобы укрепить эти позиции. И теперь Толбухину предстояло решить трудную задачу. А сил маловато…*[401]»

Войска 64-й армии занимали 30-километровую полосу на южном фасе окружения, фронтом на север. Ее правый фланг упирался в Волгу южнее Сталинграда, а левый – в р. Червленая. Рокоссовский пишет*: «Командующий армией генерал М. С. Шумилов оказался бывалым воином, хорошо знавшим военное дело и имевшим богатый командный опыт. Внешне Шумилов производил впечатление человека флегматичного. На самом же деле оказалось, что в нужные моменты он бывает весьма энергичным и*

решительным, а вверенные ему войска показали, что умеют крепко бить врага и в обороне и в наступлении[402]».

После посещения 64-й армии Рокоссовский в сопровождении члена военного совета генерала Телегина, нескольких офицеров, проводника и двух саперов, отправился в 62-ю армию генерала Чуйкова. Командный пункт армии размещался у самой Волги, его землянки были врыты в обрывистый песчаный берег. Стены и потолок блиндажа были облицованы досками и фанерой, и все же песок просачивался отовсюду. Войска армии занимали узкую полосу берега и прилегающую к реке часть города, от которого осталась груда развалин с возвышавшимися местами остовами еще не совсем обрушившихся зданий. В этих развалинах и закрепились воины 62-й армии. Превратив их в неприступную крепость, они героически отражали яростные атаки врага. И, несмотря на то, что противнику удалось в трех местах выйти к Волге, разобщив соединения армии, овладеть городом враг не смог и сам перешел к обороне.

«С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением, – вспоминал Константин Константинович. – *Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город. На меня этот человек произвел сильное впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились*[403]».

По пути на свой командный пункт Рокоссовский заехал в 66-ю армию генерала А. С. Жадова. Настоящая его фамилия была Жидов, а сменил он ее при следующих обстоятельствах. Однажды Сталин, выслушав по ВЧ доклад Рокоссовского о причинах медленного продвижения войск 66-й армии, спросил, что представляет собой командующий. В ответ на положительную оценку тут же поручил лично переговорить с Жидовым о замене его фамилии на Задов. Рокоссовский поначалу не понял Сталина, а поэтому крайне удивился такому предложению. Сказал, что командарм не принадлежит к тем, кто пятится задом. Правда, его войска не смогли сейчас продвинуться, но о причинах Рокоссовский только что докладывал. При этом еще раз подчеркнул, что Жидов армией командует уверенно. Сталин на это возражение заметил, что Рокоссовский его, по-видимому, не

понял. Никаких претензий к Жидову как к командующему он не имеет, но в армии некоторую роль играет и то обстоятельство, как звучит фамилия военачальника. Потому-то следует уговорить Жидова сменить фамилию на любую по его усмотрению. После переговоров командующий 66-й согласился стать Жадовым. Свою роль «крестного отца» Рокоссовский выполнил. Когда доложил Сталину, тот остался доволен.

Прежде, чем продолжить наш рассказ, поговорим об обстановке, которая сложилась на советско-германском фронте к началу 1943 г.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом решительным образом изменило стратегическую обстановку в пользу Красной Армии. В этих условиях Ставка ВГК решила, максимально используя успех сталинградского контрнаступления, развернуть общее наступление от Ленинграда до Кавказа.

На северо-западе войска Ленинградского и Волховского фронтов при содействии части сил Балтийского флота в ходе операции «Искра» с 12 по 30 января 1943 г. нанесли поражение группе армий «Север», прорвали блокаду Ленинграда, создав коридор шириной 8 – 11 км, позволивший восстановить связь города со страной по суше. Войска Воронежского фронта, 13-й армии Брянского и 6-й армии Юго-Западного фронтов в ходе Воронежско-Касторненской стратегической наступательной операции с 13 января по 3 марта 1943 г. нанесли поражение группе армий «Б», освободили Воронеж, Курск, Белгород, Харьков. Войска Закавказского, Южного и Северо-Закавказского фронтов при содействии части сил Черноморского флота провели с 1 января по 4 февраля 1943 г. Северо-Кавказскую стратегическую наступательную операцию. В ходе операции они нанесли поражение группе армий «А» и вышли на подступы к Ростову и на рубеж р. Кубань. Однако основным силам противника удалось отступить в Донбасс и избежать полного разгрома.

На Донском фронте события развивались следующим образом. 31 декабря 1942 г., пользуясь некоторым затишьем, в штабе Донского фронта решили отпраздновать встречу Нового года. Здесь собрались члены военного совета фронта, представители Ставки ВГК А. М. Василевский, командующий ВВС А. А. Новиков, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов, писатели Ванда Василевская, Александр Корнейчук. По просьбе Новикова летчики попутным рейсом привезли елку, которую здесь украсили, чем могли. Было высказано много добрых пожеланий, все тосты и разговоры пронизывала крепкая вера в грядущую победу над врагом. Рокоссовский, вспоминая об

этом, отмечал, что в дружеском разговоре затронули вопрос о том, что история помнит много случаев, когда врагу, попавшему в тяжелое положение, предъявлялся ультиматум о сдаче. В тот вечер никто всерьез не воспринял эту идею. Но на следующий день, как пишет Рокоссовский, у него возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли применить древний рыцарский обычай? Он переговорил с генералом А. И. Антоновым, замещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Антонов пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

Здесь необходимо небольшое пояснение. По свидетельству Н. Н. Воронова, на Донском и Сталинградском фронтах командиры подразделений не раз по собственной инициативе делали попытки вступить через парламентеров в связь с противником и предложить ему сдаться. Таким образом, мысль о посылке парламентеров во вражеские войска шла снизу: ее породила старая традиция и солдатская смекалка.

Далее, если судить из мемуаров Рокоссовского, он сообщил о своем разговоре с Антоновым Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву. У всех это вызвало большой интерес. Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не оказалось. Начали вспоминать события далекой истории – осады замков, крепостей и городов. Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки ВГК и сообщили, что предложение очень понравилось Сталину, а также затребовали срочно передать проект ультиматума.

Н. Н. Воронов утверждает, что проект ультиматума готовил он. *«О своей затее я рассказал К. К. Рокоссовскому,* – пишет Воронов, – *который, как всегда, внимательно выслушал и отнесся к этому предложению положительно. Он был очень занят подготовкой к предстоящей операции и не мог поэтому принять деятельного участия в разработке проекта ультиматума. Впрочем, еще не было известно, как отнесется к этому предложению Ставка*[404]».

2 января 1943 г. Воронов направил в Москву следующее донесение:

«Немецкие офицеры ведут большую разъяснительную работу среди солдат окруженных под Сталинградом немецких дивизий. По нескольку раз в день они проводят беседы с солдатами, стараются доказать возможность спасения окруженных наступлением извне, скрывая создавшуюся обстановку в связи с нашим успешным продвижением на юго-запад и запад.

Офицеры говорят солдатам, что основная цель русских уничтожить немцев, что при взятии в плен будут обязательно все расстреляны, пощады никому не будет, и этому большинство верит. Предлагают верить фюреру и богу, что они позаботятся и окажут помощь, а задача окруженных – драться, не сдаваться в плен и так далее.

Наши листовки с предложением о сдаче в плен многими немцами не считаются официальными документами, несмотря на то, что имеют две подписи наших командующих – товарища Рокоссовского и товарища Еременко.

Вся наша политическая работа пока еще не дает нужных нам результатов: перебежчиков единицы, правда, несколько лучше стало с захватом пленных.

Нам, конечно, было бы выгодно скорее решить поставленную задачу с наименьшими потерями в живой силе и боевой технике, так как все это нужно будет на других направлениях.

Нам, по моему мнению, нужно поставить вопрос о сдаче официально, поставить в трудное положение командование и офицерский состав окруженных войск противника.

Мое предложение:

1. 4 или 5 января вручить командованию немецких окруженных войск ультиматум о сдаче, установить жесткий срок, дать в ультиматуме гарантии – оставить всех сдавшихся в плен живыми, обещать нормальные условия жизни в плену и возвращение после войны на родину. Сказать о безнадежности сопротивления. Сказать о наших силах и средствах. Ответственность за уничтожение, при отказе принять наши условия, возложить на командование окруженных.

2. Заготовить одновременно большим тиражом этот ультиматум на немецком языке, дать краткие комментарии к нему и сказать солдатам, что их генералы и офицеры не приняли ультиматум, решили поставить их под удары наших войск, ведут их на верную гибель. Сдавайтесь или будете уничтожены.

При отказе сдаться, начать «Кольцо», разбрасывая одновременно массу листовок с нашими предложениями о сдаче.

Первый этап «Кольца» должен дать, несомненно, нужные нам результаты.

Прошу Ваших указаний[405]».

Подготовка операции «Кольцо» тем временем продолжалась. Но с приближением 6 января – срока начала операции – становилось все более очевидным, что к этому времени фронт не будет готов к наступлению. Многие эшелоны с войсками и транспорты с вооружением и боеприпасами запаздывали. В таких условиях начинать операцию было рискованно.

Утром 3 января Рокоссовский, Воронов и Малинин собрались, чтобы определить реальную готовность к наступлению. Стали подсчитывать, проверять цифры. Опоздания эшелонов увеличились, а не уменьшились.

– Что же выходит? – раздумывал Воронов.

– Как ни крути, мы не будем готовы в назначенный срок, – настаивал Рокоссовский.

– Нам нужно еще шесть-семь суток. Придется просить Ставку об отсрочке.

– Нет, это невозможно. Верховный этого не разрешит.

– Ну хотя бы на трое-четверо суток!

– Попробуем, – согласился Воронов и тут же стал звонить в Москву. Разговор, однако, ничего не прояснил. Сталин молча выслушал Воронова, ничего не ответил, сказал «до свидания» и положил трубку.

Воронов сразу же написал следующее донесение Сталину:

«Приступить к выполнению «Кольца» в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4—5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами.

В целях ускорения их подхода пришлось согласиться на разгрузку многих эшелонов и транспортов в большом удалении от предусмотренных планом мест выгрузки.

Это мероприятие потребовало дополнительного времени на подтягивание выгружаемых частей, пополнения, и боеприпасов к фронту.

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит срок изменить на плюс четыре. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало «Кольца» плюс 4.

Прошу Ваших указаний[406]».

Реакция на донесение последовала незамедлительно. Воронова вызвали к телефону. Сталин был сильно раздражен, и Воронову пришлось услышать немало неприятных слов.

– Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорей кончать, а вы умышленно затягиваете!

Сталин потребовал доложить ему, что значит в донесении фраза «плюс четыре». Воронов пояснил:

– Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим разрешения начать операцию «Кольцо» не 6, а 10 января.

Последовал ответ:

– Утверждается.

На следующий день Сталин сообщил Воронову, что одобряет предложение о вручении ультиматума командованию окруженных немецких войск. Однако правильнее будет вручить ультиматум не накануне, а на вторые сутки наступления. Предложили 5 января представить проект ультиматума на рассмотрение и утверждение Ставки.

Подготовленный текст с незначительными поправками был утвержден. В ультиматуме, адресованном командующему 6-й армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю, говорилось:

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение Ваших войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов…

Положение Ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зама только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление…

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность[407]».

Ультиматум подписали представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант Рокоссовский.

Решили ультиматум отпечатать в двух экземплярах на русском и в двух – на немецком, подписать все четыре

экземпляра, чтобы два экземпляра вручить утром 8 января на северном фасе Донского фронта, а два других оставить в резерве. Найти добровольцев для исполнения обязанностей парламентера, переводчика и трубача – все строго в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 г.

Добровольцев оказалось немало. Парламентером был утвержден работник разведотдела штаба Донского фронта майор А. М. Смыслов, переводчиком – капитан Н. Д. Дятленко. Весь порядок действий парламентеров Рокоссовский и Воронов обдумали до мельчайших деталей. Начальник штаба фронта генерал Малинин, вооружившись международными законами и топографическими картами с нанесенной обстановкой, составил детальный план вручения ультиматума. Его суть заключалась в следующем: 8 января вечером войти в связь по радио с командованием окруженной группировки и предупредить его о высылке парламентеров в точно указанном участке фронта, в точно установленное время. Парламентеры с большим белым флагом подойдут к немецким проволочным заграждениям, имея при себе пакет особой важности от командования Красной Армии. Представитель Ставки ВГК и командующий Донским фронтом решили предложить на строго определенном участке фронта в определенные часы никаких боевых действий с обеих сторон не вести и огня не открывать. Кроме того, германскому командованию предлагалось выслать навстречу парламентерам своих уполномоченных офицеров. С участком, где будут действовать парламентеры, установить прямую связь, чтобы обо всех действиях можно было докладывать на командный пункт фронта. На этом участке необходимо вести тщательное наблюдение, а все огневые средства должны быть на всякий случай приведены в наивысшую боевую готовность.

Вечером 7 января и рано утром 8 января фронтовое радио несколько раз передало в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентеров. Парламентеры майор А. М. Смыслов и капитан Н. Д. Дятленко в сопровождении трубача вышли из окопов с высоко поднятым белым флагом, прошли метров сто… Но вот раздались отдельные винтовочные выстрелы, затем короткие очереди из автоматов. Парламентеры залегли, пытались размахивать флагом, огонь не прекращался. Пришлось вернуться. Воронов доложил об этом в Ставку ВГК. Сначала оттуда поступило распоряжение: «Все прекратить», а вскоре было приказано еще раз послать парламентеров в новом направлении.

Воронов предложил найти новых желающих выступить в роли парламентеров, но ему передали убедительную просьбу тех же товарищей – они хотят выполнить свою задачу до конца. Опять с

вечера и до утра фронтовое радио предупреждало вражеское командование. Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка. Утром 9 января парламентеры благополучно добрались до проволочных заграждений противника и в условленном месте были встречены немецкими офицерами, которые потребовали предъявить им пакет. Майор Смыслов категорически запротестовал и потребовал направить его туда, где он лично может вручить пакет немецкому командованию.

По существующим международным законам парламентеров проводят в расположение войск противника с завязанными глазами. Когда немцы об этом напомнили, парламентеры в тот же момент вынули из своих карманов специально для этого припасенные большие белые платки. Им завязали глаза. Платки развязали только на командном пункте. Один из немецких офицеров стал докладывать по телефону своему начальству о прибывших парламентерах и об их требовании передать пакет лично в руки Паулюса. Через некоторое время посланцам объявили, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого уже известно из объявления, сделанного русскими по радио. Парламентерам снова завязали глаза, вывели за немецкие проволочные заграждения с гарантией безопасности. С развевающимся белым флагом они благополучно дошли до своего переднего края.

Воронов доложил Сталину о попытках вручить ультиматум и официальном его отклонении.

– Что дальше вы собираетесь делать?

– Сегодня все проконтролируем, а завтра приступаем к своей работе, – ответил Воронов.

В четыре часа утра 10 января Рокоссовский вместе с Вороновым и работниками штаба фронта отправились на НП командующего 65-й армией генерала Батова. Затемно были на месте. В 8 часов 4 минуты командующий артиллерией 65-й армии генерал И. С. Веский подал команду: «Огонь!» Залп более 7 тыс. орудий и минометов, «катюш» и «ванюш» (так называли установки и рамы 300– и 310-миллиметровых мин РС) разорвал тишину морозного утра. Удар артиллерии чудовищной силы в течение 55 минут крушил оборону немцев, не оставляя живого места на занятой ими земле. Затем артиллерия переключилась на огневой вал. Стена разрывов как бы звала за собой пехоту все дальше и дальше. Когда началась атака, поле почернело от наступающих войск. Части 65-й армии действительно шли под гром артиллерийского огня. Дружная артиллерийская подготовка и огневой вал обеспечили прорыв.

«Наступление развивалось с нарастающей мощью, – вспоминал Н. Н. Воронов. – *Наш успех был явный. Вскоре стало известно, что противник во время нашей артиллерийской и авиационной подготовки понес невосполнимые потери. Пехота и танки смело шли вперед. Управление войсками осуществлялось непрерывно, связь всех видов работала хорошо, взаимодействие родов войск на поле боя осуществлялось четко*[408]».

Но уцелевшие очаги вражеской обороны все же оказывали сопротивление. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Войскам приходилось добивать остатки частей противника. К исходу 10 января войска 65-й армии на главном направлении продвинулись всего на пять километров. Причина столь небольшого продвижения объяснялась не только сильной обороной противника, но и тем, что в стыке 65-й и 21-й армий находился «мариновский выступ», глубоко врезавшийся в линию фронта советских войск. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар.

И хотя в первый день наступления войска не полностью выполнили задачи, успех, достигнутый на главном направлении частями 65, 21 и 24-й армий, имел большое значение. Ряд важных опорных пунктов был обойден, оборона в главной полосе противника нарушена. Следовало преодолеть ее окончательно, не давая врагу передышки. Поэтому Рокоссовский потребовал продолжать наступление. Коррективы с учетом опыта первого дня боев вносились на ходу.

Наступление продолжалось и днем и ночью. Кратковременные передышки допускались только на отдельных участках с целью перегруппировки сил внутри армий. Сопротивление врага не прекращалось, но войска Донского фронта со всевозрастающим упорством шли вперед. К вечеру 12 января войска 65-й и 21-й армий, взаимодействуя на смежных флангах, завершили ликвидацию «мариновского выступа». Оборонявшие этот выступ 44-я и 376-я пехотные и 3-я моторизованная дивизии противника были разгромлены. С выходом войск Донского фронта к р. Россошка их возможности значительно возросли. Но необходимо было провести некоторую перегруппировку сил.

В новой обстановке центр направления главного удара перемещался в полосу наступления 21-й армии. В связи с этим ей передавалась большая часть средств усиления, которые в начале операции находились в распоряжении генерала Батова. Войскам

21-й армии предстояло нанести удар своим левым флангом в направлении балка Дубовая, станция Воропоново. Взаимодействующая с ней 65-я армия своим правым флангом наносила удар в общем направлении на Питомник. 24-я армия, продолжая наступление своим правым флангом, должна была обеспечивать с севера войска 65-й армия. Остальные армии выполняли прежние задачи. Перемещая усилия в полосу 21-й армии, Рокоссовский преследовал цель как можно быстрее взломать оборону противника и развить успех в глубину на направлении главного удара. Эта перегруппировка производилась без прекращения боевых действий на участке ударной группировки.

15 января войска Донского фронта преодолели сильно укрепленный средний оборонительный обвод. К этому времени в центре они продвинулись на расстояние от 10 до 22 км. Теперь перед ними находился внутренний оборонительный обвод, где располагались мощные укрепления в виде опорных пунктов с большим количеством дзотов, бронеколпаков и врытых в землю танков. Вся местность на подступах к ним была опутана колючей проволокой и густо заминирована. Мороз достигал 22 градусов, усилились метели. Войскам предстояло наступать по открытой местности, в то время как противник находился в траншеях, землянках и блиндажах. Несмотря на это, войска фронта брали траншею за траншеей, дзот за дзотом. Положение противника все ухудшалось. Он терял аэродромы и посадочные площадки, и его самолеты летали только ночью, сбрасывая продовольствие, боеприпасы и горючее на парашютах.

Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили войска Донского фронта. К тому же они несли потери не только от вражеского огня, но и от холода. Бойцы все время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Одновременно они испытывали большие затруднения с продовольствием. Рокоссовский, которому 15 января было присвоено воинское звание генерал-полковник, вместе с секретарем обкома приехал на сельский сход с просьбой помочь фронту. Предлагалось выбраковывать коров.

Одна из колхозниц сказала:

– Легко говорить «выбраковывайте»! Мы уже пятилетних коров режем, это ж самый продуктивный возраст в молочном стаде. Вы хоть понимаете, что такое крупный рогатый скот? Да выбраковывай уже нас, товарищ Рокоссовский, да к мужикам на фронт посылай!

– Милые вы мои женщины! Я как нищий на паперти стою перед вами, кто что мне подаст, и могу ответить только: «Дай бог

вам здоровья!»

Эти слова не остались без внимания. Люди, как могли, помогали бойцам. С огромным верблюжьим обозом прямо в штаб фронта явилась делегация калмычек, фронт от их селений находился всего в 50—80 км. Привезли много мяса и теплых вещей для фронтовиков, смазку для сапог (кирза лопалась на морозе), 5000 погонных метров кошмы.

Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки. Малочисленность пехоты вынуждала Рокоссовского всю тяжесть прорыва вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехота в основном использовалась лишь для закрепления на захваченных рубежах.

18 января в шестом часу утра представитель Ставки ВГК генерал– полковник артиллерии Воронов направил Сталину доклад № 1191 о плане разгрома окруженного в районе Сталинграда противника.[409]

В докладе отмечалось:

«*Первое. Войска Донского фронта в продолжение семи суток, днем и ночью вели напряженные бои с упорно сопротивляющимся противником, разгромили более десяти его соединений, взяли более 10 000 пленных и многочисленные трофеи. Бои приходится вести при сильных морозах: —20—33, на открытой местности, без населенных пунктов, прокладывать колонные пути по целине, часто людьми тащить пушки и другое вооружение. Противник мобилизует последние силы и средства, имея намерение остановить наше наступление, непрерывно контратакует (правда, малыми силами), а на фронте Песчанка, ст. Воропоново, Алексеевка, выс. 142, 2, 132,1 занял, в свое время подготовленные нами, батальонные районы обороны Сталинградского обвода. Попытка прорвать здесь оборону противника успеха не имела. На фронте хут. Гончара, подсобное хозяйство, выс. 143, 8 (2 км сев. – западнее хут. Бородин) наши части продолжали вести наступательные бои по плану для ликвидации северо-западной группировки противника, имея продвижение за день 17 января от 2 до 5 километров…*

Второе. Принято решение:

Продолжать наступление на левом крыле, разгромить противостоящего противника и выйти на фронт Гумрак, раз. Конный, Кузьмичи.

66-й и 62-й армиям выполнить ранее поставленные задачи.

На фронте же Песчанка, хут. Гончара подготовить сокрушительный, мощный удар для разгрома противостоящего противника, нанести ему большие потери и морально подавить,

расчленить обороняющегося противника на части, уничтожить по частям объединенными усилиями всех армий. Для этого удара будет сосредоточено на фронте 22 км 4000 орудий и минометов, кроме того, – две дивизии РС, все танки, сюда же будут направлены усилия всей авиации. Для организации такого удара, сосредоточения, развертывания, подвоза боеприпасов, а также и необходимой передышки для пехоты нужно двое-трое суток. Намечен срок начала – 20 января.

Третье. По докладываемому Вам решению, командиры, штабы и войска 17 января приступили к выполнению постановленных перед ними задач[410]».

Сталин утвердил представленный план.

Генерал-полковник Паулюс, понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, попросил 20 января Гитлера предоставить ему полную свободу действий. Гитлер ответил немедленно:

– Капитуляция исключена. 6-я армия до конца выполнит свою историческую миссию. Благодаря своему упорному сопротивлению, она позволит создать новый фронт, к северу от Ростова, и обеспечить отход группы армий с Кавказа.

22 января войска Донского фронта возобновили наступление. Рокоссовский и представитель Ставки Воронов, член военного совета и командующие родами войск, находившиеся на наблюдательном пункте фронта, вышли из укрытий понаблюдать за боем, обменяться впечатлениями. Вдруг метрах в десяти от них протрещала пулеметная очередь. Рокоссовский тут же скомандовал:

– В окопы!

Затем начал ругать себя:

– Сам вылез, и все полезли. Надо же быть такому неосмотрительному. Одной очередью всех могли скосить.

К месту, откуда строчил пулемет, немедленно направили автоматчиков. Оказалось, что одна из огневых точек, расположенных в первой вражеской траншее, уцелела и осталась в тылу наших войск. Это могло обернуться трагедией для командования фронтом.

Утром 24 января Паулюс вновь сообщил Гитлеру, что войска не имеют боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается только с частями шести дивизий, единое командование невозможно, что катастрофа неизбежна, и просил разрешения на капитуляцию. Гитлер и на этот раз ответил:

– Запрещаю капитулировать. 6-я армия выполняет свою историческую миссию и должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона.

Войска Донского фронта подходили к стенам Сталинграда. 26 января мощным ударом они расчленили окруженную группировку на две части – южную и северную. Части 21-й армии генерала И. М. Чистякова соединились с героической 13-й гвардейской дивизией генерала А. И. Родимцева. Днем раньше соединения 64-й армии прорвали укрепленную линию городского обвода, заняли Купоросное, Ельшанку, западную часть пригорода Минино и завязали бои на улицах города. Паулюс назначил командующим Северной группой войск командира 11-го армейского корпуса генерала Штреккера, а командующим Южной группой войск командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Росске. Сам же отправился к городской тюрьме, где в подвалах находилась группа генералов со своими штабами и остатками разгромленных войск, и лично предупредил их, что капитуляция недопустима.

С утра 27 января войска Донского фронта приступили к уничтожению расчлененных вражеских группировок. 28 января, когда войска фронта вышли на северный берег р. Царица, а затем в ночь на 29 января – в район вокзала и в юго-западную часть города, Паулюс доложил в ставку Гитлера, что, по расчетам его штаба, «6-я армия продержится не дольше, чем до 1 февраля». В ответ на это Гитлер послал Паулюсу радиограмму, массу орденов и медалей и приказал повысить в званиях умирающих от голода, ран и холода солдат и офицеров.

В эти дни штаб Донского фронта и командование 64-й армии непрерывно требовали от соединений и частей точно установить, где находится штаб 6-й армии и ее командующий Паулюс. Ни пленные, ни разведчики не могли ответить на этот вопрос. Но вот 29 января при захвате бойцами 7-го стрелкового корпуса одного из опорных пунктов в плен попала группа офицеров штаба 6-й армии. От них удалось узнать, что Паулюс и его штаб находятся в подвалах универмага. Получив известие об этом, Рокоссовский потребовал от командующего 64-й армией генерала Шумилова усилить штурм противника и пленить Паулюса и офицеров его штаба.

Универмаг находился на площади имени Павших Борцов. В этом направлении действовали 29-я и 36-я гвардейские стрелковые дивизии. Генерал Шумилов усилил их последним резервом – 38-й морской стрелковой бригадой полковника И. Д. Бурмакова и 329-м армейским саперным батальоном. Они получили задачу прорваться к универмагу, блокировать его и захватить штаб 6-й армии.

С этого момента события стали развиваться с нарастающей быстротой. Решительно атакуя, уничтожая основные опорные

пункты обороны противника, стрелковые батальоны бригады и армейский саперный батальон 30 января прорвались к центру города – к железнодорожному вокзалу и площади Павших Борцов и к 6 часам утра 31 января почти полностью окружили их. В это время Паулюсу принесли последнюю телеграмму от Гитлера: «Поздравляю Вас с производством в фельдмаршалы».

– Это, вероятно, должно означать приказ о самоубийстве, – хладнокровно сказал Паулюс, прочитав телеграмму. – Однако такого удовольствия я ему не доставлю.

Массированный огонь, непрерывные атаки воинов 38-й морской стрелковой бригады заставили Паулюса 31 января принять решение о необходимости капитулировать. У развалин универмага со стороны улицы Ломоносова появился офицер с белым флагом, направленный начальником штаба генерал-лейтенантом Шмидтом и генералом Росске. Первым, кто начал переговоры с этим офицером, был начальник оперативного отдела штаба 38-й морской стрелковой бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко. Он же первым прошел в подвал универмага, где находился штаб 6-й армии. Ильченко уточнил у Шмидта и Росске, намерены ли они прекратить огонь и приступить к переговорам. Те ответили, что официально переговоры о капитуляции будут вести только с представителями Донского фронта. Об этом Ильченко немедленно доложил командиру бригады полковнику И. Д. Бурмакову, а тот, в свою очередь, – командующему 64-й армией генералу М. С. Шумилову. Шумилов направил в штаб Паулюса для ведения предварительных переговоров заместителя начальника штаба армии по политической части Б. И. Мутовина, начальника разведки армии майора И. М. Рыжова и начальника оперативного отдела штаба армии полковника Г. С. Лукина. Они предъявили генералам Шмидту и Росске отпечатанный и подписанный генералами Вороновым и Рокоссовским ультиматум.

Генерал-фельдмаршал Паулюс заявил, что приказ о капитуляции армии подписывать не будет, так как армией с недавних пор не командует, а является всего лишь «частным лицом» и встретиться с парламентерами категорически отказывается. Вместе с тем Паулюс передал просьбу, чтобы его, генерал-фельдмаршала, пленил и сопровождал один из советских генералов. Мутовин ответил, что просьба командующего будет удовлетворена: для принятия капитуляции немецких войск, пленения Паулюса и его сопровождения сюда прибудет представитель генерала Рокоссовского начальник штаба 64-й армии генерал-майор И. А. Ласкин.

Около 9 часов в штаб 6-й армии прибыл генерал Ласкин. Он

предъявил генералам Шмидту и Росске требование прекратить огонь повсеместно. Они тут же по телефону отдали соответствующий приказ войскам и в свою очередь просили отдать распоряжение советским частям больше не вести огонь на всем участке фронта южной группы. Эта просьба немедленно была доведена до сведения генерала Шумилова. Боевые действия прекратились. К этому времени генерал Росске написал приказ войскам Южной группы о немедленном прекращении огня и о капитуляции Южной группы. Генерал-фельдмаршал Паулюс был доставлен в Бекетовку, в штаб 64-й армии, а затем в Заварыгино, где находился штаб Донского фронта.

В ночь на 1 февраля в избе, где жил и работал Н. Н. Воронов, которому недавно присвоили воинское звание маршал артиллерии, начался первый допрос Паулюса. В прихожей он спросил переводчика, как можно узнать, кто маршал Воронов и кто генерал Рокоссовский, и получил ответ. Дверь отворилась, Паулюс вошел в комнату, ярко освещенную электричеством. Воронов и Рокоссовский сидели за небольшим столиком.

Остановившись на пороге, Паулюс поднятием правой руки приветствовал советских военачальников. Воронов, сидя, жестом показал на стул, поставленный с другой стороны стола:

– Подойдите к столу и сядьте.

Переводчик – П. Д. Дятленко – перевел. Крупными шагами Паулюс подошел и сел. Видно было, что он нервничает. Он выглядел усталым и больным.

Воронов подвинул к нему лежавшую на столе коробку папирос:

– Курите!

Паулюс кивнул головой:

– Данке! – но курить не стал.

– Мы к вам имеем всего два вопроса, генерал-полковник, – начал Воронов, и переводчик стал переводить.

– Простите, – прервал его Паулюс, – я генерал-фельдмаршал. Радиограмма о производстве в этот чин пришла только что, и я не смог переменить форму… Кроме того, я надеюсь, что вы не будете заставлять меня отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению мною присяги.

– Таких вопросов мы касаться не станем, господин генерал–фельдмаршал, – пообещал Воронов. – Мы предлагаем вам немедленно отдать приказ прекратить сопротивление группе ваших войск, продолжающих драться в северо-западной части Сталинграда. Это дает возможность избежать лишних жертв.

Пока переводчик переводил эти слова, Рокоссовский закурил и еще раз предложил сделать это Паулюсу. Паулюс закурил и,

дымя папиросой, стал медленно отвечать.

– Я не могу принять вашего предложения. В данное время я являюсь военнопленным, и мои приказы недействительны, тем более что северная группа имеет своего командующего и продолжает выполнять приказ верховного главнокомандования германской армии.

– В таком случае вы будете нести ответственность перед историей за напрасную гибель своих подчиненных. Войска генерала Рокоссовского располагают силами и средствами, достаточными для их полного уничтожения. Если вы откажетесь отдать приказ, завтра с утра мы начнем штурм и уничтожим их. Взвесьте все!

Но Паулюс вновь отказался, приведя те же мотивы.

– Хорошо, – продолжил Воронов, – перейдем ко второму вопросу. Какой режим питания вам необходимо установить, чтобы не повредить вашему здоровью? То, что вы больны, мы знаем от генерал-лейтенанта Ренольди, вашего армейского врача.

Паулюс явно удивился. Медленно, подбирая слова, он ответил:

– Мне ничего особенного не нужно. Я прошу лишь, чтобы хорошо отнеслись к раненым и больным моей армии, оказывали им медицинскую помощь и кормили. Это единственная моя просьба.

– По мере возможностей эта просьба будет выполнена. В Красной Армии, в отличие от немецкой, к пленным, особенно к раненым и больным, относятся гуманно. Но я должен сказать фельдмаршалу, что наши врачи уже сейчас столкнулись с большими трудностями. Ваш медицинский персонал бросил на произвол судьбы госпитали, переполненные ранеными и больными! – Голос Воронова стал громче. – Думаю, вы понимаете, как трудно нам в такой обстановке быстро наладить нормальное лечение десятков тысяч ваших солдат и офицеров.

Воронов встал, давая понять, что разговор окончен. Паулюс поднялся вслед за советскими генералами.

– Пусть фельдмаршал знает, что завтра по его вине будет уничтожено много офицеров и солдат – его бывших подчиненных, о которых он так заботится. – В голосе Воронова слышалась насмешка.

Паулюс молча вытянулся, высоко поднял правую руку, круто повернулся и твердым шагом вышел в переднюю.

– Ну что ж, – повернулся Воронов к молчавшему в течение всего допроса Рокоссовскому, – что ты скажешь?

– Нам остается одно, – ответил тот и позвал громче: – Михаил Сергеевич! – Малинин быстро вошел. – Немедленно передай

командирам, что поставленные перед ними задачи остаются в силе. Завтра с утра их следует выполнить. Впрочем, – он посмотрел на часы, – это уже будет сегодня.

Утро Рокоссовский и Воронов встретили на наблюдательном пункте, устроенном в насыпи железнодорожной линии. Отсюда открывался вид на разрушенный, превращенный в руины город. А к западу от полотна все плато, куда ни глянь, было покрыто орудиями, изготовившимися к стрельбе. Впоследствии было подсчитано, что плотность артиллерийско-минометных стволов во время огневого налета в этот последний день Сталинградского сражения доходила до 338 на километр фронта. Реактивных установок насчитывалось 1656.

Ровно в 8 часов 30 минут содрогнулась земля, и смерч невиданной силы обрушился на упорствующего врага. Огневой налет продолжительностью 15 минут доконал противника. Сразу после окончания налета в тыл потянулись вереницы немецких солдат, сдавшихся в плен. С врагом под Сталинградом было покончено.

На следующий день в донесении Сталину маршал артиллерии Воронов и генерал-полковник Рокоссовский сообщали: «*Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. закончили разгром и уничтожение сталинградской группировки врага…В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника, боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились*[411]».

По данным Рокоссовского, в плен было взято свыше 91 тыс. солдат и офицеров. За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5762 орудия, свыше 3 тыс. минометов, свыше 12 тыс. пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тыс. автоматов, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, свыше 10 тыс. мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда, 58 паровозов, 1403 вагона, 696 радиостанций, 933 телефонных аппарата, 337 разных складов, 13 787 повозок и массу другого военного имущества.[412]

В письме жене от 17 марта 1943 г. Рокоссовский кратко сообщал:

«Дорогая моя Люлю! Не мог дождаться оказии, а поэтому посылаю Жигарева – авось, пробьется. Рассмотри немецких генералов. Это будет напоминать тебе о том, что твой Костя дерется неплохо и может похвастаться «дичью», добытой на охоте… Сейчас у нас идут жаркие бои, и приходится сосредоточивать все усилия на то, чтобы крепче всыпать «фрицам»…[413]»

Адъютант Рокоссовского Жигарев вместе с письмом передал

Юлии Петровне пачку снимков, на которых фронтовой фотограф запечатлел пленных военачальников, в том числе генерал-фельдмаршала Паулюса, генерал-лейтенантов Шмидта и Армина, генерал-майора Дреббера.

После сообщений в газетах о разгроме немецких войск под Сталинградом и об успешных действиях войск генерала Рокоссовского Константину Константиновичу позвонил бывший начальник тюрьмы, в которой он шесть лет назад находился под следствием, и поздравил его, на что тот ответил:

– Рад стараться, гражданин начальник!

За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и успехи в боях с противником Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский были награждены орденом Суворова первой степени № 1. Этот орден, его описание и статут учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. Он имел три степени. Орденом Суворова 1-й степени награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. Такой награды они удостаивались: «За отлично организованную и проведенную фронтовую или армейскую операцию, в которой с меньшими силами был разгромлен численно превосходящий противник; за искусно проведенный маневр по окружению численно превосходящих сил противника, полное уничтожение его живой силы и захват вооружения и техники; за проявление инициативы и решительности по выбору места главного удара, за нанесение этого удара, в результате чего противник был разгромлен, а наши войска сохранили боеспособность к его преследованию; за искусную скрытно проведенную операцию, в результате которой противник, лишенный возможности произвести перегруппировку и вывести резервы, был разгромлен[414]». Эта была оценка их вклада в разгром войск противника под Сталинградом.

2 февраля состоялся новый допрос Паулюса, который вели Воронов, Рокоссовский, Малинин и Телегин.

Паулюсу объявили, что сегодня после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта окончательно разгромили северную группировку 6-й армии под Сталинградом. На поле боя осталось много убитых и раненых, еще больше взято в плен. Паулюсу вновь напомнили, что он виновен в напрасных жертвах. Его левый глаз и щека стали нервно подергиваться, а дрожащая рука так постукивала по столу, что он вынужден был опустить ее.

– Знали ли вы о готовящемся нами большом наступлении под Сталинградом? – спросил его Воронов.

Паулюс ответил, что он не знал об этом. Он мог только предполагать, но в своих предположениях даже не мог предвидеть операции такого большого масштаба. Она оказалась для немецкого командования полной неожиданностью.

– Кто же виноват в том, что вы не знали о нашем наступлении?

– Разведка! Это она виновата в нашем незнании.

– Пленные летчики вашей разведывательной авиации показывали, что они видели сосредоточение наших войск, подходившие колонны, видели разгружавшиеся поезда, видели усиленное движение поездов к фронту. Они докладывали обо всем виденном в соответствующие штабы и своим ближайшим начальникам. Разве эти сведения до вас не доходили?

Паулюс заявил, что он не располагал этими данными.

– Как вы, образованный и опытный военачальник, могли проводить такую рискованную операцию под Сталинградом с ненадежно обеспеченными флангами?

На этот вопрос Паулюс не смог дать вразумительного ответа. Он твердил, что выполнял волю и приказы верховного командования германской армии. Он, как солдат, был обязан их исполнять точно и беспрекословно. В заключение он добавил, что не может критиковать решения и действия своего верховного командования, пожал плечами и замолчал.

– На что же вы надеялись? Почему не проявили должной активности? Ведь вы могли бы попытаться прорвать фронт наших войск.

Паулюс ответил, что не мог сам решать этот вопрос. Верховное командование германской армии требовало от него упорно удерживать занятую территорию и ждать помощи извне. На этом допрос Паулюса был прекращен.

Вечером 2 февраля было получено приказание Ставки ВГК: Воронову и Рокоссовскому немедленно прибыть в Москву. Воронов просил разрешения остаться до 5 февраля, чтобы присутствовать на митинге победителей в Сталинграде, но Сталин велел срочно вылетать в Москву…

На Огненной дуге

После успешного завершения Сталинградской стратегической наступательной операции Ставка ВГК решила расширить фронт наступления Красной Армии. Войска Воронежского фронта должны были овладеть Харьковом и Харьковским промышленным районом, а также Курском и к 21 февраля выйти на рубеж Сумы, Лебедин, Полтава. Армиям левого крыла Брянского фронта предстояло наступать в общем направлении на Малоархангельск, обеспечивая с севера продвижение Воронежского фронта на курском направлении. Одновременно войскам Юго-Западного и Южного фронтов предписывалось наступать в Донбассе с задачей захватить основные переправы через Днепр в районах Запорожья и Днепропетровска.

На западном стратегическом направлении Ставка ВГК наметила провести операцию по разгрому группы армий «Центр» путем нанесения мощных ударов по ее флангам – один на Орел, Брянск, Смоленск, другой на Витебск, Смоленск. Планировалось также нанесение удара в центре, в направлении Рославль, Смоленск. Для осуществления этого замысла предусматривалось привлечь армии Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов. С этим решением и был связан вызов К. К. Рокоссовского в Москву.

4 февраля 1943 г. Рокоссовский и Воронов на самолете прибыли на Центральный аэродром столицы и сразу же направились в Кремль. Сталин, принимая их в Кремле, стал поздравлять с большим боевым успехом. «Всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, – рассказывал позднее главный маршал авиации А. Е. Голованов, – а Рокоссовского обнял и сказал: «Спасибо, Константин Константинович!» Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И. В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой – полководец Сталинграда[415]».

Видно было, что Сталин очень доволен. Разговор, в котором он делился своими соображениями о будущем ходе событий, продолжался долго. Как и почти всегда во время бесед, Сталин ходил по комнате, время от времени останавливался, приближался к собеседникам и смотрел им пристально в глаза. В завершение беседы Сталин сказал Рокоссовскому:

– Мы дадим вам новую задачу, многое зависит от того,

насколько успешно вы ее решите. В Генеральном штабе вам все объяснят подробно. Желаю успеха!

Еще 3 февраля Ставка ВГК своей директивой № 46039 приказала перебросить в новый район управление, фронтовые части и учреждения Донского фронта. А 5 февраля Рокоссовский получил новую директиву за № 46056[416]. В директиве говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 15 февраля 1943 г. образовать Центральный фронт.

2. Полевое управление Донского фронта переименовать в полевое управление Центрального фронта. Штаб фронта дислоцировать в районе Ольшанца (10 км восточнее Ельца).

3. Назначить:

командующим Центральным фронтом – генерал-полковника Рокоссовского К. К.;

членом Военного совета фронта – генерал-майора Телегина К. Ф.; начальником штаба фронта – генерал-лейтенанта Малинина М. С.».

В состав Центрального фронта включались полевые управления 21, 65 и 70-й армий, 16-я воздушная и 2-я танковая армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус; 37, 51, 52 и 67-я гвардейские стрелковые дивизии; 23, 69, 112, 149, 193, 194, 246, 325, 354 и 375-я стрелковые дивизии; шесть дивизий 70-й армии, 10-я и 12-я зенитные артиллерийские дивизии, 502, 1180 и 1188-й истребительные противотанковые артиллерийские полки, 114, 136 и 143-й минометные полки РГК; 56-й и 92-й гвардейские минометные полки, 4-я артиллерийская дивизия РГК, шесть линейных танковых полков. Все части и соединения должны были сосредоточиться в новом районе к 12 февраля, восемь дивизий (112, 193, 23-я стрелковые, 37, 51, 52, 67-я гвардейские стрелковые, 4-я артиллерийская РГК) – к 17-му, а шесть дивизий 70-й армии – к 23 февраля.

Каковы же были планы противника? Он готовил контрнаступление на харьковском направлении и в Донбассе с тем, чтобы остановить продвижение советских войск и попытаться вернуть утраченную инициативу. С этой целью в середине февраля на базе группы армий «Дон» была образована группа армий «Юг», которая объединила все войска в 700-километровой полосе от Таганрога до Грайворона. В нее вошли 4-я и 1-я танковые армии, оперативные группы «Кемпф» и «Холлидт» (всего 30 дивизий, в том числе 13 танковых и моторизованных). К сожалению, эти действия противника остались незамеченными советской разведкой. Кроме того, немецкое командование планировало нанести удар из района южнее Орла в общем

направлении на Курск, навстречу своей танковой группировке, наступавшей в районе Харькова.

2 февраля войска Воронежского фронта приступили к проведению Харьковской наступательной операции, получившей кодовое название «Звезда». Они, сломив сопротивление 2-й армии и оперативной группы «Ланц» на р. Тим, развивали успешное наступление на Курск и Харьков. Успех требовалось закрепить. Поэтому Ставка ВГК приказала 6 февраля генерал-полковнику Рокоссовскому «с целью дальнейшего развития успеха Брянского и Воронежского фронтов и выхода в тыл ржевско-вяземско-брянской группировки противника» сосредоточить к 12 февраля в районе Долгого 2-ю танковую армию, в районе Черемисиново – 2-й кавалерийский корпус с тремя лыжными бригадами и двумя танковыми полками, в районе севернее Долгого, южнее Ливны – 65-ю армию[417]. К исходу 14 февраля требовалось вывести их на рубеж развертывания Фатеж, Курск. Остальные части 21-й и 70-й армий, по мере прибытия, сосредоточивать в районе Волово, Долгоруково, Ливны и направлять их вслед за наступающими войсками первого эшелона фронта. С утра 15 февраля 2-я танковая и 65-я армии при поддержке 16-й воздушной армии должны были перейти в наступление в общем направлении на Севск, станция Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск – Гомель. Конно-стрелковую группу генерала В. В. Крюкова приказывалось развернуть на левом крыле фронта и направить через Новгород-Северский, Старый Быхов, Могилев, где переправиться на западный берег Днепра и, обеспечив за собой переправы, выйти в район Орши. Правее Центрального фронта на Брянск предстояло н аступать 13-й армии Брянского фронта, а через Жиздру на Брянск – 16-й армии Западного фронта. Левее должна была наступать 60-я армия Воронежского фронта в общем направлении на Льгов, Глухов, Чернигов.

После выхода армий Центрального фронта на линию Брянск, Гомель предписывалось нанести главный удар через Климовичи, Хиславичи на Смоленск в целях захвата района Смоленска и перехвата путей отхода вяземско-ржевской группировки противника. С выходом главных сил в район станции Унеча приказывалось захватить Гомель силами двух стрелковых дивизий и западный берег Днепра на участке Речица, Жлобин. Одновременно с переходом в наступление войск Центрального фронта намечалось наступление Западного фронта на Рославль, Смоленск и Калининского фронта – на Витебск, Орша и частью сил на Смоленск, навстречу главным силам Центрального фронта.

Времени на подготовку новой операции оставалось в обрез.

Необходимо было, наряду с перегруппировкой войск, их сосредоточением и развертыванием, разработать план операции, увязать вопросы взаимодействия с соседними фронтами и решить массу других вопросов. Командующий и штаб Центрального фронта работали, не считаясь со временем. Уже 15 февраля Рокоссовский представил в Ставку ВГК доклад № 0020 с планом наступательной операции войск Центрального фронта на смоленском направлении[418]. Содержание этого документа свидетельствует о том, что командующий и штаб фронта тщательно проработали все вопросы планирования и подготовки операции. Ее намечалось провести в два этапа.

На первом этапе предусматривалось «сломить сопротивление противника на рубеже Никольское, Высокое, Карманово, Генеральшино, Машкина Белица, Ольшанка и выйти на железную дорогу Брянск – Конотоп на участке ст. Святое – ст. Хут. Михайловский. В дальнейшем, нанося главный удар на Севск, ст. Унеча, перерезать железную дорогу Брянск – Гомель на участке ст. Рассуха – ст. Клинцы – ст. Новозыбков. Конно-стрелковой группе Крюкова, наступая на левом фланге ударной группы фронта через Новгород-Северский, Семеновку, овладеть районом Новозыбкова». После завершения первого этапа операции предусматривалось в течение трех суток привести в порядок войска, подтянуть артиллерию и тылы, пополнить запасы.

Второй этап включал нанесение главного удара в направлении Климовичи, Хиславичи с задачей овладеть районом Смоленска и отрезать пути отхода вяземско-ржевской группировке противника на запад и юго-запад. Конно-стрелковая группа генерала Крюкова должна была, продолжая наступление на левом фланге ударной группы фронта через станцию Быков на Могилев, переправиться на западный берег Днепра и, обеспечивая за собой переправы, главными силами выйти в район Орши. С выходом главных сил первого эшелона фронта на рубеж Святое, Трубчевск, Новгород-Северский намечалось выдвинуть из второго эшелона фронта две стрелковые дивизии в направлении Семеновка, Гомель с задачей овладеть районом Гомеля и западным берегом Днепра на участке Жлобин, Речица.

Глубина операции составляла 500 км. Это расстояние Рокоссовский предполагал преодолеть с учетом оперативных пауз за 42 дня. Учитывая глубокий снежный покров и отсутствие дорог, пригодных для движения автотранспорта и артиллерии, наступление планировалось вести в первый день операции с темпом 10 км в сутки, а в дальнейшем – 15 км в сутки. По расчетам штаба фронта, на весь период операции требовались 42 сутодачи продовольствия и фуража, 4 боевых комплекта

боеприпасов, 12 заправок горючего. Из этого количества к началу операции намечалось иметь 10 сутодач продовольствия и фуража, 2 боекомплекта боеприпасов и 2—3 заправки горючего.

В плане подробно излагались задачи каждой армии.

Войска 65-й армии генерал-лейтенанта П. И. Батова должны были, удерживая двумя стрелковыми дивизиями рубеж 1-е Поныри, Степное, Подсоборовка, Березовка, Сергеевка, перейти с утра 24 февраля в наступление силами трех стрелковых дивизий и одного танкового полка, сломить сопротивление противника на участке Радогощ, Радубичи и, развивая успех на Высокое, Андросов, выйти к исходу дня на рубеж Макарово, Андросово, Хлынино. В дальнейшем, обеспечивая свой правый фланг от контратак противника с севера и северо-востока, нанести главный удар в направлении Разветье, Асмонь, Упарой, Аркино, Алтухово, Любожичи, Плюсково, Котовка с задачей перерезать 3 марта железную дорогу Брянск – Конотоп на участке станция Святое, станция Кокаревка и 10 марта – железную дорогу Брянск – Гомель на участке станция Почеп, станция Жудилово. В последующем наступать в общем направлении на Рославль.

На 2-ю танковую армию генерал-лейтенанта А. Г. Родина возлагалась следующая задача. С утра 24 февраля перейти в наступление, прорвать оборону противника на участке Копенки, Зорино, Михайловка, Карманово, Генеральшино, Обуховка и, развивая успех на Генеральшино, Дмитриев-Льговский, к исходу дня овладеть рубежом Михайловка, Ротманово, Стежа, Новое Першино. В дальнейшем, развивая удар на Севск, Погар, станция Унеча, перерезать 2 марта железную дорогу Брянск – Конотоп на участке станция Холмечи, станция Суземка и 10 марта – железную дорогу Брянск – Гомель на участке станция Рассуха, станция Клинцы. В последующем наступать в общем направлении на Климовичи, Хиславичи, Смоленск.

Конно-стрелковой группе генерал-майора В. В. Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя лыжно-стрелковыми бригадами и танковым полком) предстояло с утра 24 февраля перейти в наступление с задачей сломить сопротивление противника на участке Булгакова, Машкина, Белица, Савенки, Тураська, Панкеево и, развивая успех, к исходу дня овладеть рубежом Алешенка, Арсеньевка, Черничина, Толкачевка. В дальнейшем наступать в направлении Фатеевка, Чарнацкое, Костобобр, Новозыбков, с задачей перерезать 3 марта железную дорогу Брянск – Конотоп на участке станция Зерново, станция Хутор Михайловский и 12 марта – железную дорогу Брянск – Гомель на участке (иск.) Унеча, станция Новозыбков. В последующем, продолжая наступление через станцию Быхов на

Могилев, овладеть 28 марта Могилевом, переправиться на западный берег Днепра и, обеспечивая за собой переправы, главными силами группы к 5 апреля овладеть районом Орши.

Второй эшелон оперативного построения войск фронта составляли 70-я и 21-я армии. Войскам 70-й армии генерал-майора Г. Ф. Тарасова предписывалось продвигаться за конно-стрелковой группой Крюкова в общем направлении на Дмитриев-Льговский, Севск, Середина-Буда, Чернацкое, Журавки. С выходом главных сил первого эшелона фронта на рубеж Святое, Трубчевск, Новгород-Северский из состава армии следовало выдвинуть две стрелковые дивизии в общем направлении Семеновка, Гомель с задачей к 20 марта овладеть районом Гомеля и к 27 марта – западным берегом р. Днепр на участке Жлобин, Речица. Остальными силами армии продолжать наступление в готовности развить удар в общем направлении на Карачев, Мстиславль, Монастырщина, Смоленск. Соединения 21-й армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова должны были продвигаться за 65-й армией в общем направлении Березовец, Ольховатка, Радогощ, Курбакино, Троянов, Аптухово с задачей обеспечить правое крыло фронта от контратак противника с севера и северо-востока. В дальнейшем продолжать наступление в готовности отразить контратаки противника со стороны Брянска и развить успех в направлении Почеп, Рославль.

Соединения 16-й воздушной армии должны были оказать содействие 2-й танковой армии в овладении рубежом р. Свапа, не допустить контратак противника по правому флангу первого эшелона фронта с севера и северо-востока и по левому флангу – с юга и юго-запада. Кроме того, авиации предписывалось вести непрерывную разведку и наблюдение за передвижениями и перегруппировками противника на флангах и в полосе наступления фронта.

Ставка ВГК, ознакомившись с планом Рокоссовского, потребовала внести в него некоторые коррективы. 19 февраля Рокоссовский представил в Сталину доклад со списком дополнений к плану наступательной операции Центрального фронта.[419]

Суть этих дополнений заключалась в следующем. Во-первых, с выходом войск первого эшелона Центрального фронта на рубеж Дмитровск-Орловский, Верхняя Кубань, Фатеевка (30 км юго-западнее Дмитриев-Льговский) намечалось сосредоточить три стрелковые дивизии 70-й армии в районе Трофимовка, Речица, Плоское. Им предстояло 27 февраля перейти в наступление в общем направлении на Карачев и перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск на участке восточнее Карачева. После

выхода главных сил фронта в район Карачева войска 70-й армии должны были развивать успех в общем направлении на Брянск, Рославль, Смоленск.

Во-вторых, с выходом войск первого эшелона фронта на рубеж Святое, Трубчевск, Новгород-Северский предусматривалось выдвинуть из 2-й танковой армии две стрелковые дивизии в направлении Семеновка, Гомель с задачей к 20 марта овладеть районом Гомеля и к 27 марта – западным берегом р. Днепр на участке Жлобин – Речица. Дивизии намечалось усилить танками за счет 2-й танковой армии и артиллерией, находившейся в распоряжении фронта. Для управления действиями этих двух дивизий Рокоссовский полагал необходимым иметь корпусное управление. Учитывая, что фронт не имел сил и средств для формирования такого управления, Константин Константинович предлагал возложить обязанности командира корпуса и его штаба на командира и штаб одной из этих дивизий, усилив его командным составом и средствами связи.

В полосе предстоящего наступления в тылу противника вели активные действия партизанские отряды, подчиненные начальнику штаба партизанского движения на Брянском фронте старшему майору госбезопасности А. П. Матвееву. Он разработал к 1 марта план взаимодействия партизанских бригад с войсками Центрального фронта[420]. Перед партизанами были поставлены следующие задачи: перерезать железные и шоссейные дороги на участках Брянск – Карачев, Жуковка – Брянск, железную дорогу на участке Брянск – Унеча и прекратить движение вражеских эшелонов, автоколонн и обозов; взорвать железнодорожный мост через р. Десна в районе станции Выгоничи; подготовить рубеж на правом и левом берегах р. Десна на участке Уручье – Витемля для прохода наступающих частей Красной Армии; вести разведку противника. К выполнению этих задач привлекались 8 партизанских бригад, 5 отдельных отрядов и Северная группа партизанских отрядов; всего более 6,7 тыс. человек.[421]

Как и следовало ожидать, времени на решение всех вопросов не хватило. Графики переброски войск не выдерживались. Единственная железная дорога Касторное – Курск, с короткой рокадой Ливны – Мармыжи, работала лишь до станции Щигры и не справлялась с перевозкой большого количества войск, техники, военного имущества, а район сосредоточения оказался неподготовленным для их приема. Кроме того, в спешке дорожные части и дорожная техника были оставлены на Волге, и это еще более затрудняло продвижение войск к фронту. Части, выгруженные из вагонов в Ельце и Ливнах, должны были сделать пеший переход в 150—200 км по единственной автогужевой

дороге Елец – Ливны – Золотухино.

Весь февраль бушевали метели. Заносы были настолько велики, что на некоторых участках приходилось вместо грунтового пути использовать железнодорожную насыпь. Утопая в огромных сугробах, пехотинцы и артиллеристы упорно шли вперед, солдаты несли на себе станковые пулеметы, противотанковые ружья, иногда и минометы. Они не имели возможности отдохнуть как следует даже на привалах. В районах, только что освобожденных от противника, очень трудно было и с жильем и с питанием, а службы тыла фронта не успевали снабжать войска своевременно всем необходимым.

К утру 24 февраля, т. е. в день предполагаемого перехода в наступление, положение и состояние войск Центрального фронта было следующим. Четыре стрелковые дивизии 65-й армии (69, 149, 354-я и 37-я гвардейская) с рубежа Поныри, Ленинский продолжали 60-километровый марш на исходный рубеж Дуброва, Моховое, Андросово. Их выход на исходный рубеж ожидался только к исходу 25 февраля. К этому же времени должны были подойти 1-я артиллерийская дивизия и 84-й отдельный танковый полк. Пришлось снова внести коррективы в план операции. Рокоссовский приказал войскам 65-й армии начать с утра 26 февраля активные действия усиленными передовыми отрядами (по одному стрелковому полку от каждой стрелковой дивизии), а с утра 27 февраля перейти в наступление главными силами первого эшелона. Второй эшелон армии (193, 112, 246-я стрелковые дивизии, 42-я стрелковая бригада) еще продолжал марш.

В движении также находились соединения 70-й армии, 255, 240, 40 и 30-й отдельные танковые полки, 210, 226, 143 и 218-й минометные полки, 1188, 567 и 563-й истребительно-противотанковые полки, 30, 28 и 29-я лыжные бригады. Войска 21-й армии продолжали выгрузку из эшелонов. 251-й и 259-й отдельные танковые полки стояли в Ливнах без горючего. Гаубицы всех артиллерийских частей из-за отсутствия тракторов отстали.

Во 2-й танковой армии генерал-лейтенанта А. Г. Родина положение было следующим. Мотострелковые части в пешем строю к исходу 23 февраля вышли на исходный рубеж р. Свапа и с утра 24 февраля вели разведку боем. Выход на исходный рубеж 16-го, 11-го танковых корпусов, 11-й отдельной гвардейской танковой бригады, 29-го гвардейского отдельного танкового полка ожидался только к исходу 26 февраля. Танковые соединения и части армии были не полностью укомплектованы. В 11-м танковом корпусе насчитывалось 102 танка (из них КВ –

11, Т-34 – 1), в 16-м танковом корпусе – 47 (из них Т-34 – 33), в 11-й отдельной гвардейской танковой бригаде – 40 (из них Т-34 – 25), в 29-м гвардейском отдельном танковом полку – 15 танков КВ[422]. Для пополнения танковых соединений по железной дороге перебрасывались еще 85 танков. Большую потерю материальной части в 16-м танковом корпусе Рокоссовский объяснял плохим управлением со стороны командира корпуса генерал-майора А. Г. Маслова (бывший начальник штаба 9-го механизированного корпуса) и его начальника штаба – полковника Пупко. Горючего к исходу 23 февраля имелось всего для одной заправки. Не успевала в исходный район и конно-стрелковая группа генерала Крюкова. В группе не хватало горючего и овса, конский состав был изнурен. Учитывая все это, Рокоссовский планировал с утра 26 февраля начать активные действия только передовыми частями конно-стрелковой группы, а главными силами перейти в наступление с утра 27 февраля.

Рокоссовский в последующем отмечал: «*Наш доклад обо всех этих ненормальностях только ухудшил положение. Принять меры для ускорения переброски войск было поручено НКВД. Сотрудники этого Наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестарались и произвели на местах такой нажим на железнодорожную администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого еще существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать смешанные соединения. Материальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались еще на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска – на другой. Эшелоны по нескольку дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной подачи вагонов 169 тыловых учреждений и частей так и оставались под Сталинградом. Снова пришлось обратиться в Ставку. Попросил предоставить железнодорожной администрации возможность самостоятельно руководить работой транспорта. Наша просьба была удовлетворена, последовало соответствующее указание. Но нам еще долго вместе с железнодорожниками пришлось разбираться, где и какие части выгружены*[423]».

Главное командование сухопутных войск Германии, оценивая планы советского командования, пришло к 22 февраля к выводу, что возможны два варианта действий Красной Армии.[424]

«1. Наступление с востока, северо-востока и с севера против центральной группы армий в направлении на Смоленск, при возможном развитии успешного наступления против 2-й танковой армии, с целью разгромить центральный участок германского фронта, этим самым исключить угрозу южному флангу русских

наступающих сил и создать предпосылки для глубокого удара через Минск на запад, а в зависимости от ситуации на юге, – и на юго-запад для поддержки действующих там войск.

2. Наступление из района Великие Луки, Холм, и если русским удастся завоевать себе свободу действий в районе южнее Ладожского озера и Ленинграда, то нанести оттуда удар в юго-западном направлении с ближайшей задачей: захватив Псков и Кингисепп, отрезать группу армий «Север» от ее тыловых коммуникаций, окружить и уничтожить эту группу армий и с последующей задачей: продвигаться дальше в направлении на Ригу и этим самым создать предпосылку для разгрома центрального участка германского фронта».

В то же время, не доверяя полностью своему агентурному источнику, Главное командование сухопутных войск полагало: *«…Из множества донесений, а также из оценки их источников, с некоторой вероятностью можно заключить, что в настоящее время противник отдает предпочтение указанной в пункте 2 крупной операции русских северо-западных вооруженных сил против группы армий «Север» и северного фланга центральной группы армий, а не приведенному в пункте 1 наступлению на центральном участке фронта. Под впечатлением многократных неудач при повторных атаках, проводимых крупными силами против центральной группы армий, и, по-видимому, под впечатлением успехов на Юге в решениях противника главенствующую роль будет играть мысль – уничтожением обоих германских флангов вызвать крушение всего фронта».*

Несмотря на то, что войска Центрального фронта запаздывали с сосредоточением, пришлось начать наступление имевшимися силами. К этому вынуждала обстановка, сложившаяся на Брянском, Воронежском и Юго-Западном фронтах. Войска Воронежского фронта овладели 16 февраля Харьковом и продолжали продвигаться к Днепру. Однако 19 февраля противник силами танкового корпуса СС, 40-го и 48-го танковых корпусов нанес контрудар по войскам правого крыла Юго-Западного фронта, создав угрозу прорыва во фланг и в тыл Воронежского фронта. Войска Брянского фронта, возобновив 12 февраля наступление, попытались обойти Орел с юга и юго-востока. К этому времени немецкое командование перебросило в район южнее Орла несколько дивизий. В результате войска Брянского фронта встретили сильное сопротивление противника и за две недели смогли продвинуться всего на 10—30 км, достигнув рубежа Новосиль, Малоархангельск. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с войсками Центрального

фронта.

Наступление войск Центрального фронта началось 25 февраля. Соединения 65-й армии, которой были подчинены часть дивизий Брянского фронта, действовавшие в полосе Центрального фронта, двинулись в направлении Михайловка, Лютеж. Правее 65-й армии на Дмитровск наступала 70-я армия, левее – на Севск – 2-я танковая армия, а на левом крыле фронта в направлении Хутор Михайловский, Новгород-Северский – конно-стрелковая группа генерала Крюкова. Вначале наступление развивалось успешно. 65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, отбросила противника и достигла Комаричей и Лютежа, 2-я танковая армия овладела Середина-Будой. Конно-стрелковая группа, не встречая сильного сопротивления, вырвалась к 6 марта еще дальше. Предчувствуя подвох со стороны врага, Рокоссовский приказал генералу Крюкову остановиться и прочно закрепиться на рубеже Севска. Но тот продолжил наступление, выйдя к Десне у Новгород-Северского, мало заботясь о разведке на флангах.

Рокоссовский, оценивая обстановку, сложившуюся к началу марта, писал: *«Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка, по-видимому, кое-что недоучла. К этому времени противник начал оправляться от нанесенных ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях и сам стал готовиться к контрнаступлению. В район Орла и южнее прибывали все новые и новые соединения, перебрасываемые противником из его вяземско-ржевской группировки. Партизаны и воздушная разведка предупреждали о сосредоточении вражеских сил в районе Брянска и выдвижении их в сторону Севска. Войска противника стягивались и к северу от Рыльска и Шостки. Все войска, которые у нас имелись, были втянуты в бои на образовавшемся к этому времени широком фронте. Противник явно опережал нас в сосредоточении и развертывании сил. Наша 21-я армия только начала выгружаться в районе Ельца. Тылы застряли под Сталинградом. В войсках ощущался острый недостаток всего – продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов*[425]».

Одновременно Рокоссовский говорит и об упущениях со своей стороны. Поспешность переброски войск в новый район помешала ему предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Необходимые поправки пришлось вносить уже в процессе сосредоточения войск и в ходе боевых

действий.

Рокоссовский доложил Сталину, что в таких условиях войска фронта не смогут справиться с задачей. Это понимали и в Ставке ВГК. В директиве № 30067 от 7 марта отмечалось:

«Продвижение войск Центрального фронта задерживается из-за того, что Брянский фронт оказался не в состоянии разбить орловскую группу войск противника, а силы противника на правом крыле Центрального фронта угрожают войскам Центрального фронта ударом во фланг и тыл.

Ставка считает, что продвижение войск Центрального фронта в сторону Рославля невозможно без предварительной ликвидации дмитровско-орловской группы войск противника.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Временно замедлить продвижение войск Центрального фронта в сторону Унеча, Почеп, организовав в северо-западном и западном направлениях разведку усиленными отрядами.

2. Повернуть войска армий генералов Батова, Тарасова и Чистякова с запада в северном и северо-восточном направлениях с задачей объединенными силами этих армий разбить дмитровско-орловскую группу войск противника, прервать железнодорожную линию между Брянском и Орлом где-либо восточнее Карачева и помочь тем самым Брянскому фронту ликвидировать орловскую группу войск противника.

3. После выполнения этой задачи войскам Центрального фронта продолжать с новой силой совместно с частями Брянского фронта стремительное наступление в сторону Рославля.

4. К исполнению приступить немедля[426]».

Получив новую задачу, Рокоссовский начал перегруппировывать войска и сосредоточивать основные силы на орловском направлении – направлении главного удара. 8 марта он приказал командующему 21-й армией перейти с утра 10 марта в наступление, нанося главный удар в общем направлении на Кромы, Орел. К 13 марта армии предстояло овладеть рубежом Лаврово, Малая Фоминка, Ржавец. В дальнейшем частью сил с юга и главными силами с юго-запада нанести удар во взаимодействии с войсками 70-й армии и занять район Орла. На 70-ю армию возлагалась задача с утра 9 марта продолжать наступление в общем направлении на Волобуево, Апальково, Нарышкино и 13 марта выйти на рубеж южный берег р. Орлик на участке (иск.) Надежда, Опраксино, Володарский. В дальнейшем ударами с запада и северо-запада во взаимодействии с войсками 21-й армии овладеть районом Орла.[427]

Командующему 65-й армией предписывалось продолжать стремительное наступление, нанести главный удар левым

флангом в направлении Хлебтово, Упорой, Домаха, овладеть районом Дмитровск-Орловского и в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Абратеево, Шаховцы, Городище, совхоз Мюд с задачей перерезать железную и шоссейную дороги Орел – Карачев и овладеть рубежом р. Орлик на участке устье р. Орлица, Большие Рябинки.

2-я танковая армия получила приказ также продолжать стремительное наступление двумя сильными группами: одной (16-й танковый корпус, 11-я отдельная гвардейская танковая бригада, 194-я стрелковая дивизия) – на Комаричи, Радогощ, Гремучее; второй (11-й танковый корпус, 60-я стрелковая дивизия, 115-я стрелковая бригада) – на Бобрик, Локоть, Брасово. При этом ей ставилась задача во взаимодействии с частями 65-й армии уничтожить противника в районе Чернено, Радогощ, Локоть, Игрицкое, Угреевичи, станция Усожа и главными силами выйти на рубеж Нижнее Городище, Столбово, Брасово. В дальнейшем всеми силами армии (без 194-й, 60-й стрелковых дивизий, 115-й стрелковой бригады) развивать удар в направлении Веребск, Сомово, Карачев с задачей перерезать шоссе и железную дорогу Орел – Брянск и овладеть районом Карачева.[428]

Рокоссовский требовал широко использовать сильные подвижные отряды, состоящие из танковых, стрелковых и саперных частей. Он возлагал большие надежды на 70-ю армию, сформированную из личного состава пограничных и внутренних войск НКВД. Ее командующий фронтом направил на самый ответственный участок – на правое крыло, в стык с войсками Брянского фронта.

Однако вскоре в планы Рокоссовского пришлось внести изменения. Противнику удалось севернее Харькова прорваться в район Казачьей Лопани. В результате возникла угроза его выхода через Белгород к Курску и соединения со своей орловской группировкой для нанесения удара в тыл Центральному фронту. Для ликвидации этой угрозы Ставка ВГК приказала 11 марта выдвинуть на север 1-ю гвардейскую танковую армию, которой предстояло совместно с 21-й армией разгромить прорвавшуюся группировку противника. С 13 марта 21-я и 1-я гвардейская танковая армии передавались в подчинение командующего Воронежским фронтом.[429]

Таким образом, Рокоссовский для выполнения поставленной задачи располагал только двумя общевойсковыми (65-я, 70-я), одной танковой (2-я) армиями и конно-стрелковой группой. Они находились в тяжелом положении.

Командующий 2-й танковой армией генерал-лейтенант

танковых войск Родин докладывал Рокоссовскому, что его войска с 23 февраля по 12 марта ведут непрерывные бои. В наступление они перешли при ограниченном количестве артиллерии, боеприпасов (от 0,1 до 1 боекомплекта) и горючего. В результате в наступлении приняли участие менее половины танков и артиллерии, всего две стрелковые дивизии (194-я и 60-я), три бригады (115-я стрелковая, 12-я и 15-я мотострелковые) и мотострелковые батальоны танковых бригад, которые потеряли до 40% личного состава. Противник оказывал упорное сопротивление силами частей 707-й пехотной дивизии, 133-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии, 124-го и 105-го пехотных полков 72-й пехотной дивизии, 313-го охранного батальона 532-го тылового корпуса. Кроме того, на рубеже рек Усожа и Нерусса были сосредоточены 72-я, 45-я пехотные дивизии вермахта и пехотная дивизия СС. Одновременно противник наносил по войскам армии непрерывные удары авиацией.

Генерал Родин, сообщая об этом командующему фронтом, резюмировал:

«1. 2 ТА противника, усиленная за счет западного фронта 72 и 137 пд, 75 – 100 самолетами, прочно удерживает оборонительный рубеж по р. Усожа на левом крыле и ряд населенных пунктов севернее р. Усожа на правом крыле, переходя в частные контратаки, поддерживаемые танками и авиацией.

Противник имеет своей целью отбросить наши части на правом крыле на южный берег р. Усожа, в дальнейшем во взаимодействии с дмитровско-орловской группировкой – перейти в общее наступление в юго-восточном направлении.

2. Армия, понесшая большие потери в пехоте и мотопехоте, а также вследствие недостатка горючего, боеприпасов и растяжки артиллерии и танков в глубоком тылу, встретив новые дивизии противника на втором оборонительном рубеже, имеющимися силами и боевой материальной частью не в состоянии будет выполнить поставленную задачу до подтягивания всех годных танков, артиллерии и пополнения мотострелковых и стрелковых соединений людским составом.

Выполнение данной задачи при отсутствии армейских резервов поставит армию в крайне тяжелое положение.

Отсутствие армейских артполков не дает возможности подавить основные узлы сопротивления и артиллерию противника.

Исходя из изложенного, Военный совет армии просит:

а) Не начинать операцию до обеспечения армии горючим и боеприпасами;

б) Пополнить мотострелковые и стрелковые соединения личным составом;

в) Усилить армию одной сд в качестве резерва;

г) Прикрыть авиацией основную группировку армии в подготовительном периоде и поддержать наступление армии бомбардировочной и истребительной авиацией;

д) Усилить армию артиллерией РГК.

Основной задачей войск армии в период подготовки операции будет являться удержание занимаемых рубежей, главным образом северного берега р. Усожа[430]».

Тревожная ситуация складывалась в полосе действий конно-стрелковой группы, на обоих флангах которой враг подозрительно накапливал войска. Рокоссовский потребовал от генерала Крюкова приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже р. Сев и удерживать Севск до подхода частей 65-й армии. Одновременно он предупредил Крюкова о необходимости вести усиленную разведку в северном и южном направлениях. Но Крюков уже ничего не успел сделать.

12 марта противник нанес удар по флангам конно-стрелковой группы и 70-й армии, они оказались в мешке и были вынуждены с боями отходить к Севску. Его оборона была возложена на 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, 30-ю лыжную бригаду, 11-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду и два истребительных противотанковых артиллерийских полка. Ответственный за оборону Севска командир 3-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майор Ягодин не принял мер к оборудованию оборонительных позиций на окраинах и внутри города, а также не организовал противотанковую оборону.

В первой половине дня 21 марта противник силою до батальона пехоты с 6 танками после интенсивной артиллерийской подготовки дважды атаковал южную и юго-западную окраины Севска, но, понеся большие потери, был отброшен назад. В тот же день немцы объявили в газетах и по радио о взятии Севска, что в известной степени предопределило настойчивость и ожесточенность атак противника в последующие дни. 22 марта после ожесточенного боя батальон противника прорвался на западную окраину Севска, но был уничтожен контратаками советских войск.

Убедившись в безуспешности атак Севска в лоб, противник предпринял попытки прорваться к городу в обход с северо-запада и юга. Для этого были задействованы части 82-й пехотной и 4-й танковой дивизий. В половине восьмого вечера 26 марта немецкие танки ворвались на юго-западную окраину Севска, а к шести часам утра следующего дня полностью овладели городом. Части конно-стрелковой группы без приказа командующего фронтом оставили Севск, отойдя на рубеж отметка 159,5, южная

окраина Юрасов Хутор.

Рокоссовский, получив сообщение о падении Севска, немедленно вызвал командующего 65-й армией генерала Батова и сказал:

– Закрепить захваченную кавалерией и танкистами территорию не удается. Резервы отсутствуют. Войска отступают. Я решил: левое крыло фронта должно закрепиться по реке Сев. Вам предстоит немедленно занять этот рубеж. Части конно-стрелковой группы и 115-й стрелковой бригады после выхода передам в ваше подчинение. Приказываю действовать быстро, в противном случае противник форсирует реку.

Рокоссовский также приказал генералу Батову не ограничиваться пассивными оборонительными действиями, а на отдельных участках проводить небольшие наступательные операции по овладению выгодными участками местности или пунктами. Благодаря своевременно развернутым по р. Сев дивизиям 65-й армии продвижение противника удалось остановить.

Для оценки действий конно-стрелковой группы генерала Крюкова военным советом фронта была создана специальная комиссия. Она пришла к выводу, что отход войск был неизбежен, так как они, не имея резервов, занимали оборону на широком фронте при очень низкой плотности боевых порядков. Рассмотрев результаты расследования, Рокоссовский вынес резолюцию: «С выводами согласен. Предавать суду нет оснований». Генерал-майор Ягодин был отстранен от должности командира дивизии, а генерал-лейтенант Крюков получил предупреждение от командующего фронтом.

Основные причины, приведшие к потере Севска, были изложены в донесении № 0021 старшего офицера Генерального штаба при Центральном фронте полковника В. Т. Фомина в Генштаб от 7 апреля[431]. Он отмечал:

«…Б. Обороняющие город войска свои действия ограничили пассивной обороной.

Командир 3 гв. кд и командир 2 гв. кк, имея к тому все возможности, не предпринимали активных действий по противодействию наступлению противника, что давало ему возможность безнаказанно производить перегруппировку и наносить удары на наиболее уязвимых для нас участках.

В. Управление боем было плохо организовано. Ответственный за оборону города командир 3 гв. кд генерал-майор Ягодин не сумел управлять войсками, не проявил необходимой твердости командования, допустил самоличный уход на новый КП в тяжелой, кризисной обстановке боя.

Г. Не были приняты решительные меры к приостановлению и организованному отходу подразделений кав. дивизии из города на восток».

Неудачными были и действия войск 70-й армии, которые оказались неготовы к ведению наступательных действий. Ее соединения вводились в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней. В результате они потеряли около 9 тыс. человек. «Возлагая ответственность за неудачные действия армии на ее командование и штаб, – пишет Константин Константинович, *– не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив подготовку войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее*[432]». Далее он лаконично сообщает, что при первой же возможности поехал вместе с членом военного совета Телегиным в 70-ю армию. На месте Рокоссовский убедился в необходимости замены командарма и усилении штаба армии более опытными офицерами.

Забыл, видать, Рокоссовский, что по решению военного совета Центрального фронта были тщательно расследованы все причины неудачных действий 70-й армии и затем принято весьма суровое постановление[433]. В этом документе все неудачи соединений армии объясняются «неудовлетворительной подготовкой этих операций со стороны Военного совета армии, и в первую очередь командующего армией генерал-майора Тарасова, слабой организующей ролью и неудовлетворительным контролем со стороны штаба армии, поверхностным отношением к организации боя командиров соединений и частей».

В чем же военный совет фронта видел неудовлетворительную подготовку наступления? Во-первых, не была проведена тщательная разведка сил и средств противника, его системы обороны. Во-вторых, военный совет армии не предпринял энергичных мер к подтягиванию артиллерии, минометов и боеприпасов к началу операции и не организовал артиллерийское обеспечение наступления. В-третьих, задачи на местности с командирами отрабатывались поверхностно, не удалось обеспечить должным образом взаимодействие пехоты с артиллерией и танками. В-четвертых, сопровождение пехоты артиллерией и ее поддержка огнем прямой наводкой также были организованы слабо. В-пятых, управление боем велось крайне неудовлетворительно, а командный состав, особенно в 175-й стрелковой дивизии, почти весь участвовал в наступлении в передовых цепях. В результате дивизия в течение нескольких дней потеряла убитыми и ранеными 224 командира и

политработника. И, в-шестых, армейские и войсковые дороги оказались непригодными для движения автотранспорта, что не позволило своевременно обеспечивать войска продовольствием, фуражом и боеприпасами. Недостаток продовольствия привел к тому, что в 102-й и 175-й стрелковых дивизиях были зафиксированы 14 случаев смерти солдат от истощения.

Военный совет Центрального фронта постановил:

«*1. Просить Народного комиссара обороны освободить Тарасова от командования армией, как необеспечивающего руководства ею в силу недостаточности практического опыта.*

2. Объявить выговор членам Военного совета Савкову и Васеву за недостаточность их мер борьбы по обеспечению успешных боевых действий частей армии, неудовлетворительное состояние армейских и войсковых дорог и допущение срыва снабжения продовольствием и боеприпасами.

3. Военному прокурору Центрального фронта генерал-майору юстиции Яченину в срочном порядке произвести следствие и лиц виновных:

а) в отходе без приказа свыше;

б) в срыве питания бойцов и допущении смертности на почве истощения;

в) в срыве мероприятий по подготовке дорог к весенней распутице;

г) в допущении утраты, не оправдываемой боевыми потерями оружия, – предать суду военного трибунала.

4. Потребовать от Военного совета и начальника штаба армии:

а) уроки проведенных боев тщательно отрабатывать со всем командным составом;

б) немедленно организовать учебу с командным составом до командира взвода включительно по вопросам его тактического совершенствования, изучения БУП-43 и опыта Великой Отечественной войны;

в) лично самим потребовать от командиров дивизий в первую очередь отрабатывать с командным составом: отражение атак противника на обороняемый участок подразделением, частью; взаимодействие с артиллерией и танками; прорыв оборонительной полосы противника на конкретном участке его обороны; ликвидация прорыва противником обороны на стыках и оказание помощи соседям; организация управления в звене подразделение-полк-дивизия в обороне и наступлении. Все занятия проводить только на местности днем и ночью, без отрыва командного состава подразделения из района батальона-полка.

5. Военному совету армии принять самые решительные меры к

немедленной заброске продовольствия в части, организации выдачи горячей пищи не менее двух раз в день, начиная с 5.4.1943 г. За срыв снабжения продовольствием и невыполнение требований Военного совета фронта о поддержании дорог в проезжем состоянии снять с должности начальника продотдела армии и начальника автодорожного отдела и привлечь их к ответственности».

Начальнику штаба Центрального фронта генерал-лейтенанту Малинину предписывалось выслать в каждую дивизию 70-й армии по одному-два хорошо подготовленных, с боевым опытом офицера для оказания практической помощи в организации и проведении занятий с командирами. Военным советам армий фронта ставилась задача извлечь «необходимые выводы из уроков 70-й армии и принять энергичные меры к недопущению повторения этих крупнейших недостатков руководства».

Таким образом, Ставка ВГК, поставив Центральному фронту задачи без учета состояния его войск, да еще лишив его двух армий, фактически обрекла войска фронта на неудачу. Ими жертвовали ради спасения левого соседа – Воронежского фронта, с участка которого были отвлечены значительные силы противника. В ходе боевых действий с 25 февраля по 28 марта потери Центрального фронта составили: безвозвратные – 30 439 человек, санитарные – 39 968; всего 70 407 человек или 27,5% от общей численности в 256,8 тыс. человек.[434]

Сталин, вероятно, сознавал, что поставил Рокоссовского в неравные условия по сравнению с другими фронтами. Стараясь как-то загладить свою вину, он 28 апреля присвоил ему воинское звание генерала армии, хотя в это время его войска не вели активных действий.

Не лучшим образом развивались события и на Воронежском, Юго-Западном и Южном фронтах. Ставка ВГК, вдохновленная успехами под Сталинградом, снова недооценила противника. Неверно посчитав, что сил для активных наступательных действий у неприятеля не осталось и враг намерен уйти за Днепр, она нацелила войска трех фронтов на его преследование, с тем чтобы до начала весенней распутицы выйти к Днепру по всей полосе от Чернигова до Херсона. Однако немецкое командование, стремясь предотвратить ухудшение обстановки на южном крыле своего фронта, собрало дополнительные силы и сумело концентрированным ударом прорвать оборону правого крыла Юго-Западного фронта. В начале марта части фронта отступили за Северский Донец, на его восточный берег. После этого противник, перегруппировав свои основные силы, перенес боевые действия в полосу Воронежского фронта. 16 марта немецкие войска вновь овладели Харьковом и начали развивать удар на

белгородском направлении.

После того как бронетанковые и моторизованные части противника, наступавшие со стороны Краматорска, оттеснили части Юго-Западного фронта за р. Северский Донец, перешли в наступление немецкие части из района Полтавы и Красограда. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой и 69-й армий и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Но Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал Ф. И. Голиков, отвод войск не осуществил. В результате 18 марта противник овладел Белгородом. Сталин возложил всю ответственность за сдачу Харькова и Белгорода на командующего войсками Воронежского фронта генерала Голикова, который 22 марта был освобожден от должности, а на его место назначен генерал армии Ватутин.

Генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, оценивая итоги контрнаступления под Харьковом в феврале – марте, писал: *«Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы; усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. Собственно, у группы* (речь идет о группе армий «Юг». – *Авт.*) *была еще одна цель – в качестве заключительной фазы операции совместно с группой «Центр» очистить от противника дугу в районе Курска, врезающуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа «Центр» заявила, что она не может участвовать в этой операции. Так эта дуга и осталась неприятным выступом на нашем фронте, который открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности*[435]».

Дуга, о которой пишет Манштейн, образовалась следующим образом. По решению Ставки ВГК войска Центрального фронта с 21 марта перешли к обороне на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Лютеж, Коренево, образовав вместе с войсками Брянского фронта северный фас Курского выступа. В состав Центрального фронта передавались 48-я армия генерала П. Л. Романенко, 13-я армия генерала Н. П. Пухова, перешедшая из Брянского фронта вместе с участком, который она занимала, и 60-я армия генерала И. Д. Черняховского из Воронежского фронта, тоже с занимаемым ею участком. В конце марта стабилизировалось положение и на Воронежском фронте, где образовался южный фас Курской дуги, обращенной в сторону противника.

Эта знаменитая Курская дуга стала летом 1943 г. ареной

грандиозного сражения. Пока же на советско-германском фронте наступило затишье, которому суждено было длиться почти девяносто дней.

Противники занялись составлением планов на ближайшие месяцы.

13 марта Гитлер подписал оперативный приказ № 5, в котором ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска в наступлении на отдельных участках фронта и навязать тем самым Красной Армии свою волю. Командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу фон Манштейну предстояло к середине апреля сосредоточить сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр», которой командовал генерал-полковник фон Клюге, – создать ударную группировку южнее Орла. Обеим группировкам предстояло нанести встречные удары в общем направлении на Курск, а впоследствии окружить и уничтожить советские войска внутри Курского выступа.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», излагались в оперативном приказе Гитлера за № 6 от 15 апреля:

«…Я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию «Цитадель».

Посему данному наступлению придается особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

В связи с этим все приготовления осуществлять с величайшей осмотрительностью и энергичностью. На всех главных направлениях использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров, большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой обязан проникнуться пониманием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира.

…Цель наступления посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта…[436]»

А теперь посмотрим, что планировало советское командование.

8 апреля Маршал Советского Союза Г. К. Жуков представил Сталину доклад «о возможных действиях противника весной и

летом и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период». В докладе говорилось:

«…Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать свою задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против нашего Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

…Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии…

…Надо ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

…Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО (противотанковая оборона. – *Авт.*) *Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП* (истребительно-противотанковые артиллерийские полки. – *Авт.*); *все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке*

Ливны – Касторное – Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника…

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника…[437]»

Сопоставление доклада Жукова с планами германского командования показывает, что советский военачальник сумел правильно определить замысел врага. Это позволило в последующем разработать соответствующие меры по срыву наступления немецких войск и их разгрому.

Сталин, ознакомившись с докладом Жукова, дал распоряжение запросить мнение фронтов, тут же позвонил Рокоссовскому и Ватутину и попросил их к 12 апреля представить свои соображения о действии фронтов. 10 апреля начальник штаба Центрального фронта генерал-лейтенант Малинин направил в Генеральный штаб доклад № 4203 с планом оборонительной операции войск фронта.[438]

По поводу этого плана через 24 года произошло столкновение между Жуковым и Рокоссовским. Вот что говорилось в письме Константина Константиновича, направленном в сентябре 1967 г. главному редактору «Военно-исторического журнала» генералу В. А. Мацуленко:

«Битве на Курской дуге посвящено много статей, воспоминаний и пр., опубликованных в свое время. В этих трудах ряд товарищей довольно объективно и, я бы сказал, правдиво освещали события. Но вот в воспоминаниях Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, опубликованных в «Военно-историческом журнале» (1967. № 9), допущена с его стороны тенденциозность и неверное освещение событий.

Итак, Г. К. Жуков пишет, что разработка плана оборонительной операции проводилась на Воронежском фронте Ватутиным и Хрущевым и была ими представлена в Ставку ВГК, а на Центральном фронте это делалось начальником штаба Малининым, и им же была представлена в Генеральный штаб.

Отвечаю. Так же, как и на Воронежском фронте, план оборонительной операции разрабатывался командованием фронта с привлечением для этого всего коллектива руководящих

работников управления и штаба и был представлен в Ставку военным советом фронта. Малинин был слишком порядочным человеком, и на подобный поступок, который приписывает ему Г. К. Жуков, он никогда бы не решился. Жукову должно быть известно, что по установившемуся в Красной Армии порядку подобного рода документы представлялись в Ставку военными советами фронтов, а не начальниками штабов. К этому еще добавлю, что для окончательной отработки упоминаемого плана обороны войск Центрального фронта я был вызван в Ставку и лично докладывал свои соображения Верховному главнокомандующему Сталину и после некоторых уточнений этот план был им утвержден».

Рокоссовский правильно отметил, что начальник штаба фронта не мог заниматься самодеятельностью, направляя план оборонительной операции в Генштаб. Жуков, со своей стороны, был также прав, утверждая, что генерал Малинин представил пресловутый план в Генштаб за своей подписью. Просто Георгию Константиновичу следовало проявить большую деликатность в этом вопросе, не забывая о роли командующего фронтом в планировании операции.

А теперь перейдем к документу, вызвавшему спор между двумя маршалами.

По данным штаба Центрального фронта, по состоянию на 10 апреля перед войскам фронта находились 2-я танковая и 2-я армии противника. Войскам 48-й армии генерал-лейтенанта П. Л. Романенко, оборонявшейся в полосе шириной 44 км, противостояли 299-я пехотная дивизия, 396-й пехотный полк 216-й пехотной дивизии и 383-я пехотная дивизия (без 532-го пехотного полка). Перед 13-й армией генерал-лейтенанта Н. П. Пухова, занимавшей полосу шириной 58 км, находились 532-й пехотный полк 383-й пехотной дивизии, 18-я танковая дивизия, 20-я танковая дивизия (без 21-го танкового полка), 258-я пехотная дивизия, учебный батальон 2-й танковой армии и 502-й дорожный строительный батальон. Против 70-й армии генерал-лейтенанта И. В. Галанина, располагавшейся в полосе шириной 37 км, были сосредоточены 7-я пехотная дивизия, один полк 7-й авиаполевой дивизии и два батальона 14-го пехотного полка 78-й пехотной дивизии. Соединениям 65-й армии генерал-лейтенанта П. И. Батова, оборонявшимся в полосе шириной 88 км, противостояли 78-я пехотная дивизия (без двух пехотных батальонов), 45-я пехотная дивизия, 11-й егерский батальон из группы Кельнер, 21-й танковый полк 20-й танковой дивизии, 137, 72, 102, 251-я пехотные дивизии, 4-я танковая дивизия и 168-й пехотный полк 82-й пехотной дивизии. Войска 60-й армии

генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского, расположенные в полосе шириной 92 км, имели перед собой 82-ю пехотную дивизию (без 168-го пехотного полка), 88, 340, 327-ю пехотные дивизии. Всего перед Центральным фронтом противник имел в первом эшелоне свыше 18 дивизий, из них три танковые. Во втором эшелоне, резерве и на подходе находились до 19 дивизий, в том числе одна кавалерийская, три танковые и две моторизованные. Основная группировка резервов (до 8 дивизий) была сосредоточена в районе Локоть, Трубчевск, Новгород-Северский, Середина-Буда. Наибольшую плотность живой силы и средств усиления противник создал перед фронтом 65-й армии (свыше 7 дивизий в первом эшелоне).

Начальник штаба Центрального фронта генерал-лейтенант Малинин отмечал: «Все эти силы противника сосредоточены не для активных действий, а для пассивных с целью не допустить наступления наших войск в направлении Севск, Кролевец, Конотоп, Ромны. Перегруппировка войск и сосредоточение необходимых сил и средств противника на вероятных для наступления направлениях крайне затруднены весенней распутицей и весенним половодьем. Отсюда следует предположить, что на период распутицы противник будет оставаться в существующей группировке, а после ее окончания приступит к перегруппировке сил и средств для активных действий». Учитывая наличие сил и средств, результаты наступления противника в предшествующий период, генерал Малинин предполагал, что противник предпримет наступление лишь на курско-воронежском направлении. При этом он может развернуть активные действия одновременно: по внутреннему радиусу – из района Орла через Кромы на Курск и из района Белгорода через Обоянь на Курск; по внешнему радиусу – из района Орла через Ливны на Касторное и из района Белгорода через Старый Оскол на Касторное. В докладе подчеркивалось, что при отсутствии «противодействующих мероприятий с нашей стороны этому намерению противника успешные его действия по этим направлениям могли бы привести к разгрому войск Центрального и Воронежского фронтов, к захвату противником важнейшей железнодорожной магистрали Орел – Курск – Харьков и выводили бы его войска на выгодный для него рубеж, обеспечивающий прочное удержание Крыма, Донбасса и Украины».

Генерал Малинин считал, что противник перейдет в решительное наступление ориентировочно во второй половине мая после завершения перегруппировки и сосредоточения своих войск, а также создания необходимых запасов. С учетом всего

вышеизложенного предполагалось принять следующие меры:

«а) объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орла через Ливны на Касторное, захватить важнейшую необходимую для нас железнодорожную магистраль Мценск – Орел – Курск и лишить противника возможности пользоваться брянским узлом железных и грунтовых дорог;

б) для срыва наступательных действий противника необходимо усилить войска Центрального и Воронежского фронтов авиацией, главным образом истребительной, и противотанковой артиллерией не менее 10 полков на фронт;

в) с той же целью желательно наличие сильных резервов Ставки в районах Ливн, Касторного, Лисок, Воронежа, Ельца».

Как видно из этого обстоятельного документа, командование Центрального фронта еще до появления директивы Гитлера от 15 апреля сумело предугадать замысел противника, выяснить состав его группировки и направления главных ударов, а также и то, что перейти в наступление он не сможет ранее конца мая. 12 апреля в Ставку ВГК поступил аналогичный доклад командования Воронежского фронта.

В своих донесениях, по свидетельству Василевского, «командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Жукова и Генерального штаба». И далее Василевский пишет: *«Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага*[439]».

Сталин находился в тяжелом раздумье. Жуков предлагал обороняться, а командующие Центральным и, как выяснилось, Воронежским фронтами – наступать. После детального обсуждения Верховный Главнокомандующий решил, укрепляя оборону на всех важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где, как ожидалось, должны развернуться главные события. Здесь предполагалось создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. На Жукова возлагалось общее

руководство Центральным и Воронежским фронтами и контроль за выполнением указаний Ставки ВГК.

*«…**Уже в середине апреля,** –* свидетельствует Жуков, *– **Ставкой было принято предварительное решениео преднамеренной обороне*** (здесь и далее выделено Жуковым. – *Авт.*). *Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года.*

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка ВГК считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его[440]».

В апреле для ознакомления с положением и нуждами Центрального фронта здесь побывали член ГКО Г. М. Маленков, начальник Тыла Красной Армии А. В. Хрулев, заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, назначенный членом военного совета фронта. Рокоссовский поделился с ними своими мыслями об организации обороны Курского выступа. Ему предложили изложить свои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что он и сделал.

В записке, содержание которой соответствовало докладу № 4203, Рокоссовский высказал ряд предложений по вопросам руководства войсками. Он обратил внимание на то, что начальник Генерального штаба вместо того, чтобы управлять из центра, где сосредоточены все возможности для этого, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получается так, что в самые напряженные моменты на фронте в

Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось «распределенческое» управление фронтами, а не централизованное.

Рокоссовский считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра – Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Они же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб. *«Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов «направлений»,* – писал Константин Константинович, – *объединявших управление несколькими фронтами. Эти «направления» вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием – представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронтом, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки – одно, а от ее представителя – другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересован*ность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций. Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало комфронтом, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии командующему фронтом со стороны Ставки ВГК[441]».

Рокоссовский упомянул и о том, что при штабе фронта имелись от Генерального штаба так называемые направленцы. Это были лица, чаще всего генералы, в обязанности которых входило всестороннее и своевременное информирование Генерального штаба о действиях войск фронта. Не достаточно ли их присутствия, чтобы информировать центр о действиях фронтов и контролировать их? *«Не беру на себя смелость утверждать,* – отмечал Константин Константинович, – *что мои предложения оказали свое влияние на последующие решения Ставки. Однако сложившаяся общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге и принятия соответствующих мер. Именно этими соображениями я и руководствовался*[442]».

В соответствии с решением о переходе к преднамеренной обороне Ставка ВГК приказала командующим фронтами строить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях, и в первую очередь на Курской дуге. Одновременно с планом преднамеренной обороны предписывалось разработать и план наступательных действий.

Со второй половины апреля на Центральном фронте развернулась огромная работа по созданию глубокоэшелонированной, непреодолимой, противотанковой и противопехотной обороны. При этом командующие фронтом и армиями руководствовались директивой № 11916 начальника Генерального штаба А. М. Василевского от 2 апреля:

«Период весенней распутицы использовать для лучшей организации обороны занимаемых рубежей, особенно противотанковой, для развития оборонительных сооружений и создания резервов на основных направлениях, а также для боевой подготовки войск.

В основу подготовки положить практическое изучение ПУ, БУП и приказов НКО 306 и 325, уделив основное внимание вопросам организации и проведения наступательного боя и операции, и особенно взаимодействия родов войск[443]».

Приказ наркома обороны № 306 от 8 октября 1942 г. «О совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядках подразделений, частей и соединений» требовал при наступлении на неглубокую, очаговую оборону противника строить боевые порядки подразделений, частей и соединений в один эшелон с таким расчетом, чтобы обеспечить одновременное участие в бою максимального количества живой силы и огневых средств. В армии предусматривалось иметь сильный второй эшелон для развития успеха. Приказ требовал значительного усиления атакующих рот и батальонов артиллерией и минометами, определял место командиров в бою, устанавливал порядок ведения залпового огня в отделении, взводе, а в некоторых случаях и в роте. Положения приказа, основанные на обобщении опыта первого периода войны, были закреплены в Боевом уставе пехоты 1942 г. (БУП-42).

Приказ наркома обороны № 325 от 16 октября 1942 г. «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений» на основе опыта боевых действий в 1941—1942 гг. требовал придавать отдельные танковые полки и бригады, не дробя их, стрелковым дивизиям для усиления пехоты на главном направлении, как танки непосредственной поддержки пехоты (НПП). Их задачей являлось уничтожение живой силы и огневых точек противника, мешающих продвижению своей пехоты.

Пехота, следуя за танками, должна была подавлять противотанковые средства противника, помогать танкам преодолевать противотанковые препятствия, закреплять захваченные рубежи, а артиллерия – непрерывно сопровождать их огнем. В приказе подчеркивалось, что танки вступают в бой с танками противника только при явном превосходстве и выгодном положении. Лобовые атаки танков запрещались. Танковые корпуса требовалось в наступлении применять на направлении главного удара фронта в качестве эшелона развития успеха, в обороне – для нанесения контрударов, а танковые полки и бригады – для контратак. В отдельных случаях разрешалось применять танки для усиления противотанковой обороны войск и действий из засад. В приказе излагались указания по применению механизированных бригад и корпусов, а также детальные рекомендации по подготовке и вводу их в прорыв. Они, являясь средством командующего армией и войсками фронта, должны были использоваться в качестве эшелона развития успеха на главном направлении после прорыва главной полосы обороны противника. Их дробление запрещалось. При слабой обороне противника разрешалось использовать механизированный корпус, усиленный артиллерией и тяжелыми танками для ее прорыва (допрорыва).

Войска Центрального фронта приступили к оборонительному строительству во второй половине марта 1943 г. С этой целью военный совет фронта принял 16 марта постановление № 097, которым утверждалась нарезка оборонительных рубежей в полосе фронта, намечалось создать внешний обвод Курска и приспособить его к обороне, устанавливались сроки и очередность работ. Основные задачи по созданию армейских полос обороны были определены в приказе № 00123 командующего фронтом от 21 марта[444]. Рокоссовский установил срок окончания работ первой очереди на основных направлениях к 10 апреля, а всех оборонительных работ – к 1 мая. 27 марта военный совет Центрального фронта принимает постановление № 00142 о строительстве тылового фронтового оборонительного рубежа[445]. Он возводился по линии Зябрево, Большое Ольховатое, Будаковка, Верхняя Медведица и соединялся с внешним Курским обводом. В первую очередь требовалось прикрыть на полковую глубину направления: Орел, Курск; Малоархангельск, Щигры; Колпны, Мармыши. Срок окончания работ первой очереди – к 10 мая.

22 апреля Рокоссовский провел совещание с участием начальника штаба и членов военного совета фронта, командующих родами войск и армиями. Он ознакомил их с

планом оборонительной операции, поставил задачи и дал указания по созданию прифронтовой полосы в соответствии с директивой № 30103 Ставки ВГК от 21 апреля.[446]

– Все гражданское население необходимо к 10 мая выселить в тыл за пределы 25-километровой полосы от линии фронта. Обращаю особое внимание на точное выполнение моего приказа № 00180 от 4 апреля, который предусматривает с 10 апреля по 10 мая создать прочную оборону и укрепить как главные, так и промежуточные рубежи, особенно на танкоопасных направлениях. Следует принять меры к тому, чтобы обучить войска ведению оборонительного и наступательного боев в строгом соответствии с требованием уставов Красной Армии, обратив особое внимание на организацию взаимодействия пехоты с артиллерией, танками и авиацией на поле боя. К концу апреля принять меры к тому, чтобы накопить не менее двух боекомплектов боеприпасов, не менее трех заправок горючего, пять– шесть сутодач, а также отремонтировать оружие и боевую технику.

В войсках Центрального фронта развернулась напряженная работа по совершенствованию оборонительных позиций и рубежей, а также по возведению новых оборонительных сооружений. В апреле-июне было построено шесть основных оборонительных полос, большое количество промежуточных рубежей и отсечных позиций. На направлениях вероятного наступления противника на 1 км фронта главной полосы обороны было подготовлено до 10 км траншей и ходов сообщения. Всего войска при помощи местного населения отрыли около 5 тыс. км траншей и ходов сообщения.

Советскому командованию было известно, что противник собирается использовать в наступлении большое количество танков, в том числе новые тяжелые танки «Тигр», средние «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд». Учитывая это, Рокоссовский особое внимание обращал на подготовку противотанковых рубежей, создание всевозможных противотанковых заграждений. К началу наступления противника удалось создать мощную противотанковую оборону глубиной в 30—35 км.

Наиболее вероятным участком предстоящего наступления Рокоссовский считал основание Орловского выступа, нависавшее над правым крылом фронта. Здесь он и решил создать плотную группировку своих сил, сюда же предусматривалось разместить и основные фронтовые резервы. Сознательно идя на определенный риск, Рокоссовский на правом крыле, в полосе протяженностью 95 км, сосредоточил 58% всех стрелковых дивизий фронта, 70% артиллерии и 87% танков и самоходно-артиллерийских

установок. Здесь же располагались войска второго эшелона и фронтовой резерв. Поступая так, Константин Константинович был уверен, что враг и на этот раз начнет наступление излюбленным способом – ударом главными силами под основание выступа.

При проверке организации противотанковой обороны в войсках фронта, в частности в 70-й армии, выявилось, что среди общевойсковых, артиллерийских и других начальников отсутствует единое мнение по этому вопросу. Командиры привыкли считать, что противотанковая оборона слагается только из организации противотанковых опорных пунктов (ПТОП), и не учитывали организации противотанкового заградительного огня, системы наблюдения, инженерного оборудования, естественных препятствий, наличия дивизионной артиллерии, артиллерии РГК и противотанковых резервов. Например, штаб артиллерии 70-й армии не дал каких-либо конкретных указаний подчиненным артиллерийским частям, а требовал только составления схем противотанковой обороны. В войсках армии были созданы отдельные ПТОП, не связанные между собой. В результате участки шириной по 2—3 км оставались без противотанковой обороны. Огневые позиции дивизионной артиллерии, как правило, к противотанковой обороне не были приспособлены, а противотанковый заградительный огонь не подготовлен. Подвижный противотанковый резерв не имел подготовленных позиций и маршрутов выхода на рубежи развертывания.

В целях устранения выявленных недостатков командующий и штаб артиллерии Центрального фронта разработали «Указания по организации противотанковой обороны», которые 1 июня были утверждены Рокоссовским[447]. Опираясь на положения статьи 130 Полевого устава 1943 г., командующий фронтом требовал, чтобы противотанковая оборона организовывалась «войсковым командиром, а непосредственным исполнителем является старший артиллерийский начальник, который обязан на основе решения общевойскового командира привлечь к планированию и организации ПТО всех начальников, включая танкового и инженерного. В указаниях четко определялось, что противотанковая оборона должна заключаться: в ведении разведки противника и местности; в организации службы наблюдения и оповещения; в определении и создании основных противотанковых районов внутри оборонительной полосы; в организации инженерной противотанковой обороны в этих районах; в определении танкоопасных направлений; в организации огня артиллерии основных калибров перед передним краем, огневой системы ПТОП и обеспечении стыков с соседями; в организации взаимодействия с танковым резервом и

в подготовке всей артиллерии к круговой обороне и ведению огня в любом направлении.

Основой противотанковой обороны считались противотанковые районы, состоящие из отдельных противотанковых опорных пунктов, находящихся в огневой связи друг с другом. В каждом ПТОПе требовалось иметь 45-мм и 76-мм орудия полковой артиллерии, частично пушечные батареи дивизионной артиллерии, менее взвода – батареи противотанковой артиллерии, истребительно-противотанковые артиллерийские части. При организации противотанковой обороны предписывалось планировать: дальнее огневое нападение (ДОН) по местам сосредоточения танков на выжидательных позициях; подвижный заградительный огонь (ПЗО) по местам сосредоточения, направлениях атаки танков противника; неподвижный заградительный огонь (НЗО) перед передним краем на последнем рубеже ПЗО с задачей отделить пехоту противника, следующую за танками. После прохождения танками противника последнего рубежа ПЗО и с вклинением их внутрь оборонительной полосы борьбу с ними должны были вести огневые средства ПТОП. Армейский противотанковый резерв следовало использовать для отражения атаки танков на наиболее опасных направлениях.

Главное беспокойство Рокоссовского вызывала 13-я армия, прикрывавшая наиболее угрожаемое направление вдоль железной дороги Орел – Курск. Для усиления этой армии был выделен артиллерийский корпус прорыва, насчитывавший 700 орудий и минометов. В результате в армии была создана невиданная дотоле ни в одной оборонительной операции плотность артиллерии – около 92 орудий и минометов калибром от 76-мм и выше на 1 км фронта. Это было в полтора раза больше, чем смог собрать для своего наступления противник. В полосе обороны 13-й армии было создано более 130 ротных противотанковых опорных пунктов. Их дополняли противотанковые районы, расположенные между позициями стрелковых частей. Эти ПТОРы образовывали отдельные истребительно-противотанковые артиллерийские полки (бригады), причем в каждом таком районе размещалось не менее 12—20 орудий[448]. В главной полосе обороны 13-й армии было создано 13 противотанковых районов, состоявших из 44 опорных пунктов; во второй полосе имелось 9 таких районов с 34 опорными пунктами, а в третьей полосе – 15 районов с 60 противотанковыми опорными пунктами. Большое внимание уделялось созданию различного вида противотанковых заграждений. Перед передним краем и в глубине обороны на танкоопасных направлениях подготавливалась сплошная зона

таких препятствий. Сюда входили минные поля, противотанковые рвы, надолбы, плотины для затопления местности, лесные завалы. Плотность противотанковой обороны в полосе 13-й армии составляла 24 орудия на 1 км фронта.

Хотя использование гвардейских минометов – «катюш» для борьбы с танками инструкцией не предусматривалось, было решено и их привлечь к выполнению этой задачи. Чтобы найти наиболее эффективные способы применения реактивной артиллерии для отражения массированных танковых атак, с минометчиками провели опытные стрельбы по макетам танков. Они показали высокий процент попаданий. Для борьбы с танками противника в случае их вклинения в оборону были созданы в дивизиях и армиях подвижные отряды заграждения (ПОЗ), которые в ходе боя должны были выставлять на пути вражеских танков мины, фугасы и переносные препятствия. Эти отряды состояли в дивизиях из одной-двух саперных рот, а в армиях – из инженерного батальона, усиленного автоматчиками. Им заранее указывались вероятные районы действий.

Кроме подвижных отрядов заграждения в дивизиях, армиях и во фронте были созданы артиллерийские противотанковые резервы. Во фронтовом резерве находились 1-я и 13-я истребительные противотанковые артиллерийские бригады (трехполкового состава каждая), 14-я истребительная бригада общевойскового типа с батальоном противотанковых ружей, 130-й и 563-й истребительные противотанковые полки – всего более 200 орудий. Артиллерийские противотанковые резервы располагались в 30—40 км от переднего края, 1-я бригада и 563-й полк – в полосе 13-й армии, 13-я бригада и 130-й полк – на стыке 48-й и 13-й армий, 14-я бригада – за правым флангом 70-й армии[449]. Чтобы бригады и полки могли быстро развернуться и вступить в бой, рубежи для них готовились заблаговременно. 1-я бригада и 563-й полк имели пять рубежей в полосе 13-й армии и на стыке ее с 70-й армией, 13-я бригада и 130-й полк – два рубежа в полосе 48-й и на стыке ее с 13-й армией, 14-я бригада – четыре основных рубежа в полосе 70-й армии и еще несколько в полосах 65-й и 60-й армий.

При создании обороны особое внимание уделялось также организации системы огня. Огневые средства эшелонировались на всю армейскую глубину. Предусматривался маневр огнем и массирование его на угрожаемых направлениях. Для обеспечения простоты и надежности управления огнем создавалась разветвленная сеть наблюдательных пунктов с устойчивой связью. При построении боевых порядков в ротных районах обороны в первую очередь руководствовались требованием создать непроницаемую огневую завесу. Исходя из условий местности, подразделения располагались в одном случае углом вперед, в другом углом назад, что позволяло держать под обстрелом всю местность внутри батальонного района и вести

фланкирующий и косоприцельный огонь. Почти во всех батальонах был подготовлен заградительный и сосредоточенный огонь станковых пулеметов как перед передним краем, так и в глубине батальонных районов и полковых участков. Минометные роты заранее пристреляли участки и рубежи. Расчеты противотанковых рубежей располагались повзводно или отделениями на танкоопасных направлениях. По такому же принципу строилась система огня пехотного оружия во второй и тыловой армейской оборонительных полосах. На участках, занятых войсками, эти рубежи по насыщенности огневыми средствами почти не уступали главной полосе. В тыловой полосе 13-й армии плотность огневых средств была даже выше, чем в главной полосе обороны.

В соответствии с приказом № 00180 Рокоссовского от 4 апреля в войсках, наряду с оборонительными работами, велась напряженная боевая учеба. С командным составом и со штабами всех уровней отрабатывались тактика ведения оборонительного и наступательного боя, действия войск в наступлении с преодолением водной преграды, обороняемой противником. Проводились занятия по изучению опыта наиболее поучительных боев и операций. Особое внимание уделялось организации взаимодействия пехоты с артиллерией, танками и авиацией. Все занятия проводились на местности, не допуская никаких условностей. При этом занятия по изучению опыта оборонительного боя сочетались с практическим выполнением работ по укреплению занимаемых позиций и созданию прочной обороны.

В целях равномерной подготовки войск части и подразделения первых эшелонов через каждые 7—10 дней сменялись частями и подразделениями вторых эшелонов дивизий. Рокоссовский требовал к 25 апреля закончить сколачивание танковых экипажей, к 10 мая – взводов и рот. В процессе занятий танковые экипажи и подразделения обучались искусству маневра на больших скоростях с умелым использованием местности, быстрому развертыванию и ведению интенсивного огня с ходу. Артиллеристы осваивали навыки взаимодействия с пехотой и танками, планирования артиллерийского наступления, обеспечения атаки и огневого сопровождения танков и пехоты. В инженерных частях особое внимание уделялось устройство заграждений на войсковых и армейских рубежах и на танкоопасных направлениях. В войсках связи приводились в порядок узлы и линии связи, осваивались способы организации и поддержания непрерывной связи в ходе оборонительного и наступательного боя. Одновременно в войсках

проводились мероприятия по созданию запасов всех видов материально-технического снабжения, ремонту оружия и боевой техники.

Противник располагал сведениями о том, что советские войска готовятся встретить его наступление упорной обороной на Курской дуге. Об этом говорилось в сообщении наркомата государственной безопасности, направленном 7 мая Сталину. Резидент НКГБ в Лондоне передал добытый агентурным путем текст телеграммы командующего группой армий «Б» генерал-фельдмаршала М. фон Вейхса, отправленной 25 апреля в адрес оперативного отдела Верховного Главнокомандования вермахта. В телеграмме отмечалось:

«Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге армейской группы юга, может быть теперь ясно определена в основном районе будущих операций: Курск – Суджа – Волчанск – Острогожск…

Однако сейчас неизвестно, преследует ли эта концентрация сил наступательные или оборонительные цели. В настоящее время бронетанковые и механизированные соединения равномерно распределены по группам за линией фронта как стратегические резервы в предвидении немецкого наступления. Пока нет никаких указаний на слияние этих групп в более крупные соединения или на появление их на линии фронта…

Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник располагает сейчас приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород – Курск – Малоархангельск. Наступление частей армейской группы юга встретит упорное сопротивление противника в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной главной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в земле танками, с сильными артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе Белгород – Тамаровка…

В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения с помощью отхода на восток, которая последует за прорывом основных участков на линии фронта Курск – Белгород – Малоархангельск…

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем наступательные намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой (1-я танковая армия. – *Авт.*) армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в район

севернее фронта армейской группировки юга и с началом продвижения стратегических резервов к линии фронта или их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии противнику не удастся даже предупредить выполнение нами плана «Цитадель»…[450]»

Резидент также указывал, что название «Цитадель» относится к готовящейся операции по прорыву обороны советских войск в районе Курск – Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее.

Генерал-фельдмаршал М. фон Вейхс глубоко заблуждался, считая, что «противнику не удастся даже предупредить выполнение плана «Цитадель»». Все виды разведки подтверждали, что немецкое командование готовится к переходу в ближайшее время в наступление в районе Курска. Сроки назывались самые скорые. 8 мая Ставка ВГК директивой № 30123 предупредила Центральный, Брянский, Воронежский и Юго-Западный фронты о том, что удары на орловско-курском или белгородско-обоянском направлении следует ожидать 10—12 мая.

Рокоссовский, получив эту директиву, незамедлительно приказал командующим армиями и командирам отдельных корпусов привести войска в боевую готовность к утру 10 мая. Они были ориентированы о возможных наступательных действиях противника в ближайший период. В полосах армий, особенно на орловском направлении, по указанию Рокоссовского были усилены войсковая разведка и огневое воздействие на противника. В соединениях первого эшелона началась проверка надежности огневого взаимодействия. Командирам частей вторых эшелонов и резервов было приказано провести дополнительную рекогносцировку направлений вероятных действий и уточнить вопросы взаимодействия с частями первого боевого эшелона. Одновременно принимались меры по пополнению запасов боеприпасов на огневых позициях, усилению заграждений, особенно на танкоопасных направлениях, а также по минированию глубины оборонительных полос. Командующий 16-й воздушной армией получил задачу активизировать воздушную разведку и вести тщательное наблюдение за противником в районе Глазуновка, Орел, Кромы, Комаричи. Для срыва возможного наступления противника на орловско-курском направлении была спланирована контрподготовка с участием всей артиллерии 13-й армии и авиации 16-й воздушной армии. Обо всех этих мероприятиях Константин Константинович лично доложил Сталину.

20 мая в войска поступило сообщение Ставки ВГК о

возможном начале вражеского наступления в период с 19 по 26 мая. Но и эта дата не подтвердилась. Почему? Ответ на этот вопрос дает бывший командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. Он вспоминал, что 4 мая в Мюнхене под руководством А. Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий «Юг» и «Центр» (генерал-фельдмаршал Х. Г. фон Клюге), главного инспектора танковых войск генерал-полковника Г. Гудериана, начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника К. Цейтцлера, командующего 9-й армией генерал-полковника В. Моделя и других военачальников. В своем докладе Модель отмечал чрезвычайное усиление противотанковой обороны советских войск, а также трудности, связанные с необходимостью прорыва сильно укрепленной обороны. Доклад Моделя, который пользовался особым доверием Гитлера, произвел на фюрера сильное впечатление. Он стал опасаться, что наступление немецких войск не будет проведено быстро и успешно или, по крайней мере, так быстро, чтобы осуществить окружение крупных сил советских войск. Опасение Гитлера не разделяли ни фон Клюге, ни фон Манштейн, ни Цейтцлер. «В случае отсрочки группе («Юг». – *Авт.*), – сказал Манштейн, – потребуется наряду с увеличением танков и увеличение количества пехотных дивизий для преодоления системы обороны противника[451]». Гитлер, подводя итоги совещания, заявил о необходимости еще раз обдумать вопрос о проведении операции «Цитадель» в срок или о ее переносе. 11 мая группа армий «Юг» получила приказ о переносе начала операции на середину июня.

Пока противник готовился к проведению наступательной операции, в войсках Центрального фронта продолжалась работа по совершенствованию обороны и планированию ответных наступательных действий. В этом деле было еще много недостатков, о чем свидетельствует содержание доклада маршала Жукова, направленного 22 мая Сталину по итогам работы в войсках Центрального фронта с 14 по 22 мая. В докладе отмечалось:

«…2. Оборона 13-й и 70-й наших армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерийской плотностью, и если противник ударит по армии Романенко и вздумает обойти Малоархангельск с востока с целью обхода главной группировки Костина (псевдоним К. К. Рокоссовского. – *Авт.*), *то Романенко не сможет сдержать удара противника. Резервы же фронта расположены главным образом за Пуховым и Галаниным, они вовремя на помощь Романенко подоспеть не смогут.*

Я считаю, Романенко надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя иптап и двумя минометными артиллерийскими полками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, если будет нужно, может плотной группировкой перейти в наступление.

В обороне Пухова и Галанина и других армий фронта основные недостатки заключаются в отсутствии иптап. Фронт на сегодняшний день имеет иптап всего четыре, из них два без тяги находятся в тылах фронта.

Ввиду большого некомплекта 45-мм орудий в батальонах и полках противотанковая оборона первых эшелонов и переднего края организована слабо.

Считаю, Костину нужно как можно быстрее дать четыре полка иптап (с Романенко 6), три полка самоходной 152-мм артиллерии.

3. Подготовка Костина к наступлению не закончена. Проработав этот вопрос на местности с Костиным и Пуховым, мы пришли к выводу о необходимости сдвинуть участок прорыва на два-три километра западнее намеченного участка Костиным, то есть до Архангельского включительно, и пустить в первом эшелоне один усиленный корпус с танковым корпусом западнее железной дороги.

С артиллерийской группировкой планируемый прорыв Костин сделать не сможет, так как противник значительно усилил и глубже эшелонировал свою оборону на этом направлении.

Для того чтобы сделать прорыв наверняка, Костину нужно еще перебросить один артиллерийский корпус.

Боеприпасов фронт имеет в среднем полтора боекомплекта.

Прошу обязать Яковлева в двухнедельный срок доставить фронту три боекомплекта основных калибров.

4. У Пухова сейчас имеется 12 дивизий, шесть из них объединены в два корпуса, шестью дивизиями Пухов командует сам. Для пользы дела прошу приказать срочно сформировать и перебросить для Пухова два корпусных управления, одно корпусное управление сформировать и перебросить для Галанина, у которого сейчас пять отдельных дивизий, кроме стрелкового корпуса[452]».

Используя предоставленную противником возможность, Рокоссовский продолжал работать над укреплением обороны своих войск и подготовкой их к переходу в наступление. Возникали перед ним и проблемы другого порядка. Поскольку на Курском выступе со дня на день могло разгореться ожесточенное сражение, советские и партийные организации Курской области, руководствуясь самыми гуманными побуждениями – уберечь от

опасности и лишений жителей области, – склонны были организовать массовую эвакуацию населения. Но Рокоссовский решительно возражал против этого. Во-первых, он был убежден, что противнику не удастся осуществить план окружения и разгрома войск фронта, а во-вторых, эвакуация населения существенным образом могла отразиться на боевом духе войск. Ведь вся политическая работа на фронте строилась на том, чтобы и мысли не допустить об отступлении и оставлении врагу только что освобожденной земли. И вдруг эвакуация! Нет, с этим Рокоссовский не мог согласиться! Он и свой командный пункт расположил в центре Курской дуги. Здесь же находились управление, штаб, тылы фронта. Заместитель командующего фронтом по тылу генерал Антипенко по приказанию Рокоссовского продолжал размещать по возможности ближе к войскам, главным образом в Курске, полевые подвижные госпитали, склады боеприпасов, горючего, продовольствия.

Со второй половины июня авиация противника активизировала полеты с разведывательными целями. Одновременно немецкие бомбардировщики усилили налеты на железнодорожные узлы в полосе Центрального фронта, в особенности на линии Касторное – Курск. Только счастливая случайность спасла однажды от смерти Рокоссовского. Немецкие самолеты-разведчики стали появляться над селом, где помещался КП командующего Центральным фронтом, довольно регулярно. По всей вероятности, противнику стало известно, что тут размещается какой-то штаб. Дом, в котором жил Рокоссовский, находился у ворот в старинный монастырский парк, около дома росли два больших тополя, что делало его очень приметным. Для укрытия от осколков и пуль около домов были отрыты щели.

В этот вечер Рокоссовский, как всегда, ждал дежурного, чтобы просмотреть поступившие документы. По обыкновению после этого он шел в соседний дом, где помещалась столовая военного совета, и ужинал. На этот раз командующий фронтом велел принести депеши в столовую и отправился туда сам. В 23 часа дежурный принес документы, Рокоссовский стал их просматривать, обмениваясь репликами с Казаковым, Малининым, Телегиным и другими работниками штаба. Внезапно послышался рокот мотора, немецкий самолет сбросил осветительные бомбы, а затем раздался свист летящих бомб. Рокоссовский едва успел дать команду «ложись!», все бросились на пол, и тут же последовал близкий разрыв бомбы, за ним другой, третий… В столовой никто не пострадал, все лишь оказались осыпанными осколками стекол и штукатуркой. Но дом, в котором жил Рокоссовский, был уничтожен прямым попаданием

бомбы. Сам Рокоссовский склонен был считать, что его спасла интуиция, заставившая его уйти в этот вечер из дому. В его богатой событиями жизни это был не первый случай. Разумеется, рисковать больше не следовало, и в монастырском парке срочно были оборудованы надежные блиндажи.

В конце июня Рокоссовский выехал в расположение войск 13-й армии. Вместе с командующим армией генералом Пуховым он отправился на передовую. Командующий фронтом интересовался не только организацией обороны, хотя это и было главной целью его поездки, но и всем специфическим окопным бытом солдат и командиров, который он так хорошо знал по собственному опыту. Рокоссовский осматривал ниши для оружия и боеприпасов, устроенные в окопах, баки для воды и умывальники, он зашел в блиндаж, предназначенный для отдыха, побывал в мастерских для ремонта обуви и одежды.

Проверяя состояние обороны 280-й стрелковой дивизии, Рокоссовский обнаружил, что сделано еще далеко не все необходимое. Командир дивизии на многие вопросы Рокоссовского ответить не мог или отвечал неудовлетворительно и растерянно. Тем не менее командующий фронтом внешне ничем не проявлял своего недовольства. Он только позволил себе заметить: «Вы знаете, у меня возникает сомнение, способны ли вы командовать дивизией!» – но с виду остался спокойным.

По возвращении на командный пункт комдив немного осмелел и пригласил Рокоссовского и сопровождавших его командиров пообедать. Тут же ему пришлось раскаяться в приглашении. Насмешливо улыбнувшись, Рокоссовский сказал:

– У командира, в дивизии которого так много беспорядка, я обедать никак не могу. Наведите сначала порядок в частях, а потом уж приглашайте нас на обед. – И, приложив руку к козырьку, повернулся и зашагал к своей машине.

Гитлер, принимая 11 мая решение на отсрочку начала операции «Цитадель», в последующем еще несколько раз откладывал ее. Окончательное решение созрело у него только к концу июня. В ставку фюрера в Восточной Пруссии 1 июля были вызваны все командующие объединениями и командиры корпусов сухопутных войск и воздушного флота, которым предстояло принять участие в предстоящей операции. На этом совещании Гитлер сообщил о начале операции «Цитадель» 5 июля. *«Свое решение начать операцию «Цитадель» он обосновывал правильно тем, что мы не можем больше ждать,* – вспоминал Манштейн, – *пока противник начнет свое наступление, возможно, лишь зимой или после открытия второго фронта. Быстрый и полный успех наступления желателен также в связи с тем влиянием, какое он*

окажет на наших союзников и на нашу родину[453]».

О готовности немецкого командования начать наступление стало известно органам советской разведки. 2 июля Ставка ВГК сообщила командующим войсками Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, что, по имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление в период 3—6 июля.

Рокоссовский, как и в предыдущий раз, немедленно довел директиву Ставки ВГК до командующих армиями. Он приказал войскам и авиации фронта быть в постоянной готовности к отражению возможного удара противника, усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. При установлении признаков наступления и атаки противника требовалось немедленно начать контрподготовку с целью сорвать атаку противника. К контрподготовке предписывалось привлечь всю артиллерию 13, 70 и 48-й армий и всю авиацию 16-й воздушной армии.

3 июля в районе Верхнего Тагино были задержаны два перебежчика – солдаты 6-й пехотной дивизии, которые при допросе показали, что «среди солдат идут разговоры, что через 3—4 дня немцы начнут наступление. В состав группировки, предназначенной для наступления, входят до шести танковых дивизий[454]». В тот же день Рокоссовский приказывает принять меры по улучшению мер маскировки войск и тыловых объектов, а также по введению в заблуждение противника с целью сокращения ничем не оправданных потерь. Он потребовал от командующих армиями и командиров соединений разработать и провести мероприятия по скрытию истинной группировки войск и тыловых объектов. В боевых порядках стрелковых частей и артиллерии предписывалось развить систему запасных и ложных позиций, чаще практиковать смену огневых позиций артиллерии, районов расположения вторых эшелонов, резервов и танковых частей. Оставленные позиции и районы следовало превращать в ложные, которые обеспечить средствами имитации (кочующие орудия разных калибров, кочующие зенитные орудия и т. д.). На отдельных участках предстояло создать ложные рубежи обороны и отсечные позиции (в виде системы траншей и ходов сообщения, создаваемых плугом). Передвижение войск необходимо было производить по четко разработанному плану, только в ночное время, сопровождая это ложными передвижениями в других районах, особенно на рассвете и ночью. Особое внимание командующий фронтом обращал на маскировку командных пунктов, чаще практиковать их смену, для чего иметь не менее одного – двух запасных КП. С целью скрытия районов

расположения армейских складов и баз ставилась задача тщательно проверить и улучшить их маскировку, а также создавать ложные склады и базы. При налетах вражеской авиации необходимо было практиковать создание ложных пожаров в стороне от действительных объектов. На основных армейских коммуникациях все высоководные мосты через реки следовало маскировать под разрушенные и наряду с ними создавать ложные переправы с системой подъездных путей. Кроме того, в районах основных переправ начать строительство низководных или подводных мостов-дублеров.

Командующему 16-й воздушной армией Рокоссовский приказал развивать систему ложных аэродромов, построить систему запасных аэродромов и посадочных площадок и по возможности чаще производить смену действующих аэродромов, построить для боеприпасов и горючего склады подземного или полуподземного типа. Командующий артиллерией фронта получил задачу разработать план создания ложных группировок артиллерии в армиях, дать указания командирам артиллерийских соединений и частей о порядке ведения пристрелки не отдельными орудиями, а залповым огнем батарей с целью затруднить противнику засечение огневых позиций артиллерии. Заместитель командующего фронтом по тылу должен был провести мероприятия по улучшению маскировки всех фронтовых баз, складов, станций снабжения, а заместитель командующего фронтом по инженерным войскам – выдать войскам необходимое количество маскировочных сетей и красок, подготовить к 10 июля разборные макеты танков, орудий, минометов, автомашин.

Какими же силами и средствами располагал Центральный фронт к началу июля? В его состав входили 48, 13, 70, 65, 60-я общевойсковые, 2-я танковая и 16-я воздушная армии, 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса и артиллерийские соединения. Войска фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, свыше 5600 минометов, 1783 танка и САУ, около 1100 самолетов[455]. Против них командование группы армий «Центр» сосредоточило 26 дивизий 9-й и 2-й полевых армий, в том числе 6 танковых, одну моторизованную, отдельный батальон тяжелых танков и 7 дивизионов штурмовых орудий. Всего эта группировка врага насчитывала 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий[456]. Таким образом, войска Центрального фронта превосходили противника по живой силе и танкам и САУ в 1,5 раза, а по орудиям и минометам – в 1,8 раза.

Южный фас курского выступа обороняли войска Воронежского фронта, насчитывавшие около 630 тыс. человек,

свыше 4 тыс. орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ, около 1100 самолетов. Против фронта были развернуты 24 дивизии 2-й полевой, 4-й танковой армий и оперативной группы «Кемпф» групп армий «Центр» и «Юг», в том числе 8 танковых и одна моторизованная дивизии, два отдельных батальона тяжелых танков, дивизион штурмовых орудий. Эта группировка имела 440 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов и до 1500 танков и штурмовых орудий.[457]

Степной военный округ (в дальнейшем преобразован во фронт), развернутый в тылу Воронежского и Центрального фронтов, имел 573 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 4 тыс. минометов, 1550 танков и САУ.[458]

Войска Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа превосходили противника в людях более чем в 2 раза, по артиллерии – в 2,8 раза, по танкам и САУ – в 1,6 раза.

В ночь на 4 июля обстановка резко изменилась, противник активизировал разведывательные действия перед фронтом обороны 60-й и 65-й армий. Командующий 60-й армией генерал И. Д. Черняховский получил от начальника разведки сведения о том, что на правом фланге, на участке обороны 24-го стрелкового корпуса обнаружено шестнадцать поисковых групп врага, охотившихся за языками, а на левом фланге, в полосе обороны 30-го стрелкового корпуса, – двенадцать. На стыке этих двух корпусов саперы противника начали разминирование наших минных полей. Черняховский немедленно доложил по ВЧ полученные сведения командующему фронтом. Рокоссовский спросил:

– Какие меры Вы предприняли?

– Обеспечить полную готовность к отражению наступления противника!

– Несомненно, надо быть готовым, но мне кажется, противник хитрит. Такое же положение на левом фланге 65-й армии!

В ночь на 5 июля разведгруппа 15-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии захватила пленного сапера, который при допросе показал, что он входил в состав группы, производившей разминирование проходов в минных заграждениях, и что с двух часов ночи 5 июля немецкие войска перейдут в наступление с задачей захватить г. Курск. Командующий 13-й армией генерал Пухов немедленно сообщил об этом в штаб Центрального фронта. Рокоссовский впоследствии вспоминал: *«До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и*

мин. Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Г. К. Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Я считаю, что он сделал правильно. Это позволило мне немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня[459]».

С этим свидетельством полностью совпадают и воспоминания Жукова.

– Что будем делать? – спросил Рокоссовский. – Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

– Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Сталину и доложу о принятом решении.

Жукова тут же соединили со Ставкой ВГК. Он доложил Сталину о полученных разведывательных данных и о решении провести контрподготовку. Сталин одобрил это решение и приказал чаще его информировать.

В своем письме, адресованном в сентябре 1967 г. главному редактору «Военно-исторического журнала», маршал Рокоссовский, оценивая деятельность Жукова в качестве представителя Ставки ВГК на Центральном фронте, отмечал: «Жуков Г. К. впервые прибыл к нам на КП в Свободу 4 июля, накануне сражения. Пробыл он у нас до 10—11 часов 5 июля и убыл якобы на Западный фронт к Соколовскому В. Д., так, по крайней мере, уезжая, он сказал нам».

В этой связи считаем целесообразным отметить, что маршал Рокоссовский допустил, мягко говоря, неточность. Маршал Жуков находился на Центральном фронте 9 июля, что подтверждается, в частности, «Хроникой деятельности маршала Советского Союза Г. К. Жукова в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». В ней четко зафиксировано: 5—9 июля Жуков находился на Центральном фронте, а затем по приказанию Сталина вылетел в штаб Брянского фронта[460]. Именно утром 9 июля Сталин звонил на командный пункт Центрального фронта и отдал Жукову распоряжение срочно вводить в сражение Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это предусмотрено планом.

В 2 часа 20 минут 5 июля был отдан приказ о начале 30-минутной артиллерийской контрподготовки, в которой участвовало 2460 орудий и минометов. Ее эффективность оценивается непосредственными участниками тех событий по-разному. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков считал, что *«артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и*

дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже[461]».

Столь же реально оценивает результаты артиллерийской контрподготовки и Маршал Советского Союза И. С. Конев, командовавший тогда Степным военным округом. *«Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки,* – писал Иван Степанович. – *Однако сорвать наступление противника не удалось, хотя взаимодействие между основными силами и средствами первого эшелона врага было нарушено, а сила первоначального его удара значительно ослаблена… Конечно, эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем. К сожалению, удары нашей авиации по аэродромам противника были малоэффективными, так как противник с рассветом 5 июля поднял свою авиацию в воздух*[462]».

Есть и более положительные оценки. Например, Маршал Советского Союза А. М. Василевский, находившийся в начале Курской битвы на Воронежском фронте, отмечал: *«Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования тоже нарушилась… Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже*[463]».

Маршал артиллерии К. П. Казаков, автор очерка «Всегда с пехотой, всегда с танками», утверждал, что *«артиллерийская контрподготовка если и не сорвала наступления противника, то нанесла ему большие потери, нарушила управление и значительно ослабила и дезорганизовала первые удары вражеских войск, которые все же были очень сильны».*

А как же оценивал результаты артиллерийской контрподготовки сам Рокоссовский? Вот его мнение: «В результате противник понес большие потери, особенно в артиллерии, нарушилась его система управления войсками. Немецко-фашистские части были застигнуты врасплох.

Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление. Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Началась она ослабленными силами и неорганизованно[464]».

Следует заметить, что немецкие военачальники Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» и Г. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» артиллерийскую контрподготовку, проведенную 5 июля советскими войсками, почему-то даже не упомянули.

В 4 часа 30 минут 5 июля противник начал артиллерийскую подготовку. Одновременно бомбардировочная и штурмовая авиация противника массированными налетами группами до 50—60 самолетов производила бомбардировку и обстрел боевых порядков войск Центрального фронта на всю тактическую глубину, подвергая ударам, главным образом, артиллерийские позиции.

В штабе Центрального фронта около Рокоссовского собрались члены военного совета, командующие родами войск, проведшие бессонную и тревожную ночь. Все ждали указаний командующего фронтом, как действовать дальше. Вместо этого Рокоссовский спросил:

– Вы уверены в правильности наших планов? Я думаю, войска полностью готовы к отражению атаки врага.

Когда все окружающие подтвердили это мнение, Константин Константинович сказал:

– Тогда я советую всем отдохнуть часа два. Если же мы будем бодрствовать, то непременно станем дергать командармов, запрашивая, как у них обстоят дела. А им самим надо во всем разобраться, на это тоже требуется немало времени. Уверен, что, как только появятся новости, они сами доложат. Вы как хотите, а я иду спать.

Как и ожидал Рокоссовский, именно на войска 13-й армии и на правый фланг 70-й армии на узком участке обрушился главный удар танковых и пехотных дивизий врага. В 5 часов 30 минут противник, введя в бой до 800 танков и самоходных орудий, перешел в наступление на 45-километровом фронте от Панской до Морозихи. На направлении главного удара в стык 13-й и 70-й армий на участке Глазуновка, Воронец (ширина 23 км) действовали 18, 9, 20-я и предположительно 12-я танковые, 78, 86, 6, 7, 258-я пехотные дивизии. За ними во втором эшелоне продвигались, готовые к развитию успеха, 2-я, 4-я танковые, 31-я и 292-я пехотные дивизии. С воздуха наземные войска

поддерживала авиация.

Войска Центрального фронта мощным артиллерийским огнем отбили первую атаку противника. Перегруппировав свои войска, в половине восьмого утра он возобновил наступление. Теперь основные усилия противник сосредоточил в районе Ольховатки, где оборонялись 15-я и 81-я стрелковые дивизии 13-й армии. Они, проявив мужество и самопожертвование, отразили четыре атаки врага, но ему удалось после пятой атаки потеснить части этих дивизий.

Рокоссовский в ходе сражения практически постоянно находился на своем командном пункте. Позже он объяснил, почему поступал таким образом: «Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься и о месте командующего. Многие большие начальники придерживались взгляда, что плох тот командующий армией или фронтом, который во время боя руководит войсками, находясь большее время на своем командном пункте, в штабе. С таким утверждением нельзя согласиться. По-моему, должно существовать одно правило: место командующего там, откуда ему удобнее и лучше всего управлять войсками. С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки. Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки[465]».

Не только заботами о развитии событий на фронте было вызвано нахождение Рокоссовского на командном пункте. В течение дня его несколько раз вызывали к ВЧ. Сталин интересовался положением войск фронта. Вечером 5 июля раздался очередной звонок. Рокоссовский начал было докладывать итоги дня, но Сталин перебил его:

– Завоевали господство в воздухе или нет?

– Товарищ Сталин, сказать нельзя, был очень сильный напряженный бой в воздухе, крупные потери с обеих сторон.

– Скажите мне точно, завоевали или нет? Да или нет?

– Пока определенно ответить нельзя, но завтра этот вопрос решим положительно.

– А Руденко справится с этим делом?

Рокоссовский посмотрел на командующего 16-й воздушной армией и после короткой паузы ответил:

– Справится.

Вскоре на командном пункте появился маршал Жуков.

– Звонил Сталин и его первый вопрос о господстве в воздухе. Что вы думаете?

Генерал С. И. Руденко сказал, что замысел командования фронтом по применению истребителей правилен. Но у противника крупные силы, и сразу их не уничтожишь. Маневр вражеской авиации в ходе сражения немедленно вызвал контрманевр с нашей стороны. В воздух поднимались мощные группы истребителей. Командиры энергично управляли их действиями и своевременно наращивали силы. А вот бомбардировщикам и штурмовикам следует атаковать врага более крупными группами. Командующий 16-й воздушной армией предложил первый такой удар нанести перед началом наступления противника в районе Подолянь, Сабаровка, Бутырки и направить туда не менее пятисот самолетов. Жуков и Рокоссовский согласились с этим.

Внимательно наблюдая за развитием событий, Рокоссовский пришел к выводу, что враг еще не израсходовал резервы и с утра 6 июля будет наращивать свои усилия. Об этом он доложил Сталину, который сообщил, что из резерва Главного Командования фронту передается 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко. Эта весть обрадовала Рокоссовского. Он, стремясь восстановить положение на левом фланге 13-й армии, решил на рассвете 6 июля нанести контрудар силами 2-й танковой армии в общем направлении на Архангельское. Это решение было принято в одиннадцать часов 5 июля, но уже вечером Рокоссовский уточнил его: теперь в контрударе должны были принять участие 17-й гвардейский стрелковый корпус 13-й армии, 16-й танковый корпус 2-й танковой армии и 19-й танковый корпус. Общее руководство этими силами Рокоссовский возложил на командующего 13-й армией.

Однако за короткую июльскую ночь танковые соединения не успели сосредоточиться на исходных позициях. Рассвет застал их в движении, и они подверглись ожесточенным атакам немецких бомбардировщиков. Командиры дивизий не успели провести тщательную рекогносцировку местности, не были своевременно проделаны проходы в минных полях. Да тут еще Ставка сообщила, что 27-я армия передается Воронежскому фронту, в полосе которого обострилась обстановка в районе Обояни. Рокоссовский почему-то позже обвинил в этом Жукова. *«Был здесь представитель Ставки или не было бы его – от этого ничего не*

изменилось, а, возможно, даже ухудшилось, – писал Константин Константинович. – *К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве, то направляемую к нам 27-ю армию генерала С. Т. Трофимова не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение. К этому времени у меня сложилось твердое убеждение, что ему, как заместителю Верховного Главнокомандующего, полезнее было бы находиться в Ставке ВГК*[466]».

Итак, Рокоссовскому следовало рассчитывать только на свои силы. В пять часов утра 6 июля соединения 16-й воздушной армии, как и предлагал генерал Руденко, нанесли удар по изготовившимся к наступлению войскам противника. «Удар был мощным, неожиданным для противника, – вспоминал Руденко. – В его расположении стали появляться дымки. Один, два, три, пять, десять, пятнадцать. Это горели «тигры» и «пантеры». Наши бойцы из окопов выскочили, несмотря на опасность, пилотки кидают вверх и кричат: «Ура!» Стоят на брустверах, любуются тем, что делают летчики. Всеобщий подъем охватил наших воинов на передовой, а девятки делают заход за заходом, ниже пикируют с круга штурмовики. Несмолкающий гул разрывов бомб. И странно – очень мало разрывов зенитных снарядов противника, нет падающих дымящихся самолетов, не видно «мессеров» и «фокке-вульфов». Их связали боем наши «ястребки» окаймления далеко от места нанесения удара. Мы слышим по радио короткие команды. Один за другим уходят полки. Налет длился ровно час».[467]

В семь часов Рокоссовский позвонил Руденко и спросил:

– Когда наметили произвести очередной налет?

– Через два часа. Немцы ведь пока не наступают. Никак не придут в себя.

– Вот и нужно их добивать. Что, у тебя больше ничего нет?

– В готовности штурмовая дивизия. Держу ее для поддержки войск, если противник начнет наступать.

– Есть дивизия? – переспросил Рокоссовский и приказал: – Повторяй налет.

В десятом часу утра противник перешел в наступление. В это время на него снова навалились 600 самолетов. Теперь бомбардировке подверглись артиллерийские позиции и резервы противника. Второй удар получился таким же мощным и эффективным, как и первый. Затем на задание вылетела бомбардировочная дивизия, предназначавшаяся для экстренных вызовов. А в заключение был нанесен еще один удар по скоплениям войск и техники противника.

Вечером Рокоссовский сказал командующему 16-й воздушной

армией:

– Теперь я смело доложу Сталину, что мы полностью господствуем в воздухе.

Если в воздухе успех был на стороне авиации Центрального фронта, то на земле события развивались не столь благополучно. Утром 6 июля войска 2-й танковой армии приступили к проведению контрудара. Их действия были неудачными. 107-я танковая бригада 16-го танкового корпуса попала под огонь артиллерии и 18 танков T-VI («тигр»), которые действовали из засады. В результате бригада потеряла 50 танков Т-34, 17 танков Т-70 и 2 танка Т-70. Не имело успеха и наступление 164-й танковой бригады. Части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, продвинувшись на 2—3 км, пришли на выручку подразделениям 15-й и 81-й стрелковых дивизий, сражавшимся уже вторые сутки в окружении. Противнику удалось вводом в бой свежих сил оттеснить части 17-го гвардейского стрелкового корпуса на исходные позиции, но ворваться во вторую полосу обороны он не смог. В ходе ожесточенного сражения некоторые подразделения 13-й армии проявили неустойчивость. Так, 2-й батальон 47-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии во главе со своим командиром капитаном Ракитским самовольно оставил свой рубеж и панически отступил в тыл дивизии, где был задержан заградительным отрядом и возвращен в бой. В этой связи Рокоссовский направил директиву № 00376/оп командующим армиями и командирам 9-го и 19-го танковых корпусов:

«Армии Центрального фронта имеют все возможности для полного разгрома и уничтожения наступающего противника.

Однако предварительные итоги двухдневных боевых действий показали, что некоторые части и соединения, особенно в 13-й армии, проявили недостаточную стойкость в обороне, нарушили приказ Народного Комиссара Обороны СССР от 28.7.1942 г. № 227, оставили без приказа свыше свои оборонительные позиции и тем самым позволили противнику вклиниться в нашу оборону и нарушить ее прочность.

Некоторые командиры до сих пор еще не поняли, что самовольный отход хотя бы одной части неминуемо ставит в невыгодные условия соседей и облегчает действия противнику.

Приказываю:

1. Военным советам армий и командирам отдельных корпусов немедленными и решительными мерами пресекать самовольный отход, а к командирам, допустившим таковой, а также к провинившимся в трусости и неустойчивости применять полностью меры, предусмотренные приказом НКО № 227.

2. С получением настоящих указаний еще раз довести приказ

НКО № 227 до всего комсостава и подразделений.

3. В боевых донесениях по итогам боевых действий за день докладывать о мерах, принятых к нарушителям требований приказа НКО № 227.

4. Настоящую директиву объявить под расписку командному составу до командира дивизии, бригады включительно[468]».

По данным начальника управления контрразведки «Смерш» Центрального фронта генерал-майора А. А. Вадиса, только в июле «путем усиления заградительной службы, как за боевыми порядками, так и в тылу частей» был задержан 4501 человек. Из них арестованы – 145 человек, переданы в прокуратуры – 70, переданы в органы НКГБ – 276, направлены в спецлагеря – 14 и в части – 3303 человек.[469]

Противник, почувствовав, что прорыв обороны на ольховатском направлении ему не удастся, перенес с утра 7 июля свои усилия правее, в район железнодорожной станции Поныри. Но и здесь войска Рокоссовского оказали упорное сопротивление врагу. Рокоссовский смело маневрировал имевшимися силами, снимая без колебаний войска с менее угрожаемых участков и перебрасывая их в район Ольховатки и Понырей. По приказу Рокоссовского командующий 60-й армией генерал Черняховский отдал дивизию, составлявшую его резерв. За сутки эту дивизию перебросили на автомашинах к месту назначения. Пришлось расстаться с несколькими соединениями и командующему 65-й армией генералу Батову. Приказ командующего фронтом гласил: «181-ю стрелковую дивизию генерала А. А. Сараева, два армейских танковых полка, состоящих в резерве и во втором эшелоне армии, под покровом ночи сосредоточить на стыке 13-й и 70-й армий, где они поступят в мое распоряжение[470]».

Батов попытался отстоять свои резервы. В докладе начальнику штаба фронта Малинину он говорил:

– За последние двое суток в полосе обороны армии противник ведет усиленную боевую разведку крупными силами. Немцы вчера нанесли короткий удар с участка Дмитровск-Орловский – Севск. Возможно, они концентрируют силы для удара на этом направлении. Стоит ли нам силы и средства передавать 13-й армии?

– Что значит стоит ли? – вспылил начальник штаба фронта, это с ним иногда случалось. – Как можно так относиться к приказам штаба фронта?

Видя, что атмосфера накаляется, Рокоссовский взял у Малинина трубку:

– Павел Иванович! Ведь главные силы врага, как и прежде, направлены против основания Курского выступа. Ваше

беспокойство мне кажется излишним. А насчет передачи части сил, так судите сами: если передадите их – за свои тылы можете не беспокоиться, если же нет – не исключено, что придется вам ждать удара Моделя танками с тыла. Какая перспектива для вас лучше? Ах, первая! Ну и великолепно, значит, договорились?

Положив трубку, Рокоссовский улыбнулся Малинину:

– Видите, как быстро мы договорились? Я всегда вспоминаю мудрые слова, которые когда-то, очень давно, сказал мне один человек: хочешь знать, как обращаться с человеком, поставь себя на его место!

П. И. Батов в своих мемуарах «В походах и боях» деликатно обошел свой спор с Малининым, отметив: «Рокоссовский забирал у нас значительную часть резервов. Это ощутимо ослабляло оборону армии, но все мы знали замысел Ставки: на первом этапе Курской битвы измотать и обескровить противника, по возможности не вводя в бой стратегические резервы. Каждый командир обязан был всеми силами содействовать выполнению этого плана[471]».

Сражение за станцию Поныри, развернувшееся с утра 7 июля, носило исключительно ожесточенный характер. Для усиления противотанковой обороны и поддержки оборонявшейся здесь 307-й стрелковой дивизии генерал-майора М. А. Еншина командующий фронтом выделил 5-ю артиллерийскую дивизию прорыва, 13-ю истребительную противотанковую артиллерийскую, 11-ю минометную бригады, 22-ю гвардейскую бригаду тяжелой реактивной артиллерии и части 1-й гвардейской инженерной бригады. Сотни вражеских танков, невзирая на потери, рвались к станции. Лишь во второй половине дня двум немецким пехотным батальонам при поддержке 50 танков удалось ворваться на северную окраину Понырей, но контратакой частей 307-й стрелковой дивизии они были уничтожены. Вечером атака Понырей возобновилась. Два пехотных полка и 60 танков «тигр» потеснили 307-ю стрелковую дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и вернула прежние позиции. Не удались попытки врага прорваться и на других направлениях.

К исходу 7 июля Рокоссовский использовал почти все свои резервы, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении главного удара. Рокоссовский считал, что командующий 9-й армией генерал-полковник Модель попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдет даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Учитывая это, Константин Константинович пошел на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв – 9-й танковый

корпус генерала С. И. Богданова, который располагался в районе Курска и прикрывал город с юга. Командующий фронтом прекрасно понимал, что в случае неудачи планируемого контрудара, противник может нанести удар с севера в тыл Центрального фронта.

В ночь на 8 июля 9-й танковый корпус передислоцировался на главное направление. В 8 часов 20 минут до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийско-минометного огня и ударов авиации нанесли удар северо-западнее Ольховатки в стык 13-й и 70-й армий. Противник ворвался в боевые порядки пехоты. Здесь его встретил огонь прямой наводкой орудий 3-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады полковника В. Н. Рукосуева. Во второй половине дня в сражение вступили и части 9-го танкового корпуса. Совместными усилиями пехоты, танков и артиллерии противник был отброшен. Рокоссовский вновь продемонстрировал, что является мастером смелого маневра.

К 9 июля генерал-полковник Модель также ввел в сражение все свои резервы, но это не принесло ему успеха. Танковые соединения и пехота топтались на месте. На направлении главного удара им удалось за четыре дня продвинуться всего на 10 км, потеряв более 40 тыс. солдат, несколько сот танков и самоходных орудий, около 500 самолетов.

В ходе боевых действий значительные потери от действий десантов автоматчиков противника понесли и орудийные расчеты войск Центрального фронта. В результате снизилась эффективность противотанковой обороны. Это вызвало беспокойство у Рокоссовского. В своей директиве от 12 июля он с целью повышения ее устойчивости и живучести потребовал от командующих армиями:

«1. Под вашу ответственность обеспечить противотанковую артиллерию (иптабр, лап) прикрытием пехоты, располагая последнюю непосредственно в боевых порядках артиллерии.

2. На пехотные прикрытия возложить задачу борьбы с автоматчиками противника[472]».

В целом войска Центрального фронта действовали достаточно успешно в ходе оборонительного этапа Курской битвы. Г. К. Жуков в своей статье, опубликованной в девятом номере «Военно-исторического журнала» за 1967 год, отмечал, что «более успешные действия в оборонительном сражении войск Центрального фронта, чем войск Воронежского, объясняются тем, что против войск Центрального фронта было задействовано значительно меньше сил противника, чем против войск Воронежского фронта».

Это утверждение встретило возражение со стороны К. К.

Рокоссовского. В уже упоминавшемся письме Константина Константиновича главному редактору «Военно-исторического журнала» подчеркивалось:

«Ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, состояла из 14 дивизий, из коих было 5 пехотных, 8 танковых и одна моторизованная, а ударная группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, состояла из 15 дивизий в составе 8 пехотных, 6 танковых и одной моторизованной. Таким образом, если группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, несколько превосходила по количеству танков, то группировка его, действовавшая против войск Центрального фронта, значительно превосходила по количеству пехоты и артиллерии.

Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны.

Мы решили, что наиболее опасным участком в обороне является основание выступа – наш правый фланг, где прорыв противника выводил бы его войска на фланг и тыл всей обороны наших войск; прорыв же на любом ином участке не создавал такой угрозы, поэтому и все наши усилия были направлены на то, чтобы не допустить этого прорыва.

Итак, на угрожаемом участке, где, зная тактику немцев, мы ожидали нанесения главного удара противником на фронте шириной 95 километров, было сосредоточено 58 процентов стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и САУ. Остальной участок фронта шириной в 211 километров оборонялся двумя армиями (60-й и 65-й) со своими армейскими средствами.

Вторые эшелоны и фронтовые резервы также были расположены на направлении вероятного наступления основной группировки противника. Правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника, соответствующая этому группировка войск, маневр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта, чем войск Воронежского, где основные – главные силы этого фронта были растянуты на 164-километровом фронте, располагаясь равномерно на всем этом участке».

12 июля наступил новый этап в Курской битве – началось контрнаступление советских войск. Соединения левого крыла Западного фронта, Брянский и Центральный фронты провели с 12 июля по 18 августа Орловскую стратегическую наступательную операцию под кодовым наименованием «Кутузов», а войска

Воронежского, Степного и часть сил Юго-Западного фронтов – с 3 по 23 августа – Белгородско-Харьковскую стратегическую наступательную операцию, получившую наименование «Полководец Румянцев».

Операция «Кутузов» проводилась с целью разгромить орловскую группировку противника и ликвидировать орловский выступ, где оборонялись 2-я танковая и 9-я армии группы армий «Центр». К началу операции войска, привлекавшиеся к ее проведению, насчитывали 1286 тыс. человек, более 21 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ и более 3 тыс. боевых самолетов. Им противостояли 37 дивизий, в том числе 8 танковых и 2 моторизованные группы армий «Центр». В них имелось до 600 тыс. человек, более 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 1,1 тыс. боевых самолетов[473]. Советские фронты, таким образом, имели перевес над противником в людях в 2 раза, в артиллерии и минометах в 3 раза, в танках более чем в 2 раза, в авиации почти в 3 раза.

Замыслом «операции «Кутузов» предусматривалось четырьмя ударами по сходящимся направлениям на Орел с севера, востока и юга расчленить группировку противника и разгромить ее по частям. При этом 50-я (генерал-лейтенант И. В. Болдин) и 11-я гвардейская (генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) армии Западного фронта должны были прорвать оборону врага юго-западнее Козельска, совместно с 61-й армией (генерал-лейтенант П. А. Белов) Брянского фронта окружить и уничтожить его группировку в районе Болхова. В последующем намечалось развивать наступление на Хотынец, не допустить отхода противника из района Орла на запад и во взаимодействии с войсками Брянского и Центрального фронтов уничтожить его. С воздуха действия ударной группировки поддерживали соединения 1-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации М. М. Громов). 3-я (генерал-лейтенант А. В. Горбатов) и 63-я (генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи) армии Брянского фронта наносили удар из района Новосиля на Орел, охватывая противника с севера и юга. Авиационную поддержку осуществляли соединения 15-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Науменко).

Войскам Центрального фронта предстояло наступать в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад для охвата Орла с юга, чтобы во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов разгромить орловскую группировку противника. Эта задача возлагалась на 48, 13, 70-ю общевойсковые, 2-ю танковую и 16-ю воздушную армии, 19-й и 9-й танковые корпуса с приданными средствами усиления. Соединениям 60-й армии предстояло упорно обороняться на занимаемых позициях,

обеспечивая действия главных сил фронта.

Рокоссовский, оценивая замысел Орловской операции, отмечал, что он сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. *«Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один – с севера, второй – с юга),* – пишет Константин Константинович. – *Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой. Поэтому-то войска на решающих направлениях (Западного и Центрального фронтов) не сумели подготовиться в такой короткий срок к успешному выполнению поставленных задач, и операция приняла затяжной характер. Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром. Становилось досадно, что со стороны Ставки были проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, то есть, повторяю, нанести два удара под основание орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже. Мне кажется, что Ставкой не было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме неприятельские войска (2-я танковая и 9-я армии) находились свыше года, что позволило им создать прочную, глубоко эшелонированную оборону. Кроме того, к началу нашего наступления орловская группировка противника значительно усилилась*[474]».

Войска Центрального фронта должны были перейти в контрнаступление утром 15 июля. Задачу им Рокоссовский поставил в десять часов вечера 12 июля[475]. Войскам 48, 13, 70-й и 2-й танковой армий предписывалось к исходу 17 июля выйти главными силами на рубеж Нагорный, Преображенское, Шамшин, Новополево, Рождествено, Каменка (12 км северо-западнее станции Малоархангельск), Веселый Поселок, Лебедиха, Воронец, Морозиха, Катомки. В дальнейшем намечалось развивать наступление в общем направлении на Старое Горохово, Философово, Плоское, Нестерово. Главную роль в предстоящем контрнаступлении предстояло играть 13-й и 70-й армиям, усиленным соответственно 9-м и 19-м танковыми корпусами. 2-ю танковую армию намечалось ввести в сражение после выхода войск 13-й армии на рубеж Согласный, Бузулук, Широкое Болото, Саборовка. Соединениям 2-й танковой армии ставилась задача нанести главный удар в направлении Снова, Сеньково, Гремячево, овладеть к исходу 17 июля районом Ольгино, Гнилуша,

Шушерово, а в дальнейшем развивать наступление на Никольское, Нестерово. Авиация 16-й воздушной армии должна была поддержать атаку пехоты и танков ударной группы 13-й армии, а затем оказать содействие 13-й и 2-й танковой армиям, не допуская отхода противника к северу и северо-западу от рубежа Новополеново, Гремячево, Воронец.

Первыми в контрнаступление перешли 12 июля войска Брянского фронта, поддержанные левофланговыми соединениями Западного фронта. Это вынудило противника перебросить на это направление войска, действовавшие против Центрального фронта. Однако на Воронежском фронте противник еще продолжал наносить ощутимые удары. Особенно критическое положение сложилось в районе Прохоровки, где во встречном танковом сражении схлестнулись более полутора тысяч боевых машин. Соединения Воронежского фронта, наносившие удар в лоб противнику, не сумели разгромить его группировку, вклинившуюся в оборону на 30—35 км. Приказ прекратить наступление и упорной обороной истощать силы наступавшего противника поступил армиям фронта 15—16 июля.

К этому времени Верховное Главнокомандование вермахта решило прекратить дальнейшее наступление на Курской дуге. 13 июля в ставке Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий фон Манштейна и фон Клюге. В докладе фон Клюге отмечалось, что в связи с большими потерями наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено. «Так как фельдмаршал фон Клюге считал исключенным возобновление наступления 9-й армии, – вспоминал Манштейн, – и более того, считал необходимым вернуть ее на исходные позиции, Гитлер решил, одновременно учитывая необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции «Цитадель[476]».

К началу контрнаступления войск Центрального фронта, казалось, было сделано все, чтобы оно шло успешно. Однако первый день, 15 июля, показал, что не все вопросы решены должным образом. Противник, сосредоточив в полосе наступления главных сил фронта семь пехотных дивизий (216, 78, 86, 292, 31, 7, 258-я), 10-ю моторизованную и 4-ю танковую дивизии, часть сил 2-й танковой дивизии и три егерских батальона (8, 13 и 9-й), упорно сопротивлялся, часто контратаковал танками. Генерал-лейтенант артиллерии Г. С. Надысев, анализируя причины медленного продвижения ударной группировки фронта, писал: *«После ожесточенных боев противник 12 июля перешел к обороне и до 15 июля производил*

перегруппировку войск и всех огневых средств сообразно характеру предстоявших ему боевых действий. За двое-трое суток наша артиллерийская разведка и корректировочно-разведывательная авиация не смогли достаточно полно вскрыть всю систему немецкой обороны. Поэтому удар артиллерии во время огневого налета пришелся не по всем целям. В ночь на 15 июля многие из разведанных ранее целей оказались совсем в другом месте. Виноваты и мы, штабы артиллерии фронта и армий, для которых не была секретом недостаточность разведданных о противнике. Видимо, по-иному следовало в таком случае строить боевое применение артиллерии. Полагаю, что в условиях ускоренной подготовки наступления необходимо было выделить больше орудий на прямую наводку – для разгрома конкретных целей в первой позиции обороны гитлеровцев[477]».

Понеся большие потери (около 30 тыс. человек, свыше 700 танков) и опасаясь окружения своих войск, вклинившихся на глубину до 35 км, противник 16 июля начал планомерный отвод главных сил в исходное положение. Войска Воронежского, а в ночь на 19 июля и Степного фронтов перешли к его преследованию и к 23 июля вышли на рубеж Черкасское, (иск.) Задельное, Мелехово и далее по левому берегу р. Северский Донец. В основном это был рубеж, занимаемый советским войсками до начала операции. На этом завершилась Курская стратегическая оборонительная операция. В ходе операции войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов сумели остановить наступление ударных группировок противника на орловском и белгородско-харьковском направлениях. При этом потери советских войск составили: безвозвратные – 70 330 и санитарные – 105 517 человек.[478]

24 июля И. В. Сталин подписал приказ, в котором подводились итоги оборонительного периода Курской битвы. В приказе отмечалось: *«В боях за ликвидацию немецкого наступления отличились войска: генерал-лейтенанта Пухова, генерал-лейтенанта Галанина, генерал– лейтенанта танковых войск Родина, генерал-лейтенанта Романенко, генерал-лейтенанта Колпакчи, генерал-лейтенанта Чистякова, генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова, генерал-лейтенанта Жадова, генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Крюченкина и летчики авиационных соединений генерал-полковника авиации Голованова, генерал– лейтенанта авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Руденко и генерал-лейтенанта авиации Науменко*[479]».

Войска Брянского, Центрального и левого крыла Юго-Западного фронтов продолжали наступательные действия в

рамках операции «Кутузов». Рокоссовский, стремясь сломить сопротивление противника, приказал войскам 13-й, 70-й и 2-й танковой армий возобновить с утра 19 июля наступление при поддержке всей авиации 16-й воздушной армии. Они должны были нанести главный удар по западному берегу р. Ока в общем направлении на Кромы, к исходу 20 июля выйти на рубеж р. Крома на участке Шумаково, Большая Колчева, Кутафино, Красная Роща. В дальнейшем предполагалось развивать наступление в направлении на Орел, Нарышкино.

В 7 часов утра 19 июля войска Центрального фронта после короткого артиллерийского налета возобновили наступление. Сломив сопротивление противника вдоль шоссе Курск – Орел, наступающие части с боями продвинулись в этом направлении до 6 км. Противник, подтянув резервы, стал оказывать все более упорное сопротивление, особенно в полосе 13-й армии. Это вынудило Рокоссовского в десятом часу вечера 20 июля принять решение о переходе ее войск к обороне. Упорная оборона противника срывала все планы Рокоссовского по выходу к установленному сроку в район Кромы. Ему пришлось перенести его на конец дня 22 июля. С целью не допустить отхода противника из орловско-кромского выступа требовалось создать в 48-й и 13-й армиях, помимо подвижных отрядов в дивизиях, армейские резервы на автомашинах с приданными танковыми частями и саперами. В случае обнаружения отхода противника подвижные отряды должны были преследовать его по параллельным маршрутам, обходить укрепленные населенные пункты, выходить на тылы главных сил противника, не допуская его закрепления на промежуточных рубежах. Командующий 16-й воздушной армией получил задачу наносить массированные удары по отходящему противнику, особенно на переправах через водные преграды.

Существенное влияние на ход событий на белгородско-харьковском направлении оказало начавшееся 17 июля наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн по требованию Генерального штаба сухопутных войск был вынужден отдать приказ о выводе из боя на участке Воронежского фронта 2-го и 3-го танковых корпусов и переброске их на юг, на усиление 6-й полевой армии, действовавшей против Южного фронта. К исходу 18 июля 11-я гвардейская армия Западного фронта, развивая наступление на Хотынец, углубила прорыв более чем на 70 км, а частью сил вышла на рубеж в 12—16 км юго-западнее и северо-западнее Болхова. К этому времени соединения 61-й армии Брянского фронта охватили город с

севера и востока, находясь от него в 5—12 км. Войска 3-й и 63-й армий этого же фронта, используя ввод в сражение на их стыке 3-й гвардейской танковой армии, к исходу 19 июля прорвали тыловой оборонительный рубеж на р. Олешня и продвинулись западнее ее на 8—10 км. Однако в ходе прорыва 3-я гвардейская танковая армия понесла большие потери и не смогла развить удар на Кромы. Для наращивания усилий на стыке 11-й гвардейской и 50-й армий Западного фронта в сражение 20 июля была введена 11-я армия генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского.

Рокоссовский тем временем продолжал попытки выйти в район Кромы. С этой целью войска фронта с утра 25 июля возобновили наступление. На этот раз соединения 70-й армии, преодолев сопротивление противника, стали успешно продвигаться в общем направлении на Чувардино. На следующий день Константин Константинович принимает решение ввести в прорыв 2-ю танковую армию с задачей выйти к исходу 26 июля в район Красная Роща, Гнездилово, Чувардино. По решению Ставки ВГК в распоряжение Рокоссовского с 24 часов 26 июля из Брянского фронта передавалась 3-я гвардейская танковая армия, которую требовалось использовать на правом крыле фронта во взаимодействии с войсками 48-й армии.[480]

К исходу 27 июля войска правого крыла Центрального фронта при поддержке авиации 16-й воздушной армии прорвали промежуточный оборонительный рубеж противника и продвинулись на 35—40 км. Противник начал отвод своих войск на запад перед левым крылом Брянского и правым крылом Центрального фронтов. Рокоссовский принял решение с утра 28 июля ввести на левом фланге 48-й армии в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию, которой приказывалось наступать в общем направлении на Никольское, Малое Рыжково. Ввод танковой армии обеспечивался огнем стрелковых частей и артиллерии 48-й армии, а также ударами авиации 16-й воздушной армии по резервам и артиллерии противника.

Войсками 3-й гвардейской танковой армии командовал генерал-лейтенант танковых войск П. С. Рыбалко, которого Рокоссовский знал с 1926 г. по совместной работе в Монгольской народной армии. В то время Рыбалко возглавлял в Улан-Баторе отдельный кавалерийский эскадрон при советском посольстве, затем был политработником, а после окончания соответствующих курсов перешел на командную должность. «Командиром он был хорошим, боевым и решительным, – пишет Рокоссовский. – Но ни он, ни его подчиненные еще не успели оправиться после трудных боев на Брянском фронте. Именно поэтому, несмотря на все

усилия, танкистам не удалось преодолеть сопротивление противника. Чтобы избежать неоправданных потерь, я обратился в Ставку с просьбой вывести танковую армию Рыбалко в резерв[481]».

Неудачные действия танкистов вынудили Рокоссовского принять вечером 30 июля решение прекратить наступление силами 48-й и 3-й гвардейской танковой армий и прочно закрепиться на достигнутых рубежах.

Противник, воспользовавшись медленным продвижением правого крыла Центрального фронта, поспешно отводил свои части на северный берег р. Крома и на западный берег р. Неживка, где намеревался перейти к обороне и не допустить прорыва советских войск в северном и северо-западном направлениях. Рокоссовский, пытаясь сорвать замысел врага, приказал 48-й и 3-й гвардейской танковой армиям с утра 1 августа возобновить наступление и выполнить ранее поставленные задачи. Одновременно в наступление предстояло перейти и 70-й и 2-й танковой армиям.

Сталин, наблюдавший за развитием событий на орловском направлении, был недоволен действиями Рокоссовского. Около трех часов ночи 1 августа он получил директиву № 30158 Ставки ВГК, подписанную Сталиным. В ней говорилось:

«За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронтов противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трех пехотных дивизий.

В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 ТА Рыбалко. Все это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й армии и 2 ТА в общем направлении Чувардино, Красная Роща, Апальково. Одновременно 13-й армии прорвать оборону противника западнее Короськово, подготовив условия для ввода в прорыв 3 ТА к моменту ее сосредоточения.

2. К 4—5 августа закончить сосредоточение 3 ТА в районе южнее Короськово с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии.

3. В дальнейшем иметь в виду действовать обеими танковыми армиями в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел[482]».

Рокоссовский, получив директиву Ставки ВГК, вынужден был приостановить наступление 48-й армии, которой ставилась задача перейти к обороне на занимаемых позициях. Войска 3-й гвардейской танковой армии выводились из сражения и к утру 3 августа перебрасывались в район 24—25 км юго-западнее Рыбницы. Командиру 9-го танкового корпуса приказывалось с вечера 1 августа начать преследование противника и не дать ему закрепиться на р. Крома.

4 августа Рокоссовский уточнил задачи войскам правого крыла фронта. Соединения 70-й армии должны были активизировать боевые действия, а 2-я танковая армия и 9-й танковый корпус нанести удар в тыл противнику в общем направлении Колки, Красная Ягода и оказать содействие войскам 70-й армии в свертывании обороны противника. Командующему 3-й гвардейской танковой армией предписывалось в час дня перейти в наступление с задачей переправиться через р. Крома на участке Колки, Красная Роща и развивать удар в общем направлении на Хмелевая, Гнилое Болото, Хотьково, чтобы отрезать пути отхода противника на запад и юго-запад из района Кромы, Орел, Нарышкино. Командующий 13-й армией должен был всеми огневыми средствами пехоты и артиллерии содействовать переправе 3-й гвардейской танковой армии через р. Крома, а затем, используя ее успех, стремительно продвигаться вперед с задачей к исходу 4 августа выйти на рубеж Марьинский, Красный Пахарь, Красная Нива, Долженки.

Однако войска 2-й и 3-й гвардейской танковых армий не сумели выполнить поставленные задачи. Рокоссовский считал, что основными причинами этого являлось то, что командиры танковых частей и соединений проявляли нерешительность, не умели заставить своих подчиненных выполнить задачи и исключительно плохо управляли боем своих частей и соединений.

Тем временем войска Брянского фронта освободили 5 августа Орел. Ставка ВГК, стремясь закрепить достигнутый успех, приказала 6 августа командующему Брянским фронтом сосредоточить главные усилия на быстрейшее овладение Хотынцом и Карачевом. Командующему Центральным фронтом предписывалось «использовать 2-ю и 3-ю танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев,

уничтожить противника, отходящего от Орла на запад[483]».

В соответствии с этой директивой Рокоссовский потребовал от командующих 3-й гвардейской и 2-й танковыми армиями стремительно преследовать противника и не дать ему возможности перейти к обороне на новых рубежах. При этом следовало вести преследование «всей массой танков и мотопехоты корпусов и армий», командиров частей и соединений, не выполняющих задач, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала.

Несмотря на принятые меры, наступление войск Центрального фронта развивалось медленно. На правом крыле они продвинулись всего на 10 км. Войска 65-й и 70-й армий при поддержке авиации 16-й воздушной армии освободили 12 августа Дмитровск-Орловский. Соединения 13-й армии в этот же день, встретив организованное сопротивление противника с западного берега рек Водоча и Локна, вынуждены были перейти к обороне.

К 18 августа войска Брянского, Западного и Центрального фронтов вышли к передовым позициям созданного заблаговременно вражеского оборонительного рубежа «Хаген» и были остановлены на линии восточнее Людиново, в 25 км восточнее Брянска, западнее Дмитровска-Орловского. На этом завершилась операция «Кутузов», в ходе которой войска трех фронтов продвинулись до 150 км, ликвидировав орловский плацдарм противника.

Вместе с тем при проведении Орловской операции были допущены существенные недостатки, обусловившие низкие темпы наступления (до 4 км в сутки) и увеличение потерь. В общей сложности они составили: безвозвратные – 112 529 человек и санитарные – 317 361 человек, или 33,4% от общей численности в 1287 600 человек[484]. При этом наибольшие потери понес Центральный фронт – 165 402 человека, в том числе 47 771 человек безвозвратно.

При подготовке операции Ставка ВГК проявила поспешность в определении сроков ее начала. В результате войска перешли в наступление, не завершив полностью его подготовку, не была создана более сильная группировка на левом крыле Западного фронта. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать долговременную глубокоэшелонированную оборону врага фронтальным ударом. Танковые армии и корпуса использовались для последовательного прорыва нескольких оборонительных рубежей противника, что резко снижало их возможности по развитию наступления в оперативной глубине. Фронтовая авиация не смогла полностью решить задачи по изоляции района боевых действий от подхода оперативных резервов противника.

В результате вместо стремительного удара операция приняла затяжной характер. Противник по существу медленно выдавливался из орловского выступа, что позволило ему перегруппировать войска и организованно отвести их из района Орла.

23 августа войска Степного фронта заняли Харьков, завершив тем самым операцию «Полководец Румянцев», а с ней и Курскую битву. Были созданы предпосылки для перехода в общее наступление, освобождения от фашистов Левобережной Украины и выхода к Днепру.

Операция «Цитадель» завершилась окончательным провалом. Манштейн был иного мнения: «Операция «Цитадель» была прекращена немецким Главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со стратегическим влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2 танковая армия на Орловской дуге), и лишь, во-вторых – в связи с тактической неудачей, а именно, остановкой наступления 9 армии, которая поставила под вопрос, по меньшей мере, быстрое достижение исхода сражения[485]».

В отчете командования немецких 2-й танковой и 9-й армий о боях на Курской дуге отмечалось, что якобы их наступление «нанесло тяжелые потери и ослабило вражеские армии, предназначенные для удара из района Курска на север, в такой степени, что они не имели больше сил успешно выполнить свою задачу прорыва с юга в направлении Хотынец – Карачев, данную им в общем масштабе концентрического наступления на Орел. Неоспоримо также то, что проводимое обеими армиями планомерное отступление на позицию «Хаген» истощило большую часть русских наступающих частей и вследствие сокращения фронта освободило большое число наших дивизий и войсковых частей, дав возможность использовать их на других фронтах[486]».

Генерал-полковник Г. Гудериан более объективен в своих оценках: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение… Инициатива полностью перешла к противнику[487]».

Приведем еще одно мнение, на этот раз генерала Ф. В. фон Меллентина: «Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились

значительного вклинения… Операция «Цитадель» закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев; надо также отметить, что с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха… После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским[488]».

Меллентин был прав, утверждая, что потери советских войск в Курской битве превышали потери противника. За переход стратегической инициативы в руки советского командования пришлось заплатить высокую цену. Потери составили: безвозвратные – 254,5 тыс. человек, санитарные – 608,8 тыс. человек[489]. Противник же потерял более 500 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, свыше 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,7 тыс. самолетов[490]. Следовательно, потери советских войск примерно в полтора раза превышали потери противника.

Контрнаступление под Курском было третьим крупным стратегическим контрнаступлением, проведенным Красной Армией в ходе войны. В отличие от предыдущих операций это был заранее организованный и подготовленный ответный удар на удар противника. В нем участвовали 22 общевойсковые, 5 танковых, 6 воздушных армий и крупные силы авиации дальнего действия. Но полностью завершить разгром противника не удалось, так как германское командование сумело вывести из-под удара свои основные силы.

Для Рокоссовского участие в Курской битве стало важным этапом в его деятельности в должности командующего фронтом. Он приобрел значительный опыт организации обороны с глубоким эшелонированием боевых порядков войск и оборонительных позиций с хорошо развитой системой траншей и других инженерных сооружений. Решающим условием создания устойчивой обороны явилось массирование сил и средств на направлениях вероятных ударов противника, а также глубокое оперативное построение войск. Большой опыт был приобретен также в ходе подготовки и проведения наступательных операций.

Сражение за Днепр

25 августа 1943 г., после завершения Курской битвы, в Кремле состоялось совещание, на котором рассматривался план дальнейших действий Красной Армии. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков придерживался мнения, что противник располагает еще достаточными силами для продолжения войны, тем более что Англия и США не спешили с началом широких наступательных действий в Европе. Вместе с тем он считал, что на востоке Германия уже не в состоянии вести большое наступление и, видимо, ограничится активными оборонительными действиями. И. В. Сталин и начальник Генштаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский высказывались за развертывание наступления на западном и юго-западном стратегических направлениях, чтобы выйти в восточные районы Белоруссии и на Днепр. С этим стремлением Жуков был солидарен, но выступал против нанесения фронтальных, лобовых ударов в полосе от Великих Лук до Черного моря, так как предпочитал операции на отсечение и окружение противника с целью его полного уничтожения, что облегчало бы дальнейшее ведение войны. Именно такую операцию Жуков считал необходимым провести в Донбассе. Его поддержал заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А. И. Антонов. Но Сталин не разделял точку зрения Жукова и Антонова, а нетерпеливо требовал скорее отбросить противника с территории страны фронтальными ударами. Он считал, что для реализации идеи Жукова понадобится слишком много времени и противник успеет организовать оборону на подступах к Днепру.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК на летне-осеннюю кампанию главный удар должен был наноситься на юго-западном направлении с целью освобождения Донбасса и районов Украины, богатых хлебом. Для достижения этой цели планировалось привлечь войска Центрального (генерал армии К. К. Рокоссовский), Воронежского (генерал армии Н. Ф. Ватутин), Степного (генерал армии И. С. Конев), Юго-Западного (генерал армии Р. Я. Малиновский) и Южного (генерал-полковник, с 21 сентября генерал армии Ф. И. Толбухин) фронтов, а с 20 октября соответственно – Белорусского, 1, 2, 3 и 4-го Украинского фронтов. На юге сухопутные войска должна была поддерживать Азовская военная флотилия. Одновременно войска Западного (генерал армии В. Д. Соколовский) и левого крыла Калининского (генерал армии А. И. Еременко), а также Брянского (генерал-полковник М. М. Попов) фронтов получили задачу наступать на

смоленском и брянско-гомельском направлениях и тем самым лишить противника возможности перебрасывать силы на Украину. На юге предполагалось очистить от врага Таманский полуостров и овладеть плацдармами на Керченском полуострове.

На советско-германском фронте к этому времени действовали 400 стрелковых дивизий, 28 танковых и механизированных корпусов Красной Армии. В резерве Ставки ВГК находились около 20 стрелковых дивизий, 8 танковых и механизированных корпусов. Им противостояли около 230 дивизий противника, в том числе 20 танковых и 6 моторизованных.[491]

По плану Ставки ВГК предусматривалось на юго-западном направлении нанести глубокие рассекающие удары в целях быстрейшего выхода к Днепру, форсирования его с ходу крупными силами на широком фронте и, упреждая противника в организации и восстановлении обороны на правобережье, захватить несколько плацдармов. К началу битвы за Днепр в составе Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов насчитывалось 2 633 тыс. человек, свыше 51 200 орудий и минометов, более 2400 танков и САУ, 2850 боевых самолетов. Советским войскам противостояли 2-я армия группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге), 4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я армии группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн); всего 1 240 тыс. человек, 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий и 2100 боевых самолетов[492]. Советские войска превосходили противника в 2,1 раза в живой силе, в 4 раза в орудиях и минометах, в 1,4 раза по самолетам и незначительно – в 1,1 раза в танках и САУ.

Верховное Главнокомандование вермахта после провала операции «Цитадель» решило перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте в надежде остановить наступление советских войск и сохранить за собой важнейшие районы Левобережной Украины и Донбасс. С этой целью в глубоком тылу с весны 1943 г. велось строительство стратегического оборонительного рубежа («Восточный вал») на линии река Нарва, Псков, Витебск, Орша, реки Сож, Днепр, Молочная. Основой «Восточного вала» были мощный водный рубеж – река Днепр и укрепления по реке. К моменту выхода советских войск к Днепру противнику не удалось выполнить весь объем намеченных инженерных мероприятий. В середине сентября южная оконечность «Восточного вала» в полосе обороны групп армий «Юг» и «А» получила наименование позиция «Вотан». Передний край обороны противника проходил по ряду командных высот, прикрытых р. Молочная с обрывистым западным берегом. На

севере, в районе Васильевки, позиции упирались в днепровские плавни. На юге они примыкали к озеру Молочное, вытянувшемуся почти на 30 км до Азовского моря. Рубеж включал две, три полосы обороны с развитой системой траншей, опорных пунктов, противотанковых и противопехотных заграждений. Северная оконечность «Восточного вала» в полосе обороны групп армий «Север» и «Центр» стала именоваться «Пантерой». Противник, используя лесисто-болотистую местность, создал на витебско-лепельском и оршанском направлениях укрепленный оборонительный рубеж глубиной 20—45 км, тянувшийся вдоль восточного берега рек Нарва и Великая.

Битва за Днепр, продолжавшаяся с 13 августа по 23 декабря 1943 г., включала Черниговско-Полтавскую, Донбасскую, Нижнеднепровскую и Киевскую стратегические наступательные операции, фронтовые Гомельско-Речицкую наступательную и Киевскую оборонительную операции.

Черниговско-Полтавскую операцию проводили войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов, Донбасскую – Юго-Западный и Южный фронты, Нижнеднепровскую – Степной (2-й Украинский), Юго-Западный (3-й Украинский) и Южный (4-й Украинский) фронты, Киевскую наступательную – 1-й Украинский фронт, Гомельско-Речицкую – Белорусский фронт, Киевскую оборонительную операцию – 1-й Украинский фронт.

В рамках Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции были проведены Черниговско-Припятская, Сумско-Прилукская и Полтавско-Кременчугская фронтовые наступательные операции.

Черниговско-Припятскую наступательную операцию (26 августа – 30 сентября) проводил Центральный фронт, насчитывавший 579,6 тыс. человек[493]. Его войскам противостояли 2-я армия и часть сил 9-й армии группы армий «Центр», а также часть сил 4-й танковой армии группы армий «Юг».

Подготовка и планирование операции осуществлялись в ходе Орловской стратегической наступательной операции. Впервые задача войскам Центрального фронта на ее проведение была поставлена директивой № 30162 Ставки ВГК от 10 августа[494]. В соответствии с ней требовалось сосредоточить в районе Асмань, Гломаздино, Дмитриев-Льговский не менее 20—25 стрелковых дивизий, одну танковую армию и необходимые средства усиления. Этой группировке предстояло нанести удар в общем направлении на Хутор Михайловский, Стародуб, Унеча и выйти на западный берег р. Десна на участке Гремяч, Новгород-Северский. В дальнейшем следовало развивать главный удар на

Унечу и отрезать брянскую группировку противника от Гомеля, содействуя тем самым Западному и Брянскому фронтам в разгроме брянско-рославльской группировки противника. На участке Гнилое Болото, Брянцево предписывалось оставить одну общевойсковую (не более 10 стрелковых дивизий) и одну танковую армии, на участке Брянцево, Погребы – две общевойсковые армии (не менее 15 стрелковых дивизий) и одну танковую армию. Одну армию (не менее шести стрелковых дивизий) необходимо было вывести в резерв фронта в район восточнее Дмитриев-Льговский. Готовность войск к наступлению 20 августа.

16 августа Ставка ВГК своей директивой № 30168 уточнила задачу войск Центрального фронта[495]. Они должны были наступать в общем направлении на Севск, Хутор Михайловский, не позднее 1—3 сентября выйти на рубеж р. Десна южнее Трубчевска, Новгород-Северский, Шостка, Глухов, Рыльск. В дальнейшем предписывалось развивать наступление в общем направлении на Конотоп, Нежин, Киев и при благоприятных условиях частью сил форсировать р. Десна и наступать по правому ее берегу в направлении на Чернигов.

По указанию Рокоссовского штаб Центрального фронта приступил к разработке плана Черниговско-Припятской операции[496]. Замысел командующего фронтом состоял в том, чтобы нанести главный удар на новгород-северском направлении силами 65-й, 2-й танковой армий, а также частью сил 48-й и 60-й армий. Вспомогательный удар наносили остальные силы 60-й армии на конотопском направлении. Наступление планировалось начать утром 24 августа и на 15-й день операции выйти на рубеж Трубчевск, Шостка, Глухов, Рыльск. После этого войска 13-й и 48-й армий должны были перейти к обороне по Десне на участке (иск.) Трубчевск, Новгород-Северский, Чеплеевка, обеспечивая ударную группировку фронта от контрударов противника с запада и северо-запада. Ударной группировке предстояло развивать наступление в общем направлении на Глухов, Конотоп, Бахмач. В свой резерв Рокоссовский выводил 70-ю армию. При успешном развитии операции и при отсутствии угрозы контрударов противника со стороны Локоть, Комаричи армию намечалось ввести в сражение в стык между 65-й и 60-й армиями на участке Барановка, Сопыч с целью уплотнить боевые порядки 60-й армии, развить успех и на шестой день операции овладеть рубежом Степановка, Вольная Слобода, Суходол. В дальнейшем войска 70-й армии должны были развивать наступление на Глухов и выйти на рубеж Слоут, Глухов, Сварково. Если же угроза контрудара противника со стороны Локоть, Комаричи

сохранялась и невозможно было ввести в сражение 70-ю армии на этом направлении, то Рокоссовский предполагал продолжать наступление только 60-й армией, усиленной 9-м танковым корпусом для развития успеха в общем направлении на Познятовка, Глухов. На войска 2-й танковой армии, после выхода 65-й армии на рубеж Ново-Ямское, Княгинино, Морицкий, Сосница, возлагалась задача по форсированию р. Сев на участке Ново-Ямское (южнее), Севск и захвату переправ на р. Десна в районе Новгород-Северского.

План операции Рокоссовский представил 20 августа в Ставку ВГК. Он был утвержден 22 августа со следующими изменениями:

«1. 13-й армии самостоятельного прорыва не производить, а наступать во взаимодействии с левым крылом Брянского фронта, усилив за счет этой армии 48-ю армию.

2. Прорыв 48-й армии организовать на участке южнее р. Усожа с таким расчетом, чтобы иметь один общий участок прорыва с 65-й армией[497]».

Рокоссовский ясно представлял себе, насколько трудна и ответственна задача, которую должны решить войска фронта. А они еще не отдохнули после ожесточенных боев на Курской дуге, не успели восполнить потери. Требовалось их обеспечить продовольствием, боеприпасами, фуражом и горючим. Все базы и склады было приказано приблизить к войскам. Начальник тыла генерал Антипенко и его аппарат делали все возможное, чтобы в ходе наступления не допустить перебоев в снабжении. Опираясь на опыт боев на Курской дуге, Рокоссовский большие надежды возлагал на широкий маневр силами. Так как предстояло форсировать такие крупные реки, как Десна, Сож и Днепр, начальник инженерных войск генерал Прошляков получил указание создать необходимый резерв переправочных средств.

Однако к началу наступления, намеченному на 24 августа, завершить все мероприятия не удалось. Для полной подготовки войск потребовалось еще двое суток. 26 августа Центральный, Воронежский и Степной фронты после мощной артиллерийской и авиационной подготовки приступили к проведению Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции.

Противник ожидал наступления войск Центрального фронта и сразу же оказал упорное сопротивление. В полосе наступления 65-й армий оборонялись четыре пехотные дивизии (82, 251, 86 и 137-я) и части усиления 20-го армейского корпуса противника. В резерве у него здесь находились две пехотные и одна танковая дивизия. Старинный русский город Севск, располагавшийся на возвышенности, был превращен в сильный оборонительный узел. Подступы к городу простреливались огнем пулеметов и

минометов. Поэтому направление главного удара было избрано в обход города с севера. Его наносил 18-й стрелковый корпус. На этом направлении была создана плотность артиллерии в 122 орудия на 1 км фронта. Вспомогательный удар с целью охвата Севска с юга наносил 27-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. М. Черокманова.

После мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска 65-й армии перешли в атаку. Однако, преодолев две-три траншеи, они попали под сильный огонь противника и залегли. Рокоссовский в сопровождении командующих артиллерией фронта и 16-й воздушной армией немедленно выехал на наблюдательный пункт командующего армией генерала Батова, чтобы на месте разобраться в обстановке. Командующий 65-й армией доложил, что в населенных пунктах, прилегающих к опушке леса, противник заблаговременно подготовил сильные оборонительные укрепления. Почти каждое строение превращено в опорный пункт. В каждом из них под деревьями были спрятаны самоходные орудия «Фердинанд», которые совместно с пехотой своим огнем сдерживали продвижение частей армии.

– Хорошо бы уничтожить эти «фердинанды», – сказал Батов и вопросительно посмотрел на командующего 16-й воздушной армией.

– В лесу трудно их поразить, – отозвался генерал Руденко. – Будем во время боя охотиться за ними.

Рокоссовский приказал огнем артиллерии и ударами авиации разрушить вражеские укрепления и расчистить путь наступающей пехоте.

В это время поступило донесение от партизан. В нем говорилось, что в лесу сосредоточены резервы противника, которые он при необходимости использует для парирования ударов войск 65-й армии. Прочитав донесение, Рокоссовский сказал Руденко:

– Бейте немцев в этом лесу.

Командующий 16-й воздушной армией решил применить дымовые авиационные бомбы, чтобы затруднить противнику маневр в лесу и заставить его выйти на опушку. Здесь намечалось накрыть вражеские резервы ударами с воздуха.

Рокоссовский спросил:

– Дым не вреден для людей?

– Нет, – ответил Руденко, – нисколько не ядовитый.

– И все-таки, – сказал Константин Константинович, – сначала нужно пробомбить лес, а затем поставить дымовую завесу.

Для удара по лесному массиву были выделены две авиационные бомбардировочные дивизии. После их налета один

из авиационных полков сбросил на лес дымовые бомбы. Противник, как свидетельствует С. И. Руденко, вынужден был выйти из леса. В это время стрелковые части 65-й армии возобновили наступление и отбросили врага.

Первыми реку Сева преодолели части 69-й стрелковой дивизии. Ей на помощь по приказу командующего 65-й армией была направлена 60-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Кляро. К утру 27 августа плацдарм на западном берегу был расширен по фронту до 20 км и в глубину до 10 км. В тот же день части 60-й, 193-й (полковник Ф. Н. Жабреев) стрелковых дивизий при поддержке 103-й танковой и 68-й пушечной артиллерийской бригад освободили Севск.

Немецкое командование понимало, какую опасность представляет для него быстрое продвижение 65-й армии. 27 августа в район Севска из 9-й армии и резерва были переброшены две пехотные и две танковые дивизии. Генерал Батов вынужден был принять решение о временном переходе к обороне и о переброске всех резервов на помощь 18-му стрелковому корпусу. К угрожаемому участку подтягивались части 2-й танковой армии, которые должны были разгромить контратакующую группировку врага. Но Рокоссовский принял иное решение. Вечером 28 августа он сообщил Батову:

– Танки перебрасываю 60-й армии.

– А мы одни остаемся, товарищ командующий?

– Черняховский вырвался вперед на тридцать километров, а вы завязли в тактической глубине. Понимаете это? Там большой успех.

– Но противник непрерывно наносит крупными силами контратаки нам по флангу…

– Знаю. Сдерживай! Получишь для этого корпус Самарского. А танки забираю сейчас же.

Действительно, в полосе наступления 60-й армии события развивались стремительно. 27 августа генерал Черняховский для развития оперативного успеха ввел в сражение 9-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Г. С. Рудченко. Он совместно с частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Н. И. Бондарева при поддержке огня артиллерии и ударов авиации начал быстрое продвижение вперед. В результате своевременного ввода новых сил войска 60-й армии преодолели промежуточный рубеж обороны противника, продвинувшись к исходу 27 августа более чем на 15 км.

Генерал армии П. И. Батов впоследствии отмечал: «Нелегко было расставаться с таким соседом, как танковая армия. Но мы действовали в системе фронта. Командарм обязан чувствовать

фронтовой замысел, быть готовым в нужный момент отдать все, понимая, что и тебе при соответствующей обстановке окажут поддержку. Успех 60-й армии, примыкавшей к нашему левому флангу, был неожиданностью. Черняховский имел меньше сил, чем мы. Но оказалось, что противник в разгар боев под Понырями снял с участка против 60-й армии значительные силы. Это был большой просчет вражеского командования, которым искусно воспользовался Иван Данилович Черняховский. Он создал в ходе наступления из стрелковых дивизий подвижные группы, собрав для них весь автотранспорт армии, и на второй день вывел войска на оперативный простор[498]».

Рокоссовский, стремясь использовать успех войск 60-й армии, приказал ввести в прорыв свой резерв – 13-ю армию генерала Н. П. Пухова. На это же направление были направлены 4-й артиллерийский корпус прорыва и главные усилия 16-й воздушной армии. Это вынудило противника ослабить сопротивление перед войсками 65-й армии, которые через Брянские и Хинельские леса устремились вперед, создавая вместе с соседями угрозу окружения вражеской группировки западнее реки Сев. 30 августа часть сил 70-й гвардейской стрелковой дивизии (полковник И. А. Гусев), 23-я танковая бригада (полковник М. С. Демидов) 9-го танкового корпуса при поддержке 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва (генерал-майор артиллерии Г. В. Годин) и 6-го смешанного авиационного корпуса (генерал-майор авиации И. Д. Антошкин) 16-й воздушной армии заняли город Глухов. На следующий день части 121-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Ладыгина вступили в Рыльск. К этому времени 60-я армия продвинулась на 60 км, расширив прорыв по фронту до 100 км!

В полосе действий войск Южного и Юго-Западного фронтов, проводивших Донбасскую операцию, события развивались следующим образом. 13 августа из района южнее Змиева перешли в наступление соединения 1-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Кузнецова, а 16 августа из района Изюма – главная группировка Юго-Западного фронта – 6-я (генерал-лейтенант И. Т. Шлемин) и 12-я (генерал-майор А. И. Данилов) армии, которые к исходу дня продвинулись на 2,5—3,5 км. 18 августа войска 1-й гвардейской армии овладели Змиевом. Однако в центре полосы Юго-Западного фронта наступление развивалось медленно. 22 августа была введена в сражение из второго эшелона фронта 8-я гвардейская армия (генерал-лейтенант В. И. Чуйков) с 23-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами. 18 августа началось наступление войск Южного фронта. 5-я ударная (генерал-лейтенант В. Д. Цветаев) и 2-я

гвардейская (генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров) армии в течение дня вклинились в оборону противника на р. Миус до 10 км. 4-й гвардейский механизированный корпус, введенный в прорыв в полосе 5-й ударной армии, к исходу 19 августа продвинулся на запад до 20 км, форсировал р. Крынка и захватил плацдарм на ее правом берегу. Развивая наступление на Амвросиевку, войска Южного фронта расчленили немецкую 6-ю армию на две части. Подвижная группа фронта (4-й гвардейский механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса) нанесла удар из района Амвросиевки на юг, чтобы отрезать пути отхода таганрогской группировке врага.

Успешные действия войск Центрального, Южного и Юго-Западного фронтов вызвали опасения у германского командования. 27 августа в Виннице, в ставке Гитлера «Вервольф», состоялось совещание. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, ссылаясь на большие потери и на то, что советское командование постоянно вводит в сражение новые боеспособные дивизии, сказал, что войска группы армий не в состоянии удержать Донбасс. Еще большая опасность для всего южного фланга Восточного фронта создалась на северном фланге группы армий «Юг». Ее 8-я и 4-я танковая армии с трудом сдерживали натиск советских войск в направлении к Днепру.

«Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу, – отмечал впоследствии Манштейн, – *или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других спокойных участков фронта,* – *или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы. Гитлер, который вел это совещание в очень деловом тоне, хотя и пытался углубиться, как всегда, в технические подробности, все же согласился с тем, что группа «Юг» требует серьезной поддержки. Он обещал, что даст нам с фронтов групп «Север» и «Центр» все соединения, какие можно только оттуда взять. Он обещал также выяснить в ближайшие дни возможность смены ослабленных в боях дивизий дивизиями с более спокойных участков фронта. Уже в ближайшие дни нам стало ясно, что дальше этих обещаний дело не пойдет*[499]».

Тем временем войска Центрального фронта наращивали успех. 1 сентября генерал И. Д. Черняховский приказал своим войскам перейти к преследованию отходящего противника во всей полосе армии. Главный удар командарм наносил в юго-западном направлении на Конотоп, Бахмач. К исходу того же дня 9-й танковый корпус овладел городом Кролевец, а 2 сентября 112-я стрелковая дивизия полковника А. В. Гладкова во

взаимодействии со 150-й танковой бригадой подполковника С. И. Угрюмова при содействии авиации 16-й воздушной армии заняли старинный украинский город Путивль. Успешно шло продвижение и левофлангового 30-го стрелкового корпуса генерала Г. С. Лазько. Широко используя подручные средства, части 141-й стрелковой дивизии полковника С. С. Рассадникова в ночь на 2 сентября форсировали р. Сейм и, совершив обходной маневр, в 6 часов 30 минут 3 сентября освободили город Белополье.

Рокоссовский, стремясь нарастить успех, своевременно усилил 60-ю армию свежими соединениями. Генерал Черняховский получил 7-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск И. П. Корчагина, 77-й стрелковый корпус генерал-майора П. М. Козлова и 18-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. М. Афонина. Ставка ВГК, учитывая успешное продвижение войск Центрального фронта, передала ему из своего резерва с 24 часов 6 сентября 61-ю армию генерала П. А. Белова. Ей предстояло к утру 11 сентября сосредоточиться в районе Рыльска.

И. Д. Черняховский, наращивая усилия, выдвинул в первый эшелон 77-й стрелковый корпус. Его части форсировали Сейм и, сломив ожесточенное сопротивление врага, овладели 6 сентября в 14 часов 30 минут городом Конотоп. Большую помощь им оказали соединения 16-й воздушной армии и 2-й гвардейский авиационный корпус дальнего действия генерал-майора авиации Е. Ф. Логинова.

Быстрое продвижение войск 60-й армии на конотопском направлении способствовало и успеху на участках 65-й, а затем и 48-й армий. Теперь весь Центральный фронт двинулся вперед. Опрокидывая противника, 65-я армия генерал-лейтенанта П. И. Батова с каждым днем наращивала темпы наступления. Ее войска преодолели Брянские и Хинельские леса и к 5 сентября продвинулись на 125 км. В тесном взаимодействии с левофланговыми соединениями 65-й армии и правым флангом Брянского фронта наступала 48-я армия.

Э. фон Манштейн, сомневаясь в том, что получит обещанные подкрепления, направил 7 сентября в Генеральный штаб сухопутных войск телеграмму с изложением обстановки, создавшейся в полосе группы армий «Юг». *«Я указал на то,* – вспоминал он, – *что противник ввел в бой против нашей группы уже 55 дивизий и 2 танковых корпуса, взятые им не из резервов, а в значительной части с других участков Восточного фронта, кроме того, новые части были еще на подходе. Я еще раз потребовал срочных кардинальных мер от ОКХ* (Генеральный штаб сухопутных

войск. – *Авт.*) *для того, чтобы мы смогли удержать фронт на участке нашей группы».*

Беспокойство Манштейна наконец-то было воспринято Гитлером. 8 сентября он прибыл в штаб группы армий «Юг» в Запорожье, куда были вызваны командующий группой «А» генерал-фельдмаршал фон Клейст и генерал-полковник Руофф, 17-я армия которого все еще находилась на Кубани.

На этом совещании Манштейн еще раз указал на серьезность положения:

– Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, предлагаю немедленно отвести группу «Центр» на рубеж Днепра. В результате этого ее фронт сократится на одну треть, что позволило бы сосредоточить наконец достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта.

Гитлер, в принципе согласившись с необходимостью отвода северного фланга группы армий «Юг» на рубеж Мелитополь – Днепр, все-таки надеялся избежать этого путем подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий. «Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для стабилизации обстановки, – пишет Манштейн, – которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы «Центр» путем отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще, отход на промежуточный рубеж дальше на *восток* (так в оригинале. По смыслу должно быть: на запад. – *Авт.*) был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил[500]».

В то же время Гитлер, не решаясь на такое большое мероприятие, каким было предложенное Манштейном сокращение линии фронта, занимаемого группой армий «Центр», все-таки признавал необходимость сильного укрепления группы армий «Юг». Поэтому он решил, что группа армий «Центр» немедленно выделит один корпус в составе двух танковых и двух пехотных дивизий на стык между нею и 4-й танковой армией. Этим намечалось предотвратить опасность охвата северного

фланга группы армий «Юг». Кроме того, Гитлер согласился с требованием Манштейна подтянуть еще 4 дивизии для обеспечения переправ через Днепр, а также решил в целях высвобождения сил оставить кубанский плацдарм, потерявший уже давно всякую оперативную ценность.

Войска Центрального фронта, развивая наступление, вышли к Десне, которую противник пытался использовать как рубеж обороны. Рокоссовский принял меры к тому, чтобы не дать врагу закрепиться на Десне. Он приказал войскам 65-й армии ускорить продвижение, с ходу форсировать реку и во взаимодействии с 48-й армией овладеть Новгород-Северским. На 13-ю армию, также вышедшую к Десне, была возложена задача – наступать вдоль левого берега реки и форсировать ее южнее Чернигова, чтобы после двинуться к Днепру, преодолеть его с ходу и захватить плацдарм на западном берегу в районе Чернобыль, устье р. Тетерев.

Ставка ВГК, стремясь активизировать наступательный порыв солдат и офицеров, издала 9 сентября директиву № 30187:

«*В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград. Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных рекам Десна и Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск.*

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как река Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам:

1. Командующих армиями – к ордену Суворова 1-й степени.

2. Командиров корпусов, дивизий, бригад – к ордену Суворова 2-й степени.

3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов – к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза… [501]».

В полосе наступления 65-й армии на Десне занимали оборону части 20-го армейского и 55-го танкового корпусов вермахта.

В ближайшем тылу здесь находился подвижный резерв в составе 33-го механизированного полка и до 30 танков. Оборонительные сооружения на Десне возводились противником начиная с июля. Густая сеть наблюдательных пунктов, связанных с артиллерийскими и минометными батареями, чрезвычайно затрудняла ведение разведки, а затем и форсирование реки, ширина русла которой доходила до 170 метров. Противник создал в Новгород-Северском огневую систему и простреливал всю широкую пойму на север и на юг. Позиции боевого охранения были вынесены на острова. На противоположном крутом берегу в траншеях располагались пехота и пулеметные гнезда, на скатах высот – орудия. В городе было сосредоточено несколько батарей шестиствольных минометов. Командующий 65-й армией, учитывая характер вражеской обороны, принял решение форсировать реку на широком фронте силами двух корпусов. Однако попытка 18-го стрелкового корпуса захватить 8 сентября переправы у Свердловки не увенчалась успехом. На правом фланге армии в районе Остроушки, Погребки, южнее Новгород-Северского, к Десне в это время вышли части 19-го стрелкового корпуса. Для его поддержки были переброшены два дивизиона гвардейских минометов из армейской артиллерийской группы.

В ночь на 9 сентября через Десну переправились разведывательные группы. Противник открыл сильный огонь, пытаясь помешать форсированию реки. Однако гвардейские минометы быстро подавили вражеские орудия. Передовые отряды корпуса начали переправу на лодках, плотах из бревен и железных бочек. К утру 9 сентября главные силы двух полков 162-й стрелковой дивизии переправились через Десну. Наступавшая левее 140-я Сибирская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. Я. Киселева форсировала реку на подручных средствах двумя батальонами. Они выбили противника из прибрежного села Чулатово и обеспечили переправу остальных частей. Противник предпринял ожесточенные контратаки, пытаясь сбросить в реку переправившиеся части. Генерал Батов вызвал на помощь авиацию, которая ударами с воздуха остановила пехоту и танки противника. Во второй половине дня на плацдарм переправилась 106-я Забайкальская стрелковая дивизия, затем туда была переброшена 354-я стрелковая дивизия. В результате удалось сковать крупные силы врага и облегчить форсирование Десны частям 18-го стрелкового корпуса. В ночь на 10 сентября они ликвидировали предмостное укрепление противника под Свердловкой и начали подготовку к переправе. В три часа утра 12 сентября корпус форсировал Десну, а в пять часов утра 15 сентября на западный берег реки переправился и

27-й стрелковый корпус.

Противник, опасаясь окружения, начал отход от плацдарма, занимаемого частями 19-го стрелкового корпуса. Вскоре Десну форсировала 102-я стрелковая дивизия 48-й армии, примыкавшая к правому флангу 65-й армии. 16 сентября части 19-го стрелкового корпуса и 14-я инженерно-саперная бригада 65-й армии, 102-я стрелковая дивизия и 193-й отдельный танковый полк 48-й армии освободили Новгород-Северский.

Успешно развивалось наступление и на левом крыле Центрального фронта. Однако действия войск на этом направлении сдерживали соединения 38-й армии Воронежского фронта, которые значительно отстали. Это вынуждало левофланговые дивизии Центрального фронта поворачиваться на юг, растягивая свой фронт вместо того, чтобы развивать успешное наступление на запад. Сталин, недовольный действиями 38-й армии, в шесть часов вечера 12 сентября потребовал от маршала Жукова принять меры по ускорению продвижения правого крыла Воронежского фронта, особенно войск 38-й армии.

Войска 60-й армии успешно продвигались на Нежин. По данным авиаразведки, противник подтягивал в район Нежина свежие резервы и одновременно усиливал и свою авиационную группировку. Бомбардировщики врага стали чаще наносить удары по наступающим частям 60-й армии. Для того чтобы нейтрализовать действия немецких бомбардировщиков, на нежинское направление были направлены группы истребителей 16-й воздушной армии. В районе Нежина разгорелись особо упорные воздушные бои.

Противник, стремясь задержать наступление войск 60-й армии и помочь своей нежинской группировке удержать последний опорный пункт на подступах к Днепру и Киеву, оказывал упорное сопротивление. В течение двух дней шли ожесточенные бои на земле и воздухе. 15 сентября 280-я стрелковая дивизия генерал-майора Д. Н. Голосова из 77-го стрелкового корпуса, 7-й гвардейский механизированный корпус 60-й армии при поддержке 16-й воздушной армии освободили Нежин. *«Войска Центрального фронта, продолжая наступление,* – отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего, – *сегодня, 15 сентября, после двухдневных ожесточенных боев овладели крупным железнодорожным узлом и городом Нежин – важнейшим опорным пунктом обороны немцев на путях к Киеву. В боях за Нежин отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского…* [502]»

В Москве в честь войск, освободивших Нежин, прозвучал салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Войска Воронежского фронта к этому времени активизировали свои действия. Они рассекли немецкие войска на отдельные изолированные группы, которые частью начали отходить к киевским переправам, а частью – к переправам у Канева (южнее Киева). В результате были созданы условия для окружения этих групп по частям восточнее Киева. Особенно удобное для этого положение занимала левофланговая 60-я армия Центрального фронта. Она не соприкасалась с противником и опережала правофланговые армии Воронежского фронта на 100—120 км, что давало ей возможность нанести удар на юг во фланг и в тыл группировке противника, сдерживавшей наступление правофланговой 38-й армии Воронежского фронта.

Но эту возможность реализовать не удалось. Во второй половине сентября Сталин отодвинул разграничительную линию между Центральным и Воронежским фронтами к северу. В результате Киев, на который нацеливалась 60-я армия Центрального фронта, отошел в полосу Воронежского фронта. *«Я счел своим долгом позвонить Сталину,* – вспоминал Рокоссовский. – *Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости*[503]».

Не будем и мы строить догадки, кто был действительным автором этого решения и какими соображениями (будем надеяться, что оперативными) оно было продиктовано. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков этой темы не касается.

Генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, пытаясь спасти свои войска, еще 15 сентября отдал приказ об их отводе на линию Мелитополь – Днепр (до района выше Киева) – Десна. Необходимо было не дать противнику возможности закрепиться на противоположном берегу Днепра. Об этом шла речь между командующими Центральным фронтом и 60-й армией в Нежине, куда Рокоссовский приехал, чтобы лично поблагодарить генерала Черняховского. Вот что пишет Константин Константинович об этом: *«Я побывал у Черняховского после того, как его войска освободили Нежин. Солдаты и офицеры переживали небывалый подъем. Они забыли про усталость и рвались вперед. Все жили одной мечтой – принять участие в освобождении столицы Украины. Такое настроение, конечно, было и у Черняховского. Все его действия пронизывало стремление быстрее выйти к Киеву. И он многого достиг. Войска 60-й армии, сметая на своем пути остатки разгромленных вражеских дивизий, двигались стремительно, они*

уже были на подступах к украинской столице[504]».

Генерал Черняховский, обращаясь к Рокоссовскому, сказал:

– Товарищ командующий, на мой взгляд, сейчас очень важно не дать противнику закрепиться на высоком западном берегу Днепра. – Мы готовы совершить обход. Неплохо бы силами 60-й и 13-й армий ударить во фланг вражеской группировке, которая сдерживает правое крыло Воронежского фронта, а затем с ходу захватить Киев.

– Иван Данилович, на это необходимо получить разрешение Ставки.

– Но время не терпит. И я прошу вас разрешить нам в подготовительных целях занять выгодный рубеж в районе Прилуки, за нашей разграничительной линией, в полосе наступления Воронежского фронта.

– Подменять соседей? – Константин Константинович задумался. – Это дело очень тонкое. Надо переговорить с ними.

– Подоспеют соединения Ватутина – передадим им город в сохранности. Пока в Прилуках только тылы противника, но если запоздаем – он перебросит туда крупные силы, и тогда нам придется нести неоправданные потери.

Рокоссовский согласился с Черняховским.

Наступление шло успешно. В ночь на 19 сентября войска Центрального фронта форсировали Десну юго-западнее Чернигова, а 21 сентября освободили этот древний город. Впереди был Днепр. Противник считал, что войска Центрального фронта не решатся форсировать Днепр с ходу. Командующий 4-й танковой армией генерал Грезер ориентировал командиров дивизий на то, что форсирование такой крупной водной преграды возможно только на паромах и при помощи специально сооруженных для этой цели понтонных мостов. По его расчетам, для этого потребуется не менее месяца. В этом он серьезно просчитался.

Форсирование всегда являлось сложным видом боевых действий, а тем более преодоление такой водной преграды, как Днепр. В верховьях (от истока до г. Дорогобужа) река течет в низменных, частично заболоченных и покрытых преимущественно сосновыми, кое-где березовыми или еловыми, лесами берегах, ниже (до г. Шклова) – среди холмистой местности. Долина реки здесь узка (0,5 —1 км), пойма местами отсутствует. В районе несколько выше г. Орши находятся Кобелякские пороги. На участке Могилев – Киев долина реки становится более широкой, пойма достигает 14 км ширины и обычно покрыта заливными лугами, зарослями кустарников, сосново-широколиственными лесами. Почти на всем протяжении среднего течения долина

Днепра широкая (6—18 км), характеризуется наличием древних террас (особенно по левобережью). Правый берег возвышен и круто обрывается к реке.

Форсирование водной преграды с ходу, по опыту военных действий, всегда обеспечивало высокие темпы наступления и создавало условия для быстрого переноса усилий на противоположный берег. В классическом понимании форсирование водной преграды в ходе наступления включает: уничтожение обороняющегося противника перед водной преградой; выход к ней передовых частей и захват с ходу плацдармов; преодоление водной преграды главными силами и развитие наступления на противоположном берегу. Форсирование заканчивается захватом передовыми частями рубежа обороны противника, удаленного от водной преграды на такое расстояние, которое исключает обстрел переправ огнем его полевой артиллерии.

Подготовка к форсированию водной преграды в ходе наступления осуществляется при организации наступательной операции (боя). Она включает: принятие решения командующим (командиром) и постановку задач войскам на форсирование, планирование форсирования, всестороннее обеспечение войск, организацию взаимодействия, подготовку войск и исходных районов для форсирования (когда это необходимо), организацию комендантской, спасательной и эвакуационной служб. Основные мероприятия по форсированию отражаются в решении командующего (командира) и в плане операции, где кроме обычных вопросов предусматриваются: порядок поражения противника при подготовке и осуществлении форсирования, а также в ходе развития наступления на противоположном берегу; участки форсирования, способы и порядок форсирования передовыми отрядами, частями (подразделениями) первого эшелона дивизий, последовательность переправы остальных войск, распределение переправочных средств и другие вопросы. На основе решения штаб армии (корпуса, дивизии, части) составляет график переправы.

Задачи на форсирование в ходе наступления уточняются войскам при их подходе к водной преграде с таким расчетом, чтобы создать нужную группировку сил и средств, не останавливая наступления. При постановке задач соединениям, частям и подразделениям указываются участки форсирования, боевые задачи на противоположном берегу, исходные рубежи для форсирования, районы герметизации танков, исходные районы для второго эшелона и резерва и другие данные. Количество и ширина участков форсирования, а также количество и вид

переправ зависят от характера водной преграды и обороны противника, наличия переправочных средств, возможности подавления противника и установленного порядка переправы войск.

Форсирование водной преграды с ходу осуществляется обычно на широком фронте после нанесения по противнику огневых ударов всеми имеющимися средствами поражения. Передовые отряды, а иногда и авангарды должны захватить мосты и имеющиеся переправы или форсировать водную преграду на своих средствах, а затем решительными действиями уничтожать противника, обеспечивая форсирование войсками первого эшелона. Наводка мостов осуществляется обычно после захвата передовыми отрядами или авангардами противоположного берега и выхода их на удаление, обеспечивающее безопасность работ. Части и подразделения второго эшелона или резерва соединения по мере подхода к водной преграде на своих средствах или по наведенным мостам переправляются на противоположный берег в готовности к развитию наступления. Успех форсирования с ходу определяют: тщательная разведка водной преграды; своевременное уточнение решения и задач войскам на форсирование; быстрое уничтожение противника на подступах к водной преграде и на противоположном берегу; своевременное выдвижение в районы форсирования переправочных средств; умелые действия передовых отрядов и авангардов.

Все это классика военного искусства. Рокоссовский ее хорошо знал, ибо до начала войны неоднократно отрабатывал вопросы, связанные с форсированием водных преград. Однако обстановка не всегда позволяет осуществить все необходимые подготовительные к форсированию мероприятия, да и переправочных средств не всегда хватало, а потому приходилось использовать подручные средства. Но, независимо от этого, как мы увидим, Рокоссовский довольно успешно справился с решением такой трудной задачи, как форсирование Днепра.

Первыми его с ходу форсировали передовые отряды 13-й армии генерал-лейтенанта Н. П. Пухова. *«Форсирование Днепра началось в ночь на 22 сентября,* – вспоминал Пухов. – *Картина этой переправы поистине незабываема. На лодках, паромах и плотах переправляли людей, орудия, пулеметы, боеприпасы. Все неудержимо стремилось на западный берег. Первыми достигли того заветного берега разведчики – сержант Сухарев и младший сержант Лысанов. Они отыскали места, удобные для высадки войск, добыли ценные сведения об обороне противника и вернулись обратно. Когда началась переправа передовых отрядов, Сухарев и*

Лысанов чувствовали себя на Днепре подлинными хозяевами. Тридцать шесть часов без сна и отдыха работали отважные разведчики, быстро и бесшумно переправляя людей на правый берег. За этот подвиг им было присвоено звание Героя Советского Союза[505]».

На следующий день соединения 13-й армии продвинулись на запад от Днепра на 35 км и захватили плацдарм на правом берегу Припяти. К этому времени южнее к Днепру вышли части 60-й армии. На рассвете 24 сентября, когда над рекой еще лежал туман, передовые отряды 60-й армии на плотах и рыбачьих лодках двинулись к правому берегу Днепра. Противник открыл по ним огонь из всех видов оружия. Несмотря на это, воины армии уверенно продвигались к противоположному берегу. Выйдя на берег, они сразу же вступали в бой, стремясь расширить захваченные плацдармы. На следующий день противник начал подтягивать подкрепления, чтобы сбросить в реку передовые отряды 60-й армии. Тяжелое положение создалось на участке форсирования 75-й гвардейской Бахмачской стрелковой дивизии генерал-майора В. А. Горишного. Он обратился к командарму с просьбой приостановить атаки и перейти к обороне. Однако генерал Черняховский приказал принять меры к расширению плацдарма. Одновременно он распорядился поддержать дивизию огнем артиллерии, а сам на лодке переправился на правый берег Днепра, чтобы на месте разобраться в обстановке.

Артиллерия, находившаяся на левом берегу Днепра, поставила неподвижный заградительный огонь впереди и на флангах частей генерала Горишного. Все попытки противника сбросить высадившиеся части обратно в Днепр успеха не имели. Плацдарм не только удержали, но и расширили. Вскоре генерал Горишный доложил об успешном захвате второго плацдарма в районе восточнее села Глебовка.

Армии правого крыла Центрального фронта (48-я и 65-я), наступавшие на гомельском направлении, вышли к р. Сож и овладели двумя небольшими плацдармами на ее правом берегу. К концу сентября войска Центрального фронта отразили контратаки, закрепились на захваченных плацдармах на реках Днепр, Припять, Сож и продолжали борьбу за их расширение.

Советские войска стремились не допустить отхода врага за Днепр, но не смогли. Манштейн вспоминал: «Противнику не удалось сорвать сосредоточения войск у немногих переправ через реку или отрезать их от этих переправ. Несмотря на его численное превосходство, он не сумел использовать благоприятной обстановки, которую создавало для него стягивание наших войск к переправам, для того чтобы

форсировать Днепр крупными силами в стороне от этих переправ и тем самым не допустить создания намеченной оборонительной линии по ту сторону реки. То, что он захватил на нескольких участках плацдармы на противоположном берегу реки, при нехватке сил с нашей стороны нельзя было предотвратить[506]».

Командующий группой армий «Юг» счел своим долгом поблагодарить войска, которые отошли за Днепр. В приказе от 29 сентября генерал-фельдмаршал Манштейн отмечал:

«СОЛДАТЫ ГРУППЫ АРМИЙ «ЮГ»!

После многонедельных тяжелых наступательных и оборонительных боев армии группы армий отведены за Днепр, чтобы здесь на выгодной позиции снова остановить противника.

Противник, которого вы постоянно громили на голову в обороне и контрударах, не смог воспрепятствовать этому движению. Он смог лишь выиграть территорию ценой потерь, во много раз превышающих наши.

В том, что этот отход удался, через немногие переправы были вывезены огромные припасы, а все необходимые для противника военные объекты разрушены, заслуга всех войск, которые даже в критической обстановке храбро исполняя приказы своих командиров, отражали благодаря боевому умению численно намного превосходящего противника.

Проведение этой особо сложной операции является блестящим свидетельством военного искусства командиров и особенно работы штабов.

Выношу благодарность командованию и войскам за выдающиеся подвиги во время гигантского оборонительного сражения, проведенного этим летом.

То, что врагу, несмотря на его силы, не удалось нам помешать сделать то, что мы хотели, исходя из общей обстановки, является для нас залогом того, что мы выполним и новые задачи[507]».

Манштейн, говоря о военном искусстве своих командиров, был прав. Они сумели своевременно и организованно отвести свои войска и спасти их от полного разгрома. Но командующий группой армий «Юг» забыл упомянуть, что к отходу их вынудило успешное наступление советских войск. В ходе Черниговско-Припятской операции генерал армии К. К. Рокоссовский в очередной раз продемонстрировал, что он является мастером маневра. Он своевременно и быстро реагировал на изменения обстановки, переносил главные усилия фронта с одного на другое направление, где обозначился успех. Все это позволяло наращивать силу удара, вынуждая противника расходовать резервы и латать дыры на различных участках фронта. Войска генерала Рокоссовского продвинулись до 300 км на запад со

средним темпом наступления 10 км в сутки. Они захватили ряд плацдармов, имевших большое значение для последующей борьбы за освобождение Белоруссии и Правобережной Украины.

После захвата плацдармов на правом берегу Днепра появилась реальная возможность для быстрейшего овладения Киевом. В первом часу ночи 28 сентября представителю Ставки ВГК маршалу Жукову и командующему Воронежским фронтом генералу Ватутину была направлена директива Ставки ВГК, которая требовала: *«…Прочно закрепив за собой плацдармы на правом берегу р. Днепр, нанести удар в общем направлении на Кагарлык, Фастов, Брусилов и во взаимодействии с левым крылом Центрального фронта разгромить киевскую группировку противника и овладеть городом Киев. Не позднее 7 октября выйти на фронт Ставище, Брусилов, Фастов, Белая Церковь. К 10 октября, не прекращая дальнейшего хода операции, принять от Центрального фронта 13-ю и 60-ю армии и установить с ними к этому времени надежную связь*[508]».

Командующему Центральным фронтом ставилась следующая задача: *«…Силами левого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Чернобыль, Иванков, Радомышль и во взаимодействии с войсками Воронежского фронта разгромить киевскую группировку противника, овладеть городом Киев и не позднее 7 октября выйти на фронт Каганович, Малин, Радомышль. По выходе на указанный рубеж, не прекращая дальнейшего хода операции, к 10 октября передать 13-ю и 60-ю армии в состав войск Воронежского фронта*[509]». Одновременно Сталин потребовал от представителей Ставки ВГК маршалов Жукова и Василевского, командующих войсками Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов ликвидировать в ближайшее время все плацдармы, находившиеся еще в руках противника на левом берегу р. Днепр.

Для успешного решения всех этих задач требовались дополнительные силы. Однако неожиданно Г. К. Жуков получил от заместителя начальника Генштаба генерал-полковника А. И. Антонова уведомление, что 69-я армия генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина отправляется в резерв Ставки ВГК, а 8-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова остается в составе Юго-Западного фронта. Кроме того, стало известно, что 5-я гвардейская танковая армия выйдет в район Днепра не ранее 15 октября. Это вызвало беспокойство у Георгия Константиновича, так как командующий Степным фронтом генерал армии И. С. Конев был лишен возможности создать на своем правом крыле сильную ударную группировку для обхода Киева. Жуков в этой связи сообщил 28 сентября Сталину:

«…1. Если мы не создадим на правом крыле Конева крупную группировку с включением в эту группировку 69 А, одной армии от Малиновского, не передадим Коневу двух танковых корпусов Юго-Западного фронта, одобренный Вами план осуществить будет невозможно. Прошу 69 А передать Коневу и произвести перегруппировку сил от Юго-Западного фронта к Коневу для флангового удара согласно плану.

2. Чистякова (командующий 6-й гвардейской армией. – *Авт.*) *прошу оставить у Ватутина, т. к. на его левом фланге очень жидкая группировка и большего удара она провести не сможет.*

Армии Пухова (командующий 13-й армией. – *Авт.) и Черняховского прошу передать не позднее 1.10.1943 г. с тем, чтобы захват Киева и киевского плацдарма осуществлял один командующий, а не два. Привлекать для разгрома киевской группировки Белова* (командующий 61-й армией. – *Авт.*) *нецелесообразно, т. к. это только ослабит удар против центральной группировки противника, а против киевской группировки противника с севера хватит армий Пухова, Черняховского и Чибисова. Кроме того, если Белов будет сейчас с центрального направления уведен под Киев, то вытягивание его вновь на бобруйское направление потребует много времени и затянет выполнение намеченного плана*[510]».

Однако Сталин думал иначе. Около полуночи 28 сентября он сообщил Жукову:

*«Чистяков и Крюченкин останутся в резерве Ставки, причем Чистяков будет направлен в район Торопца, а Крюченкин должен остаться в районе Харькова. Я считаю, что Воронежский и Степной фронты могут обойтись без них, а Ставка не может обойтись без мини*мума резервов.

До ликвидации запорожского плацдарма с Юго-Западного фронта нецелесообразно брать силы для усиления Степного фронта. Если к 3 – 5.10 запорожский плацдарм будет ликвидирован, Степной фронт может рассчитывать на получение от Юго-Западного фронта одного или двух танковых корпусов и кое-каких стрелковых соединений, о чем будет специально сообщено. Передача Черняховского и Пухова в состав Воронежского фронта будет произведена не позднее 10 октября. Что же касается увязки действий левого крыла Центрального фронта и правого крыла Воронежского фронта по овладению Киевом, это дело Ставка поручает Вам[511]».

29 сентября маршал Жуков и командующий Воронежским фронтом получили директиву Ставки ВГК № 30203 на развитие наступления в направлении Винницы. В соответствии с директивой фронт должен был к 24 часам 2 октября передать в

состав войск Степного фронта 4-ю гвардейскую и 52-ю армии, приняв к 10 октября от Центрального фронта 13-ю и 60-ю армии. *«Задача войск Воронежского фронта: после выхода на фронт Ставище, Фастов, Белая Церковь продолжать наступление главными силами в общем направлении Бердичев, Жмеринка, Могилев-Подольский,* – говорилось в директиве, – *прочно обеспечивая себя со стороны Ровно, а часть сил использовать для ликвидации киевской группировки противника во взаимодействии с левым крылом Центрального фронта. На сарненское направление выделить отдельную группу войск. Ближайшая задача войск фронта овладеть рубежом Овруч, Коростень, Житомир, Бердичев, Казатин и в дальнейшем выйти на фронт р. Случь, Славута, Проскуров, Могилев-Подольский*[512]».

Ко времени издания этой директивы войска 60-й армии Центрального фронта твердо удерживали в своих руках плацдарм на противоположном берегу Днепра глубиной до 12—15 км и шириной до 20 км. Рокоссовский приказал командующему армией генералу Черняховскому углубить захваченный район, наступая на запад и юго-запад в обход Киева. Однако командарм принял иное решение, которое, как оказалось впоследствии, было ошибочным. Вот что пишет по этому поводу Константин Константинович: «…Командарма, словно магнит, притягивал Киев. И он главный удар направил на юг, вдоль Днепра. Черняховский упустил из виду, что противнику легче всего было организовать отпор как раз на этом направлении, чему способствовали и особенности местности, и близость города, откуда враг бросал в бой все силы, какие там только имелись. Стремление Черняховского продвинуться ближе к Киеву помешало армии углубить плацдарм. Несколько дней было потеряно в бесплодных атаках. Враг воспользовался этой задержкой, подтянул силы на угрожаемое направление и остановил продвижение наших частей. Не удалось расширить плацдарм и вдоль берега[513]».

1 октября Ставка ВГК окончательно определила задачи войскам Центрального фронта. Директива № 30208 гласила:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Центральному фронту после овладения совместно с Воронежским фронтом районом Киева к 10 октября передать в состав Воронежского фронта 13-ю армию в составе восьми стр. дивизий и 60-ю армию в составе девяти стр. дивизий (без 7-го гв. мехкорпуса) и к этому же времени принять от Брянского фронта 50-ю армию в составе семи стр. дивизий, 3-ю армию в составе семи стр. дивизий, 63-ю армию в составе восьми стр. дивизий и 2-й гв. кавкорпус. Армии передать и принять со всеми средствами

усиления, армейскими тыловыми частями, учреждениями и наличными запасами.

2. Задача войск Центрального фронта:

нанося главный удар в общем направлении Жлобин, Бобруйск, Минск, разгромить жлобинско-бобруйскую группировку противника и овладеть столицей Белоруссии Минском. Выделить отдельную группу войск для наступления по северному берегу р. Припять в направлении Калинковичи, Житковичи.

Ближайшая задача – овладеть рубежом Быхов, Жлобин, Калинковичи, в дальнейшем выйти на фронт Минск, Слуцк, р. Случь.

3. Справа – Западный фронт наступает в общем направлении Орша, Борисов, Молодечно…

Слева – Воронежский фронт овладевает районом Киева и наступает правым крылом в общем направлении Коростень, Ровно…

5. Получение директивы подтвердить. План операции по этапам и срокам представить к 5 октября[514]».

Итак, войска Центрального фронта, внесшие значительный вклад в разгром противника и обеспечение успешного продвижения на киевском направлении, были повернуты на другое – гомельское направление. Это поставило Рокоссовского и его штаб перед серьезными проблемами. И одной из самых сложных оказалась необходимость переброски на новое направление всего тылового хозяйства. За два предыдущих месяца наступления основные базы, склады, ремонтные пункты были сосредоточены вдоль железной дороги Курск – Льгов – Конотоп – Бахмач. Теперь же это огромное хозяйство следовало переместить севернее, что требовало и времени, и значительных сил.

Рокоссовский видел, что войска 48-й и 65-й армий завязли в междуречье Сожа и Днепра и потому не смогут расправиться с гомельской группировкой врага, к тому же все время усиливавшейся. Вскоре он нашел новое решение, сулившее большой успех. В междуречье Рокоссовский решил оставить лишь войска 48-й армии, которым предстояло активными действиями сковывать противника, а основные силы 65-й армии во взаимодействии с 61-й армией генерала Белова должны были форсировать Днепр южнее. Армии правого фланга, отошедшие к нему от Брянского фронта, Рокоссовский также обязал действовать активно.

Как и было определено Ставкой ВГК, Рокоссовский принял 10 октября от Брянского фронта 50, 3 и 63-ю армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Войсками 50-й армии

командовал генерал-лейтенант И. В. Болдин. Они к этому времени вышли к р. Проня на участке Петуховка, Пропойск (Славгород) и захватили плацдарм на правом берегу реки. 3-ю армию возглавлял генерал-лейтенант А. В. Горбатов. Ее войска занимали левый берег р. Сож в районе г. Пропойск (Славгород). На этой же реке находились и войска 63-й армии генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи.

Генерал армии К. К. Рокоссовский, приняв решение форсировать Днепр силами 65-й и 61-й армий, выехал на наблюдательный пункт командующего 61-й армией генерала П. А. Белова, который находился в сосновом бору на берегу Днепра. Сюда был вызван командующий 65-й армией генерал П. И. Батов, который прибыл вместе с членом военного совета генералом Н. А. Радецким и начальником штаба генералом И. С. Глебовым.

Рокоссовский, поздоровавшись, спросил у Батова:

– Как идет перегруппировка?

– Два корпуса трехдивизионного состава каждый снимаются сегодня ночью. В их полосе на плацдарме за Сожем остается для прикрытия перегруппировки двести сорок шестая дивизия и держит оборону на двадцатикилометровом фронте. Корпуса будут здесь через полтора суток. Форсируем с подготовкой на седьмые сутки.

– Как ваше мнение, Павел Алексеевич? – спросил командующий фронтом Белова.

– Я не вправе возражать против принятого решения…

Рокоссовский усмехнулся и сказал:

– Понимаю, Павел Алексеевич, ваше желание ускорить удар силами шестьдесят пятой армии. Но согласимся, что время это упущено. Противник организовал оборону. Будем действовать только наверняка… Ваша задача, Павел Иванович, – обратился он к Батову, – форсируете Днепр в районе Лоев – Радуль, прорвете оборону на западном берегу реки и ударом в направлении Колпень – Надвин – Демехи выходите главными силами армии к концу третьего дня наступления на рубеж Щербакова – Ветхин – Новый Барсук.

Рокоссовский спросил, в чем нуждается армия.

– Для всех дивизий требуется пополнение, – ответил Батов.

– Пополнение будет. Но только из местных военкоматов. Но это либо молодежь, либо окруженцы 1941 года. Выйти из окружения не смогли, руки опустили и сидели здесь два года, грелись. Придется вам поработать, восстановить их веру в себя и в нашу армию.

– Будет сделано, – заверил Павел Иванович. – Только дайте побольше людей.

– Ваше решение оставить за Сожем двести сорок шестую дивизию правильно, – сказал Рокоссовский. – Ослаблять девятнадцатый корпус не следует. Развернувшись фронтом на север и взаимодействуя с войсками сорок восьмой армии, он будет держать под ударом гомельскую группировку противника. Девятнадцатому корпусу пока придется тяжело, но зато он и сорок восьмой армии генерала Романенко поможет и позволит нам лучше замаскировать перегруппировку войск на лоевско-радульское направление. Желаю вам, товарищи, успеха. Прошу это передать и командирам корпусов. – Потом, со своей располагающей улыбкой, командующий добавил: – Не подкачаем, братцы-сталинградцы?

С целью обеспечить скрытность и дезориентировать противника в ночь на 8 октября дивизии обоих корпусов по приказу генерала Батова отошли на восточный берег р. Сож и укрылись в прибрежных лесах. Все участки на плацдарме заняла 246-я стрелковая дивизия. При поддержке отдельных батарей корпусных артиллерийских групп она весь следующий день вела огонь с прежним режимом. Работали радиостанции корпусов, имитируя связь с дивизиями на плацдарме. В лесах на восточном берегу день и ночь жгли многочисленные костры: пусть враг считает, что войска не только никуда не перебрасываются, а, наоборот, все более подтягиваются. Ночью части шли по шоссе Гомель – Чернигов в новый район. Днем усиливалось движение автомашин в обратном направлении – в сторону сожских плацдармов. Штаб 65-й армии под руководством генерала И. С. Глебова действовал оперативно, вникая во все детали маневра войск.

С генерал-полковником И. С. Глебовым автору этих строк посчастливилось вместе работать в Институте военной истории Министерства обороны тогда еще СССР. Это был человек высокой культуры, приятный в общении, специалист высшей квалификации. Его рассказы о деятельности штаба армии в годы Великой Отечественной войны позволили нам, молодым военным историкам, глубже вникнуть в тайны штабной кухни. Иван Семенович вспоминал, что переброска войск была осуществлена по всем правилам военного искусства. Штаб армии постоянно контролировал ход перегруппировки. В каждую дивизию был направлен офицер, который контролировал скрытность перехода. В районах сосредоточения части маскировались в лесах. Основные силы располагались в 5—6 км от Днепра, вторые эшелоны – в 6—8 км.

В результате перегруппировки в район Лоев – Радуль удалось создать превосходство в силах над противником на избранном

направлении главного удара. Раньше здесь на 20-километровом участке действовала одна дивизия. Теперь только в первом эшелоне находились четыре дивизии, в составе которых имелось 602 орудия.

Командующий 65-й армией после завершения перегруппировки уточнил задачи войскам. 27-й стрелковый корпус получил задачу форсировать Днепр в районе Каменка – остров Ховренков, прорвать оборону противника на западном берегу реки, овладеть рубежом Козароги, Колпень и в дальнейшем наступать в направлении на Ветхин. Задача 18-го стрелкового корпуса – форсировать Днепр на участке Лопатин – Радуль, овладеть рубежом Колпень, р. Песоченка и затем выйти на рубеж Возок, р. Брагинка. Ширина фронта форсирования составила соответственно 10 и 7,5 км. На участке форсирования ширина Днепра составляла 400 метров, а глубина достигала 7—8 метров.

По данным штаба 61-й армии, аэрофотосъемки и наблюдения разведки 65-й армии, противник имел на противоположном берегу Днепра около 18 пехотных батальонов, 96 станковых и 250 ручных пулеметов, 330 орудий и минометов. Оборона противника состояла из двух линий траншей с ходами сообщения полного профиля. Первая сплошная траншея – у уреза воды, вторая – по высокому берегу; там были устроены огневые позиции артиллерии для ведения огня прямой наводкой. Населенные пункты и отдельные постройки были приспособлены к длительной обороне, особенно деревня Шитцы, стоящая за Днепром на крутой высоте – против левого фланга 18-го стрелкового корпуса.

Рокоссовский, учитывая, что войскам 65-й армии придется преодолевать сильно укрепленную оборону противника, передал в оперативное подчинение генерала Батова все фронтовые средства усиления. Большое внимание уделялось планированию применения артиллерии. С учетом армейской артиллерийской группы на направлении главного удара, в полосе 18-го стрелкового корпуса было сосредоточено 127 орудий на 1 км фронта. Это была достаточно высокая плотность. Но слабым местом был недостаток снарядов. Только 76-миллиметровые дивизионные и полковые пушки да армейская артиллерийская группа имели запас выстрелов на огневых позициях по одному боекомплекту. Остальные артиллерийские и минометные системы не были обеспечены полным боекомплектом. Приходилось экономить. Выручал много раз испытанный метод прямой наводки. В 18-м стрелковом корпусе на прямую наводку было поставлено две трети полковой и дивизионной артиллерии.

Авиационное обеспечение планировалась в масштабе фронта силами 16-й воздушной армии. В полосе форсирования было намечено 12 полковых вылетов штурмовиков и бомбардировщиков. Им ставилась задача нанести удары по опорным пунктам Лоев, Крупеньки, Сенская, Колпень, а также по артиллерийским батареям противника. За два дня до наступления из штаба воздушной армии в каждую стрелковую дивизию прибыли офицеры со средствами связи и наведения. С наблюдательных пунктов командиров дивизий они непосредственно на местности изучили ориентиры, уточнили сигналы взаимодействия с командирами стрелковых частей и соединений.

Перед началом форсирования 65-й армии Рокоссовский приказал 12 октября правофланговым 50-й и 3-й армиям перейти в наступление на своих участках, хотя и знал, что это не даст существенного результата. Эти армии были ослаблены, но в интересах общего дела, отвлекая силы врага, они продолжали активные действия.

В 6 часов 30 минут 15 октября в полосе 65-й армии началась артиллерийская подготовка. Авиация нанесла удар по позициям противника на противоположном берегу Днепра. На главном направлении, в полосе 18-го стрелкового корпуса, с первых минут обозначился успех 69-й стрелковой дивизии. Успеха добились и части 27-го стрелкового корпуса. К 10 часам утра на правом берегу Днепра уже закрепились четыре батальона. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Из-под Гомеля в район форсирования срочно перебрасывалась 216-я пехотная дивизия, а из междуречья – 102-я пехотная дивизия. Однако остановить наступательный порыв частей 65-й армии противник не сумел. В ночь на 17 октября был готов большегрузный мост, и по нему прошла вся артиллерия 18-го стрелкового корпуса, а затем 60-я стрелковая дивизия. Вскоре за Днепром оказался почти весь 27-й стрелковый корпус. К исходу 17 октября его правофланговые части освободили Лоев.

К 19 октября вся 65-я армия переправилась через Днепр, расширив плацдарм до 18 км по фронту и 13 км в глубину. Но тут она наткнулась на заранее подготовленную вторую полосу немецкой обороны – «надвинские позиции». Прорвать их с ходу не удалось. В ночь на 20 октября генерал Батов получил распоряжение штаба Белорусского фронта (так с 20 октября стал называться Центральный фронт. – *Авт.*) временно до получения резервов прекратить наступление, стойко удерживать плацдарм, ввести все дивизии в первый эшелон, штабы и тылы подтянуть ближе к войскам, очистить на плацдарме районы сосредоточения

для четырех-пяти новых корпусов.

На следующее утро Рокоссовский с группой генералов управления фронта прибыл на командный пункт 65-й армии. Он, поздоровавшись с командующим армией, его начальником штаба и офицерами, находившимися на НП, сказал:

– На достигнутом рубеже надо прочно закрепиться. Эти надвинские позиции немцев придется атаковать после тщательной подготовки. Противник будет их упорно оборонять, так как, если мы их прорвем и, двигаясь вдоль западного берега Днепра, войдем в Полесье, то этим лишим его гомельскую группировку основных коммуникаций и поставим ее под угрозу окружения. Но для такой операции наличных сил 65-й армии будет мало. Поэтому я намерен переправить на Лоевский плацдарм два танковых корпуса, два кавалерийских корпуса и один артиллерийский корпус прорыва. Времени на перегруппировку достаточно, дадим дней 20, и к началу наступления все корпуса должны быть на плацдарме. После этого будем бить наверняка. Трудности, видимо, будут со снабжением.

Войска Белорусского фронта, перейдя к обороне, начали подготовку к Гомельско-Речицкой наступательной операции. Ставка ВГК усилила фронт, передав ему 23 октября из состава 2-го Прибалтийского фронта 11-ю армию генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского. Ее войска выдвигались на участок, занимаемый 48-й армией, которая перегруппировывалась на речицкое направление.

Войскам Белорусского фронта предстояло разгромить 2-ю, 9-ю и часть сил 4-й армии группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге). Замысел операции состоял в том, чтобы нанести удары по флангам гомельско-речицкой группировки врага с целью ее обхода и уничтожения. Главный удар наносился на левом крыле фронта с плацдарма у Лоева силами 48, 65, 61-й армий и приданных 65-й армии двух танковых и двух кавалерийских корпусов в общем направлении на Речицу, а другой удар – на четвертый день операции из района севернее Гомеля войсками 63-й и 11-й армий на Жлобин с целью обойти группировку противника с северо-запада и во взаимодействии с главными силами уничтожить ее. Войска правого крыла фронта – 50-я и 3-я армии – должны были выйти к Днепру в районе севернее и южнее Нового Быхова. По решению Рокоссовского на направлении главного удара в полосах 61-й и 65-й армий было сосредоточено значительное количество сил и средств, позволившее добиться превосходства над противником в личном составе в 1,5—2 раза, в орудиях и минометах в 3—4, в танках и САУ – в 2 раза.

Рокоссовский предвидел, что прорыв надвинских позиций приведет к крушению всей обороны противника в полосе Центрального фронта. Однако командующие 48-й и 61-й армиями генералы Белов и Романенко были недовольны тем, что все фронтовые резервы идут в 65-ю армию. Рокоссовский не терпел обостренных взаимоотношений с командирами и тем более между командармами. У него был свой стиль налаживания товарищества и дружбы среди военачальников. За несколько дней до наступления он вместе с Беловым и Романенко приехал на командный пункт 65-й армии, располагавшийся в Лоеве.

– Мы к тебе поужинать, Павел Иванович. Угощай!..

За столом Константин Константинович расспрашивал о подробностях форсирования, повел непринужденную беседу о возможностях, открытых выходом войск за Днепр. Он говорил:

– Мы рассчитывали, что прорыв вражеской обороны на берегу Днепра откроет путь непрерывному наступлению. Не получилось. Противник стянул на надвинские позиции пять дивизий. Он оказался более мобильным, чем мы ожидали. Но он в свою очередь допускает еще более грубую ошибку. Противник не принял жесткую оборону, а непрерывно наносит контрудары. Я считаю, что это выгодно нам. Как вы, товарищи, думаете?

– Бесспорно, – согласился Белов. – Надо стоять на месте, перемолоть вражеские резервы. Затем удар, прорыв – и перед шестьдесят пятой может открыться перспектива выхода на оперативные просторы.

– Да, перспективы очень заманчивы, – поддержал Романенко.

– Вот именно! – продолжал Константин Константинович. – Если шестьдесят пятая армия прорвет надвинские позиции, выйдет на коммуникации противника, то гомельская группировка врага окажется в очень тяжелом положении. Но для этого удара армия должна иметь крупные резервы.

– Конечно, конечно, – единодушно поддержали Белов и Романенко.

– Значит, договорились. Мнение у нас единое. Предлагаю тост за успех!

Наступление войск 65-й армии началось в полдень 10 ноября. После короткой артиллерийской подготовки стрелковые дивизии решительным ударом намного раньше намеченного срока прорвали на широком участке оборону противника. По данным фронтовой и армейской разведок стало известно, что в ближайших тылах противника, особенно в районе станции Демехи и города Речица, скапливаются отходящие из-под Гомеля значительные силы. Там уже находились части 4-й и 12-й пехотных дивизий, 733-й охранный батальон, полк 203-й

охранной дивизии и несколько других частей немецкой 2-й армии. К утру они могли занять оборону на каком-нибудь рубеже, и тогда войска 65-й армии вновь встретились бы с организованным сопротивлением. Требовалось упредить противника. И хотя наступал вечер, генерал Батов решил немедленно ввести в дело подвижные группы – 1-й гвардейский и 9-й танковые, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса.

Подвижные группы вошли в прорыв в ночь на 11 ноября, глубоко проникли в тылы противника, перерезали все дороги, ведущие из Гомеля на Калинковичи и Мозырь, и вынудили его войска к отходу. Речица не входила в полосу наступления 65-й армии. Но создалась благоприятная обстановка для глубокого маневра и удара по городу с тыла, поскольку 19-й стрелковый корпус генерал-майора Д. И. Самарского сумел уже перевести через Днепр все свои дивизии. Генерал Батов решил не упускать такую возможность.

– Решение считаю правильным, – одобрил Рокоссовский, выслушав доклад Павла Ивановича. – Действуйте без промедлений. Мы предполагали, что создастся именно такая обстановка.

Позднее, при разборе операции, выяснилось, что, планируя освобождение Речицы, Рокоссовский умышленно исключил этот город из полосы наступления войск 65-й армии. Он рассчитывал, что ее войска, не ввязываясь в лобовую атаку против сильно укрепленного населенного пункта, значительно продвинутся вперед и тогда уже смогут частью сил овладеть городом без больших потерь. Так и получилось. Соединения 1-го гвардейского танкового корпуса совместно с 19-м стрелковым корпусом 65-й армии нанесли удар с тыла на Речицу с юго-запада, а 42-й стрелковый корпус 48-й армии – с юго-востока. 17 ноября город был освобожден. Войскам, участвовавшим в освобождении Речицы, приказом Верховного Главнокомандующего от 18 ноября была объявлена благодарность и в Москве дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

К 20 ноября войска Белорусского фронта продвинулись на глубину более 70 км, достигли р. Березина и, форсировав ее, вышли в тыл противника. Наступление 63-й и 11-й армий севернее Гомеля, где у противника была наиболее прочная оборона и крупная группировка сил и средств, развития не получило. 22 ноября перешли в наступление войска 50-й и 3-й армий из района Пропойска (Славгород). Они 25 ноября вышли к Днепру в районе Нового Быхова. Противник, стремясь избежать окружения, начал в ночь на 26 ноября отход из междуречья Сожа и Днепра. 26 ноября части 24-го стрелкового корпуса 11-й армии

и 29-го стрелкового корпуса 48-й армии освободили Гомель. В Москве снова прозвучал салют в честь войск Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

К исходу 30 ноября войска правого крыла и центра Белорусского фронта вышли на рубеж Петуховка, южнее Нового Быхова, Стрешин, восточнее Паричей; левого крыла – Гамза, Прудок, южнее Ельска. В ходе Гомельско-Речицкой операции была освобождена значительная часть Восточной Белоруссии и созданы выгодные условия для последующих операций по освобождению всей ее территории. Успеху операции содействовали партизаны Белоруссии, которые наносили удары по отходившим колоннам противника, разрушали железнодорожные пути и вели разведку. В ходе операции Рокоссовский умело маневрировал подвижными соединениями для наращивания усилий в оперативной глубине и нанесения ударов по флангам группировки противника в условиях лесисто-болотистой местности. Потери войск Белорусского фронта, насчитывавшего к началу операции 761,3 тыс. человек, составили: безвозвратные – 21 650 человек, санитарные – 66 556 человек, соответственно 2,8% и 8,7% от общей численности.[515]

После завершения Гомельско-Речицкой операции войска Белорусского фронта продолжали наступление. Однако оно развивалось медленно, так как противник стал оказывать все более упорное сопротивление. Надо было принимать меры для того, чтобы активизировать действия войск фронта. Но 9 декабря Рокоссовский неожиданно получил директиву Ставки ВГК № 30260 следующего содержания:

«В связи с прорывом противника в направлении Черняхов, Потиевка, Малин не исключена возможность распространения его вдоль р. Тетерев к северо-востоку и угрозы левому крылу Белорусского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает лично Вам, в качестве представителя Ставки, немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта (Святошино) с задачей:

1. Ознакомиться на месте с создавшейся обстановкой и мероприятиями командующего 1-м Украинским фронтом по ликвидации прорыва противника.

2. Совместно с т. Ватутиным наметить мероприятия по обеспечению стыка между Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

3. Донести свою оценку обстановки на 1-м Украинском фронте, мероприятия, намеченные вами по обеспечению стыка фронтов, и дать заключение по мероприятиям командующего 1-м Украинским фронтом[516]».

К. К. Рокоссовский немедленно выехал на бронепоезде в штаб 1-го Украинского фронта в сопровождении командующего артиллерией фронта генерала В. И. Казакова. Штаб фронта располагался западнее Киева – в лесу, в дачном поселке. «Нас встретил Ватутин, – вспоминал Рокоссовский. – Вид у него был, прямо скажем, не командирский: в действиях – растерянность, в разговоре – неуверенность. Еще бы – недавно гремел салют в честь войск фронта, а теперь вот фронт прорван мощной танковой и механизированной группировкой немцев. Ватутин, похоже, ждал освобождения от должности[517]».

Попытки Рокоссовского убедить Ватутина в том, что его миссия имеет целью проанализировать случившееся и оказать помощь в ликвидации прорыва, оказались безуспешными – при первой же беседе Ватутин пытался больше оправдываться, нежели выяснять истинные причины случившегося.

– Поймите же, наконец, – сказал Рокоссовский, – Николай Федорович, я прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, чтобы оказать помощь, предотвратить общими усилиями внезапно возникшие трудности. В таком духе и будем работать вместе! Вместе!

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Рокоссовский и Ватутин тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли. Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин, вместо того чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он пояснил, что если бы не близость Киева, то давно бы рискнул на активные действия. Но сейчас у Ватутина имелись все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли в затылок одна другой, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва РГК. С таким количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Рокоссовский посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но все же деликатно поинтересовался, когда Рокоссовский вступит в командование 1-м Украинским фронтом. Рокоссовский ответил, что и не думает об этом, считая, что с ролью командующего войсками фронта Ватутин справляется не хуже, чем Рокоссовский, и что вообще постарается поскорее вернуться к себе, так как у него и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Рокоссовского несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вел переговоры по

телефону и телеграфу с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова Рокоссовский нашел в другом конце поселка. Спросил его, почему он допускает, чтобы командующий фронтом был загружен работой, которой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделать: командующий все берет на себя.

– Нельзя так. Надо помочь командующему. Это ваша прямая обязанность, как генерала и коммуниста.

Боголюбов обещал сделать все, чтобы не страдало общее дело. Поговорил Рокоссовский и с Ватутиным на эту тему. К замечанию Рокоссовского тот отнесся со всей серьезностью.

– Сказывается, что долго работал в штабе, – смущенно сказал он. – Вот и не терпится ко всему свою руку приложить.

Сообща наметили, как выправить положение. Ватутин блестяще справился с задачей, нанес такие удары, которые сразу привели противника в чувство и вынудили его спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин как командующий фронтом находится на своем месте и войсками руководит уверенно, Рокоссовский по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всем шифровкой, что Рокоссовский и сделал в тот же день. А на следующее утро ему уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский фронт.

Сталин, изучив представленные документы, строго взыскал с виновных. В директиве № 30267 Ставки ВГК от 14 декабря говорилось:

«*Объяснение командующего 1-м Украинским фронтом, представленное шифром за № 25964/ш, причин оставления радомышльского плацдарма частями 1-й гв. армии Ставка Верховного Главнокомандования считает неудовлетворительным. Слабость связи с 1-й гв. армией и слабость управления войсками в самой армии объясняется неудовлетворительностью руководства фронтом.*

Командование 1-го Украинского фронта, несмотря на наличие превосходящих сил в составе фронта, обрекло фронт на пассивность вследствие кабинетного метода руководства войсками фронта. Такое нетерпимое положение привело к тому, что противник получил возможность свободно маневрировать по всему фронту одной имеющейся у него группой танков.

Ставка предупреждает, что, если еще будут допущены подобные ошибки в управлении войсками фронта, будут приняты

против командования фронта строгие меры.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Генерал-полковника Кузнецова В. И. снять с должности командующего 1-й гв. армией и направить его в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО.

2. Генерал-полковника Гречко А. А. назначить командующим войсками 1-й гв. армии, освободив его от обязанностей заместителя командующего войсками фронта. Генерал-полковнику Гречко немедленно выехать на место новой службы.

3. Генерал-полковника Курочкина П. А. назначить заместителем командующего 1-м Украинским фронтом, освободив его от обязанностей заместителя командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта. Генерал-полковнику Курочкину немедленно выехать на место новой службы.

4. Начальнику Главного управления связи Красной Армии генерал-полковнику Пересыпкину немедленно выехать в 1-й Украинский фронт для помощи в налаживании связи фронта с армиями и армий с корпусами[518]».

Ко времени возвращения Рокоссовского на Белорусский фронт правофланговые соединения 65-й армии продвинулись к Калинковичам, а войска 61-й армии находились на подступах к Мозырю. Учитывая крайне ограниченные средства, которыми располагал фронт, это было большим достижением. Были и неприятности, в частности в 11-й и 65-й армиях. Об этом подробно говорится в мемуарах генералов армии И. И. Федюнинского и П. И. Батова.

В первых числах декабря два корпуса 11-й армии по понтонному мосту, наведенному саперами, переправились на западный берег Днепра. Части второго эшелона находились еще на левом берегу. Командующий армией генерал Федюнинский решил съездить туда. По Днепру шла шуга.

– Как бы мост не сорвало! – сказал адъютант командарма Рожков.

Его опасения оправдались – к вечеру мост действительно снесло. Федюнинский вызвал командира понтонного полка и спросил его, на чем он может переправить его и адъютанта обратно.

– Только на полупонтонах, – ответил командир полка. – Но не советую, товарищ командующий, дело рискованное.

– Ничего, давайте ваш полупонтон.

Вместе с командармом и адъютантом в полупонтон уселись еще несколько человек, которым тоже нужно было срочно переправиться. Переправа оказалась действительно рискованной. Полупонтон понесло по течению. А всего в нескольких

километрах ниже правый берег еще удерживали вражеские части. Командующий 11-й армией и его спутники вполне могли угодить прямо к ним. Но вскоре удалось справиться с течением и благополучно пристать к берегу.

Рокоссовский, узнав о путешествии Федюнинского, вызвал его к прямому проводу:

– Нужно было вызвать самолет, а не рисковать без всякого смысла, – сказал Константин Константинович. – Ну да ладно. Не будем на прощание ссориться.

– Почему на прощание? – сказал генерал Федюнинский.

– Ваша одиннадцатая армия выводится в резерв. А вам, кажется, хотят предложить другую должность.

– Какую?

– Пока точно не знаю.

Вскоре генерал Федюнинский узнал, что назначен командующим 2-й ударной армией.

Неприятность, но более широкого масштаба, случилась и с командующим 65-й армией генералом П. И. Батовым. Он, сосредоточив все усилия на своем левом фланге, недоглядел, что враг подтянул крупные силы против правого фланга армии, хотя Рокоссовский и предупреждал об этом. Спохватился командарм, когда противник нанес сильный удар, смял слабые части правого фланга и начал выходить в тыл основной группировке войск армии.

В своих мемуарах «В походах и боях» генерал армии П. И. Батов подробно освещает события тех дней, чем мы и воспользуемся.

На правом фланге 65-й армии части 19-го стрелкового корпуса шли и шли вперед. Фронт армии растягивался. По отношению к соседям она выпирала на запад огромным выступом. 19-й стрелковый корпус подходил к Полесским болотам. Никто не предполагал, что здесь противник может оказать серьезное сопротивление. Поэтому генерал Батов решил не усиливать правый фланг, так как слишком заманчиво выглядел удар по калинковичской группировке противника и освобождение такого крупного города. По решению командарма на Калинковичи были нацелены основные силы. Сюда же подходил 95-й стрелковый корпус, только что переданный в состав армии. Ему предстояло нанести удар на Калинковичи из района Новинки – Нахов – Василевичи. Подготовка к наступлению уже заканчивалась. Но в это время позвонил Рокоссовский.

– Куда вы, к черту, летите на правом фланге? Почему там у вас нет хорошего прикрытия? Вы даже оставили предмостное

укрепление противника у взорванного железнодорожного моста через Березину у Шацилки.

– Наступление, товарищ командующий, развивается успешно, поэтому и войска идут…

– Куда идут, Павел Иванович? Надо же чувствовать противника. Вы хотите разделить удел самсоновской армии? Он тоже в тысяча девятьсот четырнадцатом году очертя голову рвался вперед и напоролся на контрудар. Разведку плохо ведете. В районах Шацилки, Паричи, Пружинище концентрируются крупные силы врага. Немедленно примите меры к надежному прикрытию правого фланга.

По тону приказа Рокоссовского командующий 65-й армией понял, что допустил большой просчет в расстановке сил. Не встречая на правом фланге серьезного сопротивления, оставил там одну 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Вместе с ней шла 46-я легкая артиллерийская бригада полковника С. Г. Колесникова. Пришлось срочно перегруппировывать силы. Части 95-го стрелкового корпуса перебрасывались на правый фланг армии. В район Пружинище направлялась 172-я Павлоградская стрелковая дивизия генерал-майора Н. С. Тимофеева, а в направлении Шацилки – 44-я гвардейская дивизия под командованием полковника Н. В. Коркишко.

Однако время было упущено. Соединения 95-го стрелкового корпуса обладали низкой маневренностью, особенно 172-я стрелковая дивизия. В шутку ее называли «бычьей». Она формировалась на Украине, и кто-то удосужился дать быков в качестве тягловой силы ее тылам и всей артиллерии. Дивизия медленно тянулась к намеченному рубежу и не успела занять оборону. Противник, сосредоточив против правого фланга армии три пехотные и две танковые дивизии, нанес 20 декабря сильный контрудар с трех направлений. Рокоссовский, стремясь усилить правый фланг армии на правом берегу Березины, приказал выдвинуть на рубеж южнее Паричи 73-ю стрелковую дивизию 48-й армии. Однако занять прочную оборону она также не успела. Утром 21 декабря произошел встречный бой этой дивизии с контратакующим противником. Соединения 95-го корпуса приняли на себя всю силу вражеского контрудара. Темп наступления противника стал снижаться, но все-таки численным превосходством ему удавалось на отдельных участках сбивать части корпуса с занятых рубежей. День и ночь шли кровопролитные бои. Остановить противника удалось только на рубеже железнодорожная станция Жердь, Давыдовка и далее по р. Ипа.

Рокоссовский внимательно наблюдал за развитием событий

на правом фланге 65-й армии. От члена военного совета армии он узнал, что правофланговые дивизии отходят. После этого Константин Константинович позвонил командарму:

– Павел Иванович, долго ты намерен пятиться? Если нужно, выставляйте на правый фланг всю артиллерию, перебрасывайте сюда другие силы. Положение должно быть восстановлено. Направляю к вам из резерва фронта одну стрелковую дивизию.

Еще трое суток продолжались оборонительные бои. Войска армии на правом фланге отошли на отдельных участках уже на 25—30 км. Но и противник, понеся большие потери, ослабел. 25 декабря он еще раз пытался прорвать оборону 95-го стрелкового корпуса вдоль железной дороги на Калинковичи. Однако успеха не достиг. Большую помощь 65-й армии оказала 48-я армия, приняв на себя часть удара противника в своей полосе.

Решительными мерами, принятыми командованием армии и фронта, угрозу удалось быстро ликвидировать, противник был остановлен и перешел к обороне. Но увлечение командарма легким продвижением войск без достаточной разведки и игнорирование предупреждений штаба фронта о нависшей опасности обошлось дорого: войска фронта потеряли значительную территорию на очень важном паричском направлении.

2 января 1944 г. войскам Белорусского фронта была поставлена задача на проведение Калинковичско-Мозырской наступательной операции. В директиве № 220000 Ставки ВГК говорилось: *«Белорусскому фронту не позднее 8.01 начать наступление своим левым крылом с задачей разбить мозырскую группировку противника и к 12.01 овладеть Калинковичами и Мозырем, охватывая их с севера и с юга. В дальнейшем наступать, нанося удар главными силами фронта в общем направлении на Бобруйск, Минск. Частью сил действовать вдоль р. Припять на Лунинец*[519]». К операции привлекались 61-я, 65-я и 16-я воздушная армии.

Наступление началось в точно установленный срок – 8 января 1944 г. Через шесть дней войска 61-й армии освободили Мозырь. В этом главная заслуга принадлежала 55-й стрелковой дивизии полковника Н. Н. Заиюльева, 415-й стрелковой дивизии полковника П. И. Мощалкова, 3-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора М. Д. Ягодина, частей 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора М. П. Константинова, 6-й артиллерийской дивизии прорыва генерал-майора артиллерии А. С. Битюцкого и 234-й истребительной авиационной дивизии полковника Е. З. Татанашвили. Вместе с ними действовала Мозырская партизанская бригада под командованием А. Л.

Жильского. Одновременно 1-й гвардейский танковый корпус 65-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М. Ф. Панова, части 89-го стрелкового корпуса генерал-майора Г. А. Халюзина, 9-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора А. А. Борейко и другие части и соединения 61-й армии заняли Калинковичи.

Войска правого крыла Белорусского фронта (3, 48 и 50-я армии) при поддержке соединений 16-й воздушной армии с 21 февраля приступили к проведению Рогачевско-Жлобинской наступательной операции.

Еще до начала операции командующий 3-й армией генерал-лейтенант А. В. Горбатов проникся идеей захвата плацдарма за Днепром. Он направил Рокоссовскому доклад с подробной оценкой обстановки и выводом: условия благоприятны для захвата плацдарма, если армию усилят тремя дивизиями. Пришел ответ: «Усилить не могу, продолжайте обороняться, для этого у вас сил достаточно».

В начале февраля Горбатов снова обратился к командующему фронтом с тем же предложением. Ответ был: «Усилить армию не могу, проведите две операции, каждая силами дивизии, и захватите два плацдарма». Однако Горбатов проявил настойчивость и добился разрешения прибыть в штаб фронта для личного доклада Рокоссовскому, который его предупредил, что не сможет усилить 3-ю армию.

Горбатов проявил настойчивость:

– Мы не исключаем, что две дивизии, хотя и понесут некоторые потери, смогут, используя внезапность, захватить небольшие плацдармы. Но трудно будет их удержать. А при весеннем разливе, когда долина реки будет залита водой, противник в два счета уничтожит наши части на плацдармах.

– Но что же мне с вами делать? – пожал плечами Константин Константинович.

– Наш сосед, 63-я армия, желая прогнать противника с плацдарма на левом берегу реки, затратил уже много сил и средств, но не имел успеха. Сейчас у нее тоже пять ослабленных боями дивизий и 115-й укрепленный район – силы тоже слишком малые для серьезной операции. Поэтому прошу Вас объединить войска и полосы обеих армий под моим командованием. Тогда не пройдет и десяти дней, как мы прогоним противника с его плацдарма на левом берегу и захватим еще больший плацдарм за Днепром.

Такое смелое до нахальства предложение поразило Рокоссовского, привыкшего к разного рода неожиданностям. Он усмехнулся, но ничего не ответил. Молчание длилось несколько

минут. Потом сказал начальнику штаба генерал-полковнику Малинину:

– А что, если поверить обещанию товарища Горбатова и согласиться с его предложением? Только куда нам тогда девать штаб и командующего шестьдесят третьей армией?

Михаил Сергеевич, немного помедлив, ответил:

– Нужно сначала выслушать соображения товарища Горбатова. А что до штаба и командующего шестьдесят третьей, то их всегда можно вывести в резерв Ставки.

Горбатов доложил, что, когда в 3-й армии насчитывалось восемь дивизий, было решено форсировать Днепр и захватить плацдарм размером 8 на 6 км у изгиба реки против села Шапчинцы. Здесь уже забили сваи для моста.

– Но если вы объедините силы 3-й и 63-й армий, – продолжал Александр Васильевич, – мы поставим перед собой уже значительно большую задачу и будем форсировать Днепр не у села Шапчинцы – этот участок слишком удален от занимаемого противником плацдарма, а в районе сел Свержень и Кистени. В течение двух-трех дней мы захватим плацдарм за Днепром вместе с городом Рогачев, тем самым создадим реальную угрозу противнику, находящемуся на левом берегу реки, и вынудим его уйти с плацдарма. После этого продолжим наступление на север до Нового Быхова, на запад до реки Друть и попытаемся захватить на ней плацдарм. Вспомогательный удар будем наносить в районе села Шапчинцы. В форсировании будут участвовать все десять дивизий: пять дивизий 3-й армии пойдут в первом эшелоне, а пять дивизий 63-й армии – во втором.

– А кто же в это время будет держать оборону на семидесятикилометровом фронте? – спросил Рокоссовский.

– Против плацдарма противника будут оставлены укрепленный район и два бронепоезда, а к северу от села Шапчинцы поставлю запасной армейский полк, заградительный отряд, заградительные и химические роты. У меня будут к вам три просьбы. Первая: передвинуть на семь километров южнее нашу армейскую правую границу и отдать этот участок 50-й армии, чтобы она хоть одним глазом увидела Днепр, правый его берег, и по мере сил беспокоила противника. Вторая просьба: пусть мой новый левый сосед, 48-я армия, как-то проявит активность, чтобы во время проведения нами операции удерживать перед собой части противника. И третья просьба: дайте на подготовку операции десять суток, чтобы мы незаметно для противника могли произвести перегруппировку.

– Ваши просьбы будут удовлетворены. Готовьтесь. А я свяжусь с Москвой, – сказал Рокоссовский.

13 февраля Горбатову сообщили, что полоса и войска 63-й армии передаются 3-й армии, а штаб и командование этой армии переходят в резерв Ставки ВГК. В тот же день вечером Рокоссовский вызвал Александра Васильевича к ВЧ:

– Я насчет вашего третьего условия, товарищ Горбатов. Не хватит ли вам восьми вместо десяти дней на подготовку к операции?

– А почему вы хотите сократить этот срок?

– Хочется, чтобы к двадцать третьему февраля вы освободили Рогачев. Неплохо будет, если в день праздника будет салют нашим войскам, а то мы его давно не слышали.

18 февраля генерал Горбатов получил приказ Рокоссовского следующего содержания:

«3-й армии частью сил упорно оборонять занимаемые позиции на правом фланге – участок (иск.) Селец-Холопеев, Обидовичи, Ветвь, Ильич; на левом фланге – участок Гадиловичи, Грабов, Мал. Козловичи, Рассвет, Фрунзе, оз. Осушное, оз. Великое. Всеми остальными силами армии – не менее семи стрелковых дивизий со всеми средствами усиления – с утра 21 февраля 1944 г. перейти в решительное наступление с задачей переправиться по льду через р. Днепр на участке Виляховка, Кистени и, нанося главный удар в общем направлении на Кистоли, Еленово, Близнецы, Заполье, Поболово…[520]»

Командующий фронтом приказал главными силами армии овладеть 22 февраля городом Рогачев, а 23-го – городом Жлобин. В дальнейшем требовалось развивать успех в общем направлении на Бобруйск. Операцию следовало подготовить и проводить «на принципе внезапности, на быстром и стремительном продвижении войск армии».

Задача была весьма сложной. Войскам 3-й армии предстояло за трое суток форсировать такие реки, как Днепр и Друть, и продвинуться на 45 км, и притом без всяких средств усиления. Генерал армии А. В. Горбатов, вспоминая об этом, отмечал: «Мне вспомнился момент, когда я впервые внес мое гораздо более скромное предложение командующему, вспомнил его удивление, его недоверие, сравнил его приказ захватить два плацдарма с полученной теперь директивой… Действительно, такую задачу можно ставить только пяти-шести усиленным армиям, да и то трудно надеяться на выполнение ее в течение трех дней[521]».

Однако задача была поставлена, и ее надо выполнять. Генерал А. В. Горбатов приказал начальнику штаба армии генералу М. В. Ивашечкину увеличить задачи корпусам и ориентировать их на развитие наступления на бобруйском направлении.

Перед войсками 3-й армии оборонялись 211, 31, 296 и 6-я пехотные дивизии вермахта, а в Бобруйске находились 321-я пехотная дивизия и два батальона танков. На аэродромах базировалось около 150 бомбардировщиков и до 30 истребителей. Передний край обороны противника проходил по командному правому берегу Днепра. Оборонительные сооружения состояли из двух-трех линий траншей (против села Шапчинцы – из четырех-пяти траншей); перед передним краем располагались проволочные заграждения и минные поля. Промежуточный рубеж проходил в 4—5 км за Днепром. Вторая оборонительная полоса была оборудована на р. Друть, отсечный рубеж проходил по р. Тощица.

Ширина Днепра в этом районе составляла 150—300 метров, глубина —3—5 метров, долина реки шириной 2,5—3 км пересекалась протоками и хорошо просматривалась с высокого правого берега. Толщина льда в основном русле не превышала двенадцати сантиметров. Из-за оттепели появилось много полыней, а в ряде мест лед отошел от берега. Ширина р. Друть – 25—60 метров, глубина – до 3,5 метров, ширина заболоченной, слабо промерзающей долины – 1,5 км. Снежный покров был незначительным. В связи с исключительно теплой погодой и прошедшими дождями в лощинах и впадинах скопилась вода. Для обеспечения переправы боевой техники на заранее забитые сваи настелили из заготовленных деталей мосты: у села Шапчинцы грузоподъемностью шестьдесят тонн, восточнее села Кистени – на девять тонн, юго-западнее Свержени – на шестьдесят и тридцать тонн. Отремонтировали дороги и колонные пути.

По замыслу командующего 3-й армией предусматривалось форсировать Днепр девятью стрелковыми дивизиями – шестью в первом и тремя во втором эшелоне. В резерве оставалась 10-я стрелковая дивизия. Командующий Белорусским фронтом утвердил решение командарма.

В ночь на 21 февраля два батальона на лыжах перешли линию фронта с задачей той же ночью ворваться в город Рогачев. В 6 часов 30 минут полки дивизий первого эшелона заняли исходное положение за рекой. После артиллерийской подготовки, в которой участвовали 800 орудий и минометов, они перешли в наступление. К десяти часам утра удалось захватить передний край обороны противника с двумя-тремя траншеями и несколькими населенными пунктами на берегу Днепра. Противник оказывал упорное сопротивление. Сводный отряд лыжников, дойдя до Рогачева, наткнулся на сильно укрепленные позиции врага и вынужден был отойти в лес. Юго-восточнее Старого Села он перекрыл все дороги, идущие от Рогачева на

Мадоры и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив противника путей отхода и возможности подтягивать резервы.

К исходу первого дня операции войска 3-й армии захватили плацдарм в 14 км по фронту и до 5 км в глубину. Но из-за отставания артиллерии они не смогли прорвать тактическую зону обороны. Это удалось сделать только на третий день наступления. 336-й стрелковый полк 5-й стрелковой дивизии, в ночь на 23 февраля пробравшись лесами в тыл противника и объединив свои усилия с ранее высланным сюда лыжным батальоном, утром овладел станцией Тощица. Части 40-го и 41-го стрелковых корпусов вышли к р. Друть. 120-я гвардейская стрелковая дивизия (полковник Я. Я. Фогель) 41-го стрелкового корпуса и 169-я стрелковая дивизия (полковник Ф. А. Веревкин) 35-го стрелкового корпуса при поддержке артиллерии и авиации штурмом овладели 24 февраля городом Рогачев. В тот же день в Москве был произведен салют в честь войск, освободивших Рогачев.

Однако дальнейшего развития операция не получила из-за усилившегося сопротивления противника. Командующий 3-й армией, чтобы избежать напрасных потерь, решил перейти к обороне, но с этим не был согласен Рокоссовский. Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. «Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком, – вспоминал генерал армии А. В. Горбатов. – В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился[522]».

Еще до завершения Рогачевско-Жлобинской операции Ставка ВГК своей директивой № 220027 от 17 февраля создала на стыке Белорусского и 1-го Украинского фронтов новый фронт, который стал именоваться 2-м Белорусским фронтом (командующий генерал– полковник П. А. Курочкин). В связи с этим существующий Белорусский фронт получил наименование 1-го Белорусского фронта. Его командующим оставался генерал армии К. К. Рокоссовский. Из состава фронта во 2-й Белорусский фронт передавалась 61-я армия.

Войска 1-го Белорусского, успешно завершив Рогачевско-Жлобинскую операцию, вынуждены были в дальнейшем прекратить наступление. Распутица сделала просто невозможным всякое передвижение в белорусских низинах. 17 апреля Ставка ВГК направила генералу армии Рокоссовскому директиву №

220079 о переходе к жесткой обороне во всей полосе фронта. В директиве требовалось:

«…2. При организации обороны уделить особое внимание обороне на ковельском направлении и на стыке с 1-м Украинским фронтом.

3. Оборону иметь глубоко эшелонированной. В полосе фронта подготовить не менее трех оборонительных рубежей с общей глубиной обороны 30—40 километров[523]».

На 1-м Белорусском фронте наступило временное затишье, длившееся более двух месяцев…

Сокрушение белорусского «балкона»

В апреле 1944 г. в Ставке ВГК и Генеральном штабе завершилась работа над планами летне-осенней кампании. Основные задачи Красной Армии, как обычно, были сформулированы в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего. Их суть состояла в том, чтобы завершить изгнание противника с советской территории, восстановить государственную границу СССР на всем протяжении, вывести из войны на стороне Германии европейских союзников и освободить из немецкой неволи поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы.[524]

В ходе летне-осенней кампании предстояло подготовить и последовательно провести серию стратегических наступательных операций на огромном пространстве от Заполярья до Черного моря. На первом этапе кампании (июнь – август) планировалось нанести мощные удары и поочередно разгромить крупные группировки противника: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, затем на центральном участке фронта, в Белоруссии, и после этого – в западных областях Украины на львовско-сандомирском направлении. На втором этапе (сентябрь – ноябрь) предусматривалось проведение операций на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

Это были так называемые «десять сталинских ударов», в которых предстояло участвовать войскам всех 12 существовавших в то время фронтов, Северному, Балтийскому и Черноморскому флотам, а также ряду речных и озерных военных флотилий.

К летне-осенней кампании готовилось и Верховное Главнокомандование вермахта. Но оно при оценке возможных действий советских войск допустило серьезный просчет, полагая, что основные события развернутся не на центральном, а на юго-западном направлении. Этим промахом умело воспользовалось советское командование.

В планах Ставки ВГК приоритет в будущей кампании отдавался центральному участку советско-германского фронта. Освобождение Белоруссии возможно было только при условии уничтожения такой крупной группировки противника, как группа армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Э. Буш, с 28 июня – генерал-фельдмаршал В. Модель), которая вместе с правофланговыми соединениями 16-й армии группы армий «Север» и левофланговыми частями 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» насчитывала 1,2 млн. человек, 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Их

поддерживали около 1350 самолетов 6-го и части сил 1-го и 4-го воздушных флотов.[525]

Главные силы немцев были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, на наиболее доступных для наступления направлениях. Заранее подготовленная эшелонированная оборона глубиной до 250—270 км должна была способствовать выполнению основной задачи – прочно удерживать белорусский выступ, или, как его называл противник, «балкон», по которому проходили кратчайшие пути к границам Германии. Однако немецкое командование, введенное в заблуждение и не ожидавшее главного удара советских войск в Белоруссии, не имело здесь достаточных резервов, к тому же часть их была скована действиями партизан.

В своих мемуарах К. К. Рокоссовский подробно рассказывает об обстоятельствах зарождения плана разгрома противника в Белоруссии. Поэтому воспользуемся его воспоминаниями.

В марте 1944 г. Сталин пригласил Рокоссовского к аппарату ВЧ, в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался мнением Рокоссовского. Он сказал, что 1-му Белорусскому фронту предстоит действовать в общем направлении Бобруйск, Барановичи, Варшава, обходя Полесье с севера. Левое крыло фронта упирается в огромные полесские болота, что крайне ограничивает возможность маневра. Для успеха операции требовалось тесное взаимодействие с войсками 2-го Белорусского фронта, а их и 1-й Белорусский фронт разделяла широкая полоса леса и болот. Завершая свой доклад, Рокоссовский намекнул, что целесообразно передать 1-му Белорусскому фронту часть полосы, занимаемой его соседом.

«Должен сказать, что еще до этого разговора со Сталиным мы у себя обсуждали такой вариант: объединение в одних руках всего участка от Быхова до Владимир-Волынского, – отмечал Константин Константинович. – *Это давало нам огромные преимущества в маневре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля. Некоторых затруднений в управлении войсками можно было, конечно, ожидать, но это нас не смущало. У нас уже имелся опыт управления войсками в не менее сложной обстановке при ликвидации окруженной в Сталинграде группировки противника. Во всяком случае, легче было организовать управление объединенными силами, чем согласовы*вать взаимодействие с соседним фронтом при решении

одной общей задачи[526]».

Тут как раз в пользу предложения Рокоссовского сыграл случай: на участке 2-го Белорусского фронта произошла неприятность – противник нанес удар и овладел Ковелем. Сталин предложил Рокоссовскому быстро продумать вариант объединения участков обоих фронтов, сообщить в Ставку ВГК и скорее выехать к командующему 2-м Белорусским фронтом генерал-полковнику П. А. Курочкину, чтобы сообща принять меры для ликвидации прорыва противника.

2 апреля Ставка ВГК приказала командующему войсками 2-го Белорусского фронта не позднее 5 апреля передать 1-му Белорусскому фронту 61, 70, 47-ю армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, а также прибывающую из резерва Ставки 69-ю армию и 6-ю воздушную армию. Рокоссовскому предписывалось передать Западному фронту 10-ю и 50-ю армии.

Для приема войск Рокоссовский вместе с группой офицеров и генералов выехал в Сарны, где находился штаб 2-го Белорусского фронта. Приехав туда, он выяснил, что штаб фронта имеет устаревшие сведения о состоянии войск: двух-, а то и пятидневной давности. Работники штаба объясняли это тем, что украинские националисты-бандеровцы не давали возможности поддерживать связь. В последние дни ни один офицер для выяснения обстановки не выезжал. Такое положение дел было нетерпимо. На следующий день оперативная группа, возглавляемая Рокоссовским, выехала на левое крыло фронта. Знакомясь с армиями, действовавшими здесь, Константин Константинович пришел к выводу, что они располагают недостаточным количеством противотанковой артиллерии. Это и послужило причиной успеха контрудара противника под Ковелем в конце марта. По решению Рокоссовского, с правого крыла фронта, из района Быхова, началась перегруппировка трех противотанковых бригад и одной зенитной артиллерийской дивизии (всего 13 полков). Они в сложных условиях (пурга, снежные заносы) в короткий срок преодолели несколько сотен километров.

3 апреля по решению Сталина генерал-полковник Курочкин был освобожден от должности командующего войсками 2-го Белорусского фронта и назначен командующим 60-й армией.

После принятия войск 2-го Белорусского фронта конфигурация линии 1-го Белорусского фронта стала весьма своеобразной. Теперь она, протянувшись более чем на 700 км, начиналась от города Быхова. Далее линия фронта проходила по Днепру, восточнее Жлобина, затем шла на юго-запад, пересекая р. Березина, потом снова поворачивала на юг, пересекая Припять,

далее, по южному берегу Припяти, уходила далеко на запад, к Ковелю и, обогнув последний с востока, снова шла на юг. По существу, 1-й Белорусский фронт имел два совершенно самостоятельных операционных направления: первое – на Бобруйск, Барановичи, Брест, Варшаву; второе – на Ковель, Хелм, Люблин, Варшаву. Этим и руководствовался Рокоссовский при разработке плана дальнейших действий войск фронта. Уже 3 апреля он был представлен в Ставку ВГК. Остановимся на нем подробнее, так как он ярко характеризует черты зрелого полководческого мышления Рокоссовского.

Задачу войск фронта Рокоссовский видел в том, чтобы, не давая противнику передышки, разгромить группировку противника в районе Минска, Барановичей, Слонима, Бреста, Ковеля, Лунинца, Бобруйска. После окончания операции армии фронта должны были выйти на рубеж Минск, Слоним, Брест, р. Западный Буг, что дало бы возможность прервать все основные железнодорожные и шоссейные рокады в тылу противника на глубину в 300 км и существенно нарушить взаимодействие его оперативных группировок.

Рокоссовский подчеркивал, что операция предстоит очень сложная. Привлечь для ее осуществления одновременно все силы фронта не представлялось возможным, так как оборона противника к востоку от Минска была очень прочной и пытаться прорвать ее ударом в лоб, не увеличивая существенно силу ударных группировок, было бы крайне опрометчиво. Исходя из этого, Константин Константинович предлагал осуществить эту операцию в два этапа.

На первом этапе четыре армии левого крыла 1-го Белорусского фронта должны были «подрубить» устойчивость обороны противника с юга. Для этого намечалось разгромить противостоящую здесь войскам фронта группировку врага и захватить позиции по восточному берегу Западного Буга на участке от Бреста до Владимир-Волынского. В результате этого правый фланг группы армий «Центр» оказывался обойденным. На втором этапе предусматривалось наступление всех войск фронта для разгрома бобруйской и минской группировок противника. Опираясь на захваченные позиции по Западному Бугу и обеспечив свой левый фланг от ударов противника с запада и северо-запада, армии левого крыла из района Бреста должны были ударить в тыл белорусской группировке врага в направлении на Кобрин, Слоним, Столбцы. В это же время правофланговые армии фронта должны были нанести второй удар из района Рогачев, Жлобин в общем направлении на Бобруйск, Минск. Рокоссовский считал, что для выполнения этого плана требовалось по крайней мере

30 дней, учитывая и время, необходимое для перегруппировок. Важным условием возможности выполнения этого плана он считал усиление левого крыла фронта одной-двумя танковыми армиями. Без них обходной маневр, по его мнению, не достиг бы цели.

План фронтовой операции был очень интересным и многообещающим. Генерал армии С. М. Штеменко оценивал его следующим образом: *«Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте. Перед командующим фронтом вставали весьма сложные вопросы руководства действиями войск на разобщенных направлениях. В Генштабе даже думали, не разделить ли в связи с этим 1-й Белорусский фронт на два? Однако К. К. Рокоссовский сумел доказать, что действия по единому плану и с единым фронтовым командованием в данном районе более целесообразны. Он не сомневался, что в данном случае Полесье окажется фактором, не разъединяющим действия войск, а объединяющим их. К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в район Ковеля необходимые силы и средства, особенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел К. К. Рокоссовского осуществлен не был. Однако сама идея о направлении ударов и последовательности действий войск, обусловленная в значительной степени разделявшим 1-й Белорусский фронт огромным массивом лесов и болот, была использована Оперативным управлением Генерального штаба при последующем планировании операций*[527]».

Весь апрель и первую половину мая в Генеральном штабе Красной Армии при деятельном участии командующих фронтами шла разработка плана Белорусской стратегической наступательной операции. Генштаб еще раз запросил соображения командующего 1-м Белорусским фронтом. К 11 мая Рокоссовский представил дополнения к первому варианту плана.

Целью операции фронта Рокоссовский считал теперь разгром жлобинской группировки противника, а в дальнейшем – продвижение на Бобруйск, Осиповичи, Минск. При этом Константин Константинович предлагал нанести не один, а два одновременных удара, примерно равных по силе: один – по восточному берегу р. Березина с выходом на Бобруйск, другой – по западному берегу этой реки в обход Бобруйска с юга. Нанесение двух ударов давало войскам фронта, по мысли Рокоссовского, неоспоримые преимущества: во-первых, это дезориентировало противника, а во-вторых, исключало возможность маневра вражеских войск. Такое решение шло

вразрез с установившейся практикой, когда, как правило, наносился один мощный удар, для которого сосредоточивались основные силы и средства. Рокоссовский сознавал, что, принимая решение о двух ударных группировках, он рискует допустить распыление имевшихся сил, но расположение войск противника и условия лесисто-болотистой местности убеждали его, что это будет наиболее успешным решением задачи.

План Рокоссовского предусматривал непрерывность наступления. Чтобы избегнуть тактических, а впоследствии и оперативных пауз, Константин Константинович предполагал на третий день операции, сразу же после прорыва тактической обороны противника, ввести в полосе 3-й армии для развития успеха на бобруйском направлении 9-й танковый корпус. После того как 3-я и 48-я армии подойдут к Березине, планировалось ввести на стыке между ними свежую 28-ю армию с задачей быстро овладеть Бобруйском и продолжать наступление на Осиповичи, Минск.

«Действуя таким несколько необычным для того времени способом, – пишет о замысле Рокоссовского Штеменко, – командующий войсками 1-го Белорусского фронта намеревался рассечь противостоящие силы неприятеля и разгромить их поочередно, не стремясь, однако, к немедленному окружению. Оперативное управление Генерального штаба учло эти соображения[528]».

20 мая заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов представил И. В. Сталину план стратегической операции, предусматривавший одновременный прорыв обороны противника на шести участках, расчленение и разгром его войск по частям. Особое значение придавалось ликвидации наиболее мощных фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск, окружению и уничтожению основных сил врага восточнее города на глубине 200—300 км. Советским войскам предстояло, наращивая удары и расширяя фронт наступления, неотступно преследовать противника, не позволяя ему закрепиться на промежуточных рубежах. В результате успешного выполнения плана операции, получившей название «Багратион», предполагалось освободить всю Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь фронт противника, создать выгодные условия для ударов по нему в Прибалтике.

К операции привлекались войска 1-го Прибалтийского (генерал армии И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (генерал-полковник, с 26 июня генерал армии И. Д. Черняховский), 2-го

Белорусского (генерал-полковник, с 28 июля генерал армии Г. Ф. Захаров), 1-го Белорусского (генерал армии, с 29 июня Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) фронтов и Днепровская военная флотилия (капитан 1 ранга В. В. Григорьев). Общая численность войск составляла более 2,4 млн. человек, на их вооружении было 36 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и САУ. Операцию «Багратион» поддерживали 5300 самолетов 1-й (генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин), 3-й (генерал-полковник авиации Н. Ф. Папивин), 4-й (генерал-полковник авиации К. А. Вершинин), 6-й (генерал-полковник авиации Ф. П. Полынин) и 16-й (генерал-полковник авиации С. И. Руденко) воздушных армий. К ее проведению привлекалась также авиация Дальнего действия (маршал, с 19 августа – главный маршал авиации А. Е. Голованов) – 1007 самолетов и авиация войск ПВО страны – 500 истребителей[529]. С войсками тесно взаимодействовали партизанские отряды и соединения.

План операции «Багратион» обсуждался 22 и 23 мая в Ставке ВГК с участием командующих фронтами. Во время обсуждения предложение Рокоссовского начать наступление вначале войсками правого крыла, а лишь затем силами левого крыла под Ковелем было одобрено. Сталин только рекомендовал Рокоссовскому обратить внимание на необходимость тесного взаимодействия с армиями 1-го Украинского фронта. Любопытный и характерный спор разгорелся при обсуждении операции на бобруйском направлении.

Рокоссовский докладывал:

– Я предлагаю прорывать здесь оборону противника двумя ударными группировками, действующими по сходящимся направлениям: с северо-востока – на Бобруйск, Осиповичи, и с юга —на Осиповичи.

Такое решение вызвало вопрос Сталина:

– Почему вы распыляете силы фронта? Не лучше ли объединить их в один мощный кулак, протаранить этим кулаком оборону противника? Прорывать оборону нужно в одном месте.

– Если мы будем прорывать оборону на двух участках, товарищ Сталин, мы достигнем существенных преимуществ.

– Каких же?

– Во-первых, нанося удар на двух участках, мы сразу вводим в дело большие силы, далее, мы лишаем противника возможности маневрировать резервами, которых у него и так немного. И, наконец, если мы достигнем успеха хотя бы на одном участке, это поставит врага в тяжелое положение. Войскам же фронта будет обеспечен успех.

– Мне кажется, – настаивал Сталин, – что удар надо наносить

один, и с плацдарма на Днепре, на участке 3-й армии. Вот что, пойдите, подумайте часа два, а потом доложите Ставке свои соображения.

Рокоссовского отвели в небольшую комнату по соседству с кабинетом. Эти два часа показались Константину Константиновичу вечностью. Он еще и еще раз проверил все расчеты, подготовленные штабом фронта. Сомнений не было – нужно наносить два удара. Входя в кабинет Сталина, Константин Константинович сохранял спокойствие, как и всегда.

– Вы продумали решение, товарищ Рокоссовский?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Так что же, будем наносить один удар или два удара? – Иосиф Виссарионович прищурился. В кабинете было тихо.

– Я считаю, товарищ Сталин, что два удара наносить целесообразней.

– Значит, вы не изменили своего мнения?

– Да, я настаиваю на осуществлении моего решения.

– Почему вас не устраивает удар с плацдарма за Днепром? Вы же распыляете силы!

– Распыление сил произойдет, товарищ Сталин, я с этим согласен. Но на это надо пойти, учитывая местность Белоруссии, болота и леса, а также расположение вражеских войск. Что же касается плацдарма 3-й армии за Днепром, то оперативная емкость этого направления мала, местность там крайне тяжелая и с севера нависает сильная вражеская группировка, что нельзя не учитывать.

– Идите, подумайте еще, – приказал Сталин. – Мне кажется, что вы напрасно упрямитесь.

Вновь Рокоссовский один, вновь он продумывает одно за другим все «за» и «против» и вновь укрепляется во мнении: его решение правильное. Когда его снова пригласили в кабинет, он постарался как можно убедительнее изложить свои доводы в пользу нанесения двух ударов. Рокоссовский кончил говорить, и наступила пауза. Сталин за столом молча раскуривал трубку, затем поднялся, подошел к Константину Константиновичу.

– Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это гарантия успеха. Ваше решение утверждается, товарищ Рокоссовский.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в этой связи отмечал: *«Существующая в некоторых военных кругах версия о «двух главных ударах» на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В.*

Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку[530]».

Этот же «недочет» в мемуарах Рокоссовского отметил и Маршал Советского Союза А. М. Василевский. В беседе с писателем К. М. Симоновым он подчеркивал, что, во-первых, не помнит описанного Рокоссовским спора со Сталиным, хотя и присутствовал на обсуждении плана Белорусской операции, а во-вторых, возражает против того, чтобы предложение о двойных ударах, наносимых на одном фронте (даже если оно в данном случае и имело место), трактовалось как «некое оперативное новшество». К 1944 году такие удары не были новинкой, поскольку до этого наносились неоднократно, например, еще в ходе Московской битвы.[531]

Что можно сказать по этому поводу? Рокоссовский не предлагал наносить «двойные удары», а намечал действовать двумя ударными группировками по сходящимся направлениям. Такие удары действительно применялись ранее, но только не в масштабе фронта и не при такой ширине полосы, какую занимал 1-й Белорусский фронт. Белоруссия всегда была местом, о которое «спотыкались» войска. Лесисто-болотистая местность вынуждала наносить удары по отдельным направлениям. С этой задачей не всем удавалось справиться. Вспомним наступление войск Западного фронта в 1920 году против польской армии. Рокоссовский шел на большой риск. Однако он привык рисковать, причем разумно, еще со времен Первой мировой войны.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, оценивая план операции «Багратион», писал: «Он был прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на белорусском театре военных действий, причем мы заведомо знали, что эти фланговые направления являются наиболее опасными для врага, следовательно, и наиболее защищенными. Смелость замысла вытекала из стремления, не боясь контрпланов противника, нанести решающий для всей летней кампании удар в одном стратегическом направлении. О грандиозности замысла свидетельствует его исключительно важное военно-политическое значение для дальнейшего хода Второй мировой войны, невиданный размах, а также количество одновременно или последовательно предусмотренных планом и, казалось бы, самостоятельных, но вместе с тем тесно связанных между собой фронтовых операций, направленных к достижению общих военно-стратегических задач и политических целей[532]».

30 мая Сталин окончательно утвердил план операции

«Багратион», которую решено было начать 19—20 июня. Этим Верховный Главнокомандующий показал, что верит полководческой интуиции генерала армии Рокоссовского. Ему пришлось снова работать под пристальным вниманием своего бывшего подчиненного по 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии. На маршала Жукова возлагалась координация действий войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов, на маршала Василевского – 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Их полномочия были значительно расширены: оба получили право непосредственно руководить боевыми действиями фронтов.

В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов отработали в Ставке ВГК частные директивы и указания фронтам белорусского направления, конкретные задачи на первый этап ее проведения. Войскам 1-го Белорусского фронта в соответствии с директивой № 220113 предписывалось:

«1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара: один силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой – силами 65-й и 28-й армий из района нижнего течения р. Березина, Озаричи в общем направлении на ст. Пороги, Слуцк.

Ближайшая задача – разбить бобруйскую группировку противника и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, причем частью сил на своем правом крыле содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме могилевской группировки противника. В дальнейшем развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи.

2. Подвижные войска (конница, танки) использовать для развития успеха после прорыва…

5. Срок готовности и начало наступления – согласно указаниям маршала Жукова[533]».

В полосе предстоящего наступления войск 1-го Белорусского фронта противник создал сильно укрепленную оборону. Главный оборонительный рубеж состоял из сплошной полосы укреплений глубиной 6, а местами и 8 км. Эта полоса включала пять линий траншей, тянувшихся вдоль фронта. Все они соединялись между собою ходами сообщений, служившими одновременно и отсечными позициями. Первая траншея, отрытая в полный профиль, имела много одиночных и парных стрелковых ячеек, пулеметных площадок, вынесенных вперед на 5—6 метров. В 80—100 метрах от траншеи противник установил проволочные заграждения в один-два, а то и в три ряда. Промежутки между

рядами проволоки были заминированы. Далее, в глубине обороны, одна за другой тянулись траншеи: вторая – на удалении 200—300 метров от переднего края, третья – в 500—600 метрах, затем четвертая и в 2—3 км пятая траншея, которая прикрывала огневые позиции артиллерии. Проволочных заграждений между траншеями не было, лишь около дорог располагались минные поля.

Блиндажи, где укрывались солдаты, находились позади траншей. Были построены и долговременные огневые точки, главным образом деревоземляные. Для устройства огневых точек использовались башни танков, зарытых в землю. Легко вращавшиеся на 360 градусов башни обеспечивали круговой обстрел. В заболоченных местах, где рыть траншеи было невозможно, противник соорудил насыпные огневые точки, стенки которых укреплялись бревнами, камнями и засыпались землей. Все населенные пункты были превращены в узлы сопротивления. Особенно мощно был укреплен Бобруйск, вокруг которого имелись внешний и внутренний укрепленные обводы. Дома, подвалы, хозяйственные постройки на окраинах города были приспособлены к обороне. На площадях и улицах имелись железобетонные укрепления, баррикады, колючая проволока, заминированные участки.

Если учесть, что все эти укрепления располагались в крайне сложной для наступления местности, изобиловавшей болотами и лесами и затруднявшей использование тяжелой техники, особенно танков, то станет ясным, почему противник рассчитывал отсидеться, отбить наступление советских войск. Но как показали дальнейшие события, у него не было для этого ни малейших шансов.

Белорусская стратегическая наступательная операция (23 июня – 29 августа) стала одной из крупнейших операций Второй мировой войны. По характеру боевых действий и содержанию выполненных задач ее можно разделить на два этапа. На первом этапе (23 июня – 4 июля) были проведены Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская, Полоцкая и Минская фронтовые наступательные операции. Второй этап (5 июля – 29 августа) включал Вильнюсскую, Шяуляйскую, Белостокскую, Люблин-Брестскую, Каунасскую и Осовецкую фронтовые наступательные операции. Войска 1-го Белорусского фронта в ходе операции «Багратион» провели Бобруйскую операцию, принимали участие в Минской операции и осуществили Люблин-Брестскую операцию.

При подготовке к операции «Багратион» особое внимание обращалось на достижение внезапности и дезинформацию противника. С этой целью фронтам было приказано создать не

менее трех оборонительных рубежей на глубине до 40 км. Населенные пункты приспосабливались к круговой обороне. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы по оборонительной тематике. В результате внимание противника в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления. В войсках строго соблюдался режим радиомолчания, а к разработке плана операции привлекался узкий круг лиц. В полном объеме план операции «Багратион» знали только шесть человек: Верховный Главнокомандующий, его заместитель, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Перегруппировка войск проводилась с соблюдением всех мер маскировки. Все передвижения осуществлялись только в ночное время и небольшими группами.

Для того чтобы создать у противника впечатление, будто главный удар будет нанесен летом на юге, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта, севернее Кишинева, была создана ложная группировка в составе 9 стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. В этом районе устанавливались макеты танков и орудий зенитной артиллерии, а в воздухе патрулировали истребители. В итоге противнику не удалось ни вскрыть замысел советского Верховного Главнокомандования, ни выяснить масштаб предстоящего наступления, ни определить направление главного удара. Поэтому Гитлер из 34 танковых и механизированных дивизий 24 дивизии держал южнее Полесья.[534]

В соответствии с директивой Ставки ВГК наступление на правом крыле 1-го Белорусского фронта, на бобруйском направлении, предстояло осуществить силами четырех армий: 3-й армии генерал-лейтенанта (с 29 июня генерал-полковник) А. В. Горбатова, 48-й генерал-лейтенанта П. Л. Романенко, 65-й генерал-лейтенанта (с 29 июня генерал-полковник) П. И. Батова и 28-й генерал-лейтенанта А. А. Лучинского. В состав 1-го Белорусского фронта была включена 1-я польская армия, сформированная по просьбе Союза польских патриотов из добровольцев польской национальности. 16 мая Ставка ВГК директивой № 220100 приказала командующему 1-м Белорусским фронтом: *«Поляков из польских партизанских дивизий, переходящих на нашу сторону, направлять в распоряжение командарма 1-й Польской т. Берлинга, которому после проверки сосредоточивать поляков в запасных частях 1-й Польской армии*[535]». Рокоссовский отмечал: «Армией командовал генерал Зигмунд Берлинг, солидный, серьезный, подтянутый командир. По всему его облику чувствовалось – старый воин, знающий

службу и побывавший в боях. И на самом деле, Берлинг был кадровый польский офицер. Участник боев в период вторжения фашистских оккупантов в Польшу, он решил продолжать борьбу с врагом в польских частях, сражавшихся плечом к плечу с воинами Красной Армии[536]».

По указанию Рокоссовского командующие армиями представили в штаб фронта свои соображения о том, откуда они намерены нанести удар по врагу, и командующий принялся проверять, достаточно ли удачно сделан ими выбор.

Правофланговая 3-я армия располагала плацдармом за Днепром, вполне пригодным для нанесения удара. А вот 48-я армия находилась в гораздо худших условиях. Рокоссовский лично обследовал передний край и убедился, что наступать на этом участке невозможно. Только для того чтобы перевезти легкое орудие, приходилось класть настил из бревен в несколько рядов. Почти сплошные болота с небольшими островками, поросшими кустарниками и густым лесом, исключали возможность сосредоточения тяжелой артиллерии и танков. Поэтому Рокоссовский приказал генералу Романенко перегруппировать свои силы на плацдарм 3-й армии у Рогачева и действовать вместе с войсками генерала Горбатова. Это решение Рокоссовского было вскоре подтверждено и Жуковым, который 5 июня прибыл на временный командный пункт 1-го Белорусского фронта в деревню Дуревичи.

Войскам 3-й армии согласно директиве фронта ставилась задача: *«Прорыв произвести двумя стрелковыми корпусами, основной удар наносить с имеющегося плацдарма на реке Друть. Танковый корпус и второй эшелон армии (два стрелковых корпуса) вводить на левом фланге ударной группировки армии. Северное направление между реками Днепр и Друть оборонять усиленным стрелковым корпусом трехдивизионного состава. На Березину выйти на девятый день операции*[537]». Командующий армией генерал Горбатов не согласился с такой постановкой задачи. Об этом он доложил на совещании, в котором приняли участие командующие армиями, авиацией, бронетанковыми и механизированными войсками, артиллерией фронта.

Чем же обосновывал Горбатов свое решение, отличавшееся от указаний Рокоссовского? Учитывая, что перед плацдармом у противника имеются сплошные минные поля, проволока в пять-шесть рядов, огневые точки в стальных колпаках и бетоне, сильная войсковая и артиллерийская группировка, а также то, что он ожидает наступления именно с этого участка, Горбатов планировал наступать здесь лишь частью сил, а основными силами форсировать Днепр – 35-м стрелковым корпусом правее, у

села Озеране, а 41-м стрелковым корпусом левее плацдарма. Части 80-го стрелкового корпуса должны были наступать севернее, через заболоченную долину Друти между Хомичами и Ректой, используя лодки, сделанные частями корпуса. 9-му танковому и 46-му стрелковому корпусам предстояло быть готовыми к вводу вслед за 41-м стрелковым корпусом, чтобы наращивать удар на левом фланге, как предусмотрено в директиве. В то же время они получили указание быть готовыми также к возможному их вводу за 35-м стрелковым корпусом. Для обороны северного направления между реками Днепр и Друть Горбатов предусматривал вместо корпуса трехдивизионного состава поставить лишь армейский запасной полк, а 40-й стрелковый корпус держать сосредоточенным и подготовленным к вводу для развития успеха. Эту часть решения командарм мотивировал тем, что если противник не нанес по войскам армии удара с севера до сих пор, то, конечно, не будет его наносить и тогда, когда 3-я армия и ее правый сосед – 50-я армия – перейдут в наступление. Выход на Березину планировался не на девятый день, как указано в директиве, а на седьмой.

Маршал Жуков, если судить по мемуарам Горбатова, был недоволен тем, что командарм допустил отступление от директивы фронта. После небольшого перерыва Рокоссовский спросил участников совещания, кто хочет высказаться. Желающих не оказалось. И тут, в отличие от Жукова, командующий фронтом поступил по-иному: он утвердил решение Горбатова. При этом добавил, что 42-й стрелковый корпус, который недавно передан в 48-ю армию, будет наступать вдоль шоссе Рогачев – Бобруйск, как было намечено по предварительному решению Горбатова, имея локтевую связь с 41-м стрелковым корпусом.

Жуков, проинформировав участников совещания об успехах на всех фронтах, дал ряд ценных практических указаний, а потом сказал:

– Где развивать успех, на правом или левом фланге, будет видно в ходе прорыва. Думаю, вы сами откажетесь, без нашего давления, от ввода второго эшелона на правом фланге. Хотя командующий фронтом и утвердил решение, я по-прежнему считаю, что северное направление нужно упорно оборонять силами усиленного корпуса, а не запасным полком. Восьмидесятому стрелковому корпусу нечего лезть в болото, он там увязнет и ничего не сделает. Рекомендую отобрать приданный ему армейский минометный полк.

Генерал Горбатов вынужден был прислушаться к мнению представителя Ставки ВГК. Командарм поставил в оборону 40-й стрелковый корпус, но менять задачу 80-му стрелковому корпусу

не стал.

После совещания Жуков и Рокоссовский отправились в район Рогачева и Жлобина, в расположение 3-й и 48-й армии, а затем в 65-ю армию, где детально изучили местность и оборону противника. Здесь предстояло нанести главный удар в направлении на Бобруйск, Слуцк, Барановичи, а частью сил – через Осиповичи и Пуховичи на Минск. О работе представителя Ставки ВГК в этой армии рассказал в своих мемуарах генерал армии П. И. Батов, которыми мы и воспользуемся.

Г. К. Жуков спросил генерала П. И. Батова:

– Когда последний раз был в войсках?

– Ночью.

– Где?

– В корпусе Иванова, на участке шестьдесят девятой дивизии.

– Покажи на карте.

– Вот, видите этот район болот…

– Можно проехать?

– Не рекомендую. Местность открытая, обстреливается артиллерией. Лучше смотреть ночью.

– Едем сейчас!

– Если решено ехать, товарищ маршал, то весьма ограниченному кругу лиц. Интервал между машинами две-три минуты.

От опушки лесного массива Рокоссовский, Жуков и Батов пошли пешком и вскоре укрылись в ходах сообщения. Первая траншея. Жуков и Рокоссовский наблюдают в бинокли, оценивая местность и тактическую глубину обороны противника. На основе изучения местности были внесены изменения в план предстоящей операции. П. И. Батов пишет, что представленный военным советом армии план армейской операции был утвержден командующим фронтом. «Новое состояло на этот раз в том, – отмечает Павел Иванович, – что помимо утвержденного плана был доложен второй, ускоренный вариант, разработанный по указанию Г. К. Жукова, на случай если наступление будет развиваться стремительно и армия выйдет к Бобруйску не на восьмые, а на шестые сутки или даже раньше. Главный удар намечался, как уже было сказано, через болота, где оборона противника слабее. Отсюда вытекала возможность ввести танковый корпус и стрелковые дивизии вторых эшелонов в первый же день боя. В этом и было зерно, суть ускоренного варианта. Как только стрелковые части преодолеют главную полосу немецкой обороны, входит в бой танковый корпус. Танкисты без больших потерь сами прорвут вторую полосу. Противник не имеет за болотами ни крупных резервов, ни

мощного огня[538]».

После тщательной рекогносцировки местности, изучения обороны противника, оценки сил и состава своих войск и войск противника, Рокоссовский принял окончательное решение прорывать оборону двумя группировками: одной – севернее Рогачева, другой – южнее Паричей. В северную группировку он включил 3-ю, 48-ю армии и 9-й механизированный корпус. В паричскую группировку вошли 65-я, 28-я армии, конно-механизированная группа и 1-й гвардейский танковый корпус.

14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел командно-штабные учения с отработкой хода предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях, на которых присутствовали Жуков и группа генералов из Ставки ВГК. К учениям привлекались командиры корпусов и дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий.

В 65-й армии проработка предстоящих действий прошла по следующему сценарию. Командующий армией генерал Батов доложил обстановку, решение и поставил задачи корпусам. Затем выступили командиры корпусов и дивизий. В ходе учений разбиралось возможное течение боя на отдельных участках, особенности построения боевых порядков, отрабатывалось взаимодействие с соседями и средствами усиления. Подробно разбирались вопросы артиллерийского, инженерного и других видов обеспечения.

Учения прошли успешно. Рокоссовский высоко оценил работу штаба 65-й армии. В последующие трое суток такие же занятия были проведены в других армиях.

Рокоссовский, командуя армией и фронтом, всегда уделял большое внимание вопросам применения артиллерии. Не отступил от этого правила и в Бобруйской операции. Командующий и штаб артиллерии фронта потрудились на этот раз достаточно плодотворно. Они разработали новый метод поддержки атаки пехоты и танков – двойной огневой вал. Сущность его заключалась в том, что в отличие от одинарного огневого вала артиллерия, начиная поддержку атаки пехоты и танков, ставила огневую завесу (вал) не по одному, а одновременно по двум основным рубежам, отстоявшим друг от друга на 400 метров. Последующие основные рубежи намечались также через каждые 400 метров, а между ними находились один-два промежуточных. Для ведения двойного огневого вала создавались две группы артиллерии. Они открывали огонь одновременно – первая по первому основному рубежу, а вторая – по второму. Но в дальнейшем они действовали по-разному. Первая группа вела огонь по всем рубежам – основным и

промежуточным, «шагая» по двести метров. В это же время вторая группа артиллерии вела огонь только по основным рубежам. Как только первая группа, сблизившись, открывала огонь по рубежу, где только что была завеса огня второй группы, последняя делала «шаг» вперед на 400 метров. Так двойной огневой вал велся на два километра. Получалось, что с началом поддержки атаки противник в 400-метровой полосе попадал как бы в огненные тиски. Остальные условия организации и проведения двойного огневого вала сохранялись те же, что и при одинарном: тесное взаимодействие артиллеристов с пехотой и танками, четкие сигналы управления, высокая выучка и слаженность расчетов.

Что достигалось этим методом артиллерийской поддержки? Прежде всего, в 600-метровой полосе всего фронта двойного огневого вала (учитывая поражение осколками снарядов за внешней зоной огня второго рубежа) исключался маневр живой силы и огневых средств противника: он оказывался скован в пространстве между двумя огневыми завесами. При этом создавалась очень высокая плотность огня при поддержке атаки и увеличивалась надежность поражения. И второе: противник из глубины не мог подвести резервы к рубежу непосредственно перед атакующими войсками или занять близкий рубеж для усиления своей обороны и организации контратак.

Двойной огневой вал можно провести лишь при наличии еще одного, не менее важного условия – высокой обеспеченности артиллерии фронта (армии) боеприпасами. С учетом двойного огневого вала на первый день операции планировался расход боеприпасов до 2 – 2,25 боевого комплекта, или до 2000 снарядов на дивизион 122-миллиметровых гаубиц. Но так как операция длится десятки суток, то общий расход боеприпасов армий, действовавших на главном направлении, достигал четырех боевых комплектов. Такой огромный расход боеприпасов был возможен лишь во фронте, который имел много армий. Наличие сильной артиллерийской группировки позволило создать высокую плотность артиллерии на участках прорыва. На решающем направлении она была доведена до 225 орудий и минометов на 1 км фронта, а на отдельных участках – и выше. [539]

Значительный объем работы был выполнен при перевозке войск и техники. Во время Белорусской операции фронт израсходовал более 400 тыс. тонн боеприпасов, около 300 тыс. тонн горючего и почти полмиллиона тонн продовольствия и фуража. Доставлено же этих грузов в период подготовки было еще больше. Немудрено, что железнодорожный транспорт не справлялся с перевозками. 11 июня Жуков докладывал Сталину:

«Продвижение транспортов с боеприпасами для 1-го Белорусского фронта происходит чрезвычайно медленно. В сутки сдается фронту один-два транспорта… Есть основание предполагать, что к установленному сроку фронт обеспечен не будет[540]».

Транспортные затруднения в основном и явились причиной того, что начало операции пришлось перенести с 19 на 23 июня. Наконец к двадцатым числам июня все было готово. Войска четырех фронтов ждали только приказа, чтобы нанести захватчикам сокрушительный удар.

В ночь на 20 июня партизанские отряды, действовавшие в Белоруссии, приступили к операции по массовому подрыву рельсов, уничтожив за три дня 40 865 рельсов[541]. В результате из строя был выведен ряд важнейших железнодорожных коммуникаций и частично парализованы перевозки противника на многих участках железных дорог. Бывший начальник транспортного управления группы армий «Центр» Г. Теске отмечал: *«Молниеносно проведенная в эту ночь крупная операция партизанских отрядов вызвала в отдельных местах полную остановку железнодорожного движения на всех важнейших коммуникациях, ведущих к районам прорыва*[542]».

22 июня во всей полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов была проведена разведка боем силами передовых батальонов, которые на ряде участков вклинились в оборону врага на расстояние от 1,5 до 8 км и вынудили его ввести в бой дивизионные и частично корпусные резервы. Упорное сопротивление противника передовые батальоны встретили на оршанском направлении. Командующий 4-й армией доложил генерал-фельдмаршалу фон Бушу, что советские войска атаковали крупными силами позиции в направлении Орши. Командующий армией, не имея точных данных и переоценив силы 3-го Белорусского фронта, допустил непоправимую ошибку. Из штаба 3-й танковой армии поступило сообщение, что на витебском направлении успешно отбита атака советских войск.

Генерал-фельдмаршал фон Буш, доверившись командующему 4-й армией, продолжал считать главным направление Орша, Минск. Он исключал возможность наступления крупных сил русских на богушевском направлении, в условиях болотистой местности и множества озер, и основное внимание сосредоточил на Минском шоссе. Командующему 4-й армией Буш приказал ввести в бой резервы дивизий и остановить продвижение войск 3-го Белорусского фронта генерала Черняховского на Оршу. Командующий группой армией «Центр» еще не догадывался, что Черняховский ввел его в заблуждение, выдав разведку боем за начало общего наступления, чтобы раскрыть систему огня

обороны противника.

Разведка боем была проведена 22 июня и на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны.

Операция «Багратион» началась 23 июня наступлением войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Войска 6-й гвардейской и 43-й армий 1-го Прибалтийского фронта, преодолевая упорное сопротивление врага, в ночь на 24 июня вышли к Западной Двине, с ходу форсировали реку и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу. Успех сопутствовал также 30-й и 5-й армиям 3-го Белорусского фронта, которые на рассвете 25 июня заняли Богушевск – важный узел сопротивления немецких войск. На оршанском направлении, где наступали 11-я гвардейская и 31-я армии, прорвать вражескую оборону не удалось.

В ночь на 24 июня Рокоссовский вместе с членом военного совета фронта генералом Телегиным, командующими артиллерией и бронетанковыми и механизированными войсками генералами Казаковым и Орлом поехал в 28-ю армию. Наблюдательный пункт командарма А. А. Лучинского был оборудован в лесу. Тут была построена вышка, высота которой равнялась росту самых мощных сосен. С нее Рокоссовский и сопровождавшие его генералы решили наблюдать за развитием сражения на этом участке. Маршал Жуков, в свое время горячо отстаивавший идею главного удара с днепровского плацдарма 3-й армии, отправился туда. Уезжая, он шутя сказал Рокоссовскому, что они с Горбатовым подадут ему руку через Березину и помогут вытащить войска из болот к Бобруйску.

Войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление утром 24 июня. После более чем двухчасовой артиллерийской подготовки, которую довершили налет штурмовиков и залпы «катюш», в атаку пошла пехота. Впервые в Великой Отечественной войне она шла за двойным огневым валом глубиной в 1,5—2 км. Противник, несмотря на ураганный огонь советской артиллерии, быстро пришел в себя, так как не все огневые точки были подавлены. На правом крыле фронта войска 3-й и 48-й армий смогли к исходу дня захватить только первую и вторую траншеи врага.

Более успешно действовали 28-я и 65-я армии. Соединения армии генерала Батова за три часа после начала атаки прошли восемь с половиной километров, прорвав главную полосу вражеской обороны. После ввода в прорыв 1-го гвардейского

танкового корпуса генерала М. Ф. Панова была преодолена вторая полоса обороны противника. По решению командарма вместе с танкистами продвигались передовые отряды на автомобилях. Немецкое командование увидело угрозу и начало спешно перебрасывать от Паричей танковые, артиллерийские подразделения и полки мотопехоты. Однако генерал Батов ввел в сражение 105-й стрелковый корпус генерала Д. Ф. Алексеева, который перекрыл паричской группировке врага все дороги на запад. По реке Березина его блокировала Днепровская военная флотилия контр-адмирала В. В. Григорьева. Командующий 65-й армией доложил Рокоссовскому: *«Прорыв закреплен надежно. Танковый корпус, не встречая сильного сопротивления, идет к населенному пункту Брожа, обтекая с юга и запада бобруйский узел сопротивления*[543]».

На фоне происходившего в полосе 3-й армии донесение командующего 65-й армией представлялось маршалу Жукову неправдоподобным. Во второй половине дня, когда наблюдательный пункт 65-й армии уже свертывался, чтобы перейти вперед, Батова срочно вызвал к телеграфному аппарату Жуков.

– Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии.

– Части восемнадцатого стрелкового корпуса генерала Иванова прорвали оборону противника на фронте восемь километров. К 12 часам они углубились на двенадцать километров. Корпус Панова введен. Ускоренный вариант первого дня наступления выполнен раньше намеченного срока.

– Этого не может быть. У Романенко и Горбатова пройдено всего два километра. Доложите точное расположение войск.

– Стрелковые дивизии корпуса Иванова вышли на рубеж Городец – Протасы. Танковый корпус ведет бой впереди в районе Брожа. Переношу свой командный пункт в Гомзу.

После продолжительного молчания Жуков ответил:

– Приеду смотреть сам.

В 15 часов на наблюдательный пункт генерала П. И. Батова в Гомзу приехали представитель Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков, командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Только проскочили их машины, как артиллерия противника из Паричей накрыла участок дороги. Несмотря на это, Жуков потребовал от командующего армией доклада. Жуков убедился, что войска 65-й армии шли с юго-востока в обход Бобруйска, а вот 3-я армия пока так и не сумела выйти туда же с северо-востока. Следовательно, план окружения противника у

Бобруйска все еще не выполнялся.

Незначительного успеха достигли и войска 48-й армии. *«При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления,* – признавал впоследствии Жуков. – *В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств прорыва. Будучи представителем Ставки, я вовремя не поправил командование фронта*[544]».

В первый день операции произошел случай, доставивший немало неприятных минут командующему 16-й воздушной армией. Экипажи, ведомые штурманом 382-го штурмового авиаполка 300-й штурмовой авиадивизии, потеряли ориентировку. Несмотря на это, они решили сбросить бомбы на лес, где находился… командующий фронтом. Рокоссовский ехал с наблюдательного пункта, остановил машину в лесу и решил отдохнуть. Зашла шестерка штурмовиков и ударила. Автомобиль командующего фронтом был изрешечен. Генерал-полковник авиации Руденко, узнав об этом, приказал немедленно отстранить все экипажи от полетов. В дивизию направили группу офицеров для разбора происшествия.

Неожиданно позвонил командующий фронтом:

– Ты что там делаешь в трехсотой дивизии? Имей в виду: летчики пусть воюют. Накажи непосредственных виновников своей властью. Но жестокости проявлять не нужно.

По указанию генерала Руденко офицеры штаба армии еще раз проверили готовность экипажей, и он разрешил им летать за линию фронта. Впоследствии дивизия хорошо проявила себя в боях, доблестно действовала до конца войны, участвовала в Берлинской операции.

Рокоссовский при встрече с командующим 16-й армией спросил:

– Что предпринял?

– Все летчики, кроме провинившихся, продолжают боевую работу. Результаты расследования представлены на ваше рассмотрение.

– Пусть воюют все, никого не наказывай, – подытожил разговор Константин Константинович.

Маршал Жуков помнил, что командующий 3-й армией генерал Горбатов предлагал нанести удар 9-м танковым корпусом генерала Б. С. Бахарова несколько севернее – из лесисто-болотистого района, где, по его данным, у противника была очень слабая оборона. При разработке плана операции предложение Горбатова не было принято во внимание, и теперь пришлось

исправлять ошибку. Жуков разрешил нанести удар в том месте, которое раньше присмотрел командующий 3-й армией. Это позволило опрокинуть противника и стремительно продвинуться к Бобруйску, отрезая противнику единственный путь отхода через р. Березина.

Для развития успеха операции в сражение были введены подвижные группы: 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова на 1-м Прибалтийском фронте, конно-механизированная группа генерала Н. С. Осликовского, а затем и 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова – на 3-м Белорусском, конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева – на 1-м Белорусском фронте. Утром 25 июня войска 43-й армии генерала А. П. Белобородова (1-й Прибалтийский фронт) и 39-й армии генерала И. И. Людникова (3-й Белорусский фронт) соединились в районе Гнездиловичей. В результате под Витебском в окружении оказались пять пехотных дивизий немецкой 3-й танковой армии общей численностью 35 тыс. человек[545]. 26 июня штурмом был взят Витебск, на следующий день – Орша.

Противник, окруженный в районе Бобруйска, предпринял попытку прорваться на север. Юго-восточнее города он создал группировку, которая в ночь на 28 июня намеревалась начать прорыв. Но ее своевременно обнаружила воздушная разведка. Командующий 16-й воздушной армией генерал Руденко получил приказ Рокоссовского: *«Нанести удар по окруженной группировке до наступления темноты. Время удара и вылета, количество самолетов донести*[546]».

Несмотря на то, что для организации воздушного удара времени отводилось в обрез, командующий 16-й воздушной армией успешно справился с поставленной задачей. В воздух поднялись 526 самолетов, из них 400 бомбардировщиков, и вся эта армада обрушилась на колонны войск противника. В течение полутора часов летчики сбросили на врага 11 300 бомб, выпустили 572 реактивных снаряда, расстреляли свыше 40 тыс. снарядов. Одна за другой группы самолетов атаковали противника и сумели превратить место его сосредоточения в ад. Клубы дыма от горевших автомашин, танков, горючего поднялись над лесом на 300—400 метров. Один за другим раздавались мощные взрывы – рвались боеприпасы. Густое облако пыли и дыма окутало скопление войск и техники врага, не поддающаяся описанию паника охватила солдат и офицеров. Всякое управление войсками было потеряно. Вскоре район, подвергшийся бомбардировке, стал огромным кладбищем.

Специальная комиссия, рассматривавшая результаты

авиационного удара под Бобруйском, установила, что летчики 16-й воздушной армии за полтора часа уничтожили до тысячи вражеских солдат, около 150 танков и штурмовых орудий, около 1000 орудий разного калибра, 6 тыс. автомашин и тягачей, до 3 тыс. повозок и 1500 лошадей.[547]

Окруженная группировка оказалась полностью деморализована, до 6 тыс. солдат и офицеров во главе с командиром 35-го армейского корпуса генералом К. Лютцовом сдались в плен[548]. Правда, почти 5-тысячная колонна врага сумела вырваться из города и двинулась в направлении на Осиповичи, но вскоре была настигнута и уничтожена. 29 июня освободили Бобруйск. А тремя днями раньше войска 2-го Белорусского фронта при активной поддержке соединений 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина освободили Могилев.

Войска 1-го Белорусского фронта в ходе Бобруйской операции добились блестящего успеха: прорвав оборону врага на 200-километровом фронте, они окружили и уничтожили его бобруйскую группировку и продвинулись в глубину до 110 км. Средний темп продвижения составлял 22 км в сутки! И это несмотря на ожесточенное, отчаянное сопротивление врага! В ходе операции войска фронта разгромили главные силы 9-й армии противника и создали условия для стремительного наступления на Минск и Барановичи. Особенностью операции явилось то, что окружение бобруйской группировки в оперативной глубине было достигнуто двусторонним охватом, осуществленным в короткие сроки. Окружение и уничтожение противника протекало как единый процесс. Важнейшей особенностью уничтожения этой группировки явилось массированное применение авиации фронта. В полосе действий 65-й армии применялся новый метод артиллерийской поддержки пехоты и танков – двойной огневой вал. Во всем этом была заслуга командующего фронтом. 29 июня Указом Президиума Верховного Совета СССР К. К. Рокоссовскому было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

В результате первых шести дней наступления советских войск группа армий «Центр» оказалась на пороге катастрофы. Ее оборона оказалась прорвана на всех направлениях 520-километрового фронта. Гитлер, получив сведения об успешном наступлении советских войск в Белоруссии, снял с должности командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Буша. Войска группы армий «Центр» возглавил по совместительству командующий группой армий «Северная Украина» генерал-фельдмаршал В. Модель. Он незамедлительно начал организовывать оборону восточнее Минска. Сюда из групп

армий «Север» и «Северная Украина» перебрасывались охранные и специальные части. Это стало просчетом Моделя, не подозревавшего, что командование Красной Армии одновременно с такой крупной операцией в Белоруссии готовит и другую – Львовско-Сандомирскую операцию силами войск 1-го Украинского фронта маршала Конева.

Успешное завершение Бобруйской операции создало благоприятные условия для проведения Минской наступательной операции. Ее замысел заключался в том, чтобы в ходе развернувшегося преследования врага стремительными ударами войск левого крыла 3-го Белорусского фронта и части сил правого крыла 1-го Белорусского фронта по сходящимся направлениям на Минск во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом завершить окружение минской группировки противника. Одновременно войска 1-го Прибалтийского, правого крыла 3-го Белорусского и часть сил 1-го Белорусского фронтов должны были продолжать стремительное наступление на запад, уничтожать подходившие резервы противника и создать условия для развития наступления на шяуляйском, каунасском и варшавском направлениях. Ставка ВГК планировала овладеть Минском 7 – 8 июля.

Сил на то, чтобы сдержать продвижение советских войск, у генерал-фельдмаршала Моделя явно не хватало. Советские танковые части и соединения, обходя узлы сопротивления, проходили до 50 км в день, а среднесуточный темп продвижения общевойсковых соединений составлял 20 км. Большую помощь наступавшим войскам оказывали белорусские партизаны, разрушавшие коммуникации врага, наносившие ему удары с тыла.

29 июня войска 3-го Белорусского фронта приступили к выполнению поставленных задач. На следующий день главные силы фронта вышли к Березине. Они успешно форсировали реку и, не ввязываясь в затяжные бои, обходя узлы сопротивления на промежуточных рубежах, продвигались вперед. Соединения 5-й гвардейской танковой армии в результате стремительного продвижения вышли на северную окраину Минска. На помощь танкистам подошли стрелковые части 11-й гвардейской и 31-й армий 3-го Белорусского фронта, которые начали отбивать у противника квартал за кварталом. Войска 1-го Белорусского фронта тем временем неотступно преследовали противника на минском и барановичском направлениях. В ночь на 3 июля 1-й гвардейский танковый корпус обошел Минск с юга и вышел на юго-восточную окраину города, где соединился с частями 3-го Белорусского фронта. Тем самым было завершено окружение

основных сил 4-й армии и отдельных соединений 9-й армии общей численностью в 105 тыс. человек.

В направлении Минска одновременно наступали и войска 2-го Белорусского фронта. Они сковывали, дробили и уничтожали соединения противника, не давали им возможности оторваться и быстро отойти на запад. Авиация, прочно удерживая господство в воздухе, наносила мощные удары по противнику, дезорганизовывала планомерное отступление его войск, препятствовала подходу резервов. К исходу 3 июля Минск был полностью освобожден. Вечером Москва салютовала воинам-победителям 24 залпами из 324 орудий. 52 соединения и части Красной Армии получили наименование «Минских». Этой чести, наряду с войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов, были удостоены и войска 1-го Белорусского фронта: 348-я стрелковая дивизия (генерал-майор Н. А. Никитин) 35-го стрелкового корпуса 3-й армии, 1-й гвардейский танковый корпус (генерал-майор танковых войск М. Ф. Панов).

Ликвидация окруженной группировки противника была осуществлена в период с 5 по 12 июля войсками 33-й (генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин), частью сил 50-й (генерал-лейтенант И. В. Болдин) и 49-й (генерал-лейтенант И. Т. Гришин) армий 2-го Белорусского фронта. Исполняющий обязанности командующего 4-й армией, окруженной под Минском, генерал-лейтенант Мюллер признал дальнейшее сопротивление бесполезным и сдался в плен. 17 июля все 57 600 пленных, захваченных в операции «Багратион», под конвоем советских солдат шли по улицам Москвы. Во главе колонны шествовали 19 генералов, мечтавших пройти по Москве победным маршем, но вынужденных теперь идти по ней с поникшими головами побежденных.

У. Черчилль 5 июля писал И. В. Сталину: *«С большой радостью я узнал о Вашей славной победе – взятии Минска – и о колоссальном продвижении, осуществленном непобедимыми русскими армиями на столь широком фронте*[549]».

Генерал К. Типпельскирх, вступивший 25 июня в командование 4-й армией, впоследствии отмечал: *«…Результат длившегося теперь уже 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения, оборонявшиеся на южном фланге 2-й армии, оставались еще полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически полностью утратили свою боеспособность*[550]».

Немецкое командование, стремясь стабилизировать свой фронт на востоке, произвело крупные перегруппировки войск и перебросило в Белоруссию 46 дивизий и 4 бригады из Германии,

Польши, Венгрии, Норвегии, Италии и Нидерландов, а также с других участков фронта.[551]

4 июля войска 3-го и 1-го Белорусского фронтов достигли линии озеро Нарочь, Сморгонь, Красное, Столбцы, Клецк. Войска 1-го Прибалтийского фронта, обеспечивавшие проведение Минской операции с севера, к этому времени вышли западнее Дретунь, Козямы, озеро Мядель. Большую помощь войскам оказали партизаны, которые устраивали засады на путях отхода противника, громили его штабы и отдельные части, захватывали переправы.

На правом крыле 1-го Белорусского фронта соединения 47-й армии генерал-лейтенанта Н. И. Гусева заняли 6 июля Ковель. При этом 11-й танковый корпус получил задачу преследовать отходящего противника. Однако ни командующий 47-й армией, в распоряжение которого поступил корпус, ни его командир генерал-майор танковых войск Ф. Н. Рудкин, не зная действительной обстановки, не организовали разведку противника и местности. Противник сумел отвести свои войска на заранее подготовленный рубеж и организовать там сильную противотанковую оборону. Части 11-го танкового корпуса вступили в бой без поддержки пехоты и артиллерии, не развернув даже своих самоходных полков.

К каким результатам привело такое наступление, можно судить из приказа № 220146 Ставки ВГК от 16 июля, подписанного И. В. Сталиным и генералом А. И. Антоновым. В приказе содержалась весьма неприятная оценка действий командующего фронтом К. К. Рокоссовского и его подчиненных:

«Командующий войсками 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Рокоссовский, лично руководивший действиями войск на ковельском направлении, организацию боя 11-го танкового корпуса не проверил. В результате этой исключительно плохой организации ввода в бой танкового корпуса две танковые бригады, брошенные в атаку, потеряли безвозвратно 75 танков.

Ставка Верховного Главнокомандования предупреждает Маршала Советского Союза Рокоссовского о необходимости впредь внимательной и тщательной подготовки ввода в бой танковых соединений и приказывает:

1. Командующему 47-й армией генерал-лейтенанту Гусеву Н. И. за халатность, проявленную им при организации ввода в бой 11-го танкового корпуса, объявить выговор.

2. Генерал-майора танковых войск Рудкина Ф. И. снять с должности командира 11-го танкового корпуса и направить в распоряжение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии.

3. Назначить командиром 11-го танкового корпуса генерал-майора танковых войск Ющука[552]».

Более успешно действовали войска 1-го Белорусского фронта на барановичском направлении. 8 июля они освободили Барановичи. Особенно отличились здесь бойцы 18-го (генерал-майор И. И. Иванов), 105-го (генерал-майор Д. Ф. Алексеев) стрелковых корпусов 65-й армии, 128-го стрелкового корпуса (генерал-майор П. Ф. Батицкий), 3-го гвардейского стрелкового корпуса (генерал-майор Ф. И. Перхорович), 3-го танкового корпуса (генерал-майор танковых войск Н. М. Теляков) 28-й армии.

Противник, пытаясь найти рубеж, за который можно будет зацепиться, спешил отойти за р. Щара. Рокоссовский принял решение форсировать реку с ходу. Он вызвал к телефону начальника тыла фронта генерала Антипенко:

– Перед нами Щара. Соблазнительно форсировать ее с ходу, но в войсках мало боеприпасов, а это делает предприятие сомнительным. Сможете ли вы подать за короткий срок 400—500 тонн боеприпасов? Немедленного ответа я не жду, подумайте часа два, если нет – я доложу Верховному Главнокомандующему и откажусь от форсирования…

Задача была сложной, но генерал Антипенко еще до истечения двухчасового срока мобилизовал необходимый автотранспорт. *«Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаюсь в том, что сам привязан к этому человеку,* – писал генерал Антипенко, – *с которым меня связывает почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ровным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего. К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда, когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду, что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которого нельзя не выполнить. Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в сношениях с*

подчиненными к формуле «командующий приказал». В этом не было нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков».

Боеприпасы в 65-ю армию и к ее соседям попали вовремя, р. Щара была форсирована с ходу, и к 16 июля армии 1-го Белорусского вышли на линию Свислочь, Пружаны, преодолев за 12 дней 150—170 км. Одновременно продвинулись войска 61-й армии, наступавшей в Полесье в очень тяжелых условиях. 14 июля они выбили врага из Пинска.

В это время войска 1-го Украинского фронта проводили Львовско-Сандомирскую операцию в целях разгрома группы армий «Северная Украина», освобождения западных областей Украины и юго-восточных районов Польши. Войска 1-го Белорусского фронта с 18 июля приступили к осуществлению Люблин-Брестской наступательной операции. Им противостояли основные силы 2-й, 9-й (с 24 июля) армий группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал В. Модель) и 4-я танковая армия группы армий «Северная Украина» (генерал-полковник Й. Гарпе).

Замысел Рокоссовского состоял в том, чтобы ударами в обход Брестского укрепрайона с севера и юга разгромить противника и, развивая наступление на варшавском направлении, выйти к Висле. Основные усилия советское командование сосредоточило на левом крыле, где действовали 70, 47, 8-я гвардейская, 69-я, 2-я танковая, польская 1-я армии, два кавалерийских и один танковый корпус. Их поддерживала авиация 6-й воздушной армии. В этой группировке насчитывалось 7600 орудий и минометов, 1743 танка и САУ, около 1500 самолетов.

По замыслу Рокоссовского, ей предстояло разгромить противостоящего противника и, форсировав на 3—4-й день операции р. Западный Буг, развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Лукув, Люблин.

Нанесение главного удара командующий фронтом возложил на 47-ю, 8-ю гвардейскую и 69-ю армии. Им предписывалось прорвать оборону противника западнее Ковеля, обеспечить ввод в сражение подвижных войск и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и Люблин. После форсирования Западного Буга Рокоссовский намечал развивать наступление силами 8-й гвардейской и 2-й танковой армий на Лукув, Седльце, а частями 69-й и польской 1-й армий – на Люблин, Михув. От командующего 47-й армией требовалось наступать на Бяла-Подляска и не допустить отхода к Варшаве войск противника, действовавших к востоку от рубежа Седльце, Лукув, а от 70-й армии – нанести удар на Брест с юга.

Учитывая необходимость прорыва сильно укрепленной обороны противника, Рокоссовский предусмотрел глубокое оперативное построение войск левого крыла фронта. Первый эшелон составляли 70, 47, 8-я гвардейская, 69-я армии; второй эшелон – польская 1-я армия; для развития успеха предназначались 2-я танковая армия, два кавалерийских и один танковый корпус. На участках прорыва создавались высокие плотности сил и средств: 1 стрелковая дивизия, до 247 орудий и минометов и около 15 танков непосредственной поддержки пехоты на 1 км фронта. На период прорыва обороны противника в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армий было передано по одной дивизии, а 8-й гвардейской армии – один корпус штурмовой авиации.

Штаб артиллерии фронта, планируя артиллерийское наступление на левом крыле, стремился предельно упростить график артиллерийской подготовки, однако не в ущерб ее мощности и надежности. Благодаря высокой обеспеченности фронта боеприпасами было спланировано всего два, но зато очень мощных 20-минутных огневых налета – в начале и в конце артиллерийской подготовки. А учитывая прочность вражеской обороны на этом направлении, в график артиллерийской подготовки между двумя огневыми налетами включили 60-минутный период разрушения. Поддержку атаки решили вновь осуществить уже оправдавшим себя двойным огневым валом.

На правое крыло фронта (48, 65, 28, 61-я армии, конно-механизированные группы генералов П. А. Белова и И. А. Плиева, поддерживаемые с воздуха 16-й воздушной армией генерал-полковника авиации С. И. Руденко) маршал Рокоссовский возложил задачу нанести удар на варшавском направлении, в обход брестской группировки с севера. Соединения 28-й армии должны были нанести удар на Брест с севера, а 61-й армии – с востока и во взаимодействии с 70-й армией разгромить брестскую группировку врага.

Однако тщательно разработанным планам не суждено было претвориться в жизнь. Хорошо изучив повадки противника, Рокоссовский опасался, как бы тот не вывел из-под огня свои основные силы, занимавшие главную полосу обороны. Удайся врагу такой маневр – и огромной силы удар артиллерии придется по пустому месту, а сотни тысяч дорогостоящих снарядов и мин будут выброшены на ветер. Такого нельзя было допустить, и командующий фронтом решил, прежде чем проводить спланированную артиллерийскую подготовку и бросать в бой главные силы, проверить на прочность вражескую оборону действиями усиленных передовых батальонов.

18 июля в 5 часов началась сравнительно короткая 30-минутная артиллерийская подготовка, по окончании которой передовые батальоны решительно атаковали вражеские позиции. Действия каждого батальона поддерживались артиллерией. Сопротивление противника оказалось незначительным, и передовые батальоны, быстро выбив его из первой траншеи, начали продвигаться вперед. Их успех исключил необходимость проведения запланированного артиллерийского наступления. В 9 часов в сражение были введены главные силы армий – началось общее наступление. К исходу дня оборона врага была прорвана на фронте 30 км и на глубину до 13 км, а к исходу 21 июля прорыв расширен до 130 км по фронту и в глубину более 70 км. Войска на широком фронте вышли к р. Западный Буг, с ходу на трех участках форсировали ее и вступили на территорию Польши. К этому времени армии правого крыла фронта с боями выходили к Западному Бугу северо-западнее Бреста. К исходу 21 июля они заняли рубеж восточнее Нарева, Боцьки, Семятичи, южнее Черемхи, западнее Кобрина.

Успешно развивались события и на 1-м Украинском фронте. Его войска разгромили к исходу 22 июля бродскую группировку противника, форсировали с ходу р. Сан в районе Ярослава и захватила плацдарм на ее западном берегу.

В это время в стане противника произошли важные события. 20 июля во время совещания в ставке Гитлера была предпринята попытка покушения на фюрера. Однако Гитлер уцелел и жестоко расправился не только с заговорщиками, но и со всеми заподозренными в нелояльности режиму. Начальником Генерального штаба Главного командования сухопутных войск был назначен генерал Г. Гудериан. Приняв дела, он пришел к выводу, что *«положение группы армий «Центр» после 22 июля 1944 г. было просто катастрофическим; худшего ничего и не придумаешь… Русские, казалось, неудержимым потоком хлынули к р. Висла от Сандомира до Варшавы… Единственные имевшиеся в нашем распоряжении силы находились в Румынии, в тылу группы армий «Южная Украина». Уже одного взгляда на карту железных дорог было достаточно, чтобы понять, что переброска этих резервов займет много времени*[553]».

Генерал Гудериан принял энергичные меры для восстановления фронта обороны по западному берегу Вислы. Сюда спешно выдвигались резервы из глубины и с других участков фронта. В действиях войск противника стало проявляться еще больше упорства. Жуков отмечал, *что «командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действия. В связи с тем, что*

сплошного фронта обороны у немцев не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта[554]».

Однако и Гудериану оказалось не под силу остановить продвижение советских войск.

Войска 1-го Украинского фронта форсировали 29—31 июля Вислу и захватили на ее западном берегу южнее и севернее Сандомира несколько плацдармов. Учитывая развитие наступления войск по двум расходящимся направлениям – сандомирскому и карпатскому, Сталин приказал образовать из войск его левого крыла (1-я гвардейская, 18-я и 8-я воздушная армии) новый 4-й Украинский фронт под командованием генерал-полковника И. Е. Петрова.

А в это время на левом крыле 1-го Белорусского фронта войска 47-й армии генерал-лейтенанта Н. И. Гусева, 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова и 69-й армии генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи, форсировав 21 и 22 июля Западный Буг, захватили плацдарм на противоположном берегу реки (80 км по фронту и 50 км в глубину).

21 июля Ставка ВГК своей директивой № 220149 потребовала от маршала Рокоссовского: *«1. Не позже 26—27 июля с. г. овладеть городом Люблин, для чего в первую очередь использовать 2-ю танковую армию Богданова и 7 гв. кк Константинова. Этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши*[555]».

О каких интересах в данном случае шла речь?

Как известно, в годы Второй мировой войны в Лондоне существовало польское эмигрантское правительство во главе с С. Миколайчиком, которое ориентировалось на западных союзников. Этому правительству подчинялась Армия Крайова (АК) генерала Т. Бур– Комаровского. В противовес правительству Миколайчика силы, ориентировавшиеся на СССР, создали 21 июля в городе Хелм Польский комитет национального освобождения (ПКНО), которым руководил Э. Осубка-Моравский. В тот же день из частей Армии Людовой (АЛ), находившейся на освобожденной территории Польши, и Польской армии в СССР было создано Войско Польское под командованием генерала М. Роля-Жимерского. С целью оказать помощь ПКНО и Войску Польскому и требовалось быстро овладеть Люблином.

Кроме того, еще 14 июля представители Ставки ВГК маршалы

Жуков и Василевский, командующие войсками 1-го Украинского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов, получили директиву Ставки ВГК № 220145 о разоружении польских отрядов, возглавляемых эмигрантским правительством Польши[556]. В директиве говорилось:

«Наши войска, действующие на территории Литовской ССР и в западных областях Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооруженными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство. Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. По обнаружении личный состав этих отрядов немедленно разоружать и направлять на специально организованные пункты сбора для проверки.

2. В случаях сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооруженную силу.

3. О ходе разоружения польских отрядов и количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в Генштаб[557]».

Представитель Ставки ВГК маршал Жуков торопил с движением левого крыла 1-го Белорусского фронта на Ковель. По мнению генерала Батова, фронтовое командование, бросив силы на Ковель, глубоко не вникало в сложившиеся трудности в полосе 65-й и 48-й армий. А в это время противник силами 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 4-й танковой дивизии готовился нанести встречные удары по 65-й армии, чтобы соединиться в районе Клещелей. Генерал Батов по телеграфу сообщил Рокоссовскому: «Перехвачен радиопереговор. Противник готовит встречные контрудары из района Бельска и Высоколитовска на Клещели. Войска готовлю для отражения танков противника. Сил недостаточно. Боевые порядки разрежены. Резервов не имею». Командующий фронтом приказал: «Примите меры к удержанию занимаемых рубежей. Помощь будет оказана».

К полудню 23 июля северной и южной группировкам немецких войск, наносившим контрудар, удалось соединиться. Командующий 65-й армией быстро связался с Рокоссовским и доложил: «Противник наносит встречный контрудар с двух направлений на Клещели. Штаб армии отведен в Гайновку. Сам с оперативной группой нахожусь и управляю боем на…».

Генерал Батов не успел закончить доклад: на наблюдательном пункте появились вражеские танки. Командарму

и оперативной группе штаба армии удалось на автомобилях оторваться от противника и благополучно добраться до Гайновки, куда переехал штаб армии.

Рокоссовский, обеспокоенный внезапным прекращением переговоров, немедленно выслал в разведку эскадрилью истребителей. Однако они ничего не обнаружили. Вечером на командный пункт 65-й армии в Гайновку прибыли маршалы Жуков и Рокоссовский.

– Докладывай свое решение, – приказал Батову маршал Жуков.

– Силами двух подошедших батальонов армейского запасного полка и отдельных частей 18-го стрелкового корпуса при огневой поддержке дивизионов гвардейских минометов решил нанести удар на Клещели со стороны Гайновки. Одновременно корпус Алексеева наступает с юга.

– Решение правильное, да сил маловато, – признал Жуков. – А надо не только восстановить живую связь с корпусами, но обязательно вновь захватить плацдарм за Бугом. Поможем.

На помощь генералу Батову из 28-й армии спешно перебрасывался 53-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта И. А. Гарцева и 17-я танковая бригада Донского корпуса, находившаяся на переформировании. Подход этих сил ожидался ночью. 24 июля стрелковые корпуса И. А. Гарцева и Д. Ф. Алексеева во взаимодействии с 17-й танковой бригадой разгромили противника под Клещелями и за два дня боев восстановили прежнее положение войск 65-й армии. К исходу 26 июля войска 65-й и 28-й армий вышли к Западному Бугу, охватив брестскую группировку врага с севера и северо-запада. В это время 70-я армия генерал-полковника В. С. Попова форсировала Западный Буг южнее Бреста и обошла город с юго-запада. С востока к нему подходили соединения 61-й армии генерал-лейтенанта П. А. Белова. В течение 28 июля войска 28-й, 70-й армий и 9-й гвардейский стрелковый корпус 61-й армии заняли Брест и на следующий день в лесах западнее города завершили разгром до четырех дивизий противника. После этого 61-я и 70-я армии директивой № 220148 были выведены в резерв Ставки ВГК.

Армии левого крыла 1-го Белорусского фронта продолжали наращивать свои усилия. 27 июля войска 47-й армии вышли на рубеж Мендзыжец, Лукув, 8-й гвардейской армии – западнее Лукува, Демблин, а передовые части 69-й армии подходили к Висле. 28 июля на стыке 8-й гвардейской и 69-й армий была введена в сражение польская 1-я армия, которая также подходила к Висле в районе Демблина и приняла от 2-й танковой армии ее участок. Соединения 2-й танковой армии, повернув на северо-

запад, продолжали наступление вдоль правого берега Вислы к Варшаве.

К исходу 28 июля основные силы 1-го Белорусского фронта, встретив упорное сопротивление усиленной резервами немецкой 2-й армии на рубеже южнее Лосице, Седльце, Гарволин, вынуждены были развернуться фронтом на север. В тот же день Ставка ВГК директивой № 220162 поставила маршалу Рокоссовскому следующую задачу:

*«1. После овладения районом Брест, Седлец правым крылом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5—8 августа овладеть Прагой (*предместье Варшавы. *– Авт.) и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла и тем самым обеспечить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь…* [558]».

Ставка ВГК, стремясь активизировать наступательный порыв войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, направила им 29 июля директиву № 220166, в которой говорилось: «*Приказ Ставки о форсировании р. Висла и захвате плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу. Командование фронта обязано максимально обеспечить переправочными средствами те армии, в полосе которых Висла должна быть форсирована согласно приказу Ставки. Однако и другие армии при наличии возможности также должны форсировать р. Висла. Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает вас довести до сведения всех командармов вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза».*

Одновременно Сталин возложил на маршала Жукова не только координацию, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

В директиве Ставки ВГК № 220162 задача на овладение Варшавой не ставилась, так как в ее распоряжении не имелось крупных резервов, которые она могла бы выделить в распоряжение Рокоссовского. В этот период советские войска

вели упорные бои с противником в Прибалтике и Восточной Пруссии. Войска 1-го Украинского фронта, только что освободившие Львов, пытались захватить плацдарм за Вислой в районе Сандомира.

Войска 1-го Белорусского фронта продолжали развивать успешное наступление. Соединения 2-й танковой армии, действовавшие на варшавском направлении, 30 июля вышли на подступы к Праге (предместье Варшавы). Однако противник своевременно предпринял контрмеры: к вечеру 31 июля перед 2-й танковой армией появились спешно переброшенные с других участков фронта 19-я танковая дивизия, танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг», парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и ряд пехотных соединений 2-й армии. С утра 1 августа эта группировка, находившаяся под защитой мощных инженерных сооружений на подступах к Праге, нанесла контрудар по соединениям 2-й танковой армии. В результате советские части оказались в тяжелом положении. К тому же армия, преодолев за десять дней более 300 км, испытывала острый недостаток в горючем и боеприпасах. Тылы отстали и не могли обеспечить своевременный подвоз всего необходимого для продолжения наступления. Поэтому Рокоссовский приказал 2-й танковой армии временно приостановить штурм Праги и перейти к обороне. Не увенчалась успехом и попытка 1-й польской армии совершить 31 июля бросок через Вислу.

Более успешно действовала 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова. Около 12 часов 31 июля Рокоссовский вызвал командарма к ВЧ и сказал:

– Немедленно приступайте к подготовке форсирования Вислы на участке Мацейовице, Стенжица, чтобы дня через три начать форсирование с целью захвата плацдарма. Краткий план операции донести 1 августа до двух часов дня.

– Задачу понял, – ответил Чуйков. – Прошу разрешения форсировать на участке от устья Вильги до деревни Подвежбе. Хочу, чтобы на том берегу фланги опирались на Пилицу и Радомку. Переправу могу начать не через три дня, а завтра утром. Все подготовительные работы проделаны, а чем быстрее начнем, тем больше шансов на успех.

– У вас мало артиллерии и переправочных средств. Подкрепления от фронта вы сможете получить не раньше чем через три дня. Ставка придает этой операции большое значение и хочет, чтобы успех был обеспечен в максимальной степени.

– Понимаю, но я рассчитываю прежде всего на внезапность. Если удар будет нанесен неожиданно, мне хватит тех средств, которыми располагаю. Прошу разрешения начать завтра утром.

– Хорошо. Согласен. Еще раз все продумайте и пришлите донесение. Доведите до сведения командиров всех степеней, что солдатам и офицерам, отличившимся при форсировании Вислы, будет присвоено звание Героя Советского Союза.

– Есть! Завтра начинаю. Немедленно посылаю сообщение с планом операции.

Интуиция и опыт не подвели генерала Чуйкова. Его войска с утра 1 августа приступили к форсированию Вислы в районе Магнушева, а к исходу дня захватили на западном берегу реки плацдарм шириной в 15 км и глубиной до 10. К 4 августа вся 8-я гвардейская армия находилась уже на плацдарме, вплоть до танков и тяжелой артиллерии.

В результате Люблин-Брестской операции было завершено освобождение юго-западных областей Белоруссии и восточных районов Польши. В ходе операции войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на 260 км, форсировали с ходу Вислу, захватили плацдармы на ее западном берегу, создав благоприятные условия для последующего наступления на варшавско-берлинском направлении. В этой операции маршал Рокоссовский снова продемонстрировал высокие полководческие качества. Особенностями операции являлись: ведение наступления группировками войск фронта на удаленных друг от друга направлениях, одна из них переходила в наступление из заблаговременно подготовленного исходного района, а другая – с ходу, после завершения предыдущей операции; непрерывное оперативное взаимодействие между войсками правого и левого крыльев фронта; решительное сосредоточение сил и средств на направлениях главных ударов фронта и армий; широкое маневрирование подвижными войсками; применение различных способов разгрома вражеских группировок – брестской путем окружения и последующего уничтожения, а люблинской – нанесением глубоких рассекающих ударов; форсирование с ходу крупных водных преград с захватом и расширением плацдармов.

Окончание Люблин-Брестской операции совпало с началом восстания в Варшаве. Командование Армии Крайовы с этой целью разработало план под условным названием «Буря». Он был одобрен премьер-министром польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком. По этому плану, в момент вступления Красной Армии на территорию Польши (а под ней понималась Польша в границах на 1 сентября 1939 г., в том числе Западные Украина и Белоруссия) отряды Армии Крайовы должны были выступить против арьергардов немецких войск и содействовать переходу политической власти на освобожденной территории в руки вышедших из подполья сторонников

эмигрантского правительства. «Когда армии Рокоссовского, казалось, неудержимо продвигались к польской столице, – пишет К. Типпельскирх, – польское подпольное движение сочло, что час восстания пробил. Не обошлось, конечно, и без подстрекательства со стороны англичан. Ведь призывать к восстанию население столиц, освобождение которых приближалось, стало со времени освобождения Рима и позднее Парижа их обычаем. Восстание вспыхнуло 1 августа, когда сила русского удара уже иссякла и русские отказались от намерения овладеть польской столицей с хода. Вследствие этого польские повстанцы оказались предоставленными самим себе[559]».

Еще накануне вступления Красной Армии на территорию Польши военный совет польской 1-й армии обратился к соотечественникам с призывом помогать «советским войскам уничтожать немецкие вооруженные силы, подниматься на борьбу с оружием в руках и готовиться к восстанию». Аналогичные призывы исходили и от командования Армии Людовой. Ясно было, что схватка за власть в освобожденной Польше между прозападными и просоветски ориентированными силами неминуема.

21 июля, в день создания ПКНО, генерал Т. Бур-Комаровский доложил по радио эмигрантскому правительству: *«Я отдал приказ о состоянии готовности к восстанию с часу ночи 25 июля».*

Правительство С. Миколайчика сообщило 25 июля своему политическому представителю в Варшаве и командованию АК, что они самостоятельно могут принять решение о начале восстания. В это время Миколайчик находился в Москве, где состоялась его беседа с В. М. Молотовым. Польский премьер, подчеркнув, что сам он представляет силы, желающие сотрудничать с СССР и «иметь за собой почти все население Польши», заявил, что все польские вооруженные силы получили приказ вести борьбу совместно с советскими вооруженными силами. Молотов, в свою очередь, заметил, что у него есть сведения «не совсем такого характера». Миколайчик сообщил, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировках аэродромов около Варшавы». Он также сказал, что план предложен правительству Великобритании с просьбой передать его советскому правительству.[560]

Таким образом, между польским эмигрантским правительством и правительством СССР не удалось достигнуть какого-либо взаимопонимания по вопросу о предстоящем восстании в Варшаве. Отношение польского эмигрантского правительства и командования Армии Крайовой к военному

сотрудничеству с Советским Союзом было сформулировано еще в мае 1944 г. Оно заключалось в следующем: *«Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что, не имея достаточно сил для борьбы на два фронта, должны мы соединиться с одним врагом для победы над вторым… При определенных условиях мы готовы к сотрудничеству с Россией в военных действиях, но отмежевываемся от нее политически*[561]».

Свое отношение к Армии Крайовой Ставка ВГК выразила в директиве № 220169, направленной 31 июля командующим войсками 1-го Украинского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, Главнокомандующим Вооруженными Силами Польши и командующему польской 1-й армией:

«1. Ввиду того, что территория Польши восточнее Вислы в большей своей части освобождена от немецких захватчиков и нет необходимости в продолжении боевой работы польских партизан на этой части территории Польши, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды Армии Крайовой, подчиненные Польскому комитету национального освобождения, желающие продолжать борьбу с немецкими захватчиками, направлять в распоряжение командующего 1-й Польской армией (Берлинга) для того, чтобы влить их в ряды регулярной польской армии. Партизаны этого рода сдают имеющееся у них старое оружие, чтобы получить новое, лучшее вооружение.

2. Ввиду того, что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боевых действий Красной Армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов Армии Крайовой, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды, входящие в состав Армии Крайовой или других подобных организаций, несомненно, имеющие в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать. Офицерский состав этих отрядов интернировать, а рядовой и младший начсостав направлять в отдельные запасные батальоны 1-й Польской армии Берлинга. Оружие, изъятое из отрядов, сдавать на армейские артиллерийские склады.

Командующему 1-й Польской армией для этой цели сформировать к 7 августа сего года отдельные запасные батальоны: для 3-го Белорусского фронта в районе Вильно, для 2-го Белорусского фронта в районе Белостока, для 1-го Белорусского фронта в районе Люблина и для 1-го Украинского фронта в районе Ярослава.

Рядовой и младший начсостав, направленный в отдельные запасные батальоны, тщательно проверять информационному отделу 1-й Польской армии. Проверенных направлять в запасный

полк 1-й Польской армии в город Люблин.

3. О ходе разоружения и количестве рядового и младшего начсостава, направленного в 1-ю Польскую армию, а также о количестве интернированных офицеров доносить в Генеральный штаб через каждые 5 дней, начиная с 1 августа сего года[562]».

Рокоссовский в своих мемуарах следующим образом характеризовал Армию Крайову: «От первой же встречи с представителями этой организации у нас остался неприятный осадок. Получив данные, что в лесах севернее Люблина находится польское соединение, именующее себя 7-й дивизией АК, мы решили послать туда для связи нескольких штабных командиров. Встреча состоялась. Офицеры-аковцы, носившие польскую форму, держались надменно, отвергли предложение о взаимодействии в боях против немецко-фашистских войск, заявили, что АК подчиняется только распоряжениям польского лондонского правительства и его уполномоченных… Они так определили отношение к нам: «Против Красной Армии оружие применять не будем, но и никаких контактов иметь не хотим[563]».

Восстание в Варшаве началось 1 августа. *«Это известие сильно нас встревожило,* – вспоминал Рокоссовский. – *Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Все произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение… Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло еще, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окруженных там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седлеца фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулавы, захватили и стали расширять плацдармы на ее западном берегу – в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были ее выполнить. Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание*[564]».

Командование Армии Крайовой, начав восстание, плохо подготовило его в военно-техническом отношении. Против гарнизона немецких войск численностью 16 тыс. человек, вооруженных артиллерией, танками и авиацией, выступило 25—35 тыс. повстанцев, из которых лишь 10% были оснащены легким стрелковым оружием, боеприпасов же имелось не более чем на два-три дня. Обстановка в Варшаве складывалась не в пользу повстанцев. Многие подпольные организации не были оповещены о сроках начала восстания и потому вступили в борьбу разрозненно. В первый день сражалось не более 40% боевых сил. Они не смогли захватить ключевые объекты столицы: вокзалы, мосты, почтовые отделения, командные пункты.

Однако, когда восстание началось, в нем приняло участие и население Варшавы. На улицах города началось возведение баррикад. Руководство Польской Рабочей партии и командование Армии Людовой приняли 3 августа решение примкнуть к восстанию, хотя признавали его цели реакционными. В первые дни удалось освободить ряд районов города. Но затем положение с каждым днем ухудшалось. Не хватало боеприпасов, медикаментов, продовольствия, воды. Повстанцы несли большие потери. Противник же, быстро наращивая силы, стал теснить патриотов. Им пришлось оставить большую часть освобожденных районов города. Теперь они удерживали лишь центр Варшавы.

Правительство Советского Союза, несмотря на заверения Миколайчика, не получило от английского правительства сведений о планах восставших и времени начала выступления. И это несмотря на то, что правительство Великобритании располагало такой информацией. Только 2 августа в Генеральный штаб Красной Армии поступило сообщение о том, что в Варшаве 1 августа в 17 часов начались бои, поляки просят прислать им необходимые боеприпасы и противотанковое оружие, а также оказать помощь «немедленной атакой извне[565]».

Эта информация 3 августа была направлена Молотову. Сталин принял представителей польского эмигрантского правительства во главе с Миколайчиком. В протоколе этой встречи, опубликованном в Польше, отмечалось, что польский премьер говорил об освобождении Варшавы «со дня на день», об успехах подпольной армии в борьбе с немецкими войсками и о необходимости помощи извне в форме поставок оружия. Сталин выразил сомнение относительно действий Армии Крайовы, заявив, что в современной войне армия без артиллерии, танков и авиации, даже без достаточного количества легкого стрелкового оружия, не имеет никакого значения и он не представляет, как Армия Крайова может изгнать противника из Варшавы. Сталин

добавил также, что не допустит акций АК за линией фронта, в тылу Красной Армии, а также заявлений о новой оккупации Польши.[566]

Попробуем выяснить, в каком же состоянии находились войска 1-го Белорусского фронта и могли ли они оказать помощь восставшим. С мнением Рокоссовского, изложенным в его мемуарах, мы уже познакомились. А теперь посмотрим, что он и Жуков докладывали 6 августа Сталину:

«1. Сильная группировка противника действует на участке Соколув, Подляски, Огрудек (10 км сев. Калушин), п. Станисланув, Воломин, Прага.

2. Для разгрома этой группировки противника у нас оказалось недостаточно сил».

Жуков и Рокоссовский просили разрешить им воспользоваться последней возможностью – ввести в сражение только что выделенную в резерв 70-ю армию, состоявшую из четырех дивизий, и дать на подготовку операции три дня. В докладе подчеркивалось: «Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным в связи с тем, что до этого времени мы не успеваем подвезти минимально необходимого количества боеприпасов».

Как мы видим, воспоминания Рокоссовского и доклад Сталину по содержанию не отличались друг от друга.

8 августа Жуков и Рокоссовский представили Сталину предложения по плану Варшавской операции, которую предполагалось начать 25 августа всеми силами фронта с целью занятия Варшавы. Эти предложения базировались на точном расчете времени, в течение которого необходимо было осуществить следующие подготовительные мероприятия: провести с 10 по 20 августа операцию армиями правого и левого крыльев 1-го Белорусского фронта; перегруппировать войска, подвезти горюче-смазочные материалы и боеприпасы, пополнить личный состав частей.[567]

9 августа Сталин снова принял Миколайчика, который просил немедленно помочь восставшей Варшаве оружием, прежде всего гранатами, стрелковым оружием и боеприпасами. На это Сталин ответил:

– Все эти действия в Варшаве кажутся нереальными. Могло бы быть иначе, если бы наши войска подходили к Варшаве, но, к сожалению, этого не произошло. Я рассчитывал, что мы войдем в Варшаву 6 августа, но нам это не удалось.

Указав на сильное сопротивление противника, которое встретили советские войска в боях за предместье Варшавы – Прагу, Сталин сказал:

– У меня нет сомнений, что мы преодолеем и эти трудности, но для этих целей мы должны перегруппировать наши силы и ввести артиллерию. Все это требует времени.

Сталин выразил сомнение относительно эффективности помощи повстанцам с воздуха, поскольку таким образом можно доставлять лишь определенное количество винтовок и пулеметов, но не артиллерию и сделать это в городе с опасной концентрацией немецких сил – чрезвычайно трудная задача. Однако, добавил он, «мы должны попытаться, мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы помочь Варшаве».

Ввод в сражение уставших и обескровленных дивизий 70-й армии положения не изменил. Варшава была рядом, но прорваться к ней не удавалось, каждый шаг стоил огромного труда.

12 августа генерал Бур-Комаровский, уже не раз обращавшийся к эмигрантскому правительству с просьбой об оказания помощи, снова просит срочно прислать оружие, боеприпасы, высадить десант в Варшаве. Но помощь поступала мизерная. Англичане отказались послать в Варшаву парашютный десант, но согласились организовать помощь с воздуха. Английские ВВС, действуя с аэродромов Италии, в ночь на 4, 8 и 12 августа доставили повстанцам 86 т грузов, в основном оружие и продовольствие. 14 августа союзники поставили перед советским руководством вопрос о челночных полетах американских бомбардировщиков из Бари (Италия) на советские базы, чтобы оказывать более эффективную помощь повстанцам путем сбрасывания необходимых им грузов. Ответ советских руководителей, упрекавших союзников в том, что они своевременно не поставили их в известность о готовившемся восстании, был отрицательным. 16 августа И. В. Сталин сообщил премьер-министру Великобритании У. Черчиллю: *«После беседы с Миколайчиком я распорядился, чтобы командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы… В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную, ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв».* Поэтому, писал Сталин, советское командование пришло к выводу о необходимости отмежевания от нее.[568]

20 августа президент США Ф. Рузвельт и У. Черчилль обратились с посланием к И. В. Сталину. Нужно сделать все, полагали они, чтобы спасти как можно больше патриотов, находящихся в Варшаве. В своем ответе от 22 августа Сталин заявил, что «рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем

известна» и что восстание, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, с военной точки зрения не выгодно ни Красной Армии, ни полякам. Сталин сообщал, что советские войска делают все возможное, чтобы сломить контратаки противника и предпринять «новое широкое наступление под Варшавой[569]».

Об этом говорил и маршал Рокоссовский 26 августа корреспонденту английской газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-би-си А. Верту. Командующий 1-м Белорусским фронтом сказал Верту:

– Я не могу входить в детали. Скажу вам только следующее. После нескольких недель тяжелых боев в Белоруссии и в Восточной Польше мы в конечном счете подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В этот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

– Как далеко назад?

– Не могу вам точно сказать, но, скажем, километров на сто.

– И вы все еще продолжаете отступать?

– Нет, теперь мы наступаем, но медленно.

– Думали ли вы 1 августа (как дал понять в тот день корреспондент «Правды»), что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

– Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, хотя и не лобовой атакой, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100. Не исключена была возможность немецкой контратаки в районе Праги, хотя теперь нам известно, что до прибытия этих четырех танковых дивизий немцы в Варшаве впали в панику и в большой спешке начали собирать чемоданы.

– Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

– Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами.

– Но ведь была передача Московского радио, призывавшая их к восстанию?

– Ну, это были обычные разговоры. Подобные же призывы к восстанию передавались радиостанцией «Свит» Армии Крайовой, а также польской редакцией Би-би-си – так мне по крайней мере говорили, сам я не слышал. Будем рассуждать серьезно. Вооруженное восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии. Правильный выбор времени являлся здесь делом огромнейшей важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были

уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов боев за Варшаву, и я признаю, что некоторые советские корреспонденты проявили 1 августа излишний оптимизм. Нас теснили, и мы даже при самых благоприятных обстоятельствах не смогли бы овладеть Варшавой раньше середины августа. Но обстоятельства не сложились удачно, они были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются. Нечто подобное произошло в марте 1943 года под Харьковом и прошлой зимой под Житомиром.

– Есть ли у вас шансы на то, что в ближайшие несколько недель вы сможете взять Прагу?

– Это не предмет для обсуждения. Единственное, что я могу вам сказать, так это то, что мы будем стараться овладеть и Прагой и Варшавой, но это будет нелегко.

– Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

– Да, однако немцы из кожи вон лезут, чтобы ликвидировать их. Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши, но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

– А вы не можете оказать варшавским повстанцам помощь с воздуха?

– Мы пытаемся это делать, но, по правде говоря, пользы от этого мало. Повстанцы закрепились только в отдельных точках Варшавы, и большинство грузов попадает к немцам.

– Почему же вы не можете разрешить английским и американским самолетам приземляться в тылу у русских войск, после того как они сбросят свои грузы в Варшаве? Ваш отказ вызвал в Англии и Америке страшный шум…

– Военная обстановка на участке к востоку от Вислы гораздо сложнее, чем вы себе представляете. И мы не хотим, чтобы именно сейчас там вдобавок ко всему находились еще и английские и американские самолеты. Думаю, что через пару недель мы сами сможем снабжать Варшаву с помощью наших низколетящих самолетов, если повстанцы будут располагать сколько-нибудь различимым с воздуха участком территории в городе. Но сбрасывание грузов в Варшаве с большой высоты, как это делают самолеты союзников, практически совершенно бесполезно.

– Не производит ли происходящая в Варшаве кровавая бойня и сопутствующие ей разрушения деморализующего воздействия на местное польское население?

– Конечно, производит. Но командование Армии Крайовой

совершило страшную ошибку. Мы, Красная Армия, ведем военные действия в Польше, мы та сила, которая в течение ближайших месяцев освободит всю Польшу, а Бур-Комаровский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке – как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковер… Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идет о политической авантюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за нее пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши. Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма.

Беседа маршала Рокоссовского с английским корреспондентом, как отмечалось, состоялась 26 августа, а через три дня завершилась Белорусская стратегическая наступательная операция. В ходе операции войска 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов разгромили группу армий «Центр», нанесли поражение группам армий «Север» и «Северная Украина». 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий лишились более половины своего состава, уничтожено около 2000 самолетов противника. Потери врага составили около 409, 4 тыс. солдат и офицеров, в том числе 255, 4 тыс. безвозвратно. В плен попало более 200 тыс. немецких солдат и офицеров[570]. Генерал Г. Гудериан, оценивая итоги наступления советских войск, писал: «Этим ударом в крайне тяжелое положение была поставлена не только группа армий «Центр», но и группа армий «Север»[571]».

Победа в операции «Багратион» досталась дорогой ценой. Потери советских войск составили: безвозвратные 178 507 человек, санитарные – 587 308 человек, в боевой технике и оружии – 2957 танков и САУ, 2447 орудий и минометов, 822 боевых самолета и 183,5 тыс. единиц стрелкового оружия[572]. Больше всего потерь (безвозвратных и санитарных) было на 1-м Белорусском фронте – 281,4 тыс. человек. Это было вызвано упорным сопротивлением противника, мощью его обороны, трудностями форсирования водных преград, не всегда эффективной артиллерийской и авиационной подготовкой, недостаточно тесным взаимодействием наземных войск с авиацией, слабой подготовкой вновь призванного пополнения.

В то же время в ходе операции «Багратион» маршал Рокоссовский приобрел значительный опыт организации

окружения и уничтожения крупных группировок противника в короткие сроки и в самых различных условиях оперативной обстановки. В целом успешно были решены проблемы прорыва мощной вражеской обороны, быстрого развития успеха в оперативной глубине за счет умелого использования танковых объединений и соединений. Генерал армии П. И. Батов, оценивая вклад К. К. Рокоссовского в разработку и проведение операции «Багратион», писал: «Думаю, что не ошибусь, назвав Белорусскую операцию одним из самых замечательных достижений в блестящей полководческой деятельности К. К. Рокоссовского. Однако сам он, будучи человеком весьма скромным, никогда и нигде не подчеркивал своих личных заслуг в этой операции[573]».

После завершения операции «Багратион» Ставка ВГК поставила 29 августа войскам 1-го Белорусского фронта следующую задачу: *«Левому крылу войск фронта с получением настоящей директивы перейти к жесткой обороне. Правым крылом продолжать наступление с задачей к 4—5.09 выйти на р. Нарев до устья и захватить плацдармы на западном берегу реки в районе Пултуск, Сероцк, после чего также перейти к жесткой обороне. Особое внимание уделить обороне на направлениях: Ружан, Остров Мазовецки, Чижев; Пултуск, Вышкув, Венгров; Варшава, Минск Мазовецкий, Демблин, Лукув; Радом, Люблин и удержанию плацдармов на западном берегу рек Висла и Нарев*[574]».

Ставка ВГК требовала создать глубокоэшелонированную оборону, оборудовать не менее трех оборонительных рубежей общей глубиной 30—40 км, имея на основных направлениях сильные корпусные, армейские и фронтовые резервы. При организации обороны следовало тщательно планировать огонь артиллерии и минометов по районам вероятного скопления танков и пехоты противника, систематически тренируя артиллерийские и минометные части в вызове и сосредоточении огня, как днем, так и ночью. Особо тщательно следовало организовать артиллерийское и минометное обеспечение и маневр пехоты, подвижных частей, артиллерийских и инженерных средств на наиболее угрожаемых направлениях и на стыках соединений и армий. Противотанковую оборону предписывалось строить глубиной до 6—8 км, с плотностью на важнейших танкоопасных направлениях 25—30 орудий на 1 км фронта, широко используя минные поля.

К 20 сентября приказывалось создать прифронтовую полосу глубиной 12—15 км, выселив за пределы этой полосы лиц гражданского населения. Доступ его в прифронтовую полосу для производства полевых работ разрешалось производить в организованном порядке решением военного совета фронта.

Одновременно со строительством оборонительных рубежей требовалось во всех соединениях и частях приступить к плановым занятиям по боевой подготовке и укреплению спаянности подразделений и частей, уделив основное внимание наступательному бою применительно к условиям фронта. Ставка ВГК предписывала запретить работу радиостанций, ограничить использование телефонной связи в войсках от штаба корпуса и ниже, обеспечив меры скрытого управления войсками. Для соблюдения указанного режима следовало организовать жесткий радиоконтроль и контроль над телефонными переговорами.

Представитель Ставки ВГК маршал Жуков и командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский планировали, как мы помним, начать 25 августа наступление с целью занятия Варшавы. Однако к этому времени не удалось завершить все подготовительные мероприятия. В начале сентября Рокоссовский получил сведения разведки о том, что немецкие танковые части, находившиеся до этого под Прагой, атакуют плацдармы на Висле, южнее Варшавы. Значит, решил Константин Константинович, враг не ожидает наступления на Варшаву, раз ослабил свою группировку там. Немедленно об этом было доложено Сталину, и тот отдал соответствующий приказ.

В мемуарах генерал-полковника М. Х. Калашника «Испытание огнем» подробно рассказывается, как готовилось наступление на Варшаву, чем мы и воспользуемся.

4 сентября маршал К. К. Рокоссовский прибыл в штаб 47-й армии. Он провел совещание, на котором присутствовали командующий армией генерал Н. И. Гусев, начальник штаба армии, члены военного совета, командующие родами войск, некоторые начальники отделов штаба. Рокоссовский ознакомил присутствующих с приказом на наступление. Войскам армии предстояло во взаимодействии с соседями, соединениями 70-й армии и польской 1-й армии, прорвать оборону противника, взломать варшавский оборонительный обвод противника, выйти к Висле, овладеть крепостью и городом Прага. Главный удар наносили войска 47-й армии. Из резерва фронта ей выделялись дополнительные войска, главным образом артиллерийские и танковые части, подразделения реактивных минометов. На подготовку операции отводилось пять суток.

Подойдя к висевшей на стене карте, Рокоссовский обвел указкой полосу наступления и ровным, спокойным голосом сказал:

– Задача армии не из легких. Оборона противника на подступах к Праге глубоко эшелонирована. Он заявил на весь мир, что Прага – неприступная крепость. И хотя мы уже привыкли

брать «неприступные» укрепления врага, на этот раз перед нами серьезнейшее препятствие. Сил и средств у 47-й армии, с учетом выделяемых ей дополнительных войск, вполне достаточно, чтобы они успешно выполнили боевую задачу, быстро и организованно провели операцию. Тем не менее потребуются большое искусство, образцовая слаженность и умелое взаимодействие между всеми родами войск, чтобы сломить сопротивление противника. Ни в коем случае не следует ориентировать людей на легкую победу, одновременно необходимо сделать все возможное, чтобы избежать лишних, неоправданных потерь, как в живой силе, так и в технике.

Особое внимание Константин Константинович обратил на необходимость соблюдать скрытность подготовки к прорыву вражеской обороны.

– Внезапность, неожиданность мощного удара – половина победы, – сказал он. – Об этом не следует забывать ни на минуту. Важно и то, чтобы каждый солдат, каждый сержант и офицер знал цель операции, ее военно-политическое значение, свои конкретные боевые задачи на различных этапах наступления.

Маршал побывал в частях, беседовал с командирами и политработниками, с солдатами и сержантами. Сопровождали его в этой поездке генерал Н. И. Гусев и начальник политотдела армии М. Х. Калашник. «*На меня произвело большое впечатление умение маршала вести разговор с людьми,* – вспоминал генерал-полковник Калашник. – *Он мог каждого вызвать на откровенность, направить разговор на самое нужное, дать необходимый совет, подметить даже мелкое на первый взгляд упущение. Создавалось впечатление, что жизнь того или иного полка, который мы посещали, он знает не хуже его командира. Объяснялось это, безусловно, тем, что командующий фронтом досконально знал войска, в полной мере был осведомлен об их нуждах и запросах, умел видеть то главное, основное, что, в конце концов, определяло успех или неудачу на поле боя. Высокий, стройный, мужественно-красивый, с блестящей военной выправкой, он обладал каким-то особым обаянием, солдаты смотрели на маршала с гордостью и любовью*[575]».

5 сентября правительство Великобритании снова обратилось к советскому руководству с просьбой разрешить американским самолетам приземляться на советских аэродромах. В своем ответном послании 9 сентября советское правительство, не отказываясь от своего мнения относительно характера восстания и малой эффективности помощи повстанцам с воздуха, все же дало согласие на совместную с англичанами и американцами организацию такой помощи по заранее намеченному плану.

Американским самолетам было разрешено приземляться в Полтаве.

В целях оказания помощи восставшим войска 2-го Белорусского фронта 6 сентября штурмом овладели городом Остроленко, который прикрывал подступы к Варшаве.

Наступление войск 47-й армии 1-го Белорусского фронта началось в полдень 10 сентября. Выбор времени перехода в наступление еще раз подчеркивает нестандартный подход Рокоссовского к решению поставленных задач. Он старался избежать шаблона, так как противник привык к тому, что наступление обычно начинается утром. Наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся более часа. Плотность артиллерии составляла 160 орудий на 1 км фронта прорыва. Кроме того, несколько залпов обрушили на оборону противника батареи «катюш». Сразу после артподготовки в атаку перешли действовавшие в первом эшелоне армии 76-я и 175-я стрелковые дивизии. Их поддерживали танки, авиация, полковая и дивизионная артиллерия. Противник, занимавший хорошо укрепленную оборону, оказал ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, пехота во взаимодействии с танкистами и артиллеристами выбила врага с первой и второй линий траншей. Вечером 11 сентября части 175-й стрелковой дивизии достигли окраины Праги, а полки 76-й стрелковой дивизии во взаимодействии с соседними соединениями и танкистами овладели городом и железнодорожной станцией Рембертув. 14 сентября войска 47-й армии овладели Прагой и на широком фронте вышли к Висле. Войскам, участвовавшим в боях за освобождение Праги, приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Части 1-й польской дивизии им. Костюшко в ночь на 16 сентября при поддержке советской артиллерии, авиации и инженерных войск форсировали Вислу и захватили плацдарм на ее левом берегу. Однако соединиться с повстанцами дивизия не смогла. Противник, обладавший численным превосходством, отбросил дивизию с большими потерями на правый берег.

Жуков, прибывший 15 сентября в штаб 1-го Белорусского фронта, ознакомился с обстановкой и переговорил с Рокоссовским. После этого Жуков позвонил Сталину и попросил разрешения прекратить наступление, так как оно было явно бесперспективным из-за большой усталости войск и значительных потерь. Маршал Жуков просил также отдать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского и левого крыла 2-го

Белорусского фронтов к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение. Сталина такой поворот событий не устраивал, и он приказал Жукову вместе с Рокоссовским прибыть в Ставку ВГК.

При изложении дальнейших событий воспользуемся мемуарами Жукова.

В кабинете И. В. Сталина находились А. И. Антонов, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Г. М. Маленков.

Поздоровавшись, Сталин сказал:

– Ну, докладывайте!

Жуков развернул карту и начал докладывать. Сталин стал заметно нервничать: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в Жукова, то в карту, то в Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и контроль над собой.

– Товарищ Жуков, – перебил Георгия Константиновича Молотов, – вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

– Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, – возразил Жуков. – Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

– Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и не знаем, что делается на фронтах, – иронически усмехнувшись, вставил Берия.

– Вы поддерживаете мнение Жукова? – спросил Сталин, обращаясь к Рокоссовскому.

– Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

– Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, – сказал Иосиф Виссарионович. – Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

– Трудно сказать, товарищ Сталин, – ответил Рокоссовский. – Противник также может усилить это направление.

– А вы как думаете? – обращаясь к Жукову, спросил Верховный Главнокомандующий.

– Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, – снова повторил Георгий Константинович. – А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем

направлении на Лодзь – Познань. Сил для этого сейчас у фронта нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

– Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся, – неожиданно прервал Жукова Сталин.

Жуков и Рокоссовский вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Георгий Константинович спросил Рокоссовского, почему он не отверг предложение Сталина в более категорической форме. Ведь ему-то было ясно, что наступление 47-й армии ни при каких обстоятельствах не могло дать положительных результатов.

– А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения? – ответил Константин Константинович. – Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Через 15—20 минут в библиотечную комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

– Ну, как, что надумали? – спросил Маленков.

– Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, – ответил Жуков.

– Правильно, – сказал Маленков. – Мы вас поддержим.

Вскоре всех снова вызвали в кабинет Сталина, который сказал:

– Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск. Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. Сталин почти не смотрел на Жукова и Рокоссовского, что являлось недобрым знаком.

К. К. Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг» излагает все это по-иному. Он пишет, что непосредственно у Варшавы активные боевые действия прекратились. Лишь на модлинском направлении продолжались нелегкие и безуспешные бои. «Противник на всем фронте перешел к обороне, – вспоминал Константин Константинович. – Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы на модлинском направлении находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков[576]».

Далее Рокоссовский отмечал, что противник удерживал на восточном берегу Вислы и Нарева небольшой плацдарм в виде треугольника, вершина которого находилась у слияния рек. На этот участок, расположенный в низине, наступать можно было

только в лоб. Окаймляющие его противоположные берега Вислы и Нарева сильно возвышались над местностью, которую войскам 1-го Белорусского фронта приходилось штурмовать. Все подступы противник простреливал перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за обеими реками, а также артиллерией крепости Модлин, находившейся в вершине треугольника.

Войска 70-й и 47-й армий безрезультатно атаковали плацдарм, несли потери, расходовали большое количество боеприпасов, а выбить противника никак не могли. Рокоссовский вспоминал, что он неоднократно докладывал Жукову о нецелесообразности наступления на модлинском направлении. Командующий фронтом считал, что если противник и уйдет из этого треугольника, то войска фронта все равно его занимать не будут, так как враг будет их расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций. Но все доводы Рокоссовского не возымели действия. От Жукова он получал один ответ, что не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточных берегах Вислы и Нарева.

Тогда Рокоссовский решил лично изучить обстановку непосредственно на местности. На рассвете с двумя офицерами штаба армии Константин Константинович прибыл в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне. Командующий фронтом расположился в окопе, имея телефон и ракетницу. С командиром батальона он договорился: красные ракеты – бросок в атаку, зеленые – атака отменяется.

В назначенное время артиллерия открыла огонь. Однако ответный огонь противника оказался сильнее. Рокоссовский пришел к выводу, что пока артиллерийская система врага не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации его плацдарма. Поэтому он подал сигнал об отмене атаки, а по телефону приказал командующим 47-й и 70-й армиями прекратить наступление. «На свой фронтовой КП я возвратился в состоянии сильного возбуждения и не мог понять упрямства Жукова, – пишет Константин Константинович. – Что, собственно, он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать? Ведь не будь его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много людей от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в ненужности этой инстанции – представителей Ставки – в таком виде, как они использовались. Это мнение сохранилось и сейчас, когда пишу воспоминания. Мое возбужденное состояние бросилось, по-видимому, в глаза члену Военного совета фронта генералу Н. А. Булганину, который поинтересовался, что такое произошло, и,

узнав о моем решении прекратить наступление, посоветовал мне доложить об этом Верховному Главнокомандующему, что я и сделал тут же[577]».

Сталин, выслушав Рокоссовского, попросил немного подождать, а потом сказал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции.

Итак, маршал Жуков утверждает, что вместе с маршалом Рокоссовским предлагал прекратить наступление на модлинском направлении. Но Рокоссовский эту версию опровергает.

В Варшаве события развивались трагически. Попытки оказать помощь повстанцам путем доставки оружия и боеприпасов по воздуху не увенчались успехом. 18 сентября 104 американские «летающие крепости» в сопровождении истребителей вышли в район Варшавы и с большой высоты сбросили на парашютах 1284 контейнера с грузами в расположение восставших. Но по адресу попало лишь несколько десятков, остальные упали в расположение либо противника, либо советских войск на правом берегу Вислы. В общей сложности, по подсчетам штаба Варшавского округа Армии Крайовой, английские и американские ВВС доставили в Варшаву 430 карабинов и пистолетов-пулеметов, 150 пулеметов, 230 противотанковых ружей, 13 минометов, 13 тыс. мин и гранат, 2,7 млн. патронов, 22 т продовольствия[578]. После этого подобных операций американские ВВС уже не производили. Летчики 1-й польской смешанной авиадивизии и 16-й воздушной армии с 1 сентября по 1 октября доставили повстанцам 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 3288 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, много боеприпасов и продовольствия и даже 45-миллиметровую пушку.[579]

Немецкое командование объявило Варшаву «крепостью». К концу сентября в городе оставалось около 2,5 тыс. вооруженных людей, ведущих борьбу с немецкими частями в четырех отрезанных друг от друга районах. Население Варшавы голодало.

В эти дни от рук немецкого офицера пострадала Хелена, сестра Рокоссовского. Однажды во двор дома, где она работала, ворвались немцы. В этот момент одна из соседок позвала Хелену по фамилии, и это услышал немецкий офицер. Подбежал к ней и, выкрикивая – вместе с проклятиями – «Рокоссовска», «Рокоссовска», – рукоятью пистолета ударил Хелену по голове. Она упала. От неминуемой смерти спасла санитарка расположенного неподалеку госпиталя, которая вытащила из сумочки Хелены «ауссвайс» на вымышленную фамилию и,

пользуясь знанием немецкого языка, показала его офицеру и объяснила, что ему послышалось.

Генерал Бур-Комаровский, убедившись, что Армия Крайова не сможет овладеть Варшавой, решил прекратить борьбу и 2 октября подписал акт о капитуляции. В ходе боевых действий в городе погибли 22 тыс. повстанцев, 5600 воинов Войска Польского и 180 тыс. жителей. В плен было захвачено 1,5 тыс. бойцов. Столица Польши была полностью разрушена. Советские войска, пробившиеся к Варшаве в августе – сентябре, потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 235 тыс. человек, Войско Польское – 11 тыс. человек. Немецкие потери при подавлении восстания составили 10 тыс. убитыми, 9 тыс. ранеными и 7 тыс. пропавшими без вести.[580]

Немецкое командование не теряло надежды на то, что ему удастся расправиться с плацдармами на Висле и Нарве. Магнушевский плацдарм южнее Варшавы все время подвергался атакам, на плацдарме же 65-й армии за Наревом некоторое время царило относительное спокойствие. Противник сумел скрытно подготовиться и 4 октября нанес внезапный удар, одновременно введя в действие большие силы. Уже в первые часы положение стало тревожным, и Рокоссовский с Телегиным, Казаковым, Орлом выехал к Батову.

Во второй половине дня они были на армейском КП.

– Противник с ходу не смог прорвать вторую позицию, хотя и подошел к ней вплотную, – докладывал Батов. – Противотанковая артиллерия отличилась. Здорово помогли также ИС-2: они с расстояния в два километра насквозь прошивали немецкие «тигры» и «пантеры». Мы подсчитали – шестьдесят девять танков горит перед нашими позициями.

– Немцы, я думаю, после того как не удался им прорыв в центре, могут изменить направление удара, – раздумывал вслух Рокоссовский, но в этот момент его прервал начальник связи армии:

– Товарищ маршал, вас к аппарату ВЧ, Ставка!

– Да… у противника до четырехсот танков, – докладывал Рокоссовский. – Сто восемьдесят он бросил в первом эшелоне… Удар очень силен. Да, в центре потеснил, войска отошли на вторую полосу… Командарм? Справится, я уверен. Помощь уже оказываем… Слушаюсь, – закончил разговор Рокоссовский. – Ну, Павел Иванович, – повернулся он к Батову, – сказано, если не удержим плацдарм…

Плацдарм был удержан, но бои здесь продолжались вплоть до 11 октября. Противник, потеряв более 400 танков и много солдат, перешел 12 октября к обороне. Теперь настал черед войск

Рокоссовского. Измотав противника, Рокоссовский сконцентрировал на плацдарме свежие соединения и 19 октября предпринял наступление, в результате которого плацдарм увеличился вдвое. Левее 65-й армии за Нарев была переправлена 70-я армия, и теперь можно было думать об использовании плацдарма для броска в глубь Польши, к границам Германии. Войска фронта могли выйти на берлинское направление, и тогда маршал Рокоссовский, несомненно, стяжал бы славу покорителя столицы нацистской Германии – Берлина.

В середине октября большой и дружный коллектив штаба фронта, возглавляемого Рокоссовским, уже начал отрабатывать элементы новой фронтовой операции. Рокоссовский предполагал нанести главный удар с Пултуского плацдарма на Нареве в обход Варшавы с севера, а с плацдармов южнее Варшавы – в направлении на Познань. Но осуществить этот план ему не пришлось.

Рокоссовского неожиданно вызвал к ВЧ Сталин.

– Здравствуйте, товарищ Рокоссовский. Ставка приняла решение назначить вас командующим 2-м Белорусским фронтом.

Рокоссовский поначалу растерялся, но, собрав волю в кулак, спросил:

– За что такая немилость, товарищ Сталин? Меня переводят с главного направления на второстепенный участок?

– Вы ошибаетесь, товарищ Рокоссовский, – мягко произнес Сталин. – Участок, на который вас переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского. Успех этой важнейшей операции будет зависеть от взаимодействия этих фронтов. Поэтому Ставка особое внимание уделяет подбору командующих и приняла взвешенное решение.

– Кто будет командующим 1-м Белорусским фронтом, товарищ Сталин?

– На 1-й Белорусский фронт назначен Жуков. Как вы смотрите на эту кандидатуру?

– Кандидатура вполне достойная. Верховный Главнокомандующий выбрал себе заместителя из наиболее достойных и способных военачальников. Жуков таким и является.

– Спасибо, товарищ Рокоссовский. Я очень доволен таким ответом. Учтите, товарищ Рокоссовский, на 2-й Белорусский фронт, – голос Сталина стал доверительно близким, – возложены очень ответственные задачи, и он будет усилен дополнительными соединениями и техникой. Если не продвинетесь вы и Конев, то не продвинется и Жуков. Вы согласны, товарищ Рокоссовский?

– Согласен, товарищ Сталин.

– Как работают ваши ближайшие помощники?

– Очень хорошо, товарищ Сталин. Это прекрасные товарищи, мужественные генералы.

– Мы не будем возражать, если вы возьмете с собой на новое место тех работников штаба и управлений, с которыми вы сработались за годы войны. Берите, кого вы считаете нужным.

– Спасибо, товарищ Сталин. Я надеюсь, что и на новом месте встречу не менее способных товарищей.

– Вот за это благодарю. До свидания.

Рокоссовский положил трубку, вышел из аппаратной, вернулся в столовую, молча налил себе и другим водки, так же молча, с досады, выпил и тяжело опустился в кресло…

12 ноября приказом № 220263 Ставки ВГК маршал Жуков был назначен командующим 1-м Белорусским фронтом. Маршал Рокоссовский получил назначение на должность командующего 2-м Белорусским фронтом. Ему предстояло вступить в должность не позднее 18 ноября. Одновременно Жуков, как представитель Ставки, освобождался от руководства операциями 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Г. К. Жуков по этому поводу вспоминал: «Мне кажется, что после этого разговора между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы. Видимо, он считал, что я в какой-то степени сам напросился встать во главе войск 1-го Белорусского фронта. Если так, то это его глубокое заблуждение[581]».

Рокоссовский попрощался со своими соратниками и маршалом Жуковым и выехал на 2-й Белорусский фронт.

От Вислы до Балтики

В ходе летне-осенней кампании 1944 г. было завершено освобождение территории Советского Союза и восстановлена государственная граница практически на всем ее протяжении (за исключением небольшого участка на территории Латвии – в Курляндии). Германия не только лишилась всех своих союзников, но некоторые из них объявили ей войну. Красная Армия продвинулась на 600—900 км на запад, освободила территорию Румынии, Болгарию, значительную часть Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии. Была оказана помощь Норвегии в ее освобождении. Боевые действия развернулись у самых границ Германии, а на ряде участков – перенесены на ее территорию.

Пока шли последние сражения 1944 г. на флангах стратегического фронта, Ставка ВГК напряженно работала над планом завершающей кампании войны. Состояние Советских Вооруженных Сил к началу 1945 г. характеризовалось их возросшей технической оснащенностью, богатым боевым опытом командных кадров, высокой боевой выучкой личного состава. Вооруженные силы насчитывали 11,5 млн. человек. Из них 6,5 млн. человек находились в действующей армии, которая включала 10 фронтов, 3 флота, 49 общевойсковых, 6 танковых, 11 воздушных армий, 22 танковых и 12 механизированных корпусов, около 440 стрелковых, 21 кавалерийскую, 90 артиллерийских и 150 авиационных дивизий. На их вооружении насчитывалось 108 тыс. орудий и минометов, около 13 тыс. танков и САУ, 15,5 тыс. боевых самолетов. В резерве Ставка ВГК имела 2 фронтовых управления, 6 общевойсковых и 2 воздушные армии, 30 стрелковых, 26 артиллерийских и минометных дивизий, танковый корпус. Это – 7 тыс. орудий и минометов, 2200 танков и САУ, 275 боевых самолетов. Из 4300 тыс. человек, находившихся в военных округах и недействующих фронтах, 1550 тыс. проходили службу в запасных частях или обучались в военно-учебных заведениях, что позволяло пополнять действующие фронты обученным рядовым и офицерским составом. Совместно с Красной Армией в боевых операциях участвовали польские, чехословацкие, румынские и болгарские войска общей численностью около 327 тыс. человек, 5200 орудий и минометов, 200 танков и САУ.[582]

Общая протяженность советско-германского фронта к этому времени сократилась в 2 раза – с 4400 до 2200 км, что позволило советскому командованию расформировать некоторые армии и фронты (3-й Прибалтийский и Карельский фронты, 7-ю и 14-ю

воздушные армии и др.), а освободившиеся силы и средства направить на усиление действующих фронтов.

Главные силы вермахта насчитывали около 7500 тыс. человек, 43 тыс. орудий и минометов, 7 тыс. танков и штурмовых орудий, 6800 боевых самолетов. На советско-германском фронте действовали 4 группы армий в составе 10 полевых и 4 танковых армий, 3 воздушных флотов (около 180 дивизий, в том числе 31 танковая и моторизованная). В них имелось 27 300 орудий и минометов, 3800 танков и штурмовых орудий, около 1700 боевых самолетов. Кроме немецких войск против Красной Армии воевали две венгерские армии (16 дивизий, 1200 орудий и минометов, 1500 танков, 280 самолетов, 300 тыс. человек[583]).

Еще во время реализации операции «Багратион» Ставка ВГК начала работу над планом новой кампании. Войска 1, 2 и 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов получили указание после окончания Белорусской и Львовско-Сандомирской операций наступать в направлениях на Инстербург, Алленштейн, Торн, Лодзь, Ченстохов, Краков. Окончательно замысел кампании был разработан в начале ноября 1944 г. Достижение ее целей – разгром немецкой армии и взятие Берлина – намечалось осуществить одновременным наступлением на всем советско-германском фронте. Главный удар планировалось нанести на варшавско-берлинском направлении силами 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

Разгром противника в Восточной Пруссии возлагался на войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов. После отсечения восточно-прусской группировки от центральных районов Германии главные силы 2-го Белорусского фронта должны были продолжить наступление на запад. Ликвидацию прижатых к морю немецких войск планировалось поручить войскам 3-го Белорусского фронта и части сил 2-го Белорусского фронта.

Войскам 1-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинских фронтов предстояло разгромить немецкую группировку в Западной Польше и в Чехословакии. Перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов стояла задача завершить разгром противника в Венгрии и в южных районах Чехословакии, после чего развернуть наступление на Вену.

В результате сражений первого этапа кампании фронтам предстояло выйти на рубеж устье р. Висла, Быдгощ, Познань, Бреслау, Моравска-Острава, Вена, Надьканижа, Осиек. В дальнейшем предусматривалось развернуть наступление на Берлин и Прагу.

В период с 25 ноября по 3 декабря 1944 г. Ставка ВГК отдала директивы фронтам на подготовку операций на восточно-

прусском и варшавско-берлинском направлениях со сроком готовности к началу наступления – 20 января 1945 г. Для выполнения намеченных планов привлекались также силы Балтийского флота, Дунайская и Днепровская военные флотилии.

В начале января 1945 г. завершилось создание стратегических группировок. Наиболее мощная из них сосредотачивалась на направлении главного удара – в полосе 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Здесь в полосе протяженностью 550 км, составлявшей около 25% всего советско-германского фронта, Ставка ВГК сосредоточила 45% личного состава, 70% танков и САУ, 43% орудий, минометов и боевых самолетов, имевшихся в составе действующей армии[584]. Особенно сильной была группировка подвижных войск. В нее входили 5 танковых армий из 6, имевшихся на тот момент, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов из 19. Это в значительной степени предопределило высокую маневренность войск и динамичность наступательных операций.

Верховное главнокомандование вермахта планировало в 1945 г. упорной обороной задержать наступление Красной Армии и не допустить ее продвижения в глубь территории Германии. На западном фронте предусматривалось ударами по войскам союзников вынудить США и Великобританию изменить свою политику в отношении Германии и способствовать достижению сепаратных сделок. Немецкое командование полагало, что Красная Армия нанесет два удара: главный – через Венгрию и Чехию и второй – в Восточной Пруссии. Одновременно оно ожидало и наступления советских войск, находившихся на рубеже Вислы, но с ограниченными целями.

Ошибка в определении направления главного удара советских войск привела к тому, что на варшавско-берлинском направлении плотность сил и средств противника оказалась в полтора-два раза меньше, чем на других участках советско-германского фронта.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Г. Гудериан в этой связи отмечал:

«Все больше поступало сведений о предстоящем наступлении русских. Мы установили районы развертывания основных сил. Были определены три главные ударные группы русских:

1) На предмостном укреплении у Баранува находились в боевой готовности для наступления шестьдесят стрелковых соединений, восемь танковых корпусов, кавалерийский корпус и шесть других танковых соединений.

2) Севернее Варшавы были сосредоточены пятьдесят четыре стрелковых соединения, шесть танковых корпусов, кавалерийский

корпус и девять других танковых соединений.

3) Группировка на восточно-прусской границе состояла из пятидесяти четырех стрелковых соединений, двух танковых корпусов и девяти других танковых соединений.

Кроме того, группировка из пятнадцати стрелковых и двух танковых соединений находилась южнее Ясло, группировка из одиннадцати стрелковых соединений, кавалерийского корпуса и танкового корпуса – под Пулавы и группировка из тридцати одного стрелкового соединения, пяти танковых корпусов и трех других танковых соединений – южнее Варшавы.

Мы рассчитывали, что наступление начнется 12 января 1945 г. Превосходство русских выражалось соотношением: по пехоте 11:1, по танкам 7:1, по артиллерийским орудиям 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и, по меньшей мере, о 20-кратном превосходстве в воздухе[585]».

Составной частью новой кампании Советских Вооруженных Сил явилась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция, которая проводилась с целью разгрома группы армий «Центр» (с 26 января – «Север»), насчитывавшей 780 тыс. человек, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов[586]. Эту задачу предстояло выполнить войскам 3-го, 2-го Белорусских, 1-го Прибалтийского фронтов при поддержке сил Балтийского флота и 18-й воздушной армии. Они насчитывали в общей сложности около 1670 тыс. человек, 25,5 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и САУ, 3,1 тыс. боевых самолетов[587]. Советские войска превосходили противника в живой силе в 2,1 раза, в орудиях и минометах – в 3,1, в танках и САУ – в 5,6, в самолетах – в 4 раза.

Замысел Восточно-Прусской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы нанести войсками 2-го Белорусского фронта глубокий охватывающий удар в направлении Мариенбург, Эльбинг (Эльблонг), а войсками 3-го Белорусского фронта и 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта – севернее Мазурских озер на Кенигсберг (Калининград), чтобы отсечь группу армий «Центр» от остальных сил противника, прижать ее к морю, расчленить и при поддержке Балтийского флота уничтожить по частям.

В рамках Восточно-Прусской стратегической наступательной операции были проведены Инстербургско-Кенигсбергская, Млавско-Эльбингская, Растенбургско-Хайльсбергская, Браунсбергская, Кенигсбергская и Земландская фронтовые наступательные операции.

Войска 2-го Белорусского фронта с 14 по 26 января 1945 г.

осуществили Млавско-Эльбингскую операцию. В командование фронтом К. К. Рокоссовский вступил 18 ноября 1944 г. Дела он принимал у генерала армии Г. Ф. Захарова. *«Сознаюсь, мне было очень неловко перед ним,* – вспоминал Константин Константинович. – *Ведь он хорошо командовал. И вдруг я пришел на его место. Мне-то еще полбеды – заступаю на равнозначащую должность, а Захаров назначается, формально говоря, с понижением – заместителем командующего фронтом. Он уходит в 1-й Белорусский фронт к Г. К. Жукову, а ко мне заместителем оттуда переводится генерал-полковник К. П. Трубников. Все это произошло без моего ведома, но я не в обиде: Кузьма Петрович Трубников хороший, опытный командир и замечательный человек. Со сдачей и приемом командования уложились в один день. Захаров ознакомил с состоянием войск, представил мне работников штаба и управления. На следующее утро он уехал к новому месту службы, а я тоже стал собираться в путь: вызвали в Ставку*[588]».

В Ставке ВГК маршала Рокоссовского принял Сталин. Он сказал:

– Вы должны все время помнить о необходимости тесного взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом, – и Сталин красным карандашом вывел на карте, представленной ему Рокоссовским, красную стрелу, нацеленную во фланг противника. – Тем самым вы поможете Жукову, если наступление его войск замедлится.

Завершая беседу, Сталин сказал:

– Еще раз подчеркиваю, что ваш фронт – один из трех важнейших. 1-му и 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому – именно этим трем фронтам, вероятно, и предстоит завершить войну в Германии.

В состав 2-го Белорусского фронта входили 50, 3, 48-я общевойсковые, 4-я воздушная армии, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. В связи с тем, что разграничительная линия фронта передвигалась к югу до впадения Нарева в Вислу, Рокоссовскому были переданы из 1-го Белорусского фронта 65-я и 70-я армии, 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса, занимавшие этот участок. Из резерва Ставки ВГК фронт получил 2-ю ударную, 49-ю и 5-ю гвардейскую танковую армии. Всего к началу 1945 г. фронт насчитывал более 880 тыс. человек, 2195 танков и САУ, более 11 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. самолетов.[589]

Войска 2-го Белорусского фронта занимали оборону на 288-километровом участке, по восточному берегу Августовского канала, рекам Бобр и Нарев до Сероцка включительно. На западном берегу Нарева они удерживали два плацдарма. По данным разведки, к 17 декабря против левого крыла фронта

оборонялись части 2-й и 9-й армий группы армий «Центр» в составе одиннадцати (102, 14, 292, 129, 299, 211, 7, 35, 252, 542 и 5-я) пехотных и четырех (6, 3, 5-я «Викинг», 3-я «Тотенкопф») танковых дивизий, усиленных артиллерией РГК. В оперативном резерве у противника находились до трех пехотных и одной моторизованной дивизий. Кроме того, не исключался подход резервов противника со стороны Гольдапа, Кенигсберга.

Противник занимал заранее подготовленную долговременную оборону, включавшую три оборонительные полосы, Млавский и Алленштейнский укрепрайоны, а также восстановленные крепости Млава, Модлин, Эльбинг (Эльблонг), Мариенбург (Мальборк), Торунь. С такой сильной обороной Рокоссовский встретился впервые. Местность, на которой предстояло действовать его войскам, также отличалась своеобразием. Правая ее половина – от Августова до Ломжи – лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была территория на левом фланге 2-го Белорусского фронта. Но и здесь на легкое продвижение рассчитывать не приходилось.

Рокоссовский, вступив в командование 2-м Белорусским фронтом, применил методы и способы работы, которые ранее уже не раз оправдали себя. Вот что он писал по этому поводу: *«Создали, как мы ее называли, штаб-квартиру, где сообща обдумывали планы, принимали решения, заслушивали информации офицеров-направленцев, обсуждали всевозможные предложения, обменивались мнениями об использовании различных родов войск, об организации взаимодействия между ними. Тут же отдавались необходимые распоряжения. В результате руководящий состав фронта постоянно был в курсе происходящих событий и быстро на них реагировал. Мы избавлялись от необходимости тратить время на вызов всех руководителей управлений, родов войск и служб и на заслушивание длинных и утомительных докладов. То, что было приемлемо в мирное время, не оправдало себя в условиях войны. Начальник штаба фронта генерал А. Н. Боголюбов, очень педантичный, как и свойственно хорошему штабисту, сначала морщился: не по правилам! – но потом признал, что установленный мною порядок действительно лучше отвечает боевой обстановке*[590]».

Генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов, которому не исполнилось еще и 45 лет, имел хорошую теоретическую подготовку. Он окончил Высшую военную школу дислокации, Высшую военную школу связи, Военную академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генштаба РККА. Он продолжительное время служил в войсках связи, пройдя путь от командира взвода связи

до начальника связи стрелкового корпуса. Затем перешел на оперативную работу, возглавив оперативный отдел штаба стрелкового корпуса. С 1938 года преподавал в Академии Генштаба, затем был главным военным советником в Китае. С июля 1941 года руководил оперативным отделом штаба Резервного фронта, с октября – штабом 43-й армии. В декабре 1942 года генерал Боголюбов назначается заместителем, затем первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, в марте 1943 года – начальником штаба Северо-Западного, с ноября – 1-го Украинского, с мая 1944 года – 2-го Белорусского фронтов.

Членами военного совета фронта были генералы Н. Е. Субботин и А. Г. Русских, которые умело направляли работу всего политического аппарата войск фронта. Командующий артиллерией генерал А. К. Сокольский превосходно знал свое дело, отличался вдумчивостью, энергичностью и предприимчивостью. Рокоссовский лестно отзывался и о начальнике инженерных войск генерале Б. В. Благославове и начальнике связи фронта генерале Н. А. Борзове.

Армиями и соединениями 2-го Белорусского фронта командовали опытные командиры, за плечами которых имелась не одна успешно проведенная операция. Со многими командармами Рокоссовский защищал Москву, участвовал в разгроме противника на Западном фронте и в проведении операций на других фронтах.

Войска 50-й армии возглавлял 52-летний генерал-полковник И. В. Болдин. Он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, окончил курсы «Выстрел», Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе, а в 1936 году – эту же академию. В перерывах между учебой командовал стрелковым полком, был помощником командира стрелковой дивизии, преподавал в Военно-политической академии. С 1931 года Иван Васильевич командует стрелковой дивизией, затем стрелковым корпусом, войсками Калининского военного округа. Во время похода Красной Армии в Западную Белоруссию в 1939 году был командующим конно-механизированной группой. В последующем командовал войсками Одесского военного округа, был заместителем и первым заместителем командующего войсками Западного Особого военного округа. С начала Великой Отечественной войны генерал Болдин – заместитель командующего войсками Западного фронта, с октября 1941 года командовал 19-й армией, а с ноября – 50-й армией.

49-й армией командовал 43-летний генерал-лейтенант И. Т.

Гришин. Он принимал участие в Гражданской войне, окончил пехотные командные курсы, пехотную школу и Военную академию им. М. В. Фрунзе. Гришин прошел все ступени от командира взвода до командира стрелковой дивизии. С начала Великой Отечественной войны Иван Тихонович командовал 137-й стрелковой дивизией, с марта 1942 года возглавлял штаб 50-й, затем 11-й гвардейской армий, а в июне 1943 года принял 49-ю армию.

5-й гвардейской танковой армией командовал 47-летний генерал-полковник танковых войск В. Т. Вольский. Он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, командовал кавалерийским эскадроном, кавалерийским и механизированным полками, работал в Управлении механизации и моторизации РККА. Василий Тимофеевич окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, Курсы усовершенствования высшего начсостава и бронетанковые курсы усовершенствования комсостава. С 1932 года командовал отдельной механизированной бригадой, с 1939 года был помощником начальника Военной академии механизации и моторизации РККА. Великую Отечественную войну В. Т. Вольский начал в должности помощника командующего 21-й армией, затем вступил в должность помощника командующего Юго-Западным фронтом по автобронетанковым войскам, затем стал заместителем генерал-инспектора Главного автобронетанкового управления, заместителем командующего Крымским и Северо-Кавказским фронтами по танковым войскам. С октября 1942 года командовал 4-м (3-м гвардейским) механизированным корпусом, с июня 1943 года Василий Тимофеевич вступил в должность заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, а в августе 1944 года был назначен командующим 5-й гвардейской танковой армией.

4-ю воздушную армию возглавлял 44-летний генерал-полковник авиации К. А. Вершинин. Свою военную карьеру он начал в пехоте, окончив пехотные командные курсы и курсы «Выстрел», командуя стрелковой ротой и батальоном. В 1930 году Константин Андреевич перешел в Военно-воздушные Силы, окончил Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского, руководил оперативным отделением штаба авиационной бригады, затем работал в научно-исследовательском институте ВВС РККА. С 1934 года Вершинин командовал эскадрильей Высших летно-тактических курсов, затем был помощником начальника и начальником Высших авиационных курсов усовершенствования летного состава. В Великую Отечественную войну с сентября 1941 года командовал ВВС Южного фронта, с

мая 1942 года – 4-й воздушной армией, с сентября – ВВС Закавказского фронта, а в мае 1943 года снова был назначен командующим 4-й воздушной армией.

Войска 3-й армии возглавлял генерал-полковник А. В. Горбатов, 65-й армии – генерал-полковник П. И. Батов, 70-й армии – генерал-полковник В. С. Попов, 48-й армии – генерал-лейтенант П. Л. Романенко, а с 15 декабря 1944 г. генерал-лейтенант Н. И. Гусев, 2-й ударной армией – генерал-полковник И. И. Федюнинский, с которыми мы познакомились в предыдущих главах.

Директиву на проведение Млавско-Эльбингской операции маршал Рокоссовский получил 28 ноября 1944 года. Она требовала:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разбить пшаснышско-млавскую группировку противника и не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Нейденбург, Дзялдово, м. Бежунь, м. Вельск, Плоцк, (иск.) Петрувек. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург.

2. Главный удар силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии и одного танкового корпуса нанести с рожанского плацдарма в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Оборону противника прорвать силами трех армий на участке 16—18 км по фронту. На участок прорыва привлечь три артдивизии и создать плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 220 стволов на один километр фронта прорыва.

Во втором эшелоне фронта иметь одну армию и ввести ее после прорыва с рожанского плацдарма в общем направлении на Мышинец с задачей свертывания обороны противника перед правым крылом фронта и обеспечения главной группировки от удара противника с севера.

3. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении Насельск, Плоньск, м. Вельск.

Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника частью сил левого крыла фронта (не менее одной армии и одного тк или мк) нанести удар в обход Модлина с запада с целью не допустить отхода варшавской группировки противника за р. Висла и быть в готовности форсировать р. Висла западнее Модлина.

Оборону противника прорвать на участке 9 км по фронту и привлечь для прорыва две артдивизии, создав плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 210 стволов на один километр фронта прорыва.

4. Действия главных сил фронта с севера, помимо наступления одной армии на Мышинец, обеспечить прочной обороной 50-й армии с двумя ур по р. Нарев на участке Августув, Ломжа, Остроленка.

5. В резерве фронта иметь один мехкорпус и один кавкорпус.

6. Большую часть танковых соединений использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении… [591]»

Ставка ВГК требовала создать для проведения операции следующие запасы: 4—6 боекомплектов боеприпасов, 15 заправок авиационного горючего и 8 заправок горючего для автотранспорта.

Вся работа по планированию Млавско-Эльбингской операции завершилась к 17 декабря. Задачи войскам 2-го Белорусского фронта были изложены в директиве № 00110/оп маршала Рокоссовского.[592]

Войскам 3-й армии предстояло прорвать оборону противника на участке (иск.) Поникевка, Домбровка (ширина 6 км) и нанести главный удар левым флангом армии в направлении Красносельц, Еднорожец, а вспомогательный удар – силами не менее одного стрелкового корпуса в направлении Александрово. Ближайшая задача – к исходу первого дня операции овладеть рубежом Рафалы-Глинки, Влосьцяне, Подось-Новы, (иск.) Яционжек. К исходу третьего дня операции выйти на рубеж Еднорожец, Пшасныш, а на направлении вспомогательного удара – на р. Омулев в районе Александрово. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Хожеле, Алленштейн, к исходу десятого дня операции овладеть рубежом Клайн– Данкхайм, Мушакен, Найденбург. В полосе армии намечалось с рубежа Еднорожец, Пшасныш ввести в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский и 8-й механизированный корпуса в общем направлении на Найденбург, Алленштейн с задачей на пятый-шестой день операции овладеть районом Алленштейна, перехватить важнейшие пути противника и не допустить удара его резервов с севера.

Командующий 48-й армией получил задачу во взаимодействии со 2-й ударной армией нанести главный удар своим левым флангом с участка Цепелево, (иск.) Дзержаново (ширина 6 км) в направлении Карнево, Палуки, Дзбоне, Млава. Ближайшая задача – прорвать оборону противника, овладеть районом Макува и к исходу первого дня операции выйти на рубеж Яционжек, Закшево, Карнево. К исходу третьего дня 48-й армии предстояло овладеть рубежом Ростково, Вежбово, Пшонжево, а в дальнейшем, не позднее десятого дня операции, выйти на рубеж (иск.) Найденбург, Дзялдово, Лонжек.

Войскам 2-й ударной армии предписывалось во взаимодействии с 48-й армией нанести правым флангом главный удар на участке Дзержаново, Пшемярово (ширина 6 км) в направлении Голымин-Стары, Цеханув, Шреньск, Зелюнь. Ближайшая задача – прорвать оборону противника и к исходу первого дня операции овладеть рубежом Бышево-Выгода, Конажево, Грохы-Серватки, Олдаки, Гонсиорово. Частью сил (не менее двух стрелковых дивизий) во взаимодействии с правым флангом 65-й армии ликвидировать в течение первого дня операции противника в районе Пултуска. К исходу третьего дня операции 2-я ударная армия должна была овладеть Цеханувом и выйти на рубеж Хрущево, Гонски, Млоцк. В дальнейшем, наступая в направлении Шреньск, Кучборк, Зелюнь, не позднее десятого дня операции овладеть рубежом Нова-Весь, Госьцишно, Зелена, Журомин, Бежунь.

65-й армии ставилась задача нанести главный удар левым флангом на участке Обренбек, Цепелин (ширина 7 км) в направлении Яцково, Ново-Място, Сохоцин, Дробин. Ближайшая цель – прорвать оборону противника и к исходу первого дня операции овладеть рубежом Беляны, Кендзежавице, Насельск. Частью сил (не менее двух стрелковых дивизий) во взаимодействии со 2-й ударной армией ликвидировать противника в районе Пултуска. К исходу третьего дня операции 65-я армия должна была овладеть рубежом Люберадз, Сохоцин, Плоньск. В дальнейшем, взаимодействуя с 70-й армией и развивая наступление в направлении Дробина, не позднее десятого дня операции выйти на рубеж (иск.) Бежунь, Грабово, Вельск. Кроме того, намечался поворот части сил армии из района Рационж, Дробин в направлении Плоцка.

Войска 70-й армии должны были нанести главный удар центром на участке Заблоце-Борове, Гуты (южная) (ширина 3 км) в направлении Жабичин, Насельск. Ближайшая задача – прорвать оборону противника и к исходу первого дня операции овладеть рубежом (иск.) Насельск, Вонгродно, Псутсин, Броды. В дальнейшем, обходя Модлин с севера и наступая в западном направлении, не допустить отхода варшавской группировки противника за р. Висла и быть в готовности форсировать ее западнее Модлина.

От войск 49-й армии требовалось одним стрелковым корпусом прочно оборонять рубеж по восточному берегу р. Нарев от Новогруда до Хелстов и на плацдарме на участке Млынаж, Сендзента. Главные силы армии, используя прорыв обороны противника в полосе 3-й армии, должны были после выхода ее войск на рубеж Рафалы-Глинки, Влосьцяне перейти в наступление

в общем направлении на Мышинец. Ближайшая задача – сминая оборону противника по западному берегу р. Нарев, овладеть рубежом Курпевске-Гуры, Дурлясы, Александрово, Бараново, Церпента, (иск.) Еднорожец. В дальнейшем, не позднее десятого дня операции, выйти на рубеж Новогруд, Клайн-Данкхайм, прочно обеспечивая главную группировку фронта от ударов противника с севера.

На правом крыле фронта планировалось силами 50-й армии прочно обороняться на участке Августов, Осовец, Ломжа, Новогруд. 5-ю гвардейскую танковую армию намечалось к утру 9 января 1945 г. сосредоточить в районе Острув-Мазовецкого в готовности для ввода в прорыв на участке Пшасныш, Цеханув в общем направлении на Млава, Лидзбарк. 3-й гвардейский кавалерийский корпус к этому же времени должен был сосредоточиться в районе Говорово, Домбрувка, Кашевец, Заоже, Пасеки, а 8-й механизированный корпус – в районе Вонсево, Емелисте, Плевки, Гронды, Рынек, Вонсево-Колония. Оба корпуса планировалось ввести в прорыв в полосе 3-й армии в общем направлении на Найденбург, Алленштейн с задачей в пятый-шестой день операции овладеть районом Алленштейна, перехватить важнейшие пути противника и не допустить удара его резервов с севера. В резерве фронта Рокоссовский оставлял всего две стрелковые дивизии (369-я, 330-я), три истребительные противотанковые артиллерийские бригады (27, 35 и 15-я) и одну отдельную минометную бригаду (33-я).

Маршал Рокоссовский особое внимание уделил вопросам применения в предстоящей операции артиллерии, авиации, бронетанковых и механизированных войск и других родов войск.

Командующий и штаб артиллерии фронта разработали «Указания по планированию и проведению артиллерийского наступления в операции 2-го Белорусского фронта», утвержденные Рокоссовским 26 декабря 1944 г[593]. На участке прорыва каждой армии предписывалось создать решительное превосходство над противником в артиллерийских и минометных средствах, имея плотность 220 орудий на 1 км фронта (без 45-мм и 57-мм орудий). В армиях требовалось создавать следующие группы артиллерии: артиллерии дальнего действия (ДД) в составе армейской пушечной бригады, отдельных пушечных полков и бригад, пушечных или тяжелых гаубичных бригад артиллерийских дивизий; артиллерии разрушения (АР) в составе 203-мм бригад БМ, 280-мм дивизионов особой мощности и при необходимости 152-мм гаубичных бригад и отдельных полков; гвардейских минометных частей (ГМЧ) в составе гвардейских минометных бригад М-31 и гвардейских минометных полков М-13

и М-8; армейский противотанковый резерв. В корпусах рекомендовалось образовать корпусную артиллерийскую группу, контрминометную корпусную группу, в дивизиях – дивизионную артиллерийскую группу, группы поддержки пехоты.

В задачу артиллерии входили: обеспечение прорыва обороны противника на всю тактическую глубину; разрушение наблюдательных пунктов, блиндажей, траншей, ходов сообщения и ДЗОТов; подавление артиллерийских и минометных батарей не только на участках прорыва, но и на флангах; проделывание проходов в проволочных заграждениях; уничтожение пунктов управления и резервов противника; обеспечение ввода в прорыв подвижных соединений и сопровождение их огнем и колесами на всю глубину операции; обеспечение прорыва подготовленных рубежей в оперативной глубине обороны противника; отражение контратак танков противника.

Артиллерийскую подготовку в 48-й, 2-й ударной, 65-й и 70-й армиях предусматривалось начать 15-минутным огневым налетом всей артиллерии, минометов и гвардейских минометных полков по артиллерии и минометам, наблюдательным пунктам, траншеям, опорным пунктам и расположению резервов во всей тактической глубине обороны противника. После этого намечался период разрушения и подавления целей прицельным огнем продолжительностью 60 минут. Для проделывания проходов в проволочных заграждениях намечалось привлечь 82-мм и 120-мм минометы, 76-мм полковые и дивизионные пушки прямой наводки. После периода разрушения вся артиллерия поддержки пехоты и минометы должны были произвести 30-минутный огневой налет по первой, второй и частично по третьей траншеям, по ходам сообщения, по опорным пунктам в ближайшей глубине обороны противника. Затем в течение 5 минут группам артиллерии ДД и контрминометным группам предстояло произвести второй огневой налет по артиллерийским и минометным батареям. Третий огневой налет продолжительностью 5 минут намечался непосредственно перед началом атаки пехоты. Артиллерийская подготовка в 3-й армии проводилась по решению командарма, утвержденному командующим фронта.

Артиллерийскую поддержку атаки планировалось осуществить двойным огневым валом на глубину 1,5—2 км. Для непосредственного сопровождения пехоты в глубине обороны противника предусматривалось выделить на каждый батальон первого эшелона не менее шести орудий, из них не менее двух 76-мм пушек. После прорыва тактической глубины обороны противника командующие армиями должны были создать

группировку артиллерии для преодоления следующего оборонительного рубежа в составе бригады БМ, 160-мм минометов, дивизионов особой мощности и тяжелой гаубичной бригады. Для успешного продвижения подвижных соединений и преодоления обороны на промежуточных рубежах предписывалось придать каждому танковому и механизированному корпусу по одному гаубичному полку и одному полку мелкокалиберной зенитной артиллерии, а кавалерийскому корпусу – одну истребительную противотанковую артиллерийскую бригаду, один полк гвардейских минометов М-13 и один зенитный полк.

Главные силы ВВС фронта планировалось сосредоточить для действий на направлении главного удара (48-я и 2-я ударная армии). После прорыва обороны противника авиации предстояло поддерживать подвижные соединения. Соединения 4-й воздушной армии должны были в ночь перед наступлением осуществить не менее 1000 самолето-вылетов ПО-2 с целью изматывания живой силы противника, уничтожения его огневых точек на переднем крае, нарушения работы штабов, блокировки основных грунтовых и железных дорог, баз и аэродромов. В первый день операции основным силам авиации предстояло на участках 48-й и 2-й ударной армий нанести удары по противнику, особенно по его резервам, штабам и узлам в глубине обороны. С вводом в прорыв подвижных соединений для их сопровождения выделялась штурмовая авиация. Истребительная авиация получила задачу прикрывать боевые порядки войск в исходном положении и на всю глубину операции.

По указанию Рокоссовского бронетанковые и механизированные войска намечалось использовать следующим образом. Отдельные танковые и самоходные артиллерийские полки придавались для непосредственного сопровождения пехоты как танки НПП. Танковые корпуса после прорыва вражеской обороны вводились для выполнения задач фронта, а в последующем они переходили в подчинение командующим армиями для развития успеха на всю глубину. От инженерных войск требовалось обеспечить: ведение непрерывной инженерной разведки заграждений противника с целью своевременного оповещения войск и обезвреживания обнаруженных заграждений; своевременный проход всех родов войск через противопехотные и противотанковые минные поля перед передним краем и в глубине обороны противника; быстрое преодоление войсками и пропуск материальной части через труднопроходимые участки путем своевременной подачи вперед заготовленных материалов и деталей для постройки мостов, гатей и колейных дорог; быстрое

закрепление занимаемых рубежей инженерными средствами заграждений; маневр средствами заграждений (ПОЗ) на направлении контратак противника.

План Млавско-Эльбингской операции Рокоссовский представил Сталину 17 декабря[594]. Обосновывая свое решение, Константин Константинович отмечал, что разрыв между левым флангом ударной группировки 3-й армии и правым флангом 48-й армии на направлении главного удара на участке (иск.) Домбровка, р. Ожыц (11 км) объясняется неудобством местности для наступления, наличием у противника в этом районе сильно укрепленной оборонительной полосы и необходимостью форсировать р. Ожыц. Разрыв между ударными группировками 65-й и 70-й армий обуславливался наличием на этом участке у противника сильного узла обороны в районе Повелина. С продвижением 70-й армии вперед и выходом ее севернее Модлина намечалось один танковый корпус из 65-й армии подчинить командующему 70-й армией.

Рокоссовский в своем докладе Сталину подчеркивал, что норма боеприпасов, утвержденная Ставкой ВГК на операцию в 4 боекомплекта, по основным калибрам сокращена до 3—3,5 боекомплекта, что ставит фронт в тяжелое положение. По расчетам Константина Константиновича, к началу операции требовалось иметь 4,5—5 боекомплектов боеприпасов. Он просил отпустить фронту утвержденный ранее лимит – 4 боекомплекта боеприпасов по основным калибрам, а для развития наступления на Мариенбург и обеспечения ударной группы фронта со стороны Восточной Пруссии ускорить сосредоточение одной общевойсковой армии в районе Белостока.

22 декабря Сталин утвердил представленный Рокоссовским план операции. При этом он указал:

«1. Разрыв между пехотой и действующими впереди ее конницей и танковыми соединениями не допускать более 25—30 километров.

2. Использование мехкорпуса или танкового корпуса совместно с конницей не обязательно и допускается только в случаях особой необходимости.

3. Иметь в виду, что к началу операции будут полностью укомплектованы 8 гв. тк Попова и 5 гв. ТА Вольского в составе 10 тк Сахно и 29 тк Малахова.

1 гв. тк Панова получит тяжелые танки и тяжелые самоходы в количестве 100 единиц, что сделает его более чем боеспособным.

3 гв. тк Панфилова включается в состав войск фронта с тем, чтобы доукомплектовать его во второй половине января. В связи с этим для усиления левого крыла фронта рекомендуется

использовать 1 гв. тк Панова.

4. Не рассчитывать на резерв Ставки в районе Белостока[595]».

При подготовке к операции Рокоссовский неоднократно выезжал в войска, знакомясь на месте с командирами, изучая обстановку и местность. Он спокойно, без шума и криков, обсуждал с командармами принятые ими решения, вносил в них поправки, стараясь делать это так, чтобы не задеть самолюбия своих подчиненных. В качестве примера приведем, как действовал Константин Константинович при решении одной из задач в 48-й армии. Ее войскам предстояло провести частную наступательную операцию с целью улучшения занимаемых позиций. На время этой операции Рокоссовский выделил командующему армией генералу П. Л. Романенко артиллерийский корпус прорыва, некоторые части которого из-за распутицы не смогли вовремя прибыть в назначенные им районы. Хотя командующий артиллерией армии докладывал о невозможности переброски артиллерии в отведенные сроки и о необходимости отложить операцию на два-три дня, генерал Романенко не захотел с этим считаться. Он заявил, что откладывать операцию он не собирается, и потребовал «во что бы то ни стало» обеспечить готовность артиллерии. Это было явно невыполнимое требование, и Рокоссовскому стало известно о нем. Он позвонил командарму и, как всегда, спокойно и дружелюбно спросил:

– Как ваши дела, Прокопий Логвинович?

Голос командарма был бодр:

– Завершаем подготовку, товарищ командующий, все в порядке. Завтра точно в срок начнем.

– А как с артиллерией? Корпус прорыва собрали?

– Да нет, только он один и подводит, еще не все бригады подошли. Но я отдал приказ, чтобы завтра точно в назначенный срок они все были готовы к открытию огня по плану.

– Прокопий Логвинович, а к чему вы торопитесь? Дороги, вы сами знаете, сейчас плохие, артиллеристы могут и запоздать. Я бы на вашем месте не торопился.

– Товарищ командующий, а вы разрешите дня на два отложить операцию?

– А почему нет? Ведь это ваша армейская операция, я вас жесткими сроками не связываю.

Романенко явно обрадовался.

– Спасибо, товарищ командующий. Мы со штабом все подсчитаем, и я вам доложу.

– Хорошо, Прокопий Логвинович. Желаю успеха.

Рокоссовский положил трубку и мягко улыбнулся

окружающим: вот, мол, и вся проблема!

Тщательно контролируя исполнение своих приказаний, Рокоссовский в то же время не проявлял ненужной подозрительности и полностью доверял своим подчиненным, если был убежден, что они знают свое дело. И. И. Федюнинский, командующий 2-й ударной армией, только что прибывшей из резерва Ставки ВГК, немедленно явился к Рокоссовскому и доложил о состоянии армии.

По окончании доклада Иван Иванович спросил:

– Товарищ маршал, вы будете проводить смотр войскам?

– А дивизии у вас хорошие? – поинтересовался Рокоссовский. – Боевой опыт есть?

– Да, все дивизии имеют боевой опыт, укомплектованы полностью.

– Ну что ж, тогда я пока смотреть их не буду. Распорядитесь, чтобы ваш начальник штаба и командующий артиллерией приехали сюда, надо начинать готовить наступление с Наревского плацдарма.

Советские войска готовились перейти в наступление 8—10 января 1945 г. Западным союзникам планы Ставки ВГК на зимнее наступление не сообщались. 14 декабря 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман, изложив Сталину намерения союзников в Европе, попросил его информировать о планах советского командования. Сталин ответил, что сможет это сделать лишь через несколько дней[596]. И в это время случилось непредвиденное. 16 декабря началось неожиданное контрнаступление немцев в Арденнах, в результате которого сильная группировка войск группы армий «Б», которой командовал генерал-фельдмаршал В. Модель, прорвала слабую оборону американских войск и начала быстро продвигаться в глубь Бельгии. Застигнутые врасплох союзники терпели поражение. К месту прорыва, который превышал 100 км, главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр спешно подтягивал войска. Быструю помощь отходившим войскам могла оказать мощная англо-американская авиация, но ее действия сковывала нелетная погода. Создалась критическая ситуация.

Д. Эйзенхауэр и его штаб, как вспоминал У. Черчилль, «жаждали узнать, могут ли русские что-либо сделать со своей стороны, чтобы облегчить нажим, которому мы подверглись на Западе. Все усилия офицеров связи в Москве получить ответ у русских коллег терпели неудачу[597]». Чтобы быстрее узнать советские планы, Эйзенхауэр решил послать в Москву своего заместителя главного маршала авиации А. Теддера; 24 декабря

Черчилль и Рузвельт обратились к Сталину с просьбой принять его. О цели миссии Теддера американский посол Гарриман 26 декабря сказал Молотову: «Этот офицер посылается в Москву не для обсуждения частного вопроса в связи с наступлением немцев в Бельгии, а для обсуждения следующей фазы[598]».

Сталин согласился принять Теддера. Однако его надолго задержала в Каире нелетная погода. Это вынудило Черчилля 6 января снова обратиться к Сталину: «Если он (Теддер. – *Авт.*) еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января[599]». Сталин немедленно ответил. Несмотря на то что Черчилль просил не о помощи, Сталин связал начало наступления Красной Армии со стремлением оказать содействие союзникам. Он сообщил, что советское командование решило «ускоренным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января[600]».

Первыми начали наступление армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, которые с 12 января по 3 февраля 1945 г. провели Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию. В ходе операции они вышли на р. Одер, захватили важные плацдармы на его левом берегу и овладели Силезским промышленным районом.

На день позже, 13 января началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция, характеризовавшаяся исключительной напряженностью и ожесточенностью боев. Главные силы 39, 5 и 28-й армий 3-го Белорусского фронта в условиях ограниченной видимости (туман) приступили к проведению Инстербургско-Кенигсбергской операции. К исходу 14 января они смогли вклиниться в оборону противника всего на 1,5—7 км.

В сложных условиях началось 14 января и наступление войск 2-го Белорусского фронта. К началу Млавско-Эльбингской операции пошел мокрый снег. Опустился туман. За несколько часов до начала артиллерийской подготовки Рокоссовский вместе с членами военного совета, командующими артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками, 4-й воздушной армией, начальником инженерных войск фронта прибыл на наблюдательный пункт. Уже рассвело, а ничего не видно: все скрыто пеленой тумана и мокрого снега. Рокоссовский, посоветовавшись с генералом Вершининым, отдал распоряжение – отменить всякие действия авиации.

Ровно в 10 часов утра по команде Рокоссовского началась артиллерийская подготовка. В течение 85 минут артиллерия обрабатывала позиции врага, и в первые часы боя активность его войск была незначительной. Густой туман мешал использовать артиллерию на всю ее мощь. Пехота атаковала, взаимодействуя, по существу, только с танками и орудиями непосредственного сопровождения. Со второй половины дня противник стал переходить в контратаки, применяя и танки, но войска фронта везде продвигались вперед. В ходе тяжелого боя на направлении главного удара действовавшие здесь армии первого эшелона – 48-я, 2-я ударная, 65-я и 70-я – не смогли полностью выполнить задачу дня. Они лишь вклинились в оборону противника от 5 до 8 км. На правом крыле фронта, на участке 50-й армии, противник в прежней группировке прочно удерживал рубеж по Августовскому каналу, отражая все попытки соединений армии потеснить его на отдельных направлениях. На участке 3-й армии после артиллерийской подготовки войскам удалось с незначительными потерями овладеть двумя траншеями и, продолжая бой с противником, все усиливавшим сопротивление, продвинуться к концу дня от 3 до 7 км.

С утра 15 января враг начал ожесточенные контратаки. Войска 50-й армии по-прежнему сковывали противостоящие силы неприятеля. Против 3-й армии противник, стянув за ночь большие силы, перешел в наступление, введя в бой части моторизованной дивизии «Великая Германия» и новые пехотные части, поддержанные мощным артиллерийским и минометным огнем.

Командующий 3-й армией генерал Горбатов рассчитывал возобновить наступление в девять часов, но противник сумел его упредить. Он в 8 часов 20 минут начал артиллерийскую контрподготовку огнем двадцати трех артиллерийских, семнадцати минометных батарей, нескольких дивизионов шестиствольных минометов. Артиллерийская контрподготовка продолжалась 10 минут, после чего пехота и танки противника перешли в атаку. Поскольку приближалось время начала артиллерийской подготовки, Горбатов соединился по ВЧ с командующим фронтом, чтобы доложить ему о создавшемся положении.

– Что за стрельба у вас раньше времени? – не дожидаясь доклада, спросил Рокоссовский.

– Противник с восьми часов тридцати минут наносит контрудар по ударной группировке нашей армии, – ответил Горбатов.

Он также доложил о том, как назревало событие, и о

принятых мерах. Дополнительно выразил свое удовлетворение тем, что противник наносит контрудар до возобновления наступления войск армии. Находясь на месте, им будет легче его обескровить и затем продолжить наступление. Не утерпев, Горбатов высказал сожаление по поводу того, что армия не усилена танковым соединением. Наступило непродолжительное молчание, после чего Рокоссовский сказал:

– Жаль, что не начнем наступать в десять часов, – и добавил: – Ну, уж если не наступаете, так разделайте под орех неизвестное нам танковое соединение противника и не допускайте его до фланга вашего левого соседа, который в десять часов будет наступать. А насчет того, что вас не усилили танковым соединением, так вы сами знаете, что соседям оно нужнее. Всего хорошего. Докладывайте каждый час.

В течение дня войска 3-й армии отразили до тридцати контратак противника, сорвав все его попытки прорваться через их боевые порядки.

С целью ускорения прорыва вражеской обороны Рокоссовский вынужден был ввести в сражение танковые корпуса на участках 48-й, 2-й ударной и 65-й армий. Это сразу изменило ход событий. Противник, истощивший свои силы в контратаках, не выдержал удара. Его оборона на главном направлении оказалась прорвана, и войска 2-го Белорусского фронта устремились вперед – к Бромбергу, Грауденцу и Мариенбургу.

Со второй половины дня 16 января погода улучшилась, что позволило использовать авиацию, которая своими ударами с воздуха оказала помощь наземным войскам в отражении вражеских атак. По решению Рокоссовского часть сил 49-й армии была введена в сражение между 50-й и 3-й армиями, что создало благоприятные условия для продолжения наступления войск 3-й армии. К вечеру они продвинулись до 5 км, выполнив свою задачу.

16 января соединения 2-й ударной и 65-й армий овладели городом Пултуск. Противник именовал его «бастионом восточной обороны». Каменные стены старой крепости были достаточно прочными, форты связаны мощной системой огня. На улицах Пултуска были возведены баррикады, в подвалах домов устроены огневые точки, подступы к городу прикрывались минными полями и инженерными заграждениями. Однако все это не помогло противнику.

В соответствии с намеченным планом Рокоссовский с утра 17 января ввел в образовавшийся прорыв в полосе действий 48-й армии подвижную группу фронта – 5-ю гвардейскую танковую армию. При поддержке специально выделенных соединений

бомбардировочной и истребительной авиации она устремилась на Мариенбург, сметая со своего пути и уничтожая пытавшиеся оказать сопротивление части противника. Одновременно в направлении на Алленштейн (Ольштын) вошел в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием энергичного генерала Н. С. Осликовского. Вслед за 5-й гвардейской танковой армией продолжали наступать 48-я и 2-я ударная армии, намереваясь с ходу форсировать Вислу и не дать закрепиться на ней отступавшему противнику. Во 2-й ударной армии в качестве передовых отрядов использовались батальоны, специально обученные действовать ночью. Они были усилены несколькими танками, артиллерией и саперами. Танки, включенные в состав передовых отрядов, несли на броне десанты автоматчиков. Основные силы дивизий следовали за передовыми отрядами на дистанции от 2 до 5 км в постоянной готовности к развертыванию. Артиллерийские орудия двигались со снятыми чехлами, расчеты находились непосредственно у пушек. Непрерывно велась разведка. Темп продвижения войск был достаточно высоким – 25—30 км в день. Танковые части шли впереди пехоты, выходя на фланги отступающего противника, угрожая тылам. 19 января, на четыре дня раньше намеченного срока, войска 2-й ударной армии овладели несколькими крупными опорными пунктами противника, в том числе городом Цеханувом.

К утру 19 января войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на протяжении 110 км и углубились на млавско-эльбингском направлении до 60 км, то есть продвигались в среднем по 12 км в сутки, как и предполагалось планом операции. 20 января произошло знаменательное событие – войска 3-й армии вступили в пределы Восточной Пруссии. Однако в этот день Ставка ВГК приказала 3, 48, 2-ю ударную и 5-ю гвардейскую танковую армии повернуть на север и северо-восток для действий против восточно-прусской группировки противника. В директиве № 11011 говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта продолжать наступление в общем направлении на Дейч-Эйлау, Мариенбург и не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, далее на юг по р. Висла до Торна, отрезая противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию.

По выходе на р. Висла захватить плацдармы на ее западном берегу к северу от Торна. Одновременно правым крылом фронта овладеть рубежом Иоханнесбург, Алленштейн, Эльбинг.

2. Иметь в виду в дальнейшем вывести большую часть сил

фронта на левый берег р. Висла для действий в полосе между Данцигом и Штеттином. 19-я армия, сосредоточивающаяся в районе Острув-Мазовецки, с 1 февраля будет передана в состав войск 2-го Белорусского фронта[601]».

Директива оказалась совершенно неожиданной для Рокоссовского. Она в корне меняла планы, основывавшиеся на директиве Ставки от 28 ноября 1944 г. Однако появление на свет нового приказа было вызвано отставанием войск 3-го Белорусского фронта. Они сумели прорвать главную полосу обороны противника лишь к исходу 15 января. На следующий день в полосе 5-й армии вступил в сражение 2-й гвардейский танковый корпус, а 18 января в полосе 39-й армии – 1-й танковый корпус, который с ходу преодолел инстербургский оборонительный рубеж и обеспечил к 18 января выход главных сил 39-й армии к р. Инстер. К исходу того же дня войска фронта прорвали оборону на кенигсбергском направлении (в полосе 65 км), вклинились на глубину 40—45 км и нанесли тяжелое поражение немецкой 3-й танковой армии. Несмотря на эти успехи, войска 3-го Белорусского фронта продвигались все-таки медленнее армий 2-го Белорусского фронта, что позволяло противнику избежать окружения и отойти в пределы Германии.

Рокоссовский, получив задачу, немедленно приступил к ее претворению в жизнь. 21 января соединения 2-го Белорусского фронта овладели многими восточно-прусскими опорными пунктами, в том числе и Танненбергом. Вступление в Восточную Пруссию солдаты и офицеры встретили с большим подъемом. «Вот она, берлога немецкого зверя, – говорили они. – Теперь мы отомстим гитлеровцам за все их злодеяния, совершенные ими на нашей земле». В сознании многих солдат вначале не укладывалось, как после тех зверств, что творили захватчики на советской земле – и это солдаты и офицеры на протяжении трех с половиной лет видели собственными глазами, – можно относиться великодушно к немцам. Командование и политуправление фронта приняли меры к тому, чтобы разъяснить личному составу сущность гуманной политики в отношении мирного немецкого населения. Был издан специальный приказ, партийные и комсомольские организации войск в течение одного-двух дней разъяснили воинам требования этого приказа. В результате удалось добиться того, что факты насилия над мирными жителями, отмеченные сразу после перехода границы, больше не повторялись.

В соответствии с приказом Ставки ВГК соединения 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий осуществили сложный тактические маневр и перенацелились на север и северо-

восток, чтобы перехватить пути отхода восточно-прусской группировки врага. Войска 2-й ударной армии, несмотря на усилившееся сопротивление противника, вышли к 25 января к рекам Висла и Ногат. Им удалось в нескольких местах с ходу форсировать эти значительные водные преграды. Фронт наступления расширился до 50 км. Передовые отряды достигли предместий Эльбинга. Правее, северо-восточнее Эльбинга, 2-я гвардейская танковая армия вышла к морю. Восточно-прусская группировка противника оказалась отрезанной от Центральной Германии. Позднее, 11 апреля, газета «Красная звезда» отмечала в передовой статье «Творцы победы»: *«В самых сложных и трудных условиях наши офицеры не раз пробивали быстрый и верный путь к победе. Вспомним хотя бы смелый маневр из района Пултуска до Эльбинга. За двенадцать дней войска прошли в боях свыше 200 километров».*

В результате Млавско-Эльбингской операции, завершившейся 26 января, войска 2-го Белорусского фронта разгромили около 15 дивизий противника, овладели Млавским и Алленштейнским укрепленными районами, заняли часть Восточной Пруссии, освободили территорию Северной Польши и продвинулись на северо-запад до 230 км. Они блокировали с запада и юго-запада восточно-прусскую группировку противника, создав благоприятные условия для ее последующего разгрома. С выходом войск фронта к нижнему течению Вислы и захватом плацдарма севернее Быдгоща создавались условия для наступления в Восточной Померании.

В ходе операции маршал Рокоссовский умело организовывал и руководил войсками фронта при прорыве мощной долговременной обороны противника, стремительном развитии наступления в его оперативной глубине, умело используя подвижные группы фронта и армий. Для достижения непрерывности воздействия на противника в дивизиях по указанию командующего фронтом создавались сильные передовые отряды. Они прорывались вперед, обходя вражеские узлы сопротивления, захватывали дефиле, мосты, переправы и удерживали их до подхода главных сил. В то же время не удалось добиться высоких темпов прорыва тактической зоны обороны, что было обусловлено плохими погодными условиями, исключившими использование авиации в ходе прорыва и снизившими эффективность артиллерийског о огня. Кроме того, нередко нарушалось взаимодействие между родами войск и управление ими. Все это привело к увеличению потерь в войсках фронта, которые составили: безвозвратные – 36 396 человек, санитарные – 123 094 человека.

Войска 2-го Белорусского фронта, завершив Млавско-Эльбингскую операцию, продолжали наступление на всех направлениях. Противник, пытаясь избежать полного поражения, предпринимал все попытки к тому, чтобы прорваться в пределы Германии. В ночь на 27 января вражеская группировка в составе до семи пехотных и одной танковой дивизий нанесла удар из района Хайльсберга в направлении Эльбинга, где в это время еще шли бои. Ценой больших потерь немцам удалось потеснить части 48-й армии километров на двадцать к западу. В это время поднялась сильнейшая метель. Порывистый ветер временами переходил в ураган. Командующий 48-й армией генерал Гусев сообщил Рокоссовскому, что противник наступает большими силами. Командарм опасался, сможет ли его армия удержать натиск врага. Командующий фронтом, быстро оценив обстановку, приказал немедленно перебросить на помощь Гусеву большую часть сил 5-й гвардейской танковой армии, 8-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. Он также распорядился, чтобы командующий 2-й ударной армией повернул на восток часть своих сил, находившихся у Эльбинга и южнее, с задачей не допустить противника к Висле, если тому кое-где удастся прорваться через боевые порядки войск фронта.

Не успел Рокоссовский отдать эти распоряжения, как позвонил командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал Вольский. Он доложил, что противник приближается к его командному пункту, и попросил разрешения перейти со штабом в расположение войск 2-й ударной армии. Рокоссовский посоветовал ему не отрываться от своих частей, а подготовить их к удару по противнику, поддерживая постоянную связь со 2-й ударной армией. Генерал Вольский немедленно приступил к исполнению поставленной задачи. Вскоре мимо окон командного пункта фронта на галопе стали проноситься кавалеристы корпуса генерала Осликовского. Сам командир корпуса заскочил в штаб и доложил, что его головной полк уже в районе действий, ведет бой с прорвавшимися в расположение 48-й армии частями противника.

Метель тем временем не ослабевала, на дорогах возникли сугробы. Однако для 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Осликовского они не представляли серьезного препятствия. Снежные заносы мешали и врагу. Советские части, обойденные в населенных пунктах, заняли круговую оборону и оказывали противнику ожесточенное сопротивление. Бои в течение трех дней шли с переменным успехом, но к 31 января противник вынужден отойти на исходные позиции. Деблокада восточно-прусской группировки не состоялась.

В полосе 65-й армии обстановка складывалась следующим образом. Две дивизии 105-го стрелкового корпуса (354-я и 193-я) захватили плацдарм на западном берегу Вислы. Прямо под Грудзендзом противник еще удерживал предмостное укрепление на восточном берегу, а далее, вплоть до Мальборка (50 км севернее), он отошел за реку. Части 46-го стрелкового корпуса генерала Эрастова, переброшенные в ходе наступления на правый фланг армии, пытались форсировать Вислу близ Мальборка то в одном, то в другом месте, вытянулись километров на двадцать к северу и вынуждены были остановиться. Соединения 18-го стрелкового корпуса вели в это время бой под Грудзендзом.

На плацдарме, захваченном на западном берегу Вислы, сражались пока только стрелковые части. Ни пушки, ни танки пройти по льду еще не могли. В ночь на 28 января саперы укрепили лед досками и бревнами. По этим настилам удалось перетянуть батальонную и полковую артиллерию и подвезти боеприпасы. Это позволило частям 105-го стрелкового корпуса несколько продвинуться вперед и расширить плацдарм километров на пять. Однако сил для более решительных действий у них не осталось. Противник, подтянув резервы, предпринимал ожесточенные контратаки, пытаясь сбросить в Вислу полки 354-й и 193-й стрелковых дивизий.

Погода к этому времени значительно ухудшилась. После нескольких дней крепких морозов наступила оттепель. В связи с тем, что намораживать лед стало невозможно, был найден другой способ: во льду делали взрывами своеобразный канал и в нем наводили понтонный мост. Движение по нему открылось вечером 29 января. Через два дня был построен свайный мост. Это позволило подбрасывать на плацдарм средства усиления, но не в таких количествах, чтобы 105-й стрелковый корпус мог перейти в решительное наступление. Требовалось осуществить перегруппировку войск 65-й армии, подтянуть два корпуса к левому флангу, ввести их на плацдарм и только тогда наносить удар. По просьбе командующего армией генерала Батова на НП прибыл маршал Рокоссовский, чтобы на месте оценить обстановку. Он внимательно осмотрел местность, полноводную Вислу, на которой уже обозначалась подвижка льда, оценил противника перед фронтом армии и затем предложил генералу Батову доложить решение.

– Блокировать Грудзендз тридцать седьмой гвардейской дивизией, сороковым танковым полком и подразделениями армейского запасного полка. А соединения восемнадцатого и сорок шестого корпусов вывести на плацдарм.

– Идея верная. Но у гвардейцев не более двух тысяч штыков, а

у их соседей и двух тысяч не наберется. У противника под Грудзендзом, пожалуй, втрое больше. Ударят по вашим тылам… Придется сделать иначе.

Рокоссовский приказал передать 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию временно в подчинение командующему 2-й ударной армией, который должен был подбросить к крепости 98-й стрелковый корпус генерала Г. И. Анисимова. Это позволяло командующему 65-й армией осуществить намечаемую перегруппировку войск. Одновременно Рокоссовский приказал переправить на плацдарм Донской танковый корпус.

В результате своевременно принятых мер части 18-го и 46-го стрелковых корпусов были к исходу 3 февраля переброшены на зависленский плацдарм. На противоположном берегу остались только 44-я гвардейская стрелковая дивизия и полк 193-й стрелковой дивизии, которые прикрывали подступы к мостам.

В это время осложнилась обстановка в районе города Торн (Торунь), где войска 70-й армии блокировали группировку противника. По оценке командующего армией генерала В. С. Попова, в ней было всего 5 тыс. солдат, и потому для ее ликвидации выделялась лишь ослабленная стрелковая дивизия и один полк без достаточного количества артиллерии. На самом же деле гарнизон Торна насчитывал около 30 тыс. солдат, и этот просчет командарма привел к тяжелым затяжным боям.

Вечером после ужина в штаб-квартире к Рокоссовскому обратился начальник тыла фронта генерал И. М. Лагунов:

– Товарищ командующий, из Торна пришло несколько поляков. Они говорят, что в городе полно солдат, у них танки, бронемашины, артиллерия.

– А где были задержаны эти поляки?

– Да никто их не задерживал, товарищ командующий, просто они зашли к нам в госпиталь и сказали, что на пути никого из наших солдат не встретили. Это встревожило начальника госпиталя, он и позвонил мне.

Рокоссовский с начальником штаба генералом Боголюбовым только начали обсуждать, какие силы следует выделить для ликвидации торунского гарнизона, как командующего фронтом вызвали к телефону.

Говорил командующий 70-й армией генерал Попов:

– Товарищ командующий фронтом! Противник прорвал кольцо и движется на север, к Грауденцу. Войск у него гораздо больше, чем мы предполагали.

– Что вы предприняли?

– У меня нет войск под руками, противник приближается к моему командному пункту. Прошу вашего разрешения перенести

его.

– Хорошо, переходите в ближайшую дивизию и немедленно принимайте меры к ликвидации противника. Я сейчас позвоню Батову и прикажу ему переправить на восточный берег войска навстречу противнику.

Рокоссовский связался с командующим 65-й армией, войска которой вели бои за расширение плацдармов на западном берегу Вислы в нижнем ее течении:

– Павел Иванович, противник вырвался из Торна и движется по тылам 70-й армии к вашим переправам и к Грауденцу, где немцы еще сохранили собственные переправы. Надо принимать меры! Что у тебя есть на восточном берегу?

– Дивизия и полк.

– Этого мало! Переправь обратно с плацдарма минимум две дивизии, иначе их не сдержать.

Батов немедленно начал исполнять приказ Рокоссовского. Из-за Вислы были выведены 193-я, 413-я стрелковые дивизии и один полк 354-й стрелковой дивизии. Они вышли на рубеж Скаршево, Сарнау, где завязали сражение с противником. С востока его настигли части 70-й армии. Объединенными усилиями двух армий прорвавшаяся группировка противника была окружена на правом берегу Вислы, к востоку от Хелмно, уже на открытой местности, а не в городе-крепости. После нескольких дней боев она была разгромлена, 12 тыс. солдат и офицеров противника попали в плен и лишь около 3 тыс. сумели переправиться через Вислу.

Тяжелые бои развернулись и за город Эльбинг. Войска 2-й ударной армии в конце января несколько раз пытались овладеть городом, но успеха не имели. Противник, стремясь сохранить сообщение с Восточной Пруссией, упорно его оборонял. Гарнизон, состоявший из остатков разбитых в недавних боях 43 различных частей и соединений, насчитывал 10 тыс. человек. Кроме того, здесь имелось еще до 4000 фольксштурмовцев[602]. Тогда к наступлению на город было решено привлечь больше сил. К исходу 2 февраля гарнизон Эльбинга фактически оказался в окружении. Начались ожесточенные бои за город. Утром 7 февраля в Эльбинг были посланы пленные немецкие солдаты для передачи начальнику гарнизона требования о немедленной сдаче. Мощные громкоговорящие установки передавали текст ультиматума на немецком языке. В город забросили большое количество листовок. Срок ультиматума истек в 12 часов, но ответа так и не получили. Оставалось одно – начать решительный штурм.

И вот штурмовые группы, число которых было увеличено,

стали методически, последовательно овладевать опорными пунктами вражеской обороны. Особенно прочные из них блокировались, затем к ним подтягивали артиллерию крупных калибров и огнем прямой наводки разрушали сооружения. В боях за Эльбинг широко использовались бутылки с зажигательной жидкостью. Для прикрытия действий штурмовых групп, а также выдвижения танков и артиллерии ставились дымовые завесы. Для имитации пожаров в домах, мешающих продвижению, применялись дымовые гранаты. Их забрасывали обычно в нижние этажи. Дым распространялся по всему дому, и у противника создавалось впечатление, что начался пожар. Под прикрытием дымовой завесы был захвачен, например, костел, в котором засели вражеские автоматчики и пулеметчики. Вначале «химики» бросали дымовые гранаты, а под их прикрытием поджигали дымовые шашки. Противник был ослеплен и, боясь окружения, оставил костел.

Бои за Эльбинг, продолжавшиеся в общей сложности целую неделю, закончились полным разгромом вражеского гарнизона. В ночь с 9 на 10 февраля город был взят. В этом заслуга 98-го (генерал-лейтенант Г. И. Анисимов) и 116-го (генерал-майор Ф. К. Фетисов) стрелковых корпусов 2-й ударной армии, поддержанных артиллерией, саперами, авиацией. В результате этого положение полуокруженной восточно-прусской группировки войск противника еще более ухудшилось. Для отхода на запад у нее оставалась теперь только узкая коса Фриш-Нерунг.

Пока часть сил 2-й ударной армии вела бои за Эльбинг, остальные соединения держали оборону на фронте до 120 км. Им приходилось сдерживать отчаянный натиск противника, пытавшегося пробиться к Эльбингу из Восточной Пруссии и из-под Данцига. Южнее Эльбинга части противника упорно пробивались за Вислу.

В первых числах февраля через полосу обороны соседней 48-й армии стали прорываться на запад части нескольких пехотных дивизий. Генерал Н. И. Гусев предупредил командующего 2-й ударной армией об опасности. Он успел подготовиться и нанести противнику удар во фланг. В бой вступили части 116-го стрелкового корпуса генерала Ф. К. Фетисова и 18-го танкового корпуса генерала А. Н. Фирсовича. Только за одну ночь было взято около 20 тыс. пленных.[603]

Отражая попытки врага деблокировать свою восточно-прусскую группировку, уничтожая гарнизоны крепостей в своем тылу, войска левого крыла 2-го Белорусского фронта одновременно расширяли плацдармы на левом берегу Вислы и готовились к проведению Восточно-Померанской стратегической

наступательной операции.

Задачу на проведение этой операции войска 2-го Белорусского фронта получили 8 февраля. В директиве № 11021 Ставки ВГК говорилось:

«1. Центром и левым крылом фронта (2-я ударная армия, 65, 49, 70-я армии, 1 гв. тк, 8 мк, 3 гв. кк и не менее четырех артдивизий прорыва) 10 февраля перейти в наступление к западу от р. Висла, и не позже 20.02 овладеть рубежом устье р. Висла, Диршау, Берент, Руммельсбург, Нойштеттин.

2. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты[604]».

9 февраля Ставка ВГК приказала Рокоссовскому передать к 24 часам 10 февраля в состав 3-го Белорусского фронта значительную часть войск: 50-ю, 3-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 29-ю гвардейскую тяжелую танковую и 23-ю танковую бригады, 260-й и 66-й гвардейские тяжелые танковые полки, 340-й тяжелый самоходный, восемь самоходных артиллерийских полков (1294, 1444, 1901, 1812, 1902, 1888, 1199 и 881-й), 15-ю артиллерийскую дивизию прорыва, 5-ю и 13-ю истребительно-противотанковые бригады, 56-й гвардейский гаубичный артиллерийский, 6, 84 и 100-й гвардейские минометные полки; 33-ю мотоинженерную бригаду; четыре отдельных линейных батальона связи.[605]

Для проведения Восточно-Померанской операции Рокоссовский располагал теперь пятью общевойсковыми армиями (2-я ударная, 65, 49, 70, 19-я), 3-м гвардейским кавалерийским, 1, 3 и 8-м гвардейскими танковыми, 8-м механизированным корпусами, 4-й воздушной армией. В войсках фронта насчитывалось 370 тыс. человек, 10,2 тыс. орудий и минометов, 263 танка и самоходно-артиллерийских орудия, 450 самолетов. С ними взаимодействовала часть сил Балтийского флота под командованием адмирала В. Ф. Трибуца.

Непосредственно перед войсками 2-го Белорусского фронта оборонялась 2-я полевая армия группы армий «Висла», в командование которой вступил рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Против правого крыла фронта на участке от Эльбинга до Швец действовали 20-й, 23-й армейские корпуса и корпусная группа «Раппард». Они занимали оборону по левому берегу рек Ногат и Висла, а также удерживали крепость Грауденц. На левом берегу Вислы против войск центра и левого крыла 2-го Белорусского фронта на рубеже Швец, Оше, Линде оборонялись соединения 27-го армейского, 46-го танкового и 18-го горнострелкового

корпусов вермахта. Противник имел в первой линии до 12 дивизий и во второй линии, включая и резервы, до 4—6 дивизий. Наземные войска поддерживали 6-й воздушный флот и корабли германского флота на Балтике. Всего противник насчитывал 230 тыс. человек, 2,9 тыс. орудий и минометов, 382 танка и штурмовых орудия, 300 самолетов.

Войска 2-го Белорусского фронта превосходили противника по живой силе в 1,6 раза, по орудиям и минометам – в 3,5, по самолетам – в 1,5 раза, уступая ему по количеству танков и САУ почти в 1,5 раза.

Противник в Восточной Померании создал так называемую «линию Померанских укреплений» («Померанский вал»), построенную в 1933 г. вдоль бывшей польско-германской границы фронтом на восток и юго-восток. Эта линия проходила по рубежу Штольп, Руммельсбург, Нойштеттин, Шнайдемюль. Левый фланг Померанского вала примыкал к приморским укреплениям в районе Штольпмюнде и обеспечивался ими, а правый – к укреплениям на реках Варта и Одер. Основу померанских укреплений составляли долговременные оборонительные сооружения (доты, железобетонные капониры и полукапониры), рассчитанные на гарнизоны силой от взвода до роты. Эти сооружения были усилены фортификационными сооружениями полевого типа. Они и подступы к долговременным сооружениям прикрывались развитой сетью противотанковых и противопехотных заграждений в виде минных полей, железобетонных надолбов, проволочных заграждений, противотанковых рвов, заполненных водой. Города Штольп, Руммельсбург, Нойштеттин, Шнайдемюль, Дойч-Кроне являлись узловыми опорными пунктами в системе померанских укреплений. Вокруг них имелось большое количество долговременных огневых сооружений, сооружений полевого типа, противотанковых и противопехотных препятствий. На побережье в районе Данцига и Гдыни и на косе Путцигер-Нерунг в районе Хель противник создал приморские укрепленные районы, а в районе Леба, Штольпмюнде, Рюгенвальдемюнде и Кольберг – оборудованные артиллерийские позиции полуказематного типа для тяжелой береговой артиллерии. Кроме того, в систему обороны здесь входили Данцигский и Гдыньский оборонительные районы, построенные фронтом на юго-запад.

Данцигский оборонительный район состоял из двух оборонительных полос, оборудованных инженерными сооружениями полевого типа (окопы, траншеи, открытые пулеметные площадки, дзоты). Первая полоса обороны глубиной 3—5 км проходила своим передним краем по рубежу

Бюргервизен, Ора, Прауст, УнтерКальбуде, (иск.) Цукау, Глеткау и состояла из пяти линий траншей. Вторая полоса обороны была оборудована в 5—7 км от Данцига и своими флангами упиралась в побережье бухты. Она состояла из трех позиций. Первая позиция имела две-четыре линии траншей общей глубиной до 1,5—2,5 км. Вторая позиция состояла из двух линий траншей, сочетавшихся с системой опорных пунктов. Третья позиция была оборудована непосредственно по окраине города. С юго-восточной стороны Данциг прикрывался танконедоступной местностью и каналом, а также системой старых фортов крепости. Сам город также был подготовлен к обороне. Почти все крупные каменные здания были приспособлены для ведения огня из пулеметов и орудий; оконные и дверные проемы были заложены мешками с песком. Здания и кварталы соединялись между собой ходами сообщения и траншеями. На улицах были сооружены баррикады, а на перекрестках улиц – дзоты. В домах и на центральных улицах были установлены управляемые мины.

Гдыньский оборонительный район состоял из двух полос обороны. При организации этого района противник использовал ранее построенные долговременные оборонительные сооружения, оборудованные артиллерийские позиции и наблюдательные пункты и усилил их системой траншей, окопов и заграждений, что позволило ему быстро опоясать город Гдыня сплошным кольцом оборонительных сооружений в радиусе 12—15 км. Первая полоса обороны состояла из двух позиций, имевших пять линий траншей общей глубиной 3—5 км. Вторая полоса обороны была оборудована на удалении 5—7 км от города Гдыня и включала три линии траншей и четыре – пять долговременных огневых сооружений и деревоземляных огневых сооружений на 1 км фронта. Город Гдыня также был хорошо подготовлен к обороне и уличным боям. На случай вынужденного отхода из района Гдыни на север противник подготовил оборонительный район на так называемом оксхефтстском плацдарме.

Для обеспечения стыка между Данцигским и Гдыньским оборонительными районами была создана оборонительная позиция по рубежу Цукау, Эксау, Кобле, Коллетцкау. Она имела три линии прерывчатых траншей. На удалении 4—5 км от этой позиции были построены еще три линии траншей. Для противотанковой обороны в районах Данцига и Гдыни были подготовлены противотанковые рвы, барьеры, баррикады и железобетонные надолбы. Вблизи противотанковых препятствий были оборудованы одиночные окопы для истребителей танков, вооруженных фаустпатронами.

Особенностью Восточно-Померанской операции явилось то,

что она не имела подготовительного периода. Войска 2-го Белорусского фронта начали ее без оперативной паузы. Планирование операции, перегруппировка войск и накапливание сил на новом направлении осуществлялись в ходе предшествовавшего непрерывного наступления войск фронта в Восточной Пруссии. Это не давало противнику передышки и не позволило ему создать более мощную оборону на левом берегу р. Висла против войск левого крыла фронта. В связи с этим он был вынужден под давлением советских войск продолжать отход.

Еще до получения директивы Ставки ВГК маршал Рокоссовский вывел из сражения на правом крыле фронта 49-ю армию, которая к 4 февраля была сосредоточена в районе Дойч-Айлау, Любово, Ново-Място, а затем переброшена на левый берег Вислы. В ночь на 9 февраля эта армия, сменив соединения 70-й армии, была введена в первую линию на левом крыле фронта в стыке между ранее наступавшими 65-й и 70-й армиями. Находившиеся в резерве командующего фронтом 330-я и 369-я стрелковые дивизии 3 февраля были переданы в состав 70-й армии и введены в полосу ее действий. 2 февраля был выведен из боя на правом крыле фронта 3-й гвардейский кавалерийский корпус и переброшен на левое крыло. Основные силы 2-й ударной армии по указанию Рокоссовского перегруппировывались на ее левый фланг, а 18-й стрелковый корпус 65-й армии также был переброшен на левый фланг армии и 8 февраля переправился на левый берег Вислы. В период с 3 по 7 февраля были изъяты из состава правофланговой 50-й армии части трех укрепленных районов и сосредоточены в районе Мариенвердер и севернее. С целью высвободить силы 2-й ударной армии для действий на левом берегу Вислы, эти укрепленные районы были переданы в состав армии с задачей обороняться по правому берегу реки от Эльбинга до Грауденца. Одновременно в состав фронта прибывали из резерва Ставки ВГК 19-я армия и 3-й гвардейский танковый корпус.

В соответствии с указаниями маршала Рокоссовского командующий артиллерией фронта генерал-полковник А. К. Сокольский и его штаб разработали план дальнейшего использования артиллерии. С целью усиления войск, готовившихся к действиям в Восточной Померании, по указанию командующего фронтом была произведена некоторая перегруппировка артиллерии. С 3 по 8 февраля на левое крыло фронта были переброшены: две артиллерийские дивизии прорыва; одна дивизия и три отдельные бригады реактивной артиллерии; две истребительно-противотанковые артиллерийские бригады; две корпусные артиллерийские бригады, две зенитные

артиллерийские дивизии и другие артиллерийские части. На левое крыло 2-го Белорусского фронта по приказу Рокоссовского были переброшены один танковый и один механизированный корпуса, которые 8 февраля были переданы 70-й армии. Один танковый корпус был выведен из боя в резерв фронта и сосредоточен в районе Пройсишес-Холлянд (30 км юго-восточнее Эльбинга). 3-й гвардейский танковый корпус, поступивший из резерва Ставки ВГК, сосредоточивался в районе Млавы.

Инженерные войска фронта под руководством генерал-лейтенанта Б. В. Благославова обеспечили переправами через Вислу на участке Нойенбург (18 км севернее Грауденц на левом берегу Вислы), Грауденц, Фордон войска, готовившиеся к наступлению, и построили в районе Кульма временный мост грузоподъемностью 60 т. На усиление 70-й и 49-й армий из состава правофланговых армий были изъяты две инженерные бригады и переброшены на левое крыло фронта в район Кульм и Унислов. Кроме того, в резерв фронта была выведена одна моторизованная штурмовая бригада.

Большую работу с 1 по 10 февраля провели войска связи фронта во главе с генерал-лейтенантом Н. А. Борзовым. Они построили около 100 км новых и восстановили до 300 км разрушенных противником телеграфно-телефонных линий. Кроме того, разведкой связи были обнаружены и восстановлены две подземные кабельные линии на шесть проводов каждая. Через Вислу было построено шесть переходов, причем два из них в районах переправ в Кульм и Фордон на шесть линий каждый. В районах мостовых переправ переходы устраивались подводным кабелем по дну реки или непосредственно по переправе бронированным кабелем. Для более устойчивой связи было открыто значительное количество контрольно-испытательных станций, а также оборудованы опорный пункт связи в Стольно, запасный узел связи фронта в Яблоново и трансляционный пункт в г. Бродница.

Соединения 4-й воздушной армии в период подготовки операции прикрывали с воздуха перегруппировку наземных войск и поддерживали наступление войск правого крыла фронта в Восточной Пруссии. Кроме того, не производя перебазирования, авиация готовилась к действиям на новом направлении. Бомбардировочная авиация наносила удары по тыловым объектам врага в Восточной Померании.

Значительный объем работы пришлось выполнить управлению тыла фронта под руководством генерал-лейтенанта И. М. Логинова. В связи с быстрым продвижением войск фронта коммуникации сильно растянулись. Общая глубина тылового

района фронта составляла около 300 км, в том числе глубина тылового района армий равнялась 120 км. Большинство фронтовых складов оказалось за пределами тыловой границы фронта. В тыловом районе находился стык железных дорог с разной шириной колеи – российской и западноевропейской; тыловая полоса пересекалась крупной водной преградой – Вислой, мосты через которую противник взорвал. Кроме того, операция начиналась в период весенней распутицы, паводка и ледохода, что затрудняло восстановление и постройку мостов, в особенности через Вислу, и не допускало продвижения войск и транспорта вне дорог. С целью преодоления встретившихся трудностей заранее была организована нештатная перевалочная база на стыке участков нашей железнодорожной колеи и западноевропейской в районе Дзялдово, Насельск, а также организованы перевалочные пункты в местах «разрыва» железнодорожной колеи у разрушенных мостов через Вислу. Для быстрой подачи горючего войскам, действовавшим за Вислой, в районе Фордона, а затем и в районе Грауденца были установлены специальные коллекторы, которые перекачивали горючее на левый берег Вислы.

8 февраля маршал Рокоссовский отдал приказ, которым в качестве ближайшей задачи предусматривался выход войск на рубеж устье реки Вислы, Диршау, Бютов, Руммельсбург, Нойштеттин. Учитывая, что на проведение значительных перегруппировок не оставалось времени, армиям были поставлены задачи для наступления в той группировке, в какой они находились. Кроме того, чтобы избежать форсирования Вислы войсками правого крыла фронта, Рокоссовский приказал подготовить удар с плацдарма соседней 65-й армии, из-за ее правого фланга, в направлении Прейсиш-Старгард силами не менее двух стрелковых корпусов. Им предстояло овладеть рубежом, Диршау, (иск.) Гох-Штюбляу.

Войска 65-й армии генерал-полковника П. И. Батова получили задачу с утра 10 февраля продолжать наступление в северо-западном направлении и не позднее 14 февраля выйти на рубеж Гох-Штюбляу, Черск, а в дальнейшем развивать наступление на Бютов. На 49-ю армию генерал-лейтенанта И. Т. Гришина возлагалась задача, перейдя в наступление 10 февраля с рубежа Широслав, Трутново, не позднее 13 февраля овладеть рубежом (иск.) Черск, (иск.) Хойнице и продвигаться в направлении на Бальденберг. Войскам 70-й армии генерал-полковника В. С. Попова предписывалось с приданными одним танковым и одним механизированным корпусами перейти в наступление утром 10 февраля с рубежа Любиво, станция Пруст-

Багниц, Дзидзинек, овладеть не позднее 13 февраля рубежом Шлохау, Пройсс-Фридланд, а в дальнейшем продолжать наступление в общем направлении на Темпельсбург. С целью усиления удара левофланговой армии 3-му гвардейскому кавалерийскому корпусу генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского, находившемуся в резерве командующего фронтом, было приказано 10 февраля выйти в район Вальдау, Цемпельбург и с утра 11 февраля нанести удар в направлении Шлохау с тем, чтобы не позднее утра 12 февраля овладеть районом Хойнице, Шлохау. В дальнейшем корпус должен был выйти в район Руммельсбург, Бальденберг.

Одновременно с постановкой задач войскам и подготовкой их наступления на новом направлении Рокоссовский представил в Ставку ВГК свои соображения по дальнейшим действиям войск фронта. К началу операции они понесли большие потери, были утомлены и требовали отдыха. В дивизиях оставалось не более 3—4 тыс. человек. Учитывая это, Константин Константинович предлагал уменьшить пространственный размах операций, заменить намечавшийся фронтальный удар по всей восточно-померанской группировке маневром на окружение ее части путем отсечения немецкой 2-й армии. Однако ответа на свои предложения он не получил.

Наступление войск 2-го Белорусского фронта началось утром 10 февраля и развивалось медленно, так как им приходилось преодолевать сильно укрепленную оборону. В это же время войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова отражали яростные контрудары немецкой 11-й армии. Ставка ВГК, осознав, что сил одного фронта недостаточно для разгрома получившей значительное усиление восточно-померанской группировки врага, подключила к операции войска правого крыла 1-го Белорусского фронта (2-й гвардейский кавалерийский корпус, 1-я армия Войска Польского, 3-я ударная, 61-я, 47-я армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые и 16-я воздушная армии; всего 770 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2050 танков и самоходно-артиллерийских установок, 965 самолетов). Противник в составе 2-й, 11-й армий (с 25 февраля 3-я танковая армия) и части сил 6-го воздушного флота имел 605 тыс. человек, 6,5 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов.

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы ударами 2-го Белорусского фронта на Кезлин (Кошалин) и войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта на Кольберг (Колобжег) расчленить группу армий «Висла», отсечь ее главные силы от остальных войск и уничтожить во взаимодействии с Балтийским

флотом. В последующем войскам 2-го Белорусского фронта предстояло наступать на Данциг и Гдыню, очистить от противника восточную часть Померании и овладеть побережьем Балтийского моря.

Для удара на левом крыле 2-го Белорусского фронта Рокоссовский выделил 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус. Он предусматривал использовать их для наступления в общем направлении на Бальденберг, Бублиц, Кезлин с целью разрезать померанскую группировку противника с выходом на побережье Балтийского моря на фронте озеро Ямундерзее, Кольберг. Ликвидация противника восточнее меридиана Конитц, Рюгенвальце возлагалась на войска правого крыла фронта в составе 2-й ударной, 65-й, 49-й и 70-й армий. Ввод в сражение 19-й армии и 3-го гвардейского кавалерийского корпуса намечался на 22—23 февраля, так как им на подход к рубежу развертывания требовалось совершить 160-километровый марш.

Рокоссовский, докладывая 15 февраля начальнику Генштаба свои предложения, считал необходимым для выполнения задачи Ставки ВГК по очистке от противника Померании и выхода к Померанской бухте усилить левое крыло фронта двумя общевойсковыми армиями с двумя танковыми корпусами. Учитывая, что армии правого крыла понесли большие потери и насчитывали в среднем 26 дивизий по 3—4 тыс. человек в каждой и 8 дивизий по 4 тыс. человек в каждой, Константин Константинович просил дать пополнение до 80 тыс. человек, а для пополнения специальных родов войск до 20 тыс. человек.[606]

17 февраля Ставка ВГК утвердила решение Рокоссовского по использованию 19-й армии и 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Одновременно он был поставлен в известность, что с 19 февраля 1-й Белорусский фронт силами правого крыла переходит в наступление в направлениях Фалькенбурга и Голлнова. Через четыре дня, 21 февраля, Ставка ВГК установила с 24 часов 24 февраля новую разграничительную линию между 2-м и 3-м Белорусскими фронтами: до Остероде – прежняя и далее Заальфельд, Христбург, Хальбштадт (на р. Ногат), Никельсвальде (все пункты для 3-го Белорусского фронта включительно). Командующему войсками 3-го Белорусского фронта приказывалось к этому же сроку сменить в новых разграничительных линиях войска 2-го Белорусского фронта. Ответственность за обеспечение стыков между фронтами оставалась за командующим 3-м Белорусским фронтом. Маршалу Рокоссовскому приказывалось использовать освобождающиеся войска 2-й ударной армии для усиления левого крыла и наступления по западному берегу р. Висла с целью быстрейшего

выхода на побережье Данцигской бухты.[607]

Пока войска 19-й армии совершали марш, весь ее руководящий состав прибыл на участок, с которого армия должна была действовать. Армией командовал 43-летний генерал-лейтенант Г. К. Козлов. Он с 1918 года находился на службе в Красной Армии. В Гражданскую войну был помощником командира взвода. После войны окончил пехотные командные курсы, 1-ю Советскую объединенную военную школу им. ВЦИК, Военную академию им. М. В. Фрунзе. Г. К. Козлов получил хорошую практику в должности командира стрелкового взвода и роты, занимал должность начальника оперативного отделения штаба дивизии, некоторое время командовал стрелковым полком. С ноября 1939 года Георгий Кириллович был старшим преподавателем в Военно-транспортной академии, а с октября 1940 года – начальником отдела боевой подготовки штаба 7-й армии. С начала Великой Отечественной войны он возглавлял оперативный отдел штаба этой армии. В декабре 1941 года его назначили командиром 27-й стрелковой дивизии, в августе 1942 года он стал начальником штаба 26-й армии, а в мае следующего года – командующим 19-й армией.

Участок, на котором предстояло развернуться 19-й армии, пока занимали войска 1-го Белорусского фронта. Рокоссовский на местности организовал отработку задачи, вопросов взаимодействия пехоты с танковым корпусом и с частями усиления. В этой работе принимали участие командующие родами войск фронта и 4-й воздушной армией.

В ночь на 22 февраля 19-я армия, сменив правофланговые части 1-го Белорусского фронта, вышла на отведенный ей для наступления рубеж и приступила к подготовке наступления. Армия должна была наносить главный удар в направлении Бишофсвальде, Штегере, Бальденберг. На участке прорыва была создана плотность артиллерии не менее 150 орудий на 1 км фронта, не считая реактивных установок. Наступление поддерживалось основными силами 4-й воздушной армии, представители которой находились на командных пунктах 19-й армии и ее соединений.

В полосе наступления 19-й армии на рубеже Гросс-Иенцник, Пройсс-Фридлянд оборонялись: 32-я пехотная дивизия вермахта, усиленная школой СС, а также тремя учебными и запасными батальонами; 15-я пехотная дивизия СС и 1-я гренадерская бригада СС. На этом направлении противник имел до 140 танков и самоходных орудий и около 625 орудий и минометов.[608]

Переход в наступление планировался на 24 февраля. Однако противник упредил войска 2-го Белорусского фронта, начав

повсеместно активные боевые действия. Только на участке, где происходила смена войск 1-го Белорусского фронта частями 19-й армии, царило затишье. На правом крыле 2-я ударная армия стойко удерживала занимаемый рубеж. Одновременно частью сил она продолжала бои против блокированной в городе-крепости Грауденц вражеской группировки, насчитывавшей, по показаниям пленных, до 15 тыс. солдат и офицеров. Успешно отражала атаки и 65-я армия. В то же время противнику удалось потеснить 49-ю армию и занять Оссово.

Утром 24 февраля после сорокаминутной артиллерийской подготовки войска 19-й армии перешли в наступление. Они быстро овладели первой вражеской позицией и стали продвигаться вперед, расширяя прорыв в глубину и в сторону флангов. По мере продвижения 19-й армии ее левый фланг обнажился, и этим попытался воспользоваться противник. Но Рокоссовский своевременно принял меры с целью срыва его попытки нанести удар по левому флангу 19-й армии. В сражение был введен 3-й гвардейский кавалерийский корпус, который прикрыл фланг наступающих войск. К исходу дня 19-я армия продвинулась на 10—12 км, расширив участок прорыва до 20 км.

Рокоссовский, стремясь повысить темпы наступления, ввел в действие в одиннадцать часов утра 25 февраля 3-й гвардейский танковый корпус генерала А. П. Панфилова. Ему ставилась задача ударом в северном направлении на Гегленфельд, Фернхайде совместно с пехотой завершить прорыв вражеской обороны и к исходу дня выйти на рубеж Айквир, Шенау. Корпусу была придана 313-я стрелковая дивизия. С каждой танковой бригадой первого эшелона шел стрелковый полк.

Передовые отряды 3-й и 18-й гвардейских танковых бригад с десантами автоматчиков на броне, обогнав пехоту, устремились вперед. К четырнадцати часам они вышли на рубеж Эльзенау, Беренхютте, завершив прорыв тактической зоны обороны противника. Выйдя на оперативный простор, части 3-го гвардейского танкового корпуса продвинулись за день на 40 км. Утром 26 февраля передовые отряды корпуса овладели Бальденбергом, городом и станцией Шенау, где разгромили крупную вражескую группировку, захватили трофеи и много пленных.

Решительные и стремительные действия 3-го гвардейского танкового корпуса создали условия для быстрого продвижения войск 19-й армии. Однако ими не удалось воспользоваться. За два дня стрелковые части прошли всего 25 км, так как им приходилось вести тяжелые бои с гарнизонами вражеских опорных пунктов, которые танковый корпус оставлял в своем

тылу. «Но причина была не только в этом, – отмечал Рокоссовский. – Сказывалось плохое руководство войсками. Командарм то и дело терял связь с соединениями, опаздывал с принятием решений. Эти два дня боев показали, что ему не справиться с таким крупным объединением, как армия, да еще с приданными ей средствами усиления. В сложной, непрерывно меняющейся обстановке наступления он проявлял растерянность, неспособность влиять на развитие событий. Это обстоятельство заставило Военный совет фронта с санкции Верховного Главнокомандующего сменить командарма. Армию возглавил В. З. Романовский, старый, опытный, всесторонне подготовленный генерал[609]».

Боевые действия велись и на других участках 2-го Белорусского фронта. Войска 70-й армии, отразив сильные атаки противника, сами перешли в наступление. К вечеру 25 февраля они продвинулась на своем левом фланге до 6 км. Соединения 49-й армии стойко отражали все атаки противника в районе Оссово. Упорные оборонительные бои вели 65-я и 2-я ударная армии.

Рокоссовский, оценив сложившуюся обстановку, пришел к выводу, что противник стремится во что бы то ни стало удержать Восточную Померанию. При этом он еще не почувствовал всей угрозы, нависшей над ним в связи с наступлением ударной группировки 2-го Белорусского фронта. Надо было воспользоваться просчетом врага, однако Константин Константинович не имел возможности усилить войска левого крыла. Впервые за время войны он остался без резервов, которые уже все были введены в сражение. Это вызывало серьезное беспокойство у Рокоссовского. Ведь по мере продвижения войск к северу все больше оголялся левый фланг, так как переход в наступление правого крыла 1-го Белорусского фронта был намечен лишь на 1 марта.

О своих опасениях Рокоссовский сообщил Сталину.

– По данным разведки, товарищ Сталин, в Ной-Штеттине, который находится западнее разграничительной линии, концентрируются войска противника. Я боюсь, что, если Жуков не начнет вскоре наступление, они ударят нам в открытый левый фланг. Существует реальная угроза этого.

– Что, Жуков хитрит?

– Не думаю, чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создается угроза на обнаженном нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление.

– А войска вашего фронта не смогут занять Ной-Штеттин? Если вы это сделаете, в вашу честь будет дан салют.

– Мы попытаемся, – ответил Константин Константинович, – но это не меняет дела в корне – все равно фланг наш открыт.

– Я поговорю с Жуковым, – пообещал Сталин.

Рокоссовский тут же связался с командиром 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генералом Н. С. Осликовским и приказал ему атаковать Ной-Штеттин. В этот же день части корпуса завязали бой за город, обошли его с флангов и с тыла. 28 февраля 32-я кавалерийская дивизия генерал-майора И. П. Калюжного овладела Ной– Штеттином. В ее честь приказом Верховного Главнокомандования была объявлена благодарность и в Москве дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Разведка 3-го гвардейского кавалерийского корпуса встретила западнее Ной-Штеттина разведывательный отряд 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. Корпус еще 26 февраля получил приказ маршала Жукова наступать в северном направлении, чтобы обеспечить левый фланг войск Рокоссовского.

Между тем 3-й гвардейский танковый корпус генерала Панфилова опередил пехоту на 40 км. Рокоссовский приказал ему закрепиться на рубеже Бублиц, Цехендорф и здесь дождаться подхода главных сил. Одновременно новому командующему 19-й армией генералу В. З. Романовскому была поставлена задача ускорить наступление. Войска 70-й армии, сосредоточив усилия на своем левом фланге, сломили сопротивление врага и к вечеру 28 февраля продвинулись на 12 км в северо-западном направлении, послав вперед 8-й механизированный корпус генерала А. Н. Фирсовича.

Рокоссовский, стремясь не допустить переброску противником войск на направление главного удара фронта, приказал вести наступление днем и ночью. Это было своевременное решение. По данным разведки, стало известно, что противник сосредоточил в районе Руммельсбурга несколько десятков танков и тысячи солдат, которые намеревались с востока нанести удар по открытому флангу 19-й армии. Однако этот план противника был сорван. Командующий 2-й ударной армией выдвинул навстречу врагу 40-й стрелковый корпус. Его части при поддержке авиации 4-й воздушной армии разгромили изготовившуюся к контрудару группировку противника, которая понесла большие потери и отошла на северо-восток. Но немецкое командование не смирилось с этим: еще одна группировка (15-я и 32-я пехотные дивизии вермахта, два специальных полка, шесть отдельных батальонов и более сорока танков и самоходных

орудий) начала наступление из района северо-западнее Бублиц. Дорогу ей преградила 272-я стрелковая дивизия, направленная сюда генералом В. З. Романовским. Ей оказали помощь части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. В результате ожесточенного сражения противник был разгромлен и отброшен.

3-й гвардейский танковый корпус, развивая успех, вышел 3 марта к городу Кезлин, важному узлу коммуникаций на путях из Данцига в Штеттин и мощному опорному узлу обороны, который прикрывал подступы к побережью Балтийского моря. Командир корпуса генерал Панфилов доложил Рокоссовскому:

– Мы вышли к Кезлину. Оборона вокруг города мощная. Пленные говорят, что в городе сильный гарнизон.

– Что вы собираетесь делать?

– Буду брать город, – твердо ответил Панфилов.

– Хватит ли сил? – засомневался Рокоссовский.

– Хватит. Пехота со мною.

– Хорошо, – одобрил командующий фронтом. – Только получше подготовьтесь к штурму.

Штурм начался незамедлительно, и 4 марта части 3-го гвардейского танкового корпуса совместно с 310-й стрелковой дивизией 134-го стрелкового корпуса очистили Кезлин от врага. В результате немецкая 2-я армия оказалась отрезана от остальных сил, находившихся в Восточной Померании.

На следующее утро в штаб фронта прибыл гонец из 3-го гвардейского танкового корпуса. На стол перед Рокоссовским он торжественно водрузил три закупоренные бутылки.

– Что это? – удивился Константин Константинович.

– Балтийская вода, товарищ командующий фронтом!

Рокоссовский засмеялся, вышел из-за стола, взял одну из бутылок, откупорил, понюхал.

– Пахнет водорослями! Попробуем, какова на вкус. – Он отхлебнул прямо из горлышка и тут же сплюнул. – Соленая! Ну что ж, это хороший подарок!

Однако в дальнейшем темпы продвижения войск 2-го Белорусского фронта заметно снизились. Для более активных действий не хватало подвижных соединений. Поэтому Рокоссовский обратился к Сталину с просьбой передать в его распоряжение хотя бы временно одну из двух танковых армий 1-го Белорусского фронта. В восемь часов вечера 5 марта Ставка ВГК направила маршалам Жукову и Рокоссовскому директиву № 11034:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. После ликвидации противника в районе Бельгард, Кольберг, но не позднее 8 марта, временно передать из 1-го Белорусского

фронта в состав войск 2-го Белорусского фронта 1-ю гв. танковую армию, включив в ее состав танковую бригаду 1-й польской армии.

2. Армию передать в полном составе, со всеми средствами усиления, армейскими тыловыми частями и учреждениями, с двумя заправками горючего и тремя заправками дизельного топлива.

3. Командующему войсками 2-го Белорусского фронта иметь в виду, что 1 гв. ТА без польской танковой бригады должна быть возвращена в состав 1-го Белорусского фронта не позднее 24 марта[610]».

Маршал Жуков, получив директиву Ставки, сразу же позвонил по ВЧ Рокоссовскому:

– Предупреждаю. Армия должна быть возвращена точно в таком же составе, в каком она к вам уходит!

– Обещаю, но прошу передать нам армию боеспособной…

Одновременно Рокоссовский получил еще одну директиву за № 11035 на развитие операции в Восточной Пруссии:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 2-го Белорусского фронта разгромить группировку противника в районе Данциг, Штольп, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20 марта выйти в полосе фронта на побережье Балтийского моря.

2. Для выполнения этой задачи войскам фронта продолжать наступление правым крылом по западному берегу р. Висла на Данциг и левым крылом в направлении Лауенбург, Гдыня. 1-ю гв. танковую армию и танковую бригаду 1-й польской армии использовать для развития удара на левом крыле фронта.

3. По мере очищения побережья организовать прочную его оборону, используя для этого 3 гв. кк, уры и некоторые другие части…[611]»

В соответствии с указаниями Ставки ВГК маршал Рокоссовский решил ударами войск правого крыла 2-го Белорусского фронта вдоль западного берега Вислы на Данциг и левого крыла на Штольп, Гдыня, а также интенсивными наступательными действиями армий центра разгромить 2-ю армию противника, полностью очистить от него восточную часть Померании и овладеть портами Данциг, Гдыня, Цоппот.

С этой целью армии левого крыла фронта, повернутые с северного на северо-восточное направление, должны были продолжать наступление: 19-я армия, усиленная одним танковым корпусом, с рубежа Шониц, Лейков, Зее-Буков – в направлении Штольп, Путциг и овладеть рубежом Цукерс, Штольп, Штольпмюнде; войска 70-й армии, усиленные одним механизированным корпусом, с рубежа Любен, Заабен – в направлении Бютов, Витцков, Линде, Шенвальде и овладеть

рубежом Сулленшин, Ноендорф, Вундиянов, Муттрин. Войска правого крыла фронта – 2-я ударная армия – усиленные одним танковым корпусом, получили задачу нанести главный удар своими левофланговыми соединениями в направлении Прейсиш-Старгард, Шёнек, Данциг и овладеть рубежом Диршау, Шёнек. Войскам центра Рокоссовский приказал продолжать наступление в направлении Гох Шюбляу, Гладау, Цукау и Берент, Михуцин, овладеть рубежом Шёнек, Грабувко, Скорцево, Шюльцен. 3-й гвардейский кавалерийский корпус получил задачу по мере продвижения войск правого крыла 1-го Белорусского фронта в направлении Кольберг свертывать соединения корпуса и выдвигать их на побережье Балтийского моря, чтобы в последующем занять оборону побережья моря на участке Рюгенвальде, Гроссмелен, (иск.) Кольберг. Такое решение позволяло без сколько-нибудь существенных перегруппировок продолжать наступление всеми силами, нанося основные удары по сходящимся направлениям: вдоль побережья Балтийского моря на восток и вдоль западного берега р. Висла на север, одновременно дробя группировку противника ударами армий центра.

С утра 6 марта войска 2-го Белорусского фронта возобновили наступление. Армии правого крыла прорвали оборону противника на прейсиш-старгардском и гох-шюблявском направлениях, за день они продвинулись на 15—18 км, а соединения 116-го стрелкового корпуса завязали бои в городе Прейсиш-Старгард. На левом крыле фронта 19-я армия, повернувшая основные силы в новом направлении, двумя корпусами, преодолев сопротивление противника, продвинулась на 12 км, достигнув рубежа озеро Лантоверзее, Шлаве, Прец. 134-й стрелковый корпус этой армии в течение 6 марта продолжал действовать западнее г. Кёзлин и, наступая в западном и юго-западном направлениях, к исходу дня вышел на рубеж Альтенхаген, Рютцов, Фритцов, Альтлюльфиц, Дарков. 3-й гвардейский кавалерийский корпус, свернув часть соединений, начал выдвигаться и занимать оборону на побережье Балтийского моря на участке Рюгенвальде, Гроссмелен, (иск.) Кольберг.

С целью быстрейшего развития наступления войск левого крыла фронта, где предполагалось в скором времени ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию, Рокоссовский решил ввести в сражение 3-й гвардейский танковый корпус. Он приказал частям корпуса с утра 7 марта перейти в наступление в направлении Штольп (Слупск), Лауенбург с задачей 8 марта овладеть городом Штольп и выйти на рубеж Унтер-Шарзов, Дойч-Плассов, Штольп, обеспечив за собой переправы через р. Штольпе.

Передовой отряд корпуса должен был овладеть городом и портом Штольпмюнде. В том случае, если город Штольп окажется укреплен и с ходу его взять не удастся, корпусу предстояло обойти город и в бой за него не ввязываться. В дальнейшем корпусу надлежало развивать наступление на Лауенбург.

С утра 7 марта войска 2-го Белорусского фронта, ведя наступление во всей полосе, продолжали развивать успех на флангах. В течение дня они заняли свыше 350 городов и населенных пунктов. На правом крыле фронта были захвачены крупные узлы коммуникаций противника – города Меве, Прейсиш-Старгард, Гох Шюбляу. Соединения на этом направлении продвинулись в сторону Данцига на 25 км. На левом крыле фронта войска овладели городами Шлаве и Рюгенвальде. 134-й стрелковый корпус, завершив ликвидацию разрозненных групп противника южнее Кольберга, вышел к его восточной окраине, где была восстановлена непосредственная связь с войсками 1-го Белорусского фронта.

Ввод в сражение на левом крыле фронта 3-го гвардейского танкового корпуса и быстрое его продвижение вперед, а также глубокое вклинение войск правого крыла фронта в расположение противника резко изменили обстановку и на центральном участке фронта. Видя, что удержать здесь фронт обороны не удается, немецкое командование начало спешно отводить главные силы 2-й армии на позиции Данцигско-Гдынского укрепленного района. Отвод войск прикрывали сильные арьергарды. Борьбу с ними вели передовые отряды и авангарды соединений фронта.

Части 3-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с 27-й стрелковой дивизией овладели 7 марта городом Шлаве. Вскоре передовые части 18-й гвардейской танковой бригады корпуса вышли на ближние подступы к г. Штольп, где совместно с подошедшими стрелковыми частями завязали бои за город. Противник стремился всеми силами удержать этот крупный узел шоссейных и железных дорог. Однако 18-я гвардейская танковая бригада 3-го гвардейского танкового корпуса, пройдя через боевые порядки медленно продвигающейся пехоты, скрытно по лесным дорогам обошла Штольп и внезапной атакой с флангов и с тыла захватила 8 марта город. Вместе с танкистами во взятии Штольпа участвовал 132-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. Ф. Короокова. Войскам, участвовавшим в боях за овладение Штольпом, приказом Верховного Главнокомандующего от 9 марта была объявлена благодарность и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

После захвата Штольпа части 3-го гвардейского танкового

корпуса устремились на восток. Впереди была р. Лупов-Флиес. Она не являлась большой водной преградой, но поскольку начался весенний паводок, форсирование ее было связано с большими трудностями, тем более что корпус не имел переправочных средств. Для захвата переправ в районе Лупов и Погониц были выделены передовые отряды 2-й гвардейской мотострелковой и 3-й гвардейской танковой бригад. Они обходным маневром захватили в исправном состоянии мосты через р. Лупов-Флиес и, отражая вражеские атаки, удержали их до подхода главных сил корпуса. Переправившись через реку, его части смяли противника, пытавшегося организовать оборону на этом выгодном рубеже. Вслед за 3-м гвардейским танковым корпусом, почти не отрываясь от него, следовали стрелковые части 19-й армии. Для ускорения движения они использовали все виды транспорта – машины свои и трофейные, конные повозки.

Успешное продвижение левого крыла 2-го Белорусского фронта вынудило противника поспешно отводить свои войска. Прикрываясь сильными арьергардами, немцы пытались оторваться от наседающих частей, чтобы успеть занять своими главными силами заранее подготовленный Гдыньско-Данцигский оборонительный район. На этом рубеже противник рассчитывал задержать войска 2-го Белорусского фронта и сковать здесь на длительное время как можно больше его сил. Для того чтобы сорвать замысел врага, Рокоссовский приказал 4-й воздушной армии нанести массированные удары по отходящим войскам противника.

С целью ускорения продвижения войск маршал Рокоссовский уточнил задачи танковым соединениям. 8-му и 1-му гвардейским танковым корпусам было приказано, установив между собой тесное взаимодействие, усилить темп наступления, смело и решительно атаковывать противника и на его плечах дерзким ударом захватить город Данциг. 3-му гвардейскому танковому корпусу, действовавшему на левом крыле фронта, предписывалось стремительно двигаться на восток и овладеть городом Гдыня. В районе Лауенбург корпус должен был специально выделенным передовым отрядом захватить переправы через р. Леба и удерживать их до подхода стрелковых соединений. Одновременно Константин Константинович приказал командиру 3-го гвардейского танкового корпуса установить связь по радио с другими танковыми корпусами и штабом 65-й армии с тем, чтобы увязывать свои действия с их продвижением к Данцигу.

8 марта в состав 2-го Белорусского фронта прибыла 1-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск

М. Е. Катукова. В своих мемуарах «На острие главного удара» он подробно рассказывает о том, как действовала его армия в составе войск маршала Рокоссовского.

Командующий фронтом встретил генерала Катукова сердечно, крепко обнял, спросил:

– Ну, как, дружище, есть еще силенки?

– Силенки есть, – ответил Михаил Ефимович, – танки, пушки и все прочее. Но прошли мы с боями от Вислы на запад, потом повернули на север, к морю. Семьсот километров, а может, и больше. По всем инструкциям надо в боевых машинах масло менять. А на это уйдет часов двенадцать, не меньше. Ну, а потом…

Рокоссовский задумался. Помолчал с минуту, затем подвел Катукова к карте. Карандашом провел по рубежам, показывающим, куда вышли войска 2-го Белорусского фронта, а затем прошелся тем же карандашом по витой линии, обозначающей на карте р. Лупов– Флисс.

– Видишь, какое дело, дружище, – сказал Константин Константинович. – Река может сыграть роковую роль в ходе дальнейших событий. Противник уйдет за нее, укрепится, спиной упрется в Балтийское море, и нам придется пролить немало крови, прежде чем удастся ликвидировать вражескую группировку.

– Дайте нам два часа, – ответил Катуков, – и мы подготовимся к наступлению. Масло в танках менять не станем, а только дольем его. Пока я получу от вас задачу, в войсках это сделают. Вернусь в армию, все будет готово.

Рокоссовский оживился:

– Вот так будет правильно.

Командующий фронтом приказал генералу Катукову, обогнав войска 19-й армии, захватить переправы через р. Леба и канал Бренкенхоф, разгромить противостоящие вражеские части и не позднее 12 марта выйти на побережье Данцигской бухты. Войска 2-й ударной армии должны были наступать на Данциг с юга.

Рейхсфюрер СС Гиммлер, требуя любой ценой отстоять Данциг, грозил офицерам, проявлявшим трусость, жесткими карами. *«Довожу до сведения,* – отмечал он в своем приказе, – *что бывший командующий войсками СС и начальник полиции г. Бромберг фон Залиш за трусость и сдачу своего города расстрелян на месте. Полковник Хассенштайн, который без приказа и без всякого основания оставил порученный ему район обороны, был приговорен судом к расстрелу: приговор мной утвержден и приведен в исполнение*[612]».

Эти меры возымели действие. Противник отчаянно

сопротивлялся, переходил в контратаки, бросая в бой десятки танков. Более успешно развивались события в полосе 65-й армии, которые приближались к Данцигу с запада. Ее соседи – 49-я и 70-я армии – наступали севернее в направлении на Цоппот (Сопот).

Попытка противника задержать войска левого крыла и центра 2-го Белорусского фронта на рубеже Цукау, Картхауз, Витцков, Шуров, Шмользин провалилась. Ударом танковых соединений и неотступно следовавших за ними стрелковых частей этот рубеж был прорван с ходу. Части 3-го гвардейского танкового корпуса первыми форсировали р. Леба в районе города Лауенбург и, не сбавляя скорости, настигли несколько крупных колонн неприятельских войск, разгромили их, захватив много трофеев и пленных. 1-я гвардейская танковая армия тоже преодолела р. Леба, а затем канал Бренкенхоф и приближалась к Данцигу.

Несмотря на принятые Рокоссовским меры, противнику все же удалось занять заблаговременно подготовленный Гдыньско-Данцигский укрепленный район. Отступая, он разрушал и минировал дороги, спустив плотины, подверг затоплению целые районы. Продвижению войск 2-го Белорусского фронта мешали и беженцы, которые забили шоссе и проселочные дороги. На южном фасе Данцигского оборонительного района от Вислы до Унтер-Кальбуде оборонялись 18-й горно-егерский и 23-й армейский корпуса в составе пяти пехотных дивизий (83, 23, 7, 35 и 337-я) и 549-й дивизии фольксштурма, боевой группы «Гумпель» и частей 31-й пехотной дивизии 27-го армейского корпуса. Далее на участке от Унтер-Кальбуде до Леесен действовали 251-я пехотная и 12-я авиаполевая дивизии 27-го армейского корпуса, усиленные двумя штрафными батальонами. На участке от Леесен до Яново на промежуточных позициях и на главной оборонительной полосе Гдынского оборонительного района находился 46-й танковый корпус вермахта в составе пяти пехотных дивизий (252, 73, 227, 389 и 215-я), 4-й танковой дивизии и одной боевой группы. Командованию корпуса подчинялся гарнизон города Гдыня. На участке Яново, Реда, Мехлинкен по северному фасу Гдынского оборонительного района располагался 7-й танковый корпус в составе 7-й танковой, 32-й пехотной дивизий и 4-й танковой группы СС. 55-й армейский корпус противника в составе 61-й пехотной дивизии, частей береговой обороны и остатков различных отошедших частей был отрезан от основных сил армии и занимал оборону на косе Путцигер-Нерунг. Действия наземных войск 2-й армии противника поддерживали артиллерия береговой обороны, казематированные батареи и корабельная артиллерия флота противника, находившегося в Данцигской бухте (шесть крейсеров, пять эскадренных миноносцев, восемь миноносцев

береговой обороны, 62 торпедных катера, 35 подводных лодок), а также авиация (до 100 боевых самолетов).

Противник опирался на заблаговременно подготовленную в инженерном отношении оборону. Кроме развитой системы обороны на подступах к Данцигу и Гдыне, каждый город сам по себе и прилегавшие к нему населенные пункты представляли собой укрепленные районы. Укрепления Данцига состояли из цепи фортов «Вейзельмюнде», «Вестерплатте», «Нейхарвассер» и «Хойбуде» новой постройки, которые служили как бы связью между береговой позицией и центральным поясом обороны. Все форты были хорошо замаскированы и имели мощные огневые средства. Сухопутные укрепления Данцига состояли из старого крепостного пояса, окружавшего город с юга и востока, и из внешнего пояса укреплений современной постройки с двумя капитально построенными укрепленными районами Бишофсберг и Хагельсберг. Оба района имели большое количество железобетонных и каменно-бетонных огневых сооружений, которые располагались на командных высотах. Территория, прилегавшая к городу с юго-востока и юга, могла в случае необходимости затапливаться. Система долговременных сооружений была дополнена оборонительными постройками полевой фортификации; кроме того, к ведению обороны были приспособлены здания и целые кварталы города. Все населенные пункты, расположенные в радиусе 15 км от города, также были подготовлены к обороне как опорные пункты и узлы сопротивления и имели постоянные гарнизоны.

Не менее мощную оборону противник создал и в районе Гдыни. На подступах к городу были возведены оборонительные позиции, насыщенные долговременными железобетонными, бетонно-каменными и деревоземляными сооружениями, приспособленными для длительной обороны каменными строениями, большим количеством траншей и различного рода заграждений. В системе обороны при организации опорных пунктов противник широко использовал сооружения стационарных зенитных батарей, орудия которых использовались для ведения огня как по воздушным, так и по наземным целям. Созданию противником вокруг Гдыни сильной обороны способствовали наличие железобетонных зданий и сооружений и выгодные условия местности.

Маршал Рокоссовский, стремясь не дать противнику времени на организацию обороны, принял решение не производить сложных перегруппировок, а с подходом армий сразу же начинать штурм укреплений. При этом он учитывал, что полоса наступления фронта значительно сузилась. Если в начале

Восточно-Померанской операции она составляла 240 км, то теперь не превышала 60. Ширина полосы каждой из армий, действовавшей на главном направлении, составляла всего 10—12 км.

Главный удар, по решению Рокоссовского, армии фронта наносили в направлении на Цоппот в стык Данцигского и Гдыньского оборонительных районов с тем, чтобы рассечь оборонявшуюся группировку противника и уничтожить ее по частям. В соответствии с этим намечалось прорвать оборону врага на участке Эспенкруг, Витцлин и выйти на побережье Данцигской бухты в районе Олива, Цоппот, Колибкен, а в дальнейшем ударами с различных направлений по Данцигу и Гдыне овладеть этими городами и завершить разгром немецкой 2-й армии. Выполнение задачи по рассечению группировки противника Константин Константинович возложил на войска 2-й ударной и 65-й армий, усиленных двумя танковыми корпусами. Они должны были, продолжая наступление к Данцигской бухте, прорвать оборону на участке Эспенкруг, Витцлин и не позднее 14 марта овладеть пригородом Олива и портом Цоппот. В дальнейшем 2-я ударная армия нацеливалась на штурм Данцига с северо-запада, а 65-я армия должна была наступать на Данциг с севера вдоль берега Данцигской бухты. Для борьбы с боевыми кораблями противника и недопущения их подхода к причалам командующему войсками 49-й армии было приказано выдвинуть на берег бухты дальнобойную артиллерию и ее огнем пресекать попытки кораблей противника приблизиться к Данцигу.

Войскам правого крыла фронта Рокоссовский приказал силами одной армии перейти к обороне на участке Либенхофф, Гросс Трамкен, а на левом фланге подготовить мощный удар в направлении южной окраины Данцига. Одновременно планировалось силами другой армии, усиленной одним механизированным корпусом, нанести удар с фронта Леесен, Рамкау в направлении Биссау, Маттерн и овладеть рубежом Эмаус, Пелонкен. В дальнейшем предполагалось, что армии примут участие в штурме северной части Данцига с запада.

Войскам левого крыла Рокоссовский поставил следующие задачи. Соединения 1-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с 19-й армией должны были овладеть городом Гдыня, частью сил занять район Оксхёфт, Мехлинкен, Казимир, а отдельным отрядом содействовать стрелковым частям в овладении косой Путцигер-Нерунг. 19-й армии приказывалось, продолжая наступление во взаимодействии с соседом слева, овладеть городом Гдыня и выйти на побережье. Главный удар силами двух стрелковых корпусов и всех средств усиления

следовало наносить с рубежа (иск.) Витцлин, (иск.) Яново на Гдыню, а частью сил оборонять побережье на фронте (иск.) Рева, Путциг, Гроссендорф, Леба и специальным отрядом овладеть косой Путцигер-Нерунг. Командующему 4-й воздушной армией предписывалось бомбово-штурмовыми ударами по боевым порядкам оборонявшегося противника содействовать продвижению наступавших войск фронта и вести борьбу с вражескими кораблями.

Одновременно Рокоссовский принял меры к тому, чтобы устранить недочеты в организации и управлении боем стрелковых подразделений, которые выявились в ходе наступления. К ним относились: отсутствие в батальонах непрерывной и заблаговременной разведки противника, а также наблюдения в ходе боя; неумение командиров батальонов и рот ставить конкретные задачи своим подчиненным; неэффективное использование орудий во время стрельбы прямой наводкой; слабая организация взаимодействия между стрелковыми и приданными им пулеметными подразделениями, а также плохое взаимодействие с артиллерией; редкое использование ночных действий и др. В целях устранения этих недочетов Рокоссовский подписал 12 марта приказ, в котором потребовал от командующих армиями принять решительные меры по совершенствованию организации и управления боем в звене батальон – рота – взвод.[613]

14 марта войска 2-го Белорусского фронта начали наступление против данцигско-гдынской группировки врага. Во 2-й ударной армии главный удар наносили соединения 98-го и 116-го стрелковых корпусов, действовавшие с юго-запада и с запада. 108-й стрелковый корпус наносил вспомогательный удар в северо-восточном направлении. Противник, опираясь на сильные укрепления, оказывал упорное сопротивление. В отдельные дни войска 2-й ударной армии продвигались всего на один-два километра, а то и вовсе на несколько сотен метров. Наконец 27 марта они прорвали внешний обвод укреплений и завязали бои непосредственно за Данциг.

Войска 70-й армии, прорвав три линии вражеских укреплений, совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом и частью сил 49-й армии утром 25 марта ворвались в Цоппот. В жестоких уличных боях они очистили город от противника и устремились на Оливу – предместье Данцига.

В это время соединения 1-й гвардейской танковой армии, опрокинув заслоны немецких войск, достигли залива Путцигер-Вик. После этого они стали продвигаться вдоль берега бухты, чтобы ударить по Гдыне с севера. Вместе с танкистами наступали

здесь и части 19-й армии. К 23 марта войска генерала Катукова пробились к последнему рубежу обороны противника. Попытки с ходу ворваться в город успеха не имели. Танкистов встретили плотный огонь противотанковых орудий, истребители танков, мины, металлические «ежи». И тут помог случай. В одной из деревушек неподалеку от Гдыни к командиру 8-го гвардейского механизированного корпуса генералу И. Ф. Дремову подошла молодая, красивая полька и подала ему карту. Внимательно рассмотрев ее, командир корпуса понял, что в его руках карта крепости Гдыня, на которой нанесена вся огневая система противника. Генерал Дремов раздумывал: счастливый это случай или провокация противника? Мешая польские слова с русскими, женщина пояснила, где находятся наиболее уязвимые места крепости, с каких сторон ее лучше атаковать. Карта позволила избежать лишних потерь в ходе штурма Гдыни.

С выходом войск 2-го Белорусского фронта к Данцигскому заливу группировка противника оказалась рассечена на три части: одна из них удерживала Данциг, вторая – Гдыню, третья – косу Путцигер-Нерунг (Хель).

Ликвидацию гдыньской группировки Рокоссовский возложил на 70-ю, 19-ю армии, 1-ю гвардейскую танковую армию, которым оказывала поддержку 4-я воздушная армия. Преодолевая оборонительные сооружения противника, войска этих армий подошли к Гдыне и завязали уличные бои. Решением командующего 1-й гвардейской танковой армией были созданы штурмовые отряды, каждый из которых включал мотострелковый батальон, танковую роту, батарею САУ, дивизион 76-мм орудий, батарею 152-мм гаубиц, по взводу М-13, М-31 и бронетранспортеров, а также саперную роту. Штурмовые отряды в ожесточенных боях освобождали дом за домом, квартал за кварталом. 28 марта город был полностью освобожден от противника. Успевшие отойти на плацдарм севернее Гдыни остатки немецких войск (танковая дивизия, подразделения моторизованной и пехотной дивизий, артиллерийской бригады и шести батальонов морской пехоты) были ликвидированы через несколько дней.

Войска 2-й ударной и 65-й армий, в тяжелых боях прорвав неприятельскую оборону на всю ее глубину, подступили 26 марта к Данцигу. Город обороняли остатки 18-го горно-егерского корпуса, 23, 27 и 20-го армейских корпусов и часть сил 46-го танкового корпуса. Учитывая, что данцигская группировка противника является наиболее сильной и от разгрома ее зависит быстрейшее окончание операции, маршал Рокоссовский принял решение сосредоточить основные силы фронта против этой

группировки. 26 марта он уточнил направления ударов наступавших армий, нарезал им новые полосы наступления и установил новые разграничительные линии. Завязавшиеся уличные бои в большом городе требовали четкой организации боя и хорошо организованного и непрерывного взаимодействия. Маршал Рокоссовский, указав на особенности уличных боев, потребовал от командиров всех степеней продуманной и четкой организации боя в городе Данциге. Командующий фронтом подтвердил необходимость придавать пехоте возможно большее количество орудий сопровождения, танков и самоходных установок. Остальную артиллерию установили на огневые позиции и точно определили ее задачу на весь период боев по овладению Данцигом. Для корректирования огня и артиллерийской разведки непосредственно в боевые порядки пехоты на передовую направлялись артиллерийские наблюдатели, а огневые позиции артиллерии менялись как можно реже. Боеприпасы войскам должны были подвозиться специально выделенным транспортом, а войсковым тылам и обозам были указаны особые районы для стоянки на подступах к городу. Въезд их в город категорически запрещался.

Командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин организовал так называемые «звездные налеты», в которых кроме самолетов его армии участвовали авиационные соединения и с соседних фронтов. Сотни бомбардировщиков на разных высотах висели над позициями противника, но особенно большую роль летчики сыграли в борьбе с вражеским флотом, который пытался своим огнем преградить путь пехоте и танкам.

Непосредственно перед штурмом Данцига маршал Рокоссовский обратился к солдатам и офицерам противника с призывом к благоразумию и гуманности. Он писал: «Железное кольцо моих войск все плотнее затягивается вокруг вас. Дальнейшее сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет только к вашей гибели и к гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков[614]». Однако немецкое командование не ответило на предложение о капитуляции. Поэтому войска получили приказ начать штурм.

Штурм Данцига начался одновременно с трех сторон. Противник упорно сопротивлялся, используя для обороны каменные здания, чердаки и подвалы. К тому же узкие улицы, заваленные обломками зданий, засыпанные грудами битого кирпича, сковывали маневр танков, задерживали продвижение орудий, предназначенных для стрельбы прямой наводкой. В полках опять действовали штурмовые группы, усиленные танками, самоходно-артиллерийскими установками, огнеметами,

подразделениями саперов. В то время как войска 2-й ударной армии вели бои за южную часть Данцига, соединения 65-й армии вслед за левофланговыми частями 116-го стрелкового корпуса ворвались в центральную часть города, а войска 49-й и 70-й армий овладели его северной частью. К исходу 30 марта Данциг был взят. Остатки немецкой 2-й армии, блокированные в районе Гдыни, были разгромлены к 4 апреля войсками 19-й армии. А окончательно данцигская группировка капитулировала 9 мая.

В ходе Восточно-Померанской наступательной операции войска 2-го Белорусского фронта и правого крыла 1-го Белорусского фронта разгромили 21 дивизию и 8 бригад противника, освободили восточное Поморье и надежно обеспечили правое крыло советских войск, действовавших на берлинском направлении. Противник потерял только пленными более 100 тыс. солдат и офицеров. Советские войска захватили около 3000 орудий, около 2000 минометов, до 1000 танков и самоходных орудий, более 8000 пулеметов, несколько боевых кораблей, 50 подводных лодок (неисправных) и много другого военного имущества[615]. Потери войск 2-го Белорусского фронта и правого крыла 1-го Белорусского фронта, принимавших участие в операции, составили: безвозвратные – 55, 3 тыс. и санитарные – 179 тыс. человек[616]. Наибольшие потери понес 2-й Белорусский фронт, на плечи которого легла основная тяжесть в операции: безвозвратные – 40,5 тыс. и санитарные – 132,9 тыс. человек. От общей численности войск фронта к началу операции в 560,9 тыс. человек эти потери составили 30,9%.

В ходе Восточно-Померанской наступательной операции во всем блеске проявился полководческий талант маршала К. К. Рокоссовского[617]. Восточно-Померанская операция по своему замыслу, организации и проведению весьма оригинальна и поучительна. Важнейшим условием успеха наступления в этой операции были стремительность и непрерывность активных боевых действий, не дававшие врагу передышки, в которой он очень нуждался для накопления резервов и перегруппировки войск. Быстрому разгрому группировки противника способствовал правильный выбор направления главного удара обоих фронтов. Так, наступление ударных группировок фронтов смежными флангами на север к Балтийскому морю рассекло группировку противника на две части. Последующее наступление войск 2-го Белорусского фронта на восток, а войск правого крыла 1-го Белорусского фронта на запад и быстрое развитие наступления по расходящимся направлениям позволили в короткий срок разгромить 2-ю и 11-ю армии противника.

Характерной особенностью операции явилось то, что

накапливание сил для ее проведения и планирование осуществлялись в ходе наступления. Возможность избежать перерыва в наступательных действиях войск 2-го Белорусского фронта обеспечивалась своевременным вводом в сражение дополнительных сил как за счет резервов Ставки ВГК, так и путем широкого маневра войсками, особенно танковыми и механизированными соединениями. Оперативной формой прорыва вражеской обороны на всю ее глубину являлись рассекающие удары, наносившиеся войсками на смежных направлениях. В ходе наступления войска фронта дробили группировку противника и уничтожали ее по частям.

Особенностью решения маршала Рокоссовского явилось то, что он строил артиллерийское обеспечение прорыва в зависимости от конкретных условий обстановки и имевшихся сил и средств. Так, на участке прорыва левофланговой 19-й армии плотность составляла 150—160 орудий и минометов на 1 км фронта. Для ведения огня прямой наводкой по прочным зданиям и боевым огневым сооружениям широко привлекались 152-мм и 203-мм орудия. В ходе боевых действий в городах для сопровождения штурмовых групп использовались 76-мм и 122-мм орудия.

Решающую роль в развитии операции и ее быстром завершении сыграло умелое использование маршалом Рокоссовским танковых и механизированных соединений. В начале операции он использовал их для развития прорыва, придавая моторизованную пехоту и обеспечивая автотранспортом стрелковые части. Это позволяло танковым соединениям отрываться от главных сил наступающих армий на большие расстояния и решать важные оперативные задачи. В боях за Данциг, Гдыню и Альтдамм танковые соединения действовали совместно со стрелковыми частями как танки непосредственной поддержки пехоты. Стремительные действия подвижных соединений в оперативной глубине не позволили противнику организовать оборону на подготовленных, а также на некоторых выгодных естественных рубежах. В ходе преследования противника широко применялись передовые отряды, которые создавались в танковых, механизированных соединениях.

Наступление войск 2-го Белорусского фронта на главных направлениях велось достаточно высокими темпами. Они не снижались и после выхода подразделений к побережью моря. Войска продолжали выполнять без остановок и перегруппировок новые оперативные задачи, повернув свой фронт на 90 градусов от оси первоначального направления удара. Несмотря на трудность такой формы маневра, требующей высокой

подвижности войск и четкой организации управления ими, войска успешно справились с этой задачей. Непрерывным наступлением они поставили противника в трудные условия, лишив его возможности произвести перегруппировку своих войск и целеустремленно использовать тактические и оперативные резервы.

Управление войсками Рокоссовский осуществлял с командного пункта, обеспеченного устойчивой телеграфно-телефонной и радиосвязью, а также личными выездами в войска или командированием генералов и офицеров штаба на наиболее ответственные участки фронта. Такой метод управления обеспечивал непрерывное руководство ходом боевых действий и позволял осуществлять контроль за деятельностью подчиненных командиров и их войск и в случае необходимости немедленно принимать меры по устранению недочетов.

Заслуги К. К. Рокоссовского были оценены по достоинству. 31 марта 1945 г. в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Константина Константиновича орденом Победы «за искусное руководство крупными операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск».

Берлинская операция

Апрель 1945 года. Война вступила в свою завершающую фазу. Верховное Главнокомандование вермахта, ожидая решительного наступления Красной Армии на Берлин, сосредоточило на этом направлении значительную группировку своих войск. В ее состав входили 3-я танковая и 9-я армии группы армий «Висла» (генерал-полковник Г. Хейнрици, с апреля 1945 г. – генерал пехоты К. Типпельскирх), а также 4-я танковая и 17-я армии группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. Шёрнер). Они насчитывали около 1 млн. человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил поддерживали с воздуха 3300 боевых самолетов 6-го воздушного флота и воздушного флота «Рейх[618]». В резерве Главного командования Сухопутных войск находилось 8 дивизий, а в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма.

На подступах к столице Германии немцы создали мощную систему оборонительных сооружений от Одера до Берлина общей глубиной до 90 км, включая оборонительные обводы вокруг столицы. Для их возведения привлекались войска, местное население, широко использовался труд военнопленных и иностранных рабочих. Три оборонительные полосы вдоль Одера и обводы Берлина были плотно насыщены огневыми средствами, минными заграждениями, бетонированными сооружениями для огневых средств, противотанковыми и противопехотными препятствиями, мощными опорными пунктами, приспособленными для круговой обороны. Местность между Одером и Берлином была выгодна для обороны. Зееловские высоты, реки Одер, Нейсе, Даме, Шпрее, густая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, большое количество городов с каменными зданиями – все это крайне усложняло действия наступавших войск. Используя шлюзы на Одере и каналах, немецкое командование готовило к затоплению значительные районы. Рассчитывая оказать упорное сопротивление на Одере, оно одновременно тщательно готовилось к упорной обороне столицы. Берлинский оборонительный район имел три обвода, а сам город делился на девять оборонительных секторов. Здания в центре подготавливались к упорной обороне, на улицах сооружались баррикады.

Гитлер, цепляясь за власть, направил 15 апреля обращение к своим войскам, в котором говорилось:

«В последний раз смертельный враг в лице большевиков и

евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована, прежде всего, немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали все, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями. Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует, как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, поведут себя так подло, что им придется стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего, следите за немногими офицерами и солдатами – предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве, возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто дает вам приказ на отступление, а вы его точно не знаете, должен быть тотчас схвачен и, если необходимо, тотчас расстрелян, безразлично, в каком он чине. Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на восточном фронте выполнит свой долг, последний натиск азиатов разобьется о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе, в конце концов, потерпит провал.

Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской.

Образуйте монолитную общность для защиты не пустого понятия «Отечество», а для защиты вашей родины, ваших жен, ваших детей, а с ними и вашего будущего. В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови. В момент, когда судьба убрала с лица земли самого большого военного преступника всех времен, решается исход этой войны[619]».

К решительной битве за Берлин готовилась и Красная Армия. По решению Ставки ВГК к Берлинской операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия, три корпуса войск ПВО страны, Днепровская военная флотилия. Общая численность

советских войск составляла 2,5 млн. человек. На их вооружении находилось 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов[620]. Они превосходили противника по живой силе в 2,5 раза, по орудиям и минометам – в 4, танкам и САУ – в 4,2, боевым самолетам – в 2,3 раза.

По замыслу Ставки ВГК предусматривалось мощными ударами войск 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов прорвать вражескую оборону по Одеру и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку противника, расчленить ее и уничтожить по частям, а в дальнейшем выйти на Эльбу.

Ставка ВГК требовала от 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, овладеть Берлином и не позднее чем через 12—15 суток выйти на Эльбу. Главный удар наносился с кюстринского плацдарма силами 47-й, 3-й ударной, 5-й ударной, 8-й гвардейской, 3-й, 1-й гвардейской танковой и 2-й гвардейской танковой армий. В первый день операции предусматривалось прорвать первую и вторую полосы обороны и обеспечить ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии (с 11-м танковым корпусом) и 2-й гвардейской танковой армии (после того как общевойсковые армии захватят опорные пункты на Зееловских высотах). На шестой день операции основным силам фронта ставилась задача овладеть Берлином, после чего 3-й ударной армии с 9-м танковым корпусом предстояло на восьмые сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на одиннадцатые сутки – на рубеж Эльбы. Вспомогательные удары севернее Кюстрина наносили 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, южнее – 69-я, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Атаку пехоты и танков намечалось начать за 1,5—2 часа до рассвета, после 30-минутной артиллерийской подготовки. Для освещения местности и ослепления противника во время атаки предназначались 143 прожектора. Днепровская военная флотилия, оперативно подчиненная командующему 1-м Белорусским фронтом, должна была оказать содействие его войскам в прорыве обороны, обеспечить переправы и противоминную оборону по Одеру.

На 1-й Украинский фронт Маршала Советского Союза И. С. Конева возлагалась задача по разгрому противника в районе Котбуса и южнее Берлина и не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Белиц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. Главный удар наносился силами 3-й гвардейской, 13-й, 5-й гвардейской, 3-й гвардейской танковой и 4-й гвардейской танковой армий в общем направлении на Шпремберг. Общевойсковые армии должны были форсировать Нейсе,

прорвать оборону врага и с рубежа р. Шпре (Шпрее) обеспечить на второй день операции ввод в сражение танковых армий. Им предстояло действовать в направлениях Бранденбурга, Ратенова, Дессау, а один танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии получил задачу наступать на Берлин с юга. На пятый день операции танковые армии должны были выйти юго-западнее Берлина. По второму варианту предполагалось танковые армии 1-го Украинского фронта использовать для удара на Берлин с юга. Вспомогательный удар наносился из района северо-восточнее Пенцига в общем направлении на Баутцен, Дрезден силами 2-й армии Войска Польского с 1-м польским танковым корпусом и частью сил 52-й армии с 7-м гвардейским механизированным корпусом. На направлении главного удара планировалось использовать также второй эшелон фронта – 28-ю и 31-ю армии, которые должны были прибыть к 20—22 апреля. Артиллерийская подготовка продолжительностью 145 минут планировалась в масштабе фронта.

Начало наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов намечалось на 16 апреля.

Войска 2-го Белорусского фронта по замыслу Ставки ВГК должны были форсировать Одер, разгромить штеттинскую группировку врага и отсечь от Берлина основные силы немецкой 3-й танковой армии, не позднее 12—15-го дня операции овладеть рубежом Нойенкирхен, Деммин, Мальхин, Варен, Прицвальк, Виттенберге. Главный удар предстояло нанести из района севернее Шведта в направлении на Нойштрелиц. Войскам фронта предписывалось при благоприятных условиях использовать успех войск 1-го Белорусского фронта для свертывания обороны противника по Одеру. Армию второго эшелона, танковые и механизированные корпуса предполагалось ввести в сражение после прорыва вражеской обороны для развития успеха на главном направлении.

Одновременно с наступлением на главном, берлинском направлении планировались наступательные операции и на южном крыле советско-германского фронта (4-й и 2-й Украинские фронты).

Задачу на участие в Берлинской операции маршал Рокоссовский получил еще в ходе Восточно-Померанской операции. В директиве Ставки ВГК от 1 апреля говорилось: *«1. Главные силы фронта (три общевойсковые армии, три танковых корпуса, один мехкорпус и фронтовые средства усиления) перебросить на штеттинское направление и не позднее 15—18 апреля сменить 1-ю Польскую армию и 61-ю армию 1-го Белорусского фронта…*[621]»

Задача, поставленная Ставкой ВГК, была весьма сложной. Войскам 2-го Белорусского фронта, только что наступавшим в восточном направлении, нужно было совершить поворот на 180 градусов и преодолеть форсированным маршем 300—350 км по местности, на которой недавно завершились ожесточенные сражения. Многие мосты на этом пути были взорваны, дороги завалены разбитой техникой, железнодорожный транспорт еще не возобновил работу.

Первоначально Ставка ВГК намечала, что войска 2-го Белорусского фронта должны были перейти в наступление 16 апреля, но затем этот срок был перенесен на 20-е число. *«Надо сказать, что и эти четыре дня отсрочки мы получили только после того, как я раскрыл все* трудности, которые стояли перед нами, – вспоминал Рокоссовский. – *Фронт нацеливался на новое направление, по существу не завершив предшествовавшую Восточно-Померанскую операцию. Нам отводился невероятно короткий срок на перегруппировку, хотя войска должны были преодолеть расстояние свыше 300 километров. Я попросил помочь фронту в сложной передислокации. Но дополнительный автотранспорт нам не выделили. Все это до предела сокращало время на подготовку сложнейшей операции по форсированию такой большой водной преграды, как Одер в его нижнем течении. По сути дела, войскам фронта предстояло начать наступление с ходу. Как мы увидим, это значительно затруднит осуществление операции*[622]».

Несмотря на недостаток времени, маршал Рокоссовский и его штаб справились с поставленной задачей. План перегруппировки, разработанный штабом фронта, был предельно жестким. Суточный переход для общевойсковых колонн был определен в 40—45 км. Мобилизовали весь транспорт. На машинах перевозили людей, полковую и батальонную артиллерию, минометы, боеприпасы, продовольствие и кухни. Автоколонны эшелонировались. Для регулирования движения намечались рубежи в 30—40 км один от другого. Автоколонны двигались со скоростью 30—40 км в час днем, 20—30 км ночью. Гужевой транспорт двигался со скоростью 35—45 км в сутки. Войска, передвигавшиеся пешим порядком, проходили за сутки 30—35 км. По железной дороге перебрасывались лишь танки, самоходно-артиллерийские установки и тяжелая артиллерия. По решению Рокоссовского первыми 4—5 апреля начали перегруппировку части и соединения 49-й армии генерал-полковника И. Т. Гришина и 70-й армии генерал-полковника В. С. Попова. После них начала перегруппировку 65-я армия генерал-полковника П. И. Батова. В его распоряжение по приказу

Рокоссовского было передано 500 автомобилей. Это позволило совершать марш комбинированным способом: одни дивизии ехали на автомашинах, другие шли пешком; затем автоколонны возвращались, подбрасывали двигавшихся в пешем строю – и так до конца марша. Часть техники перебрасывалась по железной дороге. Для передвижения использовали даже трофейные велосипеды. По маршрутам выбрасывались вперед боевые отряды, которые очищали путь от мелких групп противника. Марши совершались только ночью.

Пока войска осуществляли перегруппировку, командующий и штаб 2-го Белорусского фронта работали над планом предстоящего наступления. 6 апреля поступила директива № 11062 Ставки ВГК, в которой определялись конкретные задачи войск 2-го Белорусского фронта в предстоящей операции[623]. Директива требовала:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью форсировать р. Одер, разгромить штеттинскую группировку противника и не позднее 12—15-го дня операции овладеть рубежом Анклам, Деммин, Мальхин, Варен, Притцвальк, Виттенберге.

2. Главный удар силами трех общевойсковых армий с двумя танковыми и одним мехкорпусом нанести из района севернее Шведта в общем направлении на Штрелитц.

На участок прорыва привлечь три артиллерийские дивизии и создать плотность не менее 150 стволов от 76-мм и выше на один километр фронта прорыва.

3. При благоприятных условиях использовать успех войск 1-го Белорусского фронта для свертывания обороны противника по р. Одер, действуя частью сил из-за правого крыла 1-го Белорусского фронта.

4. Общевойсковую армию второго эшелона, танковые и механизированные корпуса ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на главном направлении.

5. Побережье Балтийского моря от устья р. Висла до Берг-Дивенова и участок Берг-Дивенов, Альтдамм прочно прикрыть частью сил фронта…[624]»

По данным разведывательного отдела штаба 2-го Белорусского фронта от 12 апреля, перед его войсками на рубеже Берг, Воллин, Штеттин, Шведт, протяженностью 70 км, оборонялись соединения 3-й танковой армии генерал-полковника Мантейфеля в составе 3-го танкового корпуса, предположительно, 39-го танкового и двух армейских корпусов. В первом эшелоне располагались: 281-я пехотная дивизия, дивизионная группа «Шведт», боевая группа «Кройц», 1-й и 2-й сводные крепостные полки, 4-й пехотный полк «Померания», 1-й парашютный полк

особого назначения, 8 отдельных специальных батальонов (6-я школа ВВС, 2-й морской батальон, 3-я зенитная школа, сводный морской батальон, 1098-й охранный батальон, батальон СС, батальон морской пехоты, батальон «Ашенбах»). Им были приданы на усиление 503-й танковый батальон РГК, 8-я противотанковая бригада, 406-й артиллерийский корпус, две артиллерийские дивизии, 4 зенитных артиллерийских полка, 3 артиллерийские дивизии, свыше 400 самолетов разных типов. В резерве находились 22-я танковая дивизия, 15-я пехотная дивизия СС, до двух пехотных дивизий и 1-й румынский полк.[625]

10 апреля маршал Рокоссовский с большой группой генералов прибыл на наблюдательный пункт 65-й армии, располагавшийся в районе Жидовице. Здесь уже находились командующие соседних армий генералы Попов и Гришин. Командующий фронтом вместе с ними провел рекогносцировку местности, на которой предстояло наступать. То, что Константин Константинович увидел, его не порадовало. Долина Одера, несмотря на утренний туман, просматривалась хорошо. В этом месте река разделялась на два рукава – Ост-Одер и Вест-Одер, каждый шириной от 100 до 250 метров. Между рукавами раскинулась огромная трех– или четырехкилометровая пойма, сплошь испещренная протоками, каналами, затопленная местами водой. Переправиться через нее на лодках и паромах представлялось невозможным: слишком мелко.

Поэтому Рокоссовский решил форсировать Одер на широком фронте: успех, достигнутый в одном месте, можно будет немедленно использовать, перебрасывая сюда силы и средства. *«Мы решили форсировать его* (Одер. – *Авт.*) *там, где имелись так называемые дамбы,* – отмечал Рокоссовский на военно-научной конференции в Северной группе войск в 1945 г. – *Это решение явилось результатом личной рекогносцировки и оказалось правильным (решение по карте могло быть иным). Операция предстояла сложная, в известной мере рискованная, но при наличии наших артиллерийских средств мы могли на это пойти. В связи с этим еще раз подчеркиваю свою мысль, что ни одна река в современных условиях не является непреодолимым препятствием. Задача прорыва на р. Одер была выполнена, как мы ее наметили*[626]».

После рекогносцировки Рокоссовский, обращаясь к собравшимся на наблюдательном пункте генералам, сказал:

– Прежде всего, товарищи, я передам вам требование Ставки. Наступление наших войск должно вестись с незатухающей силой днем и ночью. Дни гитлеровской Германии сочтены. Но темп теперь не только военная проблема. Это проблема большой

политики.

Затем Константин Константинович раскрыл свой замысел операции. Он заключался в том, чтобы прорвать оборону противника на участке Штеттин (Щецин), Шведт, нанося главный удар силами 65-й, 70-й 49-й армий, 1, 3 и 8-м гвардейскими танковыми, 8-м механизированным и 3-м гвардейским кавалерийским корпусами в направлении на Нойштрелиц. На 19-ю армию генерал-лейтенанта В. З. Романовского и главные силы 2-й ударной армии генерал-полковника И. И. Федюнинского возлагалась задача по прочному удержанию своих рубежей. После форсирования Одера и прорыва Одерского оборонительного рубежа введенные в сражение подвижные соединения должны были продвигаться в западном и северо-западном направлениях, отсекая основные силы немецкой 3-й танковой армии от Берлина и уничтожая их в прибрежных районах Балтийского моря. Операция планировалась на глубину в 130 км продолжительностью 12—15 дней.

Маршал Рокоссовский особо подчеркнул:

– Решающую роль при наступлении должны сыграть семидесятая и сорок девятая армии. Перед войсками шестьдесят пятой армии стоит задача обеспечить с севера ударную группировку фронта. Сил для этого у армии несколько меньше и более широкий фронт наступления, но, думаю, что она не отстанет от левофланговых армий, сумеет взять необходимый темп наступления…

– Мы и на этом направлении в люди выйдем, товарищ командующий! – бодро ответил генерал-полковник Батов.

Рокоссовский посмотрел на командующего 65-й армией оценивающим взглядом, но ничего не сказал.

Доклады командующих армиями Рокоссовский заслушивал с показом на местности. Все поднялись на чердак здания, откуда хорошо просматривались оба русла Одера и широкая пойма между ними в полосе 65-й и 70-й армий. С помощью биноклей и стереотрубы отчетливо была видна восточная и юго-восточная окраина Щецина. Передний край главной полосы обороны противника по западному берегу Вест-Одера местами просматривался на глубину 1—4 км.

Генерал-полковник П. И. Батов доложил свое решение на наступление. Войска 65-й армии развертывались в 17-километровой полосе от Домбе до Грыфино. Главный удар Павел Иванович планировал нанести левым флангом, форсировать Одер и прорвать вражескую оборону на 4-километровом участке Курово – Колбасково. Оперативное построение войск армии было одноэшелонным. В первый эшелон на главном направлении

выделялись 46-й и 18-й стрелковые корпуса (всего семь стрелковых дивизий). Третий стрелковый корпус и 105-й должны были блокировать Щецин с юга, а частью сил нанести вспомогательный удар. Рокоссовский утвердил это решение, отметив, что для развития успеха армия получит Донской танковый корпус.

Штаб артиллерии 2-го Белорусского фронта разработал «Указания по подготовке, планированию и проведению артиллерийского наступления в апрельской операции», утвержденные 14 апреля маршалом Рокоссовским[627]. В соответствии с этим документом с 15 апреля в армиях предписывалось проводить по единому плану пристрелку с целью «создать у противника впечатление стрельбы кочующих орудий». На участке прорыва каждой армии необходимо было создать решительное превосходство над противником в артиллерийских и минометных средствах, имея плотность 180—200 орудий на 1 км фронта (без 45-мм и 57-мм орудий). В период артиллерийской подготовки предстояло: подавить и уничтожить все разведанные огневые точки противника, артиллерийские и минометные батареи; разрушить все траншеи, ходы сообщения, наблюдательные пункты, блиндажи, ДЗОТы и каменные строения, приспособленные к обороне; нарушить управление войсками противника. Артиллерия должна была обеспечить форсирование пехотой р. Одер, наведение переправ, ввод в прорыв подвижных соединений. Артиллерийским дивизионам предстояло сопровождать наступающие стрелковые и танковые части методом последовательного сосредоточения огня на всю тактическую глубину, оказывать им содействие при прорыве подготовленных рубежей в оперативной глубине и отражении крупных контратак танков противника.

В соответствии с этими задачами намечалась следующая группировка артиллерии. В каждой армии создавались: группа артиллерии ДД (армейская пушечная бригада, отдельные пушечные полки и бригады, пушечные или тяжелые гаубичные бригады артиллерийских дивизий); группа артиллерии разрушения (203-мм бригады БМ, 280-мм дивизионы особой мощности и при необходимости 152-мм гаубичные бригады и отдельные полки); группа гвардейских минометных частей (гвардейские минометные бригады М-31 и гвардейские минометные полки М-13). В корпусах предписывалось создавать: корпусную артиллерийскую группу (152-мм тяжелые гаубичные бригады, 122-мм гаубичные бригады); контрминометную корпусную группу, состав которой зависел от количества минометных батарей и реактивных установок. В дивизиях

образовывались дивизионная артиллерийская группа (отдельные полки и бригады РГК и артиллерии, которая предназначалась в группу поддержки пехоты полка второго эшелона), а также группы поддержки пехоты из расчета на каждый полк первого эшелона в составе 1—2 артиллерийских и минометных полков.

При планировании переправы артиллерии через водные преграды ставилась задача переправлять 82-мм минометы батальонов первого эшелона одновременно с пехотой. В 49-й армии предписывалось непосредственно за передовыми частями пехоты переправить на плотах орудия сопровождения, из расчета не менее 6 орудий на каждый батальон первого эшелона. В 65-й и 70-й армиях орудия сопровождения должны были переправляться сразу же по готовности переправ. В последующем намечалось переправлять 120-мм минометы, дивизионную артиллерию, истребительную артиллерию и артиллерию, входящую в группы ПП, а в последнюю очередь – тяжелую артиллерию и артиллерию большой мощности.

Для непосредственного сопровождения пехоты в период боя в глубине требовалось выделить на каждый батальон первого эшелона не менее 6 орудий калибром от 76-мм и выше. С целью обеспечения ввода в прорыв подвижных соединений планировалось привлечь армейскую и корпусную артиллерийские группы. Для успешного продвижения подвижных соединений и преодоления обороны на промежуточных рубежах каждому танковому или механизированному корпусу придавалось по одному гаубичному или корпусному полку. Гвардейские минометные части предписывалось использовать на направлении главного удара. Во время наступления пехоты и танков в глубине обороны противника намечалось придавать корпусам полки М-13 и дивизионы УК М-31. Зенитная артиллерия должна была прикрывать ударную группировку фронта и переправы через р. Одер. На период артиллерийской подготовки зенитные дивизионы намечалось использовать для ведения огня прямой наводкой по траншеям и ходам сообщения противника и для прочесывания лесных массивов.

Ввод в прорыв танковых корпусов на первом этапе операции определялся командованием фронта. В дальнейшем они подчинялись командующим тех армий, которым были приданы. С воздуха войска фронта поддерживала 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина. Предварительная авиационная подготовка планировалась в течение трех ночей, а непосредственная авиационная подготовка – в течение 2 часов. В ночь перед наступлением авиация должна была нанести сосредоточенный бомбовый удар по огневым точкам на западном

берегу Вест-Одера, штабам, узлам связи и артиллерийским позициям противника.

Балтийский флот (адмирал В. Ф. Трибуц) содействовал наступлению 2-го Белорусского фронта вдоль морского побережья и наносил удары авиацией и подводными лодками на морских коммуникациях от Либавы (Лиепаи) до Ростока.

Сосредоточение войск 2-го Белорусского фронта шло в соответствии с графиком. 13 апреля первой закончила выдвижение на исходные позиции 65-я армия, сменив войска правого крыла 1-го Белорусского фронта. Затем стали подходить соединения других армий, а к 18 апреля весь фронт в основном был на Одере.

После выхода войск 65-й армии к Одеру перед ее командующим и штабом встала задача получить более достоверные сведения о группировке противника. С этой целью был создан так называемый «аировской центр», который объединил все средства артиллерийской инструментальной разведки (АИР) в масштабе армии. Артиллеристы также развернули широкую сеть наблюдательных пунктов. Они располагались в боевых порядках пехоты, действовавшей против частей прикрытия противника в пойме. Разведывательно-корректировочная авиация засекала вражеские батареи, места расположения танков. По воспоминаниям генерала П. И. Батова, «аировский центр» сумел за четыре дня вскрыть группировку артиллерии, минометов, позиционные районы и сеть наблюдательных пунктов противника по западному берегу Вест-Одера.

Одновременно в стрелковых дивизиях готовились к действиям разведывательные отряды, каждый в составе усиленного стрелкового батальона. Отрядам предстояло уничтожить боевое охранение и части прикрытия противника в междуречье, захватить контрольных пленных, разведать боем начертание переднего края главной полосы обороны, выйти к исходу 17 апреля на Вест-Одер и, овладев дамбой на восточном берегу, удерживать ее до подхода основных сил.

В ночь на 15 апреля четыре дивизии первого эшелона 65-й армии бросили свои разведотряды в междуречье. Советские солдаты в темноте, без единого выстрела, на лодках переправились через Ост-Одер и внезапно атаковали и захватили земляные дамбы в пойме. Одновременно 108-я Бобруйская стрелковая дивизия П. А. Теремова начала боевые действия по очищению поймы в районе автострады Гданьск – Берлин, где противник укрепился сильнее всего. Успешно развивались события и в полосах 70-й и 49-й армий, где к исходу ночи также

удалось захватить дамбы. В результате создались своеобразные плацдармы среди затопленной поймы, куда постепенно переправлялись войска. Впоследствии это значительно облегчило форсирование реки. Немецкое командование, как показал опрос пленных, рассматривало активность войск 65-й армии как действия разведывательного характера, исключая возможность форсирования реки под Щецином.

В то время как разведывательные отряды на 2-м Белорусском фронте вели бои за дамбы противника, в наступление перешли главные силы 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Оно началось утром 16 апреля при поддержке авиации 16-й и 2-й воздушных армий. В полосе 1-го Белорусского фронта пехота и танки, перейдя в атаку при свете мощных зенитных прожекторов, продвинулись на 1,5—2 км. Однако вскоре противник стал оказывать все более возрастающее сопротивление, что вынудило советские войска снизить темп продвижения. Поэтому командующий 1-м Белорусским фронтом был вынужден отступить от плана операции и ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, которые втянулись в упорные бои и не смогли оторваться от пехоты. Войскам ударной группировки фронта пришлось последовательно прорывать несколько полос глубоко эшелонированной обороны. Оборону на основных участках у Зееловских высот удалось преодолеть лишь к исходу 17 апреля. В тот же день Ставка ВГК потребовала от Жукова обеспечить более энергичное наступление подчиненных ему войск, а командующим 1-м Украинским и 2-м Белорусским фронтами – оказать содействие наступлению 1-го Белорусского фронта. Маршалу Рокоссовскому директивой № 11071 от 18 апреля приказывалось: *«После форсирования р. Одер не позднее 22.04 главными силами развивать наступление на юго-запад в общем направлении Грайфенберг, Грос-Шенебекк, Биркенвердер, нанося удар в обход Берлина с севера*[628]».

К исходу 19 апреля войска 1-го Белорусского фронта завершили прорыв третьей полосы немецкого рубежа обороны на Одере. Однако они продвигались медленнее, чем планировалось, так как были стеснены в маневре и не могли быстро расширить полосу прорыва. На правом крыле ударной группировки фронта его 47-я и 3-я ударная армии успешно продвигались вперед для охвата Берлина с севера и северо-запада. На левом крыле создались условия для обхода франкфуртско-губенской группировки противника с севера и отсечения ее от района Берлина.

Войска 1-го Украинского фронта форсировали Нейсе, в первый день прорвали главную полосу обороны врага и на 1—

1,5 км вклинились во вторую полосу. На следующий день в сражение были введены 25-й и 4-й гвардейский танковые корпуса, а также передовые отряды корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. К исходу 18 апреля войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали Шпре и создали условия для окружения Берлина с юга. Для обеспечения форсирования 3-й гвардейской танковой армией р. Шпре и Тельтов-канала с 19 по 23 апреля на это направление было переброшено 5 артиллерийских дивизий. На дрезденском направлении войска 2-й армии Войска Польского и 52-й армии также завершили прорыв тактической зоны обороны. Ставка ВГК, учитывая замедленное продвижение 1-го Белорусского фронта, решила осуществить маневр на окружение берлинской группировки ударом танковых армий 1-го Украинского фронта по Берлину с юга.

На 2-м Белорусском фронте события развивались следующим образом.

19 апреля маршал Рокоссовский доложил Сталину, что в назначенный срок войска готовы перейти в наступление. В ночь перед наступлением неприятельские позиции подверглись ударам бомбардировочной авиации. Одновременно на участках всех армий шла напряженная борьба специальных отрядов за расширение захваченных плацдармов на западном берегу Вест-Одера и за полный захват поймы. В междуречье на дамбах происходило накапливание сил. На всем протяжении реки от Альтдама до Шведта кипела напряженная работа. Подготавливались и сплавлялись понтоны. На пойме прокладывались щитовые дороги через топи. Было подготовлено множество легких переносных лодок. Чтобы ввести противника в заблуждение, демонстрировалась подготовка к форсированию водной преграды севернее Штеттина. Части 19-й и 2-й ударной армий, прикрываясь дымами, поднимали там неистовый шум. Вообще-то они и на самом деле готовили десанты через пролив Дивенов.

Артиллерийскую подготовку в полосах 65, 70 и 49-й армий намечалось начать в семь часов утра 20 апреля. Ее продолжительность составляла по плану 60 минут. Перед началом наступления в 65-й армии состоялась командно-штабная игра на макете местности, в которой приняли участие командиры корпусов и дивизий. Генерал Батов к этому времени пришел к выводу, что необходимо изменить сроки форсирования Вест-Одера и прорыва вражеской обороны на его западном берегу, а также время начала артиллерийской подготовки и ее продолжительность. Это было обусловлено тем, что полки

первого эшелона вошли в огневую связь с противником, до которого было всего 400—600 метров. Все переправочные средства армии находились на плаву. Если ждать полного рассвета, то возможны большие потери. Командарм решил начать артподготовку не в семь, а в 6 часов 30 минут, а продолжительность сократить на 15 минут. Форсирование предусматривалось начать с первым огневым налетом. Генерал Батов позвонил командующему фронтом, но Рокоссовского не оказалось на месте. Командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Сокольский ответил, что рассвет наступает ровно в семь, артиллеристам необходимо осмотреться, на что потребуется время, – словом, начало для всех должно остаться прежним.

Вскоре генералу Батову позвонил командующий фронтом. О состоявшемся между ними диалоге поведал в своих мемуарах Павел Иванович.

– Мне доложили, Павел Иванович, – сказал Рокоссовский, – что вы изменили время начала операции. Это верно?

– Так точно… Прошу извинить, что задержался с докладом.

– Дело не в извинении… Значит, верно, что артподготовка намечена на шесть тридцать?

– Верно…

– Меня информировали, что форсирование организуется по принципу «за шнур и за весла»?

– Так точно.

– Но вы же действуете не отдельно, а в составе фронта!.. В чем причина такого решения?

Генерал Батов кратко изложил свои доводы. После небольшой паузы Рокоссовский спросил:

– А не обида тебя толкнула на такое изменение в плане операции? Скажи по совести.

«Вот когда командующий припомнил рискованный ответ, сорвавшийся у меня на рекогносцировке, – вспоминал Павел Иванович. – Надо понять, как я сожалел, что тогда ответил непродуманно… Но нет, в таком ответственном деле обиды не могут руководить мыслью. Поправка продиктована живой действительностью…[629]».

Рокоссовский прервал объяснения командарма:

– Тогда подожди, посоветуюсь с другими командармами и позвоню.

Новый звонок не заставил себя ждать долго.

– Как дела, Павел Иванович? Не передумал?

– Нет, товарищ командующий, не передумал. Еще раз взвесил. Твердо уверен в успехе. Дело не только во мне. Войска

верят…

– Попов и Гришин считают, что начинать форсирование лучше в десять тридцать.

– Для них – возможно, но в нашей армии обстановка коренным образом изменилась. Мы очистили всю пойму, до противника остался один бросок. Зачем нам ждать рассвета и ставить под удар лучших людей армии? Мы честно и искренне намерены помочь соседям. Начнем раньше, привлечем внимание противника, примем огонь на себя и тем будем содействовать успеху главной группировки фронта.

– По-современному рассуждаете, – заметил Константин Константинович. – Доложите еще раз основное.

– Товарищ командующий, сейчас уверенность в правильности принятого решения еще больше возросла. Вода в реке прибывает.

– Это мне доложили.

– Войска уже на дамбах, островках, в мелких рощах. Пойму заливает вода, это поможет плоскодонным лодкам преодолеть междуречье.

– Согласен. Дальше.

– Имея перед собой последний рукав реки, нам выгодно форсировать в предутреннем тумане…

– Почему сокращаете артподготовку?

– Войскам первого эшелона на преодоление Вест-Одера достаточно сорока минут. А мощь огня увеличится. Мы используем весь запланированный расход боеприпасов.

– Будете у меня что-нибудь просить для усиления?

– Ничего особенного не прошу… Если можно, дайте нам бригаду реактивных установок, она на подходе в нашем районе.

– Она не успеет подготовить огни.

– Готовить не надо, товарищ командующий. Будут действовать совместно с нашей бригадой. Используют ее данные.

– Хорошо. Действуйте… Бери бригаду… Отвечать будем вместе, но в первую очередь – ты… Ни пуха, ни пера.

Перед началом наступления были приняты меры по усилению пропаганды среди местного населения и установлению связи с союзниками Красной Армии.

Война, пришедшая на территорию Германии, неизбежно оказала сильное морально-политическое воздействие на население страны. Массовые разрушения от действий артиллерии и авиации, хаос, жестокие репрессии в тылу, голод и общая безысходность усиливали панику и страх немецких граждан, их обеспокоенность за судьбу родных и близких. В информационных сводках органов спецпропаганды советских войск приводились факты фанатичного поведения немецкого населения, запуганного

грядущими «зверствами большевиков»: отмечались факты индивидуальных и групповых самоубийств, террористических акций против одиночных военнослужащих Красной Армии. Нацистская пропаганда активно использовала в своих целях ложь, одурманивание и без того отчаявшихся людей.

Положение в ряде случаев усугублялось и неправильным поведением советских военнослужащих на оккупированной территории. Отмечались случаи пьянства, мародерства, насилия над женщинами, незаконных самозаготовок продовольствия и т. д. Такое положение потребовало от командования и политических органов в корне изменить направленность всей политико-воспитательной работы.

Учитывая это, Ставка ВГК направила 20 апреля командующим войсками и членам военных советов фронтов директиву № 11072:

«1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров – немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами[630]».

Одновременно директивой Ставки ВГК № 11073 командующим фронтами были даны указания об установлении знаков и сигналов для взаимного опознавания советских и англо-американских войск. Советские войска должны были обозначать себя серией красных ракет, а танки также – одной белой полосой вокруг башни по ее середине и белым крестом на крыше башни. Англо-американские войска обозначали себя серией зеленых ракет, а танки и бронемашины – желтыми или вишнево-красными флюоресцирующими (ночью) щитами и белой пятиконечной звездой, окруженной белым кругом, на горизонтальной поверхности танка. Кроме того, советские и англо-американские самолеты, помимо установленных для них сигналов ракетами, обозначались своими национальными опознавательными

знаками.

Утром 20 апреля войска 65-й армии первыми приступили к форсированию р. Вест-Одер. В 6 часов 30 минут залпом реактивных установок в полосе 65-й армии началась артиллерийская подготовка. Затем открыла огонь артиллерия, плотность которой составляла 238 орудий на 1 км фронта. К ним присоединились танковые и самоходные полки. Почти одновременно на воду были спущены все наплавные средства. В результате удалось быстро высадить на западный берег Вест-Одера большую группу пехоты с пулеметами, минометами и 45-миллиметровыми пушками. Этот десант усилил уже находившиеся здесь с ночи мелкие отряды. Сюда направлялись все новые эшелоны десантников. Теперь в ход пошли и паромы. К 8 часам 30 минутам войска 65-й армии захватили опорные пункты на плацдарме шириной 3 км по фронту. К полудню удалось овладеть предмостным береговым укреплением автострады. На участке 46-го стрелкового корпуса на плацдарме находились уже две стрелковые дивизии, инженерно-саперные батальоны 1-й комсомольской штурмовой бригады, штатная полковая артиллерия, 82-миллиметровые минометы, противотанковые группы, обученные применению трофейных фаустпатронов. Части 18-го стрелкового корпуса захватили первую траншею противника, населенные пункты Мочилы и Росувко.

Инженерные войска с помощью стрелковых частей приступили к наводке понтонных и паромных переправ. Противник, введя в сражение свои резервы, попытался задержать дальнейшее продвижение переправившихся на плацдармы частей. В контратаках участвовали усиленные танками части 27-й пехотной дивизии СС «Лангемарк» и 28-й пехотной дивизии СС «Валония», составлявшие резерв немецкой 3-й танковой армии. Несмотря на это, войска 65-й армии медленно продвигались вперед. К 13 часам дня на ее участке действовали две 16-тонные паромные переправы. К вечеру на западный берег Вест-Одера был переброшен 31 батальон с пятьюдесятью 45-миллиметровыми пушками, семьюдесятью 82– и 120-миллиметровыми минометами и пятнадцатью легкими самоходными установками (СУ-76). К этому времени плацдарм удалось расширить до 6 км по фронту и до 1,5 км глубиной. На нем сосредоточились четыре стрелковые дивизии.

Рокоссовский, внимательно наблюдавший за ходом сражения, был обеспокоен тем, что войска 19-й и 70-й армий, форсировавшие Одер левее 65-й армии, не достигли существенных успехов. Командующий фронтом, получив

сообщение генерала Батова о захвате плацдарма на противоположном берегу реки, вместе с командующими артиллерией генералом Сокольским, 4-й воздушной армией генералом Вершининым и начальником инженерных войск генералом Благославовым выехал на наблюдательный пункт командующего 65-й армий.

Ознакомившись с обстановкой, Рокоссовский принял решение: используя успех 65-й армии, предоставить возможность частям 2-й ударной воспользоваться одной из переправ генерала Батова для переброски войск на западный берег Вест-Одера с целью обхода Штеттина с юга и запада. Одновременно он обещал усилить 65-ю армию 1-м гвардейским танковым корпусом генерала М. Ф. Панова.

Из 65-й армии Рокоссовский направился в 70-ю армию. Здесь артиллерийская подготовка началась несколько позже, чем в 65-й армии, и продолжалась согласно плану 60 минут. Переправа осуществлялась на широком фронте с помощью множества лодок, заранее подтянутых к восточному берегу Вест-Одера. Главный удар армия наносила на 4-километровом участке, создав плотность артиллерии до 200—220 орудий и минометов на 1 км фронта. Под прикрытием артиллерийского огня вся масса наплавных средств одновременно устремилась к противоположному берегу. Противник оказывал упорное сопротивление. Командующий армией генерал Попов заметно нервничал и горячился. Причиной тому явилось то, что артиллерия не смогла подавить сильный опорный пункт в районе Грайфенхагена, напротив разрушенного моста через Вест-Одер. Огонь нескольких пулеметов и реактивных противотанковых гранатометов противника долгое время не давал частям 70-й армии продвинуться по дамбе и использовать ее для переброски артиллерии и другой тяжелой техники.

«Командарм разыскал лиц, виновных в этом упущении, – вспоминал Константин Константинович. – *Наверное, крепко досталось бы товарищам. Пришлось мне вмешаться и немного успокоить расходившегося Василия Степановича. Кстати, дружной атакой пехоты, поддержанной летчиками-штурмовиками, злополучный опорный пункт был обезврежен. Тут же на наших глазах саперы подвели к дамбе понтоны. К концу дня на Ост-Одере действовали девять десантных и четыре паромные переправы и 50-тонный мост. По Вест-Одеру курсировали шесть паромов, буксируемые автомашинами-амфибиями. На западный берег стала прибывать артиллерия, столь необходимая войскам, сражавшимся на плацдарме*[631]».

Рокоссовский, вернувшийся на свой наблюдательный пункт,

получил сообщение о том, что противник сорвал попытки войск 49-й армии преодолеть Вест-Одер. Оказалось, что армейская разведка приняла один из многочисленных каналов за основное русло Вест-Одера. В результате весь огонь артиллерии обрушился на берег канала, оборонявшийся незначительными силами противника. А когда пехота 49-й армии преодолела канал и подошла к Вест-Одеру, ее встретил губительный вражеский огонь. Форсировать реку не удалось. Командующий армией генерал И. Т. Гришин принял все меры к подготовке нового удара и просил разрешения возобновить штурм 21 апреля. Рокоссовский, учитывая, что если войска прекратят наступление, то противник получит возможность перебросить свои силы с этого участка на направления, где наметился успех, приказал генералу Гришину утром возобновить боевые действия.

Надо отдать должное Рокоссовскому, который не стал винить во всем генерала Гришина. *«Ошибка командования 49-й армии в определении исходного положения для своего первого эшелона послужила нам всем горьким уроком,* – писал Константин Константинович. – *Тем более было обидно, что в штабе армии были аэрофотоснимки всего участка наступления. Конечно, доля вины ложилась и на нас – командование фронта: видно, плохо мы проверили готовность армии к действиям. Нечего говорить о переживаниях Гришина. Все мы чувствовали себя неловко, и каждый задавал себе вопрос: как же все это могло получиться и в чем именно его упущение? Такая внутренняя самокритика бывает очень полезна. Я верил, что впредь товарищи не допустят подобного промаха*[632]».

Рокоссовский, принимая решение на продолжение наступления на участке 49-й армии, имел в запасе другой вариант действий и на тот случай, если ей опять не удастся зацепиться за западный берег Вест-Одера. Штаб фронта заранее предусмотрел переброску приданных этой армии средств усиления в полосу 65-й и 70-й армий.

22 апреля войска 65-й армии продвинулись на отдельных участках до двух километров, заняв несколько населенных пунктов, превращенных неприятелем в узлы обороны. Сопротивление врага не ослабевало, а все усиливалось. Но, несмотря на это, на западный берег Вест-Одера переправились все стрелковые соединения армии, истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и минометный полк. Вечером сюда по каналам был отбуксирован 60-тонный наплавной мост и за ночь наведен через Вест-Одер. Это позволило начать переброску тяжелой техники на плацдарм. Продолжала непрерывно переправлять свои войска на западный берег Вест-Одера и 70-я

армия. Отражая яростные контратаки врага, она шаг за шагом теснила его. Авиация 4-й воздушной армии, несмотря на неблагоприятную погоду, делала все, чтобы помочь войскам на плацдармах. В течение суток она совершила 3020 самолето-вылетов, из них 1745 в интересах войск 65-й армии. К исходу дня плацдарм на западном берегу Вест-Одера достиг 24 км по фронту и более 3 км в глубину.

25 апреля Ставка ВГК своей директивой № 11076 уточнила задачи 2-му Белорусскому фронту:

«В связи с выходом войск 1-го Белорусского фронта к северо-западу от Берлина Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Во изменение директивы Ставки от 18.04.1945 г. за № 11071 войскам фронта выполнять задачи, указанные ранее в директиве Ставки от 6.04.1945 г. за № 11062. Частью сил нанести удар в обход Штеттина с запада…[633]».

Рокоссовский приказал генералу Батову развернуть часть своих войск фронтом на север, против штеттинской группировки врага. Чтобы помочь 65-й армии, Рокоссовский потребовал от командующего 2-й ударной армией генерала Федюнинского ускорить переброску на плацдарм двух его корпусов. Для этого ему были предоставлены переправы на правом фланге 65-й армии.

В полосе 65-й армии после мощной артиллерийской подготовки стрелковые дивизии в 11 часов 25 апреля возобновили наступление. Оно развивалось в высоком темпе. К часу дня были захвачены опорные пункты Смоленцин, Помеллен. Немецкое командование, пытаясь задержать войска армии, перебросило из Щецина к острию клина 105-го стрелкового корпуса полицейские части, полки морской пехоты. Их полностью разгромила артиллерия и авиация. В 12 часов 50 минут в прорыв вошел 1-й гвардейский танковый корпус. Его 17-я гвардейская танковая и 1-я гвардейская мотострелковая бригады обошли Барнислав, где у противника имелось всего четыре-пять танков и две артиллерийские батареи, оставили в стороне лес Форст Хоенхольц (пять немецких батарей, восемьдесят танков и до двух полков пехоты), стремительно двигаясь в направлении Краков, Глазов. Вместе с ними продвигалась 69-я стрелковая дивизия полковника Макарова. Остальные стрелковые части тем временем ликвидировали опорные пункты врага Барнислав, Хоенхоф и Форст Хоенхольц.

Вечером 25 апреля части 1-го гвардейского танкового корпуса вышли к р. Рандов и овладели переправой в районе Кракова, севернее Лёкниц мосты оказались взорванными. К ночи сюда уже

подоспели стрелковые части и с ходу начали форсирование. Противник, пытаясь задержать на этом рубеже 65-ю армию, ввел в сражение вновь прибывшие из районов Штольпа и Штеттина части 103-й бригады СС, 171-ю противотанковую бригаду и 1-ю дивизию морской пехоты. Однако противник опоздал. К этому времени на западном берегу Вест-Одера находились три корпуса 65-й армии, два корпуса 70-й армии. Заканчивали переправу 3-й гвардейский и 1-й гвардейский танковые корпуса. Они отбили все вражеские контратаки и продолжали развивать прорыв. Контратаками противник лишь ослабил свои силы, понеся огромные потери. Это позволяло наступавшим войскам на плечах отходившего врага успешно продвигаться вперед.

К вечеру 25 апреля советские войска расширили плацдарм на западном берегу Вест-Одера до 35 км по фронту и до 15 км в глубину. Рокоссовский уже не сомневался в том, что его соединения прорвут вражескую оборону. Надо было позаботиться о преодолении с ходу оборонительного рубежа на р. Рандов, не прибегая к сложным перегруппировкам. Командующий фронтом решил использовать для этого всю мощь 4-й воздушной армии, а все танковые корпуса подчинил командармам.

С завершением форсирования Одера войска 2-го Белорусского фронта приступили к осуществлению маневра с целью охвата главных сил 3-й танковой армии противника с юга и юго-запада, чтобы лишить их возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и отойти на запад. Маршал Рокоссовский приказал 65-й армии во взаимодействии с 1-м гвардейским танковым корпусом ударами в северо-западном направлении прижать к морю все вражеские войска, действующие к северу-востоку от линии Штеттин, Нойбранденбург, Росток. Командующий 2-й ударной армией получил задачу наступать двумя корпусами в общем направлении на Анклам, Штральзунд, а частью сил очистить от противника острова Узедом и Рюген. Учитывая сложность задачи, генералу Федюнинскому был придан 40-й гвардейский стрелковый корпус 19-й армии. От 70-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса Рокоссовский потребовал наступать в общем направлении на Варен, Краков, Висмар. Войска 49-й армии с 8-м механизированным и 3-м гвардейским кавалерийским корпусами должны были выполнять прежнюю задачу – наступать прямо на запад, к Эльбе. Соединениям 19-й армии предписывалось наступать по побережью моря на Свинемюнде (Свиноуйсьце) и далее на Грейфсвальд.

С рассветом 26 апреля 65-я армия на широком фронте продолжала наступление главными своими силами при поддержке авиации 4-й воздушной армии. Части 193-й

стрелковой дивизии генерал-майора К. Ф. Скоробогаткина, входившей в 105-й стрелковый корпус, к этому времени перехватили все дороги, идущие к Щецину с запада. Под утро из города донеслось несколько мощных взрывов. На рассвете к командиру дивизии явились делегации горожан, которые сообщили, что немецкие войска оставили город. Они взорвали электростанцию, виадуки и несколько заводов. Вскоре с белым флагом прибыл бургомистр. Щецин сдался на милость победителя. Генерал Батов приказал командиру корпуса генерал-лейтенанту Д. Ф. Алексееву не вводить части в город, а организовать преследование противника. Маршал Рокоссовский утвердил решение командарма. Щецин был передан войскам 2-й ударной армии, которая получила также задачу организовать охрану побережья, а частью сил наступать на запад.

В приказе № 344 Верховного Главнокомандующего от 26 апреля отмечалось: *«Войска 2-го Белорусского фронта форсировали Вост. и Зап. Одер южнее Штеттина, прорвали сильно укрепленную оборону немцев на западном берегу Одера и продвинулись вперед на 30 км. В ходе боев войска фронта овладели главным городом Померании и крупным морским портом – Штеттин, а также заняли города Гартц, Пенкун, Казеков, Шведт*[634]».

Начиная с 27 апреля противнику уже не удавалось сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Несмотря на то что враг при отступлении взрывал за собой мосты, минировал и разрушал дороги, наши танковые части за сутки проходили 30—50 км, а стрелковые соединения – 28—30 км. Ночью 27 апреля 1-я гвардейская мотострелковая бригада овладела Брюссовом, а части 37-й гвардейской стрелковой дивизии в результате обходного маневра очистили Воддов. Днем 413-я стрелковая дивизия форсировала реки Юкер и Рандов и захватила опорный пункт Менкин. 1 мая противник без сопротивления оставил Рибницт (Рибниц-Дамгартен), и, бросая технику и оружие, отошел на Росток. Вечером того же дня в Росток ворвались 3-я гвардейская танковая бригада подполковника Ф. Х. Егорова и 1436-й самоходный артиллерийский полк подполковника Г. С. Немковича, входившие в состав 3-го гвардейского танкового корпуса.

Войска 70-й и 49-й армий при поддержке 3-го гвардейского танкового и 8-го механизированного корпусов, а также авиации 4-й воздушной армии, разгромили в лесисто-озерном районе Нойштерлиц, Варен, Фюрстенберг части 7-й танковой дивизии, 102-ю дивизию особого назначения, пехотную дивизию, 5-ю парашютную дивизию, остатки 25-й моторизованной, 5-й легкопехотной, 3-й морской, 156-й пехотной, 606-й особого

назначения дивизий и фольксгренадерского артиллерийского соединения, отошедшие сюда под ударами правого крыла 1-го Белорусского фронта.

В приказах Верховного Главнокомандующего каждый день объявлялась благодарность войскам маршала Рокоссовского. Так, в приказе № 352 говорилось: *«Войска 2-го Белорусского фронта, развивая наступление, сегодня, 30 апреля, овладели городами Грайфсвальд, Трептов, Нойштрелитц, Фюрстенберг, Гранзее – важными узлами дорог в северо-западной части Померании и в Мекленбурге».*

В приказе № 354 Верховный Главнокомандующий отмечал: *«Войска 2-го Белорусского фронта, развивая стремительное наступление, сегодня, 1 мая, овладели городами Штральзунд, Гриммен, Деммин, Мальхин, Варен, Везенберг – важными узлами дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев*[635]».

2 мая войска 2-й ударной и 65-й армий вышли на побережье Балтийского моря. На следующий день части 3-го гвардейского танкового корпуса генерала А. П. Панфилова встретились на рубеже Висмар, Виттенберге с солдатами 2-й британской армии. 5 мая соединения и части 19-й и 2-й ударной армий при поддержке 4-й и 18-й воздушных армий и части сил Краснознаменного Балтийского флота захватили Свинемюнде (Свиноуйсьце), крупный порт и военно-морскую базу противника на Балтийском море. Флотская авиация атаковала боевые корабли и транспортные суда в Штеттинском заливе. 4 мая большая группа самолетов морской авиации – торпедоносцы и бомбардировщики в сопровождении штурмовиков и истребителей – прорвалась несколько раз к рейдам Свинемюнде и нанесла удары по кораблям и судам противника. В результате их линейный корабль «Шлезиен» был сперва поврежден, а потом и потоплен. Пошли ко дну также вспомогательный крейсер «Орион», четыре крупных транспорта, миноносец и плавучая батарея. В операции по овладению Свинемюнде участвовали 310-я стрелковая дивизия полковника Н. В. Рогова, 1531-й самоходный артиллерийский полк подполковника С. Ф. Балыкова, 116-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. К. Фетисова, 18-я минометная бригада майора Б. И. Седлецкого, 5-й бомбардировочный авиационный корпус генерал-майора авиации М. Х. Борисенко, 3-й гвардейский бомбардировочный авиационный корпус генерал-лейтенанта авиации В. Е. Нестерцева и другие части.

108-й стрелковый корпус 2-й ударной армии вышел к проливу Штральзундер-Форвассер в готовности переправиться на остров Рюген, где находились довольно значительные силы

противника. Стремясь избежать напрасного кровопролития, командующий армией генерал Федюнинский предложил гарнизону капитулировать, но ответа не получил. Тогда было решено послать на остров делегацию из местных жителей для вручения начальнику гарнизона условий капитуляции. Через несколько часов делегаты вернулись. Вместе с ними явились два генерала и три старших офицера. Они заявили командиру 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанту В. С. Поленову, что ультиматум принят, но начальник гарнизона острова просит отложить капитуляцию на двое суток. Об этом генерал Поленов доложил командарму.

– Ни одного часа отсрочки, – сказал генерал Федюнинский. – К двенадцати часам шестого мая гарнизон острова должен сложить оружие и построить переправу через пролив.

Еще до истечения срока ультиматума был построен пешеходный мост через пролив. Немецкие солдаты начали сдавать оружие. С овладением островом Рюген боевые действия для войск 2-й ударной армии, по существу, закончились.

Войска 2-го Белорусского фронта одновременно готовились к занятию острова Борнхольм, который использовался противником в качестве маневренной базы. Сюда вывозились потрепанные войска, эвакуированные с Балтийского побережья. Островной гарнизон, насчитывающий более 12 тыс. солдат и офицеров, имел указание своего командования сдаться в плен только англичанам и выжидал развертывания событий, опасно нависая над правым флангом войск фронта на материке. Маршал Рокоссовский обратился к командующему Балтийским флотом адмиралу Трибуцу с просьбой усилить удары авиации флота по боевым кораблям и транспортам, уходящим в Германию. К этому времени в Кольберге были сосредоточены штурмовые, минно-торпедные и истребительные полки авиации флота. В гавани находилась значительная часть соединения торпедных катеров. Сюда же подтягивались войска, выделенные маршалом Рокоссовским для десанта. Представитель штаба фронта генерал-майор П. М. Котов-Легоньков, командир военно-морской базы капитан 1 ранга Е. В. Гуськов и начальник штаба базы капитан 2 ранга Д. С. Шавцов готовили корабли и людей. Военный совет флота, учитывая просьбу командующего 2-м Белорусским фронтом, принял решение перебазировать в Кольберг дополнительно полк пикирующих бомбардировщиков, а также собрать здесь целиком соединение торпедных катеров, все морские бронекатера, три дивизиона катерных тральщиков и несколько дивизионов морских охотников.

5 мая командование Балтийского флота предупредило

жителей острова Борнхольм о предстоящих ударах авиации по кораблям и судам противника и предложило им для собственной безопасности оставить портовые сооружения и другие здания в портах Ренне, Нексе и уйти в леса. После того как авиация флота нанесла по врагу ряд сокрушительных ударов, советское командование передало открытым текстом радиограмму начальнику гарнизона острова с требованием сложить оружие. Однако руководители гарнизона генерал Вутман и его заместитель по морской части капитан 1 ранга фон Камец ответили отказом. После этого морские летчики возобновили атаки. 9 мая 6 торпедных катеров высадили в порту Рене усиленную роту. Вслед за тем на Борнхольм были переброшены около 8 тыс. человек из состава 132-го стрелкового корпуса 19-й армии под командованием генерал-майора Ф. Ф. Короткова, который вынудил гарнизон на острове капитулировать. С Борнхольма было вывезено около 12 тыс. солдат и офицеров противника. Маршал Рокоссовский, учитывая, что остров имеет хозяйственную связь с основной территорией Дании, разрешил временно подвоз оттуда промышленных товаров, продовольствия, а также обмен почтой. Одновременно Константин Константинович разрешил местным властям организовать сельскохозяйственные работы и выход в море для рыбной ловли. Численность советских войск на острове вскоре сократилась до дивизии, а через год, в апреле 1946 г., Борнхольм был торжественно передан датским властям.

На направлениях действий войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов происходили следующие события.

24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта встретились юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта, завершив окружение франкфуртско-губенской группировки противника. На следующий день войска 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта соединились западнее Берлина в районе Кетцина с частями 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. В результате в окружении оказалась вся берлинская группировка противника. В тот же день в районе Торгау войска 5-й гвардейской армии вошли в связь с подходившими с запада частями американской 1-й армии.

В течение пяти дней, с 26 по 30 апреля, ударами войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов по сходящимся направлениям франкфуртско-губенская группировка противника (200 тыс. человек) была ликвидирована. Уничтожение берлинской группировки непосредственно в городе продолжалось

до 2 мая. Борьба с отдельными группами, пытавшимися прорваться на запад, закончилась 5 мая.

7 мая командующие войсками фронтов получили директиву № 11082 Ставки ВГК:

«7 мая в Реймсе немцы подписали акт военной капитуляции всех немецких вооруженных сил как на западном, так и на восточном фронтах.

Акт о безоговорочной капитуляции вступает в силу с 23 часов 8 мая по среднеевропейскому времени. Приказ немецким войскам о капитуляции должен дать верховный главнокомандующий немецких вооруженных сил Дениц.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Издать обращение от фронта к немецким войскам и их командованию с изложением факта подписания немцами акта военной капитуляции и распространить это обращение к вечеру 8 мая, как через радио, так и листовками с предложением сложить оружие.

2. После 23.00 8 мая, т. е. утром 9 мая, потребовать от командования противостоящих вам немецких войск прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен.

3. Если немецкие войска не выполнят вашего требования, не сложат оружия и не сдадутся в плен, всеми силами нанести решительный удар по противостоящим немецким войскам и выполнять задачи, поставленные Ставкой для каждого фронта.

4. Об исполнении и ходе капитуляции немецких войск донести[636]».

Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил происходило в ночь с 8 на 9 мая в здании бывшего военно-инженерного училища в юго-восточном районе Берлина Карлсхорст. С немецкой стороны К. Дениц, занявший по завещанию Гитлера пост рейхсканцлера, уполномочил на это начальника штаба Верховного Главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, главнокомандующего ВМС адмирала флота Х. Фридебурга и генерал-полковника авиации Г. Штумпфа.

В ходе Берлинской стратегической наступательной операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, уничтожили большую часть авиации вермахта. В справке оперативного управления Верховного Главнокомандования вермахта общие потери своих войск за период с 1 января по 1 мая 1945 г. оценивались в 250 тыс. человек погибших и 1 млн. пленных.[637]

По данным штаба 2-го Белорусского фронта, с 5 апреля по 8 мая были разгромлены соединения и части, входившие в состав 3-

й танковой армии – 10-й, 32-й армейские корпуса, армейский корпус «Одер» и 46-й танковый корпус. Всего было уничтожено 49 770 солдат и офицеров противника, взято в плен 84 234 человек. Потери противника в боевой технике и вооружении составили (см. таблицу № 1[638]).

Таблица № 1.

Наименование	Уничтожено	Захвачено	Всего
Самолеты	184	1458	1642
Танки и СУ	195	85	280
Бронемашины и бронетранспортеры	46	15	61
Орудия разных калибров	747	1540	2287
Минометы	360	262	622
Пулеметы	1430	2866	4296
Винтовки и автоматы	—	40538	40538
Снаряды разных калибров	—	10000	10000
Автомашины	1548	6802	8350
Бронепоезда	1	—	1
Пароходы, суда	1	16	17
Подводные лодки	—	2	2
Катера	—	173	173

В результате общей капитуляции вооруженных сил Германии войскам 2-го Белорусского фронта в районе юго-восточнее Данцига, на косе Путцигер-Нерунг и на острове Борнхольм сдались части и соединения 18-го горнострелкового корпуса и армейского корпуса «Хель» армии «Восточная Пруссия» (образованной из остатков 2-й и 4-й армий и армейской группы «Земланд»). Всего капитулировали 7 дивизий, 9 бригад, 2 боевые дивизионные группы, 9 отдельных полков, 46 отдельных батальонов, 3 артиллерийских полка РГК, 15 артиллерийских дивизий РГК и 21 зенитный дивизион. В плен были взяты управления: армии «Восточная Пруссия», 9-го армейского корпуса, 18-го горнострелкового корпуса, армейского корпуса «Хель», а также часть личного состава управлений 6, 20, 55-го армейских корпусов, личный состав 3-й авиагруппы истребительного полка «Мельдерс», эвакуировавшихся из полосы 3-го Белорусского фронта. В числе плененных командующий 2-й армией генерал танковых войск фон Заукен, заместитель командира 18-го армейского корпуса генерал-лейтенант Рихерт,

начальник штаба армии «Восточная Пруссия» генерал-майор Махер, командир армейского корпуса «Хель» генерал-майор Шпехт, командир 9-го армейского корпуса генерал артиллерии Вутман.

Войска 2-го Белорусского фронта освободили: бывших военнопленных Красной Армии – 65 541 человек, союзных стран – 51 833, граждан СССР – 63 515, союзных стран – 16 634 человек. Среди освобожденных были 33 бельгийских генерала, в том числе командир 5-го армейского корпуса (бывший начальник Генштаба бельгийской армии) генерал-лейтенант Ван дер Берген, начальник Генштаба бельгийской армии генерал-лейтенант Франц Филе Оскар Минкельс, командующий объединенными ВВС и войсками ПВО Бельгии генерал-лейтенант Эмиль Франц Ламберт дю Биевер, главный интендант бельгийской армии генерал-лейтенант Эмиль Ганос, командующий артиллерией генерал-лейтенант Эмиль Ренард, командир 1-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Алексис Ван дер Веккен, командир 3-го армейского корпуса генерал-лейтенант Иосиф Губерт де Краге, командир 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Виктор Кирил Мишем, командир кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Морис Кеартс.

К. К. Рокоссовский принимал участие и в оказании помощи семье Э. Тельмана. В записке Л. П. Берии, направленной 11 мая И. В. Сталину, говорилось:

«Уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту тов. Цанава сообщил, что оперативными группами НКВД обнаружены жена Э. Тельмана Роза Тельман, бежавшая из концлагеря и скрывавшаяся в г. Фюрстенберг, и дочь Тельмана Фестер Ирма, освобожденная частями Красной Армии из концлагеря в г. Нойбранденбург…

Тельман Р. рассказала, что последний раз видела Тельмана 27 февраля 1944 года в тюрьме г. Беутен в присутствии работника гестапо. Он сказал, что его подвергают постоянным пыткам, требуя отказа от своих убеждений…[639]»

И. В. Сталин дал поручение своему секретарю А. Н. Поскребышеву, чтобы освобожденным близким Тельмана были созданы соответствующие условия и оказана необходимая помощь.

В ходе Берлинской операции потери войск 1-го, 2-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов, сил Балтийского флота, Днепровской военной флотилии составили: безвозвратные – 78 291 человек (4,1 процента от общей численности), санитарные – 274 184 человека[640]. Наибольшие потери понес 1-й Белорусский фронт, который наступал на главном направлении и штурмовал

сильно укрепленные Зееловские высоты. Его безвозвратные потери достигли 37 610 человек (48% от общих безвозвратных потерь), а санитарные – 141 880 человек (51,7% от общих санитарных потерь). Войска 2-го Белорусского фронта (без 5-й гвардейской танковой и 19-й армий), насчитывавшие к началу операции 441,6 тыс. человек, потеряли безвозвратно 13 070 человек, а санитарные потери составили 46 040 человек или 3% и 10,4% соответственно к общей численности.

В ходе Берлинской операции советские войска потеряли 1997 танков и САУ, 2108 орудий и минометов, 917 самолетов[641]. Высокие потери в танках и САУ были обусловлены тем, что танки использовались не в качестве высокомобильных ударных клиньев для обхода Берлина с севера и северо-запада, а были направлены вначале для допрорыва мощной обороны противника, а затем – на улицы Берлина. Характерно, что советское командование понимало неизбежность тяжелых потерь в танках и, соответственно, в людях, однако сознательно пошло на этот шаг. Все списывалось на необходимость скорейшего взятия германской столицы и окончания войны, хотя не последнюю роль при этом играли и некоторые другие факторы, такие как, например, стремление опередить западных союзников, личные амбиции советских военачальников и др.

Пора кровавых столкновений прошла, и наступило время торжественных встреч и приемов. Для Рокоссовского первым таким торжеством стал визит к союзникам. Командующий 21-й армейской группой британский фельдмаршал Б. Монтгомери, которому английский король даровал титул Аламейнского в честь победы под Эль-Аламейном в Египте осенью 1942 г., пригласил Рокоссовского посетить его в штаб-квартире в Висмаре. Визит состоялся 7 мая. С советской стороны присутствовали: член военного совета фронта генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, заместитель командующего фронтом генерал-майор Л. Ф. Цанава (Джандава), начальник штаба фронта генерал-полковник А. Н. Боголюбов, командующий артиллерией фронта генерал-полковник А. К. Сокольский, командующий 4-й воздушной армией генерал-полковник авиации К. А. Вершинин, начальник разведывательного отдела генерал-майор И. В. Виноградов. Со стороны англичан – девять генералов.

Кортеж Рокоссовского при въезде в Висмар был встречен британскими офицерами, а фельдмаршал Монтгомери ждал его у входа в резиденцию. Военачальники обменялись рукопожатиями. Этот и многие последующие моменты были запечатлены на пленку корреспондентами советских и иностранных газет, собравшимся толпой у входа. Журналисты не давали покоя

Рокоссовскому и Монтгомери на протяжении всего визита.

Первая встреча полководцев двух союзных армий, соединившихся в самом центре Германии после четырехлетней совместной борьбы с фашизмом, прошла в торжественной и теплой атмосфере. Монтгомери и его офицеры оказались проще и общительнее, чем этого можно было ожидать. Само собой разумеется, что и Рокоссовский понравился английскому фельдмаршалу, как он и свидетельствует в своих мемуарах. На прощание Рокоссовский пригласил англичан нанести ему 10 мая ответный визит, и Монтгомери с видимым удовольствием принял приглашение.

О том, как проходила встреча с британцами, Рокоссовский доложил 8 мая Сталину. В докладе отмечалось: *«Характерными являются следующие фразы Монтгомери: а) «Вы с войной на западе покончили, а у нас еще Япония. Хорошо бы драться с ней плечом к плечу»; б) «С войной на западе покончено. В дальнейшем будут большие дипломатические трудности, преодолеть которые, по-видимому, будет труднее, чем разбить Германию». В заключение Монтгомери высказал три пожелания: а) быстрее вернуть союзных военнопленных (руководствуясь Вашим разрешением, я обещал это сделать); б) посетить Сталинград; в) встретиться с Вами*[642]».

Новая встреча двух командующих состоялась, как и планировалось, 10 мая в районе Ной-Клосте, в 20 км восточнее Висмара.

У арки, украшенной государственными флагами СССР, Великобритании и США, машину Монтгомери ожидал почетный караул, а затем прозвучал салют из 19 орудий. *«В почетный караул ставим кубанцев 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Осликовского в конном строю, в полной казачьей форме…* – вспоминал Рокоссовский. – *Англичане долго провожали восхищенными взглядами лихо удалявшуюся конницу. После церемонии встречи гости были приглашены в большой зал, где умело и со вкусом был сервирован стол. Сидя за обильным столом (у англичан беседовать приходилось стоя), наши гости почувствовали себя еще лучше. Беседа приняла задушевный характер. Сам Монтгомери, сначала пытавшийся в очень деликатной форме ограничить время своего визита, перестал поглядывать на часы и охотно втянулся в общий разговор. В заключение с концертом выступил наш фронтовой ансамбль… Этим мы окончательно покорили британцев. Каждый номер они одобряли такими неистовыми овациями, что стены дрожали. Монтгомери долго не мог найти слов, чтобы выразить свой восторг и восхищение*[643]».

Во время торжественного обеда маршал Рокоссовский сказал:

– Я предлагаю поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, – за Сталина, Черчилля и Рузвельта.

Гости приняли тост. Ответная речь Монтгомери была гораздо пространнее:

– Мы начинали наш путь с разных сторон Европы, – говорил он. – Мы огнем пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищен до глубины души. С началом этой большой войны англичане, проживающие на своих островах, все время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имен, которые я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нем не объявляло радио, я бы все равно видел его славный путь по салютам в Москве. Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского!

После отъезда англичан обед был продолжен. Как свидетельствует генерал армии П. И. Батов, собравшиеся за столом вспоминали пройденный путь. Много хороших искренних слов было сказано в адрес командующего фронтом. Рокоссовский с веселыми глазами стоял в кругу офицеров и генералов, слушал, потом махнул рукой и сказал:

– Бросьте, товарищи, все это. Что бы я мог сделать без всех вас…

Подводя итоги деятельности маршала К. К. Рокоссовского в годы Великой Отечественной войны, остановимся на тех чертах, которые характеризуют его как полководца. Главный маршал авиации А. Е. Голованов дал такую оценку маршалу Рокоссовскому: «Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению со своими подчиненными, к которым он всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения, волевым качествам и выдающимся организаторским способностям он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех тех, с кем ему довелось воевать[644]». Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Незабываемый К. К. Рокоссовский был щедро одарен

полководческим талантом. Его также отличало особое умение прочно опираться на штаб при решении оперативных вопросов и в управлении войсками[645]».

Рокоссовский обладал широким диапазоном военного мышления, что позволяло ему блестяще решать задачи оперативно-стратегического масштаба. Его отличали глубокий ум, умение предвидеть развитие событий, способность в самые критические моменты и в кратчайший срок точно оценивать обстановку любой сложности, принимать оригинальные по своему замыслу и неожиданные для противника решения. Высокое полководческое мастерство, твердая воля, смелость, решительность, целеустремленность, исключительная ответственность при выполнении поставленных задач, большие организаторские способности позволяли Рокоссовскому неуклонно проводить в жизнь принятые решения, идя в случае необходимости на определенный риск.

В должности командира 9-го механизированного корпуса Рокоссовский ударам превосходящих сил противника противопоставлял умелую оборону, дерзкие контратаки, смелый маневр. Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества имевшихся в наличии танков, комбинируя их действия, он стремился по возможности эффективнее использовать свои небольшие силы и средства, с тем чтобы нанести противнику как можно больший урон.

В период командования 16-й армией Константин Константинович показал, что способен решать поставленные задачи в самой сложной и даже критической обстановке. Он всегда реально оценивал силы и возможности своих войск и, исходя из этого, планировал и организовывал операции и боевые действия. Опыт первых месяцев войны показал, что противник был еще намного сильнее советских войск, что он владеет инициативой, а поэтому надо быть постоянно готовым к осложнениям обстановки. Вот почему, организуя оборону на пути к Вязьме, Рокоссовский посчитал необходимым разработать и иметь в армии такой план, который бы предусматривал несколько вариантов действий войск, в том числе на случай, если противнику все же удастся прорвать их оборону. В сражении на волоколамском направлении Рокоссовский показал себя умелым организатором борьбы с танками противника. Танковым ударам врага он противопоставлял глубокую противотанковую оборону, высокую активность войск, прежде всего артиллерии всех видов, широкий маневр ею, действия подвижных отрядов саперов с минами и подрывными зарядами, а также танков из засад. Малочисленность сил и средств при большой ширине полосы

обороны армии вынуждала Рокоссовского выделять все имевшиеся соединения в первый эшелон, но даже в этих условиях он изыскивал возможности для создания резервов, которыми умело маневрировал в ходе оборонительного сражения, быстро перебрасывая их с одного угрожаемого направления на другое и тем самым преграждая путь вражеским танкам в глубину обороны. В ходе общего наступления зимой 1942 г. Рокоссовский понимал, что сил и средств для ведения успешных действий одновременно во всей ее полосе в его распоряжении нет. В этой обстановке, оценив созданную противником оборону, он решает наносить удары последовательно то по одному, то по другому узлу обороны врага, сосредоточивая в пределах допустимого нужные для этого силы и смело оголяя на определенные сроки соседние участки.

В должности командующего Донским фронтом Рокоссовский выступил умелым организатором наступательных операций, мастером нанесения мощных рассекающих ударов, массированного применения артиллерии, использования подвижных войск.

В ходе Курской битвы Рокоссовский, командуя Центральным фронтом, творчески применил накопленный им под Москвой и Сталинградом опыт организации и проведения оборонительных и наступательных операций. Построение обороны в полосе Центрального фронта было доведено до высокой степени совершенства. Оборона создавалась глубокоэшелонированной, многополосной с максимальным использованием инженерных сооружений. В ходе оборонительного сражения Рокоссовский настойчиво стремился к тому, чтобы действия вверенных ему войск носили активный характер, что являлось одним из обязательных условий достижения устойчивости обороны. Активность обороны проявилась как в проведении артиллерийской контрподготовки на участке, где ожидался главный удар противника, так и в нанесении сильных контрударов и контратак по его вклинившимся в оборону группировкам, в постоянном воздействии на атакующие вражеские соединения и части мощными ударами авиации и огнем артиллерии, в широком маневре силами и средствами, особенно противотанковыми, с одних направлений на другие, наиболее угрожаемые.

При подготовке наступательных операций Рокоссовский первостепенное значение придавал вопросам организации прорыва обороны противника. Для успешного его осуществления он, как правило, сосредоточивал на избранных участках по возможности большие силы и создавал высокие оперативные

плотности средств поражения, прежде всего артиллерии, танков и САУ, тщательно согласовывал их действия между собой, а также с пехотой и авиацией. Наметившийся с началом прорыва успех Константин Константинович стремился как можно быстрее развить в глубину и в стороны флангов своевременным вводом в сражение вторых эшелонов, резервов, подвижных групп (армейских и фронтовых) – крупных танковых (механизированных) соединений и объединений. В ходе наступления Рокоссовский, внимательно отслеживая изменения в обстановке, нередко применял такой достаточно эффективный и неожиданный для противника прием, как перенос путем смелого маневра силами и средствами главных усилий фронта с одного направления на другое, туда, где обозначался наибольший успех.

Творческий подход Рокоссовского к выбору способов разгрома противника наиболее ярко проявился при разработке плана Бобруйской наступательной операции. Он решил нанести два удара по сходящимся на Бобруйск направлениям: один из района севернее Рогачева и другой – из района юго-западнее Паричей, чтобы окружить основные силы немецкой 9-й армии. Это решение основывалось на доскональном изучении обстановки, особенно условий местности и состояния обороны противника.

При подготовке и в ходе Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской стратегических наступательных операций Рокоссовский проявил себя как зрелый и дальновидный полководец. Его творческий подход к решению таких сложных проблем военного искусства, как решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов, своевременный и, что особенно важно, искусный маневр ими, исключение какого бы то ни было шаблона в выборе способов ведения операций и разгрома противостоящего противника, достижение стремительности и непрерывности действий, наращивание силы ударов с целью отсечения и уничтожения крупных группировок вермахта, во многом способствовал успешному выполнению поставленных фронту Ставкой ВГК задач на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Характерной чертой Рокоссовского являлось то, что он никогда не проявлял поспешности в действиях. Его оперативным решениям всегда предшествовал глубокий, всесторонний анализ сложившейся обстановки. Он лично занимался организацией разведки противника, внимательно изучал особенности его действий, тактические приемы, применявшиеся в предшествовавших боях и сражениях. Все это позволяло Константину Константиновичу проникать в замыслы врага,

прогнозировать развитие событий и на этой основе противопоставлять планам немецкого командования наиболее эффективные способы действий, захватывать и удерживать инициативу.

Рокоссовский большое внимание уделял организации огневого обеспечения боевых действий. Он придавал большое значение массированию артиллерии на направлении главного удара, выбору порядка построения артиллерийской подготовки, времени ее начала и продолжительности, определению глубины и методов артиллерийской поддержки и артиллерийского сопровождения пехоты и танков при бое в глубине обороны противника.

Особое внимание при подготовке операций Рокоссовский уделял оперативной маскировке. Все мероприятия в этом плане им тщательно отрабатывались и в полном объеме проводились, что в большинстве случаев обеспечивало скрытие направлений главных ударов, времени их нанесения и тем самым способствовало достижению внезапности действий.

При подготовке боевых действий Рокоссовский стремился к тому, чтобы каждый участник предстоящего сражения знал свою задачу, мог проявить разумную инициативу и творчество. Большое значение он придавал всесторонней подготовке командующих, командиров, штабов и войск к предстоящим боевым действиям. На занятиях в поле и на рельефных картах местности подробно отрабатывалось все, что было связано с действиями войск: скрытное создание группировок; организация огневого поражения противника; способы перехода в наступление; взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации; ввод в сражение подвижных групп, вторых эшелонов и резервов; отражение возможных контрударов противника; управление войсками; вопросы тылового обеспечения. Важную роль Рокоссовский отводил контролю за ходом подготовки подчиненных войск к бою и операции, устранению на местах выявленных недостатков и возникающих трудностей.

Одной из характерных черт Рокоссовского являлась его способность создать среди подчиненных атмосферу взаимного уважения и деловитости. В его стиле работы всегда присутствовало стремление сплотить вокруг себя офицеров штаба, командующих и командиров. Он внимательно прислушивался к их советам и предложениям, ценил и поддерживал дельную инициативу и, более того, добивался, чтобы они ее проявляли, вносили свою долю творчества в общее дело победы. В то же время Константин Константинович не был чрезмерно мягок и, когда того требовала обстановка, проявлял

суровую и справедливую требовательность, особенно если это касалось интересов дела и если от этого зависела жизнь людей. Рокоссовскому были присущи такие качества, как умение сохранять самообладание, готовность к самопожертвованию. В сложных условиях обстановки он находился там, где было тяжелее всего.

Маршал двух народов

24 мая 1945 г. К. К. Рокоссовский прибыл в Москву. В Кремле председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ему высший полководческий орден – орден «Победа». Вечером правительство устроило в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца прием в честь командующих войсками Советской Армии. В зале собрались прославленные полководцы и военачальники, выдающиеся деятели науки, народного хозяйства, культуры, литературы и искусства.

В восемь часов вечера в окружении других руководителей партии и правительства появился И. В. Сталин. Зал встретил его бурей оваций и восторженными возгласами. Сталин наклоном головы ответил на дружные приветствия и тоже начал аплодировать. Потом он жестом пригласил всех к столам. Когда бокалы были наполнены, прозвучал первый тост за Советские Вооруженные Силы, за здоровье красноармейцев, краснофлотцев, офицеров, генералов и адмиралов. Следующий тост – за Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет – вызвал новую бурную вспышку оваций и приветственных возгласов. Тосты следовали один за другим: за здоровье М. И. Калинина, за старейших полководцев Красной Армии, за Генеральный штаб, Государственный Комитет Обороны и его Председателя И. В. Сталина, за выдающихся военачальников, отличившихся в годы Великой Отечественной войны. Первым было упомянуто имя маршала Г. К. Жукова, потом маршала И. С. Конева. Но вот В. М. Молотов, на долю которого выпало произнесение тостов, поднял бокал в очередной раз.

– Теперь я предлагаю тост за маршала Рокоссовского, – сказал он, – героя Сталинградской битвы, которая явилась историческим поворотом в нынешней войне, полководца, руководившего операциями в Белоруссии, изгнавшего немцев из Данцига и Штеттина.

Этот тост, как и все другие, был встречен аплодисментами.

Затем Сталин произнес свой знаменитый тост.

– Товарищи, – сказал он, – разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, за здоровье русского народа…

Взрыв единодушного одобрения, как вспоминал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, возгласы «ура» заполнили зал. Спокойно выждав, когда снова наступила абсолютная тишина, Иосиф Виссарионович продолжал:

– Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому,

что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!

Под высокими сводами Георгиевского зала долго не смолкал гром оваций и заздравных возгласов.

1 июня маршала Рокоссовского ждал еще один приятный сюрприз. *«За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга,* – отмечалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, – *и достигнутые в результате этих операций успехи наградить второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Рокоссовского Константина Константиновича, соорудить бронзовый бюст с изображением награжденного и установить его на постаменте на родине награжденного*».

Бронзовый бюст Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского был установлен в 1949 г. на одной из площадей города Великие Луки.

К. К. Рокоссовскому, находившемуся в зените славы, была поручена весьма почетная миссия. 19 мая 1945 г. на совещании членов ГКО и Генерального штаба И. В. Сталин предложил провести в ознаменование победы над нацистской Германией Парад Победы в Москве. Это предложение было сразу же горячо поддержано, и тогда никто не сомневался, что Парад должен

принимать Верховный Главнокомандующий.

Действительно, Иосиф Виссарионович пытался примерить мундир принимающего Парад Победы, но во время очередной тренировки упал с лошади, ушиб себе плечо и голову, а когда встал – плюнул и сказал:

– Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист, а командовать парадом будет Рокоссовский.

Через несколько дней случайно, как бы мимоходом, Сталин спросил Рокоссовского:

– А вы не разучились ездить на коне?

Рокоссовский не ожидал такого вопроса, но ответ мог быть только один:

– Нет, конечно.

– Вам придется командовать Парадом Победы. Принимать его будет Жуков.

– Спасибо за честь!

К этому времени подготовка к параду шла полным ходом. Сводные полки (по 1000 человек от каждого фронта) тренировались на Центральном аэродроме, мастерские и ателье шили и подгоняли парадную форму. Для принимающего парад и командующего подобрали коней. Жукову – белого, Рокоссовскому – вороного. Старые кавалеристы не нуждались в длительных тренировках, но много времени отнимала подготовка церемониала парада. Жуков и Рокоссовский тщательно рассмотрели его и особо внимательно отнеслись к боевым знаменам, с которыми сводные полки должны были выйти на парад. Ведь за каждым знаменем – часть или соединение, каждое олицетворяет тяжелый и длинный путь, пройденный нашими солдатами от Ленинграда, Москвы, Сталинграда, предгорий Кавказа до Берлина и Вены, Бухареста и Будапешта, Праги и Белграда.

Генеральная репетиция состоялась на Красной площади. Жуков и Рокоссовский остались довольны строевой выправкой участников парада.

23 июня в «Правде» был опубликован следующий приказ Верховного Главнокомандующего:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы.

На Парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата Обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому…»

24 июня Рокоссовский проснулся рано. За окном, как и предсказывали синоптики, шел дождь. К 8 часам Константин Константинович был уже на Красной площади. Улицы Москвы были запружены ликующим народом. На подступах к Красной площади ровными квадратами выстроились войска столичного гарнизона, а на гранитной брусчатке Красной площади в строгом порядке разместились сводные полки фронтов и Военно-Морского Флота. Дождь постепенно усиливался. Однако к 9 часам 30 минутам вся Красная площадь была заполнена депутатами Верховного Совета СССР, многочисленными зарубежными гостями, представителями московских трудящихся, деятелями науки и культуры. На почетном месте перед Мавзолеем разместились советские военачальники – активные участники Великой Отечественной войны, не попавшие в состав парадного расчета.

В 9 часов 45 минут на Мавзолей В. И. Ленина поднялись члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Правительства СССР. Рокоссовский занял место для движения навстречу принимающему парад маршалу Жукову.

Чем ближе 10 часов, тем большее волнение овладевает командующим парадом. Но вот кремлевские куранты начинают бить. С десятым ударом из ворот Спасской башни выезжает Жуков.

– Парад, смирно! – командует Рокоссовский и трогает с места коня.

Замерли парадные шеренги. Чувство торжественного волнения овладевает Рокоссовским. Навстречу на белом коне движется Жуков. Поравнявшись с Жуковым, Рокоссовский салютует палашом, и над площадью раздается:

– Товарищ маршал, войска действующей армии и Московского гарнизона для Парада Победы построены!

Жуков принимает рапорт, и вдвоем они начинают объезд войск.

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаю, товарищ маршал, – звучит тысячеустый ответ.

– Поздравляю вас с праздником Победы!

Богатырское «ура» гремит над площадью.

После объезда войск прозвучал сигнал «Слушайте все», и сводный военный оркестр в составе 1400 музыкантов под

управлением генерал-майора С. А. Чернецкого и полковника В. И. Агапкина исполнил гимн «Славься, русский народ». Затем Жуков с трибуны Мавзолея по поручению ЦК ВКП(б) и Правительства СССР произнес приветственную речь.

После этого был исполнен Государственный гимн СССР, и одновременно прозвучали 50 залпов артиллерийского салюта. К. К. Рокоссовский подает команду о начале торжественного марша. В порядке положения и действий фронтов на театрах военных действий к концу войны (с севера на юг) проходили сводные полки фронтов во главе с командующими войсками (полки 1-го и 2-го Белорусского фронтов – с первыми заместителями командующих): Карельского (Маршал Советского Союза К. А. Мерецков), Ленинградского (Маршал Советского Союза Л. А. Говоров), 1-го Прибалтийского (генерал армии И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (Маршал Советского Союза А. М. Василевский), 2-го Белорусского (генерал-полковник К. П. Трубников), 1-го Белорусского (генерал армии В. Д. Соколовский), 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И. С. Конев), 4-го Украинского (генерал армии А. И. Еременко), 2-го Украинского (Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), 3-го Украинского (Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин). Сводный полк ВМФ возглавлял вице-адмирал В. Г. Фадеев.

В первых шеренгах сводных полков фронтов шли командующие армиями, а подразделения возглавляли командиры корпусов, дивизий и бригад. В составе сводного полка 1-го Белорусского фронта особой колонной прошли представители Войска Польского (во главе с начальником Генштаба Войска Польского генералом В. В. Корчицем). Вслед за сводными полками фронтов и Военно-Морского Флота на Красную площадь вступила сводная колонна воинов, которые несли опущенные до земли 200 знамён немецких войск, разгромленных на полях сражений. Эти знамена под дробь 80 барабанов были брошены к подножию Мавзолея, первым – штандарт Адольфа Гитлера. Затем торжественным маршем прошли войска Московского гарнизона во главе с командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником П. А. Артемьевым: сводный полк наркомата обороны СССР, колонны Военной академии им. М. В. Фрунзе, Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского, Военной академии механизации и моторизации им. И. В. Сталина, Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского и др. За ними проследовали колонны Горьковского, Калининского, Орловского, Тульского суворовских военных и Ленинградского нахимовского военно-морского училищ. После этого на площадь вступила сводная кавалерийская бригада во главе с генерал-лейтенантом

Н. Я. Кириченко, а за ней – военная техника различных видов, подразделения мотоциклистов и др. Парад, продолжавшийся 2 часа, завершился маршем сводного оркестра.

Газета «Вечерняя Москва» опубликовала очерк «Слава времен» писателя Льва Кассиля, в котором отмечалось: *«Много праздников было на Красной площади. Не раз видели мы ее оживленной, нарядной, многолюдной и не однажды о славе, доблести нашего народа звучали тут речи и песни. Но такого торжества, такого праздника, какой вместили 24 июня 1945 г. эти просторы, еще не знавала Красная площадь… Над полками реяли боевые знамена, под которыми одержано столько славных побед. Немеркнущая память этих выигранных гигантских сражений сверкала в орденах, прикрепленных к знаменам. То были знамена, пронесенные через битвы Великой Отечественной войны, гордо взвившиеся над поверженными германскими городами. Вот она, могучая, живая слава Красной Армии, вот ее лучшие сыны – гордость нашей Родины. Слава народа!.. Где найти нужные слова! Как передать то вдохновляющее чувство живого приобщения к истории, какое испытывали мы в тот момент, когда на наших глазах посредине Красной площади появились два прославленных всадника, два знаменитых маршала… Шли торжественные часы парада. Четверти часа отмеривали своим мелодичным звоном куранты на древней кремлевской башне. На трибуне стояли прославленные полководцы, укреплявшие мощь Красной Армии в годы Гражданской войны. Стоял на трибуне маршал Жуков, принимавший от имени Советского командования безоговорочную капитуляцию фашистской Германии. А парадом командовал Рокоссовский. И народ на Красной площади с восторгом узнавал Конева, Мерецкова, Говорова, Малиновского, Толбухина, Баграмяна, Еременко, Рыбалко, Катукова, Лелюшенко, Богданова, Рыбальченко, Судеца, Красовского и многих-многих других полководцев-победителей, чьи имена останутся в истории Великой Отечественной войны…»*

На этом торжества не завершились. Москва сияла праздничными огнями. Когда стемнело, начался большой фейерверк. «Все потрясало своими масштабами и размахом в этой неизвестной поэме света, красок и звуков, – писала газета «Вечерняя Москва». – Необычно велико было количество прожекторов. 1200 установок заняли вчера позицию на набережных, мостах и площадях столицы. При каждом ракетном залпе с земли поднималось 22 тысячи ракет. Алые флаги, поднятые аэростатами, достигали 35 метров в длину и 19 метров в ширину».

На следующий день в Кремле состоялся прием в честь

участников Парада Победы. И. В. Сталин в своем выступлении отметил:

– Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился – и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей.

Торжества и приемы закончились и надо было возвращаться к служебным делам. Еще 29 мая 1945 г. маршал Рокоссовский получил директиву № 11097, в которой говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Переименовать с 24.00 10.6.45 г. 2-й Белорусский фронт в Северную группу войск. Штаб группы иметь в районе Лодзь (временно в районе Бромберг). Командующего войсками 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского именовать главнокомандующим Северной группой войск[646]».

В состав Северной группы войск вошли 43-я и 65-я армии, отдельный 96-й стрелковый, 3-й гвардейский кавалерийский, 3-й гвардейский танковый, 5, 10 и 20-й танковые корпуса, 4-я воздушная армия, управление 8-го артиллерийского корпуса, 23, 15, 1-я артиллерийские дивизии прорыва, 8-я пушечная артиллерийская дивизия, три пушечные артиллерийские и 4 истребительные противотанковые артиллерийские бригады, 6 зенитных артиллерийских дивизий. Кроме того, в подчинение Рокоссовского передавались из состава 1-го Украинского фронта – 52-я армия, из 4-го Украинского фронта – 18, 60, 1-я гвардейская армии. В состав 1-го Белорусского фронта из 2-го Белорусского фронта вошли 2-я ударная, 70-я и 49-я армии, 1-й гвардейский танковый корпус и две отдельные стрелковые дивизии.

К. К. Рокоссовский после всех торжественных мероприятий вернулся в Польшу, где ему предстояло провести почти одиннадцать лет. Дел и забот у командующего Северной группой войск было предостаточно. Среди них демобилизация армии и

перевод ее на мирное положение. Восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и населенных пунктов требовало колоссальных материальных затрат и огромных людских ресурсов, значительная часть которых находилась в Вооруженных Силах. Содержание многомиллионной армии при отсутствии в то время широкомасштабной военной угрозы было экономически нецелесообразным. Поэтому ЦК ВКП(б) и Правительство СССР, признав необходимость существенного сокращения армии и флота, обязало высшее военное руководство сохранить их боевое ядро, обеспечить обороноспособность страны за счет качественного совершенствования Вооруженных Сил. 20 апреля Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об установлении состава, численности и организации Красной Армии после окончания войны с Германией».

21 мая на совместном совещании членов Ставки ВГК, командующих войсками фронтов, военных округов, видов Вооруженных Сил, а также командующих (начальников) родов войск была обсуждена концепция поэтапной демобилизации армии и флота с учетом возрастов, специальностей и других факторов. С учетом предложений, высказанных на совещании, концепция была доработана и легла в основу Закона «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», принятого 23 июня первой послевоенной (XII) сессией Верховного Совета СССР. Всего в период с 1945 и до конца 1947 г. в шесть очередей было уволено из армии тридцать три призывных возраста рядового и сержантского состава общей численностью 8,9 млн. человек. Среди демобилизованных были независимо от возраста все женщины, лица, имевшие множественные ранения или прослужившие в армии 7 и более лет, а также учителя, специалисты со средним и высшим образованием, бывшие студенты высших учебных заведений. В этот же период народное хозяйство получило из Вооруженных Сил около 150 тыс. автомашин, более 1 млн. лошадей, свыше 1500 судов и много другой техники.[647]

Наряду с демобилизацией маршал Рокоссовский предпринимал активные шаги к установлению прочных и широких связей с правительством Польши, общественными организациями, демократическими партиями, с руководителями Войска Польского. По инициативе Константина Константиновича офицеры и солдаты группы войск участвовали в восстановлении фабрик и заводов, в проведении сельскохозяйственных работ. Например, осенью 1945 г. и весной 1946 г. советские воины засеяли не менее 750 тыс. гектаров земли. Они очищали поля от мин, ремонтировали брошенные немецкими войсками тракторы,

тягачи, автомашины и затем безвозмездно передавали их крестьянским кооперативным организациям. Когда в июне 1948 г. было принято решение о выводе части советских войск с территории Польши, Рокоссовский следил за тем, чтобы Войску Польскому были переданы в полной исправности освободившиеся помещения, казармы, склады, лечебные учреждения.

Большой объем работы приходилось выполнять командующему Северной группой войск и его штабу по организации оперативной и боевой подготовки. При этом учитывались изменения, произошедшие во взглядах на характер будущей войны и способы ее ведения в первые послевоенные годы. Исходя из складывавшейся политической обстановки, война представлялась как вооруженное столкновение двух мощных коалиций (капиталистической и социалистической). По масштабу и количеству участвующих государств она прогнозировалась как мировая, хотя допускалось возникновение и локальных войн. Предполагалось, что война будет длительной и для успешного ее ведения потребуются массовые вооруженные силы. Ее намечалось вести способом последовательного достижения промежуточных стратегических целей в ряде кампаний. По-прежнему стратегическое наступление считалось основным видом военных действий. Оно представлялось в форме одновременных и последовательных наступательных операций групп фронтов на одном или нескольких театрах военных действий при участии всех видов Вооруженных Сил. Стратегическая оборона признавалась временным видом военных действий, применяемым вынужденно или преднамеренно. Ее основное содержание составляли оборонительные операции групп фронтов на стратегическом направлении или на всем театре военных действий в интересах подготовки контрнаступления, которое могло проводиться силами одного или нескольких фронтов в стратегическом или оперативно-стратегическом масштабах.

Все вопросы подготовки и ведения стратегических операций предполагалось решать, основываясь на опыте Великой Отечественной войны. Вместе с тем параметры стратегических наступательных операций (операций групп фронтов), по сравнению с минувшей войной, несколько увеличивались за счет возросшей ударной силы, подвижности и огневой мощи Сухопутных войск. При этом считалось, что победа в войне может быть достигнута только объединенными усилиями всех видов Вооруженных Сил при главенствующей роли Сухопутных войск. Остальные виды должны были вести военные действия в их интересах. Не исключалось, что объединения ВВС, ВМФ и Войск ПВО страны могут решать самостоятельные стратегические

задачи.

На войсковых, командно-штабных учениях и маневрах, проводимых под руководством маршала Рокоссовского, создавалась обстановка, максимально приближенная к боевой. Войска учились совершать марши в любых условиях, форсировать водные преграды, вести наступательные и оборонительные бои. Одновременно проверялась новая организация объединений, соединений и частей, их боевые возможности, уровень подготовки командного состава, штабов и войск, практически отрабатывались теоретические положения тактики и оперативного искусства.

В Польше вместе с Рокоссовским проживала его сестра Хелена, с которой он расстался в 1914 г. Они встретились через тридцать с лишним лет при следующих обстоятельствах.

17 января 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта освободили Варшаву. Советских танкистов, первыми появившихся на улицах города, население встречало сердечно, каждый хотел перекинуться с ними парой слов, пожать им руки, выказать свою признательность. Вместе с другими жителями на улицу вышла Хелена Рокоссовская. С перебинтованной головой, в легком платке, она имела довольно жалкий вид. Это, вероятно, привлекло внимание одного из офицеров. Он подошел к Хелене и стал расспрашивать, что с ней случилось. Во время этой короткой беседы Хелена спросила:

– У вас, кажется, и мой брат?

– В Красной Армии, – услышала в ответ, – служит много поляков.

– Да, но только мой брат, по-моему, такой высокий командир, что даже немцы его хорошо знают. Потому что именно фамилия брата послужила поводом для расправы со мной немецкого офицера.

– И как же звучит эта фамилия? – заинтересовался офицер.

– Рокоссовский.

Офицер, убедившись, что речь идет о маршале К. К. Рокоссовском, после некоторого замешательства все же записал ее адрес. Вскоре приехал другой офицер, пригласил Хелену в штаб в Гроец, где после долгой беседы ей предложили написать письмо брату.

Прошло две недели. Хелена, почти разуверившись во встрече с братом, неожиданно получила сообщение от хозяйки дома, что ее спрашивает какой-то военный. Действительно, в комнату вошел советский офицер и спросил:

– Здесь ли живет Хелена Рокоссовска?

– Да, – сказала Хелена, – это я.

– Минуточку, – сказал офицер и вышел.

Через минуту вернулся вместе с незнакомой женщиной. Как оказалось, это была жена Рокоссовского Юлия Петровна, которая специально приехала из Бродницы, где размещался тогда штаб маршала. В переданном ею письме от 22 февраля 1945 г. Константин Константинович сообщил об известных ему семейных делах, в том числе о смерти их общей сестры Марии, и настоятельно просил, чтобы Хелена без промедления приехала к нему.

Хелена, не раздумывая, отправилась в путь. Встреча с братом была радостной. Оказалось, что долгие 30 лет, которые минули с момента расставания, не сильно изменили его характер. Он был тем самым любимым Костиком, который заботился о Хелене после потери родителей, который распрощался с ней в далекой юности. Хелена осталась с братом до конца войны. Затем, чтобы не быть ему в тягость, вернулась в Варшаву. По воспоминаниям внука Рокоссовского Константина, маршал, став министром национальной обороны Польши, не мог часто видеться с сестрой. Однако Хелена постоянно чувствовала его заботу, которую он не прекратил и когда вернулся в Советский Союз.

В бытность командующего Северной группой войск у маршала Рокоссовского наконец-то появилось больше времени для себя, для дома, для семьи. После служебных дел в свободные минуты его чаще всего можно было увидеть за работой на огороде, на теннисном корте и на волейбольной площадке. Он также любил ездить верхом. А вечера, как и в молодые годы, проводил за книгой.

К. К. Рокоссовский в соответствии со своим положением входил в состав Высшего Военного Совета. В этом качестве он 1 июня 1946 г. принимал участие в заседании, на котором рассматривалось «дело» маршала Г. К. Жукова. Вел заседание И. В. Сталин. Участникам заседания было зачитано письмо бывшего командующего ВВС Красной Армии главного маршала авиации А. А. Новикова, направленное им 30 апреля на имя Сталина. Этому предшествовали следующие события.

В августе 1945 г. Василий Сталин отправил своему отцу письмо, в котором содержалась жалоба на то, чт о «ВВС принимают от промышленности самолет Як-9 с дефектами, из-за которых бьется много летчиков». Тогда постановлением ГКО командующему ВВС А. А. Новикову был объявлен выговор «за невнимательное отношение к поступающим из строевых частей ВВС сигналам о серьезных дефектах самолета Як-9 с мотором 107А и отсутствие настойчивости в требованиях об устранении этих дефектов[648]».

А. А. Новиков считал, что поводом для этого послужил его

отказ представить Василия Сталина к присвоению звания генерала. Несмотря на это, под нажимом самого Иосифа Виссарионовича в начале марта 1946 г. его сын все-таки стал генералом, а строптивый Новиков был отстранен от занимаемой должности. В середине марта для проверки Военно-Воздушных Сил создается государственная комиссия под председательством заместителя министра Вооруженных Сил Н. А. Булганина. Члены комиссии, в состав которой входили видные военные деятели, в том числе маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский, нашли много недостатков в деятельности Новикова на посту командующего ВВС. Постановлением СНК СССР от 16 марта он был снят с занимаемой должности, а в апреле, несмотря на то что Новиков являлся депутатом Верховного Совета СССР, его арестовали. А. А. Новиков признал свою виновность «в еще более важных преступлениях», суть которых составляют… его связь с Жуковым и те «политически вредные» разговоры, которые велись с ним. Описание «пагубных» деяний маршала Жукова занимает несколько страниц.[649]

После того как письмо Новикова было зачитано на заседании Высшего Военного Совета, началось его обсуждение. Маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко занял твердую позицию в защите Жукова, хотя у него имелись причины обижаться на Георгия Константиновича, от которого он выслушал незаслуженные упреки в бытность командующего 3-й гвардейской танковой армией, во время штурма Берлина.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, это подтверждается и другими свидетельствами, вспоминал, что много грязи на голову Жукова, включая всякого рода бытовые подробности, вылил начальник Главного управления кадров генерал Ф. И. Голиков. Сам Конев на заседании отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный, с ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по фронту. Однако Иван Степанович категорически отверг предъявленные Жукову обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК ВКП(б). Генерал армии В. Д. Соколовский, по свидетельству Конева, «построил свое выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков честный человек, честно выполнял приказы и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера действительно нелегко».

Опровергли большинство обвинений в адрес Жукова Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, генерал армии А. В. Хрулев.

Сталин, выслушав членов Высшего Военного Совета, спросил:

– Что же будем делать с Жуковым?..

Несколько членов Высшего Военного Совета предложили снять Жукова с должности Главнокомандующего Сухопутными войсками. Итоги заседания Высшего Военного Совета были подведены в приказе министра вооруженных сил И. В. Сталина № 009 от 9 июня 1946 г[650]. В приказе говорилось: *«Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. (*подчеркнуто Сталиным. – *Авт.) утвердил предложение Высшего Военного Совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными Войсками и этим же постановлением освободил Маршала Жукова от обязанностей Заместителя Министра Вооруженных Сил».*

В приказе отмечалось, что маршал Жуков, «утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая те операции, к которым он не имел никакого отношения…» В приказе приводились «факты присвоения» Жуковым себе планов ликвидации «сталинградской группы», «крымской группы», «Корсунь-Шевченковской группы» немецких войск и др. В приказе есть пункты, которые касались и маршала Рокоссовского: «Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги Маршала Жукова при взятии Берлина, **нельзя исключать** (зачеркнуто Сталиным. – *Авт.*), **нельзя отрицать, как это делает Маршал Жуков** (написано Сталиным. – *Авт.*) **и того** (зачеркнуто Сталиным. – *Авт.*), что без удара с юга войск Маршала Конева и удара с севера войск Маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят».

Маршал Жуков был отправлен командовать войсками Одесского военного округа. Его «дело» послужило уроком для других полководцев, если бы они осмелились противоречить официально установленным взглядам на ход и исход Великой Отечественной войны.

В 1949 г. в военной карьере К. К. Рокоссовского произошел новый поворот. Он в то время отдыхал в Сочи. Неожиданно позвонил А. Н. Поскребышев:

– Товарищ Сталин дважды интересовался вами: «Три дня, как Рокоссовский на отдыхе, а нам почему-то не показывается. Не обиделся ли на нас с вами, Александр Николаевич?» Я высылаю за вами машину.

Сталин, встретив Рокоссовского, сказал:

– Здравствуйте, Константин Константинович.

Затем предложил выпить коньяку, а сам, сославшись на возраст, редкими глотками пил «Хванчкару».

– А теперь будем пить чай, да еще с вареньем – из Тифлиса прислали.

Сталин спросил о семье Рокоссовского.

– У вас, говорят, хорошая дочь. Это замечательно! А у меня…

Сталин оборвал фразу и резко изменил тему разговора, интересуясь ситуацией в Польше, где расположилась Северная группа войск. Рокоссовский рассказал. Неожиданно Сталин поднялся, подошел к Константину Константиновичу.

– Берут снова попросил вас стать министром обороны. Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета Министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтоб вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело – вернетесь на свое место.

– Я, товарищ Сталин, коммунист. Как решит ЦК, так и будет.

– Другого мы и не ждали. Давайте еще попьем чайку, а?

– С удовольствием, товарищ Сталин.

Что имел в виду И. В. Сталин, говоря об опасности «потерять» Польшу? Вероятно, можно согласиться с Р. Воффом, считающим, что на него огромное воздействие оказала независимая позиция И. Б. Тито, в результате которой произошел разрыв Советского Союза с Югославией. Делегирование Рокоссовского в польское руководство было одной из тех мер, посредством которых Сталин «намеревался предупредить поляков от подражания югославской «ереси[651]».

По мнению некоторых исследователей, «назначение Рокоссовского, с точки зрения Москвы, могло не только резко усилить советский контроль в Войске Польском, но и внедрить «своего человека» в высший эшелон ПОРП», тем самым ослабить влияние на Б. Берута настроенных в реформистском духе членов политбюро Я. Бермана, Г. Минца и Р. Замбровского[652]».

Бывший президент Польши В. Ярузельский отмечал: «Назначение Рокоссовского – трудная проблема. Его польское происхождение было широко известно; я, например, знал его сестру – она вообще всю жизнь прожила в Варшаве. Но он стал министром с должности командующего советской группой войск в Польше и на многие посты назначал советских генералов, которые не знали ни нашего языка, ни страны. Уже начиналась холодная война, и Польшу сделали частью противостояния между Востоком и Западом. Войско Польское при Рокоссовском, конечно, усилилось, но и очень увеличилось, и большая армия стоила стране колоссальных средств[653]».

Ярузельский, упоминая о назначении на многие посты «советских генералов», не преувеличивал. Генеральный штаб Советской Армии произвел отбор, подготовку и до 1951 г. откомандировал в Войско Польское в качестве командиров и начальников более 50 генералов и свыше 12 тыс. офицеров.

По мнению Р. Воффа, для многих поляков Рокоссовский оставался «символом сталинского репрессивного режима», пережив покушение одного из польских генералов[654]. В этой связи приведем свидетельство доктора исторических наук Ф. Д. Свердлова, которому К. К. Рокоссовский поведал следующее: «Нельзя сказать, что весь офицерский корпус Вооруженных Сил Польши тепло принял меня. Часто во время приездов в дивизии из глубины построенных на плацах для встречи войск слышались одиночные, а иногда и групповые выкрики: «Уезжайте в Россию!», «Долой красного маршала!». Рокоссовский подтвердил и информацию о покушении на него: «В январе 1950 г. при посещении артиллерийских частей в Люблине в меня стреляли из пистолета. Выстрел был произведен с большого расстояния, и пуля пролетела мимо. Стрелявшего не нашли. Через три месяца в Познани по моей машине дали автоматную очередь. Оказался раненым сопровождавший офицер, было разбито вдребезги заднее стекло, но я не пострадал. И на этот раз стрелявших не нашли. Выступали против меня в основном бывшие участники Армии Крайовой и формирований «Национальных Вооруженных Сил». Поэтому работать в Польше было трудно[655]».

6 ноября 1949 г. президент Польши Б. Берут заявил на совместном заседании Государственного совета и Совета Министров: «Принимая во внимание, что маршал Рокоссовский является поляком по национальности и пользуется популярностью в польском народе, мы обратились к советскому правительству с просьбой, если это возможно, направить маршала Рокоссовского в распоряжение польского правительства, для прохождения службы в рядах Войска Польского. Советское правительство, учитывая дружественные отношения, которые связывают СССР и Польшу… выразило согласие удовлетворить просьбу…[656]».

К. К. Рокоссовский был назначен министром национальной обороны ПНР. В 1950 г. его избрали членом Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии, а в 1952 г. он стал заместителем председателя Совета Министров ПНР. В своем первом приказе по Войску Польскому от 7 ноября 1949 г. маршал Рокоссовский подчеркивал: *«Мне выпало на долю в течение многих лет служить делу трудящегося народа в рядах героической Советской Армии. Волею военной судьбы я был командующим тем*

фронтом, в составе которого героически сражались на славном пути от Ленино через Варшаву, Гданьск, Гдыню, Колобжег, Поморский Вал, вплоть до Берлина солдаты вновь возникшего Войска Польского, солдаты 1-й дивизии, а позднее и 1-й армии…

Во исполнение обязанностей, возложенных на меня Страной и Президентом, во исполнение обязанностей перед польскими трудящимися и польским народом, среди которого я вырос и с которым всегда чувствовал себя связанным всем своим сердцем, а также перед братским советским народом, который воспитал меня как солдата и полководца, я принимаю доверенный мне пост, чтобы все свои силы посвятить дальнейшему развитию и укреплению нашего Войска Польского и обороны Речи Посполитой… [657]»

Одной из задач Рокоссовского на новом посту было техническое перевооружение польской армии, совершенствование ее организационно-штатной структуры, организация боевой и оперативной подготовки. Одновременно произошло увеличение численности армии с 200 тыс. человек в 1949 г. до 28 тыс. в 1955 г. В эти же годы в Польше была создана военная промышленность, построены предприятия по выпуску артиллерийской, танковой, авиационной и другой техники. Это позволило вооружить войска новой военной техникой. В их обучении Рокоссовский широко использовал свой богатый опыт, приобретенный во время службы в Советской Армии. В апреле 1950 г. был введен новый Устав внутренней службы польской армии, многие положения которого перекликались с уставом Советской Армии. В августе этого же года польский сейм принял закон о введении новой клятвы, в которой говорилось об обязанностях солдата по отношению к Народной Польше. Рокоссовский большое внимание уделял обучению и воспитанию командных, инженерно-технических и других военных кадров. В Польше были открыты Академия Генерального штаба имени Кароля Сверчевского, Военно-техническая академия имени Ярослава Домбровского, Военно-политическая академия имени Ф. Э. Дзержинского.

Все эти и другие вопросы решались при постоянной и щедрой помощи Советского Союза. Маршал Рокоссовский в этой связи отмечал в одном из приказов по армии: «Каждый поляк – патриот, каждый солдат Войска Польского знает, что только благодаря Советской Армии, благодаря ее богатому боевому опыту, благодаря ее замечательному примеру, благодаря помощи, оказанной советскими военными специалистами, мы могли избегнуть трудностей при строительстве наших вооруженных сил и в относительно короткий срок создать армию нового типа,

каковой является Войско Польское[658]».

В Польше К. К. Рокоссовский продолжал встречаться с актрисой Валентиной Серовой. На Константина Константиновича завели «дело» и вскоре о нем доложили Сталину. Он, бегло просмотрев папку, начертал на обложке: «Суворова сейчас нет. В Красной Армии есть Рокоссовский. Прошу это учесть при разборе этого дела. Сталин». Затем позвонил Константину Константиновичу в Варшаву, спросил о положении дел в Войске Польском, о взаимоотношениях министра обороны с польскими руководителями, справился о здоровье, потом неожиданно добавил:

– Не надо, Константин Константинович, продолжать роман с Валентиной Серовой. В Москве об этом много судачат. Не надо! Серова часто бывает у вас, в Варшаве. Об этом знают и ваша жена, и Симонов. Подумайте…

Несмотря на очевидные заслуги Рокоссовского в создании и развитии польской армии, отношение к нему в Польше было неоднозначным. Особенно негативным оно стало в середине 50-х годов. Тогда страну охватило идеологическое брожение, нашедшее проявление в деятельности прессы, обратившейся к освещению самых злободневных проблем, в активизации гуманитарной и творческой интеллигенции в рамках первых дискуссионных клубов и других спонтанно возникавших неформальных общественных объединений. Все громче заявляли о себе сторонники умеренных реформ и в рядах правящей Польской объединенной рабочей партии. В январе 1955 г. на ее III пленуме партийное руководство во главе с Б. Берутом подверглось резкой критике как за промахи в экономической политике, так и за попустительство бесконтрольному функционированию органов государственной безопасности, постоянно нарушавших законность. Вместе с тем вплоть до осени 1956 г. силовые структуры в Польше (армия, органы безопасности, в меньшей степени милиция и внутренние войска) продолжали контролироваться Москвой посредством развитого института советников и путем непосредственного внедрения в соответствующие службы ПНР генералов и офицеров из числа бывших граждан СССР (как правило, польского происхождения).

28 июня 1956 г. в польском городе Познани прошла демонстрация рабочих, недовольных условиями труда, низкой заработной платой и дефицитом продовольствия. Стотысячная толпа демонстрантов атаковала здания и открыла ворота городской тюрьмы, выпустив на свободу 250 заключенных. Местная милиция и правоохранительные органы оказались бессильны и не смогли предотвратить мятеж. На подавление

восстания польское правительство отправило около 10 тыс. солдат и 300 танков. Всего, по разным данным, во время восстания погибли от 58 до 100 человек, более тысячи получили ранения и около 135 мятежников были арестованы.[659]

Руководство КПСС, опасаясь радикальных перемен и, прежде всего, удаления из центральных органов ПОРП деятелей четко выраженной просоветской ориентации, прибегло к политике силового давления на Варшаву. В соответствии с приказом министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова от 18 октября Северная группа войск и Балтийский флот были приведены в повышенную степень боевой готовности.

19 октября в польскую столицу внезапно прибыла делегация КПСС в составе членов Президиума ЦК Н. С. Хрущева, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и В. М. Молотова и главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора Маршала Советского Союза И. С. Конева. Это означало, что руководство СССР готово, в случае необходимости, прибегнуть к силе. По свидетельству Хрущева маршал Рокоссовский сказал, что «антисоветские, националистические и реакционные силы выросли и что если необходимо предотвратить рост этих контрреволюционных элементов силой оружия, то он (Рокоссовский) в нашем распоряжении[660]».

В Бельведерском дворце состоялись нелегкие переговоры, результат которых отразила следующая рабочая запись заседания Президиума ЦК КПСС, заслушавшего информацию о поездке в Варшаву: *«Выход один – покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть*[661]».

20 октября на Варшаву из Западной Польши начала выдвижение советская танковая дивизия (по польским источникам – две дивизии). Делегатам пленума, потребовавшим от министра национальной обороны объяснений, Рокоссовский заявил, что это – «плановые маневры» советских войск, дислоцированных на территории страны. Подобное объяснение не удовлетворило участников пленума, и по их требованию танковая колонна была сначала остановлена, а позднее возвращена к месту постоянной дислокации.

Несмотря на то что на многих ключевых позициях в Войске Польском (начиная с должности министра обороны) находились прямые ставленники СССР, система контроля Москвы за польской армией дала сбой: ряд вооруженных частей, прежде всего внутренних войск МВД, где иностранных советников было меньше, начал подготовку к отражению наступления советских войск. Возникла реальная угроза вооруженного конфликта между

странами – союзницами по Варшавскому договору, грозившая, учитывая боеспособность Войска Польского, а также настроения в польском обществе, самыми непредсказуемыми последствиями.

Угроза вооруженного конфликта между странами, входившими в Варшавский договор, вынудила делегацию КПСС пойти на удовлетворение ряда требований внутрипартийной оппозиции. 20 октября состоялись выборы Политбюро ЦК ПОРП. Рокоссовский в его состав не вошел: из 75 участников пленума за него подали голоса только 23 человека. Первым секретарем ЦК ПОРП был избран В. Гомулка, который с трибуны пленума высказался за пересмотр польско-советских отношений на основе равноправия.

21 октября Президиум ЦК КПСС принял решение о том, чтобы отозвать советников из силовых структур Польши. На следующий день в письме, направленном в ЦК ПОРП и подписанном Н. С. Хрущевым, советская сторона выразила согласие на отзыв из Войска Польского офицеров и генералов Советских Вооруженных Сил[662]. В их числе оказался и маршал двух народов Рокоссовский. 13 ноября он подал в отставку со всех государственных постов ПНР и через два дня возвратился в Москву.

Внешне расставание было обставлено по всем нормам дипломатии. В письме, которое правительство ПНР направило в адрес маршала, говорилось:

«Товарищу Константину Рокоссовскому

Маршалу Польши

Дорогой товарищ!

Примите чувства признательности и искренней благодарности за Ваш самоотверженный труд на посту Министра обороны Польской Народной Республики и Главнокомандующего Войска Польского.

С того момента, когда Вы по просьбе Польского правительства приняли этот пост, Вы, не щадя сил, отдали все свои знания и способности для лучшего выполнения этих обязанностей.

О положительных результатах Вашей работы свидетельствует укрепление обороноспособности нашей страны и поднятие как организационного уровня, так и оснащения и обучения Войска Польского, в чем очень велик внесенный Вами вклад.

Партия и народ об этом никогда не забудут, так же как никогда не забудут Ваших подвигов и Ваш вклад в борьбу за разгром гитлеризма и освобождение Польши. Мы уверены, что и Вы, товарищ Маршал, сохраните хорошие воспоминания о Вашем сотрудничестве с нами.

Совместная деятельность и совместный труд, которые нас так сблизили, имеют прочное значение.

Желаем Вам много сил, здоровья и наилучших результатов в дальнейшей работе на благо интересов социализма, мира и прогресса – так дорогих для нас всех[663]».

Ранее, в советской и польской историографии, утверждалось, что Рокоссовский сам подал прошение об отставке с поста министра национальной обороны Польши. Так, польские историки Т. Конецки и И. Рушкевич отмечали: «В результате событий и изменений, происходивших в руководстве партии и правительстве, сложилась обстановка, в которой маршал счел необходимым, не без чувства горечи и обиды, выйти в отставку». Советская историография, освещая этот важнейший эпизод в судьбе Рокоссовского, по сути, ограничивалась лаконичной формулой: «В ноябре 1956 года он попросил Польское правительство освободить его от занимаемых должностей. Просьба Рокоссовского была удовлетворена, и с согласия Советского правительства он возвратился в СССР[664]».

К. К. Рокоссовский, вернувшись в Советский Союз, был назначен заместителем министра обороны СССР, а в июле 1957 г. – главным инспектором – заместителем министра обороны СССР. 28 октября того же года Рокоссовский принимал участие в работе Пленума ЦК КПСС с одним вопросом на повестке дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте[665]». В действительности на Пленуме острой критике подверглась деятельность маршала Г. К. Жукова на посту министра обороны СССР. Секретарь ЦК КПСС М. И. Суслов, выступая на пленуме, отмечал:

– Вскрыты серьезные недостатки и извращения в партийно-политической работе. Эти недостатки и извращения, как теперь установлено, порождены грубым нарушением партийных ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской Армии со стороны товарища Жукова. Огульное избиение командных и политических кадров, снять, списать, уволить, выгнать, содрать лампасы, содрать погоны, привыкли за 40 лет болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты. Это он говорит о политических работниках! О том, что Жуков потерял элементарное чувство скромности, говорит и такой факт. Министр поручил купить, в целях личной рекламы поставить в Музей Советской Армии написанную художником картину, представляющую такой вид: общий фон – горящий Берлин и Бранденбургские ворота, на этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных государств, а на коне величественно восседает товарищ Жуков. Товарищ Жуков игнорирует

Центральный Комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей. Товарищ Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, генерал Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров как коммунист счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра…

Слово было предоставлено начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза В. Д. Соколовскому:

– Сказать, что товарищ Жуков недопонимал и недопонимает роли партийно-политической работы в армии, это, конечно, несостоятельно и несерьезно, и те крупные ошибки, которые допущены были Жуковым, конечно, не от недопонимания, как он, выступая здесь, говорил, это неверно. Дело заключается именно в линии поведения. Эта особая линия поведения вела к тому, чтобы армию прибрать к рукам в полном смысле этого слова и через армию воздействовать тем или иным путем, я не хочу фантазировать, но воздействовать тем или иным путем, может быть, даже на Президиум ЦК…

Тут Н. С. Хрущев подал реплику:

– Жуков платил вам тем же. Он мне говорил, что надо заменить начальника Генерального штаба.

Резкие нападки на Жукова содержались в выступлении начальника Главного Политического управления СА и ВМФ генерал-полковника А. С. Желтова:

– Товарищ Жуков непомерно себя возвеличивал, и на этой почве у нас было немало схваток. Началось в 1955 году. Не появился в связи с его назначением портрет в центральных газетах. Главному Политическому управлению был произведен такой разнос, которого никто никогда вообще не видел.

Не нашлось слов в защиту Жукова и у выступивших маршалов Конева, Еременко, Бирюзова, Тимошенко, Рокоссовского.

– И я считаю себя в известной степени виновным, – говорил Константин Константинович. – И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту вину. Товарищ Жуков проводил неправильную линию, и нашей обязанностью было, как членов партии, своевременно обратить на это внимание. Я краснею, мне стыдно и больно за то, что своевременно этого не сделал и я.

После обсуждения вопроса слово было предоставлено Жукову:

– Выступая перед Пленумом Центрального Комитета, я не ставлю перед собой цель как-либо оправдать те неправильные действия, которые были у меня, те ошибки, которые были мною допущены. Я головой сейчас могу нести ответственность, вы можете назначить любую комиссию для того, чтобы подтвердить документально (пусть скажут здесь маршалы – члены ЦК, командующие): за последний период времени в армии значительно укрепились дисциплина, организованность, порядок, резко сократились чрезвычайные происшествия. Я не хочу сказать, что это моя заслуга. Работала вся партия, Центральный Комитет, партийные организации, Военные Советы, политорганы и в своей работе руководствовались не какими-то намеками или указаниями Жукова, а руководствовались всегда только указаниями Центрального Комитета. Я считал, что в нашей армии должны быть не штатные, платные политработники, а надо поднять, активизировать партийные организации. Главная, ведущая роль в нашей армии, мне казалось, должна принадлежать партийной организации.

Подводил итоги Пленума Хрущев, как всегда, выступивший с пространной речью. Красной нитью через нее проходило стремление во что бы то ни стало обвинить Жукова в намерении захватить власть в стране.

3 ноября в «Правде» было опубликовано постановление пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и на Флоте». В нем отмечалось: «При личном участии т. Жукова Г. К. в Советской Армии стал насаждаться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличили его персону и его роль в Великой Отечественной войне… Тов. Жуков не оправдал оказанного ему Партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму…» Этим постановлением Жукова вывели из состава Президиума и ЦК КПСС. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября его освободили от должности министра обороны, а постановлением Совета Министров СССР № 240 от 27 февраля 1958 г. уволили в отставку.

Вскоре за свое «мягкое выступление» понес «наказание» и Рокоссовский. Он был освобожден от должности главного инспектора – заместителя министра обороны СССР и назначен командующим войсками Закавказского военного округа. Однако уже в январе 1958 г. Константина Константиновича восстановили в прежней должности.

Это было временем резкого обострения международных

отношений. Ведущие страны Запада во главе с США, встревоженные последовательным укреплением мирового социалистического содружества, а также неуклонным ростом влияния Советского Союза на разрешение то и дело возникавших различного рода глобальных проблем, стремились «переиграть» результаты Второй мировой войны и «отбросить» социализм как общественную систему с завоеванных им позиций. С этой целью они продолжали сколачивать вокруг СССР и так называемых стран народной демократии агрессивные по своей сути региональные военные союзы. Так, в 1954 г. наряду с уже существовавшими блоком НАТО и Тихоокеанским пактом (АНЗЮС) в Юго-Восточной Азии по инициативе США был создан военный блок СЕАТО, а в следующем году – Багдадский пакт, реорганизованный в 1959 г. в блок СЕНТО. Вся эта система блоков и пактов, как показывала практика их деятельности, имела откровенно выраженную антисоветскую и в целом антисоциалистическую направленность.

Советский Союз и семь европейских стран народной демократии в ответ на образование в 1949 г. блока НАТО, обладавшего огромной военной мощью, создали 14 мая 1955 г. свой оборонительный союз, подписав в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В соответствии с ним в случае вооруженного нападения на любую из стран, подписавших Договор, все остальные его участники обязывались оказать ей немедленную и всестороннюю поддержку. Для проведения консультаций между государствами – участниками Варшавского договора был образован Политический консультативный комитет (ПКК). Созданы были также и Объединенные вооруженные силы (ОВС) с единым командованием ими. При этом каждое государство выделило в распоряжение последнего определенный контингент своих вооруженных сил, которые из подчинения национальному командованию, однако, не выводились. На основе коллективно согласованного решения главнокомандующим ОВС был назначен Маршал Советского Союза И. С. Конев, которого в июле 1960 г. сменил Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

В 50—60-е годы стремительный научно-технический прогресс привел к резким качественным изменениям в материальной базе ведения войны, вылившимся, в конечном счете, в подлинную «революцию в военном деле». Ее составной частью стало создание термоядерного оружия и ракет, оказавших решающее влияние на развитие всех сторон военного дела. Она также оказала воздействие и на стремительное качественное совершенствование обычного оружия. Все это вызвало значительные изменения во

взглядах по вопросам подготовки и ведения войн, роли и значении в них времени и пространства, театров военных действий, о формах и способах достижения военно-политических и стратегических целей войны, соотношении видов Вооруженных Сил, родов войск, характере их взаимодействия, роли и месте в общей системе вооруженной борьбы, о требованиях к боевой, морально-психологической и мобилизационной готовности войск и др.

Оснащение армии и флота новейшей военной техникой и оружием, рост их боевой мощи, укрепление и развитие дружественных связей с армиями союзных государств позволили советскому военно-политическому руководству сократить общую численность Вооруженных Сил СССР в период с 1955 по 1958 г. на 2140 тыс. человек (в их составе осталось 3623 тыс. человек). 15 января 1960 г. IV сессия Верховного Совета СССР приняла закон, предусматривавший сокращение армии и флота еще на 1200 тыс. человек.[666]

К середине 1950-х гг. Вооруженные Силы СССР уже располагали ядерным оружием различной мощности, в том числе и термоядерными (водородными) боеприпасами, а также экспериментальными данными о разрушительной и поражающей силе этого оружия, о способах и средствах защиты от него. Ракетно-ядерное оружие начало в относительно массовом количестве поступать в войска и стало определяющим образом влиять на строительство армии и флота. В декабре 1959 г. постановлением Совета министров СССР был создан новый вид Вооруженных Сил – Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).

Наряду с созданием РВСН шел процесс организационной перестройки других видов Вооруженных Сил и родов войск. Он обусловливался насыщением их ракетно-ядерными средствами борьбы и новыми, более мощными, точными и результативными обычными видами оружия и военной техники. Сухопутные войска, как и прежде, оставались самым многочисленным видом Вооруженных Сил. Их структура развивалась в направлении резкого увеличения огневой и ударной мощи частей и соединений. Сухопутные войска получали на вооружение ракетные комплексы оперативно-тактического и тактического назначения, обладавшие большой дальностью действия, точностью пусков, огромной разрушительной силой боеголовок, высокой маневренностью, а также зенитные и противотанковые управляемые ракеты. Продолжала развиваться и ствольная артиллерия, увеличивался удельный вес орудий крупного калибра, обладавших большой маневренностью, дальностью

стрельбы, более мощным снарядом. Дальнейшее развитие получила реактивная артиллерия. Увеличились боевые возможности танков. Их совершенствование направлялось по линии усиления броневой защиты и противоядерной устойчивости, увеличения запаса хода, повышения мощности и эффективности огня.

Наряду с перевооружением Сухопутных войск шел поиск их оптимальной организационной структуры. В 1957 г. из общевойсковых армий было исключено корпусное звено управления, а на базе механизированных армий вновь сформированы танковые армии, в составе которых уже не было стрелковых (мотострелковых) соединений. Моторизация и все большее насыщение войск бронированными средствами повлекли крупные изменения и в самом многочисленном роде Сухопутных войск – стрелковых войсках, которые стали именоваться мотострелковыми. В 1957 г. на базе механизированной и стрелковой дивизий было создано универсальное общевойсковое соединение – мотострелковая дивизия. В 1960 г. с принятием на вооружение ракетного комплекса тактического назначения «Луна» в составе мотострелковых дивизий начали формироваться отдельные ракетные дивизионы, вооруженные этими комплексами. В 1957 г. произошла реорганизация и танковой дивизии в направлении увеличения в ней количества танков при одновременном сокращении пехоты. В 1958 г. в целях объединения всех наземных средств ПВО, имевшихся в Сухопутных войсках, и удобства управления ими приказом министра обороны был создан новый род войск – войска противовоздушной обороны Сухопутных войск. Увеличение количества самолетов военно-транспортной авиации, совершенствование парашютно-десантной техники позволило в середине 1950-х гг. перевести воздушно-десантные дивизии с двух– на трехполковой состав. В каждую дивизию были включены отдельный истребительно-противотанковый дивизион и воздухоплавательный отряд. В 1956 г. директивой Генерального штаба расформировываются воздушно-десантные корпуса и основным тактическим соединением воздушно-десантных войск становится воздушно-десантная дивизия. Развитие войск связи, инженерных и химических войск было направлено на повышение боевого потенциала, маневренности и возможностей по обеспечению самостоятельности действий соединений, частей и группировок войск в различных условиях обстановки.

Все эти изменения главному инспектору маршалу Рокоссовскому приходилось учитывать в своей работе. Главная инспекция Министерства обороны осуществляла контроль за

подготовкой войск и поддержанием их в постоянной боевой готовности. Цель, содержание и время инспектирования, количество частей и соединений, подлежавших проверке, определялись министром обороны или назначенным им лицом. В ходе инспекторской проверки (для кораблей ВМФ – инспекторский смотр) могли проводиться инспектирование тактических, тактико-специальных и командно-штабных учений, тактических учений с боевыми стрельбами, стрельбой артиллерии и пусками ракет, бомбометанием авиации, а также занятия и выходы кораблей в море, строевые смотры и т. д.

К. К. Рокоссовский находился на посту главного инспектора немногим более четырех лет. За это время было сделано немало, но еще больше было планов. Однако реализовать их Константину Константиновичу не пришлось. Весной 1962 г. ему позвонили из Центрального Комитета КПСС и предложили выступить в одной из газет со статьей о Сталине:

– Вы же были оклеветаны и репрессированы! Кому, как не вам, рассказать о репрессиях военачальников, о крупных упущениях Сталина перед войной, о серьезных провалах в годы войны, особенно в сорок первом и сорок втором годах. Есть о чем написать, Константин Константинович!

Телефонные звонки повторялись, пока Рокоссовского не пригласили в ЦК. К удивлению маршала, он оказался в кабинете Хрущева. Тот сразу, не расспросив о службе, принялся убеждать Рокоссовского написать статью против Сталина. Выдержав резкий и грубый натиск Хрущева, маршал сказал:

– Для меня, Никита Сергеевич, Сталин велик и недосягаем. Он для меня исполин. У меня рука не поднимется, чтобы написать о Верховном Главнокомандующем что-то непотребное. Да, он ошибался, да, по его вине многие пострадали, ушли из жизни. Но под его руководством Советский Союз разгромил фашизм!

Хрущев не стал больше слушать маршала, махнул рукой, давая понять, что встреча окончена.

Рокоссовский зашел в свой рабочий кабинет, попросил принести стакан чаю, долго ходил вдоль огромного стола, пил обжигающий, крепкий чай, стараясь успокоиться после неприятной встречи с первым лицом государства. По-другому поступить он не мог – не мог написать о Сталине только плохое.

Поздно вечером, вернувшись домой, Константин Константинович поделился своими переживаниями с женой Юлией Петровной.

– Он тебе этого не простит!

– Я, по-твоему, поступил неправильно?

– Тебе решать, Костя. Конечно, не с ходу, не сразу, подумай хорошенько.

В ту ночь маршал не мог уснуть, предчувствуя надвигающуюся неприятность. Ничего не стоило Хрущеву позвонить куда следует – и жди беды…

Поднялся Рокоссовский рано, вызвал машину и поехал в министерство обороны. Поднялся в служебный кабинет, открыл дверь и увидел сидевшего за его столом Маршала Советского Союза К. С. Москаленко, занимавшего до этого пост главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения. Оказывается, еще вчера, после встречи Хрущева с маршалом Рокоссовским, президиум ЦК принял еще одно необоснованное и несправедливое решение.

Несколько дней Константин Константинович не выходил из дома – он был потрясен случившимся.

В апреле 1962 г. Рокоссовский назначается генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Эта группа, получившая в народе название «райская группа», выполняла задания министра обороны и Генерального штаба по отдельным вопросам оперативной и боевой подготовки, развития и строительства Вооруженных Сил. Она была учреждена Постановлением Совета Министров СССР от 30 января 1958 г. в целях использования в интересах обороны страны накопленных знаний и опыта лиц высшего руководящего состава. На должности генеральных инспекторов назначались Маршалы Советского Союза, Адмиралы флота Советского Союза, Главные маршалы видов Вооруженных Сил и родов войск; на должности военных инспекторов-советников – генералы армии, маршалы видов Вооруженных Сил и родов войск и адмиралы флота.

К. К. Рокоссовский, наряду со служебными делами, печатался в газетах «Правда», «Известия» и «Красная Звезда», в «Литературной газете», в «Военно-историческом журнале» и др. Он, уделяя большое внимание вопросам обучения и воспитания воинов, отмечал: *«Высокое сознание своего долга перед Родиной, мастерство, организованность и строгое выполнение приказов начальников обуславливают в огромной степени успех боевой деятельности нашего воина. Но этого еще недостаточно, чтобы стать героем в современном бою. Ко всем этим качествам нужно приложить отличное знание боевой техники, умелое владение вверенным оружием, мастерство, физическую выносливость. Современное оружие, особенно ракетно-ядерное, требует от воина больших знаний, умения быстро и четко управлять различного рода механизмами, аппаратурой. Боевая обстановка может*

потребовать в считаные минуты и даже секунды произвести сложные расчеты и сложные действия. Однако, невзирая на исключительное напряжение, воин должен действовать осмысленно, разумно, четко[667]».

Рокоссовский считал своим долгом передачу боевого опыта молодежи. *«Нам надо лучше, систематически, с чувством патриотической гордости знакомить молодежь с героями революционной борьбы, героями минувших войн,* – писал Константин Константинович, – *с жизнью замечательных людей страны и на этом воспитывать у воинов высокие нравственные качества. Пусть у каждого военнослужащего никогда не угасает стремление подражать героическим сынам родного народа, умножать их славу и славу своего Отечества. Пусть тот, кто допустил аморальный поступок, нарушил дисциплину, – пусть он поймет, что этим самым опозорил не только свое собственное имя, но и имя и славу своих отцов и старших братьев, очернил светлую память тех, кто отдал свои силы, знания и жизнь торжеству высоких идеалов коммунизма».*[668]

Рокоссовский вел большую переписку с молодежью. Вот что он писал в 1963 г. следопытам из Воркуты: *«Дорогие молодые друзья! Благодарю вас за присланное мне письмо и признаюсь, оно меня очень растрогало. Но вы по молодости и восторженности несколько преувеличиваете мои заслуги… Если мое поведение и поступки могут служить примером для вас – это будет высшей наградой…*[669]»

В Москве К. К. Рокоссовский проживал на улице Грановского. Его квартира располагалась на четвертом этаже. В кабинете стоял большой стол, за которым Константин Константинович работал. На столе массивный письменный прибор из серого мрамора, портрет Ленина, шкатулка из слоновой кости для папирос «Казбек». День у него начинался с зарядки, которая помогала ему сохранять бодрость на протяжении всех суток, наполненных встречами и беседами с людьми.

Здесь, в Москве, Рокоссовский встречался, хотя и нечасто, с дочерью Надеждой. Она родилась в январе 1945 г. в городке Мензижец. С ее матерью военврачом Г. В. Талановой маршал сохранил добрые отношения. В августе 1988 г. С. И. Мозжухин, бывший шофер Константина Константиновича, предпринял попытку подружить две ветви Рокоссовских. В день 45-летия Курской битвы он привез в Свободу Константина – сына Ады Константиновны, ушедшей из жизни в 1978 г., и Надежду Константиновну. Со слезами радости смотрел Сергей Иванович, как эти два удивительно похожих на прославленного маршала человека тихо сходили по ступеням землянки командного пункта

Центрального фронта.

После того как Рокоссовского перевели в группу генеральных инспекторов, он взялся за написание мемуаров. Как и другие полководцы, Константин Константинович столкнулся с политической конъюнктурой. Об этом он с горечью говорил главному маршалу авиации А. Е. Голованову: «Мы свое дело сделали, и сейчас мы не только не нужны, но даже мешаем тем, кому хочется по-своему изобразить войну».

Когда рукопись вчерне была готова, естественно, встал вопрос о названии. Рокоссовский деликатно, но твердо отклонил десятка два вариантов, показавшихся ему излишне пафосными, выспренними, и остановился на том, который лег на обложку книги – «Солдатский долг».

Но ему не суждено было увидеть свой труд вышедшим в свет. За несколько месяцев до появления книги тяжелая и безжалостная болезнь, с которой человечество не научилось еще бороться, оборвала жизнь Константина Константиновича Рокоссовского. 3 августа 1968 года, в 54-годовщину службы в армии, его не стало…

Память о маршале К. К. Рокоссовском бережно хранят в России. Другое отношение к нему в Польше. В 2004 г. горсовет польского города Гдыня принял решение о лишении Рокоссовского звания почетного гражданина. Мэр города Шчурек, обосновывая этот шаг, говорил: «В глазах поляков итоги деятельности маршала Рокоссовского выглядят негативно». Это же решение относилось и к главному маршалу бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняну и контр-адмиралу Н. И. Шабликову. На руководство Гдыни не возымели эффекта аргументы российских дипломатов о том, что лишение советских военачальников звания почетных граждан абсурдно исторически, контрпродуктивно политически, а накануне 60-летия Победы – еще и кощунственно.

Для россиян имя Рокоссовского священно. В октябре 1967 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Курска». Во время празднования 62-й годовщины Курской битвы в Курске был открыт памятник Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому. Газета «Курская правда» 24 августа 2005 г. информировала своих читателей о том, что среди почетных гостей были праправнучка маршала Ариадна Рокоссовская, ее отец, внук маршала Константин и Надежда Константиновна Рокоссовская. Губернатор Курской области А. Н. Михайлов тепло поздравил гостей и всех курян с праздником – годовщиной победы в Курской битве и открытием памятника легендарному маршалу. «Наша задача – навечно сохранить для потомков память об этом замечательном человеке и выдающемся военачальнике, –

сказал он. – Это наш моральный долг перед павшими и живыми героями Великой Отечественной войны, перед старшим поколением».

Ариадна Рокоссовская поблагодарила ветеранов войны, руководство области и города, всех курян за то, что здесь чтят память Константина Константиновича Рокоссовского, любят и ценят маршала.

В декабре 2006 г. в ряде городов России, Республики Беларусь, Украины состоялись торжественные мероприятия, посвященные 110-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Приведем лишь несколько фактов.

В столице Российской Федерации Московский дом национальностей и Союз писателей России провели вечер памяти Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. На вечер были приглашены: Б. Очкин, ветеран Великой Отечественной войны гвардии полковник в отставке; М. Борисов, Герой Советского Союза; Б. Леонов, доктор филологических наук, профессор; С. Семанов, историк, писатель; В. Середин, секретарь Союза писателей России, издатель книги-альбома о К. К. Рокоссовском; Я. Скрипков, народный художник России, автор портрета К. К. Рокоссовского.

В Зеленограде во Дворце творчества детей и молодежи собрались со всех административных округов Москвы люди, занимающиеся военно-патриотическим воспитанием молодежи, представители управ, муниципалитетов, педагоги, школьники Москвы, Зеленограда, Курска, Великих Лук, представители военно-патриотических клубов, фронтовики Великой Отечественной войны, дочь маршала Надежда Константиновна Рокоссовская, его внук Константин Вильевич Рокоссовский и их семьи. Н. К. Рокоссовская поблагодарили организаторов торжества, зеленоградцев за память о маршале и создание ему замечательного памятника в городе. На его установку ветераны собрали около 300 тыс. рублей.

В городе Сухиничи Калужской области, почетным гражданином которого является Константин Константинович, во вновь созданном сквере имени полководца был торжественно открыт памятник Рокоссовскому (скульпторы народный художник России В. М. Белов и его сын Д. В. Белов). Средства на возведение памятника выделили предприятия и организации, ветераны, все желающие жители города. Финансовая помощь также поступила из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, других городов России.

В Гомеле, почетным гражданином которого с 1967 г. является К. К. Рокоссовский, на открытой площадке Музея военной славы

состоялся митинг, участники которого возложили цветы к установленному здесь бюсту Константина Рокоссовского. В одном из залов музея, посвященном периоду Великой Отечественной войны, прошел круглый стол. В своих выступлениях председатель Гомельского областного Совета депутатов Валерий Селицкий, ветераны Великой Отечественной войны кандидат педагогических наук Семен Шакаров, Герой Советского Союза, бывший военный летчик, участник Парада Победы в Москве Григорий Денисенко и другие рассказывали о ярком пути выдающегося полководца.

Торжественное мероприятие, посвященное маршалу К. К. Рокоссовскому, было проведено в декабре 2006 г. в г. Новоград-Волынский при поддержке Представительства Росзарубежцентра в Украине.

Жизненный путь маршала К. К. Рокоссовского – пример для подражания. Его целеустремленность, верность выбранному пути и чувство долга – это те ориентиры, к которым должно стремиться нынешнее поколение россиян.

Приложения

Основные даты жизни и деятельности К. К. Рокоссовского

1896 г.

8(20) декабря. Константин Константинович Рокоссовский родился (по одним данным, в городе Великие Луки, по другим – в Варшаве).

1909 г.

После окончания четырехклассного городского училища устроился на работу на чулочной фабрике.

1910 г.

Рокоссовский стал помощником каменотеса в мастерской по изготовлению памятников.

1914 г.

2 августа. Рокоссовский вступил охотником в 5-й Каргопольский драгунский полк.

8 августа. Рокоссовский отличился во время разведки противника и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за № 9841.

1915 г.

20 июля. За отличия в боях у местечка Трашкуны Рокоссовский награжден Георгиевской медалью 4-й степени.

13 августа. Рокоссовскому присвоено воинское звание ефрейтор.

1916 г.

6 мая. За отличие во время разведывательного поиска Рокоссовский награжден Георгиевской медалью 4-й степени № 168310. По ходатайству командира 5-го Каргопольского драгунского полка награда заменена Георгиевской медалью 3-й степени.

Октябрь. Рокоссовский направлен в учебную команду.

1917 г.

29 марта. Рокоссовский за отличия в боях произведен в младшие унтер-офицеры.

Октябрь. Рокоссовский избран в полковую Георгиевскую думу, где исполнял обязанности секретаря.

Декабрь. Рокоссовский вступил в Красную гвардию.

1918 г.

Начало января. Рокоссовский избран помощником командира Каргопольского красногвардейского отряда.

Сентябрь. Рокоссовский назначен командиром эскадрона 1-го Уральского кавалерийского полка.

1919 г.

Конец января. Рокоссовский назначен командиром 1-го эскадрона Сводного Уральского имени Володарского кавалерийского полка.

7 марта. Рокоссовский вступил в члены РКП(б).

Конец мая. Рокоссовский назначен командиром 2-го Уральского отдельного кавалерийского дивизиона Сводного Уральского имени Володарского кавалерийского полка.

25 мая – 12 июня. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Сарапуло-Воткинской наступательной операции.

21 июня – 1 июля. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Пермской наступательной операции.

5—20 июля. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Екатеринбургской наступательной операции.

20 августа – 2 октября. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Тобольско-Петропавловской наступательной операции.

14 октября – 4 ноября. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Петропавловской наступательной операции.

4—16 ноября. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Омской наступательной операции.

8 ноября – 20 декабря. Рокоссовский после тяжелого ранения находился на излечении в госпитале города Ишим.

1920 г.

2—7 января. 2-й Уральский отдельный кавалерийский дивизион под командованием Рокоссовского принимает участие в Красноярской наступательной операции.

23 января. Рокоссовский назначен командиром 30-го кавалерийского полка 30-й кавалерийской дивизии 5-й отдельной армии.

3—4 апреля. Приказом реввоенсовета 5-й армии № 128 Рокоссовский за отличия в бою под селом Вакоринское награжден орденом Красного Знамени № 1717.

18 августа. Рокоссовский назначен командиром 35-го кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии 5-й отдельной армии.

1921 г.

Февраль. 35-й кавалерийский полк переформирован в 35-й

отдельный кавалерийский дивизион, командиром которого стал Рокоссовский.

2 июня. В бою против казачьей бригады генерала Резухина под станицей Желтуринская Рокоссовский получил ранение. За этот бой он награжден вторым орденом Красного Знамени.

Август. 35-й отдельный кавалерийский дивизион развернут в 35-й кавалерийский полк под командованием Рокоссовского.

Декабрь. Рокоссовский назначен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

1922 г.

Июль. В связи с преобразованием 5-й Кубанской кавалерийской дивизии в 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду Рокоссовский назначен командиром 27-го кавалерийского полка этой бригады.

Август – октябрь Рокоссовский временно командует отдельной Дальневосточной бригадой.

1924 г., сентябрь – 1925 г., август – Рокоссовский слушатель Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава (ККУКС).

1925 г.

6 сентября. Рокоссовский вступил в командование 75-м кавалерийским полком 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады.

1926 г.

1 июля. Рокоссовский направлен в Монголию в качестве военного инструктора 1-й кавалерийской дивизии Монгольской народно-революционной армии.

1928 г.

Октябрь. Рокоссовский назначен командиром и комиссаром 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады.

1929 г.

Январь – апрель. Рокоссовский слушатель Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии им. М. В. Фрунзе.

17—20 ноября. 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада под командованием Рокоссовского принимает участие в Маньчжуро-Чжалайнорской наступательной операции.

1930 г.

Рокоссовский назначен командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии Белорусского военного округа.

13 февраля. Рокоссовский за отличия в боях на КВЖД награжден орденом Красного Знамени.

1932 г.

22 февраля. Рокоссовский вступил в командование 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригадой Забайкальской группы войск.

Март. 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада развернута в 15-ю кавалерийскую дивизию под командованием Рокоссовского.

1933 г., осень – Рокоссовский награжден орденом Ленина.

1935 г.

Сентябрь. Рокоссовскому присвоено воинское звание комдив.

1936 г. – Рокоссовский назначен командиром 5-го кавалерийского корпуса Ленинградского военного округа.

1937 г.

17 августа. Рокоссовский арестован и по ложному обвинению направлен в спецлагерь.

1940 г.

22 марта. Рокоссовского освободили из заключения «в связи с прекращением дела» и полностью восстановили в правах.

Июнь. Рокоссовский прикомандирован к штабу Киевского Особого военного округа, а затем вступил в командование 5-м кавалерийским корпусом.

Декабрь. Рокоссовский назначен командиром 9-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа.

1941 г.

22 июня – 6 июня. Рокоссовский, командуя 9-м механизированным корпусом, принимает участие в Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операции войск Юго-Западного фронта.

18 июля. Рокоссовский назначен командующим оперативной группой войск Западного фронта, которая участвовала в Смоленском оборонительном сражении (10 июля – 10 сентября 1941 г.).

23 июля. Рокоссовский награжден орденом Красного Знамени.

7 августа. Рокоссовский назначен командующим 16-й армией Западного фронта.

11 сентября. Рокоссовскому присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

30 сентября – 5 декабря. Рокоссовский руководит действиями 16-й армии в ходе Московской стратегической оборонительной операции.

1941 г., 5 декабря – 1942 г., 7 января.

Рокоссовский руководит действиями 16-й армии в ходе Московской стратегической наступательной операции.

1942 г.

9 марта – 20 мая. Рокоссовский находится на излечении в госпитале после тяжелого ранения, полученного в Сухиничах.

13 июля. Приказом № 170507 Ставки ВГК Рокоссовский назначен командующим войсками Брянского фронта.

13—24 июля. Рокоссовский руководит действиями войск Брянского фронта в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции.

28 сентября. Приказом № 994209 Ставки ВГК Рокоссовский назначен командующим войсками Донского фронта.

1 октября – 18 ноября. Рокоссовский руководит войсками Донского фронта в ходе Сталинградской стратегической оборонительной операции (17 июля – 18 ноября).

1942 г., 19 ноября – 1943 г., 2 февраля.

Рокоссовский руководит войсками Донского фронта в ходе Сталинградской стратегической наступательной операции.

1943 г.

15 января. Рокоссовскому присвоено воинское звание генерал-полковник.

5 февраля. Рокоссовский награжден орденом Суворова 1-й степени; директивой № 46056 Ставки ВГК назначен командующим войсками Центрального фронта.

25 февраля – 28 марта. Руководит действиями войск Центрального фронта на севском направлении.

28 апреля. Рокоссовскому присвоено воинское звание генерал армии.

5—23 июля. Рокоссовский руководит действиями войск Центрального фронта в ходе Курской стратегической оборонительной операции.

12 июля – 18 августа. Рокоссовский руководит действиями войск Центрального фронта в ходе Орловской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Кутузов»).

26 августа – 30 сентября. Рокоссовский руководит действиями войск Центрального фронта в ходе Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции.

20 октября. Рокоссовский назначен командующим войсками Белорусского фронта.

10—30 ноября. Рокоссовский руководит действиями войск Белорусского фронта в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции.

1944 г.

8—30 января. Рокоссовский руководит действиями войск Белорусского фронта в ходе Калинковичско-Мозырской наступательной операции.

17 февраля. Приказом Ставки ВГК № 220027 Белорусский

фронт переименован в 1-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского.

21—26 февраля. Рокоссовский руководит действиями войск 1-го Белорусского фронта в ходе Рогачевско-Жлобинской наступательной операции.

23 июня – 29 августа. Рокоссовский руководит действиями войск 1-го Белорусского фронта в ходе Белорусской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Багратион»).

24—29 июня. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского провели Бобруйскую наступательную операцию.

29 июня. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рокоссовскому присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

29 июня – 4 июля. 1-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского частью сил принимал участие в Минской наступательной операции.

18 июля – 2 августа. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского провели Люблин-Брестскую наступательную операцию.

29 июля. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рокоссовскому «за образцовое выполнение боевых заданий по руководству операциями фронтов» присвоено звание Героя Советского Союза.

12 ноября. Приказом № 220263 Ставки ВГК Рокоссовский назначен командующим войсками 2-го Белорусского фронта.

1945 г.

14—26 января. Войска 2-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского провели Млавско-Эльбингскую наступательную операцию.

10 февраля – 4 апреля. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского принимали участие в Восточно-Померанской стратегической наступательной операции.

31 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рокоссовский «за искусное руководство крупными операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск», награжден орденом «Победы».

16 апреля – 8 мая. Войска 2-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского участвовали в Берлинской стратегической наступательной операции.

1 июня. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рокоссовский «за образцовое выполнение боевых заданий

Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга и достигнутые в результате этих операций успехи» награжден второй медалью «Золотая Звезда».

10 июня. Полевое управление 2-го Белорусского фронта переименовано в управление Северной группы советских войск под командованием Рокоссовского.

24 июня. Рокоссовский командует Парадом Победы в Москве.

1949 г.

7 ноября. Рокоссовский вступил в должность министра национальной обороны Польской Народной Республики.

1950 г.

Рокоссовский избран членом Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии.

1952 г.

Рокоссовский назначен заместителем председателя Совета Министров Польской Народной Республики.

1956 г.

13 ноября. Рокоссовский освобожден от должности министра национальной обороны Польской Народной Республики; после возвращения в Москву он был назначен заместителем министра обороны СССР.

1957 г.

Июль. Рокоссовский назначен главным инспектором – заместителем министра обороны СССР.

Октябрь. Рокоссовский освобожден от должности главного инспектора —заместителя министра обороны СССР и назначен командующим войсками Закавказского военного округа.

1958 г.

Январь. Рокоссовский снова назначен главным инспектором – заместителем министра обороны СССР.

1962 г.

Апрель. Рокоссовский назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1968 г.

3 августа. Кончина К. К. Рокоссовского.

Автобиография К. К. Рокоссовского

Родился в городе Варшава в 1896 году в рабочей семье. Отец – рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 году. Мать – работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году. Никаких родственников за границей не имею и не имел. Женат на уроженке города Кяхта БМ АССР. Отец жены состоял в артели ломовых извозчиков, перевозя грузы на участке Кяхта – Улан-Удэ. Умер в 1933 году. Мать – домашняя хозяйка. Умерла в 1934 году. Жена до Октябрьской революции училась в Кяхтинской гимназии. С 1919-го до выхода замуж (1923 г.) работала в Кяхтинской городской библиотеке. В настоящее время один брат работает бухгалтером в Новосибирске, второй – шофером в Кяхте, третий – чертежником в инженерной академии в Москве. Сестры: одна работает в Новосибирске на почте, другая замужем за командиром пограничной заставы (Средняя Азия), третья за старшим политруком – работником БУРКА в г. Москве и четвертая за слушателем академии моторизации и механизации в г. Москве.

Самостоятельно начал работать с 1909 года. Работал рабочим на чулочной фабрике в г. Варшаве (предместье Прага) до 1911 года и с 1911 года до августа 1914 года работал каменотесом на фабрике Высоцкого в г. Гройцы Варшавской губернии.

Окончил четырехклассное городское училище в 1909 году в г. Варшаве (предместье Прага).

С августа 1914 года – на военной службе в старой армии рядовым и младшим унтер-офицером (в 5-м драгунском Каргопольском полку 5-й кавдивизии), в котором прослужил без перерыва до октября месяца 1917 года. В октябре 1917 года вступил добровольно в Красную гвардию в Каргопольский красногвардейский отряд рядовым красногвардейцем, а в ноябре 1917 года был избран помощником начальника этого отряда. В августе 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк, в котором я получил назначение командиром 1-го эскадрона.

В феврале 1919 года полк переформирован во 2-й Уральский отдельный кавдивизион 30-й стрелковой дивизии – назначен командиром этого дивизиона. В январе 1920 года дивизион развернулся в 30-й кавалерийский полк 30-й стрелковой дивизии, я назначен командиром этого полка. В августе 1920 года с должности командира 30-го кавполка переведен на должность командира 35-го кавполка 35-й стрелковой дивизии. В октябре 1921 года переведен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской

кавалерийской дивизии.

В октябре 1922 года в связи с переформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады. В июле 1926 года назначен инструктором отдельной Монгольской кавдивизии (МНР) г. Улан-Батор. В этой должности пробыл до июля 1928 года и был назначен командиром-комиссаром 5-й Отдельной Кубанской кавбригады (Даурия). В феврале 1930 года переведен на должность командира-комиссара 7-й кавдивизии 3-го кавкорпуса.

В феврале 1932 года переведен на должность командира-комиссара 15-й Отдельной Кубанской кавдивизии (Даурия). В мае 1936 года переведен на должность командира-комиссара 5-го кавкорпуса.

Участвовал в боях: в составе Каргопольского красногвардейского кавотряда в должности помначотряда – в подавлении контрреволюционных восстаний в районе Вологды, Буя, Галича и Солигалича с ноября 1917 года по февраль 1918 года. В боях с гайдамаками, анархобандитскими отрядами Ремнева и в подавлении анархистских контрреволюционных выступлений в районе Харьков, Унеча, Михайловский хутор, Карачев-Брянск с февраля 1918 г ода по июль 1918 года.

С июля 1918 года в составе этого же отряда переброшен на восточный фронт под Свердловск и участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Свердловском, ст. Шамары и Шаля до августа 1918 года.

С августа 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк – назначен командиром 1-го эскадрона. С августа 1918 года занимал последовательно командные должности: командира эскадрона 1-го Уральского имени Володарского кавполка, командира 2-го Уральского отдельного кавдивизиона, командира 30-го кавалерийского полка, находясь на Восточном фронте (3-я и 5-я армии), участвовал в боях до полного разгрома колчаковской белой армии и ликвидации таковой. В 1921 году участвовал в боях против белогвардейских отрядов барона Унгерна до полной их ликвидации, состоя в должности командира 35-го кавполка.

В 1923 и 1924 гг. участвовал в боях против вышедших на территорию СССР (Забайкалье) белогвардейских банд генерала Мыльникова, полковников Деревцова, Дуганова, Гордеева и есаула Щедрина до полного их уничтожения (был начальником Сретенского боевого участка). В 1929 году, командуя 5-й Отдельной Кубанской кавбригадой, участвовал в боях под г. Маньчжурией, Чжалайнором-Хайларом…

Гражданскую войну провел, находясь в строю на фронте без всяких перерывов. Дважды ранен. За боевые отличия на фронте трижды награжден орденом Красного Знамени. За высокие достижения в области боевой подготовки частей награжден орденом Ленина.

Состоя на службе в РККА, окончил ККУКС в 1925 году в городе Ленинграде. Окончил КУВНАС при академии имени Фрунзе в г. Москве в 1929 году. Окончил кружок марксистско-ленинской подготовки при ККУКС в г. Ленинграде в 1925 году.

В ВКП(б) вступил в марте 1919 года, в парторганизацию 2-го Уральского отдельного кавдивизиона (30 сд), которой и был принят. Партбилет № 3357524. Партийным взысканиям не подвергался. В других партиях не состоял. Ни в каких антипартийных группировках не состоял и никогда от генеральной линии партии не отклонялся и не колебался. Был стойким членом партии, твердо верящим в правильность всех решений ЦИКа, возглавляемого вождем тов. Сталиным.

В белых армиях не служил. В плен не попадал. За участие в первомайской рабочей демонстрации в 1912 году подвергнут месячному тюремному заключению. С июля 1926 года по июль 1928 года был в г. Улан-Баторе (МНР) в качестве инструктора Монгольской кавдивизии. С августа 1937 года по март 1940 года находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела.

Комдив *РОКОССОВСКИЙ*
4 апреля 1940 года.
(См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 86—87).

Список использованной литературы и источников

Андроников Н. Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге. / Военно-исторический журнал. 1993. № 8.

Антипенко Н.А. На главном направлении. – М., 1971.

Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил-Воин, 1995.

Армия Советская. – М., 1969.

Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. – М., 1984.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: «Голос», 2000.

Батов П. И. В походах и боях. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Воениздат, 1974.

Белов М. И. Маршалы Победы. – М., 1995.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1.

Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. – Ростов-Дон, 1999.

Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.

В боях рожденная. Боевой путь 5 армии (1918—1920): Сборник документов. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985.

Василевский А. М. Дело всей жизни. – М., 1989. Т. 1.

Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. – М.: Издательство «Библиотека», «Мосгорархив», 1995.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М., Наука, 1999.

Военная мысль. 1985. № 10.

Военно-исторический журнал. 1971. № 9.

Военно-исторический журнал. 1988. № 8.

Военно-исторический журнал. 1989. № 8.

Военно-исторический журнал. 1990. № 12.

Военно-исторический журнал. 1991. № 11.

Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

Война и революция. – М., 1931. Кн. 12.

Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. – М.: Новости, 1992.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949—1953): очерки истории. – М., 2002.

Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). – М., 1965.

Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963.

Ворошилов К. Е. Оборона СССР. – М., 1937.

Временный Полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). – М., 1937.

Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. – М.: Мосгорархив, 1994.

Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942. / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие. – М., 2003.

Генеральный штаб Российской армии: история и современность. – М.: Академический Проект, 2006.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная… – М.: ООО «Дельта НБ», 2004.

Горбатов А. В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1989.

Гот Г. Танковые операции. Пер. с нем. – М., 1961.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. —М.: Воениздат, 1993.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск, «Русич», 2003.

Дайнес В. О. Жуков. – М.: Молодая гвардия, 2005.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. – М.: Наука, 1973. Т. 2.

Дерр Г. Поход на Сталинград. – М., 1957.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963.

Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). – М.: Воениздат, 1969.

Дни войны в документах. / Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990.

Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-померанская наступательная операция советских войск. Февраль-март 1945 г. Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1960.

Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. В 3-х т. Т. 2. – М., 1962.

Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. В 3-х т. Т. 3. – М., 1962.

Известия. 1990. 30 апреля.

Известия. 1992. 9 мая.

Известия. 2001. 22 июня.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 4.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. – М., 1993.

История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1973. Т. 1.

История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1975. Т. 4.

История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1975. Т. 5.

История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1977. Т. 7.

История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. – М., Воениздат, 1978. Т. 9.

История отечественной артиллерии. – М.; Л.: 1964. Т. 3. кн. 8.

Казаков В. И. На переломе. – М.: Воениздат, 1962.

Какурин Н. Е. Характер и метод нашей военно-научной работы / Военный вестник. 1922. № 3.

Калашник М. Х. Испытание огнем / Лит. ред. Н. Бакаева. 3-е изд. – М.: Мысль, 1985.

Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984.

Коммерсантъ. 2006. 28 июня.

Комсомольская правда. 2005. 26 апреля.

Конев И. С. Записки командующего фронтом. – М.: «Голос», 2000.

Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию / Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2—15; № 3. С. 4—17; № 4. С. 2—17; № 5. С. 2—15; № 6. С. 2—7.

Конецки Т., Рушкевич И. Маршал двух народов. – Варшава, 1980.

Константинов К. Рокоссовский. Победа НЕ любой ценой. – М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. канд. ист. наук В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза 1917—1968. – М., 1969.

Красная звезда. 1996. 21 декабря.

Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Кудреватых Л. Зрелость таланта. Константин Константинович Рокоссовский // Люди бессмертного подвига. Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза. / Изд. 4-е, испр. и доп. —М.: Политиздат, 1975. Книга 2.

Кузнецов А. А. Энциклопедия русских наград. – М.: Голос-пресс, 2002.

Курская битва. Хроника, факты, люди. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 2.

Лопуховский Л. Вяземская катастрофа 41-го года. – М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Манштейн Э. Утерянные победы. / Пер. с нем. – Смоленск: «Русич», 2003.

Маршал Жуков. Каким мы его помним. – М., 1989.

Меллентин Ф. В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. Пер. с нем. / М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Издательство «Полигон», 2003.

Мороз В. Из когорты титанов. К 110-летию со дня рождения К. К. Рокоссовского / Красная звезда. 2006. 21 декабря.

Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976.

Назаревич Р. Варшавское восстание: 1944 год / Пер. с польск. – М., 1989.

Накануне войны. Материалы совещания высшего

руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. – Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). – М.: «ТЕРРА», 1993.

Начальный период Великой Отечественной войны. Выводы и уроки. – М.: Изд. ВАГШ, 1989.

Невзоров Б. И. Московская битва: феномен Второй мировой. – М.: «СмДиПресс», 2001.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003.

Ориентир. 1988. № 20.

Островский А. Палачи или жертвы? / Советский воин. 1990. № 4.

Партизанское движение /По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. – Жуковский; Кучково поле, 2001.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. – М., 1976. Т. 1.

Пограничные войска СССР. 1929—1938: Сб. док. и мат. – М., 1972.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. – М.: Молодая гвардия, 1971.

Пономарев А. Н. Дружба маршалов выше обид: Г. К. Жуков – К. К. Рокоссовский. – Три маршала Победы. – М., 1999.

Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…». – М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Правда. 1940. 29 июня.

Пухов Н. П. Годы испытаний. – М.: Воениздат, 1959.

50 лет Вооруженных Сил СССР. – М., 1969.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. – М., 1964.

Расправа. Прокурорские судьбы. – М.: Юрид. лит., 1990.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Пер. с нем. – М., 1980.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю. В. Рубцов. – М.: Вече, 2007.

Руденко С. И. Крылья Победы. 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 1985.

Русский архив. 1994. № 14.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4—1). – М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4—3). – М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) –

М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4—5). – М.: Терра, 1995.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). – М.: «ТЕРРА», 1996.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5—2). – М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5—3). – М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). – М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23(12—1). – М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1942 год. Т. 23(12—2). – М.: ТЕРРА, 1999.

Русский Newsweek. 2005. № 16 (46). 1—15 мая.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. —М.: Воениздат, 1948.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. —М.: Воениздат, 1957.

Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Т. 3, январь – декабрь 1943 г. – М.: Воениздат, 1969.

Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг. – М., 1956. Вып. 4.

Свердлов Ф. Д. Неизвестное о советских полководцах. – М., 1995.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. – М., 1989.

«Совершенно секретно! Только для командования»». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. – М., 1984. Т. 2.

Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сб. док. – М., 1930.

Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. – М., 1957.

СССР и Польша: октябрь 1956-го. / Исторический архив. 1996. № 5—6.

Сталин И. В. «Современная армия – армия наступательная». Выступления И. В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. Печенкин А. А. / Исторический архив. 1995. № 2.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1953.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2.

Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. – М.: «Звонница-МГ», 2000.

Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. – М., 1961.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937—1938. – М., 1998.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М., 1966.

Сульянов А. К. Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие. – Мн.: Харвест, 2002.

Типпельскирх. К. История Второй мировой войны. – М.: Иностранная литература, 1956.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

Тухачевский М. Н. Избранные произведения. – М., 1964. Т. 2.

Тюленев И. В. Через три войны. Изд. 2-е испр. и дополн. – М.: Воениздат, 1972.

Тюленева Н. Дорогами памяти. / Коневодство и конный спорт. 2001. № 1.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. – М.: Воениздат, 1961.

Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. № 9.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1984.

Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Хетагуров Г. И. Исполнение долга. – М., 1977.

Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. – М., 1955. Т. 6.

Чуев Ф. И. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. – М., 1998.

Чуйков В. И. Миссия в Китае. – М.: Воениздат, 1983.

Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Шарипов А. А. Черняховский. Изд. 2-е. – М.: Молодая гвардия, 1980.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1981.

Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). – М.: Эллис Лак, 1993.

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Stuttgart, 1983. Bd. 4.

Jeske H. Partisanen gegen die Eisebahn // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1953. Hf. 10.

Khrushchev Remembers. The Last Testament. Little, Brown and Company. – Boston, 1974.

Woff R. Rokossovsky. – Stalin's generals. Ed. by H. Shukman. London – New York, 1993.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 32, 167, 1519.

РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 507.

РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3165.

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 6, 13, 72.

РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 15.

РГВА. Ф. 7. Оп. 3. Д. 9.

РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1290.

РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450.

РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 174.

РГВА, Ф. 32871. Оп. 1. Д. 11.

РГВА. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 32.

РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 4.

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 2. Оп. 920266. Д. 1.

notes

Примечания

1

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 16.

2

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 18.

3

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 24.

4

Тюленева Н. Дорогами памяти. / Коневодство и конный спорт. 2001. ‡ 1.

5

Цит. по: Тюленев И. В. Через три войны. Изд. 2-е испр. и дополн. – М.: Воениздат, 1972. С. 46.

6

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 32.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 37.

8

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 37.

9

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. —М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 37.

10

См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). – М.: Воениздат, 1969. С. 97—98.

11

Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 66.

12

См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). – М.: Воениздат, 1969. С. 542—543.

13

Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С.

14

Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С.

15

См.: Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. – М., 1957. С. 167.

16

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 70.

17

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 71.

18

С 27 ноября 1919 г. 30-я стрелковая дивизия входила в состав 5-й армии Восточного фронта.

19

РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1480. Л. 150.

20

Цит. по: Константинов К. Рокоссовский. Победа НЕ любой ценой. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 27.

21

РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1290. Л. 27.

22

Цит. по: В боях рожденная. Боевой путь 5 армии (1918—1920): Сборник документов. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. С. 250.

23

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 93, 97.

24

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 96.

25

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 98.

26

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 97—98.

27

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 98.

28

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 99 – 100.

29

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 100.

30

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 102—103.

31

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 104.

32

Цит. по: Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга…. – М.: Эллис Лак, 1993. С. 231.

33

См.: Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. В 3-х т. Т. 3. – М., 1962. С. 751—752.

34

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 106.

35

Цит. по: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963. С. 616.

36

РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 5; Д. 167. Л. 5.

37

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 118.

38

Цит. по: Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. – М., 1984. С. 86.

Цит. по: Советский воин. 1988. ‡ 20. С. 44.

См.: Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. канд. ист. наук В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 20.

41

Цит. по: Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сб. док. – М., 1930. С. 38.

42

См.: Пограничные войска СССР. 1929—1938: Сб. док. и мат. – М., 1972. С. 340.

43

См.: Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. канд. ист. наук В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 47.

44

См.: Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. канд. ист. наук В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 90, 92—93.

45

См.: Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. канд. ист. наук В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 90, 92—93.

46

РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

47

Цит. по: Чуйков В. И. Миссия в Китае. – М.: Воениздат, 1983. С. 33.

Цит. по: Хетагуров Г. И. Исполнение долга. —М., 1977. С. 27.

49

Цит. по: Чуйков В. И. Миссия в Китае. – М.: Воениздат, 1983. С. 35.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 161—162.

51

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 138—139.

52

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 10 – е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 152.

53

См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза 1917—1968. – М., 1969. С. 265.

54

См.: История второй мировой войны 1939—1945: В 12-ти т. – М., 1973. Т. 1. С. 258.

55

См.: История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 212.

См.: История военной стратегии России. С. 213.

См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. – М., 1969. С. 202.

См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. – М., 1978. С. 195.

59

См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. – М., 1978. С. 170.

Цит. по: Ворошилов К. Е. Оборона СССР. – М., 1937. С. 626.

61

См.: Война и революция. – М., 1931. Кн. 12. С. 45.

Цит. по: Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1984. С. 65.

63

См.: Какурин Н. Е. Характер и метод нашей военно-научной работы / Военный вестник. 1922. № 3. С. 5.

Цит. по: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. – М., 1964. Т. 2. С. 248.

65

Цит. по: Временный Полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). – М., 1937. С. 9.

См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). – М., 1965. С. 377—378.

67

Цит. по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). – М., 1965. С. 378.

Цит. по: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 217.

69

См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). С. 375.

70

Ф. 32871. Оп. 1. Д. 11. л. 144.

71

Цит. по: Временный Полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). С. 16.

72

РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 507. Л. 167—168.

73

РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3165. Л. 109.

Цит. по: Полководцы и военачальники Великой Отечественной – М.: Молодая гвардия, 1971. С. 260.

75

РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1519. Л. 4 – 7.

РГВА. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

77

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 141.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 143.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 143.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 144.

81

РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 15. Л. 12.

82

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 72. Л. 402—428; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 174. Л. 1 – 31.

83

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 6. Л. 240—250.

Цит. по: Известия. 1992. 9 мая.

85

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 13.

РГВА. Ф. 7. Оп. 3. Д. 9. Л. 287.

87

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 187.

88

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 15.

89

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 14.

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 14.

91

См.: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 14.

См.: Мороз В. Из когорты титанов. К 110-летию со дня рождения К. К. Рокоссовского / Красная звезда. 2006. 21 декабря.

93

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 14.

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1989. ‡ 8. С. 67; Расправа. Прокурорские судьбы. – М.: Юрид. лит., 1990. С. 86, 181.

95

См.: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937—1938. – М., 1998. С. 167.

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 15.

Цит. по: Филимонов А. В. «Особая папка» на комдива К. К. Рокоссовского. Малоизвестные страницы жизни Маршала Советского Союза / Военно-исторический журнал. 2006. ‡ 9. С. 15.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 26.

99

Цит. по: Свердлов Ф. Д. Неизвестное о советских полководцах. – М., 1995. С 6.

100

Цит. по: Белов М. И. Маршалы Победы. —М., 1995. С. 115.

101

См.: Ориентир. 1988. ‡ 20. С. 44.

102

См.: по: Островский А. Палачи или жертвы? / Советский воин. 1990. ‡ 4. С. 79.

103

Цит. по: Константинов К. Рокоссовский. Победа НЕ любой ценой. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 45.

104

См.: Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие. – М… 2003. С. 224; Маршал Жуков. Каким мы его помним. – М., 1989. С. 172, 210; Пономарев А. Н. Дружба маршалов выше обид: Г. К. Жуков – К. К. Рокоссовский. – Три маршала Победы. – М., 1999. С. 285.

105

См.: Три маршала Победы. – М., 1999. С. 256, 300.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. —М.: Голос, 2000. С. 24.

107

См. подробнее: Известия ЦК КПСС. 1990. ‡ 1. С. 193—208.

Цит. по: Правда. 1940. 29 июня.

109

См.: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. С. 150—151.

110

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 25.

111

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 33.

112

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 27—28.

113

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 283.

114

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 284.

115

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Голос, 2000. С. 32—33.

116

См. подробнее: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. – Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). – М.: «ТЕРРА», 1993.

117

См.: История Отечественной артиллерии. – М.;Л.: 1964. Т. 3. кн. 8. С. 368.

118

См.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: «Голос», 2000. С. 44—45.

119

Цит. по: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: «Голос», 2000. С. 46.

120

ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 1. Л. 48.

121

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 59—60.

122

См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. – М.: Воениздат, 1978. С. 240.

123

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 62.

124

См.: Начальный период Великой Отечественной войны. Выводы и уроки. – М.: Изд. ВАГШ, 1989. С. 39—40; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. – М., 1961. С. 111.

125

См.: Начальный период Великой Отечественной войны. Выводы и уроки. С. 39.

126

См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. – М.: Академический Проект, 2006. С. 194.

127

См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. – М.: Академический Проект, 2006. С. 194.

См.: Военно-исторический журнал. 1992. ‡ 2. С. 18—22.

129

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 335—336.

130

Цит. по: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил-Воин, 1995. С. 64.

131

См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. – М., 1987. С. 42—46.

132

См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. – М.: Издательство «Библиотека», «Мосгорархив», 1995. С. 77.

133

См.: Военно-исторический журнал. 1992. ‡ 2. С. 37.

134

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 364.

135

РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 26.

136

См.: Сталин И. В. «Современная армия – армия наступательная». Выступления И. В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. Печенкин А. А. / Исторический архив. 1995. ‡ 2. С. 23—31.

137

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992 ‡ 2. С. 39.

138

См.: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию / Военно-исторический журнал. 1996. ‡ 2. С. 2 – 15; ‡ 3. С. 4 – 17; ‡ 4. С. 2 – 17; ‡ 5. С. 2 – 15; ‡ 6. С. 2 – 7.

139

См.: Военно-исторический журнал. 1992. ‡ 2. С. 17—22. (Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 года).

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1992. ‡ 2. С. 17—19.

141

Цит. по: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 61—62.

142

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 30.

143

См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. – М.: Воениздат, 1968. С. 250.

144

Цит. по: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил – Воин, 1995. С. 97.

145

Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил – Воин, 1995. С. 97.

Цит. по: Известия. 2001. 22 июня.

147

См.: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил – Воин, 1995. С. 98.

148

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 32.

149

См.: Дни войны в документах. / Военно-исторический журнал. 1989. ‡ 5. С. 43.

150

См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. – М.: Издательство «Библиотека», «Мосгорархив», 1995. С. 94.

151

См.: Конец глобальной лжи. // Военно-исторический журнал. 1996. ‡ 4. С. 3 – 17.

152

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 370—371.

153

См.: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил – Воин, 1995. С. 115.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 54.

155

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 55.

156

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 38?39.

157

Цит. по: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971. С. 89.

158

Цит. по: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года.. С. 135.

159

Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 189—191.

См.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Голос, 2000. С. 113.

161

Цит. по: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971. С. 118.

162

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 34.

163

См.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971. С. 126.

Цит. по: Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 126.

165

Цит. по: Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. С. 85—86.

166

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. 5-е изд. – М.: Воениздат, 1988. С. 49.

167

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 23—24.

168

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 24.

169

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 25.

170

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 27.

171

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 28.

172

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 29—30.

173

См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. – М.: Издательство «Библиотека». «Мосгорархив», 1995. Книга первая «Суровые испытания». С. 122.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 43.

175

Цит. по: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С.287—288.

176

Цит. по: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С.288.

177

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. – М.: Воениздат, 1957. С. 129?130.

178

Цит. по: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. – М.: Воениздат, 1957. С. 134.

179

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 34—35.

180

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С.289.

181

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

182

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 56, 57.

183

См.: Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах / Евгений Дриг. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С.292.

184

Цит. по: Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 28.

185

Цит. по: Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. —М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 28.

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 24.

187

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 48.

188

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 65.

189

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 71.

190

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 75.

191

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 77—78.

192

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). 1996. С. 82.

193

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 84.

194

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 85.

195

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 59.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 59—60.

197

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 63.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 65.

199

Цит. по: Кудреватых Л. Зрелость таланта. Константин Константинович Рокоссовский // Люди бессмертного подвига. Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза. / Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1975. Книга 2. С. 277.

200

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 68.

201

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 168.

202

См.: Гот Г. Танковые операции. Пер. с нем. – М., 1961. С. 118.

203

Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941?1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 101.

204

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23(12 – 1). С. 101.

205

См.: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 197.

206

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 98, 106?107.

207

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000, 1988. С. 63—64.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 71.

209

Цит. по: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В четырех книгах. Книга первая. «Суровые испытания». – М.: Издательство «Библиотека». Мосгорархив, 1995. С. 421—422.

210

Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941?1945. / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 116.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 73.

213

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 73—74.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 76—77.

215

См.: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 271—272.

216

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 187.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

219

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 171.

См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В четырех книгах. Книга первая. «Суровые испытания». – М.: Издательство «Библиотека». Мосгорархив, 1995. С. 143.

221

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 272.

См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая «Суровые испытания». – М.: Издательство «Библиотека». Мосгорархив, 1995. С. 151.

223

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 516.

224

Цит по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). С. 180.

225

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 78.

226

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 210—211, 215—216.

227

См.: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 165—166.

228

Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941?1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 170.

229

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. – / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 324.

Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 197.

231

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 10—12.

232

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск, «Русич», 2003. С. 303.

233

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 —1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 17.

См.: История второй мировой войны 1939—1945. – М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 92.

235

См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. – М.: Воениздат, 1975. С. 93.

236

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 73—74.

237

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 220.

238

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 222.

239

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 191.

240

Цит по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 227.

241

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 94.

Цит. по: Лопуховский Л. Вяземская катастрофа 41-го года. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 309.

243

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 40.

См.: Военно-исторический журнал. 1991. ‡ 11. С. 21—22.

245

См.: Невзоров Б. И. Московская битва: феномен второй мировой. – М.: «СмДиПресс», 2001. С. 60—61.

Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 237—238.

247

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 204—205.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. 1980. С. 205.

249

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09. 1942. – / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. С. 377.

250

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 23.

251

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 40—41.

252

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 24—25.

См.: Известия ЦК КПСС. 1990. ‡ 12. С. 214.

Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 243—244.

255

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 103.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 93—94.

257

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 94—95.

См.: Из истории Великой Отечественной войны./ Известия ЦК КПСС. 1990.‡ 12. С. 217.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 111—112.

См.: Известия ЦК КПСС. 1991. ‡ 4. С. 210.

262

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. —М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 213.

263

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 99.

264

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 265.

265

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 100.

266

Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945. / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 209.

267

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 41.

268

Цит. по: Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. – Ростов-на-Дону, 1999. С. 99.

269

Цит. по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Пер. с нем. – М., 1980. С 51.

Цит. по: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. – М.: Мосгорархив, 1994. С. 34—36.

271

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 63—64.

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 220.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 50.

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 218.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 47—48.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 104.

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 60.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 51—52.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 147—148.

280

См.: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. – М.: Мосгорархив, 1994. С. 59—60.

281

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 53.

282

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 74.

283

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 76.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 112.

285

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. —М.: Голос, 2000. С. 113.

Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 695.

287

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09. 1942. – / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. С. 411.

288

Цит. по: Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. – М.: Мосгорархив, 1994. С. 49—50.

289

См.: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 745—746.

290

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 134.

291

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 118?119, 120.

292

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 234.

293

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 235.

294

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 122?123.

295

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 157.

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск: «Русич», 2003. С. 351.

297

Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945. / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 262.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 160.

299

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 160.

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 2. С. 247.

301

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 167.

302

См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. – М.: Воениздат, 1975. С. 283—284.

303

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 212, 220.

304

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 59.

305

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 204.

306

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 205.

307

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09. 1942. – / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. С. 445.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. —М.: Голос, 2000. С. 136.

309

См.: «Совершенно секретно! Только для командования»». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967. С. 342—343.

310

См.: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941?1945.. / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 286.

311

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 213.

312

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 240?241.

313

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 137.

314

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 215.

315

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 193.

316

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 195.

317

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 219.

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 431.

319

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 432.

320

Цит. по: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. – М., 1964. С. 304.

321

См.: Невзоров Б. И. Московская битва: феномен второй мировой. – М.: «СмДиПресс», 2001. С. 131.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 276.

323

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 252.

324

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 33—35.

325

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 32.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 230.

327

См.: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 406.

328

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 357—358.

329

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. 359.

330

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09. 1942. – / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 510 —511.

331

Цит. по: Шапошников Б. М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 612?613.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. —М.: Голос, 2000. С. 167.

333

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 369.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 374.

335

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 283.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 283.

337

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 98—99.

338

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 296—297.

339

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 302—303.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 375—376.

341

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 381.

342

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4 – 1). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 382—383.

343

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 168.

См.: Красная звезда. 1996. 21 декабря.

Цит. по: Комсомольская правда. 2005. 26 апреля.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

347

См.: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 336.

Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 336—337.

349

См.: Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…». – М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 254—255.

350

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 13—14.

351

Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. – М., 1957. С. 127.

352

Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. – М.: Наука, 1973. Т. 2. С 312.

353

См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. – М., 1989. Т. 1. С. 206; История второй мировой войны 1939—1945. – М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

354

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: «ТЕРРА», 1996. С. 15.

355

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. – 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 276.

356

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. – 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 277.

357

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: «ТЕРРА», 1996. С. 15.

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. С. 240.

359

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 308.

Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 199.

361

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. С. 278.

362

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1988. ‡ 8. С. 73—75.

363

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 176—177.

364

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. Издание 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Воениздат, 1974. С. 141.

365

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. Издание 3-е, исправленное и дополненное. —М.: Воениздат, 1974. С. 147.

366

Цит. по: Антипенко Н.А. На главном направлении. – М., 1971. С. 191.

367

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 403.

Цит. по: Сульянов А. К. Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие. – Мн.: Харвест, 2002. С. 393.

369

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 235—236.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 276—277.

371

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1942 год. Т. 23(12-2). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 351.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 193.

373

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 549—550.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 434—435.

375

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 552—553.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 436.

377

Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. С. 253.

Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю. В. Рубцов. – М.: Вече, 2007. С. 233—234.

379

См.: Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. С. 380—386.

380

Цит. по: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 65.

381

См.: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 84.

382

См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М., 1966. С. 188.

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1971. ‡ 9. С. 18.

Цит. по: Сульянов А. К. Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие. – Мн.: Харвест, 2002. С. 378.

385

Цит. по: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 361.

386

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 451—452.

387

См.: Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса; Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. С. 380—386.

388

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. – 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 341—342.

389

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. / Пер. с нем. – Смоленск: 2003. С. 380.

390

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. / Пер. с нем. – Смоленск: 2003. С. 381.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

392

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 465.

393

Цит. по: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 202.

394

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 467.

395

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 568—569.

396

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. С. 475.

397

См.: Казаков В. И. На переломе. – М.: Воениздат, 1962. С. 147, 148.

См.: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 91.

399

Цит. по: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 319—320.

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. —М.: Воениздат, 1963. С. 304—305.

401

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 209.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 209.

403

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 211.

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. С. 309.

405

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. С. 308—309.

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. С. 310—311.

407

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 301—302.

Цит. по: Воронов Н. Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. С. 319.

409

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 270—271.

410

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 270—271.

411

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 309.

412

См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. 5-е изд. – М.: Воениздат, 1988. С. 184.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

Цит. по: Кузнецов А. А. Энциклопедия русских наград. – М.: Голос-пресс, 2002. С. 375.

415

Цит. по: Чуев Ф. И. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. – М., 1998. С. 340.

416

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 61.

417

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 73—74.

418

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 280—283.

419

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 283—284.

420

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 290—291.

421

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 291.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 287.

423

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 243.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 408—410.

425

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 246.

426

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 90.

427

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 293—294.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 293—295.

429

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 93.

430

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 296—298.

431

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 387—389.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. —М.: Голос, 2000. С. 247.

433

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 301—304.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. С. 313.

435

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. / Пер. с нем. – Смоленск: 2003. С. 502.

Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. – М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410—413.

437

Цит. по: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой отечественной войны. Т. 3, январь – декабрь 1943 г. – М.: Воениздa, 1969. С. 351—353.

438

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 149?150.

439

Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: 2002. С. 301.

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3 С. 23.

441

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 253?254.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 254.

443

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 15.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 299—300.

445

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4 – 3). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 301.

446

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 125—126.

447

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. – М.: Воениздат, 1948. С. 110—113.

См.: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 111.

449

См.: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 116.

450

Цит. по: Андроников Н. Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге. / Военно-исторический журнал. 1993. ‡ 8. С. 6 – 7.

451

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 528.

452

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 34?35.

453

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 533.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 371.

455

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 — 4). С. 8.

456

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 – 4). С. 8.

457

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 – 4). С. 8.

458

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 – 4). С. 8.

459

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 267.

См.: Военно-исторический журнал. 1991. ‡ 10. С. 27.

461

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 46.

462

Цит. по: Конев И. С. Записки командующего фронтом. – М.: «Голос», 2000. С. 108—109.

463

Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 309—310.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 267.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 274—275.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 278?279.

467

Цит. по: Руденко С. И. Крылья Победы. 2-е изд., доп. —М.: Международные отношения, 1985. С. 166.

468

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта – 23 августа 1943 года. Т. 15 (4 – 4). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 157.

469

См.: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 129—130.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 333—334.

471

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Голос, 2000. С. 290.

472

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 166.

473

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 — 4). С. 9.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 280—281.

475

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 166?167.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 540.

477

Цит. по: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 151—152.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. С. 285.

479

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4 – 4). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 64.

480

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 65.

481

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 277.

482

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 185—186.

483

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 186.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. С.286.

485

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 542.

Цит. по: Курская битва. Хроника, факты, люди. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 2. С. 335.

487

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск: «Русич», 2003.С. 431.

488

Цит. по: Меллентин Ф. В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. Пер. с нем. / М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Издательство «Полигон», 2003. С. 284—285.

489

См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М.: Воениздат, 1993. С. 188, 190, 370.

490

См.: История второй мировой войны 1939?1945. Т. 7. С. 178.

491

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). —М.: ТЕРРА, 1999. С. 16.

См.: Дайнес В. О. Жуков. – М.: Молодая гвардия, 2005. С. 369.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 289.

494

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 77.

495

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15 (4-4) – М.: ТЕРРА, 1997. С. 207.

496

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). —М.: ТЕРРА, 1999. С. 305—306.

497

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 193.

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Голос, 2000. С. 300—301.

499

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 561. / Пер. с нем. – Смоленск: «Русич», 2003.

500

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 564—565. / Пер. с нем. – Смоленск: «Русич», 2003.

501

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5 – 3). С. 201.

502

Цит. по: Шарипов А. А. Черняховский. С. 152. Изд. 2-е. – М.: Молодая гвардия, 1980.

503

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 287.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 286—287.

505

Цит. по: Пухов Н. П. Годы испытаний. – М.: Воениздат, 1959. С. 43.

506

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 578. / Пер. с нем. – Смоленск: «Русич», 2003.

507

Цит. по: Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 323.

508

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). С. 207.

509

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). С. 208.

510

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). С. 313—314.

511

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). С. 209.

512

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). С. 210.

513

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 288.

514

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 213—214.

515

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 314.

516

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5 – 3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 244.

517

Цит. по: Сульянов А. К. Маршал жуков. Слава, забвение, бессмертие. – Мн.: Харвест, 2002. С. 413.

518

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5-3). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 247—248.

519

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 28.

520

Цит. по: Горбатов А. В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 254.

521

Цит. по: Горбатов А. В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 255.

522

Цит. по: Горбатов А. В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 261.

523

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 74.

См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1953. С. 145—146.

525

См.: История второй мировой войны 1939—1945. – М., Воениздат, 1978. Т. 9. С. 41. 47.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 310.

527

Цит. по: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1981. С. 298—299.

528

Цит. по: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1981. С. 303.

529

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М., Наука, 1999, С. 58.

530

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. Т. 3. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 131—132.

531

См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. – М., 1989. С. 463.

532

Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 395.

533

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 94.

534

См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. – М.: Воениздат, 1978. С. 47.

535

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 88.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 230.

537

Цит. по: Горбатов А. В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 268.

538

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Воениздат, 1974. С. 403—404.

539

См.: Надысев Г. С. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. С. 180.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 366.

541

См.: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. – Жуковский; Кучково поле, 2001. С. 267.

Jeske H. Partisanen gegen die Eisebahn // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1953. Hf. 10. S. 475.

543

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Голос, 2000. С. 395.

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. Т. 3. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 141.

545

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 63.

546

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 371.

547

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 372.

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 64.

549

Цит. по: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. – М., 1976. Т. 1. С. 237.

550

Цит. по: Типпельскирх. К. История второй мировой войны. – М.: Иностранная литература, 1956. С. 447.

551

См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг. – М., 1956. Вып. 4. С. 90—92, 106—110, 126—128.

552

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 112.

553

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск: «Русич», 2003. С. 483—484.

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 154.

555

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 113.

556

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944—1945. Т. 16 (5 – 4). С. 111.

557

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 111.

558

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 118.

559

Цит. по: Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. С. 610.

См.: Русский архив. 1994. ‡ 14. С. 205—206.

Цит. по: Русский архив. 1994. ‡ 14. С. 167.

562

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 122—123.

563

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 338.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 339?340.

См.: Русский архив. 1994. ‡ 14. С. 210—211.

566

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 73.

См.: Русский архив. 1994. ‡ 14. С. 218—219.

568

См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 295—296.

569

См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 296—297.

570

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 76.

571

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск, «Русич», 2003. С. 483.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 296, 486.

Цит. по: Полководцы и военачальники Великой Отечественной – М.: Молодая гвардия, 1971. С. 280.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 137.

Цит. по: Калашник М. Х. Испытание огнем / Лит. ред. Н. Бакаева. 3-е изд. – М.: Мысль, 1985. С. 305.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 350.

577

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 352.

См.: Назаревич Р. Варшавское восстание: 1944 год / Пер. с польск. – М., 1989. С. 193.

См.: Руденко С. И. Крылья Победы. 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 1985. С. 249.

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 76.

581

Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 173.

582

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 20.

583

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 20.

584

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 20.

585

Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с немецкого. – Смоленск: «Русич», 2003. С. 522—523.

586

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 21.

587

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 21.

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 356—357.

589

См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 403.

590

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 363.

591

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 176—177.

592

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 311—316.

593

Подробнее см.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. – М.: Воениздат, 1948. С. 48—56.

594

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 310—311.

595

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 184.

См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. – М., 1984. Т. 2. С. 269.

597

См.: Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. – М., 1955. Т. 6. С. 268—269.

Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. – М., 1984. Т. 2. С. 284.

599

Цит. по: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. – М., 1958. Т. 1. С. 298.

600

См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. – М., 1958. Т. 1. С. 299.

601

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 193.

602

См.: Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. – М.: Воениздат, 1961. С. 223.

603

См.: Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. —М.: Воениздат, 1961. С. 227.

604

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 198.

605

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 198—199.

606

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 329—330.

607

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 205.

608

См.: Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-померанская наступательная операция советских войск. Февраль-март 1945 г. Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1960. С. 98.

609

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 393.

610

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 206.

611

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 206.

612

Цит. по: Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. – М.: Воениздат, 1961. С. 236.

613

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. – М.: Воениздат, 1948. С. 81—82.

614

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Голос, 2000. С. 461.

615

См.: Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-померанская наступательная операция советских войск. Февраль-март 1945 г. Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1960. С. 224.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 305.

617

Подробнее см.: Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-померанская наступательная операция советских войск. Февраль-март 1945 г. Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1960.

618

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 269.

619

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4?5). – М.: Терра, 1995. С. 259—260.

620

См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. – М.: Наука, 1999. С. 270.

621

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 220.

622

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 411.

623

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 225—226.

624

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 225—226.

625

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). – М.: Терра, 1995.

Цит. по: Военная мысль. 1985. ‡ 10. С. 55.

627

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. – М.: Воениздат, 1948. С. 57—64.

628

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 229.

629

Цит. по: Батов П. И. В походах и боях. – М.: Голос, 2000. С. 485.

630

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4?5). С. 220.

631

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 421?422.

632

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 422?423.

633

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 232.

634

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). – М.: Терра, 1995. С. 175.

635

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). – М.: Терра, 1995. С. 176.

636

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5-4). – М.: ТЕРРА, 1999. С. 234 – 235

637

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4?5). – М.: Терра, 1995. С. 20.

638

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). —М.: Терра, 1995. С. 180.

639

Цит. по: Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. – М.: Новости, 1992. С. 957.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 307.

641

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 487.

642

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). —М.: Терра, 1995. С. 352.

643

Цит. по: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. С. 435.

Цит. по: Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная… – М.: ООО «Дельта НБ», 2004. С. 567.

645

Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978. С. 543.

АРШАЛ ДВУХ НАРОДОВ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4 – 5). – М.: Терра, 1995. С. 423.

См.: Армия Советская. – М., 1969. С. 893.

648

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. – М., 1993. С. 149.

649

См.: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 456—462.

Цит. по: Данилов. В. Донос. Секретные документы заговора против Маршала Советского Союза Георгия Жукова. / Совершенно секретно 1993. ‡ 2.

Woff R. Rokossovsky. – Stalin's generals. Ed. by H. Shukman. – London – New York, 1993. P. 195.

652

См.: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П.. Носкова А. Ф.. Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа Становление политических режимов советского типа (1949—1953): очерки истории. – М., 2002. С. 487.

Цит. по: Русский Newsweek. 2005. № 16(46). 1 – 15 мая.

Woff R. Rokossovsky. – Stalin's generals. Ed. by H. Shukman. – London – New York, 1993. P. 195.

655

Цит. по: Свердлов Ф. Д. Неизвестное о советских полководцах. – М., 1995. С. 24.

Цит. по: Конецки Т., Рушкевич И. Маршал двух народов. – Варшава, 1980. С. 159.

657

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 434—435.

658

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 436.

659

См.: Коммерсантъ. 2006. 28 июня.

Khrushchev Remembers. The Last Testament. Little, Brown and Company. – Boston, 1974. P. 203.

661

См.: СССР и Польша: октябрь 1956-го. / Исторический архив. 1996. ‡ 5 – 6. С. 182.

662

См.: СССР и Польша: октябрь 1956-го. / Исторический архив. 1996. ‡ 5 – 6. С. 185—186.

663

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 436—437.

См.: Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. – М., 1984. С. 125; Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. —М.: Молодая гвардия, 1984. С. 436.

См.: Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. – М., 1984.

См.: 50 лет Советских Вооруженных Сил. – М.: Воениздат, 1968. С. 501.

667

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 438.

Цит. по: Известия. 1990. 30 апреля.

Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 439.»